ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА—ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

Издание второе

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1961

К. МАРКС

И

Ф. ЭНГЕЛЬС

ТОМ

19

ПРЕДИСЛОВИЕ

Девятнадцатый том Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса содержит произведения, написанные с марта 1875 по май 1883 года.

Период всемирной истории, наступивший после поражения Парижской Коммуны, был охарактеризован В. И. Лениным как «эпоха полного господства и упадка буржуазии, эпоха перехода от прогрессивной буржуазии к реакционному и реакционнейшему финансовому капиталу. Это — эпоха подготовки и медленного собирания сил новым классом, современной демократией» (В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 21, стр. 126). Маркс и Энгельс, как подчеркивал Ленин, правильно учли момент, правильно «поняли международную ситуацию, поняли задачи *медленного* подхода к началу социальной революции» (В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 24, стр. 64).

После прекращения деятельности I Интернационала, выполнившего свою великую роль по сплочению пролетарских сил на международной арене, основоположники марксизма первоочередной исторической задачей считали создание массовых социалистических рабочих партий в отдельных странах. В борьбе за формирование и укрепление первых пролетарских партий в Европе и в Америке главной опорой Маркса и Энгельса стали деятели Союза коммунистов и I Интернационала. Находясь в центре борьбы международного пролетариата, Маркс и Энгельс постоянно обобщали и пропагандировали опыт этой борьбы, извлекали конкретные уроки из всех выдающихся движений, выделяя все наиболее существенное и актуальное. Они помогали рабочим социалистам каждой страны правильно определить линию своего поведения, вести самостоятельную, отвечающую классовым интересам пролетариата, политику, учитывая конкретные особенности национального развития.

Велика и многогранна научно-теоретическая работа Маркса в рассматриваемый период. Он интенсивнейшим образом

продолжает свои исследования для второго и третьего томов «Капитала», изучая все новейшие явления в мировой капиталистической экономике, анализируя огромную массу русских источников по аграрному вопросу, богатые материалы о бурно развивающемся капитализме в США, читая множество специальных работ о денежном рынке и банках. Предметом его систематических занятий являются также агрохимия, геология, физиология, физика и в особенности математика. Много времени он отдает изучению истории всех стран и народов.

Вместе с тем Маркс не прекращает работы над первым томом «Капитала» — в связи с переизданиями и популярными изложениями его содержания, предпринимавшимися в разных странах представителями социалистических партий. Он выполняет ряд работ, связанных с необходимостью дать обоснованные ответы на теоретические и политические запросы развивающегося рабочего движения, поддержать в критический момент ту или иную из социалистических партий в ее борьбе с классовыми противниками и с оппортунистами внутри партии.

Большие исследования ведет в эти же годы и Энгельс. Он продолжает начатую в 1873 г. работу над своим важнейшим теоретическим трудом — «Диалектикой природы». В ней он с диалектико-материалистических позиций обобщил достижения естественных наук, подверг критике идеалистические, вульгарно-материалистические и метафизические воззрения буржуазных ученых. В 1876—1878 гг. Энгельс создает при поддержке и участии Маркса свое замечательное произведение «Анти-Дюринг» (см. настоящее издание, т. 20). С присущим ему талантом Энгельс систематически излагает здесь все три составные части марксизма — диалектический и исторический материализм, марксистскую политическую экономию и научный коммунизм. Чрезвычайно плодотворно трудился Энгельс в области истории Германии и других европейских государств. Исключительно велик его вклад в разработку основ стратегии и тактики пролетарских партий, нашедшую свое отражение главным образом в письмах лидерам социалистических партий Европы и Америки. Много времени и внимания уделяет он популяризации идей научного коммунизма.

Том открывается двумя работами основоположников научного коммунизма, имеющими огромное принципиальное значение для революционной теории и практики всего международного коммунистического движения. Это знаменитая «Критика Готской программы» Маркса и письмо Энгельса Бебелю от 18—28 марта 1875 г. по поводу Готской программы германской социал-демократической партии. Основные идеи этих про-

граммных работ, значение которых было глубоко разъяснено В. И. Лениным в ряде его трудов, приобретают особое актуальное значение в переживаемый исторический период, когда Советский Союз вступил в полосу развернутого строительства коммунизма, а другие страны социалистического лагеря успешно строят социалистическое общество. Из этих произведений Маркса и Энгельса Коммунистическая партия Советского Союза, коммунистические и рабочие партии других стран продолжают черпать богатый идейный материал для своего теоретического вооружения и практической деятельности.

В «Критике Готской программы» (написанной в 1875 г. в виде «Замечаний к программе германской рабочей партии») Маркс формулирует целый ряд идей по коренным вопросам теории научного коммунизма: о социалистической революции, диктатуре пролетариата, о переходном периоде от капитализма к коммунизму, двух фазах коммунистического общества, о производстве и распределении общественного продукта при социализме и основных чертах полного коммунизма, о пролетарском интернационализме и партии рабочего класса.

В этом классическом произведении делается новый шаг в развитии учения марксизма о государстве, о диктатуре пролетариата по сравнению с «Манифестом Коммунистической партии», «Восемнадцатым брюмера Луи Бонапарта», «Гражданской войной во Франции». Подводя итог своему учению о государстве, основанному на опыте всех революций, на опыте всей борьбы пролетариата, Маркс устанавливает важнейшее положение о том, что исторически неизбежна особая стадия перехода от капитализма к коммунизму с соответствующей формой государства. «Между капиталистическим и коммунистическим обществом, — пишет Маркс, — лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата»* (см. настоящий том, стр. 27).

Как и Энгельс, Маркс считал, что государство при коммунизме должно отмирать. Говоря о «государственности коммунистического общества», Маркс имел в виду отмирающую государственность, т. е. вопрос о том, «какие общественные функции останутся тогда, аналогичные теперешним государственным функциям?» (см. настоящий том, стр. 27). В. И. Ленин в своем труде «Государство и революция», разбирая выдвинутое Марксом положение о «государственности коммунистического общества», подчеркивал, что для марксистов оно означает длительность процесса будущего отмирания государства,

его зависимость от быстроты развития высшей фазы коммунизма. Вопрос о сроках и конкретных формах отмирания «государственности коммунистического общества» Маркс и Энгельс оставляли открытым, ибо материала для решения этих вопросов тогда еще не было.

В своих работах о государстве В. И. Ленин на основе нового исторического опыта в эпоху империализма и победы пролетарской революции в СССР развил дальше учение марксизма о государстве, о переходном периоде от капитализма к социализму, о путях развития коммунистического общества. Коммунистическая партия Советского Союза, коммунистические и рабочие партии стран народной демократии продолжают творчески развивать идейное достояние марксизма-ленинизма по вопросу о государстве рабочего класса, его задачах и функциях на основных этапах строительства социализма и коммунизма.

В «Критике Готской программы» Маркс дает основанное на научном анализе определение основных черт коммунистического общества — на начальной ступени (первая или низшая фаза, социализм) и на ступени его полного развития (высшая фаза, коммунизм). Положение о двух фазах коммунистической общественной формации было гениальным предвидением Маркса.

Опираясь на разработанную им теорию воспроизводства, Маркс дает в «Критике Готской программы» научный анализ существенных особенностей производства и распределения при социализме. Он опровергает лассалевскую «идею» о получении рабочими при социализме «неурезанного» или полного продукта труда. Маркс указывает, что экономическая необходимость заставляет из совокупного общественного продукта вычесть то, что идет в общественный фонд, — на возмещение потребленных средств производства, на расширение производства, в резервный или страховой фонд и т. д.

Маркс показывает преимущества социализма, основанного на общем владении средствами производства, организованного на началах коллективизма, по сравнению с капитализмом. В условиях социализма, подчеркивает он, осуществляется равенство людей в смысле их одинакового отношения к средствам производства: ликвидированы частная собственность на средства производства и эксплуатация человека человеком, за равный труд люди получают равную оплату. Маркс разоблачает характерные для вульгарной политической экономии и мелкобуржуазного социализма представления о том, будто при социализме будет осуществлен уравнительный принцип распределения общественного продукта. Критикуя указанные представления, Маркс исходит из своего анализа общественного

производства, рассматривая распределение как следствие основных условий и закономерностей общественного производства при социализме.

Маркс указывает на то, что социализм выходит из капиталистического общества и поэтому он еще несет на себе во всех отношениях, в экономическом, нравственном, умственном, «родимые пятна» старого общества, из недр которого он вышел, претерпев все муки появления на свет. Маркс поэтому учитывает неизбежное неравенство людей при социализме, когда еще не может быть устранено распределение общественного продукта по количеству затраченного каждым членом общества труда, а не по потребностям людей. «За равное количество труда — равное количество продукта» — таков социалистический принцип, основывающийся на достигнутом уровне экономического развития, а также на том, что люди еще не научились работать на общество без всяких норм права.

Далее Маркс дает гениальную характеристику коммунистического общества. «На высшей фазе коммунистического общества, — пишет он, — после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!» (см. настоящий том, стр. 20).

«Критика Готской программы», непосредственно обращенная к германской рабочей партии, на деле представляла собой великую программу борьбы для всего международного рабочего движения. «Великое значение разъяснений Маркса, — писал В. И. Ленин о «Критике Готской программы», — состоит в том, что он последовательно применяет и здесь материалистическую диалектику, учение о развитии, рассматривая коммунизм как нечто развивающееся *из* капитализма. Вместо схоластически-выдуманных, «сочиненных» определений и бесплодных споров о словах (что социализм, что коммунизм), Маркс дает анализ того, что можно бы назвать ступенями экономической зрелости коммунизма» (В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 25, стр. 442).

К «Критике Готской программы» непосредственно примыкает письмо Энгельса А. Бебелю от 18—28 марта 1875 г., предназначавшееся для всего руководства Социал-демократической

рабочей партии. Оно выражало общую точку зрения обоих вождей пролетариата на вопрос об объединении существовавших тогда в Германии рабочих организаций (эйзенахцев и лассальянцев) и их протест против сделанных эйзенахцами уступок в теоретических и политических вопросах своим идейным противникам — лассальянцам. Маркс и Энгельс положительно оценили возможность создания единой рабочей партии. Но при этом они предупреждали, что объединение должно произойти на определенной принципиальной основе — при условии отказа лассальянцев от их мелкобуржуазной идеологии и сектантских догм и принятия в основу общей программы объединенной партии принципов научного социализма. Узнав, что это главное условие не было соблюдено, что в погоне за «единством во что бы то ни стало» был составлен насквозь оппортунистический проект программы, Маркс и Энгельс подвергли этот проект суровой критике, обстоятельному научному разбору.

Значительная часть письма Энгельса посвящена критике таких положений проекта программы, как заимствованная у Лассаля фраза о том, что по отношению к рабочему классу все остальные классы, в том числе, следовательно, и крестьянство, будто бы представляют собой «единую реакционную массу», как лассалевский «железный закон заработной платы», исходивший из мальтузианской теории народонаселения. В качестве единственного социального требования программа выдвигала лассалевскую же «государственную помощь» «производительным товариществам», порождая иллюзии, будто пролетариат может добиться своего освобождения не путем классовой борьбы, а с помощью реакционного юнкерски-буржуазного германского государства. Программа, подготовленная к Готскому съезду, совершенно игнорировала такие жизненно важные для успеха пролетарской борьбы вопросы, как международная пролетарская солидарность и способы ее поддержания и развития, как организация профессиональных союзов, их связь с партией рабочего класса, отношение к стачечной борьбе и др.

Энгельс подверг резкой критике противоречивший научному социализму вульгарно-идеалистический тезис о «свободном государстве», идею о якобы надклассовом характере государства. Он подчеркивал в связи с этим мысль о том, что пролетариату, завоевавшему власть, нужно будет использовать созданное им государство, «чтобы насильственно подавить своих противников», что «когда становится возможным говорить о свободе», т. е. когда победит коммунистическое общество, «тогда государство как таковое перестает существовать» (см. настоящий том, стр. 5).

Уже Парижская Коммуна, разбившая буржуазную государственную машину, не была, как утверждал Энгельс, государством в собственном смысле слова, имея в виду то, что подавлять ей приходилось не большинство населения, а меньшинство (эксплуататоров) и поскольку вместо особой силы для подавления выступало все население. Мысли Энгельса по вопросу о государстве, изложенные им в письме к Бебелю, были высоко оценены В. И. Лениным в его работе «Государство и революция» (см. Соч., 4 изд., т. 25, стр. 411—413).

В 70 и 80-х годах Маркс и Энгельс особенно внимательно следили за рабочим движением в Германии, куда после падения Парижской Коммуны переместился центр пролетарского движения. Они систематически помогали социал-демократической партии Германии и в письмах к ее руководителям постоянно давали важные практические советы и указания, обращали их внимание на опасности, грозившие здоровому развитию партии.

Помещенное в томе «Циркулярное письмо» А. Бебелю, В. Либкнехту, В. Бракке и др. является следующим крупным выступлением Маркса и Энгельса, связанным с их борьбой за политически правильную линию германской социал-демократической партии. В нем нашло яркое выражение их непримиримое отношение к оппортунизму.

Быстрый рост рядов германской социал-демократической партии и ее влияние среди рабочих вставали серьезным препятствием на пути юнкерско-буржуазного правительства Германии. Чтобы устранить это препятствие, поддержанный помещиками и буржуазией Бисмарк проводит в конце 1878 г. через рейхстаг исключительный закон против социалистов. Одним ударом всякая легальная деятельность социал-демократической партии насильственно прекращалась и сама она фактически объявлялась вне закона. Руководство партии оказалось неподготовленным к этому удару. Оно растерялось настолько, что само приняло решение о роспуске партийной организации и своего правления, вместо того чтобы сразу перестроиться и перейти на нелегальное положение, приступить к нелегальной борьбе в ответ на исключительный закон. В обстановке правительственных преследований, дезорганизации руководства, не проявившего сразу необходимой стойкости и революционности, быстро усилился оппортунизм. Часть неустойчивых элементов заняла анархистскую позицию. Другая часть, занимавшая видное положение в партии, в особенности в парламентской фракции, выступила с откровенно ликвидаторской платформой, выдвинув своих идеологов в лице Хёхберга, Бернштейна и Шрамма.

В «Циркулярном письме» вожди пролетариата прежде всего раскрывают капитулянтскую суть выступления главарей правого крыла, выпустивших в Цюрихе «Jahrbuch fur Sozialwissenschaft und Sozialpolitik», на страницах которого они выступили с проповедью откровенного оппортунизма. «Вместо решительной политической оппозиции, — писали Маркс и Энгельс, — всеобщее посредничество; вместо борьбы против правительства и буржуазии — попытка уговорить их и привлечь на свою сторону; вместо яростного сопротивления гонениям сверху — смиренная покорность и признание, что кара заслужена» (см. настоящий том, стр. 172). Со всей резкостью пролетарские вожди указывают на недопустимость подобных взглядов и поведения в пролетарской партии. «Если они думают так, как пишут, то должны выйти из партии или по крайней мере отказаться от занимаемых ими постов» (см. настоящий том, стр. 169), — заявляли они, стремясь изолировать оппортунистов от руководства партией.

Выступая против примиренческой позиции социал-демократического руководства, Маркс и Энгельс самым убедительным образом разоблачили классово-политические и идейные основы выявившегося оппортунизма. С необычайной силой и яркостью обоснована в «Циркулярном письме» пролетарская линия партии, партийная позиция Маркса и Энгельса, их революционное кредо. «Что касается нас, — писали они, — то, в соответствии со всем нашим прошлым, перед нами только один путь. В течение почти 40 лет мы выдвигали на первый план классовую борьбу как непосредственную движущую силу истории, и особенно классовую борьбу между буржуазией и пролетариатом как могучий рычаг современного социального переворота; поэтому мы никак не можем идти вместе с людьми, которые эту классовую борьбу стремятся вычеркнуть из движения» (см. настоящий том, стр. 175).

Под влиянием решительных выступлений Маркса и Энгельса оппортунисты отступили. Правильный классовый инстинкт рабочих масс, критика, советы и помощь со стороны вождей международного пролетариата выправили положение в германской партии, сумевшей в период действия исключительного закона, в условиях всяческих преследований, укрепить свои ряды, перестроить партийную организацию, найти верный путь в массы, используя и сочетая легальные и нелегальные формы работы.

Публикуемая в томе статья Энгельса «Карл Маркс» представляет собой популярный очерк жизни, научной и политической деятельности великого основоположника теории науч-

ного коммунизма, вождя международного пролетариата. Статья Энгельса о Марксе способствовала делу пропаганды идей научного социализма среди германских рабочих.

Своей работой о крупном деятеле германского рабочего движения, верном соратнике и друге Вильгельме Вольфе, — работой, содержащей ряд важных обобщений о социально-экономическом развитии Германии, — Энгельс стремился напомнить рабочим и крестьянам Германии о революционных традициях борьбы в 1848—1849 гг., популяризировать славный опыт «Neue Rheinische Zeitung», привлекавшей на сторону рабочего класса эксплуатируемые массы крестьянства.

Делу идейного вооружения молодой германской рабочей партии служила и работа «Прусская водка в германском рейхстаге», принадлежащая перу Энгельса. В условиях только что осуществившегося воссоединения Германии в единое национальное государство, происшедшего не тем путем, к которому стремились Маркс и Энгельс, не снизу, не в результате успешно развивающейся демократической революции, а сверху — «железом и кровью», под гегемонией помещичье-буржуазного, милитаристского прусского государства, — Энгельс считал своим долгом разъяснять немецким рабочим классовый характер и реакционную природу Германской империи и ее правительства, хозяевами которого являлись юнкеры — «водочных дел мастера», биржевики и крупные предприниматели.

Входящие в том статьи Энгельса — «Исключительный закон против социалистов в Германии. — Положение в России» (написана для итальянского социалистического органа «La Plebe»), «Бисмарк и германская рабочая партия» (напечатана в английской «The Labour Standard») — показывают стремление великого пролетарского вождя разоблачить перед рабочими истинную суть буржуазного государства, ненависть его правителей к защищающей интересы пролетариата партии, пропагандировать успешную борьбу и приобретенный опыт этой партии, обеспечить ей сочувствие и поддержку рабочих других стран.

Стремясь систематически воспитывать немецких рабочих, как и пролетариев во всех странах, в духе приверженности интересам всего международного рабочего движения, Маркс и Энгельс постоянно информировали руководящий состав германской социал-демократической партии о событиях в других странах, сами специально собирали материал и писали статьи о рабочем и социалистическом движении, помещали их в различных партийных изданиях. Энгельс, поддерживавший регулярную связь с итальянскими социалистами, печатает на страницах центрального органа германской социал-демократической

партии, газеты «Vorwarts», статью «В Италии» (см. настоящий том, стр. 100), в которой рассказывает о развитии социалистического движения среди итальянских рабочих, о преодолении влияния анархистов. А перед этим он сообщал итальянским социалистам об успехах германской партии. Публикуемое в томе письмо Энгельса видному деятелю итальянского социалистического движения Э. Биньями о германских выборах 1877 г. было зачитано на съезде рабочей Верхнеитальянской федерации и затем напечатано в газете «Plebe». В январе 1878 г. Энгельс написал для этой газеты статью «Рабочее движение в Германии, Франции, Соединенных Штатах и России».

На страницах центрального органа германской социал-демократической партии (газеты «Der Sozialdemokrat») Энгельс печатает свою работу «Бруно Бауэр и первоначальное христианство», содержащую глубоко научное разрешение проблемы происхождения и сущности христианства с позиций диалектического материализма и пролетарского атеизма.

Относящиеся к 1878 г. работы — «Европейские рабочие в 1877 году» Ф. Энгельса и «История Международного Товарищества Рабочих, сочиненная господином Дж. Хауэллом» К. Маркса — содержат оценку состояния международного рабочего движения, анализ процесса борьбы за создание рабочих партий в Европе и США, пропагандируют традиции I Интернационала.

Указав на основные факты, характеризовавшие рабочее движение целого ряда стран, Энгельс отмечает, что повсюду оно развивается не только успешно, но и быстро и, что особенно важно, в одном и том же направлении. Проявилось стремление рабочих к созданию своих партий. Потерпели провал анархисты с их догмой о необходимости воздержания рабочих от участия в политической борьбе, в выборах в буржуазные парламенты. Находились пути и средства для поддержания связи между рабочими организациями и социалистами различных стран.

Энгельс обстоятельно анализирует положение рабочего класса во Франции, чрезвычайно высоко оценивая его роль в общих судьбах страны, его высокую политическую сознательность, проявившуюся в активной защите республики от покушений на нее монархических сил. Большое значение Энгельс придает началу перемены в политическом настроении французского крестьянства, отказывавшегося от бонапартистских иллюзий и встававшего на защиту республики. Энгельс призывал французских рабочих к быстрейшему созданию своей независимой классовой организации, а французских крестьян — к союзу с рабочими городов.

Яркую характеристику дает Энгельс положению в России после реформы 1861 г., считая, что внутренние и внешние условия, в которых находится страна, «чрезвычайно своеобразны и чреваты событиями величайшего значения для будущего не только русских рабочих, но и рабочих всей Европы». Со свержением самодержавия и победой революции в России Энгельс, как и Маркс, связывал надежды на неизбежность изменения всей общественно-политической обстановки в Европе и призывал рабочих всех стран приветствовать грядущую победу русского народа «как гигантский шаг по пути к их общей цели — всеобщему освобождению труда» (см. настоящий том, стр. 143, 146).

Энгельс подчеркивал тот факт, что партии рабочего класса — там, где они возникали, — в своей деятельности, как правило, следовали великому плану борьбы, начертанному I Интернационалом, исходившему из реальных потребностей пролетарского движения. Этот план, писал Энгельс, «свободно приспосабливается к разнообразным условиям каждой нации... и сохраняет, тем не менее, повсюду свои основные черты, обеспечивая таким образом единство цели и общее соответствие средств, применяемых для достижения общей цели — освобождения рабочего класса самим же рабочим классом» (см. настоящий том, стр. 132).

В своей статье «История Международного Товарищества Рабочих, сочиненная господином Дж. Хауэллом» Маркс указывает прежде всего на оживление и рост рабочего движения в Европе и Америке во второй половине 70-х годов и связанный с этим процесс быстрого оформления самими рабочими социалистических партий. Как очень важный момент Маркс особо отмечал возвращение к активной политической жизни французского рабочего класса после кровопролитного подавления его буржуазией в 1871 г. и жесточайшей реакции, наступившей после этого. Следующий крупный факт — активное участие в международном рабочем движении славян, в особенности в Польше, Чехии и России. Ценной особенностью рабочего движения указанного периода Маркс считает постоянное, действенное, непосредственное общение, обмен опытом и идеями между рабочим классом различных стран, — обмен, подготовленный годами деятельности I Интернационала, научившего пролетариев всех стран понимать необходимость и важность взаимной помощи и солидарности в борьбе.

С точки зрения «островного филистера» Дж. Хауэлла (одного из деятелей английского тред-юнионизма, ренегата пролетарского движения), деятельность Международного Товарищества Рабочих была неудачной и Интернационал будто бы

«изжил себя». Не оставив камня на камне от фальсификаторских утверждений Хауэлла, Маркс пишет в заключение: «Таким образом, Интернационал не изжил себя, а только перешел из первого периода зарождения в более высокий, в котором первоначальные его стремления отчасти стали уже действительностью. В ходе своего поступательного развития он должен будет претерпеть еще много изменений, прежде чем сможет быть написана последняя глава его истории» (см. настоящий том, стр. 156).

Много внимания уделяли Маркс и Энгельс французскому рабочему движению и французским социалистам. И здесь они непосредственно участвуют в выработке программных документов, в определении политической линии создающейся партии. Когда руководители только что образовавшейся французской Рабочей партии явились в 1880 г. в Лондон к Марксу и Энгельсу с просьбой помочь им в составлении программы, то они имели полную возможность самым детальным образом обсудить все вопросы программы, а от Маркса получили предложенную им теоретическую часть (см. настоящий том, стр. 246) или, как выражался Энгельс, «коммунистическое обоснование» программы. Программа французской Рабочей партии была свободна от оппортунистических пороков Готской программы германской социал-демократии, и она сыграла положительную роль в развитии социалистического движения во Франции.

Чтобы оказать содействие делу создания и упрочения марксистской Рабочей партии во Франции, ее идейному отмежеванию от анархизма, мелкобуржуазного социализма и выродившегося в сектантство социализма утопистов, Энгельс создает работу «Развитие социализма от утопии к науке» (1880 г.). В этом замечательном произведении изложены теоретические основы пролетарского мировоззрения, даны главные положения научного социализма. Проследив основные этапы развития философии, Энгельс показал, как было подготовлено создание диалектического и исторического материализма, как благодаря двум великим открытиям Маркса — разработке материалистического понимания истории и созданию теории прибавочной стоимости — социализм стал наукой.

Показав коренную противоположность научного социализма и социализма утопического, отметив историческую роль последнего и его слабости, Энгельс разъясняет, каковы были предпосылки возникновения научного социализма.

В заключительной главе своего труда Энгельс доказывает, что главное противоречие капитализма — противоречие между общественным характером производства и капиталистическим

присвоением — может быть разрешено только в результате пролетарской революции. Вставший у власти пролетариат превращает средства производства в общественную собственность и тем самым дает полную свободу развитию их общественной природы, делает возможным развитие общественного производства по заранее обдуманному плану. Люди овладевают объективными законами общественного развития и сознательно применяют их в интересах общества и всех его членов — совершается скачок из царства необходимости в царство свободы. «Совершить этот освобождающий мир подвиг — таково историческое призвание современного пролетариата», — заявляет Энгельс (см. настоящий том, стр. 230).

«Развитие социализма от утопии к науке» явилось необыкновенно важным вкладом Энгельса в дело распространения марксизма среди рабочих и социалистически настроенной интеллигенции.

К французскому изданию «Развития социализма от утопии к науке» Маркс написал специальное введение. Маркс характеризует в нем Энгельса как одного из «самых выдающихся представителей современного социализма» и сообщает основные факты из его жизни и революционной деятельности. «Развитие социализма от утопии к науке» Маркс называл *введением в научный социализм* (см. настоящий том, стр. 241, 245).

Маркс составляет для французских социалистов публикуемую в томе «Анкету для рабочих» из ста вопросов. Разработанная Марксом сумма вопросов способствовала всестороннему выявлению экономических, физических, интеллектуальных и моральных условий жизни и борьбы городских и сельских рабочих и работниц. Проведение такой «Анкеты» помогло бы точно установить и разоблачить многообразные формы и методы эксплуатации рабочего класса и тем самым дало бы пролетарской партии возможность в своей деятельности по руководству рабочим движением исходить из вполне определенных и точных фактических данных.

В ответ на просьбу редакции газеты «L'Egalite» (орган французской Рабочей партии) поместить на своих страницах работу Маркса «Нищета философии», Маркс дает свое согласие на перепечатку и пишет специальное небольшое введение к этой публикации, указывая в нем, что «Нищета философии» и «Манифест Коммунистической партии» могут «служить введением к изучению *«Капитала»»* (см. настоящий том, стр. 231).

К фактам, свидетельствующим об активном участии основоположников марксизма во французском рабочем движении, относятся также выступления Энгельса в социалистических

органах Франции, в особенности в газете «Egalite», которая пользовалась большой популярностью среди французских рабочих и сыграла значительную роль в распространении идей научного социализма. В газете «Egalite» Энгельс выступил с работой о Германии («Социализм г-на Бисмарка»), в которой срывал маску с Бисмарка, объявлявшего проведенные им исключительно в интересах господствующих классов меры — введение таможенного тарифа, превращение в собственность имперского правительства важнейших железнодорожных линий — «социальными мероприятиями». Это выступление Энгельса, разоблачавшего демагогию Бисмарка, прекрасно служило интересам политического просвещения молодой французской Рабочей партии. Оно было направлено против тех, кто толковал о движении к социализму при сохранении классового господства капиталистов и помещиков.

Борясь с проявлениями правого оппортунизма, как следствия прямого воздействия буржуазии и ее идеологии на рабочий класс, страстно выступая против попыток извращения революционных принципов пролетарского учения, Маркс и Энгельс постоянно реагировали и на другую опасность, существовавшую в международном рабочем движении: сектантство и связанное с ним доктринерство, следование оторванным от жизни, заученным раз и навсегда догмам. Догматизм всегда мешал творческому применению и дальнейшему развитию революционной теории, тормозил успешное развитие рабочего движения. За проявление сектантства и догматизма Маркс и Энгельс больше всего критиковали англо-американских социалистов. Они настойчиво призывали их сблизиться с рабочей массой, рабочим движением, вытравить из своих организаций сектантский дух.

Блестящим примером обращения пролетарского вождя непосредственно к массе рабочих через головы оппортунистически настроенных лидеров служат одиннадцать публикуемых в томе статей Энгельса («Справедливая заработная плата за справедливый рабочий день», «Система наемного труда», «Тред-юнионы», «Партия рабочих» и др.), напечатанных им в органе английских тред-юнионов — газете «Labour Standard».

Статьи чрезвычайно богаты по своему теоретическому содержанию и весьма доступны по форме изложения. Энгельс объясняет английским рабочим недостаточность чисто профессиональной организации, преследующей задачи одной лишь экономической борьбы за повышение заработной платы, за сокращение рабочего дня. Он раскрывает сущность пролетарской политической экономии, созданной Марксом, и доказывает необходимость борьбы за уничтожение капиталистической

системы, за установление власти рабочего класса. Он призывает превратить профессиональные союзы в боевые организации масс, создать наряду с ними и стоящую во главе их самостоятельную политическую организацию рабочего класса — пролетарскую партию.

В статье «Общественные классы — необходимые и излишние» Энгельс обращается к английским рабочим с призывом осознать свою великую историческую миссию и готовиться стать хозяевами созданных ими богатств, самим управлять всем ходом общественного производства материальных благ. «... Экономическое развитие нашего современного общества, — писал он, — все более и более ведет к концентрации, к обобществлению производства в огромных предприятиях, которыми уже не могут более руководить отдельные капиталисты... Но то, чего хозяин сделать не может, то рабочие... с успехом *могут* делать и делают». «Таким образом, — заключает Энгельс, — мы приходим к тому выводу, что не только можем отлично управиться в крупных отраслях промышленности нашей страны без вмешательства класса капиталистов, но что их вмешательство становится все более и более вредным» (см. настоящий том, стр. 299).

В 70—80-е годы Маркс и Энгельс с особым интересом следили за развитием Соединенных Штатов Америки. Маркс обращал особое внимание на необыкновенно быстрый темп экономического развития США, на процесс небывалой концентрации капиталов, на все растущую силу крупных компаний, державших в своих руках промышленность, торговлю, земельную собственность, железные дороги и финансы. На процесс необычайно быстро совершавшейся концентрации капиталов в Соединенных Штатах обращал внимание европейских социалистов также и Энгельс, поместивший на страницах газеты «Sozial-demokrat» специальную статью, посвященную этому вопросу (см. настоящий том, стр. 315).

Колоссальная быстрота, с которой совершался процесс концентрации капиталов, возрастающая «монополизирующая сила» и влияние крупных компаний приводили Маркса и Энгельса к убеждению, что рабочий класс, трудящиеся США неизбежно должны будут, сталкиваясь лицом к лицу с этой мощной и беспощадной силой, убедиться в тщетности надежд на улучшение своего положения без уничтожения власти крупного капитала. В предисловии ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» Маркс и Энгельс указывают причины быстрого темпа экономического развития США и делают тот вывод, что и здесь будущее будет принадлежать

растущему вместе с баснословной концентрацией капиталов многочисленному американскому пролетариату.

Непрекращающаяся активная деятельность Маркса и Энгельса по оказанию помощи международному рабочему и социалистическому движению неизменно сочетается с продолжением их научных занятий. Публикуемые в томе в разделе «Из рукописного наследства К. Маркса и Ф. Энгельса» «Замечания на книгу А. Вагнера» представляют большой теоретический интерес. Спекулировавший на социалистической фразеологии, Вагнер на деле являлся ученым прислужником германской буржуазии и юнкерства. Критикуя утверждения и выводы Вагнера (представителя так называемой социально-правовой школы в политической экономии), Маркс формулирует в своих «Замечаниях» важнейшие положения теории стоимости, комментирует и развивает соответствующие места, изложенные в первом томе «Капитала».

В своих «Замечаниях» Маркс делает целый ряд обобщений относительно своего анализа товара, основы его «двойственного бытия», заключающейся в двояком характере труда, продуктом которого он является: *«полезного* труда, т. е. конкретных видов труда, создающих потребительные стоимости, и абстрактного *труда, труда как затраты рабочей силы,* — безразлично, каким «полезным» способом она затрачивается» (см. настоящий том, стр. 385). Говоря о том, какую роль у него играет потребительная стоимость по сравнению с буржуазной политической экономией, Маркс подчеркивает при этом, что в его анализе потребительная стоимость «принимается во внимание всегда лишь там, где такое исследование вытекает из анализа данных экономических образований, а не из умствований по поводу понятий или слов «потребительная стоимость» и «стоимость»» (см. настоящий том, стр. 386).

Приведенные слова Маркса являются прекрасным ответом буржуазным и ревизионистским фальсификаторам экономического учения марксизма, упорно повторяющим свой старый «тезис» о том, что Маркс якобы создал «абстрактную» систему, находящуюся в противоречии с капиталистической действительностью. В своих «Замечаниях на книгу А. Вагнера» Маркс неоспоримо доказывает, что в его исследовании речь идет не о каком-то чисто отвлеченном, исключительно логическом процессе, а о реальной экономической действительности и ее отражении в мышлении.

В томе помещены три рукописи Энгельса. Одна из них («Замечание к странице «Истории Коммуны»») посвящена истории Франции кануна Парижской Коммуны. Здесь дан блестяще

аргументированный разбор военных событий франко-прусской войны, связанный с переговорами Тьера о заключении предательского перемирия с пруссаками осенью 1870 года.

Рукописи «К истории древних германцев» и «Франкский период» являются ярким примером того, какое всестороннее знание предмета, какой глубокий анализ исторических источников лежит в основе исследования Энгельса.

В работе «Франкский период» Энгельс показывает, как создавались условия для возникновения частной собственности на землю, как происходила концентрация земельной собственности и возникал класс крупных землевладельцев-феодалов и класс зависимых от них крестьян, как оформлялась государственная власть и что представляло собой государство франков.

Энгельс уделял много внимания лингвистике и филологии. Он глубоко разбирался в основных проблемах языкознания, великолепно ориентировался в современных ему лингвистических направлениях, внимательно следил за литературой в этой области, в особенности по вопросам сравнительных грамматик германских, романских и славянских языков, и занимался специальными языковедческими изысканиями. Работа Энгельса о франкском диалекте является образцом применения исторического материализма к языкознанию.

В прямой связи с исследованиями Энгельса по истории древних германцев находится опубликованная им в 1882 г. работа «Марка». Сообщая Бебелю об этой своей работе, Энгельс писал: «Это первый плод моих работ по немецкой истории, которой я занимаюсь несколько лет, и я очень рад, что могу поднести его в первую очередь не педантам и прочим «образованным», а рабочим» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 1 изд., т. XXVII, стр. 273). В «Марке» Энгельс в сжатой, но чрезвычайно богатой содержанием форме проанализировал общие пути развития аграрных отношений и судьбы крестьян в Германии.

Своей работой о марке Энгельс еще раз подтвердил выдвинутую Марксом и им идею о необходимости для успешного развития и победы пролетарской революции союза рабочего класса и крестьянства. Он пропагандирует в этом произведении коренное положение научного социализма о неизбежности и необходимости перехода к коллективной собственности и коллективному производству не только в промышленности, но также и в сельском хозяйстве. Только переход к коллективной собственности, подчеркивает Энгельс в «Марке», обеспечит сельскохозяйственным производителям (крестьянам) возможность организовать и успешно развивать крупное хозяйство, воспользоваться всеми преимуществами этого последнего (применение

машин, достижений науки и техники и т. д.) и внести, благодаря этому, свой творческий вклад в строительство нового, коммунистического общества.

Во многих произведениях, вошедших в том, так или иначе присутствует Россия, учитывается ее положение и роль, нарастающее революционное движение в стране. Россия выступает как неотъемлемое звено в цепи развивающихся общеевропейских событий, как страна, находящаяся накануне великих революционных перемен. В январе 1878 г. Энгельс писал итальянским социалистам (в статье «Рабочее движение в Германии, Франции, Соединенных Штатах и России»): «Россия — это страна, которая... в ближайшем будущем будет играть наиболее важную роль» (см. настоящий том, стр. 123). Спустя год он подчеркивал: «Уже несколько лет я обращаю внимание европейских социалистов на положение в России, где назревают события решающего значения» (см. настоящий том, стр. 158).

В произведениях Маркса и Энгельса, специально посвященных России и адресованных русскому читателю, поражает богатство общетеоретических и политических суждений, являющихся следствием прекрасного знания конкретных социально-экономических и политических условий жизни в стране.

В 70-х годах Россия переживала переломную эпоху перехода от отсталого, полуфеодального строя к быстро развивающемуся капитализму, эпоху, сопровождавшуюся бурным развитием общественных антагонизмов и ростом революционных сил. Страна находилась, как неоднократно подчеркивали Маркс и Энгельс, накануне величайшей революции, последствия которой должны были неизбежно иметь глубокое международное значение, в первую очередь в смысле создания благоприятных условий для развития пролетарского освободительного движения.

С самого начала 70-х годов Маркс предпринимает специальное изучение по первоисточникам русских данных о землевладении и аграрных отношениях в целом. Анализ русской экономики, в особенности сельскохозяйственного производства, занимал весьма значительное место в подготовительных работах Маркса к третьему тому «Капитала». «При разнообразии форм землевладения и эксплуатации земледельческих производителей в России, — писал Энгельс в предисловии к третьему тому «Капитала», — в отделе о земельной ренте Россия должна была играть такую же роль, какую играла Англия в книге I при исследовании промышленного наемного труда» (К. Маркс. «Капитал», т. III, 1955, стр. 8).

Благодаря широким общественным, литературным и дружеским связям с русскими общественно-политическими деятелями

Маркс получал большое количество русских книг, различных документов, журнальных статей. Многие весьма ценные и разнообразные сведения Маркс и Энгельс получили благодаря непосредственному общению с русскими революционерами, представителями русской науки и культуры. Обширная переписка с русскими корреспондентами также способствовала обогащению представлений Маркса и Энгельса о России. Из писем Лопатина, Лаврова, Дмитриевой-Томановской, Даниельсона, Каблуковой, Ковалевского, Плеханова, Засулич и других Маркс и Энгельс получали очень много чрезвычайно ценных для себя сведений.

Изучение Марксом проблем земельной собственности, земельной ренты по русским материалам вскоре переросло в ознакомление со всеми данными о жизни и развитии России и русского народа. Благодаря систематическому, длившемуся до конца жизни, изучению страны по лучшим произведениям социально-экономической и блестящим образцам художественной литературы, Маркс и Энгельс могли наблюдать, как росло революционное самосознание русского народа, как неуклонно возрастал протест против эксплуататоров, как развивалась народная борьба против царизма, против политического и социального гнета. С полнейшим основанием мог Энгельс заявлять, что он не знает никого, кто бы так хорошо, как Маркс, «знал Россию, ее внутренние и внешние отношения» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 1 изд., т. XXVII, стр. 586—587).

В публикуемом письме в редакцию журнала «Отечественные Записки» (ноябрь 1877 г.) Маркс писал о проявившейся тенденции России «стать капиталистической нацией», о том, что за время после 1861 г. ее развитие шло именно в этом направлении. Вместе с тем он отвергал навязывавшийся ему народником Михайловским (в статье «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского») взгляд, будто он, так же как и русские либералы, считает неотложным делом уничтожение крестьянской земельной общины, чтобы перейти к капиталистическому строю.

Маркс решительным образом протестовал против превращения его теории происхождения капиталистического способа производства в «универсальную отмычку», служащую для определения судеб развития любой страны, независимо от исторической обстановки. Для ответа на вопрос, минует ли Россия путь капиталистического развития, Маркс требовал прежде всего всестороннего изучения и разбора русских данных о социально-экономическом развитии страны, а также учета исторической обстановки, в которой она оказывалась. Свержение царизма представлялось Марксу в 1877 г. близким. Русская

революция создала бы благоприятную обстановку для победы западноевропейского пролетариата, а этот последний помог бы, в свою очередь, России миновать капиталистический путь развития. Эта концепция Маркса ничего общего не имела с народнической мечтой — без развития крупной промышленности, с помощью общины прямо перескочить в социалистический общественный строй.

В том входит другое письмо Маркса, написанное в 1881 г. и адресованное В. И. Засулич, которое касается этой же темы. «Тлетворные влияния», которые теснили со всех сторон русскую общину, могла устранить, по мысли Маркса, только русская народная революция, поддержанная пролетарской революцией в Западной Европе. Теоретическое значение и огромная историческая актуальность выдвинутого в обоих названных документах положения марксизма о возможности некапиталистического пути развития для некоторых народов при благоприятном стечении исторических обстоятельств были подтверждены жизнью, революционной практикой СССР и социалистического лагеря в целом.

В своем письме от 16 февраля 1881 г. Засулич, сообщая Марксу о той роли, которую играл «Капитал» в спорах русских социалистов о судьбах капитализма в России, от имени своих товарищей — русских «революционных социалистов» — просила Маркса изложить его воззрения по этому вопросу и в частности по вопросу об общине. К моменту получения этого письма (а также письма из Петербурга от Исполнительного комитета «Народной Воли» с аналогичной просьбой) Маркс затратил много труда на изучение социально-экономических отношений в России, на изучение внутреннего строя и состояния русской крестьянской общины. В связи с названными обращениями он проделал большую дополнительную работу по обобщению изученных перед тем источников.

Как видно из публикуемых в разделе «Из рукописного наследства» предварительных набросков ответа Маркса Засулич, он тщательнейшим образом взвесил каждую формулировку, прежде чем составил свой окончательный, сравнительно краткий ответ. В предварительно составленных вариантах ответа он формулирует целый ряд положений, касающихся следующих проблем: характер первобытного типа коллективного производства, возможность и условия для некапиталистического пути развития, источники разложения сельской общины и условия ее «спасения» в России, кризис капиталистического способа производства, формы экспроприации крестьянства, причины истощения почвы и понижения плодородия полей, необходимость

и неизбежность «кооперативного труда в земледелии, организованного в широком масштабе», обстоятельства, благоприятствующие «механической обработке» земли и кооперативным формам труда в России.

Содержащиеся в предварительных набросках ответа на письмо Засулич мысли Маркса представляют большой как научный, так и политически-актуальный интерес для широкого читателя, для коммунистических партий всех стран.

Среди большой массы имеющихся рукописных материалов Маркса о России помещаемые в томе «Заметки о реформе 1861 г. и пореформенном развитии России» занимают особое место. Ко времени составления этих «Заметок» (1881—1882 гг.) Маркс, как это видно из их содержания, уже собирался подводить общие итоги своего изучения социально-экономического развития России, приступал к систематизации накопленных данных и к обобщению их. «Заметки о реформе», в отличие от других русских материалов из записных тетрадей Маркса, являющихся по большей части выписками из изучаемых источников с критическим комментарием к ним или конспектами прочитанных книг с собственными замечаниями, — представляют собой в целом изложение вопроса самим Марксом.

Являясь определенным итогом глубокой исследовательской работы Маркса по изучению нашей страны, «Заметки о реформе» восполняют картину творческой деятельности их автора в последний период его жизни, показывают отношение великого вождя пролетариата к русскому народу, его положению и борьбе.

В своем послании славянскому митингу, состоявшемуся в марте 1881 г., Маркс и Энгельс отметили убийство Александра II как один из симптомов назревающей русской революции. Уже тогда они предвидели, что непрерывно развивающаяся революция в России обеспечит продолжение дела Парижской Коммуны, и приветствовали грядущую «российскую Коммуну» (см. настоящий том, стр. 252).

В подписанном 21 января 1882 г. обоими основоположниками научного коммунизма предисловии ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» Россия была названа ими «передовым отрядом революционного движения в Европе». Маркс и Энгельс, по словам Ленина, «были полны самой радужной веры в русскую революцию и в ее могучее всемирное значение» (Соч., 4 изд., т. 12, стр. 335).

С точки зрения интересов успешного развития международного революционного движения Маркс и Энгельс рассматривали и польский вопрос, которому посвящено в томе несколько документов основоположников марксизма (см. в особенности

обращение к «Митингу в Женеве, созванному в память 50-й годовщины польской революции 1830 года»).

14 марта 1883 г. оборвалась жизнь Маркса. Вошедшие в том выступления Энгельса — «Набросок надгробной речи на могиле Маркса», «Похороны Карла Маркса», «К смерти Карла Маркса» — посвящены памяти великого учителя и вождя международного пролетариата. Они заключают в себе классическую оценку всемирно-исторического значения его теоретической и практической революционной деятельности. Эти выступления содержат также отклики на смерть Маркса, поступившие из различных стран, первые сообщения Энгельса об оставшемся после смерти его великого соратника и друга рукописном наследстве.

Всемирно-историческая заслуга Маркса состоит в том, что он впервые в истории создал действительно научную теорию развития общества, научным анализом доказал неизбежность краха капитализма и победы коммунизма. Маркс и Энгельс заложили теоретический фундамент коммунизма, создав диалектический и исторический материализм — научное мировоззрение пролетариата. Маркс смотрел на науку, подчеркивал Энгельс, «как на могущественный рычаг истории, как на революционную силу в самом высоком значении этого слова» (см. настоящий том, стр. 348—349).

Создав научный коммунизм, К. Маркс и Ф. Энгельс связали его с освободительной борьбой пролетариата, превратили таким образом теорию в могучее оружие революционного переустройства общества.

* * *

В состав настоящего тома включено 7 работ, не вошедших в первое издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Среди них: «О «Нищете философии»» и «Заметки о реформе 1861 г. и пореформенном развитии России» Маркса, статьи Энгельса: «Рабочее движение в Германии, Франции, Соединенных Штатах и России», «Исключительный закон против социалистов в Германии. — Положение в России», «Два образцовых муниципальных совета», «О том, как Пиндтер плетет небылицы» и речь Энгельса на митинге, посвященном годовщине польского восстания 1863 года; три работы Маркса и Энгельса публикуются на русском языке впервые.

Заглавия работ Маркса и Энгельса даны в соответствии с оригиналами и прижизненными публикациями. В тех случаях, когда заглавие, отсутствующее в оригинале, дано Институтом марксизма-ленинизма, перед заглавием стоит звездочка.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

март 1875—май 1883

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПИСЬМО А. БЕБЕЛЮ [1]

Лондон, 18—28 марта 1875 г.

Дорогой Бебель!

Получил Ваше письмо от 23 февраля и радуюсь, что Вы так хорошо себя чувствуете.

Вы спрашиваете меня, каково наше мнение по поводу истории с объединением? К сожалению, мы оказались в том же положении, что и Вы. Ни Либкнехт, ни кто-либо другой нам ничего не сообщал; поэтому и мы знаем не больше того, что есть в газетах, а в них ничего не писали, пока дней восемь тому назад не появился проект программы. Проект этот, конечно, поверг нас в немалое изумление.

Наша партия так часто протягивала лассальянцам руку, предлагая примирение или, по крайней мере, хотя бы сотрудничество, и так часто встречала наглый отказ со стороны Газенклеверов, Гассельманов и Тёльке, что даже ребенок должен был бы отсюда сделать такой вывод: раз эти господа теперь сами приходят с предложением примирения, значит они находятся в дьявольски затруднительном положении. Но, имея ввиду хорошо известный характер этих людей, мы обязаны использовать их затруднительное положение и выговорить себе все возможные гарантии, чтобы эти господа за счет нашей партии не укрепили вновь в глазах рабочих свои поколебленные позиции. Их следовало встретить как можно более холодно и недоверчиво, обусловить объединение степенью их готовности отказаться от своих сектантских лозунгов и от своей «государственной помощи» и принять в основном эйзенахскую программу 1869 г.[2] или же ее исправленное издание, приноровленное к настоящему моменту. Нашей партии *абсолютно нечему*

учиться у лассальянцев в теоретическом отношении, т. е. в тем, что для программы имеет решающее значение; лассальянцы же могли бы, конечно, поучиться у нашей партии. Первое условие объединения должно было заключаться в том, чтобы они перестали быть сектантами, лассальянцами, — следовательно, чтобы они прежде всего отказались от всеисцеляющего знахарского средства государственной помощи или хотя бы признали ее подчиненной переходной мерой наряду со многими другими возможными мерами. Проект программы доказывает, что наши люди, будучи в теоретическом отношении во сто раз выше лассальянских лидеров, оказались во столько же раз ниже их в смысле политической ловкости; «честных»[*] и на этот раз жестоко околпачили нечестные.

Во-первых, принята напыщенная, но исторически ложная лассалевская фраза о том, что по отношению к рабочему классу все остальные классы составляют лишь одну реакционную массу. Это положение верно только в отдельных исключительных случаях, например во время такой пролетарской революции, какой была Коммуна, или в такой стране, где не только буржуазия создала государство и общество по своему образу и подобию, но вслед за ней и демократическая мелкая буржуазия уже довела это преобразование до крайних его последствий. Если бы, например, в Германии демократическая мелкая буржуазия принадлежала к этой реакционной массе, то как могла бы Социал-демократическая рабочая партия годами идти рука об руку с ней, с Народной партией[3]? Как мог бы «Volksstaat»[4] черпать почти все свое политическое содержание из мелкобуржуазно-демократической «Frankfurter Zeitung»[5]? И как было бы возможно включить в эту самую программу целых семь требований, прямо и буквально совпадающих с программой Народной партии и мелкобуржуазной демократии? Я имею в виду семь политических требований: 1—5 и 1—2, среди которых нет ни одного, не являющегося *буржуазно*-демократическим[6].

Во-вторых, принцип интернациональности рабочего движения практически для настоящего времени совершенно отбрасывается, и отбрасывается людьми, которые целых пять лет и при труднейших обстоятельствах проводили этот принцип самым блестящим образом. Германские рабочие оказались в авангарде европейского движения *главным образом* благодаря своему подлинно интернационалистскому поведению во время войны; никакой другой пролетариат не мог бы держать

[*] — «честными» называли эйзенахцев. *Ред.*

себя так хорошо. И вот теперь им предлагают отречься от этого принципа, отречься в тот самый момент, когда за границей рабочие повсюду начинают подчеркивать его в той же мере, в какой правительства стремятся подавить всякую попытку осуществить этот принцип в рамках какой-либо организации! Что же остается в конце концов от интернационализма рабочего движения? Только слабая надежда — и не на сотрудничество европейских рабочих в дальнейшем, в борьбе за свое освобождение, нет, — а на будущее «международное братство народов», на «Соединенные Штаты Европы» господ буржуа из Лиги мира[7]!

Конечно, не было надобности говорить об Интернационале как таковом. Но нужно было по меньшей мере не сделать ни шагу назад от программы 1869 г. и сказать примерно так: *хотя* германская рабочая партия действует *прежде всего* внутри положенных ей государственных границ (она не имеет права говорить от имени европейского пролетариата и, в особенности, говорить что-либо ложное), тем не менее она сознает свою солидарность с рабочими всех стран и всегда готова будет выполнять и впредь, как выполняла до сих пор, вытекающие из этой солидарности обязательства. Подобные обязательства существуют и без того, чтобы провозглашать себя или считать себя частью Интернационала; к ним относятся, например, помощь и недопущение штрейкбрехерства во время стачек, забота о том, чтобы германские рабочие были осведомлены партийными органами о движении за границей, агитация против угрожающих или разражающихся династических войн, во время таких войн — тактика, подобная той, какая была образцово проведена в 1870 и 1871 гг., и тому подобное.

В-третьих, наши позволили навязать себе лассалевский «железный закон заработной платы», основанный на совершенно устаревшем экономическом воззрении, будто рабочий получает в среднем лишь *минимум* заработной платы, и именно потому, что, согласно мальтузианской теории народонаселения, всегда имеется избыток рабочих (такова была аргументация Лассаля). Однако Маркс в «Капитале» подробно доказал, что законы, регулирующие заработную плату, весьма сложны, что в зависимости от условий получает перевес то тот, то другой из них, что они, таким образом, отнюдь не железные, а, напротив, очень эластичные и что вообще этот вопрос нельзя решить в двух-трех словах, как воображал Лассаль. Мальтузианское обоснование закона, списанного Лассалем у Мальтуса и Рикардо (с извращением последнего), как оно, например,

цитируется на стр. 5 «Книги для чтения рабочих» из другой брошюры Лассаля[8], подробно опровергнуто Марксом в отделе о «процессе накопления капитала»[9]. Приняв лассалевский «железный закон», признали, следовательно, ложное положение и его ложное обоснование.

В-четвертых, программа выдвигает в качестве *единственного социального* требования лассалевскую государственную помощь в самом неприкрытом виде, в каком Лассаль ее украл у Бюше. И это после того, как Бракке очень хорошо вскрыл всю никчемность этого требования[10], после того, как почти все, если не все, ораторы нашей партии вынуждены были в борьбе с лассальянцами выступить против этой «государственной помощи»! Большего унижения для нашей партии нельзя себе представить. Интернационализм, низведенный до уровня Аманда Гёгга, социализм, опустившийся до буржуазного республиканизма Бюше, который выдвинул это требование *в противовес социалистам,* в целях борьбы с ними!

Но «государственная помощь» в лассалевском смысле есть в лучшем случае только *одно* из многих мероприятий для достижения цели, что здесь, в проекте программы, выражено беспомощными словами: «чтобы проложить путь к разрешению социального вопроса», — как будто для нас еще существует какой-то теоретически *не разрешенный* социальный *вопрос!* Если, стало быть, сказать: «германская рабочая партия стремится к уничтожению наемного труда и тем самым классовых различий посредством осуществления коллективного производства в промышленности и земледелии и в национальном масштабе; она выступает за всякое мероприятие, которое пригодно для достижения этой цели», — то ни один лассальянец не сможет что-либо против этого возразить.

В-пятых, об организации рабочего класса, как класса, посредством профессиональных союзов не сказано ни слова. А это весьма существенный пункт, потому что это и есть подлинная классовая организация пролетариата, в которой он ведет свою повседневную борьбу с капиталом, которая является для него школой и которую теперь уже никак не может задушить даже самая жестокая реакция (как теперь в Париже). При той важности, которую эта организация приобретает также и в Германии, было бы, по нашему мнению, безусловно необходимо напомнить о ней в программе и по возможности отвести ей определенное место в партийной организации.

Вот что сделали наши в угоду лассальянцам. А чем поступились те? Тем, что в программе фигурирует куча до-

вольно путаных, *чисто демократических требований,* из коих некоторые являются просто предметами моды, как например, «народное законодательство», которое существует в Швейцарии и приносит там больше вреда, чем пользы, если вообще что-нибудь приносит. *«Управление* через посредство народа» еще имело бы какой-нибудь смысл. Отсутствует также первое условие всякой свободы — ответственность всех чиновников за все свои служебные действия по отношению к любому из граждан перед обыкновенными судами и по общему праву. О том, что такие требования, как свобода науки, свобода совести, фигурируют во всякой либеральной буржуазной программе и здесь выглядят несколько странно, я распространяться не стану.

Свободное народное государство превратилось в свободное государство. По грамматическому смыслу этих слов, свободное государство есть такое, в котором государство свободно по отношению к своим гражданам, т. е. государство с деспотическим правительством. Следовало бы бросить всю эту болтовню о государстве, особенно после Коммуны, которая не была уже государством в собственном смысле слова. *«Народным государством»* анархисты кололи нам глаза более чем достаточно, хотя уже сочинение Маркса против Прудона, а затем «Коммунистический манифест»[11] говорят прямо, что с введением социалистического общественного строя государство само собой распускается [sich auflost] и исчезает. Так как государство есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще *нуждается* в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство как таковое перестает существовать. Мы предложили бы поэтому поставить везде вместо слова *«государство»* слово «община» [Gemeinwesen], прекрасное старое немецкое слово, соответствующее французскому слову «коммуна».

«Устранение всякого социального и политического неравенства» — тоже весьма сомнительная фраза вместо «уничтожения всех классовых различий». Между отдельными странами, областями и даже местностями всегда будет существовать *известное* неравенство в жизненных условиях, которое можно будет свести до минимума, но никогда не удастся устранить полностью. Обитатели Альп всегда будут иметь другие

жизненные условия, чем жители равнин. Представление о социалистическом обществе, как о царстве *равенства,* есть одностороннее французское представление, связанное со старым лозунгом «свободы, равенства и братства», — представление, которое как определенная *ступень развития* было правомерно в свое время и на своем месте, но которое, подобно всем односторонностям прежних социалистических школ, теперь должно быть преодолено, так как оно вносит только путаницу и так как теперь найдены более точные способы изложения этого вопроса.

Я заканчиваю, хотя почти каждое слово в этой программе, написанной к тому же вялым и бесцветным языком, заслуживает критики. Программа эта такова, что в случае, если она будет принята, Маркс и я *никогда* не согласимся примкнуть к основанной на таком фундаменте *новой* партии и должны будем очень серьезно задуматься над вопросом о том, какую позицию (также и публично) занять по отношению к ней. Учтите, что за границей за все и всякие выступления и действия германской Социал-демократической рабочей партии делают ответственными *нас.* Так Бакунин в своем сочинении «Государственность и анархия» делает нас ответственными за всякое необдуманное слово, сказанное или написанное Либкнехтом со времени основания «Demokratisches Wochenblatt»[12]. Люди воображают, что мы отсюда командуем всем движением, тогда как Вы знаете не хуже меня, что мы почти никогда не вмешивались ни в малейшей мере во внутренние дела партии, а если и вмешивались, то только для того, чтобы по возможности исправить допущенные, на наш взгляд, ошибки, да и то *лишь теоретические.* Но Вы сами поймете, что эта программа образует поворотный пункт, который очень легко может заставить нас сложить с себя всякую ответственность за партию, признавшую такую программу.

Вообще официальная программа партии имеет меньшее значение, чем то, что партия делает в действительности. Но все же *новая* программа всегда представляет собой открыто водруженное знамя, и внешний мир судит о партии по этому знамени. Поэтому программа ни в коем случае не должна быть шагом назад, каким рассматриваемый проект является по сравнению с эйзенахской программой. Ведь надо же было подумать и о том, что скажут об этой программе рабочие других стран, какое впечатление произведет эта капитуляция всего германского социалистического пролетариата перед лассальянством.

Притом я убежден, что объединение на *такой* основе не продержится и года. Неужели лучшие люди нашей партии согла-

сятся пережевывать в своих выступлениях заученные наизусть фразы Лассаля о железном законе заработной платы и о государственной помощи? Хотел бы я увидеть, например, Вас в этой роли! А если бы они и пошли на это, их освистали бы их слушатели. Между тем я уверен, что лассальянцы настаивают как раз на *этих* пунктах программы, как ростовщик Шейлок на своем фунте мяса*. Произойдет раскол; но предварительно мы восстановим «честное» имя Гассельмана, Газенклевера, Тёльке и компании; после раскола мы окажемся ослабленными, а лассальянцы — окрепшими; наша партия утратит свою политическую непорочность и уж никогда не сможет беззаветно бороться против лассалевских фраз, которые она на некоторое время сама же начертала на своем знамени; и если лассальянцы опять будут заявлять тогда, что они — самая подлинная и единственная рабочая партия, а наши сторонники — буржуа, — то в доказательство они смогут указать на эту программу. Все социалистические мероприятия в этой последней принадлежат *им,* в то время как *наша* партия внесла туда только требования мелкобуржуазной демократии, которую, однако, *она сама* в той же самой программе охарактеризовала как часть «реакционной массы».

Я задержал отправку этого письма, так как Вы будете освобождены лишь 1 апреля, в честь дня рождения Бисмарка, и я не хотел подвергать письмо риску быть перехваченным при попытке доставить его контрабандным путем. Но вот только что пришло письмо от Бракке, у которого тоже возникли серьезные сомнения по поводу программы и который хочет узнать наше мнение. Поэтому я для ускорения дела посылаю настоящее письмо ему, чтобы он прочел его и чтобы мне не пришлось еще раз писать про всю эту канитель сначала. Впрочем, я изложил дело напрямик также и Рамму, а Либкнехту написал лишь вкратце. Я не могу ему простить того, что он не сообщил нам *ни слова* обо всем этом деле (между тем как Рамм и другие думали, что он нас точно осведомил), пока не стало уже, так сказать, слишком поздно. Правда, так поступал он издавна — и отсюда та обширная неприятная переписка, которую нам, Марксу и мне, пришлось с ним вести, — но на этот раз дело приняло слишком уж скверный оборот, и *мы решительно отказываемся идти вместе с ним по такому пути.*

Постарайтесь устроить так, чтобы летом приехать сюда. Будете жить, конечно, у меня, и, если погода будет хорошая,

* Шекспир. «Венецианский купец», акт I, сцена третья. *Ред.*

мы могли бы на несколько дней поехать на морские купанья; после продолжительной отсидки это будет для Вас очень полезно.

С дружеским приветом

Ваш ***Ф. Э.***

Маркс недавно переменил квартиру. Его адрес: 41, Мейтленд-парк, Кресент, Норд-Уэст, Лондон.

Написано 18—28 марта 1875 г.

Впервые напечатано в книге: A. Bebel, «Aus meinem Leben», T. II, Stuttgart, 1911

Печатается по тексту книги

Перевод с немецкого

К. МАРКС

КРИТИКА ГОТСКОЙ ПРОГРАММЫ[13]

Написано К. Марксом в апреле —
начале мая 1875 г.

Напечатано с некоторыми сокращениями
в журнале «Neue Zeit» т. 1, № 18, 1891 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

ПИСЬМО В. БРАККЕ

Лондон, 5 мая 1875 г.

Дорогой Бракке!

Нижеследующие критические замечания к объединительной программе будьте добры по прочтении передать для ознакомления Гейбу и Ауэру, Бебелю и Либкнехту. Я завален работой и вынужден переступать уже далеко за рамки рабочего времени, разрешенного мне врачами. Поэтому мне отнюдь не доставило особого «удовольствия» исписать так много бумаги. Но это было необходимо для того, чтобы партийные друзья, для которых предназначается это сообщение, не истолковали впоследствии ложно те шаги, которые я, со своей стороны, должен буду предпринять. — Я имею в виду краткое заявление, которое Энгельс и я опубликуем после объединительного съезда; мы заявим, что мы совершенно непричастны к указанной принципиальной программе и не имеем с ней ничего общего.

Это необходимо, так как за границей распространено заботливо поддерживаемое врагами партии мнение — мнение совершенно ложное, — будто мы тайно руководим отсюда движением так называемой эйзенахской партии. Еще в своей недавно появившейся на русском языке книге Бакунин возлагает, например, на меня ответственность не только за все программы и т. д. упомянутой партии, но даже и за каждый шаг, сделанный Либкнехтом со дня его сотрудничества с Народной партией.

Помимо того, мой долг не позволяет мне, хотя бы лишь посредством дипломатического молчания, признать программу, которая, по моему убеждению, решительно никуда не годится и деморализует партию.

Каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ. Поэтому, если нельзя было — а обстоятельства этого не допускали — пойти *дальше* эйзенахской программы, то следовало бы просто заключить соглашение о действиях против общего врага. Составляя же принципиальные программы (вместо того чтобы отложить это дело до того момента, когда оно будет подготовлено более длительной совместной работой), воздвигают тем самым перед лицом всего мира вехи, по которым люди судят об уровне партийного движения.

Вожди лассальянцев пришли к нам потому, что их вынудили к этому обстоятельства. Если бы им заявили с самого начала, что ни на какое торгашество принципами не пойдут, то они *должны* были бы удовлетвориться программой действия или организационным планом в целях совместного действия. Вместо этого им разрешают являться во всеоружии мандатов и, со своей стороны, признают эти мандаты обязательными, т. е. сдаются на милость или немилость тех, кто сам нуждается в помощи. К довершению всего они созывают съезд еще *до согласительного съезда,* между тем как собственная партия созывает свой съезд только *post festum*[*]. Здесь явно стремились сорвать всякую критику и не дать опомниться собственной партии. Известно, что рабочих удовлетворяет самый факт объединения; но ошибаются те, кто думает, что этот минутный успех куплен не слишком дорогой ценой.

Впрочем программа никуда не годится и независимо от того, что она канонизирует лассалевский символ веры.

В ближайшее время я пришлю Вам последние выпуски французского издания «Капитала». Печатание было на долгое время задержано запрещением французского правительства. На этой неделе или в начале следующей книга будет готова. Получили ли Вы 6 первых выпусков? Сообщите мне, пожалуйста, также *адрес* Бернхарда Беккера, которому я тоже должен послать последние выпуски[14].

У *книгоиздательства «Volksstaat»* своеобразные нравы. Так, например, мне до сих пор даже не прислали ни одного экземпляра нового издания «Кёльнского процесса коммунистов»[15].

С сердечным приветом

Ваш ***Карл Маркс***

[*] — буквально: после праздника, т. е. с опозданием. *Ред.*

ЗАМЕЧАНИЯ К ПРОГРАММЕ ГЕРМАНСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

I

1. «Труд есть источник всякого богатства и всякой культуры, *а так как* приносящий пользу труд возможен лишь в обществе и при посредстве общества, то доход от труда принадлежит в неурезанном виде и на равных правах всем членам общества».

Первая часть параграфа: «Труд есть источник всякого богатства и всякой культуры».

Труд *не есть источник* всякого богатства. *Природа* в такой же мере источник потребительных стоимостей (а из них-то ведь и состоит вещественное богатство!), как и труд, который сам есть лишь проявление одной из сил природы, человеческой рабочей силы. Приведенную выше фразу вы встретите во всяком детском букваре, и она правильна постольку, поскольку в ней *подразумевается,* что труд совершается при наличии соответствующих предметов и орудий. Но в социалистической программе не должны допускаться подобные буржуазные фразы, обходящие молчанием те *условия,* которые одни только и придают им смысл. Поскольку человек заранее относится к природе, этому первоисточнику всех средств и предметов труда, как собственник, обращается с ней как с принадлежащей ему вещью, постольку его труд становится источником потребительных стоимостей, а следовательно, и богатства. У буржуа есть очень серьезные основания приписывать труду *сверхъестественную творческую силу,* так как именно из естественной обусловленности труда вытекает, что человек, не обладающий никакой другой собственности, кроме своей рабочей силы, во всяком общественном и культурном состоянии вынужден быть рабом других людей, завладевших материальными условиями труда. Только с их разрешения может он работать, стало быть, только с их разрешения — жить.

Но оставим уж эту фразу, как она есть, каковы бы ни были ее недостатки. Какого же заключения надо бы ожидать? Очевидно, следующего:

«Так как труд есть источник всякого богатства, то ни один член общества не может и присваивать себе богатство иначе, как присваивая продукт труда. Если же он сам не работает, то он живет чужим трудом, и свою культуру он также приобретает за счет чужого труда».

Вместо этого при помощи словечек «а *так как»* к первому предложению пристегивается второе, чтобы вывод сделать из этого второго предложения, а не из первого.

Вторая часть параграфа: «Приносящий пользу труд возможен лишь в обществе и при посредстве общества».

Согласно первому положению, труд являлся источником всякого богатства и всякой культуры, а следовательно, никакое общество не возможно без труда. Теперь же мы узнаем, наоборот, что никакой «приносящий пользу» труд не возможен без общества.

С таким же успехом можно было бы сказать, что только в обществе бесполезный или даже вредный для общества труд может стать отраслью промышленности, что только в обществе можно жить праздно и т. д. и т. д., — короче, переписать всего Руссо.

А что такое «приносящий пользу» труд? Ведь это всего лишь такой труд, который достигает намеченного полезного результата. Дикарь (а человек — дикарь, после того как он перестал быть обезьяной), который убивает камнем зверя, собирает плоды и т. д., совершает «приносящий пользу» труд.

В-третьих. Заключение: «А так как приносящий пользу труд возможен лишь в обществе и при посредстве общества, то доход от труда принадлежит в неурезанном виде и на равных правах всем членам общества».

Вот так заключение! Если приносящий пользу труд возможен только в обществе и при посредстве общества, то доход от труда принадлежит обществу, а на долю отдельного рабочего придется из этого дохода лишь то, что не требуется на содержание «условия» труда — общества.

И в самом деле, во все времена *защитники каждого данного общественного строя* выдвигали это положение. Прежде всего выступают притязания правительства и всего того, что к нему липнет, — ведь правительство является, мол, общественным органом для сохранения общественного порядка; затем следуют притязания различных видов частной собственности тип как различные виды частной собственности составляют

мол, основы общества, и так далее. Эти пустые фразы можно, как видите, вертеть и поворачивать как угодно.

Сколько-нибудь разумную связь первая и вторая части параграфа могут иметь лишь в следующей редакции:

«Источником богатства и культуры труд становится лишь как общественный труд», или, что то же самое, «в обществе и при посредстве общества».

Это положение бесспорно правильно, так как если обособленный труд (предполагается, что его вещественные условия имеются налицо) и может создавать потребительные стоимости, то ни богатства, ни культуры он создать не может.

Но столь же бесспорно и другое положение:

«По мере того как происходит общественное развитие труда и таким образом труд становится источником богатства и культуры, — развивается бедность и обездоленность на стороне рабочего, богатство и культура на стороне нерабочего».

Это — закон всей истории до настоящего времени. Следовательно, вместо общих фраз о «труде» и «обществе» нужно было ясно показать, как в современном капиталистическом обществе были, наконец, созданы те материальные и прочие условия, которые делают рабочих способными сокрушить это общественное проклятие и заставляют их это сделать.

На самом же деле весь этот параграф, неудачный по форме, ошибочный по содержанию, вставлен здесь лишь для того, чтобы лассалевскую формулу о «неурезанном трудовом доходе» написать в качестве первого лозунга на партийном знамени. Я еще вернусь к «трудовому доходу», к «равному праву» и пр., так как то же самое повторяется в несколько иной форме и дальше.

> 2. «В современном обществе средства труда являются монополией класса капиталистов. Обусловленная этим зависимость рабочего класса есть причина нищеты и порабощения во всех формах».

Это заимствованное из устава Интернационала положение в данной «исправленной» редакции ложно.

В современном обществе средства труда составляют монополию земельных собственников (монополия земельной собственности является даже основой монополии капитала) *и* капиталистов. В соответствующем пункте устав Интернационала не называет ни того, ни другого класса монополистов. Он говорит о *«монополии на средства труда, т. е. на источники жизни»*. Добавление «источники жизни» достаточно показывает, что в средства труда включена также и земля.

Исправление было сделано потому, что Лассаль по мотивам, в настоящее время всем известным, нападал *только* на класс капиталистов, но не на земельных собственников. В Англии капиталист по большей части не является собственником даже той земли, на которой стоит его фабрика.

> 3. «Освобождение труда требует возведения средств труда в достояние всего общества и коллективного регулирования совокупного труда при справедливом распределении трудового дохода».

«Возведение средств труда в достояние всего общества» (!) обозначает, по-видимому, их «превращение в достояние всего общества». Но это лишь мимоходом.

Что такое *«трудовой доход»?* Продукт труда или же его стоимость? А в последнем случае, вся ли стоимость продукта или только та часть стоимости, которую труд присоединил к стоимости потребленных средств производства?

«Трудовой доход» — расплывчатое представление, выдвинутое Лассалем вместо определенных экономических понятий.

Что такое «справедливое» распределение?

Разве буржуа не утверждают, что современное распределение «справедливо»? И разве оно не является в самом деле единственно «справедливым» распределением на базе современного способа производства? Разве экономические отношения регулируются правовыми понятиями, а не наоборот, не возникают ли правовые отношения из экономических? И разве разные социалистические сектанты не придерживаются самых различных представлений о «справедливом» распределении?

Чтобы знать, что в данном случае подразумевают под словами «справедливое» распределение, мы должны сопоставить первый параграф с этим параграфом. Последний предполагает такое общество, в котором «средства труда составляют общественное достояние и совокупный труд регулируется коллективно», а в первом параграфе мы видим, что «доход от труда принадлежит в неурезанном виде и на равных правах всем членам общества».

«Всем членам общества»? Даже и неработающим? Где же тогда «неурезанный трудовой доход»? Только работающим членам общества? Где же тогда «равное право» всех членов общества?

Но «все члены общества» и «равное право» — очевидно только фразы. Суть же дела в том, что в этом коммунистическом обществе каждый работник должен получить лассалевский «неурезанный трудовой доход».

Если выражение «трудовой доход» мы возьмем сначала в смысле продукта труда, то коллективный трудовой доход окажется *совокупным общественным продуктом.*

Из него надо теперь вычесть:

Во-первых, то, что требуется для возмещения потребленных средств производства.

Во-вторых, добавочную часть для расширения производства.

В-третьих, резервный или страховой фонд для страхования от несчастных случаев, стихийных бедствий и так далее.

Эти вычеты из «неурезанного трудового дохода» — экономическая необходимость, и их размеры должны быть определены на основе наличных средств и сил, отчасти на основе теории вероятности, но они никоим образом не поддаются вычислению на основе справедливости.

Остается другая часть совокупного продукта, предназначенная служить в качестве предметов потребления.

Прежде чем дело дойдет до индивидуального дележа этой оставшейся части, из нее вновь вычитаются:

Во-первых, общие, не относящиеся непосредственно к производству издержки управления.

Эта доля сразу же весьма значительно сократится по сравнению с тем, какова она в современном обществе, и будет все более уменьшаться по мере развития нового общества.

Во-вторых, то, что предназначается для совместного удовлетворения потребностей, как-то: школы, учреждения здравоохранения и так далее.

Эта доля сразу же значительно возрастет по сравнению с тем, какова она в современном обществе, и будет все более возрастать по мере развития нового общества.

В-третьих, фонды для нетрудоспособных и пр., короче — то, что теперь относится к так называемому официальному призрению бедных.

Лишь теперь мы подходим к тому «распределению», которое программа, под лассалевским влиянием, так ограниченно только и имеет в виду, а именно к той части предметов потребления, которая делится между индивидуальными производителями коллектива.

«Неурезанный трудовой доход» незаметно превратился уже в «урезанный», хотя все удерживаемое с производителя как частного лица прямо или косвенно идет на пользу ему же как члену общества.

Подобно тому как исчезла фраза о «неурезанном трудовом доходе», так исчезает теперь и фраза о «трудовом доходе» вообще.

В обществе, основанном на началах коллективизма, на общем владении средствами производства, производители не обменивают своих продуктов; столь же мало труд, затраченный на производство продуктов, проявляется здесь *как стоимость* этих продуктов, как некое присущее им вещественное свойство, потому что теперь, в противоположность капиталистическому обществу, индивидуальный труд уже не окольным путем, а непосредственно существует как составная часть совокупного труда. Выражение «трудовой доход», неприемлемое и в настоящее время из-за своей двусмысленности, теряет таким образом всякий смысл.

Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое *развилось* на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое только что *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло,! Соответственно этому каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам дает ему. То, что он дал обществу, составляет его индивидуальный трудовой пай. Например, общественный рабочий день представляет собой сумму индивидуальных рабочих часов; индивидуальное рабочее время каждого отдельного производителя — это доставленная им часть общественного рабочего дня, его доля в нем. Он получает от общества квитанцию в том, что им доставлено такое-то количество труда (за вычетом его труда в пользу общественных фондов), и по этой квитанции он получает из общественных запасов такое количество предметов потребления, на которое затрачено столько же труда. То же самое количество труда, которое он дал обществу в одной форме, он получает обратно в другой форме.

Здесь, очевидно, господствует тот же принцип, который регулирует обмен товаров, поскольку последний есть обмен равных стоимостей. Содержание и форма здесь изменились, потому что при изменившихся обстоятельствах никто не может дать ничего, кроме своего труда, и потому что, с другой стороны, в собственность отдельных лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления. Но что касается распределения последних между отдельными производителями то здесь господствует тот же принцип, что и при обмене товарными

эквивалентами: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой.

Поэтому *равное право* здесь по принципу все еще является *правом буржуазным,* хотя принцип и практика здесь уже не противоречат друг другу, тогда как при товарообмене обмен эквивалентами существует лишь *в среднем,* а не в каждом отдельном случае.

Несмотря на этот прогресс, это *равное право* в одном отношении все еще ограничено буржуазными рамками. Право производителей *пропорционально* доставляемому ими труду; равенство состоит в том, что измерение производится *равной мерой* — трудом.

Но один человек физически или умственно превосходит другого и, стало быть, доставляет за то же время большее количество труда или же способен работать дольше; а труд, для того чтобы он мог служить мерой, должен быть определен по длительности или по интенсивности, иначе он перестал бы быть мерой. Это *равное* право есть неравное право для неравного труда. Оно не признает никаких классовых различий, потому что каждый является только рабочим, как и все другие; но оно молчаливо признает неравную индивидуальную одаренность, а следовательно, и неравную работоспособность естественными привилегиями. *Поэтому оно по своему содержанию есть право неравенства, как всякое право.* По своей природе право может состоять лишь в применении равной меры; но неравные индивиды (а они не были бы различными индивидами, если бы не были неравными) могут быть измеряемы одной и той же мерой лишь постольку, поскольку их рассматривают под одним углом зрения, берут только с одной *определенной* стороны, как в данном, например, случае, где их рассматривают *только как рабочих* и ничего более в них не видят, отвлекаются от всего остального. Далее: один рабочий женат, другой нет, у одного больше детей, у другого меньше, и так далее. При равном труде и, следовательно, при равном участии в общественном потребительном фонде один получит на самом деле больше, чем другой, окажется богаче другого и тому подобное. Чтобы избежать всего этого, право, вместо того чтобы быть равным, должно бы быть неравным.

Но эти недостатки неизбежны в первой фазе коммунистического общества, в том его виде, как оно выходит после долгих мук родов из капиталистического общества. Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества.

На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются Полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!

Я остановился более обстоятельно на «неурезанном трудовом доходе», с одной стороны, и на «равном праве» и «справедливом распределении» — с другой, для того чтобы показать, какое большое преступление совершают, когда, с одной стороны, стремятся вновь навязать нашей партии в качестве догм те представления, которые в свое время имели некоторый смысл, но теперь превратились в устарелый словесный хлам, а с другой стороны, желают извратить реалистическое понимание, с таким трудом привитое партии, но теперь уже пустившее в ней корни, идеологическим правовыми прочим вздором, столь привычным для демократов и французских социалистов.

Помимо всего вышеизложенного, было вообще ошибкой видеть существо дела в так называемом *распределении* и делать на нем главное ударение.

Всякое распределение предметов потребления есть всегда лишь следствие распределения самих условий производства. Распределение же последних выражает характер самого способа производства. Например, капиталистический способ производства покоится на том, что вещественные условия производства в форме собственности на капитал и собственности на землю находятся в руках нерабочих, в то время как масса обладает только личным условием производства — рабочей силой. Раз элементы производства распределены таким образом, то отсюда само собой вытекает и современное распределение предметов потребления. Если же вещественные условия производства будут составлять коллективную собственность самих рабочих, то в результате получится также и распределение предметов потребления, отличное от современного. Вульгарный социализм (а от него и некоторая часть демократии) перенял от буржуазных экономистов манеру рассматривать и трактовать распределение как нечто независимое от способа производства, а отсюда изображать дело так, будто социализм вращается преимущественно вокруг вопросов распределения. Но когда

истинное отношение давным-давно уже выяснено, к чему же снова возвращаться вспять?

> 4. «Освобождение труда должно быть делом рабочего класса, по отношению к которому все остальные классы составляют *лишь одну реакционную массу».*

Первая строфа взята из вступительных слов устава Интернационала, но подверглась «исправлению». Там сказано: «Освобождение рабочего класса должно быть делом самих рабочих», здесь же, напротив, «рабочий класс» должен освободить — что? — «труд». Пойми, кто может.

Зато, как бы в виде возмещения, следует антистрофа — лассалевская цитата чистейшей воды: «по отношению к которому (рабочему классу) все остальные классы составляют *лишь одну реакционную массу».*

В «Коммунистическом манифесте» сказано: «Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собой *действительно революционный класс.* Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности, пролетариат же есть ее собственный продукт»[16].

Буржуазия, как носительница крупной промышленности, рассматривается здесь как революционный класс по отношению к феодалам и средним сословиям, стремящимся удержать за собой все те социальные позиции, которые созданы устарелыми способами производства. Следовательно, они не образуют *вместе с буржуазией* лишь одну реакционную массу.

С другой стороны, пролетариат революционен по отношению к буржуазии, потому что он, выросши сам на почве крупной промышленности, стремится лишить производство того капиталистического характера, который старается увековечить буржуазия. Но «Манифест» при этом добавляет, что «средние сословия» становятся революционными «постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата».

С этой точки зрения, следовательно, опять-таки бессмыслица, будто по отношению к рабочему классу они «вместе с буржуазией» и вдобавок еще с феодалами «составляют лишь одну реакционную массу».

Разве на последних выборах заявляли ремесленникам, мелким промышленникам и т. п., а также *крестьянам:* «по отношению к нам вы с буржуа и феодалами образуете лишь одну реакционную массу»?

Лассаль знал «Коммунистический манифест» наизусть так же, как его правоверные последователи знают составленные им

священные писания. И если он так грубо исказил «Манифест», то сделал это лишь для того, чтобы оправдать свой союз с абсолютистскими и феодальными противниками против буржуазии.

Кроме того, к вышеуказанному параграфу премудрое лассалевское изречение вообще притянуто за волосы, без всякой связи с этой нелепо «исправленной» цитатой из устава Интернационала. Здесь перед нами просто наглая выходка, и уж, конечно, отнюдь не неприятная г-ну Бисмарку, одна из тех дешевых дерзостей, которыми промышляет берлинский Марат[17].

> 5. «Рабочий класс действует для своего освобождения прежде всего в *рамках современного национального государства,* сознавая, что необходимым результатом его стремлений, которые общи рабочим всех культурных стран, будет международное братство народов».

В противоположность «Коммунистическому манифесту» и всему предшествующему социализму, Лассаль подходил к рабочему движению с самой узкой национальной точки зрения. Ему в этом подражают, — и это после деятельности Интернационала!

Само собой разумеется, что рабочий класс, для того чтобы вообще быть в состоянии бороться, должен у себя дома организоваться *как класс* и что непосредственной ареной его борьбы является его же страна. Постольку его классовая борьба не по своему содержанию, а, как говорится в «Коммунистическом манифесте», «по форме» является национальной. Однако «рамки современного национального государства» — к примеру, Германской империи — сами в свою очередь находятся экономически «в рамках мирового рынка», политически — «в рамках системы государств». Любому купцу известно, что германская торговля есть в то же время и внешняя торговля, и величие г-на Бисмарка состоит как раз в проведении известного рода *международной* политики.

К чему же сводит германская рабочая партия свой интернационализм? К сознанию, что результатом ее стремлений будет *«международное братство народов».* Эта фраза, заимствованная у буржуазной Лиги мира и свободы, должна сойти за эквивалент международного братства рабочих классов разных стран в их совместной борьбе против господствующих классов и их правительств. Итак, о *международных функциях* германского рабочего класса — ни слова! И это все, что ему предлагают противопоставить своей собственной буржуазии, братски объединившейся уже против него с буржуазией всех других стран, и международной заговорщической политике г-на Бисмарка!

Поистине, интернационализм программы стоит *еще бесконечно ниже,* чем интернационализм партии свободной торговли. И та тоже утверждает, что результатом ее стремлений будет «международное братство народов». Но она и *делает* кое-что для того, чтобы сделать торговлю международной, и отнюдь не удовлетворяется сознанием того, что все народы у себя дома занимаются торговлей.

Международная деятельность рабочего класса разных стран не находится никоим образом в зависимости от существования *«Международного Товарищества Рабочих».* Последнее было лишь первой попыткой создать для этой деятельности центральный орган, попыткой, которая благодаря данному ею толчку оставила неизгладимые результаты, но которую в *ее первой исторической форме* после падения Парижской Коммуны нельзя было дальше проводить.

Бисмарковская «Norddeutsche» имела полное право возвестить к удовольствию своего хозяина, что германская рабочая партия в новой своей программе отреклась от интернационализма[18].

II

> «Исходя из этих принципов, германская рабочая партия добивается всеми законными средствами *свободного государства — и —* социалистического общества: упразднения системы заработной платы *вместе с ее железным законом* — и — эксплуатации во всех ее формах; устранения всякого социального и политического неравенства».

К «свободному» государству я вернусь дальше.

Итак, германская рабочая партия должна впредь веровать в «железный закон» Лассаля! Чтобы найти ему место в программе, допускают бессмыслицу, говоря об «устранении системы заработной платы (следовало бы сказать: системы наемного труда) *вместе с* ее железным законом». Если я устраняю этот наемный труд, то, естественно, я устраняю и его законы, будь они «железные» или мягкие, как губка. Но борьба Лассаля против наемного труда вращается почти исключительно вокруг этого так называемого закона. Поэтому, чтобы доказать, что лассальянская секта победила, «система заработной платы» должна быть уничтожена *«вместе с* ее железным законом», а не без него.

Как известно, в «железном законе заработной платы» Лассалю не принадлежит ничего, кроме слова «железный», заимствованного им из гётевских «вечных, железных, великих

законов»*. Слово *«железный»* — это ярлычок, по которому узнают друг друга правоверные. Но если я принимаю закон с его лассалевским штемпелем, а следовательно, и в лассалевском смысле, то я вынужден также принять и лассалевское обоснование его. Что же оно представляет собой? Как показал Ланге уже вскоре после смерти Лассаля, это — (проповедуемая самим Ланге) мальтусовская теория народонаселения[19]. Но если эта теория правильна, то устранить «железный закон» я уж *никак не* могу, даже сто раз устранив наемный труд, потому что закон этот властвует тогда уже не только над системой наемного труда, но и над *всякой* общественной системой. Опираясь как раз на эту теорию, экономисты уже больше пятидесяти лет доказывают, что социализм не может устранить нищеты, *обусловленной самой природой,* а может лишь сделать ее *всеобщей,* равномерно распределив ее по всей поверхности общества!

Но все это еще но самое главное. *Совершенно независимо* от *ложного* понимания Лассалем этого закона, поистине возмутительный шаг назад заключается в следующем.

Со времени смерти Лассаля в *нашей* партии пробило себе дорогу научное понимание того, что *заработная плата* является не тем, чем она *кажется,* не *стоимостью* — или *ценой* — *труда,* а лишь замаскированной формой *стоимости* — или *цены* — *рабочей силы.* Этим самым раз навсегда опрокидывались как буржуазное понимание заработной платы, так и вся критика, направленная до тех пор против этого понимания, и ясно устанавливалось, что наемному рабочему разрешают работать для поддержания своего собственного существования, т. е. разрешают *жить* лишь постольку, поскольку он известное количество времени работает даром в пользу капиталиста (а следовательно, и его соучастников по пожиранию прибавочной стоимости); что той осью, вокруг которой вращается вся система капиталистического производства, является стремление увеличить этот даровой труд путем удлинения рабочего дня или путем поднятия производительности труда, соответственно — путем большего напряжения рабочей силы и т. д.; что, следовательно, система наемного труда является системой рабства, и притом рабства тем более сурового, чем больше развиваются общественные производительные силы труда, безразлично, лучше или хуже оплачивается труд рабочего. И вот теперь, после того как это понимание все более и более прокладывает себе путь в нашей партии, возвращаются назад

---

* Из стихотворения Гёте «Божественное». *Ред.*

к догмам Лассаля, хотя теперь-то должны были бы знать, что Лассаль *не понимал,* что такое заработная плата, и вслед за буржуазными экономистами принимал видимость за сущность дела.

Это равносильно тому, как если бы рабы, открыв, наконец, тайну своего рабства, подняли восстание, а один из них, весь еще во власти устаревших представлений, вписал бы в программу восстания: рабство должно быть уничтожено, потому что при системе рабства продовольствование рабов не может подняться выше определенного, весьма низкого максимума!

Один уже тот факт, что представители нашей партии способны были совершить такое чудовищное покушение на распространенное в партийных массах понимание, — не показывает ли одно это, с каким преступным легкомыслием, с какой бессовестностью приступили они к делу составления компромиссной программы!

Вместо неопределенной заключительной фразы в конце параграфа: «устранение всякого социального и политического неравенства», следовало сказать, что с уничтожением классовых различий само собой исчезнет и всякое вытекающее из них социальное и политическое неравенство.

III

> «Чтобы *проложить путь к разрешению социального вопроса,* германская рабочая партия требует учреждения производительных товариществ с *государственной помощью под демократическим контролем трудящегося народа.* Производительные товарищества как в промышленности, так и в земледелии *должны быть вызваны к жизни* в таком объеме, чтобы *из них возникла социалистическая организация совокупного труда».*

Следом за лассалевским «железным законом заработной платы» — целительное средство того же пророка. «Путь пролагается» ему достойным образом. На место существующей классовой борьбы ставится фраза газетных писак о «социальном *вопросе»,* к *«разрешению»* которого «пролагается путь». Вместо процесса революционного преобразования общества «социалистическая организация совокупного труда» «возникает» из «государственной помощи», оказываемой производительным товариществам, которые *«вызываются к жизни» государством,* а не рабочими. Это вполне достойно фантазии Лассаля, будто с помощью государственных субсидий можно так же легко построить новое общество, как новую железную дорогу!

Из-за остатка стыдливости «государственную помощь») ставят... под демократический контроль «трудящегося народа».

Во-первых, «трудящийся народ» в Германии состоит в большинстве из крестьян, а не из пролетариев.

Во-вторых, слово «демократический» в переводе на немецкий язык означает «народовластный». Что же это за «народовластный контроль трудящегося народа»? К тому же у такого трудящегося народа, который, обращаясь с подобными требованиями к государству, вполне признает тем самым, что он и не стоит у власти и не созрел для нее!

Излишне вдаваться здесь в критику рецепта, который при Луи-Филиппе прописал Бюше *в противовес* французским социалистам и который был принят реакционными рабочими из «Atelier»[20]. И главная беда состоит не в том, что это специфическое чудодейственное средство внесли в программу, а в том, что вообще идут вспять от точки зрения классового движения к точке зрения сектантского движения.

Когда рабочие стремятся создать условия для коллективного производства в масштабе всего общества, и прежде всего у себя в национальном масштабе, это означает лишь то, что они борются за переворот в теперешних условиях производства, и это не имеет ничего общего с учреждением кооперативных товариществ с государственной помощью. Что же касается теперешних кооперативных товариществ, то они ценны *лишь* постольку, поскольку они созданы самостоятельно самими рабочими и не пользуются покровительством ни правительств, ни буржуазии.

IV

Перехожу теперь к демократическому разделу:

А. «*Свободная основа государства*».

Прежде всего, согласно II разделу, германская рабочая партия добивается «свободного государства».

Свободное государство — что это такое?

Сделать государство «свободным» — это отнюдь не является целью рабочих, избавившихся от ограниченного верноподданнического образа мыслей. В Германской империи «государство» почти столь же «свободно», как в России. Свобода состоит в том, чтобы превратить государство из органа, стоящего над обществом, в орган, этому обществу всецело подчиненный; да и в наше время большая или меньшая свобода государственных форм определяется тем, в какой мере они ограничивают «свободу государства».

Германская рабочая партия — по крайней мере, если она принимает эту программу, — обнаруживает, как неглубоко прониклась она социалистическими идеями; вместо того чтобы рассматривать существующее общество (а это сохраняет силу и для всякого будущего общества) как *«основу»* существующего *государства* (или будущее общество как основу будущего государства), она, напротив, рассматривает государство как некую самостоятельную сущность, обладающую своими собственными *«духовными, нравственными, свободными основами».*

Да к тому же еще грубое злоупотребление в программе словами: *«современное государство»* и *«современное общество»,* а также и еще более грубое непонимание того государства, которому она предъявляет свои требования!

«Современное общество» есть капиталистическое общество, которое существует во всех цивилизованных странах, более или менее свободное от примеси средневековья, более или менее видоизмененное особенностями исторического развития каждой страны, более или менее развитое. Напротив того, «современное государство» меняется с каждой государственной границей. В прусско-германской империи оно совершенно иное, чем в Швейцарии, в Англии совершенно иное, чем в Соединенных Штатах. «Современное государство» есть, следовательно, фикция.

Однако, несмотря на пестрое разнообразие их форм, различные государства различных цивилизованных стран имеют между собой то общее, что они стоят на почве современного буржуазного общества, более или менее капиталистически развитого. У них есть поэтому некоторые общие существенные признаки. В этом смысле можно говорить о «современной государственности» в противоположность тому будущему, когда отомрет теперешний ее корень, буржуазное общество.

Возникает вопрос: какому превращению подвергнется государственность в коммунистическом обществе? Другими словами: какие общественные функции останутся тогда, аналогичные теперешним государственным функциям? На этот вопрос можно ответить только научно; и сколько бы тысяч раз ни сочетать слово «народ» со словом «государство», это ни капельки не подвинет его разрешения.

Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата.*

Но программа не занимается ни этой последней, ни будущей государственностью коммунистического общества.

Ее политические требования не содержат ничего, кроме всем известных демократических перепевов: всеобщее избирательное право, прямое законодательство, народное право, народное ополчение и прочее. Это простой отголосок буржуазной Народной партии, Лиги мира и свободы. Все это сплошь требования, которые, поскольку они не переходят в фантастические представления, уже *осуществлены.* Только государство, их осуществившее, находится не в пределах Германской империи, а в Швейцарии, Соединенных Штатах и так далее. Подобного рода «государство будущего» есть *современное государство,* хотя и существующее вне «рамок» Германской империи.

Забыли, однако, об одном. Так как германская рабочая партия определенно заявляет, что она действует в пределах «современного национального государства», стало быть, своего государства, прусско-германской империи, — да иначе и требования ее были бы в большей части бессмысленны, так как требуют ведь только того, чего не имеют, — то она не должна была бы забывать самого главного, а именно, что все эти прекрасные вещицы покоятся на признании так называемого народного суверенитета и поэтому уместны только в *демократической республике.*

Раз уж не хватило мужества требовать демократической республики, как это делали французские рабочие программы при Луи-Филиппе и Луи-Наполеоне, — и разумно, ибо обстоятельства предписывают осторожность, — то незачем было прибегать и к этой уловке, которая не является ни «честной», ни достойной, — требовать вещей, которые имеют смысл лишь в демократической республике, от такого государства, которое представляет собой не что иное, как обшитый парламентскими формами, смешанный с феодальными придатками и в то же время уже находящийся под влиянием буржуазии, бюрократически сколоченный, полицейски охраняемый военный деспотизм, и сверх того еще торжественно заверять такое государство, что воображают добиться от него чего-либо подобного «законными средствами»!

Даже вульгарная демократия, которая в демократической республике видит осуществление царства божия на земле и совсем не подозревает, что именно в этой последней государственной форме буржуазного общества классовая борьба и должна быть окончательно решена оружием, — даже она стоит все же неизмеримо выше такого сорта демократизма, который держится в пределах полицейски дозволенного и логически недопустимого.

Что под «государством» на деле понимают правительственную машину или государство, поскольку оно в силу разделения труда образует свой собственный, обособленный от общества организм, на это достаточно указывают уже слова: «Германская рабочая партия требует *в качестве экономической основы государства:* единого прогрессивного подоходного налога» и так далее. Налоги — это экономическая основа правительственной машины, и ничего другого. В существующем в Швейцарии «государстве будущего» это требование почти выполнено. Подоходный налог предполагает различные источники доходов различных общественных классов, — предполагает, следовательно, капиталистическое общество. Поэтому нет ничего удивительного в том, что ливерпульские поборники финансовой реформы — буржуа во главе с братом Гладстона — выставляют те же требования, что и рассматриваемая программа.

> В. «В качестве духовной и нравственной основы государства германская рабочая партия требует:
>
> 1. Всеобщего и *равного для всех народного воспитания* через посредство государства. Обязательного посещения школы. Бесплатного обучения».

Равное для всех народное воспитание? Что представляют себе под этими словами? Воображают ли, что в современное обществе (а только о нем и идет речь) воспитание для всех классов может быть *равным?* Или требуют, чтобы и высшие классы были принудительным образом низведены до скромного уровня воспитания — народной школы, — единственно совместимого с экономическим положением не только наемных рабочих, но также и крестьян?

«Обязательное посещение школы. Бесплатное обучение». Первое существует даже в Германии, второе — в Швейцарии и Соединенных Штатах в отношении народной школы. Если в некоторых штатах Северной Америки обучение в средних учебных заведениях также «бесплатно», то фактически это означает только, что высшие классы покрывают расходы по своему воспитанию из общих налоговых средств. Заметим мимоходом, что то же самое относится к «бесплатному судопроизводству», которого требует пункт 5 раздела А. Уголовная юстиция повсюду бесплатна. Гражданская же юстиция занята почти исключительно конфликтами из-за собственности, следовательно, касается почти исключительно имущих классов. Что же, предложить им вести свои процессы за счет народных средств?

Параграф, относящийся к школам, должен был бы по меньшей мере требовать технических школ (теоретических и практических) в соединении с народной школой.

Никуда не годится *«народное воспитание через посредство государства».* Определять общим законом расходы на народные школы, квалификацию преподавательского персонала, учебные дисциплины и т. д. и наблюдать при посредстве государственных инспекторов, как это делается в Соединенных Штатах, за соблюдением этих предписаний закона, — нечто совсем иное, чем назначить государство воспитателем народа! Следует, наоборот, отстранить как правительство, так в равной мере и церковь от всякого влияния на школу. В прусско-германской империи (и здесь не поможет пустая увертка, что речь идет о «государстве будущего», — мы видели, как в этом отношении обстоит дело), наоборот, государство нуждается в очень суровом воспитании со стороны народа.

Но вся программа, несмотря на всю демократическую трескотню, насквозь заражена верноподданнической верой лассалевской секты в государство или, что ничуть не лучше, верой в демократические чудеса, или, вернее, она является компромиссом между этими двумя видами веры в чудеса, одинаково чуждыми социализму.

«Свобода науки» — так гласит один из параграфов прусской конституции. К чему он здесь?

«Свобода совести»! Если теперь, во время «культуркампфа»[21], хотели напомнить либералам их старые лозунги, то это можно было сделать только в такой форме: Каждый должен иметь возможность отправлять свои религиозные, так же как и телесные, нужды без того, чтобы полиция совала в это свой нос. Но рабочая партия должна была бы воспользоваться этим случаем и выразить свое убеждение в том, что буржуазная «свобода совести» не представляет собой ничего большего как терпимость ко всем возможным видам *религиозной свободы совести,* а она, рабочая партия, наоборот, стремится освободить совесть от религиозного дурмана. Однако у нас не желают переступить «буржуазный» уровень.

Я подошел теперь к концу, так как следующее далее в программе добавление не является существенной ее частью. Ограничусь здесь поэтому лишь краткими замечаниями.

2. «*Нормальный рабочий день*».

Ни в одной другой стране рабочая партия не ограничивалась таким неопределенным требованием, но всегда указывала точно. какую продолжительность рабочего дня при данных условиях считают нормальной.

3. «Ограничение женского и запрещение детского труда».

Нормирование рабочего дня должно уже включать ограничение женского труда, поскольку оно касается продолжительности рабочего дня, длительности перерывов и прочее; помимо того, оно может означать лишь запрещение женского труда в тех отраслях производства, которые особенно вредны для женского организма или же для женщин несовместимы с нравственностью. Если подразумевали именно это, то так и следовало сказать.

«Запрещение детского труда»! Здесь абсолютно необходимо было указать *предельный возраст.*

Полное запрещение детского труда несовместимо с существованием крупной промышленности и поэтому является пустым благочестивым пожеланием.

Проведение этой меры, — если бы оно было возможно, — было бы реакционно, так как при строгом регулировании рабочего времени сообразно с различным возрастом и при прочих предупредительных мерах для защиты детей раннее соединение производительного труда с обучением является одним из могущественнейших средств переустройства современного общества.

4. «Государственный надзор за фабричной, ремесленной и домашней промышленностью».

Имея в виду прусско-германское государство, следовало определенно требовать, чтобы фабричные инспектора были сменяемы не иначе, как по суду; чтобы всякий рабочий мог привлекать их к суду за нарушение служебных обязанностей; чтобы должность инспекторов занимали лишь лица с медицинским образованием.

5. «Регулирование труда заключенных».

Мелочное требование в общей рабочей программе. Во всяком случае, следовало ясно сказать, что рабочие вовсе не хотят из опасения конкуренции, чтобы с уголовными преступниками обращались, как со скотом, и в особенности, чтобы их лишали единственного средства исправления — производительного труда. Уже это — минимум того, чего можно ожидать от социалистов.

6. «Действенный закон об ответственности».

Следовало сказать, что подразумевается под «действенным» законом об ответственности.

Замечу, между прочим, что в параграфе относительно нормального рабочего дня забыта та часть фабричного законодательства, которая касается санитарно-гигиенических мероприятий и предохранительных мер против несчастных случаев и прочее. Закон об ответственности вступает в действие лишь тогда, когда нарушаются эти предписания.

Словом, и это добавление отличается такой же неряшливой редакцией.

Dixi et salvavi animam meam*.

---

* — Я сказал и спас свою душу. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛЬНОМУ СОВЕТУ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ

В НЬЮ-ЙОРК

Лондон, 13 августа 1875 г.
122, Риджентс-парк-род, Норд-Уэст

**ГЕНЕРАЛЬНОМУ СОВЕТУ
МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ**

Граждане!

Экземпляры циркуляра[22], пересланные мне 4 июня (получены 21-го) с письмом секретаря Шпейера, пущены согласно инструкции в обращение, и мне удалось в интересах дела сделать следующее:

1) Так как здешнее рабочее Общество (немецкая секция)[23], благодаря слиянию с лассальянцами и излишнему либерализму в приеме членов — около 120 человек — пригодно для *конфиденциальных* сообщений только тогда, когда желательно их *тотчас же опубликовать,* — то я передал циркуляр Лесснеру и Франкелю. Последние согласились со мной в том, что содержание циркуляра таково, что официально оглашать его в Обществе не годится и следует лишь ограничиться сообщением его соответствующим лицам, действуя втайне в интересах изложенного в нем дела. Так как отсюда в Филадельфию *немецкие* рабочие, видимо, посланы не будут, то на практических результатах это нисколько не отразится.

2) Наш друг Меса из Мадрида, проживающий теперь в Париже, был как раз здесь, когда прибыл циркуляр. Он горячо отозвался на это дело; я перевел ему циркуляр, и так как он знает членов того комитета, который распоряжается в Париже суммами, собранными для отправки рабочих в Филадельфию, то ему при его всем известной энергии, наверное, удастся что-нибудь сделать. Он же перешлет циркуляр и в Испанию.

3) В Бельгию я циркуляра послать не мог, так как весь бельгийский Интернационал на стороне альянсистов, а посвящать *последних* в наш план — не в наших интересах.

В Португалии и Италии у меня никаких адресов нет. «Plebe»[24] в Лоди почти что примкнула к Альянсу и была бы способна тотчас же опубликовать всю эту историю.

4) Так как Германия, Австрия и Швейцария не упомянуты в инструкции и так как Генеральный Совет обладает в этих странах многочисленными непосредственными связями, то я не предпринимал там *никаких* шагов, чтобы не помешать тому, что уже там было предпринято.

5) Циркуляр встретил полное сочувствие у всех, кто с ним ознакомился, и из всех предложений предложение о созыве конференции считается, по общему мнению, единственно практичным. Но провести по этому поводу голосование представляется нам здесь невозможным. О здешнем Обществе я уже говорил. Все другие секции в Англии бездействуют, их лучшие люди большей частью ушли. В Дании, Франции, Испании, где Интернационал прямо запрещен, о голосовании не может быть и речи. В Германии никогда еще не голосовали по такому поводу, а после объединения с лассальянцами и без того слабая связь с Интернационалом совершенно прекратилась. При таких условиях для поддержки Генерального Совета, если он захочет превратить это предложение в постановление, достаточно будет американских голосов, тем более, что, как это нам известно из достоверных источников, альянсисты и в этом году (и вероятно уже никогда более) конгресса не созовут.

6) Не было ли бы целесообразным ко времени открытия выставки поместить в европейских партийных газетах краткую заметку приблизительно такого рода: «Социалистических рабочих, намеревающихся посетить выставку в Филадельфии, просят направляться по такому-то адресу, чтобы установить связь с филадельфийскими товарищами по партии», или учредить «комитет по размещению рабочих-социалистов и защите их от мошенничества» и опубликовать его адрес? Последнее в особенности выглядело бы очень невинно, но нескольких частных писем было бы достаточно, чтобы популяризировать в нужной мере истинный смысл этого.

С братским приветом

Ф. Энгельс

Написано 13 августа 1875 г.

Впервые напечатано в книге: «Briefe und Auszuge aus Briefen von Joh. Phil. Becker, Jos. Dietzgen,Friedrich Engels, Karl Marx u. A. an F. A. Sorge und Andere». Stuttgart, 1906

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС
РЕЧЬ НА МИТИНГЕ, ПОСВЯЩЕННОМ ГОДОВЩИНЕ ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1863 ГОДА [25]

Граждане!

Польша играет совершенно особую роль в истории европейских революций. Любая западная революция, которой не удается увлечь за собой Польшу и обеспечить ей независимость и свободу, осуждена на поражение. Взять хотя бы революцию 1848 года. Она охватила пространство гораздо более обширное, чем любая из предшествовавших ей революций. Она увлекла Австрию, Венгрию, Пруссию. Но она остановилась у границ Польши, занятой русскими войсками. Когда император Николай получил известие о февральской революции, он сказал окружающим: «Седлайте коней, господа!» Он немедленно мобилизовал войска и сосредоточил их в Польше, с целью двинуть их в подходящий момент через границу против мятежной Европы. Революционеры со своей стороны прекрасно знали, что полем решающей битвы будет Польша. 15 мая парижский народ с возгласами *«Да здравствует Польша!»* ворвался в Национальное собрание, чтобы заставить его вести войну за независимость Польши. В то же время в *«Neue Rheinische Zeitung»*[26] Маркс и я требовали, чтобы Пруссия объявила немедленно войну России для освобождения Польши, и нас поддерживала вся передовая немецкая демократия. Таким образом, во Франции и в Германии прекрасно знали, где был пункт решающего значения: в союзе с Польшей успех революции был обеспечен, без Польши она должна была погибнуть. Но Ламартин во Франции, Фридрих-Вильгельм IV, шурин царя, и его буржуазный министр Кампгаузен в Пруссии отнюдь не намерены были разбивать силы России, справедливо видя

в ней свой последний оплот от грозившей захлестнуть их революции. Николай мог обойтись без похода; его войска могли временно ограничиться тем, что сдерживали Польшу и угрожали Пруссии, Австрии, Венгрии, пока успехи восставших венгров не стали угрожать австрийской реакции, одержавшей победу над Веной. Лишь тогда эти русские войска хлынули на Венгрию и, раздавив венгерскую революцию, обеспечили победу реакции на всем Западе. Европа была брошена к ногам царя, потому что она оставила Польшу. Воистину Польша не похожа ни на какую иную страну. В революционном аспекте это краеугольный камень европейского здания: сумеет ли удержаться в Польше революция или реакция, — та или другая окончательно победит и во всей Европе. Именно эта особенность придает Польше то значение, которое она имеет для всех революционеров и которое заставляет нас и теперь воскликнуть: *Да здравствует Польша!*

Произнесена Ф. Энгельсом
22 января 1876 г.

Напечатана в газете «Вперед!» (Лондон)
№ 27, 15 февраля 1876 г.

Печатается по рукописи,
сверенной с текстом газеты

Перевод с французского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПРУССКАЯ ВОДКА В ГЕРМАНСКОМ РЕЙХСТАГЕ[27]

Написано Ф. Энгельсом в феврале 1876 г.

Напечатано в газете «Der Volksstaat» №№ 23, 24 и 25; 25, 27 февраля и 1 марта 1876 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

I

4 февраля г-н фон Кардорф сделал имперскому правительству запрос по поводу высокого обложения немецкого «спирта» в Англии и Италии. Он обратил внимание господ депутатов (см. сообщение «Kolnische Zeitung»[28]) на то, что

«в наших восточных и северных провинциях обширные пространства, сотни квадратных миль довольно скудных, бесплодных земель, благодаря широко распространившемуся возделыванию картофеля, достигли сравнительно высокого плодородия и культуры, а возделывание картофеля в свою очередь вызвано тем, что в этих районах разбросано множество винокуренных заводов, которые заняты производством спирта в качестве побочного сельскохозяйственного промысла. Если прежде в этих районах проживало около 1000 человек на квадратную милю, то теперь благодаря производству спирта земля дает пропитание приблизительно 3000 человек на квадратную милю, ибо винокуренные заводы являются для картофеля необходимым рынком сбыта, ввиду того что картофель из-за его объема трудно перевозить, а зимой из-за морозов перевозить и вовсе нельзя. Во-вторых, винокуренные заводы превращают картофель в высокоценный и легко транспортируемый спирт и, наконец, делают землю плодороднее благодаря большому количеству кормовых отходов. Насколько значительны доходы, связанные с этим делом, может уяснить себе каждый, кто примет во внимание, что доход, получаемый государством от налога на спирт, составляет у нас около 36 млн. марок, несмотря на то что в Германии наиболее низкий налог на спирт по сравнению со всеми странами мира, например в пять раз более низкий, чем в России».

Прусские юнкеры в последнее время должно быть очень расхрабрились, если они осмеливаются обратить внимание всего мира на свою «спиртовую промышленность», или vulgo* винокурение.

* — попросту. *Ред.*

В прошлом столетии в Германии перегонялось лишь небольшое количество водки, да и то лишь из зерна. Тогда, правда, не умели отделять содержащееся в этой водке сивушное масло (к этому пункту мы еще вернемся), так как само сивушное масло еще вовсе не было известно; но по опыту знали, что от продолжительного хранения качество водки существенно улучшается, теряется ее жгучесть и она действует менее охмеляюще и менее разрушительно для здоровья. Мелкобуржуазные условия, при которых тогда производилась водка, и еще не развитый спрос, считавшийся более с качеством, чем с количеством, позволяли почти везде годами выдерживать хлебное вино в погребах и, таким образом, путем постепенного химического изменения наиболее вредных его составных частей придавать ему менее губительный характер. Так, в конце прошлого столетия мы находим сравнительно развитое винокурение лишь в немногочисленных городских пунктах — в Мюнстере, Ульрихштейне, Нордхаузене и др., и их продукт обычно сопровождался прилагательным «старый».

К началу нынешнего столетия число винокуренных заводов в сельских местностях увеличилось, винокурение стало побочным промыслом более крупных землевладельцев и арендаторов, особенно в Ганновере и Брауншвейге. Они находили покупателей, с одной стороны, благодаря все более расширяющемуся потреблению водки, а с другой стороны, благодаря потребностям постоянно возрастающих и постоянно воюющих армий, которые, со своей стороны, распространяли пристрастие к водке во все более широких кругах. После заключения мира в 1814 г. винокурение могло таким образом распространиться все шире и шире и пустить прочные корни на Нижнем Рейне, в Прусской Саксонии, Бранденбурге и Лужице, выступая в указанном, совершенно отличном от старого городского винокурения виде — в качестве побочного занятия крупных сельских хозяев.

Но поворотным пунктом для винокурения было открытие, что водку можно выгодно производить не только из зерна, но также и из *картофеля.* Тем самым весь промысел был революционизирован. С одной стороны, центр тяжести винокурения был теперь окончательно перенесен из города в деревню, и мелкобуржуазные производители доброго старого напитка псе больше и больше вытеснялись крупными землевладельцами, производителями гнусной картофельной сивухи. Но, с другой стороны, — и это исторически гораздо важнее, — крупный землевладелец, перегонявший водку из зерна, был вытеснен крупным землевладельцем, перегонявшим водку из картофеля; винокурение все больше и больше перемещалось из плодород-

ных зерновых районов в неплодородные картофельные, т. е. из Северо-Западной Германии в Северо-Восточную, — в *старую Пруссию,* на восток от Эльбы.

Этот поворотный пункт наступил тогда, когда разразился неурожай и голод 1816 года. Несмотря на более высокие урожаи двух последующих лет, цены на зерно вследствие неудержимого вывоза зерна в Англию и в другие страны оставались настолько высокими, что стало почти невозможно употреблять зерно для винокурения. Оксхофт* водки, который в 1813 г. стоил только 39 талеров, продавался в 1817 г. за 70 талеров. Тогда картофель занял место зерна, и в 1823г. оксхофтстоил уже от 14 до 17 талеров!

Но откуда у бедных остэльбских юнкеров, которые были якобы дотла разорены войной и жертвами, принесенными на алтарь отечества, взялись средства, с помощью которых они превратили тяготевшие над ними ипотечные долги в прибыльные водочные заводы? Правда, благоприятная конъюнктура 1816—1819 гг. принесла им очень высокие доходы и увеличила их кредит благодаря всеобщему повышению цен на землю; но этого было далеко не достаточно. Наши патриотические юнкеры получили, однако, сверх того: во-первых, государственную помощь в различных прямых и косвенных формах, а во-вторых, сюда прибавилось еще одно обстоятельство, на которое надо обратить особое внимание. Как известно, в Пруссии в 1811 г. выкуп крестьянских барщинных повинностей и вообще конфликты между крестьянами и помещиками были урегулированы законом таким образом, что натуральные повинности превращались в денежные, последние капитализировались и могли быть выкуплены либо наличными деньгами с определенной рассрочкой платежей, либо путем уступки помещику части крестьянской земли, либо же частично деньгами, частично—землей. Этот закон оставался мертвой буквой, пока высокие хлебные цены 1816—1819 гг. не дали крестьянам возможности ускорить выкуп. С 1819 г. выкупные операции быстро двинулись вперед в Бранденбурге, более медленно в Померании, еще медленнее в Познани и Пруссии. Деньги, отнятые у крестьян таким способом, — правда, по закону, но не по праву (ибо барщинные повинности были навязаны крестьянам вопреки праву), — эти деньги, поскольку они тотчас же не прокучивались по старому дворянскому обычаю, шли главным образом на основание винокуренных предприятий. И в остальных трех названных провинциях винокурение распространялось в той же мере, в какой выкупные платежи

* — старинная мера жидкости в Германии, в среднем равная 225 литрам. *Ред.*

крестьян предоставляли для этого средства. Таким образом, водочная промышленность прусских юнкеров была создана буквально на деньги, отнятые у крестьян. И она бойко, развивалась, особенно с 1825 года. Уже спустя два года, в 1827 г., и Пруссии производилось 125 млн. четвертей водки, т. е. по $10^1/_2$ четвертей на душу населения, общей стоимостью в 15 млн. талеров; напротив, Ганновер, бывший пятнадцатью годами раньше первым водочным государством Германии, производил только 18 млн. четвертей.

Понятно, что с того времени вся Германия, поскольку отдельные государства или таможенные союзы отдельных государств не оградили себя от этого таможенным барьером, была прямо-таки затоплена бурным потоком прусской картофельной сивухи. Четырнадцать талеров за ом* в 180 четвертей, т. е. 2 гроша 4 пфеннига за четверть по оптовой цене! Пьянство, которое раньше обходилось в три-четыре раза дороже, теперь стало повседневно доступным даже самым неимущим людям, с тех пор как за пятнадцать зильбергрошей каждый получил возможность быть всю неделю в стельку пьяным.

Действие этих беспримерно дешевых цен на водку, которые дали себя знать в различных местах в разное время, но везде почти с быстротой молнии, было неслыханным. Я еще очень хорошо помню, как в конце 20-х годов дешевизна цен на водку внезапно распространилась на Нижнерейнский промышленный округ. В частности в Бергском округе, и особенно в Эльберфельд-Бармене, масса рабочего населения предалась пьянству. Толпами, рука об руку, запрудив улицу во всю ширину, шумя и горланя, «пьяные мужчины» шатались с 9 часов вечера из трактира в трактир и наконец разбредались по домам. При тогдашнем культурном уровне рабочих, при полной безвыходности их положения в этом не было ничего удивительного особенно в благословенном Вуппертале, где в течение шестидесяти лет одно производство беспрестанно вытесняло другое, где одна часть рабочих, таким образом, жила в постоянной нужде, если не вовсе не имела хлеба, тогда как другая часть (тогда — красильщики) оплачивалась по тем временам хорошо. И если, как это было тогда, вуппертальским рабочим не оставалось ничего другого, кроме выбора между земной водкой кабаков и небесной водкой пиетистских попов, — мудрено ли, что они предпочитали первую, как бы плоха она ни была.

А она была очень плоха. Как только водка выходила из холодильника, она рассылалась без всякой дальнейшей очистки,

* — старинная мера жидкости в Германии, в среднем равная 150 литрам. *Ред.*

со всем содержащимся в ней сивушным маслом, и сразу распивалась. Все водочные изделия, перегоняемые из виноградных выжимок, из свеклы, зерна или картофеля, содержат это сивушное масло, смесь, состоящую из высших спиртов, т. е. из жидкостей, аналогичных по составу обыкновенному алкоголю, но с большим содержанием углерода и водорода (в частности первичный пропиловый спирт, изобутиловый спирт, но в первую очередь амиловый спирт). Все эти виды спиртов вреднее обыкновенного винного спирта (этилового спирта), и доза, при которой они действуют отравляюще, гораздо меньше, чем соответствующая доза последнего. Профессор Бинц в Бонне после многократных опытов недавно установил, что опьяняющее действие наших спиртных напитков, точно так же, как и их неприятные последствия в виде пресловутого похмелья или в виде более серьезных явлений заболевания и отравления, должны быть приписаны не столько обычному винному, или этиловому, спирту, сколько главным образом высшим спиртам, т. е. сивушному маслу. Они действуют, однако, не только более опьяняюще и разрушительно, но и определяют характер опьянения. Каждый знает по собственному наблюдению, если не из опыта, как различно действует на мозг опьянение вином (даже разными сортами вина), пивом или водкой. Чем больше в напитке сивушного масла и чем вреднее это сивушное масло по своему составу, тем более омерзительно и буйно опьянение. Молодая неочищенная картофельная водка по сравнению с другими крепкими напитками содержит, как известно, наибольшее количество сивушного масла, наиболее вредно действующего состава. Действие непривычно больших количеств этого напитка на такое легко возбудимое, темпераментное население, как население Бергского округа, было, разумеется, вполне соответствующим. Характер опьянения совершенно изменился. Всякое празднество, прежде кончавшееся добродушным весельем и лишь изредка эксцессами, при которых, правда, нередко пускали в ход «Kneif» (нож, по-английски knife), каждое такое празднество стало превращаться в дикую попойку и завершалось неизбежной дракой, которая никак не обходилась без поножовщины, причем смертельные случаи от ножевых ран имели место все чаще. Попы сваливали вину за это на растущее безбожие, юристы и прочие филистеры — на кабацкие попойки. Настоящей же причиной было внезапное наводнение прусской сивухой, которая производила свое естественное физиологическое действие и отправляла в крепостные казематы сотни бедняг.

Это острое действие дешевой водки продолжалось много лет, пока оно мало-помалу в большей или меньшей мере не притупилось. Но ее влияние на нравы не исчезло полностью; водка осталась в большей степени, чем раньше, жизненной потребностью рабочего класса, а ее качество, хотя несколько и улучшилось, оставалось все же гораздо ниже качества прежнего старого хлебного вина.

То же самое, что было в Бергском округе, происходило и в других районах. Сетования филистеров по поводу роста среди рабочих чрезмерного потребления водки никогда еще не были так повсеместны, единодушны и громогласны, как в 1825— 1835 годах. Можно даже поставить вопрос, не объясняется ли та апатия, с которой именно северогерманские рабочие отнеслись к событиям 1830 г., не пробудившим их активности, — не объясняется ли эта апатия в значительной степени водкой, во власти которой они тогда находились больше, чем когда бы то ни было. Серьезные и особенно успешные восстания возникали только в винодельческих районах или в тех немецких государствах, которые в большей или меньшей мере оградили себя от прусской водки таможенными пошлинами. Это не единственный случай, когда водка спасала прусское государство.

Единственной отраслью промышленности, которая привела к еще более опустошительным прямым результатам, — да и то не против собственного, а против чужого народа, — было англоиндийское производство опиума для отравления Китая.

Между тем производство водки стремительно развивалось, распространялось все больше и больше на восток и занимало под картофель морген за моргеном песчаные и болотистые пустоши Северо-Восточной Германии. Не довольствуясь тем, что она осчастливила свое отечество, эта отрасль производства стремилась к тому, чтобы сделать доступной благословенную старопрусскую сивуху и для заграницы. Обыкновенную водку перегоняли еще раз, чтобы удалить из нее часть содержащейся в ней воды, и называли полученный таким способом содержащий воду неочищенный винный спирт «Sprit», что представляет собой перевод на прусский язык латинского Spiritus. Высшие спирты имеют более высокую точку кипения, чем этиловый спирт. В то время как последний кипит при $78^1/_2$°стоградусного термометра, точка кипения первичного пропилового спирта равна 97°, изобутилового спирта — 109°, амилового спирта — 132°. Так что надо полагать, что при осторожной дистилляции по крайней мере большая часть амилового спирта, главной составной части сивушного масла, равно как и часть изобутилового спирта, должны остаться, и при дистилляции уйдет

самое большее лишь часть их, наряду с большей частью первичного пропилового спирта, который, впрочем, в сивушном масле представлен очень слабо. Но даже научная химия не в состоянии путем дистилляции отделить эти три упомянутых низших спирта, а амиловый спирт можно выделить из сивушного масла только путем неприменимой в винокурении дробной перегонки. К тому же в сельских водочных предприятиях перегонка производится достаточно грубо. Так что нет ничего удивительного в том, что спирт, производившийся в начале сороковых годов, отличался еще изрядной примесью сивушного масла, что легко было установить по запаху: чистый или содержащий только воду винный спирт почти не имеет запаха.

Этот спирт отправлялся преимущественно в Гамбург. Что происходило с ним дальше? Часть направлялась в такие страны, куда ввозные пошлины не закрывали ему всякий доступ; в этом экспорте принимал участие также Штеттин; однако преобладающая его часть использовалась в Гамбурге и Бремене для фальсификации рома. Этот вид водки, который перегонялся в Вест-Индии частично из самого сахарного тростника, но большей частью из отходов, остающихся при изготовлении сахара, был единственным ее видом, который вследствие дешевизны его изготовления мог еще конкурировать с картофельной водкой в качестве напитка, представлявшего для масс своего рода роскошь. Чтобы изготовить «тонкий», но в то же время дешевый ром, брали примерно бочку действительно тонкого ямайского рома, три-четыре бочки дешевого, скверного бербисского рома и две-три бочки прусского картофельного спирта, — и эта, или ей подобная, смесь давала в общем то, чего хотели. Этот «яд», как сами купцы, занимавшиеся фальсификацией, называли в моем присутствии такую смесь, пересылался морем в Данию, Швецию, Норвегию и Россию; однако весьма значительная часть его направлялась снова вверх по Эльбе или через Штеттин в районы, откуда прибывал благородный спирт, и частью распивалась там в качестве рома, а частью контрабандным путем шла оттуда в Австрию и Польшу.

Гамбургские купцы не ограничились фальсификацией рома. С присущей им гениальностью они сразу увидели, какая потрясающая будущность уготована прусской картофельной водке. Они испробовали свои силы на всякого рода других напитках, и уже к концу 30-х годов никто в непрусской Северной Германии, сколько-нибудь знавший толк в вине, не хотел получать белые французские вина из Гамбурга, так как всем было

известно, что они там подслащивались свинцовым сахаром и приобретали тем самым отравляющие свойства. Как бы то ни было, но картофельный спирт стал основой все возрастающей фальсификации напитков. За ромом последовал коньяк, который требовал уже более искусного обращения. Вскоре к вину начали примешивать спирт и, наконец, дошли до того, что стали приготовлять портвейн и испанские вина... совсем без вина: из спирта, воды и растительных соков; последние часто заменялись химическими препаратами. Еще более способствовало процветанию дела то, что во многих странах подобные проделки либо были прямо запрещены, либо так близко подходили под уголовные законы, что не было расчета отваживаться на них. Но Гамбург был резиденцией неограниченной свободы торговли, и фальсификация «на благо Гамбурга» развернулась там вовсю.

Однако монополия в деле фальсификации продолжалась недолго. После революции 1848 г., когда во Франции исключительное господство крупных финансистов и небольшой кучки видных крупных промышленников было заменено кратковременным господством буржуазии в целом, французские промышленники и торговцы начали понимать, какие чудодейственные силы дремлют в бочке прусского картофельного спирта. Они стали подделывать свой коньяк уже у себя дома вместо того, чтобы посылать его нефальсифицированным за границу; а тем более предназначенный для внутреннего потребления коньяк (я называю так для краткости всякую водку, полученную из виноградных выжимок) стали облагораживать крепкой примесью прусского картофельного спирта. Благодаря этому коньяк — единственная водка, которая во Франции идет для массового потребления, — значительно подешевел. Вторая империя покровительствовала этим проделкам, разумеется, в интересах страдающих масс, и в результате к моменту краха наполеоновской династии мы видим, что вследствие благотворного действия старой прусской водки пьянство, которое было там раньше почти неизвестно, получило во Франции значительное распространение.

Ряд небывало плохих сборов винограда и, наконец, торговый договор 1860 г., который открыл для французской торговли вином доступ в Англию, дали толчок для нового прогресса. Слабые вина неурожайных лет, кислоту которых не могло устранить добавление сахара, нуждались в примеси алкоголя для повышения крепости. Их смешивали поэтому с прусским спиртом. Кроме того, англичане привыкли к крепким винам, и натуральные французские вина, которые теперь в огромном количестве шли на экспорт, оказались для англичан слишком

слабыми и холодными. Можно ли было найти на свете что-либо лучше прусского спирта, для того чтобы сделать их крепкими и горячими? Бордо все более становился центром фальсификации французских, испанских и итальянских вин, которые превращались там в «тонкое бордо», и вместе с тем — центром... использования прусского спирта.

Да, испанские и итальянские вина! С тех пор как потребление французских красных вин, — а других не желает пить ни один буржуа, — достигло таких огромных размеров в Англии, Северной и Южной Америке и в колониях, —даже почти неисчерпаемых винных богатств Франции оказалось уже недостаточно. Почти весь пригодный сбор винограда в Северной Испании, в том числе весь сбор в богатом виноградом Риохе в долине Эбро, идет в Бордо. Генуя, Ливорно и Неаполь посылают туда же целые корабли, нагруженные вином. С помощью прусского спирта эти вина приводятся в такое состояние, при котором они могут выдержать транспортирование морем, и в то же время этот вывоз вина так повышает цены на него в Испании и Италии, что вино, которое масса трудящегося населения раньше употребляла ежедневно, становится для нее совершенно недоступным. Вместо вина она пьет водку, а главная составная часть этой водки — опять-таки прусский картофельный спирт. Впрочем, г-н фон Кардорф жалуется в рейхстаге на то, что в Италии это происходит еще в недостаточной степени.

Куда ни повернешься, везде мы встречаем прусский спирт. Прусский спирт простирается несравненно дальше, чем рука германского имперского правительства. И всюду, где мы находим этот спирт, он служит прежде всего... для фальсификации. Он становится средством, которое делает южноевропейские вина пригодными для транспортировки морем и отнимает их вместе с тем у местного трудящегося населения. И подобно тому, как копье Ахилла лечило раны, им же нанесенные[29], прусский спирт преподносит рабочему классу взамен отнятого у него вина — фальсифицированную водку! Спирт, добываемый из картофеля, это для Пруссии то же самое, что железо и хлопчатобумажные товары для Англии; это товар, который представляет Пруссию на мировом рынке. Поэтому-то новейший приверженец и вместе с тем возродитель социализма, господин Евгений Дюринг, мог прославлять винокурение «прежде всего... как естественную связь (индустрии) с сельскохозяйственной деятельностью» и торжествующе провозглашать:

«Значение производства спирта так велико, что его скорее можно недооценить, чем переоценить!»[30]

И разумеется, anch' io son'pittore (я тоже живописец, как сказал Корреджо[31]) означает по-прусски: «Я тоже винокур».

Этим, однако, чудесные подвиги прусской картофельной водки далеко не исчерпываются.

«Если прежде в этих районах», — сказал г-н фон Кардорф, — «проживало около 1000 человек на квадратную милю, то теперь, *благодаря производству спирта,* земля дает пропитание *приблизительно 3000 человек на квадратную милю».*

И это в общем верно. Я не знаю, о каком времени говорит г-н фон Кардорф, когда он определяет численность населения в 1000 человек на квадратную милю. Когда-нибудь такое время наверное было. Но если исключить провинции Саксонию и Силезию, где винокурение по сравнению с другими отраслями промышленности играет менее видную роль, а также Познань, большая часть которой, несмотря на все усилия правительства, все еще проявляет одно лишь желание — оставаться польской, то у нас имеются три провинции: Бранденбург, Померания п Пруссия. Эти три провинции занимают поверхность в 2415 квадратных миль. В 1817 г. все их население исчислялось в 3479825 человек, или 1441 человек на квадратную милю; в 1871 г. — в 7432407 человек, или 3078 на квадратную милю. Мы совершенно согласны с г-ном фон Кардорфом, когда он рассматривает этот прирост населения главным образом как прямой или косвенный результат винокурения. Если мы отнесем сюда же Альтмарк, северную земледельческую Нижнюю Силезию и преимущественно немецкую часть Познани, в которых население формировалось подобным же образом, то перед нами подлинно водочная область, а вместе с тем и *ядро прусской монархии.* И тут открывается совершенно другая перспектива. Винокурение выступает в настоящее время в качестве подлинной материальной основы современной Пруссии. Без него прусское юнкерство должно было бы погибнуть; его поместья были бы частично скуплены крупными земельными магнатами, которые образовали бы немногочисленную аристократию в российском духе, а частично были бы раздроблены, образуя основу для самостоятельного крестьянского сословия. Без винокурения ядром Пруссии оставалась бы область с какими-нибудь 2000 человек населения на квадратную милю, область, не способная играть в дальнейшей истории никакой роли, ни положительной, ни отрицательной, пока буржуазная промышленность не развилась бы в достаточной мере, чтобы и здесь взять на себя общественное, а может быть, и политическое руководство. Винокурение дало развитию другое направление. На почве, которая не производит почти ничего, кроме

картофеля и захолустных юнкеров, но зато уж в массовом масштабе, на этой почве винокурение оказалось в состоянии выдержать мировую конкуренцию. Пруссия, которой все более благоприятствовал растущий спрос — вследствие уже указанных обстоятельств, — могла подняться до уровня центрального водочного завода мира. При наличных общественных отношениях это означало не что иное, как образование, с одной стороны, класса средних землевладельцев, младшие сыновья которых становились главным материалом для кадров офицерства и бюрократии, т. е. новое продление срока жизни юнкерства; с другой же стороны — образование относительно быстро увеличивающегося класса полукрепостных, из которых рекрутируется масса «кадровых полков» армии. О положении этой рабочей массы, номинально свободной, но практически большей частью совершенно закабаленной помещиком посредством годовых контрактов, натуральной оплаты, жилищными условиями, наконец посредством полицейской власти в поместье, которая при новом законе об округах лишь видоизменила свою форму[32], — о положении этой массы можно получить представление по сочинениям профессора фон дер Гольца. Короче говоря, если Пруссия оказалась в состоянии мало-мальски переварить проглоченные в 1815 г. территории на западном берегу Эльбы, в 1848 г. — подавить революцию в Берлине, в 1849 г., несмотря на рейнско-вестфальские восстания, встать во главе германской реакции, в 1866-г.—провести войну с Австрией, а в 1871 г. — подчинить всю Малую Германию руководству самой отсталой, самой косной, самой невежествен ной, еще полуфеодальной части Германии, если Пруссия могла все это сделать, то чему она этим обязана? — Винокурению.

II

Вернемся, однако, к рейхстагу. В прениях принимают участие главным образом г-н фон Кардорф, г-н фон Дельбрюк и представитель Гамбургского союза Крюгер. После этих прений может показаться, что мы совершили по отношению к прусскому картофельному спирту вопиющую несправедливость. Все зло не в прусском, а в русском спирте. Г-н фон Кардорф жалуется на то, что гамбургские промышленники перерабатывают в спирт русскую водку (а она, как определенно подчеркивает г-н Крюгер, перегоняется не из картофеля, а из зерна), «рассылают ее под видом немецкого спирта и тем самым наносят ущерб репутации прусского спирта». Г-ну Дельбрюку указали, что «такая подмена натолкнулась бы на большие затруднения, потому что из русской водки до сих пор еще не удавалось изготовлять спирт *без запаха,* как из немецкой», но он на это предусмотрительно заметил: «Господа, этого я, конечно, не могу знать».

Итак, все зло не в прусском картофельном спирте, а в русском хлебном. Прусский картофельный спирт «не имеет запаха», т. е. не содержит сивушного масла; русский же хлебный спирт не умеют еще изготовлять без запаха, стало быть, он содержит в себе сивушное масло, и когда он продается под маркой прусского, он наносит ущерб бессивушной репутации прусского спирта. Судя по этому, мы мошенническим образом и с явно враждебными империи, намерениями оклеветали прусский «бессивушный» спирт. Посмотрим, как обстоит дело в действительности.

Действительно, существует способ очищать водку от сивухи путем ее обработки раскаленным древесным углем. В результате этого поступающий в продажу спирт в последнее время вообще содержит меньше сивушного масла. Однако между двумя сортами спирта, которые нас здесь интересуют, разница такова: спирт, изготовленный из зерна, без особого труда может быть *совершенно* освобожден от сивухи, в то время как освобождение от сивухи спирта, добываемого из картофеля,

гораздо труднее, а в крупном производстве практически настолько невозможно, что даже самый чистый спирт, изготовленный из картофельной водки, при растирании на руке всегда оставляет запах сивухи. Отсюда правило, что для применения в аптеках и для тонких ликеров берется или во всяком случае должен быть взят (так как и здесь производят фальсификацию!) только хлебный и ни в коем случае не картофельный спирт.

Через несколько дней после того, как «Kolnische Zeitung» опубликовала вышеупомянутые прения о водке, она приводит в отделе разных сообщений (8 февраля, на первой странице) тяжкие сетования какого-то рейнского любителя выпить:

«Было бы крайне желательно иметь возможность обнаруживать *примесь картофельного спирта и к тонким винам.* Правда, *отвратительная тяжесть в голове* указывает задним числом на его присутствие, но слишком поздно. Картофельный спирт *содержит сивушное масло,* неприятный запах которого заглушается специфическим запахом вина. *Этот вид фальсификации — один из самых распространенных».*

Наконец, для того, чтобы успокоить старопрусских винокуров, г-н Крюгер предал гласности тот внушающий опасение факт, что на гамбургском рынке русский хлебный спирт оплачивается на *четыре марки дороже,* чем прусский картофельный спирт. Последний расценивался 7 февраля в Гамбурге по 35 марок за 100 литров; русский спирт расценивался, стало быть, на 12 процентов выше прусского, репутацию которого он якобы подрывает!

И вот после всех этих фактов поглядите-ка на мину оскорбленной невинности у этого оклеветанного, «не имеющего запаха», ревнивого к своей репутации, добродетельного прусского «бессивушного» спирта, который в оптовой торговле стоит только 35 пфеннигов за литр — дешевле пива! Если сопоставить прения и факты, то разве не появляется искушение спросить: кого же здесь принимают за дурака?

Благословенное влияние прусского сивушного масла — всеобъемлюще, так как вместе с картофельным спиртом оно проникает во всякий напиток. От кислого, слабого мозельского и рейнского вина худшего сорта, которое при помощи картофельного сахара и картофельного спирта чудесным образом превращается в браунбергское и нирштейнское, от скверного красного вина, которое со времен гладстоновского торгового договора наводняет Англию и называется там «Гладстон», и до шато-лафита и шампанского, портвейна и мадеры, которые буржуазия распивает в Индии, Китае, Австралии и Америке, — нет ни одного напитка, в состав которого не входило бы прусское сивушное масло. Производство этих напитков процветает

всюду, где растет виноград и где на складах вино хранится в большом количестве, и производители поют там дифирамбы картофельному спирту. А потребители? Потребители по «отвратительной тяжести в голове» узнают, в чем именно состоит благословение прусской сивухи, и стараются держаться от этого благословения подальше. В Италии, как говорит фон Кардорф, торговый договор применяется таким образом, что за прусский спирт приходится платить чрезмерно высокую пошлину. Ввоз спирта в Бельгию, Америку, Англию стал невозможным из-за высоких пошлин. Во Франции таможенные чиновники наклеивают на бочки со спиртом красные ярлыки, чтобы обозначить, что они прусские, — действительно впервые французские таможенные чиновники сделали хоть кое-какое общеполезное дело! Словом, дело дошло до того, что г-н фон Кардорф в отчаянии восклицает:

«Господа, если вы представите себе положение немецкой спиртовой промышленности, вы увидите, *что все страны трусливейшим образом запираются от нашего спирта!»*

Ну, конечно! Благодетельное влияние этого спирта мало-помалу стало известно всему миру, и единственное средство избавиться от «отвратительной тяжести в голове» — это вообще не пропускать в страну сивухи.

Вдобавок на притесняемых шнапс-юнкеров надвигается теперь с Востока тяжелая, гнетущая грозовая туча. Великий брат в России, последний оплот и последняя защита всех стародавних порядков против современной жажды разрушения, начинает теперь тоже производить и вывозить водку, и как раз хлебную водку, притом продавая ее так же дешево, как прусские юнкеры свою картофельную водку. Из года в год увеличивается производство и вывоз этой русской водки, и если до сих пор она перегонялась в спирт в Гамбурге, то теперь, как сообщает нам г-н Дельбрюк, «в ряде русских портов... в настоящее время уже строится несколько предприятий, оборудованных превосходнейшими аппаратами для перегонки русской водки», и он предупреждает господ юнкеров, что русская конкуренция из года в год будет все больше и больше усиливаться. Г-н фон Кардорф прекрасно понимает это и требует, чтобы правительство решительно запретило транзит русского спирта через Германию.

Однако, г-н фон Кардорф, как депутат, принадлежащий к свободным консерваторам, должен был бы суметь правильнее определить позицию германского имперского правительства по отношению к России. После аннексии Эльзаса и Лотарингии и неслыханной военной контрибуции в пять миллиардов, вследствие которой Францию превратили в неизбежного союзника

любого врага Германии, и при политике, повсюду стремящейся заставить себя уважать или, вернее, бояться, но нигде — любить, осталось лишь одно из двух: либо быстро разбить также и Россию, либо же.., став послушным слугой русской дипломатии, обеспечить себе союз с Россией (поскольку можно на нее полагаться). Так как не могли решиться на первое, то оказались обреченными на второе. Пруссия, а с ней и вся империя, снова находятся в такой же зависимости от России, как после 1815 и после 1850 г., а Священный союз точно так же, как и после 1815 г., служит лишь прикрытием этой зависимости. Результатом всех достославных побед является то, что Германия по-прежнему остается пятой спицей в европейской колеснице. А Бисмарк еще удивляется тому, что германское общество по-прежнему интересуется больше событиями, происходящими за границей, где находятся действительно решающие центры, чем делами имперского правительства, не имеющего никакого значения в Европе, или речами в рейхстаге, не имеющем никакого значения в Германии! Запретить транзит русского спирта! Хотел бы я видеть того рейхсканцлера, который осмелился бы на это, не имея в кармане объявления войны России! И когда г-н фон Кардорф ставит имперскому правительству такое странное требование, то можно подумать, что не только *питье* водки, но даже *изготовление* водки затуманивает рассудок. Ведь даже более знаменитые винокуры, чем г-н фон Кардорф, в последнее время стали проделывать такие вещи, для которых, с их же собственной точки зрения, нельзя найти решительно никакого разумного объяснения.

Впрочем, вполне понятно, что русская конкуренция внушает зловещий ужас нашим шнапс-юнкерам. В центре России существуют обширные земельные пространства, где хлеб можно получить так же дешево, как в Пруссии картофель. К тому же и топливо в России большей частью дешевле, чем в районах нашего винокурения. Все материальные предпосылки налицо. Что ж тут удивительного, если часть русского дворянства, точно так же, как и прусские юнкеры, вкладывает в винокуренные предприятия деньги, полученные от государства за счет крестьян при выкупе барщинных повинностей? Что удивительного в том, что эти винокуренные предприятия при наличии непрерывно растущего рынка и при том преимуществе, которое хлебная водка при равной или немного более высокой цене всегда имеет перед картофельной водкой, быстро распространились и что уже сейчас можно предвидеть то время, когда их продукция целиком вытеснит с рынка прусский картофельный спирт? Здесь не помогут никакие сетования, никакие вопли.

Законы капиталистического производства, пока оно существует, так же неумолимы для юнкеров, как и для евреев. Благодаря русской конкуренции приближается тот день, когда падет священный Илион, когда славная прусская водочная промышленность исчезнет с мирового рынка и в лучшем случае будет еще накачивать сивухой внутренний рынок. Но в тот день, когда у прусских юнкеров будет отнят водочный шлем и у них останется только шлем фамильного герба или в лучшем случае армейский шлем, наступит конец Пруссии. Если даже отвлечься от всего хода мировой истории, от возможности, вероятности или неизбежности новых войн или переворотов, одна уж конкуренция русской водки должна разорить Пруссию, поскольку она уничтожает промышленность, поддерживающую земледелие восточных провинций на нынешней ступени его развития. Но тем самым она уничтожает и условия существования юнкеров к востоку от Эльбы с их 3000 крепостных на каждую квадратную милю; тем самым она уничтожает основу прусского государства — тот материал, из которого вербуются офицеры, унтер-офицеры и беспрекословно повинующиеся приказам солдаты, и, кроме того, материал, из которого образуется основное ядро бюрократии — тот материал, который придает теперешней Пруссии ее специфический характер. С падением винокурения рушится прусский милитаризм, а без него Пруссия — ничто. Восточные провинции займут тогда то положение, которого они заслуживают в Германии в соответствии с их редким населением, с их подчиненной земледелию индустрией, с их полуфеодальным состоянием, слабым развитием в них городской культуры и всеобщего обучения. Остальные области Германской империи, освобожденные от гнета этого наполовину средневекового господства, вздохнут тогда легче и займут положение, соответствующее их промышленному развитию и более высокому образованию. А сами восточные провинции изберут для себя другие отрасли промышленности, менее зависимые от земледелия и в меньшей степени допускающие феодальный способ производства, и тем временем доставят свои армии не прусскому государству, а социал-демократии. Весь остальной мир будет ликовать, что наконец покончено раз навсегда с прусским сивушным ядом. А прусским юнкерам и «растворившемуся, наконец, в Германии» прусскому государству придется утешать себя словами поэта:

То, что в песне бессмертно живет,
В жизни погибнуть должно*.

---

* Шиллер. «Боги Греции». *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

———

ВИЛЬГЕЛЬМ ВОЛЬФ [33]

Написано Ф. Энгельсом в июне — ноябре 1876 г.

Напечатано в журнале «Die Neue Welt» №№ 27, 28, 30, 31, 40, 41, 42, 43, 44, 45 и 47; 1, 8, 22 и 29 июля; 30 сентября;

7, 14, 21 и 28 октября; 4 и 25 ноября 1876 г. и в книге: «Die schlesische Milliarde». Von Wilhelm Wolff. Mit Einleitung von Friedrich Engels. Hottingen-Zurich. 1886

Подпись: Фридрих Энгельс

Печатается по тексту журнала, сверенному с текстом книги

Перевод с немецкого

Было это, если я не ошибаюсь, приблизительно в конце апреля 1846 года. Маркс и я жили в то время в одном из предместий Брюсселя; мы были как раз заняты вместе одной работой[34], когда нам сообщили, что с нами желает говорить какой-то господин из Германии. Мы увидели человека небольшого роста, но очень крепкого сложения; выражение лица настолько же свидетельствовало о доброжелательности, как и о спокойной решительности; фигура восточногерманского крестьянина в одежде восточногерманского захолустного бюргера. Это был Вильгельм Вольф. Преследуемый за нарушение законов о печати, он счастливо, избежал прусских тюрем. При первом взгляде на него мы не подозревали, какой редкостный человек скрывается под этой невзрачной внешностью. Не прошло и нескольких дней, как между нами и новым товарищем по изгнанию установились сердечные дружеские отношения, и мы могли убедиться, что имеем дело с отнюдь не заурядным человеком. Его ум, прекрасно воспитанный в школе классической древности, его богатый юмор, ясное понимание трудных теоретических проблем, его пламенная ненависть ко всем угнетателям народных масс, его энергичный и в то же время спокойный нрав, — все это раскрылось перед нами сразу; но понадобились долгие годы совместной деятельности и дружеского общения в борьбе, в победе и в поражении, в хорошие и плохие времена, чтобы мы могли во всей полноте оценить непоколебимую стойкость его характера, его абсолютную, не вызывающую никаких сомнений верность, его неизменное чувство долга, одинаково строгое по отношению к врагу и к другу, а также и к самому себе.

I

Вильгельм Вольф родился 21 июня 1809 г. в Тарнау, в окрестностях Франкенштейна, в Силезии. Его отец был наследственно-зависимый крестьянин, содержавший вместе с тем «судейскую корчму» (трактир, по-польски — karczma, где происходили заседания сельского суда), что не освобождало его от обязанности вместе с женой и детьми отбывать барщину у помещика. Таким образом, Вильгельм с ранних лет не только узнал, но и лично испытал горькую долю крепостного крестьянина в Восточной Пруссии. Но он научился и большему. Его мать, о которой он говорил всегда с особенной теплотой и которая по образованию стояла выше своей среды, пробудила и воспитала в нем гнев против бесстыдной эксплуатации и унизительного обращения с крестьянами со стороны феодальных господ. Как бурлил и кипел в нем всю жизнь этот гнев, мы увидим, подойдя к тому периоду его жизни, когда он мог его, наконец, проявить публично. Скоро обнаружились способности крестьянского мальчика и его любовь к учению; необходимо было устроить его в гимназию, но каких только препятствий не пришлось преодолеть, прежде чем это было выполнено! Не говоря уже о денежных затруднениях, на пути стояли помещик и его управляющий, а без них ничего нельзя было сделать. Правда, в 1810 г. наследственная зависимость была на словах отменена, но сохранялись по-прежнему феодальные поборы, барщинная повинность, вотчинный суд, полицейская власть в поместье, а вместе с ними на деле продолжала существовать и наследственная зависимость. Господин помещик и его служащие предпочитали готовить из крестьянских мальчишек свинопасов, а не студентов. Однако все препятствия были преодолены. Вольф попал в гимназию в Швейднице, а затем в университет в Бреславле. И в том, и в другом учебных заведениях ему приходилось большую часть средств на свое содержание добывать

самому частными уроками. В университете он с особой любовью отдался занятиям классической филологией, но он вовсе не был филологом-буквоедом старой школы; великие греческие и римские поэты и прозаики встречали у него полное понимание и оставались излюбленным его чтением до конца жизни.

Он уже почти закончил свои университетские занятия, когда со стороны Союзного сейма[35] и правительств Австрии и Пруссии возобновились затихшие было в 20-х годах гонения против демагогов[36]. Как член студенческой корпорации, он был в 1834 г. арестован; годами таскали его для следствия из тюрьмы в тюрьму, и, наконец, он был осужден. За что? Не думаю, чтобы он когда-нибудь считал, что стоит об этом говорить. Как бы то ни было, он попал в крепость Зильберберг. Там он встретил товарищем по несчастью, между прочим и Фрица Рейтера. — За несколько месяцев до смерти Вольфу попала в руки книга Рейтера «Из времен моего заключения», и, узнав в авторе своего старого товарища по несчастью, он тотчас же написал ему через издательство[37]. Рейтер сразу же ответил ему пространным и очень сердечным письмом, которое лежит передо мной и которое доказывает, что, по крайней мере 12 января 1864 г., старый демагог был чем угодно, только не смиренным раскаявшимся грешником.

«Я сижу здесь», — пишет он, — «вот уж добрых 30 лет, мои волосы уже поседели, а я все жду настоящей революции, в которой, наконец, энергично проявилась бы воля народа. Но что толку?.. Если бы все же прусский народ отказался, по крайней мере, от уплаты налогов: это — единственное средство отделаться от Бисмарка и компании и до смерти рассердить старого короля».

Вольф испытал в Зильберберге все бесчисленные страдания и маленькие радости заключенных в крепость демагогов, так живо и с таким богатым юмором описанные Фрицем Рейтером в упомянутой книге. Слабым вознаграждением за сырые казематы и жестокие зимние холода служило лишь то обстоятельство, что старый застенок охранялся престарелыми инвалидами так называемого гарнизона, которые вовсе не отличались строгостью и частенько не могли устоять перед водкой или несколькими мелкими монетами на пиво. В конце концов, в 1839 г. здоровье Вольфа пошатнулось так сильно, что он был помилован.

Он поехал в Бреславль и рассчитывал просуществовать там в качестве учителя. Но расчет этот сделан был без хозяина, а хозяином было прусское правительство. Его университетские занятия были прерваны арестом, так что он не успел окончить положенный трехлетний курс, а тем более — сдать экзамен. А в прусском Китае в цех ученых принимался лишь тот, кто все

это выполнил соответственно предписаниям. Всякий же другой; будь он даже таким знатоком своего дела, каким был Вольф в области классической филологии, стоял вне цеха и был лишен права в официальном порядке применять свои знания. Оставалась надежда перебиваться частными уроками. Но для этого требовалось разрешение правительства, а когда Вольф обратился за этим, ему было *отказано.* Демагогу пришлось бы умирать с голоду или вновь вернуться в родное село отбывать барщину, если бы в Пруссии не было поляков. Один познанский помещик взял его домашним учителем; у него он прожил несколько лет, о которых говорил всегда с особенным удовольствием.

По возвращении в Бреславль ему удалось, наконец, после долгих мытарств добиться от достопочтенного королевского правительства разрешения давать частные уроки, и теперь он мог по крайней мере обеспечить себе скромное существование. Большего этот непритязательный человек и не требовал. В то же время он снова вступил в борьбу против существующего угнетения, насколько это было возможно при тогдашних тяжелых условиях. Ему приходилось ограничиваться тем, чтобы предавать гласности отдельные факты произвола со стороны чиновников, помещиков и фабрикантов, но и в этом деле он встречал препятствия со стороны цензуры. Это, однако, не смущало его. В только что учрежденном в то время высшем суде по делам цензуры не было более упорного, неизменно повторявшего свои визиты завсегдатая, чем учитель Вольф из Бреславля. Не было для него большего удовольствия, чем оставить в дураках цензуру, что при глупости большинства цензоров было не так уж трудно для того, кто сколько-нибудь знал их слабые стороны. Так, он до крайности скандализировал благочестивые души, опубликовав в провинциальных силезских газетах следующую популярную «песнь» кающегося грешника, которую он обнаружил в старой книге церковных песнопений, бывшей еще кое-где в употреблении:

«Воистину — я стерва,
истинно грешник убогий,
пропитанный весь грехами,
как русский пропитан луком.
Господи Иисусе, возьми меня, пса, за ухо,
кинь мне кость милосердия
и зашвырни меня, грешного болвана,
на твои небеса милосердия».

С быстротой молнии песнь разнеслась по всей Германии, вызывая громкий хохот безбожников и возмущение «смирен-

ных»*. Цензор получил строгий выговор, а правительство с этого времени вновь стало зорко следить за частным учителем Вольфом, этим беспокойным сумасбродом, которого не смогли усмирить и пять лет заключения в крепости.

Немного понадобилось времени, чтобы опять нашелся предлог для возбуждения против него судебного дела. Ведь старопрусское законодательство было распространено по всей стране подобно искусно сплетенной системе ловушек, петель, волчьих ям и сетей, от которых не всегда могли уберечься даже верные подданные; тем легче попадали туда неверные.

Нарушение закона о печати, в котором Вольф был обвинен в конце 1845 или в начале 1846 г., было до такой степени незначительно, что теперь никто из нас не может даже припомнить ближайших обстоятельств дела[38]. Но преследование приняло такие размеры, что Вольф, которому надоели прусские тюрьмы и крепости, скрылся от грозившего ему ареста и отправился в Мекленбург**. Здесь он нашел у друзей надежное убежище, до тех нор пока не удалось устроить ему в Гамбурге беспрепятственный переезд в Лондон. В Лондоне, где он впервые вступил в общественную организацию, — в существующее еще и теперь Коммунистическое просветительное общество немецких рабочих, — он оставался недолго и вскоре, как мы уже говорили, приехал в Брюссель.

* — т. е. пиетистов. *Ред.*

** Согласно Вермут-Штиберу («Die Communlsten-Verschworungen dee 19. Jahr-hunderts», II, стр. 141)[39], Вольф был осужден в 1846 г. Ореславльским высшим областным судом за «нарушение закона о печати» к трехмесячному заключению в крепости. *(Примечание Энгельса в издании 1886 года.)*

II

В Брюсселе он скоро нашел работу в основанном там корреспондентском бюро, которое снабжало немецкие газеты известиями из Франции, Англии и Бельгии, редактировавшимися, насколько позволяли обстоятельства, в социал-демократическом духе. Когда «Deutsche-Brusseler-Zeitung»[40] предоставила себя в распоряжение нашей партии, в этой газете стал сотрудничать и Вольф. В основанном тогда нами Немецком рабочем обществе в Брюсселе[41] Вольф скоро стал одним из самых любимых ораторов. Он еженедельно делал там обзоры текущих событий, — обзоры, которые всякий раз представляли собой шедевры популярного, юмористического и вместе с тем полного энергии изложения и которые особенно бичевали мелочность и низость как властителей, так и подданных в Германии. Эти политические обзоры стали до такой степени его излюбленной темой, что он выступал с ними в каждом союзе, в котором принимал участие, и всегда это было одинаково мастерское популярное изложение.

Разразилась февральская революция, сразу нашедшая отклик в Брюсселе. Толпы народа собирались каждый вечер на большой рыночной площади перед ратушей, занятой гражданским ополчением и жандармерией; многочисленные пивные и питейные дома вокруг рынка были битком набиты. Кричали:

«Vive la Republique!»*, пели «Марсельезу», напирали друг на друга, толкались. Правительство держалось с виду тише воды, но в провинциях оно провело призыв запасных и отпускников. Г-ну Жотрану, самому видному из бельгийских республиканцев, было втайне сообщено, что король готов отречься от престола, если народ пожелает этого, и что он, если захочет, может услышать это от самого короля. Жотран действительно услы-

* — «Да здравствует республика!» *Ред.*

шал от короля Леопольда, что тот сам в душе республиканец и никогда не станет на пути Бельгии, если последняя пожелает стать республикой; что он хотел бы только одного, — чтобы все обошлось мирно и без кровопролития, сам же, между прочим, надеется получить приличную пенсию. Это известие тайком быстро распространилось и вызвало такое успокоение, что не сделано было и попытки поднять восстание. Но лишь только были собраны резервы и большая часть войск сконцентрирована вокруг Брюсселя, — в маленькой стране для этого понадобилось всего три-четыре дня, — разговоров об отречении как не бывало; в один прекрасный вечер жандармерия с саблями наголо внезапно двинулась против народа, толпившегося на рыночной площади, — и пошли направо и налево аресты. Одним из первых был избит и арестован также и Вольф, спокойно шедший к своему дому. Его потащили в ратушу, где он еще раз подвергся побоям со стороны разъяренной и пьяной гражданской гвардии, и после нескольких дней ареста его переправили через границу во Францию.

В Париже он прожил недолго. Берлинская мартовская революция и подготовка к Франкфуртскому парламенту и к Берлинскому собранию побудили его прежде всего отправиться в Силезию, чтобы там бороться за победу радикальных элементов на выборах. Оттуда он хотел приехать к нам, как только мы организуем газету, будь то в Кёльне или в Берлине. Благодаря всеобщей любви, которой он пользовался, а также благодаря силе и популярности его красноречия, ему удалось, особенно в сельских избирательных округах, провести таких радикальных кандидатов, которые без него не имели бы никаких шансов на успех.

Между тем, с 1 июня в Кёльне стала выходить «Neue Rheinische Zeitung», главным редактором которой был Маркс; приехал вскоре и Вольф, чтобы занять свое место в редакции. Его неутомимое трудолюбие, его педантичная, неуклонная добросовестность представляли для него ту невыгоду, что в редакции, состоявшей исключительно из молодых людей, другие частенько освобождали себе лишний часок, будучи уверены, что «Лупус* уж позаботится о том, чтобы газета вышла»; в этом отношении и я не был безгрешен. Вследствие этого Вольф в первое время издания газеты был занят больше текущей работой, чем руководящими статьями. Он вскоре нашел, однако, средство превратить и эту работу в самостоятельную деятельность, В текущей хронике под заголовком «По стране» подбирались сообщения

* — дружеское прозвище В. Вольфа (Wolf — волк, по-латыни — lupus). *Ред.*

из мелких немецких государств, и он с неподражаемым юмором изображал провинциальную захолустную ограниченность и филистерство как правителей, так и управляемых. В то же время он еженедельно делал в Демократическом обществе[42] обзоры текущих событий, благодаря которым он и здесь вскоре стал одним из самых любимых и влиятельных ораторов.

Глупость и трусость буржуазии, все более возраставшие после июньских боев в Париже, позволили реакции вновь собраться с силами. Придворные клики в Вене, Берлине, Мюнхене и т. д. работали рука об руку с благородным имперским правителем, а за кулисами стояла русская дипломатия и управляла нитями, заставлявшими плясать этих марионеток. Тогда-то, в сентябре 1848 г., наступило для этих господ время действовать. Под прямым и косвенным давлением России (обеспеченным заботами лорда Пальмерстона) первый шлезвиг-гольштейнский поход окончился позорным перемирием в Мальмё[43]. Франкфуртский парламент пал так низко, что утвердил его, и тем самым открыто и недвусмысленно отрекся от революции. Ответом было франкфуртское восстание 18 сентября; оно было подавлено. Почти в то же время произошло в Берлине столкновение между согласительным Учредительным собранием[44] и короной. 9 августа Собрание в чрезвычайно мягком, даже робком постановлении просило правительство принять хоть какие-нибудь меры, чтобы наглое поведение реакционных офицеров более не проявлялось так открыто и вызывающе. Когда в сентябре Собрание потребовало выполнить это постановление, то ответом явилось назначение явно реакционного министерства Пфуля с генералом во главе (19 сентября), а пресловутого Врангеля назначили главнокомандующим войсками Бранденбурга — два очень прозрачных намека на то, что берлинским согласителям остается либо покаяться в грехах, либо дожидаться разгона. Началось всеобщее возбуждение. В Кёльне также происходили митинги и был назначен Комитет безопасности. Правительство решило нанести первый удар в Кёльне. Соответственно этому утром 25 сентября был арестован ряд демократов, между прочим и нынешний обер-бургомистр Кёльна, известный всем в то время под именем «Красного Беккера». Возбуждение росло. Пополудни на старой рыночной площади состоялось народное собрание. Председательствовал Вольф. Кругом было выставлено гражданское ополчение, не относившееся враждебно к демократическому движению, но прежде всего заботившееся о собственном благополучии. На заданный вопрос ополченцы ответили, что они здесь для защиты народа. Вдруг на рынок врываются люди с криком: «Пруссаки идут!» Иосиф Молль —

он тоже был утром арестован, но освобожден народом — и как раз в это время произносил речь, воскликнул: «Граждане, неужели вы разбежитесь перед пруссаками?» — «Нет, нет!» — был ответ. — «Тогда нам нужно строить баррикады!» И все тотчас же взялись за дело. — Исход дня кёльнских баррикад известен. Не встретив сопротивления, оставшись безоружным (гражданское ополчение предусмотрительно разошлось по домам), без малейшего кровопролития все движение, вызванное ложной тревогой, окончилось ничем. Правительство достигло своей цели: Кёльн был объявлен на осадном положении, гражданское ополчение было разоружено, выход «Neue Rheinische Zeitung» приостановлен, а редакторы вынуждены были выехать за границу.

III

Осадное положение в Кёльне продолжалось недолго, 4 октября оно было снято. 11—го вновь вышла «Neue Rheinische Zeitung». Вольф уехал в Дюркгейм, в Пфальце, где его оставили в покое. Так же, как относительно меня и некоторых других членов редакции, был издан приказ отдать его под суд по делу о заговоре и т. д. Но наш Вольф недолго вытерпел в Пфальце, и по окончании сбора винограда он внезапно появился вновь в редакции, помещавшейся на Унтер-Хутмахер, № 17. Ему удалось найти жилье так близко, что он мог проходить в редакцию через двор, не выходя на улицу. Однако такое заточение ему быстро надоело; почти каждый вечер, в длинном пальто и в фуражке с длинным козырьком, стал он выходить с наступлением темноты под предлогом покупки табака. Он думал, что его нельзя узнать, хотя его своеобразная коренастая фигура и решительная походка сразу бросались в глаза; во всяком случае, его никто не выдал. Так прожил он несколько месяцев, в то время как мы, все остальные, один за другим были освобождены от преследования. Наконец, 1 марта 1849 г. нас известили, что всякая опасность миновала, и тогда Вольф явился к следователю, который тоже заявил, что весь процесс, как основанный на преувеличенных сообщениях полиции, совершенно прекращен.

Между тем, в начале декабря Берлинское собрание было разогнано, и начался период мантёйфелевской реакции. Одно из первых мероприятий нового правительства заключалось в том, чтобы успокоить феодалов Восточной Пруссии относительно оспариваемого у них права на даровой труд крестьян. После мартовских дней крестьяне Восточной Пруссии повсюду перестали выполнять барщину, а в некоторых местах даже вынудили помещиков в письменной форме отказаться от права на такой труд. Нужно было, таким образом, лишь узаконить

это фактическое положение вещей, и остэльбский крестьянин, с которого так долго драли шкуру, стал бы свободным человеком. Но Берлинское собрание, спустя целых 59 лет после 4 августа 1789 г., когда французское Национальное собрание уничтожило безвозмездно *все* феодальные повинности, все еще не могло отважиться на подобный шаг. Были несколько облегчены условия выкупа барщины; и только некоторые из самых скандальных и возмутительных феодальных прав должны были быть упразднены безвозмездно. Однако прежде чем этот законопроект был окончательно принят, последовал разгон Собрания, и господин Мантёйфель заявил, что *такой* проект правительство не примет в качестве закона. Тем самым были уничтожены надежды старопрусских барщинных крестьян, и было необходимо воздействовать на них, разъяснив им их положение. А для этого Вольф был самым подходящим человеком. Не только потому, что он сам был по происхождению сыном крепостного крестьянина и в детстве отбывал барщину на господском дворе; не только потому, что он сохранил пламенную ненависть против феодальных угнетателей, которую воспитало в нем такое детство; никто не знал так хорошо, как он, феодальный способ порабощения во всех его деталях, тем более в Силезии, в той области, где имелся полный комплект всех разнообразных форм этого порабощения*.

* В издании 1886 г. далее следует: «Так начал Вольф кампанию против феодалов, которая достигла своего апогея в «Силезском миллиарде» и к которой я вернусь в дальнейшем. Это была кампания, которую в сущности обязана была вести буржуазия. Борьба с феодализмом была ведь всемирно-исторической задачей именно этого класса. Но, как мы видели, буржуазия ее не вела или вела только для видимости. Вследствие общественной и политической отсталости Германии немецкая буржуазия повсюду отказывалась от защиты своих собственных политических интересов, потому что за ееспиной уже поднимался угрожающе пролетариат. Смутные надежды и пожелании парижских рабочих в феврале, а еще более их отчаянная четырехдневная борьба в июне 1848 г., напугали буржуазию не только Франции, но и всей Европы. А в Германии даже простые демократические требования, давно уже приобретшие в Швейцарии силу закона, представлялись малодушным буржуа покушением на их собственность, на их безопасность, на их жизнь. Трусливые, как всегда, немецкие буржуа пожертвовали своими общими, т. е. политическими интересами ради того, чтобы каждый из них мог спасти свои частные интересы, свой капитал. Лучше возврат к старому бюрократически-феодальному абсолютизму, чем победа буржуазии как класса, чем современное буржуазное государство, завоеванное революционным путем, при усилении революционного класса — пролетариата! Таков был крик ужаса немецкой буржуазии, приведшей к победе реакции по всей линии.

Партии пролетариата пришлось таким образом взять на себя борьбу там, где буржуазия покинула поле битвы. И Вольф на столбцах «Neue Rheinische Zeitung» вступил в борьбу с феодализмом. Но выступил он не на радость буржуазии; нет, он выступил подлинно революционным образом, так, что от этих статей, проникнутых духом великой французской революции, буржуазия пришла в такой же ужас, как и сами феодальные господа и правительство».

Окончание настоящей главы, как и текст глав IV—IX до слов: «19 мая «Neue Rheinische Zeitung» была запрещена...» (см. настоящий том, стр. 90), были (кроме двух заключительных фраз главы IV, см. настоящий том, стр. 72) в издании 1886 г. опущены. *Ред.*

Вольф начал кампанию в номере от 19 декабря 1848 г. статьей о вышеупомянутом заявлении министерства. 29 декабря последовала вторая, более резкая статья по поводу октроированного «Указа о временном урегулировании взаимоотношений между помещиками и крестьянами в Силезии».

Этот указ, говорил Вольф,

«является призывом к господам князьям, вельможам, графам, баронам и т. д. поскорее, под прикрытием закона, так «временно» обобрать и ограбить сельское население, чтобы после этакого жирного года тем легче было пережить тощие. До марта Силезия была землей обетованной для помещиков. Благодаря изданным в 1821 г. законам о выкупе барщины феодальное юнкерство устроилось так тепло, что лучше и не придумать. Благодаря выкупу, который всегда и везде устанавливается и проводится к выгоде привилегированных и ведет к разорению сельского населения, силезское юнкерство получило из рук крестьян не менее 80 миллиончиков наличными деньгами, пахотной землей и рентой. А выкупным платежам не видно было конца. Отсюда ярость против безбожной революции 1848 года. Крестьяне отказывались впредь нести, как послушная скотина, дворовую службу у своего помещика и продолжать платить такие же нестерпимые оброки, проценты и поборы всякого рода. В кассах помещиков образовалась опасная пустота».

Берлинское собрание взяло в свои руки урегулирование этих отношений.

«Медлить было опасно. Это поняла потсдамская камарилья, которая тоже умеет набивать себе карман, не щадя пота и крови крестьянства. Итак, к черту Собрание! Сами переделаем законы так, как нам покажется выгоднее! — Так и случилось. Появившийся в «Staats-Anzeiger» указ, касающийся Силезии, — не что иное, как ловушка с волчьими ямами и прочими принадлежностями: уж если сельское население попадет в нее — оно безвозвратно погибло».

Затем Вольф показывает, что указом в сущности восстанавливается домартовское положение, и заканчивает таким образом:

«Но разве это поможет? Господам помещикам нужны деньги. Наступает зима с ее балами, маскарадами, соблазнительными карточными столами и т. д. Крестьяне, до сих пор дававшие средства на развлечения, должны их доставлять и дальше. Юнкерство хочет по крайней мере еще раз устроить себе веселый карнавал и по возможности использовать ноябрьские успехи абсолютизма. Оно поступает правильно, спеша с вызывающим задором танцевать и веселиться, потому что благословенные дворянские оргии могут вскоре оборваться страшными галицийскими сценами[45]».

20 января появилась новая статья Вольфа, бившая в ту же точку. Реакционная партия заставила какого-то старосту Крен-геля в Нессине, близ Кольберга, вместе с несколькими поден-

щиками подписать запрос к королю о том, правда ли, будто его величество действительно намеревалось *разделить земельную собственность* и *наделить ею безземельных*.

«Можно себе представить», — говорит Вольф, — «смертельный испуг и бессонные ночи поденщиков из Нессина, когда они услышали о таких намерениях. Как, король хочет делить земельную собственность? Мы, поденщики, с таким восторгом обрабатывающие поля нашего помещика за 5 зильбергрошей в день, мы должны перестать наниматься в поденщики и обрабатывать свое собственное поле? Наш господин помещик, имеющий 80—90 поместий и всего только несколько сот тысяч моргенов, должен будет несколько моргенов отдать нам? — Нет, при одной мысли о таком ужасном несчастии наши поденщики задрожали всем телом. Они не могли успокоиться ни на минуту, пока не убедились, что на деле никто не ввергнет их в этакое беспросветное бедствие, что угрожающие моргены земли далеки от них и будут по-прежнему оставлены у господина помещика».

IV

Но все это было еще только первой перестрелкой. В начале 1849 г. у французских социал-демократов все более широкую популярность завоевывал ранее возникший проект: потребовать обратно миллиард франков, который в 1825 г. правительство подарило вернувшимся из эмиграции дворянам в качестве компенсации за потерянные ими во время великой французской революции имения, и использовать эти деньги в интересах трудящихся масс. 16 марта «Neue Rheinische Zeitung» поместила передовицу по этому вопросу, а на следующий же день Вольф дал статью *«Прусский миллиард»*.

«Рыцарь Шнапганский*» (Лихновский) «умер. Но разбойников у нас еще очень много. Юнкеры Померании и Бранденбурга объединились с остальными прусскими юнкерами. Они надели святую одежду добродетельного буржуа и называют себя: «Союз защиты собственности всех классов населения», — конечно, *феодальной* собственности... Они замышляют не больше и не меньше, как ограбить, наряду с другими, и. Рейнскую провинцию на сумму около 20 миллионов талеров и сунуть эти деньги в свой карман. План недурен. Жители Рейнской провинции должны почитать за особую честь то, что юнкеры фон Тадден-Триглафф в Восточной Померании, фон Арнимы и фон Мантёйфели вместе с несколькими тысячами захолустных юнкеров соизволят оказать им честь, уплатив из рейнских денег свои долги».

Действительно, господин фон Бюлов-Куммеров, тогда известный как Бюлов-Куммерфоль**, изобрел некий проектик, который был принят вышеупомянутым юнкерским союзом или, как Вольф его называл, «юнкерским парламентом» и послан в качестве петиции правительству и палатам, — план регулирования поземельного налога в Пруссии. С одной стороны, землевладельцы-крестьяне, особенно в западных провинциях,

* — прозвище «Шнапганский» от слова «Schnapphahn» — «разбойник», «хапун», «мошенник». *Ред.*
** Игра слов: «Cummerow»—фамилия, «Kummervoll»—«печальный». *Ред.*

жаловались на то, что им приходится платить *слишком большой* поземельный налог; с другой стороны, крупные землевладельцы-дворяне восточных провинций *вовсе не* платили поземельного налога, хотя уже закон от 27 октября 1810 г. облагал их этим налогом, как и всех других землевладельцев. Юнкерский парламент нашел способ устранить *оба* бедствия. Послушаем Вольфа.

«Юнкеры хотят «принести жертвы, чтобы устранить господствующее теперь недовольство». Так они говорят. Кто мог ожидать от них такого великодушия! Однако в чем же состоят эти жертвы? Они предлагают, чтобы доход от всякого земельного участка был твердо определен путем приблизительной оценки, а затем — чтобы по всей стране был установлен поземельный налог, прямо пропорциональный этому доходу. Благородство-то это невелико, так как они теперь собираются сделать лишь то, что обязаны делать по закону вот уж 38 лет. Но пойдем дальше. Они требуют, чтобы юнкеры и владельцы дворянских поместий, которые до сих пор противозаконно уклонялись от уплаты налога... может быть, доплатили налог? — да нет же: за то, что они отныне соизволят платить налоги, они должны быть *«компенсированы соответствующим капиталом»,* а именно, — выплатой 25-кратной суммы того налога, который в дальнейшем должен уплачиваться. «Те же, с которых до сих пор несправедливо брали слишком высокий поземельный налог, должны... не получить обратно уплаченный излишек, а, наоборот, получить право *избавиться от дальнейших взносов»,* откупаясь путем единовременной уплаты, в зависимости от обстоятельств, 18—20-кратной суммы налога. — «Более высокие налоги будут теперь уплачиваться крестьянами восточных провинций и, кроме того, в особенности крестьянами Рейнской провинции. Старопрусские крестьяне и жители Рейнской провинции теперь, таким образом, должны еще выплачивать за это капиталы. До сих пор владельцы дворянских поместий в восточных провинциях совсем ничего не платили или платили лишь незначительные поземельные сборы... Они-то, стало быть, и получат деньги, которые должны внести жители Рейнской провинции и крестьяне»».

Далее следует обзор уплаченных в 1848 г. различными провинциями поземельных налогов и их земельных площадей, из этого делается вывод:

«Рейнская провинция уплачивает в среднем за каждую квадратную милю приблизительно в пять раз больший поземельный налог, чем Пруссия, Познань, Померания, и в четыре раза больший, чем Бранденбург».

Правда, почва там лучше, однако,

«при самом скромном исчислении Рейнская провинция должна теперь уплатить поземельного налога почти на миллион талеров больше, чем пришлось бы на ее долю при среднем расчете. По проекту закона, предложенному юнкерским парламентом, жители Рейнской провинции должны, таким образом, в наказание за это уплатить еще от 18 до 22 миллионов талеров наличными, которые потекли бы в карман юнкеров восточных провинций! Государство при этом играло бы только роль банкира. Таковы те грандиозные жертвы, которые готовы принести господа захолустные

юнкеры-дворянчики, такова защита, которую они оказывают собственности. Так защищает собственность каждый карманный вор...

Жители Рейнской провинции, особенно рейнские крестьяне, так же, как и вестфальские и силезские, должны тем временем подумать, где бы им раздобыть денег для уплаты юнкерам. Выложить 100 миллионов талеров в настоящее время не так просто.

Таким образом, в то время как во Франции крестьяне требуют миллиард франков от дворянства, в Пруссии дворянство требует полмиллиарда франков от крестьян!

Ура! Троекратное ура берлинской мартовской революции!»

Однако такая наглость прусских юнкеров потребовала еще более солидного отпора. «Neue Rheinische Zeitung» видела свою силу и обрела ее в нападении, и вот Вольф печатает, начиная с 22 марта 1849 г., серию статей под названием *«Силезский миллиард»,* где он подсчитывает, какого размера доходы в виде денег, ценностей и земельных владений противозаконно получало с крестьян с начала выкупа барщины одно лишь *силезское* дворянство. Из множества зажигательных статей, напечатанных в «Neue Rheinische Zeitung», немногие имели такой успех, как эти восемь статей, появившихся между 22 марта и 25 апреля. Подписка на газету в Силезии и в других восточных провинциях быстро возросла; требовали отдельных номеров, и, наконец, ввиду того, что той свободы печати, которую в виде исключения обеспечивали рейнские законы, в остальных провинциях не было, а вновь отпечатать оттиски при действии благородного местного права нечего было и думать, — решено было тайно напечатать в Силезии целиком эти восемь номеров, по внешнему виду как можно более близко к оригиналу, и распространить их в тысячах экземпляров, — дело, против которого, разумеется, меньше всего могла возражать редакция.

V

Вот как начал Вольф атаку против силезских юнкеров в «Neue Rheinische Zeitung» в номере от 22 марта 1849 года:

«Как только была организована палата придворных и захолустных юнкеров» (которая собралась 26 февраля 1849 г. на основании октроированной конституции и октроированного избирательного закона), — «тотчас же был внесен проект о регулировании, т. е. выкупе феодальных повинностей. Благородные господа торопятся. Они хотят еще до закрытия сессии выжать из сельского населения столько, чтобы отложить изрядный запасец про черный день и перевести эту сумму за границу, прежде чем последовать туда собственной персоной.

За тот ужас, за тот невыразимый страх, который они пережили в первое время после «недоразумения» берлинского марта и его ближайших последствий, они стараются теперь извлечь из карманов возлюбленных деревенских подданных вдвойне любезный их сердцу бальзам.

Силезия, бывшая до сих пор золотым дном феодальных и промышленных баронов, в особенности должна быть еще раз основательно ограблена, для того чтобы блеск ее помещичьего рыцарства, усиленный и подкрепленный, продолжал сиять и впредь.

Тотчас же после появления октроированного в декабре прошлого года временного закона о выкупе мы указали*, что он был рассчитан лишь на пользу помещиков, что так называемый мелкий люд уже при образовании третейского суда был отдан на произвол сильных. Несмотря на это, благородное рыцарство недовольно этим законом. Оно требует закона, который проявил бы еще больше нежности к рыцарскому кошельку.

В марте и апреле 1848 г. множество высокопоставленных господ в Силезии выдали своим крестьянам письменные грамоты, в которых они отказывались от всех прежних крепостнических поборов и повинностей. Чтобы спасти свои замки от сожжения, а самих себя от того, чтобы стать своеобразным украшением какой-нибудь липы в замке или тополя во дворе, они одним росчерком пера отреклись от своих так называемых благоприобретенных прав. На их счастье бумага и тогда все терпела.

Когда же затем революция, вместо того, чтобы шагать вперед, застряла в болоте филистерства и благодушного выжидания, господа помещики извлекли свои грамоты об отречении, но не для того, чтобы привести их в исполнение, а для того, чтобы послать их в уголовный суд для

* См. «Neue Welt», № 30 [настоящий том, стр. 68. *Ред.*].

производства расследования в качестве вещественных улик против бунтующей крестьянской черни».

Вольф рассказывает здесь, как бюрократия под руководством обер-президента Пиндера и с помощью летучих военных отрядов принуждала крестьян выполнять прежние повинности, как у крестьян оставалась лишь надежда на Берлинское согласительное собрание, как господа согласители, вместо того чтобы прежде всего провозгласить безвозмездную отмену всех феодальных повинностей, попусту растрачивали время на исследование природы, происхождения и т. д. восхитительных феодальных повинностей и поборов до тех пор, пока реакция не окрепла до такой степени, что разогнала все это Собрание, прежде чем оно успело принять какое бы то ни было решение относительно отмены феодальных повинностей; как потом был пожалован новый закон о выкупе и как даже этот архиреакционный закон не удовлетворил, однако, господ помещиков, и они предъявили теперь еще большие требования.

Но господа рыцари распоряжались, не спрашивая хозяина, а хозяин этот —

«силезский крестьянин, не крестьянин-буржуа с 3, 4 и более гуфами земли, а та масса мелких крестьян, дворовых и вольных огородников, безнадельных крестьян-домовладельцев и «живущих при господском доме», которые были до сих пор настоящими вьючными животными крупных землевладельцев и которые, по плану последних, должны были бы оставаться ими и дальше, хотя и в несколько ином виде.

В 1848 г. эта масса удовлетворилась бы безвозмездным упразднением феодальных тягот... После горького опыта последних месяцев 1848 г. и истекших месяцев 1849 г. силезские крестьяне, этот «мелкий люд», все чаще и чаще возвращались к мысли о том, что господа владельцы дворянских поместий, вместо того чтобы при помощи хитро придуманного закона о выкупе пожаловать себе новые богатства, должны были бы по праву отдать по крайней мере ту часть своей добычи, которую они награбили при помощи прежних законов о выкупе... В деревнях заняты теперь вопросом о том, сколько же господа разбойники-рыцари украли у крестьян за последние тридцать лет».

Это сосчитать не так просто, как во Франции, где для компенсации была выжата из нации круглая сумма в 1000 миллионов франков или около 300 миллионов талеров, так что «французский крестьянин знает, какую сумму капитала и процентов должен он получить обратно». В Пруссии эксплуатация происходила из года в год, и до сих пор лишь каждый крестьянин в отдельности знал, сколько уплачено им и его деревней.

«Теперь же произвели подсчет по целой провинции и нашли, что сельское население уплатило господам помещикам в счет выкупа, отчасти земельными участками, отчасти наличными деньгами и рентой, больше 80 миллионов талеров. К этому нужно прибавить ежегодные сборы и по-

винности с крестьян, еще до сих пор не освобожденных. Эта сумма составит за последние тридцать лет по крайней мере 160 миллионов талеров, что вместе с вышеуказанными составляет около 240 миллионов талеров.

Крестьяне, до сведения которых лишь теперь дошли эти расчеты, увидели яркий свет, пред сиянием которого феодальная клика... пришла в ужас. Феодалы проглотили 240 миллионов, взятых из карманов крестьянского населения, и вот: «наши 240 миллионов мы должны при первой возможности получить обратно», — такова мысль, которая бродит отныне в головах силезских крестьян, таково требование, которое открыто высказывается уже в тысячах деревень.

Все шире и шире распространяющееся сознание того факта, что *если* вообще должна идти речь о компенсации за феодальные повинности, то за совершенный у них рыцарский грабеж должны быть компенсированы *крестьяне,* — это убеждение является «приобретением», которое в скором времени даст свои плоды. Его нельзя вытеснить никакими фокусами октроирования. Ближайшая революция приведет к его практическому осуществлению, и силезские крестьяне тогда, по всей вероятности, сумеют уж выработать такой «закон о компенсации», при посредстве которого не только награбленный капитал, но и «обычные доходы» найдут обратный путь в карманы народа».

По какому «праву» господа юнкеры присвоили себе эту сумму, разъясняет вторая статья в номере от 25 марта 1849 года.

«Насчет того, как приобретались эти разбойничье-рыцарские «права», дает самые ясные указания не только каждая страница средневековой истории, но и каждый год вплоть до самого последнего времени. Средневековый рыцарский меч позднее как нельзя лучше сумел объединиться с гусиным пером юристов и чиновничьей банды. Из насилия было сфабриковано посредством шулерского маневра «право», «благоприобретенное право». Возьмем пример из прошлого столетия. В 80-х годах в Силезии по требованию дворянства были организованы комиссии для установления кадастров, т. е. повинностей и прав помещичьих крестьян... Комиссии, составленные из дворян и их доверенных, превосходно работали... в интересах аристократии. Тем не менее высокопоставленным господам далеко не везде удавалось установить так называемые «конфирмированные»» (признанные крестьянами) «кадастры. Там же, где это удавалось, это происходило только путем насилия или обмана... Во введении к некоторым из этих документов очень наивно сообщается, что крестьяне не хотели ставить крестов (писать тогда умели лишь очень немногие) и что их заставили подписать документ, чрезвычайно невыгодный для них и для их потомков, отчасти при помощи угроз, отчасти путем прямого применения вооруженной силы. На основании таких «благоприобретенных прав» господа рыцари сумели в Силезии за последние тридцать лет перегнать из пота и крови крестьянского сословия в свои родовые денежные сундуки кругленькую сумму в 240 миллионов талеров».

VI

От прямой эксплуатации крестьян дворянством Вольф переходит к различным формам косвенной эксплуатации, в которой главную роль играет содействие государства.

Прежде всего *поземельный налог,* который в Силезии в 1849 г. взимался еще на основе установленного в 1749 г. кадастра. В этот кадастр земли дворянства были внесены с самого начала с преуменьшенным числом моргенов, а крестьянские—с преувеличенным; доход с одного моргена луговой или пахотной земли был определен в 1 талер, и по этому расчету взимался поземельный налог. Леса и пастбища были свободны от налога. С тех пор дворяне выкорчевали целые участки леса и обработали значительные площади пустошей. А налог все еще уплачивался с того числа моргенов пахотной земли, которое значилось в кадастре 1749 года! Таким образом, при неизменных для обеих сторон налогах, крестьянин, у которого не было никаких пустошей, чтобы их распахивать, оказывался значительно переобремененным платежами, vulgo* — околпаченным. Более того:

«Значительная часть рыцарства, именно та часть, которая *владеет самыми крупными* и *самыми доходными имениями,* до сих пор еще *не заплатила ни гроша поземельного налога* под предлогом своих «благоприобретенных прав» в качестве медиатизированных родовых дворян.

Будем считать, что господа рыцари за последние 30 лет не доплатили или совсем не заплатили по одному лишь поземельному налогу около 40 миллионов талеров, — а ведь это еще поистине братский расчет, — стало быть, вместе с теми 240 миллионами, которые были прямо похищены из карманов силезских крестьян, получается сумма в 280 миллионов» («Neue Rheinische Zeitung» от 25 марта 1849 года).

Дальше идет поразрядный налог. Один силезский крестьянин, которого Вольф берет наудачу из общей массы,

* — попросту. *Ред.*

«имеет 8 моргенов земли среднего качества, выплачивает ежегодно множество сборов «милостивому» господину, должен ежегодно отбывать у него огромную барщину, да к тому же платить ежемесячно поразрядный налог в 7 зильбергрошей 8 пфеннигов, что составляет 3 талера в год. Ему противостоит господин помещик с обширнейшим земельным владением, с лесами и лугами, железоделательными заводами, цинковыми рудниками, угольными копями и т. д., например — архиныгик[46], русофил, ярый ненавистник демократов и депутат второй палаты, граф Ренард. Этот человек имеет ежегодный доход в 240000 талеров. Он платит высший поразрядный налог в 144 талера в год. По сравнению с крестьянином, владельцем 8 моргенов, он должен был бы платить ежегодно по крайней мере 7000 талеров поразрядного налога, что за 20 лет составило бы 140000 талеров. Значит, за 20 лет он не доплатил 137120 талеров».

Вольф сравнивает сумму поразрядного налога, которую платит этот самый граф Ренард, с налогом батрака, который при жалованье в 10 талеров в год уплачивает $^1/_2$ талера, или 5% своего чистого дохода, и с налогом прислужницы дворового садовника, которая при 6 талерах жалованья в год тоже уплачивает $^1/_2$ талера, или $8^1/_3$% своего дохода, в качестве поразрядного налога. В соответствии с этим за 20 лет благородный граф по сравнению с батраком не доплатил 237210 талеров поразрядного налога, а по сравнению с батрачкой — даже 397120 талеров.

«Согласно отеческой воле Фридриха-Вильгельма IV, Эйххорна — Ладенберга и прочей христианско-германской компании, народная школа должна была ограничиваться» (сравни рескрипты Эйххорна до начала 1848 г.) «обучением только чтению, письму и самому элементарному счету. Четыре арифметических действия были, таким образом, все же разрешены сельскому люду. Но для того чтобы обучить крестьянина этим действиям, особенно вычитанию или тому, как снимать да отнимать, вовсе не нужна была народная школа. По крайней мере, в Силезии благословенное богом разбойничье рыцарство вычитало у него и вокруг него так много, что он, со своей стороны, теперь, при первом же благоприятном случае, мог бы с честью справиться с этим действием вычитания в применении к высокопоставленным господам».

Вольф дает еще один пример этой практики силезского дворянства по части вычитания: заброшенные участки.

«Всюду, где в прошлом столетии вследствие войн, эпидемий, пожаров и прочих бедствий гибли сельские хозяева» (т. е. крестьяне), — «господин сеньор тотчас же оказывался тут как тут, чтобы целиком или частично присоединить к своим владениям пашню пострадавшего района» в качестве «заброшенного участка». «Поземельный, подомовый налоги я прочие тяготы вы, господа, при этом, конечно, остерегались брать на себя. Эти налоги должны были и дальше платить или вся община, или же новый владелец, который получал зачастую лишь третью, шестую, восьмую часть прежней земельной площади, но вместе с купчей крепостью заполучал и все прежние налоги, сборы и повинности. Подобным же образом поступали вы и с общинными лугами и пашнями, когда, например,

вышеуказанные причины влекли за собой более или менее полное обезлюдение деревни. Как эти, так и другие обстоятельства вы использовали для того, чтобы как можно больше округлить свои поместья. Общины же и отдельные крестьяне должны были неослабно нести общинные, школьные, церковные, окружные и прочие повинности, словно бы у них не произошло ни малейших потерь... Той же меркой, какой вы изволите мерить нас, будем и мы вас мерить, — ответит вам крестьянин.

Ослепленные бешеной жаждой возмещения, вы наткнулись на настоящее осиное гнездо народных требований о возмещении. Если эти осы, раздраженные до крайности, в один прекрасный день вылетят наружу, — на вашу долю легко может выпасть, сверх известного *возмещения,* еще изрядная доза *повреждений*[*]!. («Neue Rheinische Zeitung» от 27 марта.)

В следующей статье (номер от 29 марта) Вольф описывает самую процедуру выкупа феодальных повинностей. Знаменитым генеральным комиссиям, которые должны были руководить этим делом по целой провинции, были подчинены королевские поместные комиссары и их помощники, королевские землемеры и регистраторы. Как только поступало заявление о выкупе феодальных повинностей со стороны помещика или крестьянина, появлялись в деревне эти чиновники, и господин помещик тотчас же приглашал их к себе в замок, щедро угощал и обрабатывал.

«Зачастую такая обработка производилась еще раньше, а так как господа рыцари не скупятся на шампанское, когда с его помощью можно кое-чего достичь, то любезные старания сеньоров приводили большей частью к успешным результатам».

Правда, иногда попадались и неподкупные чиновники, но они являлись исключением, да и это не помогало крестьянам.

«В тех случаях, когда поместный комиссар со своей стороны строго придерживался буквы закона, крестьянам это приносило мало пользы, коль скоро, например, владелец поместья или его доверенный привлекал на свою сторону землемера. Еще хуже было для крестьян, когда, как правило, между поместным комиссаром, землемером и господином сеньором царило самое теплое согласие. Рыцарское сердце могло тогда радоваться.

Во всей полноте власти, которой умело облекать своих сочленов старопрусское чиновничество, появлялся королевский комиссар среди собранных в судейской корчме крестьян. Он неукоснительно напоминал крестьянам о том, что находится здесь и действует среди них «именем короля».

«Именем короля!» При этих словах перед глазами крестьянина сразу возникают все мрачные фигуры: жандармы, экзекуторы, сеньоральные судьи, ландраты и т. д. Ведь все они душили его, выжимали из него все соки — и всегда «именем короля»! Именем короля! Это звучало для него, как палка или как тюрьма, как налоги, десятины, барщина и специальные сборы. Ведь все это он должен был платить тоже именем короля. Если

[*] Игра слов: «Entschadigung» — «возмещение», «Beschadigung» — «повреждение». *Ред.*

же такое вступление комиссара не производило достаточного действия, если община или отдельные крестьяне в том или другом пункте упорно не соглашались с планами помещика и комиссара, то комиссар превращался в олимпийского громовержца, осыпавшего ошеломленную толпу крестьян тысячью священных проклятий, а затем прибавлял более мягко: если вы и дальше станете устраивать такие глупые проволочки, то, помяните мое слово, вам придется порядком *раскошелиться!* Этот символический намек на крестьянский кошелек большей частью решал дело: повинности и обязательства теперь легко было приспособить к желаниям помещика».

Затем приступали к обмеру земли, и тут подкупленный землемер, со своей стороны, обманывал крестьян в пользу помещика. Для оценки доходности, качества почвы и т. д. привлекались в качестве экспертов окружные старосты, и те давали свое заключение в большинстве случаев тоже в пользу помещика. Обделав все это и после вычета части земли, отходящей к помещику в качестве компенсации за отмену феодальных повинностей, твердо установив, наконец, остающееся крестьянам количество моргенов земли, — господа рыцари вместе с поместным комиссаром старались, где только это было возможно, перенести пашню мелкого люда в наихудшее место. Хорошая земля присоединялась к помещичьей, а крестьянам взамен отрезалась та часть господской пашни, которая регулярно затоплялась в дождливые годы. Кроме того, землемер уворовывал у крестьян часть пашни еще при окончательном обмере. В огромном большинстве случаев крестьяне были беззащитны: кто затевал тяжбу, — как правило, бывал этим разорен, и лишь при исключительно благоприятных обстоятельствах крестьянин мог добиться своих прав.

Дело заканчивалось составлением и подписанием всех договоров или закрепительных грамот генеральной комиссией, а также... счетом общих расходов, и тут-то начиналось подлинное горе крестьянина.

«Для характеристики этих счетов нет другого слова, как наглые. Крестьянин мог протестовать, мог рвать на себе волосы — все было напрасно. С состоянием его кошелька вовсе не считались: государственная казна забирала свою часть гербового сбора, а остальное служило для оплаты генеральной комиссии, поместных комиссаров и т. д. Вся эта чиновничья свора жила на широкую ногу и весело. Небогатые юнцы, служившие в качестве поместных комиссаров, пользуясь бесчинством разбойников-рыцарей, очень скоро выскакивали тоже в ряды владельцев дворянских имений. Нечего и добавлять, что решение дел в генеральных комиссиях находилось в руках дворянства. Без этого делишки господ рыцарей не обстояли бы так хорошо».

Денежный отчет о всех расходах этих генеральных комиссий по доброму старопрусскому обычаю никогда не публиковался,

так что народ и не знает даже, чего собственно стоил ему выкуп феодальных повинностей, проводившийся до 1848 года. Но каждая из общин и каждый крестьянин никогда не забудут, как приходилось им тогда «раскошеливаться».

«Например, маленькая деревушка, крестьяне которой все вместе владели едва 30 моргенами земли, должна была уплатить в покрытие издержек по договору около 137 талеров; в другой — на владельца участка в 7 моргенов пахотной земли пришлось не меньше 29 талеров издержек... Возмещение разбойников-рыцарей оказалось таким великолепным блюдом, что, приправленное кой-какими христианско-германскими пряностями, оно должно и дальше подаваться на стол высокопоставленных и благородных господ. Пахнет еще большим! — говорит силезское разбойничье рыцарство, ухмыляясь, поглаживая свои усы и прищелкивая языком, как это имеют обыкновение делать захолустные юнкеры».

Вольф писал это двадцать семь лет тому назад, и описанные события относятся ко времени 1820—1848 годов; но когда читаешь о них теперь, то кажется, что это описание того, каким образом после 1861 г. крепостные России были превращены в так называемых свободных крестьян. Сходство поразительное. В обоих случаях шаг за шагом тот же самый обман крестьян в пользу господ помещиков. И подобно тому, как русский выкуп во всех официальных и либеральных описаниях изображается как огромное благодеяние для крестьян, как величайший шаг вперед в русской истории, точно так же официальная и национал-раболепствующая история изображает нам старопрусское вымогательство у крестьян как всемирно-освободительное событие, перед лицом которого великая французская революция, бывшая ведь причиной всего этого выкупа, отступает на задний план!

VII

Перечень грехов силезского дворянства все еще не исчерпан. В «Neue Rheinische Zeitung» от 5 апреля Вольф рассказывает, как введение свободы промыслов в Пруссии дало разбойникам-рыцарям новый повод для ограбления сельского населения.

«Пока существовали цеховые стеснения, сельский ремесленник или предприниматель уплачивал за свое ремесло или за свое заведение ежегодный, обычно довольно высокий налог господину помещику. Зато он пользовался тем преимуществом, что помещик защищал его от конкуренции других, отказывая тем в разрешении заниматься ремеслом, и что, кроме того, помещик должен был давать ему работу. Так обстояло дело в особенности у мельников, пивоваров, мясников, кузнецов, пекарей, корчмарей или владельцев постоялых дворов, мелочных торговцев и т. д.»

Когда была введена свобода промыслов, защите, которую оказывали имевшим привилегии ремесленникам, пришел конец, и у них повсюду появились конкуренты. Несмотря на это, помещики продолжали взимать прежний сбор под тем предлогом, что он связан не с ремеслом, а с земельным владением; а суды, тоже отдавая предпочтение интересам дворянства, в огромном большинстве случаев подтверждали это бессмысленное притязание. Мало того. Со временем господа помещики стали сами строить водяные и ветряные мельницы, а позднее и паровые, и таким образом сами составили непреоборимую конкуренцию прежде привилегированному мельнику; но несмотря на это, они преспокойно заставляли его платить и дальше старый налог за прежнюю монополию под тем предлогом, что это либо земельный чинш, либо возмещение за кое-какие выполненные помещиком незначительные улучшения в стоке воды и тому подобное. Так, Вольф приводит пример с водяной мельницей с двумя поставами, без всякой пахотной земли, с которой нужно было ежегодно платить помещику 40 талеров, хотя последний построил конкурирующую с ней мельницу, так что на первой мельнице разорялся один мельник за другим. Тем лучше для помещика: мельницу приходилось тогда продавать, а с покупной суммы при каждой перемене владельца помещик получал по феодальному праву [Laudemien] 10% в свою

пользу! — Точно так же за ветряную мельницу, которой принадлежала лишь та земля, на которой она стояла, нужно было выплачивать помещику 53 талера в год. Так же обстояло дело у кузнецов, которые вынуждены были платить или же выкупать прежний чинш за монополию, несмотря на то, что не только была упразднена сама монополия, но и тот самый помещик, который взимал чинш, имея собственную кузницу, конкурировал с ними, как и с другими ремесленниками и предпринимателями; несмотря на это, чинш либо погашался путем выкупа, либо продолжал выплачиваться, хотя обратные обязательства помещика, заключающиеся в защите от конкуренции, давно не выполнялись.

До сих пор рассматривались лишь различные формы эксплуатации, которые феодальное дворянство применяло по отношению к имущему сельскому населению, крестьянам с двумя и больше гуфами, и вплоть до вольных огородников, свободных безнадельных крестьян-домовладельцев, выгонных крестьян [Auenhausler] и других; и как бы ни назывались все эти люди, они имели, по крайней мере, хижину, а в большинстве случаев и небольшой огород. Оставался многочисленный класс тех, кто не служил у помещика и не имел ни домика, ни квадратного фута земли.

«Это тот класс постояльцев [Inlieger], жильцов [Zuhauseinwohner], словом *бобылей* [Inwohner], людей, снимавших за 4—8 талеров в год каморку, большей частью собачью конуру, у крестьян, у огородников, у безнадельных крестьян-домовладельцев. Это либо крестьяне, уступившие свою землю [Auszugler], т. е. люди, передавшие хозяйство родственникам или продавшие его чужим и ушедшие на покой в стоявшую там хижину, оставив или не оставив за собой «часть имения» [«Ausgedinge»], либо же — и такие составляют большинство — это бедные поденщики, деревенские ремесленники, ткачи, горнорабочие и т. п.».

Как взяться за них? Предлог для этого должна была доставить сеньоральная юстиция, это прелестное учреждение, подлежащее упразднению лишь теперь, в силу закона об округах, учреждение, дающее помещику право чинить суд над своими бывшими подданными. При этой юстиции, сажая кого-нибудь из своих подсудимых в тюрьму, господин помещик должен был нести и расходы по его содержанию, как и расходы по следствию. Зато тот же господин помещик получал все сборы, которые поступали сеньоральному суду. Если арестованный был крестьянином, то господин помещик опять-таки взыскивал с него издержки, вынуждая его на худой конец продать дом и хозяйство. Для того же, чтобы покрыть и те расходы, которые доставляли ему некоторые арестованные, не владевшие никаким имуществом, помещик ежегодно взимал со всех людей этого

класса, подлежащих его правосудию, *деньги на охрану,* окрещенные пышным именем «юрисдикционных денег».

«Некоторые из господ помещиков», — говорит Вольф («Neue Rheinische Zeitung» от 12 апреля), — «довольствовались одним талером в год, другие взимали $1^1/_2$ талера, а третьи доходили в своей наглости до того, что требовали 2 талера в год у этой части сельского пролетариата. На эти кровью политые деньги сельских рабочих тем приятнее было кутить и развратничать в столице и на курортах.

Где никак нельзя было выжать наличных денег, там господин помещик или его управляющий превращали деньги на охрану в 6, 10, 12 даровых дворовых дней» (которые постоялец должен был отработать на помещика даром). «Деньги на бочку! Или если постоялец не мог заплатить, то на него спускали обычно исполнителя, который должен был отнять у него последние лохмотья, последнюю кровать, стол и стул. Лишь немногие из господ помещиков воздерживались от этого варварства и не требовали денег на охрану, но не потому, что это было неправильно присвоенное право, а лишь потому, что они по своей патриархальной мягкости не хотели применять это мнимое право.

Так, за немногими исключениями, из года в год подло грабили постояльцев в интересах помещичьего кошелька. Например, бедный ткач, которого, с одной стороны, эксплуатировал фабрикант, должен был, с другой стороны, при ежедневном заработке в 3—4 зильбергроша, при $^1/_2$ талера поразрядного налога государству, при сборах на школу, церковь и общину, выплачивать еще и помещику от 1 до 2 талеров денег на охрану, которые поистине следовало бы назвать кровавыми деньгами. Так было с горнорабочими и со всеми остальными безземельными.

Какую выгоду имел от этого он, постоялец? Лишь ту, что, доведенный нуждой, нищетой и жестокостью до воровства или другого преступления и вынужденный отбывать наказание, он мог сидеть в тюрьме или исправительном доме с тем радостным сознанием, что он и класс постояльцев, к которому он принадлежит, уже заранее в стократном размере вложили в помещичий кошелек тюремные издержки... Постоялец, который платил деньги на охрану — возьмем в среднем по $1^1/_2$ талера в год — в течение 30 лет и *не* попал в тюрьму, должен был положить в помещичий кошелек 40 талеров чистоганом, не считая простых и сложных процентов. Этой суммой помещик оплачивает проценты за взятый в земстве» (кредитном обществе владельцев дворянских поместий) «капитал в 1000 с лишним талеров.

Какой прибыльный источник обрели эти господа-разбойники в виде денег на охрану, видно из того факта, что в большинстве деревень столько же, а часто даже больше постояльцев, чем хозяев. Нам вспоминается один из самых мелких рыцарей-разбойников, который имел три владения и ежегодно выжимал у постояльцев, живших в его трех деревнях, 240 талеров денег на охрану, при помощи которых он платил проценты за земский капитал» (взятый под его имение) «в 6000 талеров...

Наивные люди после всего этого, может быть, подумают, что господа рыцари и в самом деле выплачивали какие-нибудь судебные издержки из своих» авансом «наполненных карманов? Такое наивное предположение было бы прямо позорно для рыцарской спекуляции. Нам известно из двадцатых и более поздних годов множество случаев, когда рыцарская наглость доходила до того, что они не только взимали с постояльцев деньги на охрану, но заставляли еще своих возлюбленных деревенских подданных уплачивать то $^1/_3$, то $^1/_2$, а в некоторых деревнях даже $^2/_3$ возникающих судебных и тюремных издержек».

VIII

В «Neue Rheinische Zeitung» от 14 апреля Вольф переходит к *праву на охоту,* которое в 1848 г. было отменено безвозмездно; господа юнкеры громко требовали тогда его восстановления или же выкупа путем «возмещения убытков».

«Святость дичи привела к тому, что проще было подстрелить каналью-крестьянина, чем зайца, куропатку или тому подобное неприкосновенное существо. При охоте с загонщиками, которых набирали из возлюбленных деревенских подданных, не очень-то стеснялись; если кто-нибудь из загонщиков бывал ранен или убит наповал, то в лучшем случае производилось расследование, и делу конец. Кроме того, нам известно много случаев из этого блестящего феодального периода, когда благородный рыцарь загонял заряд дроби тому или иному загонщику в ногу или в зад, чтобы доставить себе истинно рыцарское удовольствие. И господа рыцари, помимо настоящей охоты, страстно увлекались такими забавами. По этому поводу нам всегда вспоминается тот господин барон, который, увидав женщину, собиравшую, невзирая на его запрещение, колосья на сжатой уже господской пашне, пустил ей в ляжку порцию дроби, а затем за обедом в избранном разбойничье-рыцарском обществе с нескрываемым самодовольством рассказывал о своем геройском подвиге... Зато возлюбленные деревенские подданные имели счастье во время большой господской охоты исполнять обязанности загонщиков. Каждому хозяину, т. е. каждому владельцу пашни и каждому живущему в наемном доме, отдавался приказ «завтра на рассвете» доставить на столько-то дней загонщика для большой господской охоты. Должно быть, у господ рыцарей сердце трепетало от восторга, когда в холодные, сырые октябрьские и ноябрьские дни рядом с ними бежала рысью ватага плохо одетых, часто босых, голодных деревенских жителей. На ягдташе висела плеть для поучения собак и загонщиков. Наибольшую порцию плетей получали последние... Некоторые рыцари разводили в большом количестве фазанов... горе женщине или служанке, по неосторожности или по недостатку чутья подошедшей при косьбе слишком близко к фазаньему гнезду и побеспокоившей самку... Мы сами в детстве были очевидцами того, как за такое преступление одна крестьянка была самым варварским, самым скотским образом оскорблена и изувечена молодым разбойником-рыцарем, и ни один петух не прокричал об этом. То были бедные люди, а для того, чтобы жаловаться, т. е. вести тяжбу, нужны были деньги, а также и неко-

торое доверие к суду, — а это бывало редко или же вовсе не встречалось у большинства силезских крестьян.

Скрежеща зубами от бешенства, должен был крестьянин наблюдать за тем, как господа рыцари со своими охотниками или без них, или же одни только охотники, топтали и опустошали его потом и кровью политое поле, как они не щадили никаких всходов, высоких или низких, густых или редких. Они скакали по полю вдоль и поперек со своими охотниками и собаками. Если крестьянин осмеливался возражать, то ему отвечали в лучшем случае презрительным смехом; каков был худший случай, — крестьянин частенько испытывал на своем избитом теле. Капусту с крестьянского огорода поедал благословенный богом, неприкосновенный заяц, а деревья крестьянин сажал для того, чтобы заяц мог утолить свой голод зимой... Но весь этот вред — сущие пустяки по сравнению с тем, что причиняла ему красная и черная дичь, которая... взращивалась в большей части Силезии. Дикие кабаны, олени и лоси раскапывали, пожирали, растаптывали часто за одну ночь то, что крестьянам, «мелкому люду», должно было служить целый год для пропитания и для уплаты налогов и сборов. Правда, потерпевшему разрешалось подавать просьбу о возмещении убытков. Это пытались делать как отдельные люди, так и целые общины. Результат таких процессов представит себе всякий, кто приобрел на своем опыте хоть самое отдаленное представление о старопрусском чиновничестве, о судьях и о ведении процессов... После бесконечных писаний и вызовов в суд крестьянину удавалось, если судьба была благосклонна, получить через несколько лет приговор против дворянина, но хорошенько рассмотрев его и все подсчитав, он оказывался еще более обманутым... А число деревень, на пашне которых в течение 30 лет с каждым годом все злее и злее опустошительно хозяйничали дикие кабаны, олени и лоси, превышает 1000. Мы знаем много отнюдь не больших деревень, которым одна лишь эта неприкосновенная крупная дичь из года в год приносила 200—300 талеров убытка».

И если теперь дворянство требует возмещения за отмену этого права охоты, то Вольф противопоставляет этому требованию другое:

«Полное возмещение за весь ущерб, причиненный дичью, за все опустошения, которые 30 лет причиняли нашим полям благословенные богом лоси, олени, дикие кабаны, а также и сами господа рыцари; это означает в круглых цифрах:

Возмещение по крайней мере в сумме 20 миллионов талеров!»

Завершением всего («Neue Rheinische Zeitung» от 25 апреля 1849 г.) является статья о польской части этой провинции, о Верхней Силезии, которая осенью 1847 г. была поражена таким же ужасным голодом, как тот, который в то время обезлюдил Ирландию. В Верхней Силезии так же, как в Ирландии, разразилась эпидемия голодного тифа, распространившаяся подобно чуме. В следующую зиму она здесь вспыхнула снова, хотя не было ни неурожая, ни наводнения, ни тому подобных бедствий. Чем это объясняется? Вольф отвечает:

«Большая часть земли находится в руках крупных землевладельцев, фиска (государства) и мертвой руки*. Только $^{2}/_{5}$ всех земель находится

* — т. е. духовенства. *Ред.*

в руках крестьян, и эта земля невероятнейшим и бессовестнейшим образом переобременена барщиной и сборами в пользу помещика, а также налогами в пользу государства, церкви, школы, округа и общины, между тем как господа помещики по сравнению с крестьянами в лучшем случае уплачивают государству сущие пустяки... Когда наступает день уплаты ренты, чинш взыскивается с крестьянина при помощи кнута, если крестьянин не желает уплатить его добровольно. Недостаток капитала и кредита и изобилие сборов и повинностей в пользу разбойников-рыцарей, государства и церкви вынудили крестьянина попасть в лапы ростовщика и, беспомощно барахтаясь, гибнуть в его путах.

В течение долгих лет унижения и порабощения, в которых держало верхнесилезских крестьян христианско-германское правительство и его разбойничье рыцарство, единственное утешение и поддержку, а отчасти и пищу, крестьянин находил в *водке.* Надо воздать должное господам помещикам: этот предмет они в изобилии доставляли крестьянину со своих винокуренных заводов по все более дешевым ценам... Рядом с мазанками польских крестьян, где постоянным гостем стал голодный тиф и где люди потеряли человеческий облик, еще более романтично выглядят великолепные дворцы, замки и прочие владения верхнесилезских магнатов... На одной стороне — невероятно быстрое накопление богатств, колоссальные годовые доходы «господ». На другой стороне — возрастающее массовое обнищание.

Заработная плата сельского рабочего крайне низка: 5—6 зильбергрошей для мужчины, $2^1/_2$ — 3 зильбергроша для женщины надо считать уже высокой платой. Многих нужда заставляет работать за 4, за 2 зильбергроша и даже меньше. Пища состоит почти исключительно только из картофеля и водки. Если бы работник имел хоть эти два предмета в достаточном количестве, Верхняя Силезия избегла бы по крайней мере голодной смерти и тифа. Но так как из-за болезни картофеля этот главный предмет питания становился все дороже и достать его было все труднее, а заработная плата не только не повысилась, но даже упала, — люди бросились за травами, которые они собирали на полях и в лесах, за сорняками и кореньями, варили себе суп из украденного сена и поедали падаль. Их силы таяли. Водка вздорожала и стала... еще хуже, чем прежде. «Шинкарями» называются большей частью евреи, которые платят огромную арендную плату господину помещику за право продавать водку народу. К водке, которую шинкарь разводил надлежащими порциями воды, он уже и прежде привык прибавлять для крепости разные примеси, причем главную роль играло *купоросное масло.* Распространение этой ядовитой смеси с каждым годом становилось все шире, а с наступлением болезни картофеля достигло крайней степени. Желудок крестьянина, ослабленный супами из сена и сорняков и сырыми кореньями, не мог уже переваривать такого снадобья. Если принять еще во внимание плохую одежду, грязное нездоровое жилище, холод зимой, нехватку либо работы, либо сил для работы,— то легко себе представить, как эти голодные условия жизни привели к очень быстрому распространению тифа, точно так же, как и в Ирландии. «Людям больше нечего было терять!» Этим все объясняется. Государство и разбойники-рыцари непрестанно так эксплуатировали их и так выжимали все соки, что малейшее ухудшение их бедственного положения должно было привести их к гибели... Разбойники-рыцари, чиновничья каста и вся благословенная богом королевско-прусская правительственная клика обделывали делишки, получали оклады, распределяли награды, в то время как там внизу простой народ, измученный голодом и тифом, начал околевать сотнями и продолжал околевать, как скотина.

Не лучше, чем с поденщиками, обстоит дело с хозяевами, т. е. с теми, кто имел дом и к тому же больший или меньший клочок земли. Их основная пища — тоже картофель и водка. То, что они производят, им приходится продавать, чтобы уплатить подати помещику, государству и т. д. ... К тому же приходится выполнять дворовые повинности» (для господина помещика), «переносить там варварские избиения плетью со стороны барина или его служащих; работая, голодая, терпя побои, видеть и выносить роскошь и высокомерие разбойников-рыцарей и окрики чиновничьей касты, — таков был и есть удел большей части польского населения...

Какое обращение выпадает на долю дворовой челяди, батраков и служанок барина, видно уже из того, что приходится претерпевать обязанным отработками деревенским подданным и так называемым наемным рабочим. Плеть и здесь является альфой и омегой рыцарского евангелия...

Разбойничье рыцарство распоряжается, как ему вздумается. Из их среды назначаются ландраты; они исполняют обязанности поместной и участковой полиции, и вся бюрократия работает в их интересах. К тому же польский крестьянин имеет дело не с немецким — это было бы, пожалуй, слишком гуманно, — а со старопрусским чиновничеством, с его прусским языком и его местным правом. Крестьянское население Верхней Силезии, терпящее со всех сторон эксплуатацию, издевательства, насмешки, побои, заковывание в кандалы, — должно было, наконец, дойти до той точки, до которой оно и дошло. Голодная смерть и чума неизбежно должны были явиться последним плодом, выросшим на этой истинно христианско-германской почве. Кто способен еще воровать, тот ворует. Это единственная форма, в которой обирландившаяся Верхняя Силезия фактически выражает свой протест против христианско-германского разбойничьего рыцарства. Следующая ступень — нищенство; толпами бредут изможденные фигуры с места на место. На третьем месте мы видим тех, которые не имеют сил и уменья ни для того, чтобы воровать, ни для того, чтобы просить милостыню. Их ложе из истлевшей соломы особенно охотно посещает ангел смерти от эпидемий. Таковы плоды деятельности столетнего богом благословенного монархического правления вкупе с разбойниками-рыцарями и с бюрократией».

Как и прежде, Вольф требует от рыцарства возмещения крестьянам, требует, чтобы все барщины и денежные чинши были отменены безвозмездно и, наконец, чтобы большие имения верхнесилезских магнатов были раздроблены. Этому конечно не бывать, пока будет существовать правительство Бранденбурга—Мантёйфеля, и потому «жители Верхней Силезии будут, как и прежде, массами вымирать от голода и голодного тифа», что буквально и подтвердилось, пока огромный подъем верхнесилезской промышленности в пятидесятых и шестидесятых годах не произвел переворота во всех условиях жизни области, все более и более ставя на место грубо феодальной эксплуатации — цивилизованную, но еще более основательную, современную буржуазную эксплуатацию.

IX

Мы намеренно приводили большие выдержки из «Силезского миллиарда» не только потому, что в нем яснее всего проявляется характер Вольфа, но и потому, что здесь дано верное изображение положения в деревне до 1848 г. во всей Пруссии, за исключением Рейнской провинции, — в Мекленбурге, Ганновере и некоторых других мелких государствах, а также во всей Австрии. Там, где имел место выкуп, крестьянин оказывался обделенным; но для половины и даже двух третей крестьянского населения, смотря по месту, феодальные повинности и поборы в пользу помещика продолжали еще существовать, и было мало надежды на ускорение темпа выкупа, пока гроза 1848 года и промышленное развитие в последовавший за этим период не уничтожили более или менее основательно и эти остатки средневековья. Мы говорим «более или менее» по той причине, что в Мекленбурге феодализм еще существует в неослабленной силе, да и в других отсталых частях Северной Германии можно то тут, то там найти местности, где выкуп еще не произведен. В 1849 г. в Пруссии были безвозмездно отменены деньги на охрану и другие менее значительные феодальные поборы; другие повинности отменялись быстрее, чем прежде, так как дворянство после уроков 1848 года и при возрастающей трудности добиться от строптивых крестьян работы, которая приносила бы прибыль, теперь само настаивало на выкупе. Наконец, с введением закона об округах, пало и сеньоральное правосудие помещиков и тем самым, по крайней мере по форме, в Пруссии был упразднен феодализм.

Но только по форме. Везде, где преобладает крупное землевладение, сохраняется полуфеодальное господствующее положение крупных землевладельцев, даже и при современно-буржуазных во всем остальном хозяйстве отношениях. Меняются только формы этого господствующего положения. Они иные

в Ирландии, где землю обрабатывают мелкие арендаторы, иные в Англии и Шотландии, где обладающие капиталом арендаторы с наемными рабочими возделывают крупные арендные участки. К этой последней форме примыкают и хозяйства дворян, преобладающие в Северной Германии, особенно в ее восточной части. В крупных поместьях хозяйство ведется большей частью на средства владельца, реже на средства крупных арендаторов, с помощью дворовой челяди и поденщиков. Положение дворовой челяди определяется уставом о челяди, изданным в Пруссии в 1810 году. Он настолько хорошо приспособлен к феодальным отношениям, что *открыто разрешает* «незначительные акты насилия» господ над челядью, но зато *открыто воспрещает* под страхом уголовного наказания всякое насильственное сопротивление челяди дурному обращению со стороны господ, за исключением случаев, опасных для жизни или здоровья («Общий устав о челяди», §§ 77, 79). Поденщики отчасти посредством контракта, отчасти же посредством преобладающей системы оплаты труда натурой, — сюда входит и жилье, — поставлены фактически в такую зависимость от помещика, которая ничем не уступает зависимости челяди; так и процветает еще до сих пор к востоку от Эльбы то патриархальное обращение с сельскими рабочими и домашней челядью, обращение с помощью зуботычин, избиения палкой и плетью, которое описал нам Вольф в Силезии. Однако простой народ, увы, настраивается все более бунтарски и проявляет то тут, то там нежелание подвергаться далее этим отеческим мерам воздействия.

Так как Германия все еще по преимуществу земледельческая страна, в которой масса населения кормится благодаря земледелию и живет в деревнях, то важнейшей, но зато и труднейшей задачей рабочей партии является разъяснение сельским рабочим их интересов и их положения. Первый шаг для этого — изучить самим эти интересы и положение сельских рабочих. Партийные товарищи, которым обстоятельства позволяют это сделать, оказали бы большую услугу делу, если бы сравнили описание Вольфа с теперешним положением вещей, учли бы происшедшие изменения и описали теперешнее положение сельских рабочих. Наряду с настоящим батраком не следует упускать из виду также и мелкого крестьянина. Как обстоит дело с выкупом феодальных повинностей после 1848 года? Надувают ли теперь крестьянина так же, как прежде? Эти и другие вопросы возникают сами собой после прочтения «Силезского миллиарда», и, если серьезно взяться отвечать на эти вопросы, публиковать собранный материал в партийном органе, то тем

самым делу рабочих будет оказана большая услуга, чем печатанием какого угодно количества статей о деталях организации будущего общества.

Конец статьи Вольфа наводит еще на другой вопрос. Верхняя Силезия после 1849 г. стала одним из важнейших центров немецкой промышленности. Эта промышленность, как вообще в Силезии, находится главным образом в деревне, в больших селах или во вновь возникающих городах, вдали от крупных городских центров. Если задача состоит в том, чтобы распространить социал-демократическое движение в деревне, то Силезия, и особенно Верхняя Силезия, — наиболее подходящий опорный пункт. Между тем, по крайней мере Верхняя Силезия все еще, видимо, является для социалистической пропаганды девственной почвой. Язык не может служить препятствием; с одной стороны, с ростом промышленности там очень привилось употребление немецкого языка, а с другой стороны — есть ведь достаточно социалистов, которые говорят по-польски.

Но вернемся к нашему Вольфу. 19 мая «Neue Rheinische Zeitung» была запрещена после появления ее последнего, напечатанного красной краской номера. Помимо еще не законченных 23 процессов по делам печати, прусская полиция имела столько других поводов для обвинения каждого из редакторов, что все они тотчас же покинули Кёльн и Пруссию. Большинство из нас отправилось во Франкфурт, где, казалось, подготовлялось нечто решительное. Победы венгров вызвали вторжение русских войск; конфликт между правительствами и Франкфуртским парламентом по вопросу об имперской конституции вызвал в разных местах восстания, из которых дрезденское, изерлонское и эльберфельдское были подавлены, но баденское и пфальцское еще продолжали разрастаться. У Вольфа в кармане был старый мандат из Бреславля на заместительстве известного фальсификатора истории Штенцеля; «нытика» Штенцеля провели в парламент только с тем условием, чтобы в качестве заместителя был принят «смутьян»[47] Вольф. Штенцель как и все добрые пруссаки, подчинился, конечно, приказу прусского правительства об отозвании из Франкфурта. Вольф занял его место.

Франкфуртский парламент, который вследствие собственной медлительности и глупости утратил положение самого могущественного собрания, которое когда-либо существовало в Германии, и опустился до состояния крайнего бессилия ставшего к этому времени очевидным для всех правительств, даже для назначенного им самим имперского правительства, а также и для него самого, не зная, что делать, растерянно

стоял между собравшими свои вооруженные силы правительствами и восставшим народом, требовавшим имперской конституции. Еще можно было все спасти, если бы только парламент и вожди южногерманского движения имели мужество и решительность. Довольно было бы постановления парламента о призыве баденской и пфальцской армий во Франкфурт на защиту Собрания. Таким постановлением Собрание сразу вновь завоевало бы доверие народа. С уверенностью можно было бы тогда ожидать присоединения гессен-дармштадтской армии, присоединения Вюртемберга и Баварии к движению; мелкие государства средней Германии были бы также втянуты в дело; Пруссии было бы достаточно дела у себя дома, а Россия перед лицом такого мощного движения в Германии была бы вынуждена вернуть в Польшу часть войск, успешно подвизавшихся позднее в Венгрии. Таким образом, во Франкфурте могла быть спасена Венгрия, а с другой стороны, вполне вероятно, что перед лицом победоносно развивающейся в Германии революции взрыв, ожидавшийся со дня на день в Париже, не свелся бы к поражению радикального мещанства без боя, как это случилось 13 июня 1849 года.

Шансы были максимально благоприятными. Совет призвать для защиты баденские и пфальцские войска был подан всеми нами[*] во Франкфурте, а совет войскам даже без призыва двинуться на Франкфурт подан был Марксом и мной[**] в Мангейме. Но ни баденские вожди, ни франкфуртские парламентарии не имели ни мужества, ни энергии, ни ума, ни инициативы.

[*] Слова «всеми нами» добавлены Энгельсом в издании 1886 года. *Ред.*
[**] Слова «Марксом и мной» добавлены Энгельсом в издании 1886 года. *Ред.*

X

Вместо того, чтобы действовать, парламент снова решил говорить, как будто он до этого уже не говорил слишком много, и на этот раз — посредством «Воззвания к немецкому народу». Была образована комиссия, которая внесла два проекта, из которых проект большинства был составлен Уландом. Оба проекта были бледны, вялы и немощны и выражали только беспомощность, малодушие и нечистую совесть самого Собрания. Поставленные 26 мая на обсуждение, они дали нашему Вольфу повод раз навсегда высказать свое мнение господам парламентариям. Стенографическая запись этой речи гласит:

Вольф (от Бреславля):

«Господа! Я записался в число ораторов, выступающих против составленного большинством и оглашенного здесь воззвания к народу, потому что считаю его совершенно несоответствующим настоящему положению, потому что нахожу его слишком слабым, пригодным разве в качестве статьи для ежедневных газет партии, составившей это воззвание, но не как обращение к немецкому народу. Так как только что было оглашено еще и другое воззвание, то я мимоходом замечу, что против него я высказался бы еще резче по причинам, на которых не считаю нужным здесь останавливаться. (Голос из центра: Почему же нет?) Я говорю только о воззвании большинства; в самом деле, оно составлено так умеренно, что даже г-н Бусс немного мог сказать против него, а это, конечно, худшая рекомендация для воззвания. Нет, господа, если вы хотите вообще иметь еще хоть какое-нибудь влияние на народ, вы должны говорить с ним не так, как вы говорите в воззвании; не о законности должны вы говорить, не о законной почве и т. п., а о незаконности, — так, как говорят правительства, как говорят *русские,* а под русскими я разумею пруссаков, австрийцев, баварцев, ганноверцев. (Волнение и смех.) Всех их я объединяю под одним общим названием — русские. (Большое оживление.) Да, господа, и в этом Собрании представлены русские. Вы должны им сказать: «Точно так же, как вы становитесь на законную точку зрения, становимся на нее и мы. Это — точка зрения *насилия,* и разъясните кстати, что для вас законность состоит в том, чтобы пушкам русских противопоставить силу, противопоставить хорошо организованные боевые колонны. Если вообще нужно выпустить воззвание, то выпустите такое, в котором

вы без всяких околичностей объявите *вне закона главного предателя народа — имперского правителя**. (Крики: к порядку! Оживленные аплодисменты на галереях.) *А также и всех министров!* (Волнение возобновляется.) О, вы не остановите меня; он главный предатель народа».

Председатель Рэ: «Я считаю, что г-н Вольф преступил и нарушил все грани дозволенного. Он не может называть пред этим Собранием эрцгерцога — имперского правителя предателем народа, и я должен поэтому призвать его к порядку».

Вольф: «Я, со своей стороны, принимаю призыв к порядку и заявляю, что я *хотел* нарушить порядок и что он и его министры — *предатели!»* (Крики со всех сторон зала: к порядку, это грубость!)

Председатель: «Я должен лишить Вас слова».

Вольф: «Хорошо, *я протестую;* я хотел говорить здесь от имени народа и сказать то, что думают в народе. Я протестую против всякого воззвания, составленного в таком духе».

Как удар грома, раздались эти несколько слов в испуганном Собрании. В первый раз было перед этими господами ясно и откровенно изложено действительное положение дел. Предательство имперского правителя и его министров было общеизвестной тайной; оно совершалось на глазах у каждого из присутствовавших; но никто не решался высказать то, что видел. И вот приходит этот бесцеремонный маленький силезец и разом опрокидывает весь их карточный домик условностей! Даже «крайняя левая» не преминула выразить свой энергичный протест против этого непростительного нарушения всякого парламентского приличия, нарушения, созданного простым констатированием правды; она выразила это устами своего достойного представителя, господина Карла Фогта (насчет Фогта: в августе 1859 г. ему передали 40000 фр., как свидетельствуют об этом опубликованные в 1870 г. перечни сумм, уплаченных Луи-Наполеоном своим агентам[48]). Господин Фогт обогатил прения следующим столь же жалко растерянным, сколь бесчестно лживым** протестом.

«Господа, я взял слово, чтобы защитить кристально-чистый поток, который вылился из души поэта в это воззвание, против недостойной грязи, которую бросили в него или» (!) «швырнули» (!) «с целью преградить ему путь, я сделал это, чтобы защитить эти слова против нечистот, скопившихся в этом последнем движении и грозящих там все затопить и загрязнить. Да, господа! Это и есть нечистоты и грязь, которую таким образом» (!) «бросают на все, что только можно считать чистым, и я выражаю свое глубочайшее негодование по поводу того, что нечто подобное» (!) «могло случиться».

Так как об уландовой *редакции* воззвания Вольф вовсе не говорил, а находил только его содержание слишком слабым, то совершенно непонятно, откуда собственно почерпнул Фогт

* — эрцгерцога Иоганна. *Ред.*
** Игра слов: «verlegnen» — «растерянный», «verlognen» — «лживый». *Ред.*

свое негодование, свою «грязь» и свою «нечисть». Но это было вызвано, с одной стороны, воспоминанием о той беспощадности, с какой «Neue Rheinische Zeitung» всегда обращалась с лжебратьями типа Фогта, а с другой стороны — злобой против речи именно Вольфа, который лишил этих самых лжебратьев возможности продолжать дальше ту же лицемерную игру. Принужденный к выбору между подлинной революцией и реакцией, господин Фогт высказывается за эту последнюю, за имперского правителя и его министров — за «все, что только может считаться чистым». Как жаль, что реакция знать ничего не хотела о господине Фогте.

В тот же самый день Вольф передал господину Фогту через депутата Вюрта из Зигмарингена вызов на дуэль, а когда господин Фогт отказался стреляться, пригрозил его поколотить. Хотя господин Фогт по сложению был великаном в сравнении с Вольфом, он бежал все же под защиту своей сестры, без которой он больше никуда не показывался. Вольф махнул рукой на этого трусливого болтуна.

Всем известно, как через несколько дней после этой сцены Собрание само подтвердило справедливость заявлений Вольфа, спасаясь бегством в Штутгарт от своего собственного имперского правителя и его правительства.

XI

Мы приближаемся к концу. Вольф оставался на своем посту в Штутгарте и во время разгона Национального собрания вюртембергскими войсками; затем он направился в Баден и, наконец, вместе с другими эмигрантами — в Швейцарию. Местом своего пребывания он избрал Цюрих, где он сейчас же принялся вновь за частные уроки, но при большом наплыве находившихся там образованных эмигрантов он встретил, разумеется, сильную конкуренцию. Несмотря на создавшееся в связи с этим бедственное положение, Вольф все же остался бы в Швейцарии. Однако становилось все более ясно, что швейцарский Союзный совет, покорный велениям европейской реакции, решил постепенно, как выражался Вольф, «выжить» из Швейцарии всех эмигрантов. Для огромного большинства это означало переселение в Америку, а именно этого и хотели правительства. Когда эмигранты окажутся по ту сторону океана, можно будет от них отдохнуть.

Вольф тоже часто подумывал о переселении в Америку, куда его приглашали многие уже жившие там друзья. Когда «выживание» стало и для него невыносимо, он, наполовину уже решившись, приехал в июне 1851 г. в Лондон, где мы его на время задержали. Конкуренция среди учителей, дающих частные уроки, была и здесь очень велика. Несмотря на величайшие усилия, Вольф едва мог добывать себе самое скудное пропитание. От своих друзей он по возможности скрывал свое положение, как и всегда, когда ему бывало плохо. Тем не менее, до конца 1853 г. ему пришлось набрать в долг около 37 ф. ст. (750 марок), что очень его угнетало; летом того же года он записал в свой дневник:

«21 июня 1853 г. мне пришлось провести день своего рождения в ужасающей distress (нужде)».

Намерение уехать в Америку на этот раз было бы приведено в исполнение, если бы один немецкий врач в Манчестере, тоже эмигрант, друживший с Вольфом еще в Бреславле, не устроил для него в Манчестере благодаря своим связям такое количество частных уроков, что он, по крайней мере, мог там существовать. В начале января 1854 г. он туда и переселился[49]. Сначала, конечно, приходилось довольно туго. Но все же существование было обеспечено, а затем, при своем совершенно исключительном умении обращаться с детьми и привлекать их симпатии, Вольф мог рассчитывать на то, что, как только он станет известен среди тамошних немцев, круг его деятельности постепенно расширится. Так и вышло. Спустя несколько лет он, при его скромных потребностях, был уже во вполне удовлетворительном материальном положении; ученики его обожали; и стар и млад, и англичане и немцы уважали и любили его за прямоту, верность долгу и веселую приветливость. По характеру своей работы он приходил в соприкосновение преимущественно с буржуазными, стало быть политически более или менее враждебными элементами; и хотя он ни разу ни в малейшей мере не поступился ни своим характером, ни своими убеждениями, — все же конфликты у него возникали очень редко, и выходил он из них с честью. Все мы были в то время отрезаны от всякой публичной политической деятельности. Реакционное законодательство заткнуло нам рот, текущая пресса нас замалчивала, издатели едва удостаивали отказом наши случайные предложения. Бонапартизм, казалось, окончательно взял верх над социализмом. В течение многих лет Вольф был единственным моим единомышленником в Манчестере; не удивительно, что мы видались почти каждый день и что там я снова нередко имел случай восхищаться его почти инстинктивно верными суждениями о текущих событиях.

Какова была добросовестность Вольфа — приведу один только пример. Одному из своих учеников он задал арифметическую задачу из одного учебника. Он сравнил решение с тем, которое было дано в так называемом ключе, и заявил, что ученик решил неверно. Но когда мальчик, перерешив задачу много раз, приходил все к тому же самому решению, Вольф проверил сам подсчет и убедился, что мальчик был прав: в ключе была опечатка. Вольф засел тотчас же и перерешил все задачи, помещенные в книге, чтобы проверить, нет ли в ключе еще таких ошибок: «Этого со мной не должно больше случаться!»

От этой добросовестности он и умер, не достигнув еще и 55-летнего возраста. Весной 1864 г. вследствие переутомления у него появились сильные головные боли, которые мало-помалу

вызвали почти полную бессонницу; его врач как раз в это время отсутствовал; к другому он не хотел обращаться. Всякие просьбы прекратить на некоторое время или ограничить свои уроки были напрасны; за что он уже взялся, он хотел довести до конца. Только когда он абсолютно не мог работать, он изредка пропускал уроки. Но было уже поздно. Головные боли, вызванные переполнением мозга кровью, становились все сильнее, бессонница становилась все более постоянной. Произошел разрыв сосуда в головном мозгу, после повторных кровоизлияний 9 мая 1864 г. наступила смерть. Маркс и я потеряли в нем вернейшего друга, а германская революция — человека, неповторимого по своей ценности.

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПИСЬМО Э. БИНЬЯМИ О ГЕРМАНСКИХ ВЫБОРАХ 1877 ГОДА

Дорогой Биньями!

Ваш берлинский корреспондент, вероятно, уже сообщил Вам все подробности германских выборов. Наша победа привела в ужас немецкую и иностранную буржуазию: здесь, в Лондоне, об этом говорит вся пресса. Наибольшего внимания заслуживает при этом не число завоеванных нами новых округов, хотя стоит отметить, что император Вильгельм, король саксонский* и мельчайший из мелких германских князей (князь Рейсс) проживают в округах, представленных рабочими социалистами, а следовательно, и они сами тоже представлены социалистами. Наиболее важно то, что, помимо округов, где мы получили большинство, мы и в качестве меньшинства собрали очень внушительное количество голосов как в крупных городах, так и в деревне. В Берлине — 31500, в Гамбурге, Бармен-Эльберфельде, Нюрнберге, Дрездене — по 11000; а из сельских местностей не только в деревнях Шлезвиг-Гольштейна, Саксонии, Брауншвейга, но даже в твердыне феодализма, в Мекленбурге, за нас голосовало значительное меньшинство сельскохозяйственных рабочих. 10 января 1874 г. мы получили 350000 голосов, 10 января 1877 г. — по меньшей мере 600000. Результаты выборов служат нам средством для подсчета наших сил; по батальонам Вы можете теперь судить о численности корпусов армии немецкого социализма, которым производится смотр в дни выборов. Это имеет огромное моральное влияние как на социалистическую партию, которая с торжеством отмечает свои успехи, так и на рабочих, еще не втянутых в движение, а также на наших врагов; и очень хорошо, что раз в три года люди

* — Альберт. *Ред.*

совершают смертный грех голосования. Господа сторонники воздержания от выборов могут говорить что угодно, — один такой факт, как выборы 10 января, стоит больше, чем все их «революционные» фразы. Когда я говорю *батальоны и корпуса. армии,* то это не фигуральное выражение. По крайней мере половина, а то и больше, тех 25-летних мужчин (это возрастной минимум), которые голосовали за нас, пробыли два или три года в армии, отлично умеют обращаться с игольчатым ружьем и нарезной пушкой и входят в состав армии запаса. Еще несколько лет таких успехов, и как запас, так и *ландвер*[50] ($^3/_4$ всей армии военного времени) будут за нас, так что мы сможем дезорганизовать весь военный аппарат и сделать невозможной всякую наступательную войну.

Найдутся люди, которые скажут: но почему же с такими силами вы не совершите революцию теперь же? Потому что, имея всего 600000 голосов против $5^1/_2$ миллионов, причем голоса эти рассеяны по разным областям, мы наверное были бы побиты, а необдуманными восстаниями и безрассудствами сами погубили бы движение, которому нужно еще совсем немного времени, чтобы привести нас к верной победе. Ясно, что победа дастся нам нелегко, что пруссаки не позволят заразить всю свою армию социализмом, не предприняв контрмер; но чем сильнее будут реакция и репрессии, тем выше будут вздыматься волны, пока не снесут, наконец, все плотины. Знаете ли Вы, что произошло в Берлине? Вечером 10-го числа прошлого месяца громадная толпа — сама полиция определила ее в 22 тысячи человек — запрудила все улицы поблизости от здания, где помещается социалистический Комитет. Благодаря отличной организации и дисциплине нашей партии, Комитет первый получил известие об окончательных результатах выборов. Когда они были объявлены, вся толпа провозгласила дружное *ура* — кому? выбранным? — Нет, *«нашему активнейшему агитатору, королевскому прокурору Тессендорфу»!* Этот последний всегда отличался в судебных процессах против социалистов, и Своими насильственными действиями он удвоил число наших сторонников.

Вот как наши отвечают на все меры насилия: они не только не считаются с ними, но даже подзадоривают к ним как к лучшему средству агитации.

С братским приветом

Ваш ***Ф. Энгельс***

Написано 13 февраля 1877 г.

Напечатано в газете «La Plebe» № 7, 26 февраля 1877 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с итальянского

Vorwärts
Central-Organ der Sozialdemokratie Deutschlands.
Nr. 32. Freitag, 16. März. 1877.

Ф. ЭНГЕЛЬС

В ИТАЛИИ

Наконец и в Италии социалистическое движение поставлено на твердую почву и обещает быстрое и победоносное развитие. Но для того чтобы читатель вполне понял наступивший перелом, мы должны обратиться к истории возникновения итальянского социализма.

Зарождение движения в Италии связано с бакунистскими влияниями. В то время как в рабочих массах господствовала страстная, но в высшей степени неясная классовая ненависть против своих эксплуататоров, во всех местностях, где выступал революционный рабочий элемент, руководство захватила кучка молодых адвокатов, докторов, литераторов, приказчиков и т. д. под личным командованием Бакунина. Все они были в различной степени посвященными в таинство членами тайного бакунистского Альянса, целью которого было подчинить своему руководству все европейское рабочее движение и таким образом добиться господства бакунистской секты в грядущей социальной революции. Более точные данные об этом подробно изложены в брошюре: «Заговор против Интернационала» (Брауншвейг, изд. Бракке)[51].

Пока движение среди рабочих было еще только в зародыше это удавалось как нельзя лучше. Бешеные бакунистские революционные фразы везде вызывали желанные аплодисменты даже те элементы, которые выросли из прежних политико-революционных движений, уносились этим потоком; наряду с Испанией и Италия стала, по собственному выражению Бакунина, «самой революционной страной Европы»[52]. Революционной в том смысле, что было много шуму, да мало толку. В про-

тивовес той по существу политической борьбе, благодаря которой выросло и укрепилось английское, затем французское и, наконец, немецкое рабочее движение, здесь всякая политическая деятельность осуждалась, ибо она заключает в себе признание «государства», а «государство» — это воплощение всякого зла. Итак: воспрещается создание рабочей *партии;* воспрещается борьба за какие бы то ни было меры защиты против эксплуатации, например за нормальный рабочий день, за ограничение женского и детского труда; а главное — воспрещается участие во всех *выборах.* А взамен этого требуется агитация, организация и конспирация в целях будущей революции, которая, как только она свалится с неба, должна быть проведена без всякого временного правительства, при полном уничтожении всяких государственных или похожих на государственные учреждений, посредством одной лишь (втайне направляемой Альянсом) инициативы рабочих масс... «Но не спрашивайте, как!»*.

Пока движение, как мы говорили, находилось в младенческом состоянии, все это отлично удавалось. Громадное большинство итальянских городов все еще стоит до известной степени вне мировых сношений, которые известны им лишь в форме посещений иностранцев. Эти города снабжают окрестных крестьян изделиями ремесленного производства и посредничают в продаже сельскохозяйственных продуктов в более широком масштабе; кроме того, в них живет владеющее землей дворянство, проедая там свою ренту; наконец, множество иностранцев везут туда свои деньги. В этих городах оппозиционные элементы немногочисленны, весьма мало развиты и к тому же сильно разводнены людьми без систематических или постоянных занятий, чему благоприятствуют сношения с иностранцами и мягкий климат. Здесь раньше всего нашла себе благодарную почву ультрареволюционная фраза, тихо нашептывавшая о кинжале и яде. Но в Италии есть и промышленные города, главным образом на севере; и как только движение пустило корни среди подлинно пролетарских масс *этих* городов — такая недоброкачественная пища не могла уж более удовлетворять, и *эти* рабочие уже не могли допустить, чтобы их и впредь опекали те неудачливые молодые буржуа, которые бросились к социализму потому, что, по словам Бакунина, их «карьера уперлась в тупик».

Так оно и случилось. Недовольство рабочих Северной Италии воспрещением всякой политической деятельности, т. е.

* Гейне. Из стихотворного цикла «Страдания юности». Раздел «Песни». Стихотворение восьмое. *Ред.*

всякой *настоящей* деятельности, выходящей за границы пустой болтовни и заговорщичества, росло с каждым днем. Избирательные победы немцев в 1874 г. и достигнутый ими результат — объединение германских социалистов — были небезызвестны и в Италии. Элементы, вышедшие из старого республиканского движения и лишь против воли подчинявшиеся «анархистскому» визгу, стали все чаще и чаще пользоваться случаем подчеркнуть необходимость политической борьбы и дали выражение пробуждавшейся оппозиции в газете «La Plebe». Эта еженедельная газета, в первые годы своего существования республиканская, вскоре примкнула к социалистическому движению и, насколько это было возможно, держалась подальше от всякого «анархистского» сектантства. Когда наконец в Северной Италии рабочие массы переросли своих назойливых руководителей и вместо фантастического создали настоящее движение, они нашли в «La Plebe» орган, охотно публиковавший время от времени еретические намеки о необходимости политической борьбы.

Будь еще жив Бакунин, он вступил бы в борьбу с этой ересью своим привычным способом. Он приписал бы людям, сотрудничающим в «La Plebe», «авторитаризм», жажду власти, честолюбие и т. д., поднял бы против них всяческие мелкие личные обвинения и повторял бы это снова и снова через все органы Альянса в Швейцарии, в Италии, в Испании. Лишь во вторую очередь указал бы он затем на то, что все эти прегрешения — только неизбежное следствие первородного смертного греха: еретического признания политической деятельности, ибо политическая деятельность предполагает признание государства, государство же есть олицетворение авторитаризма, господства, и, следовательно, каждый, кто добивается политической деятельности рабочего класса, должен последовательно добиваться политической власти для себя самого, а стало быть, он враг рабочего класса и — забросайте его камнями! Этим методом, заимствованным у блаженной памяти Максимилиана Робеспьера, Бакунин владел в совершенстве, но только слишком злоупотреблял им и пользовался им слишком однообразно. Тем не менее, это все же был единственный метод, который сулил хотя бы кратковременный успех.

Но Бакунин умер, и тайное управление миром перешло в руки г-на Джемса Гильома из Невшателя в Швейцарии. Место прошедшего огонь и воду светского человека занял бездушный педант, внесший в учение об анархии фанатизм швейцарского кальвиниста. Любой ценой должна была быть соблюдена истинная вера, и папой этой истинной веры во что бы то ни стало должен был быть признан ограниченный школьный учитель

из Невшателя. «Бюллетень Юрской федерации»[53] — федерации, которая заведомо не насчитывала и 200 членов против 5000 членов Швейцарского рабочего союза — был провозглашен правительственным органом секты и стал попросту «отчитывать» колеблющихся в вере. Но ломбардскне рабочие, сорганизовавшиеся в Верхнеитальянскую федерацию, больше не были расположены выслушивать эти наставления. А когда прошлой осенью «юрский бюллетень» позволил себе просто *приказать* газете «Plebe» удалить неугодного г-ну Гиль-ому парижского корреспондента, — тут уж дружбе наступил конец. Бюллетень продолжал обвинять «Plebe» и северных итальянцев в ереси. Но те уже знали теперь в чем дело; они знали, что за проповедью анархии и автономии крылось притязание нескольких интриганов диктаторски командовать всем рабочим движением.

«Четыре маленьких невинных строчки в примечании ударили в нос «юрскому бюллетеню», и он представляет дело так, будто бы мы были разъярены против него, между тем как он только *забавлял* нас. В самом деле, было бы ребячеством попасться на удочку людей, которые с болезненной завистью стучатся во все двери и, пуская в ход клевету, нищенски выпрашивают хоть каплю злобы против нас и наших друзей. — Рука, которая действует с давних пор, *сея ссоры и раздоры,* известна слишком хорошо, чтобы кого-нибудь еще могли обмануть ее иезуитские (лойоловы) происки» («Plebe», 21 января 1877 года).

А в номере от 26 февраля те же люди характеризуются как «некоторые ограниченные *анархистские* и — чудовищное противоречие! — в то же время *диктаторские* головы»; это лучшее доказательство того, что в Милане этих господ вполне раскусили и что там они уж больше не смогут натворить беды.

Германские выборы 10 января и связанный с ними перелом в бельгийском движении — отказ от прежней политики воздержания и замена ее агитацией за всеобщее избирательное право и фабричное законодательство — довершили остальное. 17 и 18 февраля в Милане состоялся конгресс Верхнеитальянской федерации. В резолюциях конгресс воздерживается от всякой ненужной и неуместной враждебности против бакунистских групп итальянских членов Интернационала. В них выражена даже готовность участвовать в созываемом в Брюсселе конгрессе, который должен будет сделать попытку объединить различные фракции европейского рабочего движения. Но в то же время они выдвигают с величайшей четкостью три пункта, имеющие для итальянского движения решающее значение:

1) что для обеспечения успеха движения должны быть применены *все* возможные средства, — стало быть, и политические;

2) что социалистические рабочие должны сорганизоваться в социалистическую *партию,* не зависимую ни от какой другой политической или религиозной партии, и

3) что Верхнеитальянская федерация, при условии своей автономии и на основе *первоначального* устава Интернационала, считает себя членом этого великого объединения, *не зависимым* от всех других итальянских объединений, которым, однако, он по-прежнему будет и впредь давать доказательства своей солидарности.

Итак: политическая борьба, организация политической партии и разрыв с анархистами. Этими резолюциями Верхнеитальянская федерация окончательно отреклась от бакунистской секты и встала на общую почву великого европейского рабочего движения. А так как она охватывает наиболее развитую в промышленном отношении часть Италии — Ломбардию, Пьемонт, Венецию, — то ее успехи не заставят себя долго ждать. Пред лицом применения тех же разумных агитационных средств, проверенных на опыте всех других стран, пустозвонство бакунистских знахарей очень скоро обнаружит свое бессилие, а итальянский пролетариат и на юге страны скоро стряхнет с плеч иго людей, которые свое призвание руководить рабочим движением выводят из собственного положения разорившихся буржуа.

Написано Ф. Энгельсом между 6 и 14 марта 1877 г.

Напечатано в газете «Vorwarts» № 32, 16 марта 1877 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

КАРЛ МАРКС

Человек, впервые давший социализму, а тем самым и всему рабочему движению наших дней научную основу — Карл Маркс — родился в 1818 г. в Трире. Сначала он изучал право в Бонне и Берлине, но вскоре целиком отдался изучению истории и философии и уже готов был в 1842 г. в качестве доцента приступить к чтению лекций по философии, когда политическое движение, возникшее после смерти Фридриха-Вильгельма III, направило его жизнь по другому руслу. Вожди рейнской либеральной буржуазии в Кёльне — гг. Кампгаузен, Ганземан и др. основали при его участии «Rheinische Zeitung»[54], и Маркс, который произвел огромное впечатление своей критикой дебатов в рейнском провинциальном ландтаге, был приглашен осенью 1842 г. стать во главе газеты. Конечно, «Rheinische Zeitung» выходила под цензурой, но цензура не могла с ней справиться[*]. «Rheinische Zeitung» почти всегда добивалась печатания статей, которые были необходимы; сначала цензору подбрасывали менее ценный материал для вычеркивания, пока он не сдавался сам или не бывал вынужден пойти на уступки под угрозой, что газета завтра не выйдет. Будь еще десяток газет, обладавших мужеством «Rheinische Zeitung», с издателями, которые не пожалели бы лишних нескольких сотен талеров на издержки набора, — и цензура в Германии стала бы невозможной уже

[*] Первым цензором «Rheinische Zeitung» был полицейский советник Доллешалль, тот самый, который зачеркнул однажды в «Kolnische Zeitung» объявление о переводе *Филалетом* (будущим королем Иоганном Саксонским) «Божественной комедии» Данте, сделав следующее примечание: «Из божественного нечего устраивать комедий».

в 1843 году. Но немецкие собственники газет были мелочные, трусливые обыватели, и «Rheinische Zeitung» вела борьбу в одиночку. Она выводила из строя одного цензора за другим. Наконец для нее была установлена двойная цензура, так что после первой цензуры ее должен был еще раз и окончательно просматривать регирунгспрезидент. Но не помогло и это. В начале 1843 г. правительство заявило, что с этой газетой ничего нельзя поделать, и попросту запретило ее.

Маркс, женившийся тем временем на сестре будущего реакционного министра фон Вестфалена, переселился в Париж и стал издавать там вместе с А. Руге «Deutsch-Franzosische Jahrbucher»[55], в котором он открыл серию своих социалистических произведений «Критикой гегелевской философии права». Затем им было издано вместе с Ф. Энгельсом «Святое семейство. Против Бруно Бауэра и К°» — сатирическая критика одной из последних форм, которую принял тогдашний немецкий философский идеализм.

Занятия политической экономией и историей великой французской революции все же оставляли Марксу еще достаточно времени для того, чтобы при случае нападать на прусское правительство; последнее отомстило ему, добившись весной 1845 г. от министерства Гизо высылки Маркса из Франции[56]. Г-н Александр фон Гумбольдт, видимо, сыграл при этом роль посредника. Маркс переехал в Брюссель и опубликовал там в 1847 г. на французском языке «Нищету философии», критику «Философии нищеты» Пру дона, а в 1848 г. «Речь о свободе торговли». В то же время ему удалось основать в Брюсселе Немецкое рабочее общество и приступить тем самым к практической агитации. Последняя приобрела для него еще большее значение после того, как он и его политические друзья вступили в 1847 г. в существовавший уже много лет тайный Союз коммунистов. Вся организация была теперь преобразована в корне; более или менее заговорщическое до того времени объединение превратилось в простую, лишь по необходимости тайную, организацию коммунистической пропаганды, в *первую* организацию немецкой социал-демократической партии. Союз существовал всюду, где только имелись немецкие рабочие общества; руководящие члены почти во всех таких обществах Англии, Бельгии, Франции и Швейцарии и в очень многих обществах Германии были членами Союза, и участие Союза в нарождавшемся немецком рабочем движении было весьма значительно. Вместе с тем наш Союз первый подчеркнул международный характер рабочего движения в целом и доказывал это на деле, насчитывая в числе своих членов англичан, бельгийцев, венгров, поляков

и других и устраивая, особенно в Лондоне, международные рабочие собрания.

Преобразование Союза произошло на двух конгрессах, созванных в 1847 году. На втором из них было постановлено выработать и опубликовать основы партийной программы в форме манифеста, составление которого было поручено Марксу и Энгельсу. Так возник «Манифест Коммунистической партии», который впервые появился в 1848 г., незадолго до февральской революции, а затем был переведен почти на все европейские языки.

Участие Маркса в «Deutsche-Brusseler-Zeitung», которая беспощадно разоблачала отечественное полицейское благополучие, дало повод прусскому правительству снова потребовать высылки Маркса, однако безуспешно. Но когда в результате февральской революции начались народные волнения также и в Брюсселе и казалось, что Бельгия находится накануне переворота, бельгийское правительство без всяких церемоний арестовало Маркса и выслало его. Между тем временное правительство Франции через Флокона пригласило его вернуться в Париж, и он воспользовался этим приглашением.

В Париже он прежде всего выступил против задуманной жившими там немцами авантюры сформировать во Франции из немецких рабочих вооруженные легионы, чтобы с помощью их ввезти в Германию революцию и республику. С одной стороны, Германия должна была совершить свою революцию сама; с другой стороны, всякий формирующийся во Франции иностранный революционный легион Ламартины временного правительства заранее предавали тому самому правительству, которое нужно было свергнуть, как это и произошло в Бельгии и в Бадене.

После мартовской революции Маркс переехал в Кёльн и основал там *«Neue Rheinische Zeitung»,* просуществовавшую с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 г., — единственную газету, которая в тогдашнем демократическом движении представляла точку зрения пролетариата. Это проявилось хотя бы уже в ее безоговорочной солидарности с парижскими повстанцами июня 1848 г., из-за чего от газеты отшатнулись почти все ее акционеры. Напрасно указывала «Kreuz-Zeitung»[57] на «Чимборасо наглости», с какой «Neue Rheinische Zeitung» производит нападки на все святое — от короля и имперского наместника до последнего жандарма, и все это в прусской крепости с восьмитысячным в то время гарнизоном; напрасно возмущались либеральные, ставшие вдруг реакционными, рейнские филистеры; напрасно осадное положение в Кёльне осенью 1848 г. надолго

приостановило газету; напрасно франкфуртское имперское министерство юстиции требовало от кёльнского прокурора судебных преследований одной статьи за другой — газета на глазах у полиции преспокойно продолжала редактироваться и печататься, а ее распространение и слава росли вместе с резкостью ее нападок на правительство и на буржуазию. Когда в ноябре 1848 г. в Пруссии произошел государственный переворот, «Neue Rheinische Zeitung» в начале каждого номера призывала народ не платить налогов и отвечать насилием на насилие. Весной 1849 г. за это и еще за одну из статей она была предана суду присяжных, но оба раза была оправдана. Наконец, когда майские восстания 1849 г. в Дрездене и Рейнской провинции были подавлены и после концентрации и мобилизации значительных военных сил был начат прусский поход против баденско-пфальцского восстания, правительство сочло себя достаточно крепким, чтобы, применив насилие, уничтожить «Neue Rheinische Zeitung». Последний номер, отпечатанный красной краской, вышел 19 мая.

Маркс снова поехал в Париж, но уже через несколько недель после демонстрации 13 июня 1849 г. он был поставлен французским правительством перед выбором — либо перенести свое местожительство в Бретань, либо покинуть Францию. Он предпочел последнее и переселился в Лондон, где и живет до сих пор.

Попытку продолжать издание «Neue Rheinische Zeitung» в форме журнала-обозрения (в Гамбурге в 1850 г.)[58] пришлось через некоторое время оставить ввиду все более усиливавшейся реакции. Тотчас же после государственного переворота во Франции, в декабре 1851 г., Маркс опубликовал «18 брюмера Луи Бонапарта» (Нью-Йорк, 1852; 2 изд. — Гамбург, 1869, незадолго до войны). В 1853 г. он написал «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» (напечатано сначала в Базеле, позднее — в Бостоне, недавно снова напечатано в Лейпциге).

После осуждения членов Союза коммунистов в Кёльне Маркс отошел от политической агитации и посвятил себя, с одной стороны, изучению в течение десяти лет богатых сокровищ, которые имелись в библиотеке Британского музея в области политической экономии, с другой стороны, — сотрудничеству в «New-York Daily Tribune»[59], газете, которая до начала Гражданской войны в Америке помещала не только подписанные им корреспонденции, но и вышедшие из-под его пера многочисленные передовые статьи о положении в Европе и Азии. Его резкие статьи против лорда Пальмерстона, основанные на обстоятельном изучении английских официальных документов, перепечатывались в Лондоне в виде памфлетов.

Первым плодом его многолетних занятий политической экономией было появившееся в 1859 г. сочинение «К критике политической экономии», первый выпуск (Берлин, изд. Дункера). Это сочинение содержит в себе первое систематическое изложение марксовой теории стоимости, включая учение о деньгах. Во время Итальянской войны Маркс боролся в издававшейся в Лондоне немецкой газете «Das Volk»[60] как против бонапартизма, который тогда подкрашивался в либеральный цвет и разыгрывал роль освободителя угнетенных национальностей, так и против тогдашней политики Пруссии, которая под прикрытием нейтралитета пыталась ловить рыбу в мутной воде. Пришлось при этом выступить и против г-на Карла Фогта. который тогда, по поручению принца Наполеона (Плон-Плона), состоя на жалованье у Луи-Наполеона, агитировал за нейтралитет и даже за сочувствие со стороны Германии. Осыпанный Фогтом самыми подлыми, заведомо лживыми клеветническими измышлениями, Маркс ответил книгой «Господин Фогт» (Лондон, 1860), в которой он разоблачил Фогта и остальных господ из бонапартистской лжедемократической шайки и на основании как внешних, так и внутренних данных уличил Фогта в том, что он был подкуплен декабрьской империей. Ровно через десять лет это подтвердилось: в списке бонапартистских наемников, найденном в 1870 г. в Тюильри и опубликованном сентябрьским правительством, под соответствующей буквой значилось: «Фогт — в августе 1859 г. ему передано... 40000 франков»[61].

Наконец в 1867 г. в Гамбурге появился «Капитал. Критика политической экономии, том первый» — главное произведение Маркса, излагающее основы его экономических и социалистических воззрений, а также основы его критики существующего общества, капиталистического способа производства и его последствий. Второе издание этого произведения, составившего эпоху, вышло в 1872 году. В настоящее время автор работает над отделкой второго тома.

Между тем рабочее движение в различных странах Европы вновь настолько окрепло, что у Маркса явилась возможность подумать об осуществлении своего заветного желания: основать охватывающее наиболее передовые страны Европы и Америки товарищество рабочих, которое, так сказать, во плоти представляло бы международный характер социалистического движения как в глазах самих рабочих, так и в глазах буржуазии и правительств, на радость и укрепление пролетариата, на страх его врагам. Народное собрание, созванное 28 сентября 1864 г. в Лондоне, в Сент-Мартинс-холле, в знак сочувствия Польше,

только что вновь подавленной Россией, дало повод выдвинуть это предложение, принятое с воодушевлением. *Международное Товарищество Рабочих* было основано; на собрании был избран Временный Генеральный Совет, с местопребыванием в Лондоне, причем душой этого, так же как и всех последующих генеральных советов до Гаагского конгресса, был Маркс. Им были составлены почти все выпущенные Генеральным Советом Интернационала документы — от Учредительного Манифеста 1864 г. до воззвания о гражданской войне во Франции 1871 года. Обрисовать деятельность Маркса в Интернационале значило бы написать историю самого этого общества, которое к тому же живо еще в памяти европейских рабочих.

Падение Парижской Коммуны создало для Интернационала невозможное положение. Он был выдвинут на первый план европейской истории в такой момент, когда для него повсюду была отрезана возможность всякого успешного практического действия. События, поднявшие его до положения седьмой великой державы, в то же самое время не позволяли ему мобилизовать и пустить в ход свои боевые силы иначе, как под угрозой верного поражения и подавления рабочего движения на целые десятилетия. К тому же с разных сторон выдвигались элементы, которые пытались использовать так быстро выросшую славу Товарищества для удовлетворения своего личного тщеславия или личного честолюбия, не понимая или не считаясь с истинным положением Интернационала. Надо было принять героическое решение, и опять-таки именно Маркс принял и провел его на Гаагском конгрессе. Торжественным постановлением Интернационал снял с себя всякую ответственность за действия бакунистов, являвшихся центром этих безрассудных и нечистоплотных элементов; затем, ввиду невозможности при всеобщей реакции отвечать поставленным ему повышенным требованиям и поддерживать всю полноту своей деятельности иначе, как ценой ряда жертв, от которых рабочее движение должно было бы истечь кровью, — Интернационал удалился на время со сцены, приняв решение о перенесении Генерального Совета в Америку. Дальнейшие события показали, как правильно было это решение, и в то время и позднее не раз подвергавшееся осуждению. С одной стороны, был положен конец всяким попыткам устраивать от имени Интернационала бесполезные путчи, с другой стороны, непрекращавшаяся тесная связь между социалистическими рабочими партиями различных стран доказала, что пробужденное Интернационалом сознание общности интересов и солидарности пролетариата всех стран может проложить себе дорогу даже и без оформленного интернацио-

нального объединения, узы которого в данный момент превратились бы в оковы.

После Гаагского конгресса Маркс получил наконец спокойствие и досуг, чтобы снова приняться за свою теоретическую работу, и можно надеяться, что ему удастся в не очень продолжительном времени сдать в печать второй том «Капитала».

Из многих важных открытий, которыми Маркс вписал свое имя в историю науки, мы можем остановиться здесь только на двух.

Первым из них является совершенный им переворот во всем понимании всемирной истории. В основе всех прежних воззрений на историю лежало представление, что причину всех исторических перемен следует искать в конечном счете в изменяющихся идеях людей и что из всех исторических перемен важнейшими, определяющими всю историю, являются политические. Но откуда появляются у людей идеи и каковы движущие причины политических перемен — об этом не задумывались. Лишь в новейшей школе французских, а отчасти и английских историков возникло убеждение, что движущей силой европейской истории, по крайней мере со времени средних веков, была борьба развивающейся буржуазии против феодального дворянства за общественное и политическое господство. Маркс же доказал, что вся предшествующая история человечества есть история борьбы классов, что во всей разнообразной и сложной политической борьбе речь шла всегда именно об общественном и политическом господстве тех или иных классов общества, о сохранении господства со стороны старых классов, о достижении господства со стороны поднимающихся новых. Но вследствие чего возникают и существуют эти классы? Вследствие имеющихся всякий раз налицо материальных, чисто физически ощущаемых условий, при которых общество в каждую данную эпоху производит и обменивает необходимые средства существования. Феодальное господство в средние века опиралось на хозяйство мелких самодовлеющих крестьянских общин, которые сами производили почти все необходимые предметы своего потребления, почти не знали обмена и которым воинственное дворянство давало защиту от внешних врагов и национальную или, по крайней мере, политическую связь; когда же возникли города, а вместе с ними обособленная ремесленная промышленность и торговый оборот, сначала внутри страны, а затем и международный, тогда развилась городская буржуазия, которая еще в средние века завоевала себе в борьбе с дворянством место в феодальной системе в качестве также привилегированного сословия. Однако с открытием внеевропейских

земель, с середины XV века, буржуазия приобрела гораздо более обширную область для торговой деятельности и вместе с тем новый стимул для развития своей промышленности; в важнейших отраслях ремесло было вытеснено мануфактурой, уже фабричной по своему характеру, а та, в свою очередь, — крупной промышленностью, которая стала возможна благодаря изобретениям прошлого столетия, в особенности благодаря изобретению паровой машины. Крупная же промышленность оказала обратное влияние на торговлю, вытеснив в отсталых странах старый ручной труд, а в более развитых странах создав современные новые средства сообщения: пароходы, железные дороги, электрический телеграф. Буржуазия таким образом все более и более сосредоточивала в своих руках общественные богатства и общественную силу, хотя долго еще лишена была политической власти, которая оставалась в руках дворянства и королевской власти, опиравшейся на дворянство. Но на известной ступени развития — во Франции со времени великой революции — она завоевала также и политическую власть, став, в свою очередь, господствующим классом по отношению к пролетариату и мелкому крестьянству. С этой точки зрения — конечно, при достаточном знакомстве с экономическим положением общества на соответствующем этапе (а этого совершенно нет у наших историков специалистов) — все исторические явления объясняются простейшим образом, и точно так же представления и идеи каждого данного исторического периода объясняются в высшей степени просто экономическими условиями жизни и обусловленными ими общественными и политическими отношениями этого периода. История впервые была поставлена на свою действительную основу; за тем явным, но до сих пор совершенно упускавшимся из виду фактом, что люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище, одеваться и что, следовательно, они должны *трудиться,* прежде чем они могут бороться за господство, заниматься политикой, религией, философией и т. д., за этим очевидным фактом были теперь, наконец, признаны его исторические права.

Для социалистического мировоззрения это новое понимание истории было в высшей степени важно. Оно доказало, что вся история и поныне идет путем антагонизма и борьбы классов, что всегда существовали господствующие и подчиненные, эксплуатирующие и эксплуатируемые классы и что огромное большинство человечества всегда было обречено на суровый труд и жалкое существование. Почему же это? Просто потому, что на всех предыдущих ступенях развития человечества про-

изводство было до того мало развито, что историческое развитие могло совершаться лишь в этой антагонистической форме, что исторический прогресс в общем и целом был предоставлен деятельности незначительного привилегированного меньшинства, между тем как огромная масса была обречена на добывание себе скудных средств существования и, кроме того, на постоянное увеличение богатств привилегированных. Но это же понимание истории, естественно и разумно объясняющее существовавшее до сих пор классовое господство, которое иначе можно объяснить только злой волей людей, приводит также к убеждению, что вследствие колоссального развития в настоящее время производительных сил исчезает, по крайней мере в наиболее передовых странах, последнее основание для деления людей на господствующих и подчиненных, эксплуатирующих и эксплуатируемых; что господствующая крупная буржуазия сыграла уже свою историческую роль, что она не только не способна более руководить обществом, но даже превратилась в тормоз для дальнейшего развития производства, как это доказывают торговые кризисы — особенно последний грандиозный крах[62] — и угнетенное состояние промышленности во всех странах; что историческое руководство перешло теперь к пролетариату — к классу, который по всем условиям своего общественного положения может освободить себя только тем, что устранит всякое классовое господство, всякое рабство и всякую эксплуатацию вообще; что общественные производительные силы, выросшие настолько, что буржуазия не может с ними более справиться, лишь ждут того, чтобы объединившийся пролетариат ими овладел и установил такой строй, который предоставит каждому члену общества возможность участвовать не только в производстве, но и в распределении и управлении общественными богатствами и который путем плановой организации всего производства увеличит до таких размеров производительные силы общества и создаваемые ими продукты, что каждому будет обеспечено удовлетворение его разумных потребностей в постоянно возрастающих размерах.

Второе важное открытие Маркса состоит в окончательном выяснении отношения между капиталом и трудом, другими словами, в раскрытии того, каким образом внутри современного общества, при существующем капиталистическом способе производства, совершается эксплуатация рабочего капиталистом. С тех пор как политическая экономия выдвинула положение, что труд является источником всякого богатства и всякой стоимости, неизбежно возник вопрос: как же это возможно совместить с тем, что наемный рабочий получает

не все произведенное его трудом количество стоимости, а должен часть ее отдавать капиталисту? Тщетно пытались и буржуазные экономисты и социалисты дать научно обоснованный ответ на этот вопрос, пока наконец не выступил Маркс со своим решением. Это решение заключается в следующем. Современный капиталистический способ производства предполагает существование двух общественных классов: с одной стороны, капиталистов, обладающих средствами производства и жизненными средствами, с другой — пролетариев, лишенных и того и другого и обладающих лишь одним товаром для продажи: своей рабочей силой; а продавать свою рабочую силу они вынуждены, чтобы получать необходимые жизненные средства. Но стоимость товара определяется количеством общественно необходимого труда, овеществленного в его производстве, а стало быть, и воспроизводстве; следовательно, стоимость рабочей силы среднего человека в течение дня, месяца, года определяется количеством труда, овеществленного в массе жизненных средств, необходимых для поддержания этой рабочей силы в течение дня, месяца, года. Предположим, что для производства жизненных средств рабочего на один день требуется шесть рабочих часов или — что одно и то же — заключающийся в них труд равен шести часам труда; в таком случае стоимость рабочей силы в продолжение одного дня будет выражаться в сумме денег, также воплощающих в себе шесть рабочих часов. Предположим далее, что капиталист, предоставивший занятие рабочему, платит ему эту сумму, т. е. полную стоимость его рабочей силы. Если бы, таким образом, рабочий трудился на капиталиста по шесть часов в день, то он целиком возмещал бы капиталисту понесенные тем издержки, т. е. шесть часов труда за шесть часов труда. В этом случае ничего, конечно, не досталось бы капиталисту; поэтому последний представляет дело совсем иначе: я, — говорит он, — купил силу этого рабочего не на шесть часов, а на целый день, и потому он заставляет рабочего трудиться, смотря по обстоятельствам, 8, 10, 12, 14 и больше часов, так что продукт седьмого, восьмого и последующих часов является продуктом неоплаченного труда и попадает прямо в карман капиталиста. Таким образом, на службе у капиталиста рабочий не только воспроизводит стоимость своей оплаченной капиталистом рабочей силы, но сверх того производит еще *прибавочную стоимость,* которая сначала присваивается капиталистом, а в дальнейшем по определенным экономическим законам распределяется среди всего класса капиталистов в целом и образует тот источник, из которого возникает земельная рента, прибыль, накопление капитала, —

словом, все те богатства, которые потребляются или накопляются нетрудящимися классами. Тем самым, однако, было доказано, что обогащение современных капиталистов не в меньшей степени, чем это было у рабовладельцев или эксплуатировавших крепостной труд феодалов, происходит посредством присвоения чужого неоплаченного труда и что все эти формы эксплуатации отличаются друг от друга лишь тем способом, каким этот неоплаченный труд присваивается. Но тем самым у имущих классов было выбито последнее основание для лицемерных фраз, будто в современном общественном строе господствуют право и справедливость, равенство прав и обязанностей и всеобщая гармония интересов, и современное буржуазное общество было разоблачено не в меньшей степени, чем предшествующие, разоблачено как грандиозное учреждение для эксплуатации громадного большинства народа незначительным, постоянно сокращающимся меньшинством.

На этих двух важных основаниях зиждется современный научный социализм. Во втором томе «Капитала» будут развиты дальше эти и другие, не менее важные научные открытия в области изучения капиталистической общественной системы, а вместе с тем будут подвергнуты коренному перевороту и те стороны политической экономии, которые не были еще затронуты в первом томе. Пожелаем же, чтобы у Маркса оказалась возможность в непродолжительном времени сдать этот том в печать.

Написано Ф. Энгельсом в середине июня 1877 г.

Напечатано в альманахе «Volks-Kalender», вышедшем в Брауншвейге в 1878 г.

Печатается по тексту альманаха

Перевод с немецкого

К. МАРКС

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК» [63]

Господин редактор!

Автор статьи «Карл Маркс перед судом г. Жуковского»[*] — человек, по-видимому, умный, и если бы он нашел в моем изложении «первоначального накопления» хотя бы одно место, подтверждающее его выводы, он бы его привел. Так как такого места нет, он оказался вынужден ухватиться за побочную деталь, за полемическое замечание против одного русского «беллетриста»[**], напечатанное в добавлении к первому немецкому изданию «Капитала»[64]. В чем же я там упрекаю этого писателя? В том, что он открыл русскую общину не в России, а в книге прусского регирунгсрата Гакстгаузена[65] и что в его руках русская община служит лишь аргументом для доказательства того, что старая, прогнившая Европа должна быть возрождена путем победы панславизма. Моя оценка этого писателя может быть правильной, она может быть и ложной, но она ни в коем случае не может служить ключом к моим воззрениям на усилия «русских людей найти для своего отечества путь развития, отличный от того, которым шла и идет Западная Европа»[***] и т. д.

В послесловии ко второму немецкому изданию «Капитала»[66], — которое автору статьи о г-не Жуковском известно, так как он его цитирует, — я говорю о «великом русском

[*] — Н. К. Михайловский. *Ред.*
[**] — А. И. Герцена. *Ред.*
[***] Цитата из статьи Михайловского воспроизведена в рукописи Маркса по-русски. *Ред.*

Первая страница письма К. Маркса
в редакцию «Отечественных записок»

ученом и критике»[*] с высоким уважением, какого он заслуживает. Этот ученый в своих замечательных статьях исследовал вопрос — должна ли Россия, как того хотят ее либеральные экономисты, начать с разрушения сельской общины, чтобы перейти к капиталистическому строю, или же, наоборот, она может, не испытав мук этого строя, завладеть всеми его плодами, развивая свои собственные исторические данные. Он высказывается в смысле этого последнего решения. И мой почтенный критик имел по меньшей мере столько же оснований заключить из моего уважения к этому «великому русскому ученому и критику», что я разделяю взгляды последнего на этот вопрос, как и из моей полемики против «беллетриста» и панслависта сделать вывод, что я эти взгляды отвергаю.

Впрочем, так как я не люблю оставлять «места для догадок», я выскажусь без обиняков. Чтобы иметь возможность со знанием дела судить об экономическом развитии России, я изучил русский язык и затем в течение долгих лет изучал официальные и другие издания, имеющие отношение к этому предмету. Я пришел к такому выводу. Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 г., то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя.

II

Глава о первоначальном накоплении претендует лишь на то, чтобы обрисовать тот путь, которым в Западной Европе капиталистический экономический строй вышел из недр феодального экономического строя. Она изображает, таким образом, исторический процесс, который, отделяя производителей от их средств производства, превращает первых в наемных рабочих (пролетариев в современном смысле слова), а владельцев средств производства — в капиталистов. В этой истории «составляют эпоху все перевороты, которые служат рычагом для возвышения возникающего класса капиталистов; в особенности же перевороты, которые, лишая значительные массы людей их традиционных средств производства и существования, внезапно выбрасывают их на рынок труда. Но основой всего этого процесса является экспроприация земледельцев. Радикально она осуществлена пока только в Англии... но все другие страны Западной Европы идут по тому же пути» и т. д. *(французское*

[*] — Н. Г. Чернышевском. *Ред.*

издание «Капитала», стр. 315[67]*)*. В конце главы историческая тенденция капиталистического производства сводится к тому, что оно «с неизбежностью процесса природы само порождает свое собственное отрицание»; что оно само создало элементы нового экономического строя, дав одновременно величайший толчок росту производительных сил общественного труда и полному развитию каждого индивидуального производителя; что капиталистическая собственность, в основе которой фактически уже лежит коллективная форма производства, не может не превратиться в собственность общественную. В этом месте я не привожу никаких доказательств по той простой причине, что это утверждение само является только общим резюме обширных исследований, заключающихся в предыдущих главах о капиталистическом производстве.

Итак, что же мог извлечь мой критик из этого исторического очерка в применении к России? Только следующее. Если Россия имеет тенденцию стать капиталистической нацией по образцу наций Западной Европы, — а за последние годы она немало потрудилась в этом направлении, — она не достигнет этого, не превратив предварительно значительной части своих крестьян в пролетариев; а после этого, уже очутившись в лоне капиталистического строя, она будет подчинена его неумолимым законам, как и прочие нечестивые народы. Вот и все. Но этого моему критику слишком мало. Ему непременно нужно превратить мой исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются, — для того, чтобы прийти в конечном счете к той экономической формации, которая обеспечивает вместе с величайшим расцветом производительных сил общественного труда и наиболее полное развитие человека. Но я прошу у него извинения. Это было бы одновременно и слишком лестно и слишком постыдно для меня. Приведем пример.

В различных местах «Капитала» я упоминал о судьбе, постигшей плебеев Древнего Рима. Первоначально это были свободные крестьяне, обрабатывавшие, каждый сам по себе, свои собственные мелкие участки. В ходе римской истории они были экспроприированы. То самое движение, которое отделило их от их средств производства и существования, влекло за собой не только образование крупной земельной собственности, но также образование крупных денежных капиталов. Таким образом, в один прекрасный день налицо оказались, с одной стороны, свободные люди, лишенные всего, кроме своей рабочей

силы, а с другой стороны — для эксплуатации их труда — владельцы всех приобретенных богатств. Что же произошло? Римские пролетарии стали не наемными рабочими, а праздной *чернью,* более презренной, чем недавние «poor whites»* южной части Соединенных Штатов, а вместе с тем развился не капиталистический, а рабовладельческий способ производства. Таким образом, события поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической обстановке, привели к совершенно разным результатам. Изучая каждую из этих эволюции в отдельности и затем сопоставляя их, легко найти ключ к пониманию этого явления; но никогда нельзя достичь этого понимания, пользуясь универсальной отмычкой в виде какой-нибудь общей историко-философской теории, наивысшая добродетель которой состоит в ее надысторичности.

Написано К. Марксом, около ноября 1877 г.

Опубликовано в журнале «Вестник Народной Воли» № 5, Женева, 1886

Печатается по рукописи

Перевод с французского

* — «белые бедняки». *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

* РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ГЕРМАНИИ, ФРАНЦИИ, СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ И РОССИИ

Лондон

Социалистическое движение в Германии развивается великолепно. В настоящее время там насчитывается 62 социалистических периодических издания, из которых 46 — газеты в собственном смысле слова, 1 — журнал и 15 — органы *профессиональных союзов.* Кроме того, в Швейцарии издаются на немецком языке 4 газеты и 1 журнал, в Австрии — 3, в Венгрии — 1, в Америке — 6. Общее число социалистических периодических изданий на немецком языке таково:

Германия	— 62	
Австрия	— 3	
Венгрия	— 1	=75
Швейцария	— 3	
Америка	— 6	

Таким образом, периодическая литература немецкого социалистического движения насчитывает больше органов, чем выходит социалистических изданий на всех других языках, вместе взятых. В это число я не включаю имеющие более или менее социалистическую окраску газеты (кате дер-социалистов), речь идет лишь о признанных партийных органах.

Когда было совершено покушение на Бисмарка[68], то один буржуа писал мне: «Вся Германия (буржуазная) радуется тому, что Бисмарк не был убит». Я ответил ему: Мы тоже довольны этим, потому что он работает на нас так, как если бы ему за это платили. Вы знаете, что я был прав, потому что, не будь преследований и страданий, милитаризма и непрерывно

растущих налогов, мы не имели бы таких успехов, какие имеем сейчас.

Хотя кризис во Франции[69] дал весьма малоудовлетворительный результат, он приведет, как мне кажется, к такому положению вещей, которое позволит французским социалистам действовать через печать, собрания, союзы и организоваться в *рабочую партию,* — а это все, чего мы можем добиться теперь, после бойни 1871 года. Кроме того, является несомненным фактом, что во Франции налицо два больших достижения: переход крестьян на сторону республики и образование республиканской армии. Государственный переворот Дюкро, Батби и компании не удался потому, что солдаты решительно отказались идти против народа.

В Америке рабочий вопрос поставлен в порядок дня кровавой забастовкой персонала железнодорожных магистралей[70]. Это — событие, которое составит эпоху в истории Америки: таким образом, дело создания *рабочей партии* в Соединенных Штатах подвигается вперед большими шагами. В этой стране события развиваются быстро, и мы должны следить за их ходом, чтобы для нас не оказался неожиданностью какой-нибудь значительный успех, который обнаружится в скором времени.

Россия — это страна, которая, я думаю, в ближайшем будущем будет играть наиболее важную роль. Положение, сложившееся в результате так называемого освобождения крепостных, было невыносимым еще до войны. Эта великая реформа была проведена так ловко, что в конце концов разорила и дворян и крестьян. За ней последовала другая реформа, которая проводилась якобы с целью дать губерниям или уездам выборную администрацию, избираемую в условиях относительной свободы от вмешательства центрального правительства, но привела лишь к увеличению и без того невыносимых налогов.

На губернии просто были возложены расходы по управлению ими, так что государство тратило теперь меньше, продолжая, однако, получать те же самые налоги; отсюда — новые налоги для покрытия губернских и местных расходов. Позже была введена также всеобщая воинская повинность, что равносильно новому налогу, более тяжелому, чем остальные, и означает создание новой, более многочисленной армии.

В результате стал быстро надвигаться финансовый крах. Уже до войны страна находилась в состоянии банкротства. Русская государственная казна, приняв широкое участие в мошеннических аферах периода 1871—1873 гг., ввергла страну в финансовый кризис, который разразился в 1874 г. в Вене и Берлине и на долгие годы подорвал русскую промыш-

ленность и торговлю. Таково было положение вещей, когда началась «священная» война против «турка»[71], и так как нигде за границей займа получить не удалось, а внутренние займы не дали того, что требовалось, пришлось прибегнуть к миллионам банка (резервные фонды) и к выпуску ассигнаций; в результате бумажные деньги изо дня в день обесцениваются, и скоро — всего через год или два — их курс падет до минимума. В общем, мы имеем налицо все элементы русского 1789 года, за которым неизбежно последует 1793 год. Каков бы ни был исход войны, русская революция уже назрела и вспыхнет скоро, — может быть, в этом году; она начнется, вопреки предсказаниям Бакунина, сверху, — во дворце, в среде обедневшего и *frondeuse*[*] дворянства. Но раз начавшись, она увлечет за собой крестьян, и тогда вы увидите такие сцены, перед которыми побледнеют сцены 93 года. А раз уж дело дойдет до революции в России — изменится лицо всей Европы. Старая Россия была до сих пор огромной резервной армией европейской реакции; она действовала в качестве таковой в 1798, 1805, 1815, 1830, 1848 годах. А когда эта резервная армия будет уничтожена — вот тогда посмотрим, как обернется дело!

Написано Ф. Энгельсом 12 января 1878 г.

Напечатано с сокращениями в газете «La Plebe» № 3, 22 января 1878 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с итальянского

На русском языке публикуется впервые

[*] — фрондирующего. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ЕВРОПЕЙСКИЕ РАБОЧИЕ В 1877 ГОДУ [72]

Написано Ф. Энгельсом в середине февраля — середине марта 1878 г.

Напечатано в газете «The Labor Standard» (New-York) 3, 10, 17, 24 и 31 марта 1878 г.

Подпись: Фридрих Энгельс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

THE LABOR STANDARD.

Devoted to the Organization and Emancipation of the Working People.

The Emancipation of the Working Classes must be achieved by the Working Classes themselves.

VOL. III.—No. 43. NEW YORK, SUNDAY, MARCH 3rd, 1878. Price 5 Cents

I

Истекший год был богат событиями и оказался плодотворным для рабочего класса Европы. Почти во всех странах достигнуты большие успехи в деле организации и роста рабочей партии. Единство, находившееся одно время под угрозой со стороны маленькой, но активной секты[73], было фактически восстановлено. Движение рабочего класса все более и более выступало на передний план текущей политики, и — что является верным признаком близящегося торжества — политические события, какой бы оборот они ни принимали, так или иначе всегда складывались благоприятно для роста этого движения.

С самого начала 1877 год был ознаменован одной из крупнейших побед, когда-либо одержанных рабочими. 10 января на основе всеобщего избирательного права состоялись выборы в германский парламент (рейхстаг), происходящие раз в три года; выборы, которые уже начиная с 1867 г. давали германской рабочей партии возможность подсчитать свои силы и продемонстрировать перед миром свои хорошо организованные и постоянно растущие батальоны. В 1874 г. кандидаты рабочих получили четыреста тысяч голосов; в 1877 г. — больше шестисот тысяч. Десять рабочих кандидатов были избраны 10 января, а еще двадцать четыре должны были баллотироваться на дополнительных выборах, которые произошли через две недели. Из этих двадцати четырех были фактически избраны только немногие, ибо против них объединились все остальные партии. Но не утратил своего большого значения тот факт, что во всех крупных городах и промышленных центрах империи движение рабочего класса пошло вперед гигантскими шагами, и на следующих выборах в 1880 г. все эти избирательные округа перейдут несомненно в его руки. Были завоеваны Берлин, Дрезден, Целые фабричные округа Саксонии и Золинген. В Гамбурге,

Бреславле, Нюрнберге, Лейпциге, Брауншвейге, в Шлезвиг-Гольштейне и в фабричных округах Вестфалии и Нижнего Рейна коалиции всех прочих партий еле удалось победить кандидатов рабочего класса простым большинством голосов. Германская социал-демократия стала силой, притом быстро растущей силой, с которой впредь должны будут считаться все другие, правящие или неправящие, силы страны. Впечатление от этих выборов получилось потрясающее. Буржуазия была охвачена настоящей паникой, тем более, что буржуазная пресса постоянно изображала дело так, будто социал-демократия теряет теперь всякое значение. Рабочий класс, воодушевленный своей собственной победой, продолжал борьбу с обновленной энергией и на всяком подходящем поле сражения; а рабочие других стран, как мы увидим, не только праздновали победу немцев как свой собственный триумф, но под ее влиянием сделали много новых усилий, чтобы не отстать в соревновании за освобождение труда.

Быстрый прогресс рабочей партии в Германии завоевывается ценой значительных жертв со стороны наиболее активных ее участников. Правительственные преследования, денежные штрафы, а еще чаще тюремные заключения обрушиваются на них градом, и им уже давно пришлось настроиться на то, что большую часть своей жизни они проведут в тюрьме. Хотя в большинстве случаев эти приговоры выносятся на короткие сроки, от двух недель до трех месяцев, однако и долгосрочные заключения отнюдь не являются редкостью. Так, чтобы уберечь важный горнозаводский и фабричный район Саарбрюккена от заражения социал-демократическим ядом, недавно два агитатора были осуждены на два с половиной года каждый за то, что осмелились ступить на эту запретную землю. Эластичные законы империи предоставляют множество поводов для таких мер, а там, где этих поводов оказывается недостаточно, судьи большей частью весьма охотно делают натяжки, чтобы сослаться на ту из статей, какая требуется для осуждения.

Большим преимуществом германского движения является тот факт, что профессиональная организация работает рука об руку с организацией политической. Непосредственные выгоды, которые дает профессиональная организация, втягивают многих обычно индифферентных людей в политическое движение; в то же время общность политического действия сплачивает обычно изолированные профессиональные союзы и обеспечивает их взаимную поддержку.

Успех, достигнутый нашими немецкими товарищами на выборах в германский парламент, побудил их попытать счастья

и на других выборах. Так, им удалось провести рабочих при выборах в парламенты двух более мелких государств империи, а также проникнуть в довольно большое количество магистратов; в саксонских фабричных округах многие города оказались под руководством социал-демократических управлений. Так как избирательное право при этих выборах ограничено, то на большие успехи рассчитывать не приходится; все же каждое завоеванное место помогает доказать правительствам и буржуазии, что отныне им придется считаться с рабочими.

Но наилучшим доказательством быстрого развития сознательной организации рабочего класса является растущее число ее периодических органов печати. И здесь мы должны перешагнуть границы «империи» Бисмарка, потому что влияние и деятельность германской социал-демократии отнюдь не ограничиваются ими. К 31 декабря 1877 г. на немецком языке издавалось в общем не менее 75 периодических органов, обслуживавших рабочую партию. Из них в Германской империи — 62 (в том числе 15 органов такого же числа профессиональных союзов), в Швейцарии — 3, в Австрии — 3, в Венгрии — 1, в Америке — 6; всего — 75, больше, нежели число рабочих органов на всех других языках, вместе взятых.

После битвы под Седаном[74], в сентябре 1870 г., исполнительный комитет германской рабочей партии объявил своим избирателям, что в результате войны центр тяжести европейского рабочего движения переместился из Франции в Германию и что тем самым на немецких рабочих возлагаются новая ответственность и более высокие обязанности, требующие с их стороны новых усилий. 1877 год доказал правильность этого и в то же время показал, что пролетариат Германии вполне достоин возложенной на него задачи временного руководства. Какие бы ошибки ни совершали отдельные вожди, — а ошибки эти и многочисленны и разнообразны, — массы двигались вперед решительно, непоколебимо и в правильном направлении. Их выдержка, организованность и дисциплина представляют разительный контраст той слабости, нерешительности, угодливости и трусости, которые так характерны для всех буржуазных движений в Германии. И в то время как германская буржуазия завершила свою карьеру тем, что опустилась до более чем византийской лести «Вильгельму Победоносцу» и, связанная по рукам и ногам, отдалась на милость Бисмарка, — рабочий класс идет от победы к победе, и его движение ускоряется и усиливается даже теми мерами, которые изобретаются правительством и буржуазией для его подавления.

II

Как ни велико было впечатление от германских выборов в самой стране, еще гораздо сильнее было оно за границей. И прежде всего оно восстановило в европейском рабочем движении то согласие, которое в течение последних шести лет было нарушено притязаниями небольшой, но весьма деятельной секты.

Те из наших читателей, которые следили за историей Международного Товарищества Рабочих, вспомнят, что непосредственно вслед за падением Парижской Коммуны в недрах великой рабочей организации возникли разногласия, которые на Гаагском конгрессе 1872 г. привели к открытому расколу, а затем и к распаду. Виновником разногласий был русский, Бакунин со своими приверженцами, которые, не брезгая никакими средствами, стремились занять господствующее положение в организации, где они составляли лишь незначительное меньшинство. Их главным патентованным средством было принципиальное возражение против *какой бы то ни было* политической деятельности рабочего класса; и они в этом отношении шли так далеко, что в их глазах участие в выборах представлялось изменой интересам пролетариата. Они не допускали никакого другого способа действий, кроме прямой насильственной революции. После Швейцарии, где прежде всего пустили корни эти «анархисты», как они себя называли, они распространили свою деятельность в Италии и Испании, где они некоторое время действительно господствовали в рабочем движении. Внутри «Интернационала» они нашли некоторую поддержку у бельгийцев, которые, хотя и по другим мотивам, также высказывались за воздержание от политической деятельности. После раскола бакунисты сохраняли видимость организации и устраивали конгрессы, на которых дюжины две всегда одних и тех же людей, притязавших на представительство от рабочего класса всей Европы, проповедовали от его имени свои догмы. Однако уже германские выборы в 1874 г. и та большая-польза, которую принесло немецкому движению участие в парламенте девяти

человек из числа наиболее активных деятелей этого движения, заронили элементы сомнения в среду «анархистов». В Испании в ходе политических событий движение было подавлено и исчезло, не оставив почти никаких следов. В Швейцарии партия, стоявшая за политическую борьбу и работавшая рука об руку с немцами, крепла с каждым днем и скоро численно превысила кучку анархистов в отношении 300 к 1. В Италии после ребяческой попытки совершить «социальную революцию» (Болонья, 1874 г.), в которой «анархисты» проявили себя не с лучшей стороны как по части разума, так и по части мужества, подлинно рабочие элементы начали искать более рациональные средства борьбы. В Бельгии движение зашло в тупик вследствие политики воздержания со стороны вожаков, политики, которая лишила рабочий класс всякого поля практической деятельности. Действительно, в то время как политическая деятельность немцев вела их от успеха к успеху, рабочий класс тех стран. где лозунгом дня было воздержание, терпел поражение за поражением, пока ему не надоело движение, не дававшее никаких результатов; его организации были преданы забвению, его печатные органы исчезали один за другим. Более здравомыслящей части этих рабочих такой контраст не мог не бросаться в глаза. В Италии, как и в Бельгии, вспыхнул бунт против доктрин «анархизма» и воздержания, и люди стали задавать себе и другим вопрос, почему они должны в угоду глупому догматизму отказываться от применения как раз тех средств борьбы, которые оказались наиболее действенными. Таково было положение вещей, когда крупная избирательная победа немцев положила конец всяким сомнениям и преодолела все колебания. Перед лицом такого упрямого факта невозможно было никакое сопротивление. Италия и Бельгия высказались за политическую деятельность. Остатки итальянских сторонников воздержания с отчаяния пытались произвести еще одно восстание близ Неаполя[75]; человек тридцать анархистов провозгласили «социальную революцию», но о них быстро позаботилась полиция. Все, чего они достигли, было лишь полным крахом их собственного сектантского движения в Италии. Так анархистская организация, притязавшая на руководство движением рабочего класса от одного конца Европы до другого, была вновь сведена к своему первоначальному зародышу, к каким-нибудь двумстам человек в Юрском округе в Швейцарии, где они из своего уединенного горного убежища продолжают протестовать против победоносной ереси остального мира, сохраняя истинное правоверие, возвещенное их ныне покойным императором, Бакуниным. И когда в сентябре прошлого

года в Генте, в Бельгии, собрался всемирный социалистический конгресс, — конгресс, который сами они созвали, — они оказались на нем в незначительном меньшинстве лицом к лицу с делегатами объединенной и единодушной великой организации европейского рабочего класса. Конгресс, энергично отвергнув их смехотворные доктрины и высокомерные притязания и установив тот факт, что он отверг всего лишь мелкую секту, проявил к ним под конец великодушную терпимость.

Так после четырехлетней внутренней борьбы было полностью восстановлено единство действий европейского рабочего класса, и политика, которую провозгласило большинство последнего конгресса Интернационала, была полностью оправдана событиями. Снова была теперь восстановлена почва, на которой рабочие различных европейских стран могут опять решительно действовать вместе, оказывая друг другу ту взаимную поддержку, которая составляет главную силу движения. Существование Международного Товарищества Рабочих стало невозможным...* которые запрещали рабочим этих стран вступать в подобный международный союз. Правительства могли бы избавить себя от беспокойства по этому поводу. Движение рабочего класса переросло не только необходимость, но даже и возможность подобного рода формального союза. Великая же пролетарская организация не только вполне осуществила свою задачу, но и сама продолжает жить, более могущественная, чем когда бы то ни было, в гораздо более мощном союзе единства и солидарности, в общности действия и политики, — общности, которая воодушевляет ныне рабочий класс всей Европы и представляет собой его собственное величайшее достижение. Среди рабочих разных стран и даже каждой страны, взятой в отдельности, существует много различных воззрений; но нет больше сект, нет больше притязаний на догматическую ортодоксию, на доктринерское верховенство, а есть совместный план действий, первоначально начертанный Интернационалом, теперь же нашедший всеобщее признание, потому что он повсюду сознательно или стихийно возникал из борьбы, из потребностей движения; это план, который свободно приспосабливается к разнообразным условиям каждой нации и каждой местности и сохраняет, тем не менее, повсюду свои основные черты, обеспечивая таким образом единство цели и общее соответствие средств, применяемых для достижения общей цели — освобождения рабочего класса самим же рабочим классом.

* Здесь из английского текста статьи выпали одна или две строки. *Ред.*

III

В предыдущей статье мы уже отметили наиболее интересные основные факты, связанные с историей рабочего движения в Италии, Испании, Швейцарии и Бельгии. Необходимо, однако, сказать еще кое о чем.

В Испании движение быстро разрослось между 1868 и 1872 гг., когда Интернационал мог похвалиться там более чем 30000 платящих взносы членов. Но все это было скорее видимостью, чем действительностью; скорее результатом кратковременного возбуждения, вызванного неустойчивым политическим положением в стране, чем результатом действительного роста сознательности. Впутавшись в кантоналистское (федералистско-республиканское) восстание 1873 г., испанский Интернационал был раздавлен вместе с ним. Некоторое время он продолжал существовать в виде тайного общества, ядро которого несомненно сохранилось до сих пор. Поскольку, однако, это общество никогда не проявляло никаких признаков жизни, кроме посылки трех делегатов на гентский конгресс, мы поневоле приходим к заключению, что эти три делегата представляют испанский рабочий класс примерно в той же мере, в какой некогда трое портных с Тули-стрита представляли английский народ[76]. И мы можем с уверенностью предсказать, что как только какое-либо политическое потрясение даст возможность испанским рабочим снова играть активную роль, новая борьба будет начата не этими «анархистскими» болтунами, а небольшой организацией сознательных и энергичных рабочих, которые в 1872 г. оставались верны Интернационалу[77] и которые теперь выжидают своего времени, вместо того, чтобы играть в тайные заговоры.

В Португалии движение всегда оставалось свободным от «анархистской» заразы и развивалось на такой же рациональной основе, как и в большинстве других стран. У португальских

рабочих были многочисленные секции Интернационала и профессиональные союзы. Они провели в январе 1877 г. весьма успешный конгресс и стали издавать превосходный еженедельник «O Protesto» («Протест»)[78]. Однако и они были скованы направленным против них законодательством, ограничивающим свободу печати, право союзов и публичных собраний. Несмотря на все это, они продолжают бороться и проводят теперь в Опорто новый конгресс, который даст им возможность показать миру, что рабочий класс Португалии вносит свой вклад в великую всемирную борьбу за освобождение труда.

Рабочие Италии также сильно стеснены в своей деятельности буржуазным законодательством. Ряд специальных законов, установленных под предлогом подавления бандитизма и широко распространившихся тайных бандитских организаций, законов, предоставляющих правительству громадные, неограниченные полномочия, без стеснений применяется к рабочим обществам; выдающиеся их члены подлежат наравне с бандитами полицейскому надзору и высылке без суда и следствия. Тем не менее, движение идет вперед, и лучшим признаком его жизненности является то, что центр тяжести его перемещается из почтенных, но полумертвых городов Романьи в оживленные промышленные и фабричные города севера, — перемена, обеспечившая преобладание подлинно рабочих элементов над кучкой втершихся в движение «анархистов», выходцев из буржуазии, в руках которых прежде находилось руководство. Рабочие клубы и профессиональные союзы, постоянно закрываемые и распускаемые правительством, снова возникают под новыми названиями. Пролетарская печать, несмотря на то, что многие ее органы, вследствие преследований, штрафов и тюремных приговоров против их издателей, недолговечны, после каждого поражения восстанавливается заново и, вопреки всем препятствиям, насчитывает несколько газет со сравнительно долголетним существованием. Некоторые из этих органов, большей частью кратковременные издания, исповедуют еще «анархистские» доктрины, но от всяких притязаний на руководство движением эта фракция отказалась и угасает постепенно вместе с буржуазно-республиканской партией Мадзини. И каждая пядь, потерянная обеими этими кликами, есть пядь, завоеванная подлинным и сознательным движением рабочего класса.

В Бельгии центр тяжести деятельности рабочего класса также переместился, вследствие чего и сама эта деятельность существенным образом изменилась. До 1875 г. этот центр лежал в той части страны, где говорят по-французски, включая сюда полуфранцузский и полуфламандский Брюссель. В течение

этого периода движение находилось под сильным влиянием прудонистских доктрин, которые тоже предписывали воздержание от вмешательства в политику, особенно же от участия в выборах. Оставались, таким образом, только стачки, обычно подавлявшиеся кровавым вмешательством войск, да митинги, на которых постоянно повторялся старый набор фраз. Рабочим это надоело, и все движение постепенно замерло. Но с 1875 г. в борьбу вступили фабричные города фламандской части страны, поведшие борьбу с большим воодушевлением и, как было вскоре доказано, в новом духе. В Бельгии нет фабричных законов, которые ограничивали бы часы труда женщин или детей; и первым требованием фабричных избирателей Гента и его окрестностей было требование о защите их жен и детей, которых заставляли подобно рабам трудиться на прядильных фабриках по пятнадцати и более часов в сутки. Сопротивление прудонистских доктринеров, которые считали подобные пустяки недостойными внимания людей, занятых заоблачным революционизмом, было безуспешным и постепенно было преодолено. Требование законодательной охраны детского труда на фабриках стало одним из пунктов платформы бельгийского рабочего класса, а вместе с тем лишились своей силы магические заклинания, которые до сих пор налагали табу на политическую деятельность. Пример немцев довершил дело, и теперь бельгийские рабочие, как и рабочие Германии, Швейцарии, Дании, Португалии, Венгрии, Австрии и части Италии, организуются в политическую партию, отличную от всех других политических партий и противоположную им, — партию, ставящую целью добиться освобождения рабочих любыми политическими действиями, какие потребуются условиями момента.

Значительные массы швейцарских рабочих, — та их часть, которая говорит по-немецки, — объединились несколько лет назад в «Рабочую конфедерацию», которая к концу 1876 г. насчитывала свыше 5000 членов, платящих взносы. Рядом с ней существовала еще другая организация, Грютли-союз, образованная первоначально буржуазными радикалами для распространения радикализма среди рабочих и крестьян; но постепенно в это широко распространенное объединение проникли социал-демократические идеи, которые в конце концов овладели им. В 1877 г. оба эти общества заключили союз, почти равносильный слиянию, с целью организовать швейцарскую политическую рабочую партию; и они действовали с такой энергией, что при общенародном голосовании провели новый швейцарский фабричный закон, который из всех существующих фабричных законов является наиболее благоприятным для рабочих.

Теперь они организуют бдительный надзор, чтобы обеспечить его надлежащее выполнение, вопреки резко выраженному недовольству фабрикантов. «Анархисты» со своей сверхреволюционной точки зрения конечно бешено противились всей этой деятельности, объявляя ее настоящей изменой тому, что они называют «революцией». Однако, поскольку их насчитывается самое большее человек 200 и поскольку они представляют здесь, как везде, лишь генеральный штаб офицеров без армии,— их выступление не играет роли.

Программа швейцарской рабочей партии почти совпадает с германской, даже слишком совпадает, включая также и некоторые несовершенные и путаные ее положения. Но формулировки программы сами по себе не имеют большого значения, если дух, господствующий в движении, правилен.

Датские рабочие вступили в борьбу около 1870 г. и вначале добились очень быстрых успехов. Заключив союз с партией мелких крестьян-собственников, среди которых они успешно распространяли свои взгляды, они достигли настолько значительного политического влияния, что за «объединенной левой», ядро которой составляла эта крестьянская партия, в течение нескольких лет сохранялось большинство в парламенте. Но в этом быстром росте движения было больше внешней видимости, чем действительной основательности. В один прекрасный день обнаружилось, что двое лидеров исчезли, растратив деньги, собранные среди рабочих на партийные цели. Вызванный этим скандал был крайне велик, и датское движение до сих пор еще не оправилось от последовавшего за этим разочарования. Как бы то ни было, хотя датская рабочая партия и выступает теперь более сдержанно, чем прежде, но есть все основания полагать, что потерянное ею мимолетное и мнимое господство над массами постепенно заменится более реальным и более длительным влиянием.

В Австрии и Венгрии рабочему классу приходится бороться с величайшими трудностями. Политическая свобода, поскольку дело касается печати, собраний и союзов, сведена здесь к самому низкому уровню, соответствующему мнимоконституционной монархии. Свод законов, отличающихся неслыханной растяжимостью, позволяет правительству добиваться осуждения даже в случаях самого робкого выражения требований и интересов рабочего класса. И, тем не менее, движение здесь, как и везде, неудержимо развивается. Основными центрами являются фабричные округа Богемии, Вена и Будапешт. Рабочие газеты выходят на немецком, чешском и венгерском языках. Вслед за Венгрией движение распространилось и в Сербии, где до войны

выходила на сербском языке еженедельная газета[79]; однако, как только разразилась война, газету попросту прикрыли.

Таким образом, повсюду в Европе, куда ни кинуть взгляд, рабочее движение развивается не только успешно, но и быстро, и, что еще важнее, повсюду в одном и том же духе. Восстановлено полное единомыслие, а вместе с ним налаживается постоянная и регулярная связь, осуществляемая теми или иными путями между рабочими разных стран. Люди, которые в 1864 г. основали Международное Товарищество Рабочих, которые высоко держали его знамя в годы борьбы, сначала против внешних, потом против внутренних врагов, до тех пор, пока политическая необходимость в еще большей степени, чем внутренние раздоры, не привела к расколу и к кажущемуся отступлению, — эти люди могут теперь с гордостью воскликнуть: «Интернационал выполнил свое дело; он вполне достиг своей великой цели — объединения пролетариата всего мира в борьбе против своих угнетателей!»

IV

Наши читатели наверное заметили, что в трех предыдущих статьях почти не упоминалось об одной из важнейших стран Европы — Франции, и это вот по какой причине. В странах, о которых говорилось до сих пор, деятельность рабочего класса, — хотя по существу она представляет собой политическую деятельность, — не имеет тесной связи с общей или, так сказать, с официальной политикой. Рабочий класс Германии, Италии, Бельгии и т. д. не стал еще политической силой в государстве. Он является политической силой лишь в перспективе, и если в некоторых из этих стран официальным партиям — консерваторам, либералам или радикалам — приходится с ним считаться, то это только потому, что его быстрый подъем делает очевидным, что в близком будущем пролетарская партия станет достаточно сильной для того, чтобы дать почувствовать свое влияние. Но во Франции дело обстоит иначе. Парижские рабочие, поддержанные рабочими крупных провинциальных городов, со времени великой революции всегда были силой в государстве. В течение уже почти девяноста лет они являлись боевой армией прогресса. При каждом крупном кризисе французской истории они выходили на улицы, вооружались чем только могли, воздвигали баррикады и вступали в бой. И их победа или поражение определяли судьбу Франции на последующие годы. С 1789 по 1830 г. буржуазные революции решались борьбой парижских рабочих; это они в 1848 г. завоевали республику, ошибочно считая, что эта республика означает освобождение труда, они получили жестокий урок в июньском поражении того же года; они сопротивлялись на баррикадах луи-наполеоновскому coup d'etat* 1851 г. и снова потерпели поражение; они смели в сентябре 1870 г. изжившую себя империю,

* — государственному перевороту. *Ред.*

к которой буржуазные радикалы не имели смелости и прикоснуться. Попытка Тьера в марте 1871 г. отнять у них оружие, которым они защищали Париж от иностранного нашествия, принудила их к революции Коммуны и к длительной борьбе, закончившейся их кровавым подавлением.

Национальный рабочий класс, который, таким образом, в течение почти столетия не только играл решающую роль при каждом историческом кризисе собственной страны, но в то же время всегда был авангардом европейской революции, такой рабочий класс не может жить той относительно замкнутой жизнью, в рамках которой собственно и протекает пока деятельность остальных рабочих континента. Такой рабочий класс, каким является рабочий класс Франции, связан со своей прошлой историей и зависит от этой прошлой истории. Его история не менее, чем его признанная решающая боевая сила, неотделима от общего политического развития страны. И поэтому мы не можем сделать обзор деятельности французского рабочего класса, не входя в рассмотрение французской политики вообще.

Вел ли французский рабочий класс свою собственную борьбу, вел ли он борьбу либеральной, радикальной или республиканской буржуазии, — за всяким нанесенным ему поражением всегда следовала гнетущая политическая реакция, столь же свирепая, сколь продолжительная. Так, за поражениями в июне 1848 г. и в декабре 1851 г. последовало восемнадцать лет бонапартистской империи, в течение которых печать была скована, право собраний и союзов отнято, а рабочий класс тем самым был лишен всяких средств взаимной связи и организации. Неизбежным результатом было то, что, когда в сентябре 1870 г. пришла революция, рабочие не могли выдвинуть никого другого, кроме буржуазных радикалов, при империи составлявших официальную парламентскую оппозицию, которые, само собой разумеется, предали их и страну. После подавления Коммуны рабочий класс, способность которого к борьбе была парализована на целый ряд лет, был непосредственно заинтересован лишь в том, чтобы избегнуть повторения подобного длительного господства реакции, а вместе с тем необходимости снова бороться не за прямое свое освобождение, а лишь за такие порядки, которые давали бы ему возможность подготовиться к окончательной борьбе за освобождение. В настоящее время во Франции имеется четыре больших политических партии: три монархические — легитимисты, орлеанисты и бонапартисты, каждая с особым претендентом на корону, — и республиканская партия. Какой бы из трех претендентов ни взошел на трон, он во всяком случае нашел бы поддержку лишь незначительного

меньшинства народа и мог бы, следовательно, полагаться только на силу. Поэтому неизбежным спутником всякой монархической реставрации было бы господство насилия, подавление всяких общественных свобод и личных прав, — то, чего рабочий класс должен стремиться избегнуть. С другой стороны, сохранение существующего республиканского правительства оставляло бы ему по крайней мере возможность достичь такой степени личной и общественной свободы, которая позволила бы основать рабочую печать, проводить агитацию на собраниях и организовать самостоятельную политическую партию; кроме того, сохранение республики избавило бы его от необходимости вновь вести особую борьбу за ее завоевание в будущем.

Поэтому новым доказательством высокой инстинктивной политической сознательности французского рабочего класса был тот факт, что как только 16 мая прошлого года все три монархических клики, объединившись в большом заговоре, объявили войну республике, рабочие, как один человек, провозгласили поддержку республики своей главной и непосредственной задачей. Несомненно, здесь они следовали за буржуазными республиканцами и радикалами; но чем же иным может быть рабочий класс, не имеющий ни печати, ни собраний, ни клубов, ни политических союзов, как не придатком радикально-буржуазной партии? Что иное может он делать для завоевания своей политической независимости, как не поддерживать единственную партию, которая обязана обеспечить народу вообще, а стало быть и рабочим, те свободы, которые позволили бы иметь независимую организацию? Некоторые утверждают, что на последних выборах рабочие должны были выставить своих собственных кандидатов. Но даже в тех местностях, в которых они могли бы сделать это с надеждой на успех, — откуда взялись бы кандидаты рабочего класса, достаточно хорошо известные в среде их собственного класса, чтобы найти необходимую поддержку? Недаром же после Коммуны правительство старательно позаботилось о том, чтобы арестовать, как участника этого восстания, каждого рабочего, который приобретал известность хотя бы путем частной агитации в своем собственном районе в Париже.

Победа республиканцев на последних ноябрьских выборах была знаменательна. Еще более знаменательные победы были одержаны на происходивших вслед за тем департаментских, муниципальных и дополнительных выборах. Монархический заговор, может быть, положил бы конец всему этому; но действия заговорщиков были парализованы совершенно определенной позицией армии. Дело было не только в том, что среди

офицеров, особенно низших рангов, было много республиканцев; но также и в том — и это обстоятельство сыграло решающую роль, — что солдатская масса отказалась выступить против республики. Это было первым результатом реорганизации армии — реорганизации, которая покончила с практикой наемных заместителей и превратила армию в действительное представительство молодых людей всех классов[80]. Таким образом, не было необходимости подавлять заговор силой, так как он провалился сам собой. И это тоже вполне отвечало интересам рабочего класса, еще слишком слабого после кровопускания 1871 г. и не имевшего ни малейшего желания вновь расточать свое главное достояние, свои боевые силы в сражениях на пользу других или ввязаться в целый ряд ожесточенных столкновений, прежде чем он восстановил полностью свою силу.

Но эта победа республиканцев имеет еще и другое значение. Она показывает, что с 1870 г. сельское население сделало большой шаг вперед. До сих пор каждая победа, одержанная рабочим классом в Париже, очень быстро сводилась на нет из-за реакционного духа мелкого крестьянства, составляющего большую массу французского населения. С начала нынешнего столетия французское крестьянство было бонапартистским. Вторая республика, установленная парижскими рабочими в феврале 1848 г., была отменена шестью миллионами крестьянских голосов, отданных Луи-Наполеону в декабре того же года. Но прусское нашествие 1870 г. поколебало веру крестьянства в империю, а последние ноябрьские выборы показали, что масса сельского населения стала республиканской. Эта перемена имеет величайшее значение. Она означает не только то, что всякая монархическая реставрация отныне стала во Франции безнадежной. Она означает также приближение союза между рабочими в городах и крестьянами в деревнях. Мелкие собственники-крестьяне, созданные великой революцией, являются земельными собственниками только по названию. Их участки заложены ростовщикам; их урожай уходит на оплату процентов и на расходы по тяжбам; нотариус, стряпчий, судебный пристав, аукционный чиновник постоянной угрозой стоят у их дверей. Их положение так же скверно, как и положение рабочих, и почти так же не обеспечено. И если эти крестьяне поворачивают теперь от бонапартизма к республике, то этим они показывают, что не ожидают уж больше улучшения своего положения от тех чудес империи, которые Луи-Наполеон постоянно им обещал, но никогда не исполнял. Вера Тьера в мистическую спасительную силу, которой обладает «император крестьян», была грубо нарушена Второй империей. Чары рассеялись. Французское

крестьянство стало, наконец, достаточно сознательным, чтобы искать действительных причин хронической нужды и практических мер к ее устранению. А уж раз оно начало мыслить, оно должно будет скоро обнаружить, что единственное средство спасения лежит для него в союзе с тем единственным классом, который нисколько не заинтересован в его нынешнем жалком положении, — с рабочим классом города.

Таким образом, как бы ни было презренно нынешнее республиканское правительство Франции, все же окончательное установление республики дало, наконец, французским рабочим почву, на которой они могут организоваться как самостоятельная политическая партия и вести будущие сражения не на пользу других, а на свою собственную пользу. На этой почве они могут вдобавок объединиться с доселе враждебной им массой крестьянства и превратить тем самым будущие победы из кратковременного триумфа Парижа над Францией, как это было до сих пор, в окончательный триумф всех угнетенных классов Франции, руководимых рабочими Парижа и крупных провинциальных городов.

V

Остается рассмотреть еще одну важную европейскую страну — Россию. Нельзя сказать, чтобы в России существовало рабочее движение, о котором стоило бы говорить. Однако внутренние и внешние условия, в которых находится Россия, чрезвычайно своеобразны и чреваты событиями величайшего значения для будущего не только русских рабочих, но и рабочих всей Европы.

В 1861 г. правительство Александра II провело освобождение крепостных и превратило огромное большинство русского народа из крепостных людей, прикрепленных к земле и обязанных к принудительному труду на своих помещиков, в свободных крестьян-собственников. Эта перемена, необходимость которой была уже давно очевидна, была осуществлена таким образом, что ни прежние помещики, ни прежние крепостные не оказались при этом в выигрыше. Крестьянские общины получили земельные наделы, которые должны были впредь стать их собственностью, между тем как помещики должны были получить выкуп за землю, уступленную крестьянам, а отчасти также за принадлежавшее им до сих пор право на труд крестьян. Так как крестьяне явно не могли найти денег на выплату помещикам, то в дело вмешалось государство. Часть этого выкупа была покрыта путем передачи помещику части той земли, которую крестьяне обрабатывали до тех пор самостоятельно; остаток же выплачивался в форме правительственных обязательств, авансированных государством, которые крестьяне должны были вместе с процентами погашать в рассрочку ежегодными платежами. Большинство помещиков распродало эти обязательства и растратило деньги; помещики, таким образом, не только стали теперь беднее, чем были прежде, но и не могут найти работников для обработки своих имений, ибо крестьяне действительно отказываются на них работать и оставлять невозделанными свои собственные поля. Что касается крестьян, то их земельные наделы не только уменьшились в размерах по сравнению с тем, что было у них раньше, причем очень часто

до таких размеров, которые в русских условиях недостаточны для прокормления семьи; наделы эти в большинстве случаев составлялись из наихудшей в поместье земли, из болот или других непригодных участков, между тем как хорошая земля, принадлежавшая ранее крестьянам и улучшенная благодаря их труду, передавалась помещикам. При таких обстоятельствах положение крестьян стало также значительно хуже прежнего; но, кроме того, они были обязаны ежегодно выплачивать правительству проценты и часть капитала, который ссудило им государство для выкупа; помимо этого, из года в год увеличивались взимавшиеся с них подати. Далее, до освобождения крестьяне имели некоторые общинные права на помещичью землю: право выпаса для своего скота, право на порубку леса для построек и других целей и т. п. Новый порядок намеренно лишал их этих прав; если они хотели вновь ими пользоваться, то им приходилось торговаться опять-таки с прежним своим помещиком.

Таким образом, меж тем как в результате реформы большинство помещиков еще больше прежнего запуталось в долгах, крестьянство было доведено до такого положения, при котором невозможно ни жить, ни умереть. Великий акт освобождения, на все лады расхваленный и прославленный либеральной прессой Европы, создал не что иное, как лишь твердое основание и абсолютную необходимость будущей революции.

Правительство, со своей стороны, делало все возможное для ускорения этой революции. Взяточничество, которое проникает во все официальные круги и которое парализует всякие добрые намерения, какие можно было бы предполагать, — это традиционное взяточничество сохранялось в таком же, как всегда, отвратительном виде, а когда разразилась турецкая война, оно распустилось пышным цветом в каждом общественном учреждении. Финансы империи, пришедшие в полное расстройство к концу Крымской войны, приходили во все более плачевное состояние. За одним займом заключали другой, так что не оставалось никаких других средств оплатить проценты по старым долгам, кроме заключения новых займов. В течение первых лет царствования Александра старый императорский деспотизм был несколько смягчен; печати было предоставлено больше свободы, был введен суд присяжных, а представительным учреждениям, избираемым соответственно дворянством, городскими буржуа и крестьянами, было позволено принимать некоторое участие в местном и провинциальном управлении. Даже с поляками началось легкое политическое заигрывание. Однако общественное мнение ошиблось насчет благих намерений правительства. Печать стала слишком откровенной. При-

сяжные стали и в самом деле оправдывать политических заключенных, осуждения которых правительство ожидало даже без всяких улик. Местные и провинциальные собрания* единодушно заявляли, что правительство своим освободительным актом разорило деревню и что дальше так продолжаться не может. Стали даже поговаривать о созыве национального собрания, как единственном способе покончить с беспорядками, ставшими почти непереносимыми. И, наконец, поляки не захотели, чтобы их и дальше кормили обещаниями, и подняли такое восстание[81], что понадобились все силы империи и вся свирепость русских генералов, чтобы потопить его в потоках крови. Тогда правительство снова повернуло назад. Жестокие репрессии вновь стали в порядок дня. Печати заткнули рот; политические заключенные были переданы особым судам, состоящим из подобранных для этой цели судей; с местными и провинциальными собраниями перестали считаться. Но было уже поздно. Правительство, проявив однажды признаки испуга, потеряло свой престиж. Вера в его прочность и в его способность решительно сокрушить всякое внутреннее сопротивление исчезла. Появились зародыши будущего общественного мнения. Эти силы уже не могут быть снова сведены к прежнему слепому повиновению указке правительства. Обсуждение общественных вопросов, хотя бы в частном кругу, вошло в привычку в среде образованных классов. Наконец, и правительство, при всем своем стремлении возвратиться к необузданному деспотизму царствования Николая, все же пыталось сохранять, перед лицом Европы, видимость либерализма, введенного Александром. Следствием этого явилась система колебаний и нерешительности: сегодня делают уступки, завтра берут их обратно, потом снова, попеременно, наполовину допускают, наполовину берут обратно, — политика, меняющаяся с часу на час, делающая очевидной для каждого внутреннюю слабость, недостаток проницательности и воли со стороны этого правительства, которое становилось ничем, если оно не обладало волей и средствами для ее осуществления. Что же могло быть естественнее растущего с каждым днем презрения к правительству, о котором уже давно знали, что оно ни к чему хорошему не способно и что ему повинуются только из страха, — правительству, которое теперь показало, что оно само сомневается в своей способности поддержать собственное существование, что оно испытывает по меньшей мере такой же страх перед народом, какой народ испытывает перед ним? Для русского правительства оставался

* — т. е. уездные и губернские земские собрания. *Ред.*

только один путь спасения, — путь, открывающийся перед всяким правительством, оказавшимся лицом к лицу с непреодолимым сопротивлением народа, — внешняя война. И было решено начать внешнюю войну. Европе было объявлено, что эта война предпринята для избавления христиан от долгого хозяйничанья турок, а русскому народу объявили, что войну ведут во имя возвращения единоплеменных братьев-славян из-под турецкого ига в лоно священной Российской империи.

После долгих месяцев бесславных поражений, война эта теперь доведена до конца столь же бесславным подавлением турецкого сопротивления — отчасти путем предательства, отчасти благодаря громадному численному превосходству. Но завоевание русскими большей части Европейской Турции само является только прелюдией общеевропейской войны. Либо на предстоящей европейской конференции (если эта конференция вообще соберется) России придется отступить от ныне завоеванных позиций настолько, что несоответствие между громадными жертвами и ничтожными результатами должно будет довести народное недовольство до неистового революционного взрыва, либо же Россия должна будет отстаивать свои новозавоеванные позиции в европейской войне. Страна, истощившая более половины своих сил, не даст правительству возможности вести такую войну, — каков бы ни был ее конечный результат, — без существенных уступок народу. А такие уступки при вышеописанной ситуации означают начало революции. Избежать этой революции русское правительство не в состоянии, если даже ему и удастся задержать ее взрыв на год или два. Но русская революция означает нечто большее, чем простую смену правительства в самой России. Она означает исчезновение огромной, хотя и неуклюжей военной державы, которая со времен французской революции являлась становым хребтом объединенного европейского деспотизма. Она означает освобождение Германии от Пруссии, ибо Пруссия всегда была креатурой России и существовала, только опираясь на нее. Она означает освобождение Польши. Она означает пробуждение малых славянских народностей Восточной Европы от грез панславизма, взлелеянных среди них нынешним русским правительством. И она означает начало активной национальной жизни самого русского народа, а вместе с тем возникновение настоящего рабочего движения в России. Словом, она означает такое изменение во всем положении Европы, которое рабочие всех стран должны с радостью приветствовать как гигантский шаг по пути к их общей цели — всеобщему освобождению труда.

К. МАРКС

ГОСПОДИН БУХЕР

РЕДАКТОРУ «DAILY NEWS» [82]

Сэр! Согласно телеграмме агентства Рейтер,

«господин советник посольства Бухер назначен секретарем-архивариусом конгресса».

Неужели этот «господин Бухер» — тот самый Лотар Бухер, который во время своего продолжительного изгнания в Лондоне блистал в роли восторженного сторонника пресловутого господина Давида Уркарта, русофобские теории которого он еженедельно проповедовал в берлинской «National-Zeitung»[83]; тот самый Лотар Бухер, который после своего возвращения в Берлин стал таким ярым приверженцем Фердинанда Лассаля, что последний объявил его своим душеприказчиком, завещал ему ежегодный доход и передал ему право издания своих сочинений? Вскоре после смерти Лассаля Лотар Бухер поступил на службу в прусское министерство иностранных дел, был назначен советником посольства и стал доверенным агентом для поручений у Бисмарка.

Он имел *наивность* написать мне письмо, приглашая меня, конечно с санкции своего хозяина, писать статьи по финансовым вопросам для прусской официальной газеты «Staats-Anzeiger»[84].

Денежные условия предоставлялось назначить мне самому, причем меня определенно заверяли, что за мной останется полная свобода высказывать суждения о совершаемых на денежном рынке операциях и о тех, кто их совершает, с моей собственной «научной» точки зрения. После этого странного происшествия меня не мало позабавило, когда я на столбцах издаваемого Иоганном Филиппом Беккером в Женеве органа Интернационала,

под названием «Der Vorbote»[85], стал то и дело встречать извещения о взносах Лотара Бухера в качестве члена «Международного Товарищества Рабочих». Если здесь не перепутаны лица и если есть доля правды в сообщениях о том, что русское и германское правительства хотят, *в связи с* покушениями Хёделя и Нобилинга, предложить конгрессу международные мероприятия против распространения социализма,—то господин Бухер действительно подходящий человек для того, чтобы со всей авторитетностью заявить конгрессу, что организация, деятельность и учение германской социал-демократической партии имеют с этими покушениями так же мало общего, как с гибелью «Великого курфюрста»[86] или с созывом Берлинского конгресса; что паника, вызванная арестами в Германии, и пыль, столбом поднятая в рептильной прессе, служат исключительно лишь целям предвыборной агитации за такой рейхстаг, который, наконец, одобрит давно уже выработанное князем Бисмарком разрешение парадоксальной проблемы — как наделить германское правительство всеми финансовыми ресурсами современного государства, навязав в то же время снова немецкому народу тот старый политический режим, который был разбит вдребезги ураганом 1848 года.

Остаюсь, милостивый государь, преданный Вам

Карл Маркс

Лондон, 12 июня

Напечатано в газетах «The Daily News» № 10030, 13 июня 1878 г. и «Vorwarts» № 72, 21 июня 1878 г.

Печатается по тексту газеты «The Daily News», сверенному с текстом газеты «Vorwarts»

Перевод с английского

К. МАРКС

* ОТВЕТ НА «РАЗЪЯСНЕНИЕ» БУХЕРА

Г-н Лотар Бухер опубликовал в «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» свое «разъяснение» от 20 июня, в котором прежде всего констатируется то неприятное обстоятельство, что мое письмо в «Daily News»* было воспроизведено национал-либеральными и прогрессистскими газетами. Г-н Бухер заявляет, что потребовалось бы 3000 строк, чтобы выправить нагроможденные мной извращения. Тридцати строк более чем достаточно, чтобы раз навсегда установить правдивость «исправлений» и «дополнений» Бухера.

Письмо, которым г-н Бухер пытался заманить меня в «Staats-Anzeiger», помечено 8 октября 1865 г., стало быть в период конфликта прусской либеральной и прогрессистской буржуазии с г-ном фон Бисмарком. В нем между прочим написано:

«Что касается содержания, само собой разумеется, Вы будете *руководствоваться только Вашими научными убеждениями;* однако, принимая во внимание не редакцию, а круг читателей — haute finance**, — рекомендуется писать так, чтобы *внутренний смысл* был ясен лить сведущим лицам».

А в «исправлении» г-на Бухера сказано, наоборот, что он

«запросил г-на Маркса, не согласен ли тот доставлять требуемые статьи, в которых давалось бы объективное изложение дела. О «собственной научной точке зрения» г-на Маркса ничего в моем письме не говорится».

Дальше в том же письме говорится:

«Для газеты «Staats-Anzeiger» нужны ежемесячные обзоры о движениях на денежном рынке (а также, разумеется, и на товарном рынке,

---

* См. настоящий том, стр. 147. *Ред.*
** — финансовую аристократию. *Ред.*

поскольку оба неразделимы). Меня спросили, не могу ли я рекомендовать кого-нибудь, и я ответил, что никто этого не сделает лучше, чем Вы. В результате меня попросили обратиться к Вам».

Таким образом, г-н Бухер, по собственным его недвусмысленным словам, начал со мной «переписку» по поручению *кого-то другого.* Напротив, в его «исправлении» утверждается:

«Никто, даже редактор «Staats-Anzeiger», не знал и не узнал ничего об этой переписке».

Это о методе исправлений г-на Бухера. Теперь еще один образец его метода дополнений!

В моем письме в «Daily News» говорится лишь о «наивном» обращении ко мне г-на Бухера, но ни словом не упоминается о моем ему ответе. Бухер же, стремясь придать «странному происшествию» тривиальный характер, должен меня «дополнить» и поэтому сочиняет:

«Г-н Маркс ответил, что он не станет писать для реакционной газеты».

Как мог бы я отвечать подобной пошлостью на письмо, «внутренний смысл» которого «не только» ясен, но ослепительно ярок в следующей заключительной фразе:

«Прогресс» (он подразумевает либеральную или прогрессистскую буржуазию) «еще много раз будет менять кожу, прежде чем погибнуть; следовательно, те, кто хочет еще в своей жизни принять участие в государственной деятельности, *должны объединиться вокруг правительства».*

Карл Маркс

Лондон, 27 июня

Напечатано в газетах «Frankfurter Zeitung und Handelsblatt» № 180, 29 июня 1878 г.; «Vossische Zeitung» № 152, 2 июля 1878 г.; «Vorwarts» № 78, 5 июля 1878 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

К. МАРКС

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ, СОЧИНЕННАЯ ГОСПОДИНОМ ДЖОРДЖЕМ ХАУЭЛЛОМ [87]

Я полагаю, что стоит сделать несколько замечаний в связи с новейшим вкладом — см. «Nineteenth Century»[88] за июль сего года — в цикл распространенной лживой литературы по истории Интернационала, так как последний толкователь этой истории г-н Джордж Хауэлл, бывший рабочий и бывший член Генерального Совета этого Товарищества, может быть ошибочно заподозрен в том, что он почерпнул свою мудрость из источников не общедоступных.

Мистер Хауэлл, начиная свою «Историю», умалчивает о том факте, что 28 сентября 1864 г. я присутствовал на учредительном собрании Интернационала, был там избран во временный Генеральный Совет и вскоре после этого составил «Учредительный Манифест» и «Общий Устав» Товарищества*, впервые опубликованные в Лондоне в 1864 г. и затем утвержденные Женевским конгрессом 1866 года.

Г-н Хауэлл все это знал, но для своих особых целей предпочитает заставить «одного немецкого доктора по имени Карл Маркс» впервые появиться на лондонском «конгрессе, открывшемся 25 сентября 1865 года»[89]. Там-то и тогда, утверждает Хауэлл, упомянутый «доктор» «посеял семена раздора и разложения внесением *религиозной идеи»*.

Прежде всего, никакого «конгресса» Интернационала в сентябре 1865 г. не было. Несколько делегатов главных отделений Товарищества на континенте собрались в Лондоне с единственной

* Имеется в виду Временный Устав Международного Товарищества Рабочих. *Ред.*

целью обсудить совместно с Генеральным Советом программу «первого конгресса», который должен был состояться в сентябре 1866 г. в Женеве. Деловая работа конференции проходила на закрытых заседаниях, а не на открытых собраниях в Адельфи-Террас, о которых только и упоминает сей точный историк, г-н Джордж Хауэлл.

Наряду с другими представителями Генерального Совета мне приходилось отстаивать принятие конференцией нашей собственной программы, которая при ее опубликовании была следующим образом охарактеризована французским историком Анри Мартеном в письме в «Siecle»[90].

«Широта взглядов и высокие моральные, политические и экономические воззрения, определившие круг вопросов, составляющих программу международного рабочего конгресса, который должен собраться в будущем году, встретят общее сочувствие всех друзей прогресса, справедливости и свободы в Европе».

Кстати, пункт программы, которую я имел честь изложить перед Генеральным Советом, гласит:

«*Необходимость уничтожения московитского влияния в Европе* на основе применения принципа права наций на самоопределение и путем восстановления Польши на демократической и социалистической основе»[*].

К этому тексту Анри Мартен дает такой комментарий.

«Мы позволим себе заметить, что выражение «на демократической и социалистической основе» имеет очень простой смысл по отношению к Польше, где *социальный* строй нуждается в перестройке в такой же мере, как и политический, и где эта основа была заложена декретами безымянного правительства 1863 г. и принята всеми классами нации. Итак, вот ответ подлинного социализма, ответ социального прогресса, гармонирующего со справедливостью и свободой, на авансы общинного деспотизма Московии. Эта тайна парижан становится отныне тайной народов Европы».

К несчастью, «парижане» так основательно хранили свою «тайну», что, ничего не зная о ней, двое из парижских делегатов на конференции, Толен, теперь сенатор Французской республики, и Фрибур, в настоящее время просто ренегат, нападали как раз на тот пункт программы, который вызвал столь восторженные замечания французского историка.

Программа Генерального Совета не содержала ни единого слова о «религии», но, по настоянию парижских делегатов, это

[*] Во французском тексте протоколов вместо слов «на демократической и социалистической основе» напечатано: «на демократических и социальных основах» (так же цитирует и Анри Мартен в своей статье). В немецком тексте — «на социально-демократической основе». В английским тексте — «на демократической основе». *Ред.*

запрещенное блюдо включили на всякий случай в меню предстоящего конгресса в следующем виде:

«Религиозные идеи (а не «религиозная идея», как гласит извращенное изложение Хауэлла) и их влияние на социальное, политическое и умственное движение».

Эта тема для дискуссии, внесенная, таким образом, парижскими делегатами, была предоставлена в их распоряжение. Фактически на Женевском конгрессе 1866 г. они сами ее отбросили и никто ее больше не выдвигал.

Лондонский «конгресс» 1865 г., «внесение» на нем «религиозной идеи» «немецким доктором по имени Карл Маркс» и свирепая вражда, возникшая из-за этого внутри Интернационала — этот свой тройной миф г-н Джордж Хауэлл увенчивает еще одной легендой. Он говорит:

«В проекте обращения к американскому народу по поводу отмены рабства фраза «бог создал все людские племена единокровными» была вычеркнута» и т. д.

Генеральный Совет действительно направил обращение, но не к американскому народу, а к его президенту, Аврааму Линкольну, который принял обращение самым любезным образом[91]. Обращение, написанное мной, не подвергалось решительно никаким изменениям. Так как слов «бог создал все людские племена единокровными» никогда не было в этом обращении, они не могли быть и «вычеркнуты».

Отношение Генерального Совета к «религиозной идее» лучше всего обнаруживается в следующем инциденте. — Одна из швейцарских секций основанного Михаилом Бакуниным *Альянса*[92], назвавшая себя *Секцией атеистов-социалистов,* просила Генеральный Совет принять ее в Интернационал, но получила такой ответ:

«Генеральный Совет уже в деле с «Союзом христианской молодежи» заявил, что он не признает *никаких теологических секций»* (см. *«Мнимые расколы в Интернационале. Циркуляр Генерального Совета»,* стр. 13, издано в Женеве[93]).

Сам г-н Джордж Хауэлл, тогда еще не обращенный в иную веру тщательным изучением «Christian Reader», порвал с Интернационалом не по велению «религиозной идеи», а по соображениям весьма мирского свойства. При основании «Commonwealth»[94] как «специального органа» Генерального Совета он жадно домогался «высокого положения» редактора. Потерпев неудачу в этой «честолюбивой» попытке, он начал дуться, его усердие все более и более ослабевало, а вскоре о нем уже

и вовсе ничего не было слышно. В наиболее богатый событиями период Интернационала он, таким образом, находился вне движения.

Сознавая свою полнейшую некомпетентность в вопросах истории Интернационала, но в то же время горя желанием дать в своей статье в качестве приправы поразительные разоблачения, он подхватывает версию о появлении в Лондоне, во время восстания фениев, генерала Клюзере, и сообщает, что в помещении «Блэк-Хорс», на Ратбон-плейс, Оксфорд-стрит, генерал встретился «с несколькими людьми, к счастью, англичанами», чтобы посвятить их в свой «план» «всеобщего восстания». У меня есть некоторые основания сомневаться в подлинности этого эпизода, но если даже допустить, что он имел место, то что же другое он доказывает, кроме того, что Клюзере был не настолько глуп, чтобы преподнести свою особу и свой «план» Генеральному Совету, а благоразумно сохранил и то и другое для «нескольких англичан», знакомых Хауэлла, если только последний не был сам одним из этих молодцов в клеенчатых плащах*, которые своим «счастливым» вмешательством умудрились спасти Британскую империю и Европу от всеобщего потрясения.

Г-н Джордж Хауэлл раскрывает еще одну мрачную тайну.

В начале июня 1871 г. Генеральный Совет опубликовал *воззвание «Гражданская война во Франции»*[95], встреченное хором проклятий со стороны лондонской прессы. Один еженедельник набросился на «гнусного автора», трусливо прячущего свое имя за ширмой Генерального Совета. В ответ на это я заявил в «Daily News», что автором воззвания являюсь я[96]. Эту устаревшую тайну г-н Джордж Хауэлл раскрывает в июле 1878 г. со всем самомнением человека кулис:

> «Автором этого воззвания был доктор К. Маркс... Господа Джордж Оджер и Лекрафт, оба бывшие членами Генерального Совета, когда он» (sic!) «был принят, высказались против его опубликования».

Он забывает прибавить, что остальные девятнадцать присутствовавших английских членов приветствовали «воззвание».

С тех пор положения этого воззвания были полностью подтверждены *анкетами* французской помещичьей палаты[97], свидетельскими показаниями перед версальским военным судом, процессом Жюля Фавра и мемуарами людей, далеких от враждебности к победителям.

---

* Шекспир. «Король Генрих IV». Часть I, акт II, сцена четвертая. (Рассказывая вымышленную историю о своей стычке с шайкой молодчиков, Фальстаф при каждом новом упоминании увеличивает их число и, увлекшись своей выдумкой, изображает их одетыми то в клеенчатые плащи, то в куртки из кендальского сукна.) *Ред.*

Вполне в порядке вещей, что английский историк, обладающий богатой эрудицией г-на Джорджа Хауэлла, надменно игнорирует французские материалы, как официальные, так и неофициальные. Но я признаюсь, что испытываю чувство отвращения, когда вижу, что, например, в таких случаях, как покушения Хёделя и Нобилинга, большие лондонские газеты пережевывают ту же низкую клевету, которую их собственные корреспонденты-очевидцы первые же опровергали.

Мистер Хауэлл достигает пределов снобизма при подсчете финансов Генерального Совета.

Совет в опубликованном им *отчете Базельскому конгрессу* (1869 г.) иронизировал по поводу колоссальных богатств, которыми наградили его досужие языки европейской полиции и дикая фантазия капиталистов. В отчете говорится:

«Если бы эти правоверные христиане жили во времена зарождения христианства, они прежде всего заглянули бы в текущий счет апостола Павла в Риме»[98].

Г-н Эрнест Ренан, взгляды которого, правда, не столь ортодоксальны, как того требует г-н Джордж Хауэлл, полагает даже, что характер ранних христианских общин, подорвавших силы Римской империи, лучше всего мог бы быть понят на примере секций Интернационала.

Г-н Джордж Хауэлл, как писатель, является тем, что в кристаллографии называется «псевдоморфизмом». Внешняя форма его мазни — лишь подражание способу мышления и стилю, свойственному англичанину с туго набитым кошельком, сытой добродетелью и платежеспособной моралью. И хотя свой строй «цифр» о доходах Генерального Совета Хауэлл заимствует из отчетов, которые тот же Генеральный Совет ежегодно представлял открытому «конгрессу Интернационала», г-ну Джорджу Хауэллу не пристало нарушать свое «подражательное» достоинство и снисходить до ответа на напрашивающийся вопрос: как могло случиться, что все правительства континентальной Европы, вместо того чтобы обрести успокоение пред лицом тощего бюджета Генерального Совета, пришли в ужас перед «могущественной и страшной организацией Международного Товарищества Рабочих и перед быстрым развитием, которого оно достигло в течение нескольких лет» (см. *циркуляр испанского министра иностранных дел испанским послам за границей).* Почему же, скажите во имя здравого смысла, вместо того, чтобы рассеять красный призрак самым простым способом, потрясая пред его лицом печальным бюджетом Генерального Совета, — папа и его епископы проклинали Интернационал,

французская помещичья палата объявила его вне закона, Бисмарк — при встрече императоров Австрии и Германии в Зальцбурге — угрожал ему крестовым походом Священного союза[99], а белый царь поручил его попечению своего страшного «третьего отделения», возглавлявшегося тогда рьяным Шуваловым?

Г-н Джордж Хауэлл снисходительно допускает: «Бедность не порок, но она страшно затруднительна». Я допускаю, что это — святая истина. С тем большей гордостью должен был бы он вспоминать о своей прежней близости к Международному Товариществу Рабочих, которое снискало мировую славу и заняло место в истории человечества не благодаря размерам кошелька, а благодаря силе мысли и беззаветной энергии.

Однако с возвышенной точки зрения островного «филистера», г-н Джордж Хауэлл сообщает «просвещенным читателям» «Nineteenth Century», что Интернационал был «неудачей» и исчез с лица земли. На самом же деле социал-демократические рабочие партии, организованные в более или менее национальном масштабе в Германии, Швейцарии, Дании, Португалии, Италии, Бельгии, Голландии и Соединенных Штатах Америки, составляют интернациональные группы, которые уже не являются отдельными секциями, в небольшом числе рассеянными по различным странам и объединяемыми вовне стоящим Генеральным Советом, а образуются самими рабочими массами, находящимися в постоянном, активном, непосредственном общении, спаянными обменом мыслей, взаимной помощью и общими стремлениями.

После падения Парижской Коммуны вся организация рабочего класса во Франции была, разумеется, временно подорвана, но теперь она снова начинает восстанавливаться. С другой стороны, вопреки всем политическим и социальным препятствиям, участие славян, в особенности в Польше, Богемии и России в этом международном движении приобрело в настоящее время такие размеры, которых в 1872 г. не мог бы предвидеть самый большой оптимист. Таким образом, Интернационал не изжил себя, а только перешел из первого периода зарождения в более высокий, в котором первоначальные его стремления отчасти стали уже действительностью. В ходе своего поступательного развития он должен будет претерпеть еще много изменений, прежде чем сможет быть написана последняя глава его истории.

Написано К. Марксом в начале июля 1878 г.

Напечатано в журнале «The Secular Chronicle, And Record of Freethought Progress», т. X,№ 5, 4 августа 1878 г.

Печатается по тексту журнала

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

* ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЗАКОН ПРОТИВ СОЦИАЛИСТОВ В ГЕРМАНИИ. — ПОЛОЖЕНИЕ В РОССИИ

Лондон, 21 марта

Результаты, которых добились социалисты на последних выборах в Германии, являются доказательством того, что социалистическое движение невозможно уничтожить, зажимая рот социалистам. Наоборот, закон против социалистов будет иметь исключительно благоприятные для нас последствия. Он довершит революционное воспитание немецких рабочих...

Ценой больших усилий и больших жертв они добились того минимума свободы печати, союзов и собраний, которым они располагали; это была непрерывная борьба, но в конечном счете победа всегда оставалась за рабочими. Они могли организовываться, и каждый раз, когда происходили парламентские выборы, — это было для них новым триумфом.

Но эта легальная деятельность привела к тому, что кое-кто стал думать, будто для достижения окончательной победы пролетариата уже не нужно ничего другого. Подобное явление в стране, столь бедной революционными традициями, как Германия, могло стать опасным. К счастью, грубые действия Бисмарка и трусость поддерживающей его немецкой буржуазии изменили положение. Немецкие рабочие изведали, чего стоят конституционные свободы, когда пролетариат позволяет себе принимать их всерьез и использовать их для борьбы против господства капитализма. Если еще оставались какие-то иллюзии на этот счет, то друг Бисмарк грубо рассеял их. Я говорю *друг* Бисмарк потому, что никогда никто не оказывал столько услуг социалистическому движению в Германии, как он. Подготовив революцию установлением самого изощренного и самого невыносимого милитаристского режима, непрерывным

увеличением налогов, участием государства в самых бесстыдных биржевых спекуляциях, возвратом к самым махровым феодальным и полицейским традициям старой Пруссии, преследованиями, столь же многочисленными, сколь и мелочными, и публичным поношением и унижением буржуазии, которая, впрочем, не заслуживала лучшего обхождения, — подготовив, словом, таким путем революцию, он довершает свое дело, вынуждая германский пролетариат вступить на революционный путь.

Друг Бисмарк может быть спокоен. Немецкие рабочие совершат революцию, которую он так хорошо подготовил. Когда Россия даст сигнал — они будут знать, что делать.

Уже несколько лет я обращаю внимание европейских социалистов на положение в России, где назревают события решающего значения. Борьба между правительством и тайными обществами приняла там настолько острый характер, что долго это продолжаться не может. Движение, кажется, вот-вот вспыхнет. Агенты правительства творят там невероятные жестокости. Против таких кровожадных зверей нужно защищаться как только возможно, с помощью пороха и пуль. Политическое убийство в России единственное средство, которым располагают умные, смелые и уважающие себя люди для защиты против агентов неслыханно деспотического режима.

Обширный заговор в армии и даже в придворных кругах; национальное общественное мнение, оскорбленное дипломатическими поражениями, последовавшими за войной; пустая казна; расстроенный кредит; банкиры, которые отказываются предоставлять займы, если они не будут гарантированы национальным собранием; наконец, нищета. Таков итог, к которому пришла Россия.

Написано Ф. Энгельсом 21 марта 1879 г.

Напечатано в газете «La Plebe» № 12, 30 марта 1879 г.

Подпись: Ф. Энгельс

Печатается по тексту газеты

Перевод с итальянского

На русском языке публикуется впервые

Первая страница Циркулярного письма К. Маркса и Ф. Энгельса

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПИСЬМО

А. БЕБЕЛЮ, В. ЛИБКНЕХТУ, В. БРАККЕ И ДР. [100]

Дорогой Бебель!

Ответ на Ваше письмо от 20 августа задержался, с одной стороны, из-за продолжительного отсутствия Маркса, а с другой — из-за некоторых неожиданностей: во-первых, — прибытия рихтеровского «Jahrbuch»[101], а затем приезда самого Гирша.

Из Вашего письма заключаю, что Либкнехт не показал Вам моего последнего письма к нему, хотя я ему это определенно поручил. В противном случае Вы, наверное, не стали бы приводить тех соображений, которые выдвинул Либкнехт и на которые я ему уже *ответил.*

Разберем же по пунктам вопрос, о котором идет речь.

I. ПЕРЕГОВОРЫ С К. ГИРШЕМ

Либкнехт спрашивает Гирша, возьмет ли тот на себя редактирование партийного органа, который предполагается основать в Цюрихе. Гирш интересуется тем, как будет финансироваться газета, какими средствами она располагает и кто их будет давать. Первое важно для того, чтобы знать, не заглохнет ли газета через два-три месяца; второе — чтобы удостовериться, в чьих руках будет кошелек, а тем самым, в конечном счете, руководство направлением газеты. Ответ Либкнехта Гиршу — «все в порядке, подробности сообщат тебе из Цюриха» (Либкнехт Гиршу, 28 июля) — до него не доходит. Зато из Цюриха Гирш получает письмо от Бернштейна (24 июля), в котором тот сообщает, что *«нам* поручили представительство и *наблюдение*

(над газетой)». Состоялось будто бы совещание «между Фиреком и *нами»,* на котором нашли, что

«Ваша позиция несколько затрудняется теми разногласиями, которые у Вас, как редактора «Laterne»[102], были с некоторыми товарищами, но *я* считаю эти сомнения недостаточно вескими».

О финансировании газеты — ни слова.

Гирш 26 июля в своем ответе подробно осведомляется о материальном положении газеты. Кто из товарищей обязался покрывать дефицит? В размере какой суммы и на какой срок? Вопрос об окладе редактору тут не играет абсолютно никакой роли; единственно, что Гирш хочет знать, это — «обеспечены ли средства для газеты по крайней мере на год».

Бернштейн отвечает 31 июля: в случае, если будет дефицит, он будет покрыт добровольными взносами, из которых *некоторые* (!) уже фиксированы. Замечания Гирша относительно направления, которое он предполагает дать газете (о чем — ниже), вызывают неодобрительные замечания и *предписания:*

«На этом *наблюдательная комиссия* должна особенно настаивать, так как она сама находится под контролем, т. е. несет ответственность. Следовательно, по этим пунктам Вам следовало бы договориться с наблюдательной комиссией».

Ответ желателен подробный, по возможности — телеграфный.

Итак, вместо того или иного ответа на свои законные вопросы Гирш получает извещение, что он должен редактировать газету под руководством сидящей в Цюрихе *наблюдательной* комиссии, взгляды которой существенно расходятся с его взглядами и о составе которой ему даже не сообщают!

Гирш, совершенно справедливо возмущенный таким отношением, предпочитает сговориться с лейпцигцами. Содержание его письма Либкнехту от 2 августа Вам должно быть известно, так как Гирш *настоятельно потребовал,* чтобы его сообщили Вам и Фиреку. Гирш даже соглашался подчиниться цюрихской наблюдательной комиссии в том смысле, что последняя будет делать редакции письменные замечания, а решение будет предоставлено лейпцигской контрольной комиссии.

Между тем Либкнехт 28 июля пишет Гиршу:

«Разумеется, предприятие в финансовом отношении прочно, потому что за ним стоит вся партия плюс Хёхберг. Что касается подробностей, то я ими не интересуюсь».

В следующем письме Либкнехта тоже ни слова о материальной стороне дела, зато есть заверение, что цюрихская комиссия не является редакционной комиссией, а ей вверены лишь *управ-*

ление и финансы. Еще 14 августа Либкнехт повторяет это в письме ко мне и настаивает на том, чтобы мы уговорили Гирша согласиться. Вы сами еще 20 августа так плохо осведомлены о действительном положении дела, что пишете мне:

«Он» (Хёхберг) «имеет в редакции не больше веса, чем всякий другой член партии, пользующийся известностью».

Наконец, Гирш получает от Фирека датированное 11 августа письмо, в котором тот признает, что

«находящаяся в Цюрихе тройка должна в качестве *редакционной комиссии* взяться за организацию газеты и с согласия лейпцигской тройки избрать редактора... *насколько я помню,* в сообщенных постановлениях было также указано, что упомянутый в пункте 2 цюрихский учредительный комитет должен взять на себя ответственность перед партией *как за политическую,* так и за финансовую сторону дела... Из всего этого для нас ясно, что... без содействия проживающей в Цюрихе тройки, которой партия поручила основать газету, нечего и думать о принятии на себя редакторских функций».

Тут Гирш наконец получил хотя бы *сколько-нибудь* определенное указание, — правда, только о положении редактора по отношению к цюрихцам. Они являются *редакционной* комиссией; на них лежит и *политическая* ответственность; без их содействия никто не может взять на себя функции редактора. Короче говоря, Гиршу попросту предлагается договориться с тремя цюрихцами, имена которых ему все еще неизвестны.

Но, чтобы создать окончательную путаницу, Либкнехт в приписке к письму Фирека сообщает следующее:

«Только что был здесь Зингер из Берлина, он *утверждает,* что наблюдательная комиссия в Цюрихе не является, как полагает Фирек, *редакционной* комиссией; собственно говоря, эта комиссия — административная, несущая перед партией, т. е. перед нами, финансовую ответственность; члены ее имеют, разумеется, также право и обязанность обсуждать с тобой редакционные вопросы (это право и обязанность *каждого* члена партии); учинить над тобой *опеку* они не уполномочены».

Три цюрихца и один из членов лейпцигского комитета — *единственный,* присутствовавший при переговорах, — настаивают на том, что Гирш должен подчиняться официальному руководству цюрихской инстанции, другой член лейпцигского комитета это попросту отрицает. Должен ли Гирш принимать решение, прежде чем эти господа сговорились между собой? О том, что Гирш имел полное право требовать, чтобы его познакомили с вынесенными постановлениями, в которых были указаны предъявляемые ему условия, об этом никто и не подумал, тем более, что лейпцигцам не пришло в голову *самим*

получить достоверные сведения об этих постановлениях. В противном случае как могла бы возникнуть подобная разноголосица?

Если лейпцигцы не имеют единого мнения относительно полученных цюрихцами полномочий, то зато для цюрихцев все совершенно ясно.

Шрамм пишет Гиршу 14 августа:

«Если бы Вы в свое время не писали, что в подобном случае» (как с Кайзером) «Вы опять поступили бы точно так же, если бы Вы таким образом не дали повода ждать снова таких же выступлений в печати, — мы бы не стали на это тратить ни слова. Но теперь, учитывая Ваше заявление, мы должны оставить за собой право решающего голоса по вопросу о принятии статей, предназначенных для новой газеты».

Гирш будто бы заявил это в письме к Бернштейну от 26 июля, значит *гораздо* позже совещания в Цюрихе, на котором были определены полномочия цюрихской тройки. Но в Цюрихе уже так опьянены сознанием своего бюрократического всемогущества, что в ответ на это позднейшее письмо Гирша претендуют на право *решать* вопрос о помещении статей.

Редакционная комиссия уже стала *цензурной* комиссией.

Лишь тогда, когда Хёхберг приехал в Париж, Гирш узнал от него *имена* членов обеих комиссий.

Итак, если переговоры с Гиршем сорвались, то что послужило этому причиной?

1) Упорный отказ как со стороны лейпцигцев, так и со стороны цюрихцев сообщить ему сколько-нибудь точные данные о финансовой базе газеты и тем самым о возможности для нее просуществовать хоть год. Относительно обеспеченной подпиской суммы он узнал только здесь от меня (на основании Вашего сообщения мне). Таким образом, из прежних сообщений (партия плюс Хёхберг) едва ли можно было вывести другое заключение, кроме того, что либо газета уже теперь финансируется преимущественно Хёхбергом, либо скоро будет всецело зависеть от его взносов. Эта последняя возможность и сейчас далеко не исключена. Сумма в 800 марок — если я верно разобрал цифру — в *точности* равна той (40 фунтов стерлингов), которую здешнему обществу пришлось добавить «Freiheit»[103] за *первое полугодие.*

2) Повторенное несколько раз и оказавшееся впоследствии совершенно неправильным заверение Либкнехта о том, что цюрихцы вовсе не получили права контролировать редакцию, и возникшая из этого заверения комедия ошибок.

3) Достигнутая, наконец, уверенность в том, что цюрихцам присвоен не только контроль, но и цензура, а ему, Гиршу, остается лишь роль подставного болвана.

Если после всего этого от него последовал отказ, то мы можем только одобрить этот шаг. Лейпцигская комиссия, как мы слышали*, еще усилена двумя живущими вне Лейпцига членами и может поэтому быстро принимать решения только в том случае, если между тремя лейпцигцами нет разногласий. Этим подлинный центр тяжести окончательно переносится в Цюрих, а с тамошними господами Гирш, как и любой редактор, действительно настроенный революционно и пролетарски, долго работать не сможет. Об этом ниже.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ГАЗЕТЫ

Еще 24 июля Бернштейн сообщает Гиршу, что разногласия Гирша с некоторыми товарищами в бытность его редактором «Laterne» могут затруднить его положение.

Гирш отвечает, что направление газеты в общем не должно, по его мнению, отличаться от направления «Laterne», т. е. в Швейцарии избегать процессов, а в Германии не быть сверх меры трусливым. Он спрашивает, какие именно товарищи имеются в виду, и продолжает:

«Я знаю лишь одного такого и обещаю Вам, что, если повторится подобный случай *нарушения дисциплины, я* по отношению к этому товарищу буду действовать совершенно так же».

На это Бернштейн с сознанием своих новых официальных цензорских полномочий отвечает:

«Что касается направления газеты, то надо сказать, что, по мнению наблюдательной комиссии, «Laterne» не может служить образцом. Мы полагаем, что газета должна отличаться не столько своим политическим радикализмом, сколько принципиальной социалистической установкой. Таких эпизодов, как атака против Кайзера, вызвавшая порицание со стороны всех без исключения» (!) «товарищей, следует во что бы то ни стало избегать».

И так далее, и так далее. Либкнехт называет выступление против Кайзера «грубым промахом», а Шрамм считает его настолько опасным, что на этом основании подчиняет Гирша цензуре.

Гирш снова пишет Хёхбергу, что случай, подобный кайзеровскому,

«невозможен при наличии официального партийного органа, ясные директивы и благотворные указания которого депутат не *мог* бы так нагло игнорировать».

Фирек тоже пишет, что новой газете

* Пометка на полях карандашом: «от Хёхберга», *Ред.*

«предписано... быть беспристрастной и по возможности игнорировать все имевшие место разногласия»; она не должна быть «увеличенной «Laterne»», и «самое большее, в чем можно упрекнуть Бернштейна, это в том, что он придерживается слишком умеренного направления, если только это упрек в такое время, когда мы не можем идти вперед с развернутым знаменем».

В чем же состоит, однако, этот случай с Кайзером, это непростительное преступление, которое якобы совершил Гирш? Кайзер, единственный из социал-демократических депутатов, произносит речь и подает голос в рейхстаге за покровительственные пошлины. Гирш обвиняет его в нарушении партийной дисциплины, так как он:

1) голосовал за косвенные налоги, отмены которых определенно требует программа партии;

2) санкционировал кредиты Бисмарку и тем самым пошел против основного принципа нашей партийной тактики: «ни гроша этому правительству».

По обоим пунктам Гирш безусловно прав. После того как Кайзер так разделался, с одной стороны, с программой партии, которой депутаты в силу постановления съезда как бы присягнули, и, с другой стороны, с непреложным, первейшим и основным принципом партийной тактики, подав голос *за кредиты* Бисмарку в *благодарность за закон против социалистов,* Гирш, по нашему мнению, имел точно так же полное право выступить против него со всей резкостью.

Мы никак не могли понять, каким образом эта атака против Кайзера могла вызвать в Германии такое сильное раздражение. Теперь Хёхберг рассказывает мне, что «фракция» *разрешила* Кайзеру выступить так, как он выступил, и тем самым он может считаться оправданным.

Если дело обстоит так, то это уж поистине из рук вон плохо. Прежде всего Гирш, как и никто вообще, не мог знать об этом втайне принятом решении. Далее: тот позор для партии, в котором прежде можно было винить одного Кайзера, благодаря этому обстоятельству только усугубляется, и вместе с тем возрастает значение заслуги Гирша, который открыто и перед всем светом разоблачил пошлую фразеологию и еще более пошлое голосование Кайзера и тем самым спас честь партии. Или в самом деле германская социал-демократия поражена парламентской болезнью и воображает, что на народных избранников снизошел святой дух, превращающий заседания фракции в непогрешимые соборы, а постановления фракции — в ненарушимые догматы?

Грубый промах, конечно, был допущен, но его допустили депутаты, покрывшие своим постановлением выступление Кай-

зера, а не Гирш. И если те, кто более, чем кто-либо, призваны следить за соблюдением партийной дисциплины, подобным постановлением так безобразно ее нарушают, то тем хуже. Еще хуже, однако, когда осмеливаются думать, что нарушили партийную дисциплину не Кайзер своей речью и голосованием и не депутаты своим постановлением, а Гирш — тем, что он вопреки этому постановлению, ему вдобавок неизвестному, резко обрушился на Кайзера.

Впрочем, несомненно, что по вопросу о покровительственных пошлинах партия заняла ту же нечеткую и нерешительную позицию, которую она занимала по отношению ко всем возникавшим до сих пор конкретным экономическим вопросам, — например, по вопросу об имперских железных дорогах. Это происходит оттого, что партийные органы, особенно «Vorwarts»[104], вместо того, чтобы основательно обсудить эти вопросы, предпочитают рассуждать о структуре будущего общественного строя. Когда вопрос о покровительственных пошлинах *после* закона против социалистов внезапно приобрел практическое значение, по поводу него возникли самые разнообразные оттенки мнений, и не нашлось никого, кто обладал бы предпосылками для отчетливого и правильного суждения, а именно — знакомством с условиями германской промышленности и ее положением на мировом рынке. К тому же у некоторой части избирателей могли быть протекционистские настроения, — и с этим тоже захотели считаться. Единственный путь из этого хаоса — подойти к вопросу с чисто политической стороны (что и сделала «Laterne») — был оставлен без внимания. Вот почему партия в этих прениях проявила с самого начала шатания, неуверенность и нечеткость и в конце концов, благодаря Кайзеру и вместе с ним, основательно оскандалилась.

Выступления против Кайзера становятся поводом к тому, чтобы на все лады проповедовать Гиршу, что новая газета не должна ни в коем случае подражать выходкам «Laterne», что она должна отличаться не столько политическим радикализмом, сколько принципиально социалистическим направлением и бесстрастностью. При этом Фирек усердствует не меньше, чем Бернштейн; Бернштейн же кажется Фиреку самым подходящим человеком именно потому, что он слишком умерен, так как «не можем же мы теперь идти вперед с развернутым знаменем».

Но для чего вообще уезжать за границу, как не для того, чтобы идти вперед с развернутым знаменем? За границей этому ничто не препятствует. В Швейцарии нет ни германских уголовных законов, ни германских законов о печати и союзах. Там

не только можно, там *должно* писать все то, чего нельзя было писать у себя дома даже до закона о социалистах — из-за обычных германских законов. Ибо там мы стоим не только перед лицом Германии, но и перед лицом Европы и обязаны, поскольку позволяют *швейцарские* законы, открыто осведомлять Европу о путях и целях германской партии. Тот, кто в Швейцарии захотел бы считаться с *германскими* законами, доказал бы только, что он достоин этих германских законов и что ему нечего сказать сверх того, что разрешалось говорить в Германии до издания исключительного закона. Нечего было считаться и с тем, что для членов редакции может быть на время отрезана возможность возвращения в Германию. Кто не готов рискнуть этим, тому не место на таком передовом и почетном посту.

Более того. Исключительный закон именно *потому* наложил оковы на германскую партию, что она была единственной серьезной оппозиционной партией в стране. Если она в заграничном органе выразит Бисмарку благодарность, отказываясь от этой роли единственной серьезной оппозиционной партии, выступая паинькой и покорно принимая пинок, то этим она только докажет, что она достойна этого пинка. Из всех печатных органов немецкой эмиграции, издававшихся за границей с 1830 г., «Laterne», несомненно, один из самых умеренных. Но если даже «Laterne» оказалась слишком дерзкой, то новая газета может только скомпрометировать партию в глазах ее единомышленников вне Германии.

III. МАНИФЕСТ ЦЮРИХСКОЙ ТРОЙКИ

Тем временем прибыл хёхберговский «Jahrbuch», содержащий статью «Ретроспективный обзор социалистического движения в Германии»[105]. Эта статья, как сообщил мне сам Хёхберг, написана именно тремя членами цюрихской комиссии и поэтому представляет собой аутентичную критику предшествующего движения со стороны этих господ, а следовательно и аутентичную программу новой газеты, поскольку линия газеты определяется этими людьми.

С самого же начала мы читаем:

«Движение, которому Лассаль приписывал огромное политическое значение, к которому он призывал не только рабочих, но и всех честных демократов, *во главе которого* должны были идти независимые представители науки и *все те, кто одушевлен истинным человеколюбием,* измельчало под руководством И. Б. Швейцера, превратившись в *одностороннюю борьбу промышленных рабочих за свои интересы».*

Я не стану заниматься вопросом о том, соответствует ли это и в какой мере соответствует действительности. Особый упрек,

который здесь делается Швейцеру, состоит в том, что он, Швейцер, *низвел* лассальянство, рассматриваемое здесь как буржуазно-демократически-филантропическое движение, до степени односторонней борьбы промышленных рабочих за свои интересы*; между тем, на деле он *углубил* движение как классовую борьбу промышленных рабочих против буржуазии. Далее его, Швейцера, упрекают в том, что он «оттолкнул буржуазную демократию». Но разве буржуазной демократии место в социал-демократической партии? Если буржуазная демократия состоит из «честных людей», то у нее не может и возникнуть желания войти в состав партии, а если она этого все-таки добивается, то исключительно для того, чтобы гадить.

Лассалевская партия «предпочитала *самым односторонним* образом вести себя как *рабочая партия»*. Господа, пишущие это, состоят членами партии, которая самым односторонним образом ведет себя как рабочая партия, и занимают теперь в ней официальные посты. Это вещи абсолютно несовместимые. Если они думают так, как пишут, то должны выйти из партии или по крайней мере отказаться от занимаемых ими постов. Если они этого не делают, то тем самым признаются в том, что намереваются использовать свое официальное положение для борьбы против пролетарского характера партии. Таким образом, партия сама себя предает, оставляя их на официальных постах.

Итак, по мнению этих господ, социал-демократическая партия должна быть *не* односторонней рабочей партией, а всесторонней партией «всех тех, кто одушевлен истинным человеколюбием». Чтобы доказать это, она прежде всего должна отречься от грубых пролетарских страстей и под руководством образованных и филантропически настроенных буржуа «приобрести

* Далее в рукописи зачеркнуто; «Швейцер был прохвостом, но в то же время очень талантливым человеком. Его заслуга состояла именно в том, что он сломал первоначальное узкое лассальянство с его ограниченной панацеей государственной помощи... Что бы он ни предпринимал из корыстных побуждений и как бы ни настаивал, стремясь сохранить свою гегемонию, на лассальянской всеисцеляющей государственной помощи, — все же заслуга его состоит в том, что он пробил брешь в первоначальном узком лассальянстве, расширил экономический кругозор своей партии и тем самым подготовил ее позднейшее вхождение в германскую единую партию. Классовая борьба между пролетариатом и буржуазией, — это ядро всякого революционного социализма, — проповедовалась уже и Лассалем. Если Швейцер еще сильнее подчеркнул этот пункт, то но сути дела это было во всяком случае шагом вперед, как бы искусно он ни пользовался этим моментом, чтобы навлекать подозрения на опасных для своей диктатуры лиц. Совершенно верно, что он превратил лассальянство в *одностороннюю* борьбу промышленных рабочих за свои интересы. Но односторонней он сделал ее лишь потому, что из-за корыстно политических мотивов не хотел ничего знать о борьбе сельских рабочих против крупного землевладения, Не в этом, однако, его упрекают, а в том, что...». *Ред.*

хороший вкус» и «усвоить хороший тон» (стр. 85). Тогда «неприличные манеры» некоторых вождей уступят место благовоспитанным «буржуазным манерам» (как будто внешне неприличные манеры тех, кто здесь имеется в виду, не самое маловажное из того. в чем их можно упрекнуть!). Тогда не замедлят появиться и

«многочисленные сторонники из среды *образованных* и *имущих* классов. Именно *их* необходимо привлечь к себе... чтобы агитация принесла *осязательные успехи».* Германский социализм «придавал слишком большое значение завоеванию *масс* и при этом пренебрегал энергичной» (!) «пропагандой среди так называемых высших слоев общества». Ибо «у партии все еще не хватает лиц, которые были бы в состоянии представлять еев рейхстаге». Но «желательно и даже необходимо вверять мандаты таким людям, которые имели время и возможность основательно изучать надлежащие проблемы. Простой рабочий и мелкий ремесленник... располагают для этого достаточным досугом лишь в виде редкого исключения».

Следовательно, выбирайте буржуа!

Одним словом: рабочий класс не в состоянии добиться своего освобождения собственными руками. Для этого он должен подчиниться руководству со стороны «образованных и имущих» буржуа, так как только они «имеют время и возможность» изучить то, что может принести пользу рабочим. А во-вторых, ни под каким видом не следует бороться с буржуазией, — ее следует *привлечь на свою сторону* энергичной пропагандой.

Но если мы намерены завоевать высшие слои общества или хотя бы их благожелательно настроенные по отношению к нам элементы, то мы никоим образом не должны пугать их. И вот цюрихская троица воображает, что она сделала весьма успокоительное открытие:

«Как раз теперь, под давлением закона против социалистов, партия показывает, что она *не намерена* пойти по пути насильственной, кровавой революции, что, напротив, она решила... стать на путь законности, т. е. *реформы».*

Итак, если 500—600 тысяч социал-демократических избирателей ($^1/_{10}$—$^1/_8$) всего числа избирателей), к тому *же* рассеянных по всей стране, настолько благоразумны, что не прошибают лбом стену и не пытаются один против десяти произвести «кровавую революцию», то это значит, что они раз навсегда *зарекаются* использовать какое-либо крупное событие из области внешней политики, вызванный им внезапный революционный подъем и даже самую *победу* народа, завоеванную в возникшем на этой почве столкновении! Если Берлин когда-нибудь снова проявит такую необразованность, что учинит 18 марта[106], то социал-демократы, вместо того, чтобы, подобно «всякой дряни, рвущейся на баррикады» (стр. 88), принять участие в борьбе,

должны будут «вступить на путь законности», утихомирить восстание, убрать баррикады и, когда это понадобится, выступить нога в ногу со славным воинством против односторонней, грубой и необразованной массы. Если господа авторы станут утверждать, что они не это хотели сказать, то что же они тогда хотели сказать?

Но это еще только цветочки.

«Чем спокойнее, объективнее, солиднее будет выступать партия, критикуя существующие порядки и внося предложения об их изменении, тем менее будет возможно повторить удавшийся сейчас» (при введении закона против социалистов) «шахматный ход, с помощью которого сознательная реакция запугала буржуазию красным призраком» (стр. 88).

Чтобы избавить буржуазию даже от тени страха, ей нужно ясно и наглядно доказать, что красный призрак в самом деле не более как призрак, что он не существует в действительности. В чем же, однако, тайна красного призрака, как не в страхе буржуазии перед неизбежной борьбой не на жизнь, а на смерть между ней и пролетариатом, страхе перед неминуемой развязкой современной классовой борьбы? Уничтожим классовую борьбу — и буржуазия и «все независимые люди» «не побоятся пойти рука об руку с пролетариями»! Но в дураках-то останутся именно пролетарии.

Пусть, следовательно, партия своим смирением и кротким поведением докажет, что она раз навсегда отреклась от «несуразностей и эксцессов», дававших повод к введению закона против социалистов. Если она добровольно пообещает не выходить из рамок этого закона, то Бисмарк и буржуазия, конечно, будут так любезны, что отменят этот закон, который станет тогда излишним!

«Пусть нас поймут как следует», мы не хотим «отказываться от нашей партии и от нашей программы, но мы думаем, что нам на долгие годы хватит работы, если мы всю свою силу, всю свою энергию обратим на достижение определенных, вполне доступных целей, которые во что бы то ни стало должны быть достигнуты, прежде чем можно начать помышлять об осуществлении более далеких задач».

Тогда к нам начнут присоединяться массами буржуа, мелкие буржуа и рабочие, которых «теперь отпугивают... слишком далеко идущие требования».

От программы не следует *отказываться;* только осуществление ее должно быть *отложено...* на неопределенное время. Ее принимают, но, собственно, не для себя, не затем, чтобы следовать ей в течение своей жизни, а лишь затем, чтобы завещать ее детям и внукам. А пока что «все силы и вся энергия» обращаются на всякие пустяки и жалкое штопанье капиталистического

строя, чтобы казалось, будто что-то все-таки предпринимается, и чтобы в то же время не напугать буржуазию. Разве не лучше во много раз поведение «коммуниста» Микеля, который, будучи непоколебимо убежден, что через несколько сот лет крах капиталистического общества неминуем, на этом основании усердно спекулирует, способствует в меру своих сил краху 1873 г. и тем самым *действительно* кое-что делает для подготовки крушения существующего строя.

Другим нарушением хорошего тона были «преувеличенные нападки на грюндеров», которые-де были «лишь детьми своего времени»; поэтому «было бы лучше... обойтись без брани по адресу Штраусберга и тому подобных лиц». К сожалению, все люди — только «дети своего времени», и если это — достаточное оправдание, то должны быть прекращены нападки на кого бы то ли было, и нам надо отказаться от всякой полемики, от всякой борьбы; нам надлежит спокойно принимать пинки от своих противников, ибо мы, мудрецы, знаем, что противники эти лишь «дети своего времени» и не могут поступать иначе, чем поступают. Вместо того чтобы оплачивать им сторицей за получаемые от них пинки, мы, наоборот, должны бедняжек пожалеть.

Точно так же наше выступление за Коммуну имело то дурное последствие, что

«оттолкнуло от нас многих наших благожелателей и вообще усилило *ненависть* к нам *буржуазии».* И далее, партия «не совсем неповинна во введении октябрьского закона[107], ибо она совершенно ненужным образом разжигала *ненависть буржуазии».*

Вот какова программа трех цюрихских цензоров. Она не оставляет никакого места для недоразумений, особенно для нас, отлично знакомых еще с 1848 г. с подобными речами. Перед нами представители мелкой буржуазии, которые заявляют, полные страха, что пролетариат, побуждаемый своим революционным положением в обществе, может «зайти слишком далеко». Вместо решительной политической оппозиции — всеобщее посредничество; вместо борьбы против правительства и буржуазии — попытка уговорить их и привлечь на свою сторону; вместо яростного сопротивления гонениям сверху — смиренная покорность и признание, что кара заслужена. Все исторически необходимые конфликты истолковываются как недоразумения, и всякой дискуссии кладется конец декларацией о том, что по существу никаких расхождений между нами пет. Люди, выступавшие в 1848 г. в качестве буржуазных демократов, теперь с таким же успехом могут именовать себя социал-демократами: как для первых демократическая республика, так для последних низвержение капиталистического строя —

дело далекого будущего, не имеющее абсолютно никакого значения для политической практики современности; поэтому можно посредничать, заниматься соглашательством и филантропией сколько душе угодно. Точно так же обстоит дело с классовой борьбой между пролетариатом и буржуазией. На бумаге эту борьбу признают, потому что отрицать ее уже попросту невозможно, но на деле ее затушевывают, смазывают, ослабляют. Социал-демократическая партия *не должна* быть партией рабочего класса, не должна навлекать на себя ненависть буржуазии или вообще чью бы то ни было ненависть, она должна прежде всего вести энергичную пропаганду в среде буржуазии; вместо того чтобы во главу угла ставить далеко идущие, отпугивающие буржуазию и все же недостижимые для нашего поколения цели, пусть лучше все свои силы и всю свою энергию она обратит на осуществление тех мелкобуржуазных реформ-заплат, которые укрепят старый общественный строй и тем самым, может быть, превратят конечную катастрофу в постепенный, совершающийся по частям и по возможности мирный процесс перерождения. Это те самые люди, которые под прикрытием суетливой деловитости не только сами ничего не делают, но и пытаются помешать тому, чтобы вообще что-либо происходило кроме болтовни; люди, которые в 1848 и 1849 гг. своим страхом перед любым действием тормозили движение на каждом шагу и в конце концов привели его к поражению, которые никогда не видят реакцию и весьма изумляются, что оказались в тупике, где невозможно ни сопротивление, ни бегство. Это те самые люди, которые хотят втиснуть историю в рамки своего обывательского кругозора, но с которыми история никогда не считается и идет своей дорогой.

Что касается их социалистических убеждений, то они уже подвергнуты достаточной критике в «Манифесте Коммунистической партии», в разделе о «немецком, или «истинном», социализме». Там, где классовая борьба отстраняется как нечто непривлекательное и «грубое», там в качестве основы социализма остаются лишь «истинное человеколюбие» и пустые фразы о «справедливости».

Самым ходом развития обусловлено то неизбежное явление, что к борющемуся пролетариату присоединяются отдельные лица из господствующего до сих пор класса и доставляют ему элементы просвещения. Об этом мы ясно высказались уже в «Манифесте». Но тут надо иметь в виду два обстоятельства.

Во-первых, чтобы принести действительную пользу пролетарскому движению, эти лица должны принести с собой действительные элементы просвещения, а этого нельзя сказать

о большинстве немецких буржуа, примкнувших к движению. Ни «Zukunft», ни «Neue Gesellschaft»[108] не дали ничего такого, что хотя бы на шаг подвинуло движение вперед. Никакого действительного фактического или теоретического материала, содействующего просвещению, там нет. Вместо этого — попытки согласовать поверхностно усвоенные социалистические идеи с самыми различными теоретическими взглядами, которые вынесены этими господами из университета или еще откуда-нибудь; все эти взгляды — один путанее другого, что объясняется тем процессом разложения, которому ныне подвергаются остатки немецкой философии. Вместо того чтобы прежде всего самому углубиться в изучение новой науки, каждый старался так или иначе подогнать ее к своим извне принесенным воззрениям, наскоро сколачивал себе свою собственную приватную пауку и тотчас же выступал с претензией обучать этой науке других. Поэтому у этих господ почти столько же точек зрения, сколько голов. Вместо того чтобы хоть в какой-нибудь вопрос внести ясность, они создали невероятную путаницу, к счастью, почти исключительно в своей собственной среде. Без таких просветителей, основной принцип которых обучать других тому, чего они сами не изучили, партия может отлично обойтись.

Во-вторых. Если к пролетарскому движению примыкают представители других классов, то прежде всего от них требуется, чтобы они не приносили с собой остатков буржуазных, мелкобуржуазных и тому подобных предрассудков, а безоговорочно усвоили пролетарское мировоззрение. Но те господа, как доказано, как раз битком набиты буржуазными и мелкобуржуазными представлениями. В такой мелкобуржуазной стране, как Германия, эти представления несомненно имеют свое оправдание, но только *вне рядов* социал-демократической рабочей партии. Если эти господа образуют социал-демократическую мелкобуржуазную партию, то это их полное право. Тогда мы могли бы вступать с ними в переговоры, при известных условиях блокироваться и т. д. Но в рабочей партии они чуждый элемент. Если есть основания пока что терпеть их, то мы обязаны *только* терпеть их, не давая им влиять на руководство партией и отдавая себе отчет в том, что разрыв с ними — лишь вопрос времени. Это время к тому же, по-видимому, уже наступило. Каким образом партия может далее терпеть в своих рядах авторов этой статьи, нам совершенно непонятно. Если же в руки таких людей в той или иной мере попадает даже партийное руководство, значит, партия попросту кастрирована и в ней нет больше пролетарской энергии.

Что касается нас, то, в соответствии со всем нашим прошлым, перед нами только один путь. В течение почти 40 лет мы выдвигали на первый план классовую борьбу как непосредственную движущую силу истории, и особенно классовую борьбу между буржуазией и пролетариатом как могучий рычаг современного социального переворота; поэтому мы никак не можем идти вместе с людьми, которые эту классовую борьбу стремятся вычеркнуть из движения. При основании Интернационала мы отчетливо сформулировали боевой клич: освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса. Мы не можем, следовательно, идти вместе с людьми, открыто заявляющими, что рабочие слишком необразованны для того, чтобы освободить самих себя, и должны быть освобождены сверху, руками филантропических крупных и мелких буржуа. Если новый партийный орган примет направление, отвечающее воззрениям этих господ, если он будет буржуазным, а не пролетарским, то нам, к сожалению, не останется ничего другого, как выступить против этого публично и положить конец той солидарности с вами, которую мы проявляли до сих пор, представляя германскую партию за границей. Но *до этого,* надо надеяться, дело не дойдет.

Это письмо предназначено для всех пяти членов комиссии в Германии, а также Бракке...

Мы не имеем никаких возражений против того, чтобы письмо прочли и цюрихцы.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом
17—18 сентября 1879 г.

Впервые опубликовано в журнале
«Die Kommunistische Internationale», XII, Jahrg,,
Heft 23, 15 июня 1931г.

Печатается по рукописи Ф. Энгельса

Перевод с немецкого

№ 7 — 2e Série. LIBERTÉ — SOLIDARITÉ — JUSTICE 3 Mars 1880.

L'ÉGALITÉ

ORGANE COLLECTIVISTE RÉVOLUTIONNAIRE

PARAISSANT LE MERCREDI

ABONNEMENTS : 1 an 6 fr. | 6 mois 3 fr. | 3 mois 1 fr. 50 Pour l'étranger le port en sus | BUREAUX : 28, RUE ROYALE A SAINT-CLOUD Bureaux de vente : 11, rue du Croissant | PRIX DU NUMERO : 10 centimes Pour toute la France

Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЦИАЛИЗМ г-на БИСМАРКА [109]

I. ТАМОЖЕННЫЙ ТАРИФ

В дебатах по поводу пресловутого закона, поставившего вне закона немецких социалистов, г-н Бисмарк заявил, что для того чтобы раздавить социализм, недостаточно одних репрессий, что помимо того необходимы мероприятия для устранения бесспорных социальных неурядиц, для обеспечения упорядоченности труда, для предотвращения промышленных кризисов и мало ли для чего еще. Он обещал внести предложение об этих «положительных» мерах в интересах общественного благоденствия[110]. Потому что, говорил он, человек, подобно мне руководивший делами своей страны в течение семнадцати лет, вправе считать себя компетентным судьей в вопросах политической экономии. Это похоже на то, как если бы кто-нибудь сказал что достаточно питаться в течение семнадцати лет картофелем, чтобы быть знатоком агрономии.

Во всяком случае, на этот раз г-н Бисмарк сдержал слово. Он одарил Германию двумя крупными «социальными мероприятиями», и это еще не все.

Первым из них был таможенный тариф, который должен был обеспечить германской промышленности монопольную эксплуатацию внутреннего рынка.

До 1848 г. в Германии не было, по существу, крупной промышленности. Преобладал ручной труд, пар, машины встречались лишь в виде исключения. Потерпев в 1848 и 1849 гг. благодаря своей трусости позорное поражение на политической

арене, немецкая буржуазия утешилась тем, что с пылом бросилась в крупную промышленность. Страна быстро преобразилась. Тот, кто с 1849 г. не видал Рейнской Пруссии, Вестфалии, королевской Саксонии, горной Силезии, Берлина, приморских городов, тот в 1864 г. их уже не узнавал. Повсюду вторглись пар и машины. Крупные заводы большей частью заняли место мелких мастерских. Паровые суда мало-помалу вытесняли парусные суда, сначала в прибрежном судоходстве, а затем в трансатлантической торговле. Множилось число железных дорог; на строительных площадках, в каменноугольных копях, в железных рудниках — везде царила такая активность, на которую тяжелые на подъем немцы раньше сами считали себя неспособными. По сравнению с развитием крупной промышленности в Англии и даже во Франции все это было еще не особенно значительно; но начало было наконец положено. И притом все это происходило без всякой помощи со стороны правительств, без субсидий или экспортных премий, и при таможенном тарифе, который по сравнению с тарифами других континентальных стран мог вполне сойти за фритредерский.

Отметим попутно, что это промышленное движение не обошлось без тех же социальных последствий, какие оно вызвало повсюду. Немецкие промышленные рабочие прозябали до тех пор в условиях, которые сохранились еще со времен средневековья. Вообще говоря, у них оставались некоторые шансы превратиться в мелких буржуа, в самостоятельных мастеров, во владельцев нескольких ручных ткацких станков и т. д. Теперь все это исчезло. Рабочие, становясь наемными рабочими крупных капиталистов, начинали составлять постоянный класс, подлинный пролетариат. Но кто говорит — пролетариат, говорит — социализм. К тому же сохранились еще остатки свобод, которые рабочие завоевали в 1848 г. на баррикадах. Благодаря этим двум обстоятельствам немецкий социализм, который до 1848 г. должен был ограничиваться тайной пропагандой и подпольной организацией, члены которой насчитывались единицами, мог теперь проявить себя открыто и проникнуть в массы. И вот с 1863 г. Лассалем возобновляется социалистическая агитация.

Наступает война 1870 г., мир 1871 г. и миллиарды. Если Франция отнюдь не разорилась, уплатив их, то Германия оказалась на волосок от гибели, получив их. Разбрасываемые щедрой рукой правительства выскочек по империи, которая сама была выскочкой, миллиарды попали в руки крупных финансистов, поспешивших извлечь из них выгоду на бирже. В Берлине возродились лучшие дни банка Crédit Mobilier[111]. Это была горячка учредительства акционерных или командитных обществ,

банков, учреждений поземельного кредита и кредита под движимое имущество, компаний для постройки железных дорог, всякого рода заводов, судостроительных верфей, компаний, спекулирующих землями и постройками, и других дел, для которых внешняя форма промышленных предприятий была в действительности только предлогом для самого бесстыдного ажиотажа. Так называемая общественная потребность в торговле, путях сообщения, средствах потребления и т. д. служила только прикрытием для испытываемой биржевыми хищниками безудержной потребности пустить в оборот миллиарды, пока они были под рукой. Впрочем, Париж уже видел все это в славные дни Перейров и Фульдов; это были те же биржевые игроки, возродившиеся в Берлине под именами Блейхрёдеров и Ганземанов.

То, что произошло в Париже в 1867 г., то, что часто происходило в Лондоне и в Нью-Йорке, не замедлило произойти в Берлине в 1873 году: непомерная спекуляция завершилась всеобщим крахом. Компании банкротились сотнями. Акции тех компаний, которые держались, невозможно было продать. Разгром был полный по всей линии. Но для того чтобы иметь возможность спекулировать, необходимо было создавать средства производства и сообщения, заводы, железные дороги и т. д., акции которых служили предметом спекуляции. В момент же краха оказалось, что далеко превзойдены пределы той общественной потребности, которая служила предлогом для этого; что за четыре года было создано больше железных дорог, заводов, копей и т. д., чем было бы создано при нормальном развитии промышленности за четверть века.

Вслед за железными дорогами, о которых еще будет речь дальше, спекуляция устремилась главным образом в железоделательную промышленность. Заводы вырастали, как грибы; было даже основано несколько предприятий, которые затмили собой Крезо. К несчастью, в момент кризиса оказалось, что нет потребителей для этого гигантского производства. Большие промышленные компании очутились на грани банкротства. В качестве добрых немецких патриотов их директора обратились за помощью к правительству: они просили ввести покровительственные ввозные пошлины, которые обеспечили бы им эксплуатацию внутреннего рынка, охраняя от конкуренции английского железа. Но если требовали покровительственных пошлин на железо, то не было оснований отказывать в них и другим отраслям промышленности, а также и сельскому хозяйству. Таким образом, во всей Германии была организована шумная агитация в пользу таможенного протекционизма, агитация, давшая возможность г-ну Бисмарку ввести таможенный тариф,

который должен был выполнить эту задачу. Этот тариф, получивший силу закона летом 1879 г., действует в настоящее время.

Но германская промышленность, какова бы она ни была, всегда развивалась на просторе свободной конкуренции. Возникнув позднее, чем промышленность Англии и Франции, она вынуждена была ограничиться заполнением тех небольших пробелов, которые оставили для нее ее предшественники: поставкой в больших количествах товаров, слишком мелочных для англичан и слишком грубых для французов; фабрикацией в небольших масштабах постоянно меняющихся продуктов, *дешевых товаров низкого качества.* Пусть не думают, что это только наше мнение, это подлинные выражения официального суждения о германских продуктах, выставленных в Филадельфии (1876 г.), суждения, высказанного официальным комиссаром германского правительства г-ном Рело, человеком с европейской научной репутацией[112].

Подобная промышленность может удержаться на нейтральных рынках лишь до тех пор, пока на ее родине господствует свобода торговли. Если хотят, чтобы германские ткани, металлические изделия, машины выдерживали конкуренцию за границей, то необходимо, чтобы все, что служит им сырьем, бумажная, льняная или шелковая пряжа, необработанное железо, металлическая проволока доставлялись для них по такой же низкой цене, по какой покупают их иностранные конкуренты. Итак, одно из двух: или продолжать вывозить ткани и изделия металлообрабатывающей промышленности; в таком случае необходима свобода торговли с тем риском, что эта промышленность будет пользоваться сырьем, привезенным из-за границы. Или же — посредством таможенных пошлин покровительствовать производству металлов и прядению в Германии; в таком случае вскоре прекратится возможность вывоза тех товаров, сырьем для которых служит пряжа и необработанный металл.

Покровительствуя своим знаменитым тарифом прядильной промышленности и металлургии, г-н Бисмарк уничтожает последний шанс, который до сих пор имели для сбыта за границей немецкие ткани, металлические изделия, иглы, машины. По Германия, где в первой половине этого века сельское хозяйство производило излишки для экспорта, в настоящее время не может обойтись без добавочного ввоза иностранных сельскохозяйственных продуктов. Если г-н Бисмарк запрещает своей промышленности производить для вывоза, то чем же будут оплачивать этот ввоз, да и ввоз других товаров, нужда в которых не может быть устранена никаким тарифом в мире?

Для решения этого вопроса понадобился гений г-на Бисмарка в сочетании с гением его биржевых друзей и советников. Вот как это делается.

Возьмем железо. Период спекуляции и лихорадочного производства наградил Германию двумя предприятиями (Дортмундское объединение и Лаурахютте), из которых каждое в отдельности могло бы произвести столько, сколько необходимо в среднем для всего потребления страны. Затем имеется гигантское предприятие Круппа в Эссене, другое подобное же в Бохуме и бесконечное множество более мелких. Так что потребление железа внутри страны покрывается по крайней мере в три или четыре раза. Можно было бы сказать, что такое положение повелительно требует самой неограниченной свободы торговли, которая одна только может обеспечить сбыт этому огромному излишку продукции. Так можно было бы сказать, но не таково мнение заинтересованных лиц. Так как имеется всего-навсего какая-нибудь дюжина предприятий, с которыми приходится считаться и которые господствуют над другими, то образуется то, что американцы называют рингом: объединение для поддержания цен внутри страны и для регулирования вывоза.

Когда сдается с торгов подряд на рельсы или другие изделия их заводов, комитет назначает поочередно члена, которому надлежит взять подряд, и устанавливает ту цену, по которой тот должен его принять. Другие компаньоны предлагают более высокие цены, тоже установленные заранее. Таким образом, прекращается всякая конкуренция, налицо абсолютная монополия. Так же делается и с вывозом. Чтобы обеспечить выполнение этого плана, каждый член ринга вносит в комитет вексель на предъявителя на 125000 франков, который должен быть пущен в обращение и предъявлен к уплате, как только подписавший его нарушит свое обязательство. Таким образом монопольная цена, которую вымогают у немецких потребителей, дает возможность заводам продавать за границей излишек своей продукции по ценам, по которым отказываются продавать даже англичане, а расплачивается за все это — немецкий филистер (который, впрочем, того заслуживает). Вот каким образом вновь становится возможен немецкий вывоз благодаря тем самым покровительственным пошлинам, которые, по мнению рядовой публики, казалось бы, губят его.

За примерами дело не станет. В прошлом году одной итальянской железнодорожной компании, которую мы могли бы назвать, требовалось 30000 или 40000 тонн (по 1000 килограммов) рельсов. После долгих переговоров один английский завод взял

подряд на 10000; остальные взялось поставить Дортмундское объединение по цене, которую отклонили в Англии. Один английский конкурент, которого спросили, почему он не предложил лучших условий, чем немецкое предприятие, ответил: кто же в мире может выдержать конкуренцию с банкротом?

В Шотландии собираются построить железнодорожный мост через морской рукав близ Эдинбурга. Для этого моста нужно 10000 тонн бессемеровской стали. Кто же соглашается на самую низкую цену, кто побивает всех своих конкурентов, и все это — на родине крупной железоделательной промышленности, в Англии? — Немец, покровительствуемый Бисмарком во многих отношениях, г-н Крупп из Эссена, «пушечный король».

Так обстоит дело с железом. Нечего и говорить, что эта прекрасная система может лишь отсрочить на несколько лет неизбежное банкротство этих составивших заговор крупных предприятий. А пока что другие отрасли производства им подражают, и они разорят—не иностранных конкурентов, а свою собственную страну. Кажется, что живешь в стране безумцев; однако все вышеприведенные факты взяты из германских же буржуазных фритредерских газет. Организовывать разрушение германской промышленности под предлогом покровительства ей, — да разве не правы те немецкие социалисты, которые давно уж повторяют, что г-н Бисмарк работает на пользу социализма, словно ему за это платят?

II. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ

С 1869 по 1873 г., во время бурного прилива берлинской спекуляции, два предприятия, то враждовавшие между собой, то объединявшиеся, разделяли между собой господство на бирже: Учетное общество и банк Блейхрёдера. Это были, так сказать, берлинские Перейры и Миресы. Объектом спекуляции стали в первую очередь железные дороги, и оба эти банка возымели идею стать косвенно хозяевами большинства крупных линий, как уже существующих, так и строящихся. Закупив и удержав у себя известное число акций каждой дороги, можно было бы господствовать в их правлениях; акции же сами по себе служили бы обеспечением для займов, посредством которых можно было бы закупить новые акции и так далее. Как видите, простое повторение небольшой остроумной операции, сначала принесшей обоим Перейрам головокружительный успех и закончившейся, как известно, крахом банка Credit Mobilier. Такой же успех увенчал сначала и берлинских Перейров.

В 1873 г. наступил кризис. Наши оба банка оказались в очень затруднительном положении со своими грудами железнодорожных акций, из которых уже нельзя было выжать поглощенные ими миллионы. Проект подчинения своему влиянию железнодорожных компаний потерпел неудачу. Тогда переменили фронт и попытались продать их государству. Проект концентрации всех железных дорог в руках имперского правительства был продиктован не заботой об общественном благе страны, а о спасении двух неплатежеспособных банков.

Осуществление проекта не было слишком трудным делом. В новых компаниях «заинтересовали» значительное число членов парламента, и таким способом прибрали к рукам национал-либеральную и умеренно-консервативную партии, т. е. большинство. Высокие сановники империи, прусские министры, приложили руку к махинациям, с помощью которых основаны были эти компании. Ведь Блейхрёдер был банкиром и фактотумом г-на Бисмарка в финансовых делах. В средствах, стало быть, недостатка не было.

А тем временем, для того чтобы продажа империи железных дорог оправдала труды, нужно было поднять цену акций. Для этого в 1873 г. создали «имперское бюро железных дорог»; его начальник, известный спекулянт, сразу повысил тарифы всех германских железных дорог на 20%, что должно было увеличить чистый доход, а следовательно, и цену акций приблизительно на 35%. Это — единственное мероприятие, проведенное этим господином; только ради этого он согласился занять этот пост; недаром вскоре он от него отделался.

Прежде всего, добились того, что соблазнили проектом Бисмарка. Но мелкие королевства проекту воспротивились; Союзный совет отверг его наотрез. Новая перемена фронта: было решено, что сначала все прусские железные дороги скупит Пруссия, с тем чтобы при первом случае уступить их империи.

К тому же у имперского правительства был еще один скрытый мотив, заставлявший его желать приобретения железных дорог. И он был связан с французскими миллиардами.

Из этих миллиардов были удержаны значительные суммы для образования трех «имперских фондов»: одного — для сооружения здания рейхстага, второго — для крепостей и, наконец, третьего — для инвалидов трех последних войн. Все эти суммы вместе составили 926 миллионов франков.

Из этих трех фондов самым важным и в то же время самым любопытным был фонд инвалидов. Он был предназначен пожирать самого себя; это значит, что со смертью последнего из этих инвалидов, должен был бы исчезнуть и самый фонд — как

капитал, так и доходы с него. Фонд, сам себя расходующий, — можно снова сказать, что только сумасшедшие могли это выдумать. Но это были не сумасшедшие: изобрели этот фонд спекулянты из Учетного общества, — и не без основания. Недаром понадобился почти год, чтобы склонить правительство к принятию этой идеи.

Однако нашим биржевым игрокам показалось, что самопожирание фонда будет недостаточно быстрым. Более того, они считали нужным наделить и два других фонда тем же прекрасным свойством самопожирания. Средство для этого было простое. Еще до того, как закон установил характер ценностей, в которые будут помещены эти фонды, одному коммерческому предприятию, подведомственному прусскому правительству, было поручено закупить надлежащие ценные бумаги. Предприятие это обратилось к Учетному обществу, продавшему для трех имперских фондов на 300 миллионов франков железнодорожных акций, мы можем их точно обозначить, которые нельзя было тогда сбыть.

Среди этих акций было на 120 миллионов акций Магдебургско-Гальберштадтской — и объединенных с ней линий — железной дороги, бывшей почти на грани банкротства, дороги, предназначенной служить для обеспечения огромных прибылей мошенникам, но не имевшей почти никаких шансов принести хоть какой-нибудь доход акционерам. Это становится понятным, если принять во внимание, что правление выпустило на 16 миллионов акций для покрытия расходов по постройке трех железнодорожных веток и что деньги эти бесследно исчезли, между тем как постройка этих веток не была даже начата. А фонд инвалидов гордится тем, что обладает изрядным количеством этих акций несуществующих железных дорог.

Приобретение этих линий прусским правительством сразу легализовало бы закупку их акций империей; оно дало бы им некоторую реальную ценность. Вот в чем состояла выгода этого дела для имперского правительства. Недаром закупка линии, о которой идет здесь речь, была одной из первых предложена прусским правительством и санкционирована палатами.

Цена, уплачиваемая государством акционерам, значительно превышала действительную стоимость даже хороших линий. Это подтверждается непрерывным повышением их акций с того момента, как стало известно решение об их закупке, а особенно— условиями продажи. Две крупные линии, акции которых в декабре 1878 г. продавались по курсу 103 и 108, были затем приобретены государством; теперь эти акции котируются

соответственно в 148 и 158. Вот почему для акционеров было очень трудно скрывать свою радость во время продажи.

Само собой разумеется, что это повышение принесло прибыль прежде всего крупным берлинским биржевикам, посвященным в тайные намерения правительства. Биржа, бывшая весной 1879 г. еще в довольно подавленном состоянии, вновь ожила. Прежде чем окончательно расстаться со своими дорогими акциями, спекулянты использовали их, чтобы организовать новую оргию ажиотажа.

Ясно одно: Германская империя в такой же степени находится под ярмом биржи, как и Французская империя во времена ее существования. Именно биржевики изготовляют проекты, которые — на благо их карманов — должно провести правительство. Но в Германии есть еще одно преимущество, которого не хватало бонапартистской империи: когда имперское правительство встречает сопротивление со стороны мелких государей, оно превращается в прусское правительство, которое, конечно, уж не встретит никакого сопротивления со стороны своих палат, подлинных филиальных отделений биржи.

Ну, так как же? Разве Генеральный Совет Интернационала не сказал тотчас же вслед за окончанием войны 1870 года: Вы, г-н Бисмарк, ниспровергли бонапартистский режим во Франции только для того, *чтобы восстановить его у себя!*[113]

Написано Ф. Энгельсом в конце февраля 1880 г.

Напечатано в газете «L'Egalite» №№ 7 и 10; 3 и 24 марта 1880 г., 2-я серия

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского

Ф. ЭНГЕЛЬС

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИЗМА ОТ УТОПИИ К НАУКЕ [114]

Написано Ф. Энгельсом в январе — первой половине марта 1880 г.

Напечатано в журнале «La Revue socialiste» №№ 3, 4, 5; 20 марта; 20 апреля; 5 мая 1880 г. и в виде отдельной брошюры на французском языке: F. Engels, «Socialisme utopique et socialisme scientifique». Paris, 1880

Печатается по тексту немецкого издания 1891 г., сверенному с текстом французского издания 1880 г.

Перевод с немецкого

Bibliothèque de la REVUE SOCIALISTE

I.

SOCIALISME UTOPIQUE

ET

SOCIALISME SCIENTIFIQUE

PAR

FRÉDÉRIC ENGELS

Traduction française par

PAUL LAFARGUE

Prix: 50 centimes

PARIS

DERVEAUX LIBRAIRE-ÉDITEUR

32, Rue d'Angoulême, 32

1880

Титульный лист
первого французского издания книги Ф. Энгельса
«Развитие социализма от утопии к науке»

I

Современный социализм по своему содержанию является прежде всего результатом наблюдения, с одной стороны, господствующих в современном обществе классовых противоположностей между имущими и неимущими, капиталистами и наемными рабочими, а с другой — царящей в производстве анархии. Но по своей теоретической форме он выступает сначала только как дальнейшее и как бы более последовательное развитие принципов, выдвинутых великими французскими просветителями XVIII века. Как всякая новая теория, социализм должен был исходить прежде всего из накопленного до него идейного материала, хотя его корни лежали глубоко в материальных экономических фактах.

Великие люди, которые во Франции просвещали головы для приближавшейся революции, сами выступали крайне революционно. Никаких внешних авторитетов какого бы то ни было рода они не признавали. Религия, понимание природы, общество, государственный строй — все было подвергнуто самой беспощадной критике; все должно было предстать перед судом разума и либо оправдать свое существование, либо отказаться от него. Мыслящий рассудок стал единственным мерилом всего существующего. Это было время, когда, по выражению Гегеля, мир был поставлен на голову*, сначала в том смысле, что

* Вот что говорит Гегель о французской революции: «Мысль о праве, его понятие, *сразу* завоевала себе признание, ветхие опоры бесправия не могли оказать ей никакого сопротивления. Мысль о праве положена была в основу конституции, и теперь все должно опираться на нее. С тех пор как на небе светит солнце и вокруг него вращаются планеты, еще не было видно, чтобы человек становился на голову, т. е. опирался на мысль и сооб-

человеческая голова и те положения, которые она открыла посредством своего мышления, выступили с требованием, чтобы их признали основой всех человеческих действий и общественных отношений, а затем и в том более широком смысле, что действительность, противоречившая этим положениям, была фактически перевернута сверху донизу. Все прежние формы общества и государства, все традиционные представления были признаны неразумными и отброшены, как старый хлам; мир до сих пор руководился одними предрассудками, и все прошлое достойно лишь сожаления и презрения. Теперь впервые взошло солнце, наступило царство разума, и отныне суеверие, несправедливость, привилегии и угнетение должны уступить место вечной истине, вечной справедливости, равенству, вытекающему из самой природы, и неотъемлемым правам человека.

Мы знаем теперь, что это царство разума было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии, что вечная справедливость нашла свое осуществление в буржуазной юстиции, что равенство свелось к гражданскому равенству перед законом, а одним из самых существенных прав человека провозглашена была... буржуазная собственность. Государство разума, — общественный договор Руссо[116], — оказалось и могло оказаться на практике только буржуазной демократической республикой. Великие мыслители XVIII века, так же как и все их предшественники, не могли выйти из рамок, которые им ставила их собственная эпоха.

Но наряду с противоположностью между феодальным дворянством и буржуазией, выступавшей в качестве представительницы всего остального общества, существовала общая противоположность между эксплуататорами и эксплуатируемыми, богатыми тунеядцами и трудящимися бедняками. Именно это обстоятельство и дало возможность представителям буржуазии выступать в роли представителей не какого-либо отдельного класса, а всего страждущего человечества. Более того. Буржуазия с момента своего возникновения была обременена своей собственной противоположностью: капиталисты не могут существовать без наемных рабочих, и соответственно тому, как средневековый цеховой мастер развивался в современного

разно о мыслью строил действительность. Анаксагор первый сказал, что Nus, т. е. разум, управляет миром, но только теперь впервые человек дошел до признания, что мысль должна управлять духовной действительностью. Это был *величественный восход солнца. Все мыслящие существа радостно приветствовали наступление новой эпохи. Возвышенный восторг* властвовал в это время, и весь *мир проникся энтузиазмом духа,* как будто совершилось впервые примирение божественного начала с миром» (Гегель, «Философия истории», 1840, стр. 535[115]). — Не пора ли, наконец, против такого опасного, ниспровергающего общественные устои учения покойного профессора Гегеля пустить в ход закон о социалистах?

буржуа, цеховой подмастерье и внецеховой поденщик развивались в пролетариев. И хотя в общем и целом буржуазия *в борьбе с дворянством* имела известное право считать себя также представительницей интересов различных трудящихся классов того времени, тем не менее при каждом крупном буржуазном движении вспыхивали самостоятельные движения того класса, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата. Таково было движение анабаптистов и Томаса Мюнцера во время Реформации и Крестьянской войны в Германии, левеллеров[117] — во время великой английской революции, Бабёфа — во время великой французской революции. Эти революционные вооруженные выступления еще не созревшего класса сопровождались соответствующими теоретическими выступлениями; таковы в XVI и XVII веках утопические изображения идеального общественного строя[118], а в XVIII веке — уже прямо коммунистические теории (Морелли и Мабли). Требование равенства не ограничивалось уже областью политических прав, а распространялось на общественное положение каждой отдельной личности; доказывалась необходимость уничтожения не только классовых привилегий, но и самих классовых различий. Аскетически суровый, спартанский коммунизм, запрещавший всякое наслаждение жизнью, был первой формой проявления нового учения. Потом явились три великих утописта: Сен-Симон, у которого рядом с пролетарским направлением сохраняло еще известное значение направление буржуазное, Фурье и Оуэн, который в стране наиболее развитого капиталистического производства и под впечатлением порожденных им противоположностей разработал свои предложения по устранению классовых различий в виде системы, непосредственно примыкавшей к французскому материализму.

Общим для всех троих является то, что они не выступают как представители интересов исторически порожденного к тому времени пролетариата. Подобно просветителям, они хотят сразу же освободить все человечество, а не какой-либо определенный общественный класс в первую очередь. Как и те, они хотят установить царство разума и вечной справедливости; но их царство, как небо от земли, отличается от царства разума у просветителей. Буржуазный мир, построенный сообразно принципам этих просветителей, так же неразумен и несправедлив и поэтому должен быть так же выброшен на свалку, как феодализм и все прежние общественные порядки. Истинный разум и истинная справедливость до сих пор не господствовали в мире только потому, что они не были еще надлежащим образом познаны. Не было просто того гениального человека, который явился

теперь и который познал истину. Что он теперь появился, что истина познана именно теперь, — это вовсе не является необходимым результатом общего хода исторического развития, неизбежным событием, а представляет собой просто счастливую случайность. Этот гениальный человек мог бы с таким же успехом родиться пятьсот лет тому назад и тогда он избавил бы человечество от пяти веков заблуждений, борьбы и страданий.

Мы видели, каким образом подготовлявшие революцию французские философы XVIII века апеллировали к разуму как к единственному судье над всем существующим. Они требовали установления разумного государства, разумного общества, требовали безжалостного устранения всего того, что противоречит вечному разуму. Мы видели также, что этот вечный разум был в действительности лишь идеализированным рассудком среднего бюргера, как раз в то время развивавшегося в буржуа. И вот, когда французская революция воплотила в действительность это общество разума и это государство разума, то новые учреждения оказались, при всей своей рациональности по сравнению с прежним строем, отнюдь не абсолютно разумными. Государство разума потерпело полное крушение. Общественный договор Руссо нашел свое осуществление во время террора, от которого изверившаяся в своей политической способности буржуазия искала спасения сперва в подкупности Директории[119], а в конце концов под крылом наполеоновского деспотизма. Обещанный вечный мир превратился в бесконечную вереницу завоевательных войн. Не более посчастливилось и обществу разума. Противоположность между богатыми и бедными, вместо того чтобы разрешиться во всеобщем благоденствии, еще более обострилась вследствие устранения цеховых и иных привилегий, служивших как бы мостом над этой противоположностью, а также вследствие устранения церковной благотворительности, несколько смягчавшей ее. Осуществленная теперь на деле «свобода собственности» от феодальных оков оказалась для мелкого буржуа и крестьянина свободой продавать эту мелкую собственность, задавленную могущественной конкуренцией крупного капитала и крупного землевладения, именно этим магнатам; эта «свобода» превратилась таким образом для мелких буржуа и крестьян в свободу *от* собственности. Быстрое развитие промышленности на капиталистической основе сделало бедность и страдания трудящихся масс необходимым условием существования общества. Чистоган все более и более становился, по выражению Карлейля, единственным связующим элементом этого общества. Количество преступлений возрастало с каждым годом. Если феодальные пороки, прежде бесстыдно выставляв-

шиеся напоказ, были хотя и не уничтожены, но все же отодвинуты пока на задний план, — то тем пышнее расцвели на их месте буржуазные пороки, которым раньше предавались только тайком. Торговля все более и более превращалась в мошенничество. «Братство», провозглашенное в революционном девизе[120], нашло свое осуществление в плутнях и в зависти, порождаемых конкурентной борьбой. Место насильственного угнетения занял подкуп, а вместо меча главнейшим рычагом общественной власти стали деньги. Право первой ночи перешло от феодалов к буржуа-фабрикантам. Проституция выросла до неслыханных размеров. Самый брак остался, как и прежде, признанной законом формой проституции, ее официальным прикрытием, дополняясь к тому же многочисленными нарушениями супружеской верности. Одним словом, установленные «победой разума» общественные и политические учреждения оказались злой, вызывающей горькое разочарование карикатурой на блестящие обещания просветителей. Недоставало еще только людей, способных констатировать это разочарование, и эти люди явились на рубеже нового столетия. В 1802 г. вышли «Женевские письма» Сен-Симона; в 1808 г. появилось первое произведение Фурье, хотя основа его теории была заложена еще в 1799 году; 1 января 1800 г. Роберт Оуэн взял на себя управление Нью-Ланарком[121].

Но в это время капиталистический способ производства, а вместе с ним и противоположность между буржуазией и пролетариатом были еще очень неразвиты. Крупная промышленность, только что возникшая в Англии, во Франции была еще неизвестна. А между тем лишь крупная промышленность развивает, с одной стороны, конфликты, делающие принудительной необходимостью переворот в способе производства, устранение его капиталистического характера, — конфликты не только между созданными этой крупной промышленностью классами, но и между порожденными ею производительными силами и формами обмена; а с другой стороны, эта крупная промышленность как раз в гигантском развитии производительных сил дает также и средства для разрешения этих конфликтов. Если, следовательно. около 1800 г. конфликты, возникающие из нового общественного порядка, еще только зарождались, то еще гораздо менее развиты были тогда средства для их разрешения. Хотя во время террора неимущие массы Парижа захватили на одно мгновение власть и смогли таким образом привести к победе буржуазную революцию *против* самой же буржуазии, но этим они доказали только всю невозможность длительного господства этих масс при тогдашних отношениях. Пролетариат, едва только

выделившийся из общей массы неимущих в качестве зародыша нового класса, еще совершенно неспособный к самостоятельному политическому действию, казался лишь угнетенным, страдающим сословием, помощь которому в лучшем случае, при его неспособности помочь самому себе, могла быть оказана извне, сверху.

Это историческое положение определило взгляды и основателей социализма. Незрелому состоянию капиталистического производства, незрелым классовым отношениям соответствовали и незрелые теории. Решение общественных задач, еще скрытое в неразвитых экономических отношениях, приходилось выдумывать из головы. Общественный строй являл одни лишь недостатки; их устранение было задачей мыслящего разума. Требовалось изобрести новую, более совершенную систему общественного устройства и навязать ее существующему обществу извне, посредством пропаганды, а по возможности и примерами показательных опытов. Эти новые социальные системы заранее были обречены на то, чтобы оставаться утопиями, и чем больше разрабатывались они в подробностях, тем дальше они должны были уноситься в область чистой фантазии.

Установив это, мы не будем задерживаться больше ни минуты на этой стороне вопроса, ныне целиком принадлежащей прошлому. Предоставим литературным лавочникам самодовольно перетряхивать эти, в настоящее время кажущиеся только забавными, фантазии и любоваться трезвостью своего собственного образа мыслей по сравнению с подобным «сумасбродством». Нас гораздо больше радуют прорывающиеся на каждом шагу сквозь фантастический покров зародыши гениальных идей и гениальные мысли, которых не видят эти филистеры.

Сен-Симон был сыном великой французской революции, к началу которой он не достиг еще тридцатилетнего возраста. Революция была победой третьего сословия, т. е. *занятого* в производстве и торговле большинства нации, над привилегированными до того времени *праздными* сословиями — дворянством и духовенством. Но вскоре обнаружилось, что победа третьего сословия была только победой одной маленькой части этого сословия, завоеванием политической власти социально-привилегированным слоем третьего сословия — имущей буржуазией. И к тому же эта буржуазия быстро развилась еще в процессе революции, с одной стороны, посредством спекуляции конфискованной и затем *проданной* земельной собственностью дворянства и церкви, с другой — посредством надувательства нации военными поставщиками. Именно господство этих спекулянтов при Директории привело Францию и револю-

цию на край гибели и тем самым дало предлог Наполеону для государственного переворота. Таким образом, в голове Сен-Симона противоположность между третьим сословием и привилегированными сословиями приняла форму противоположности между «рабочими» и «праздными». Праздными являлись не только представители прежних привилегированных сословий, но и все те, кто, не принимая участия в производстве и торговле, жил на свою ренту. А «рабочими» были не только наемные рабочие, но и фабриканты, купцы и банкиры. Что праздные потеряли способность к умственному руководству и политическому господству, — не подлежало никакому сомнению и окончательно было подтверждено революцией. Что неимущие не обладали этой способностью, это, по мнению Сен-Симона, доказано было опытом времени террора. Кто же в таком случае должен был руководить и господствовать? По мнению Сен-Симона — наука и промышленность, объединенные новой религиозной связью, неизбежно мистическим, строго иерархическим «новым христианством», призванным восстановить разрушенное со времени Реформации единство религиозных воззрений. Но наука же — это ученые, а промышленность — это в первую очередь активные буржуа, фабриканты, купцы, банкиры. Правда, эти буржуа должны были стать чем-то вроде общественных чиновников, доверенных лиц всего общества, но все же сохранить по отношению к рабочим командующее и экономически привилегированное положение. Что касается банкиров, то именно они были призваны регулировать все общественное производство при помощи регулирования кредита. — Такой взгляд вполне соответствовал тому времени, когда во Франции крупная промышленность, а вместе с ней и противоположность между буржуазией и пролетариатом находились еще только в процессе возникновения. Но что Сен-Симон особенно подчеркивает, — это следующее: всюду и всегда его в первую очередь интересует судьба «самого многочисленного и самого бедного класса» («la classe la plus nombreuse et la plus pauvre»).

Уже в «Женевских письмах» Сен-Симон выдвигает положение, что

«все люди должны работать».

В том же произведении он уже отмечает, что господство террора во Франции было господством неимущих масс.

«Посмотрите», — восклицает он, обращаясь к последним, — «что произошло во Франции, когда там господствовали ваши товарищи; они создали голод»[122].

Но понять, что французская революция была классовой борьбой, и не только между дворянством и буржуазией, но также между дворянством, буржуазией *и неимущими,* — это в 1802 г. было в высшей степени гениальным открытием. В 1816 г. Сен-Симон объявляет политику наукой о производстве и предсказывает полнейшее поглощение политики экономикой[123]. Если здесь понимание того, что экономическое положение есть основа политических учреждений, выражено лишь в зародышевой форме, зато совершенно ясно высказана та мысль, что политическое управление людьми должно превратиться в распоряжение вещами и в руководство процессами производства, т. е. мысль об «отмене государства», о чем так много шумели в последнее время. С таким же превосходством над своими современниками Сен-Симон заявляет в 1814 г., — тотчас по вступлении союзников в Париж, — а затем в 1815 г., во время войны Ста дней, что союз Франции с Англией и во вторую очередь этих двух стран с Германией представляет единственную гарантию мирного развития и процветания Европы[124]. Поистине нужно было много мужества и исторической дальновидности, чтобы в 1815 г. проповедовать французам союз с победителями при Ватерлоо[125].

Если у Сен-Симона мы встречаем гениальную широту взгляда, вследствие чего его воззрения содержат в зародыше почти все не строго экономические мысли позднейших социалистов, то у Фурье мы находим критику существующего общественного строя, в которой чисто французское остроумие сочетается с большой глубиной анализа. Он ловит на слове буржуазию, ее вдохновенных пророков дореволюционного времени и ее подкупленных льстецов, выступивших после революции. Он беспощадно вскрывает все материальное и моральное убожество буржуазного мира и сопоставляет его с заманчивыми обещаниями прежних просветителей об установлении такого общества, где будет господствовать только разум, такой цивилизации, которая принесет счастье всем, — с их заявлениями о способности человека к безграничному совершенствованию; он разоблачает пустоту напыщенной фразы современных ему буржуазных идеологов, показывая, какая жалкая действительность соответствует их громким словам, и осыпает едкими сарказмами полнейший провал этой фразеологии. Фурье — не только критик; всегда жизнерадостный по своей натуре, он становится сатириком, и даже одним из величайших сатириков всех времен. Меткими, насмешливыми словами рисует он распустившиеся пышным цветом спекулятивные плутни и мелкоторгашеский дух, овладевший с закатом революции всей

тогдашней французской коммерческой деятельностью. С еще большим мастерством он критикует буржуазную форму отношений между полами и положение женщины в буржуазном обществе. Ему первому принадлежит мысль, что в каждом данном обществе степень эмансипации женщины есть естественное мерило общей эмансипации[126]. Но ярче всего проявилось величие Фурье в его понимании истории общества. Весь предшествующий ход ее он разделяет на четыре ступени развития: дикость, патриархат, варварство и цивилизация; последняя совпадает у него с так называемым ныне буржуазным обществом, следовательно, с общественным порядком, развивающимся с XVI века, и он показывает, что

«строй цивилизации придает сложную, двусмысленную, двуличную, лицемерную форму существования всякому пороку, который варварство практиковало в простом виде»,

что цивилизация движется в «порочном кругу», в противоречиях, которые она постоянно вновь порождает и которых она не может преодолеть, так что она всегда достигает результатов, противоположных тем, к которым, искренне или притворно, она стремится[127]. Таким образом, например,

«в цивилизации *бедность рождается из самого изобилия*»[128].

Фурье, как мы видим, так же мастерски владеет диалектикой, как и его современник Гегель. Так же диалектически он утверждает, в противовес фразам о способности человека к неограниченному совершенствованию, что каждый исторический фазис имеет не только свою восходящую, но и нисходящую линию[129], и этот способ понимания он применяет к будущему всего человечества. Подобно тому как Кант ввел в естествознание идею о будущей гибели Земли, так Фурье ввел в понимание истории идею о будущей гибели человечества.

В то время как над Францией проносился ураган революции, очистивший страну, в Англии совершался менее шумный, но не менее грандиозный переворот. Пар и новые рабочие машины превратили мануфактуру в современную крупную промышленность и тем самым революционизировали всю основу буржуазного общества. Вялый ход развития времен мануфактуры превратился в настоящий период бури и натиска в производстве. Со все возрастающей быстротой совершалось разделение общества на крупных капиталистов и неимущих пролетариев, а между ними, вместо устойчивого среднего сословия старых времен, влачила теперь шаткое существование изменчивая масса ремесленников и мелких торговцев, эта наиболее текучая часть

населения. Новый способ производства находился еще в начале восходящей линии своего развития; он был еще нормальным, правильным, единственно возможным при данных условиях способом производства. А между тем он уже тогда породил вопиющие социальные бедствия: скопление бездомного населения в трущобах больших городов; разрушение всех унаследованных от прошлого связей по происхождению, патриархального уклада, семьи; ужасающее удлинение рабочего дня, особенно для женщин и детей; массовую деморализацию среди трудящегося класса, внезапно брошенного в совершенно новые условия — из деревни в город, из земледелия в промышленность, из стабильных в ежедневно меняющиеся, необеспеченные жизненные условия. И тут выступил в качестве реформатора двадцатидевятилетний фабрикант, человек с детски чистым благородным характером и в то же время прирожденный руководитель, каких немного. Роберт Оуэн усвоил учение просветителей-материалистов о том, что человеческий характер является продуктом, с одной стороны, его природной организации, а с другой — условий, окружающих человека в течение всей жизни, и особенно в период его развития. Большинство собратьев Оуэна по общественному положению видело в промышленной революции только беспорядок и хаос, годные для ловли рыбы в мутной воде и для быстрого обогащения. Оуэн же видел в промышленной революции благоприятный случай для того, чтобы осуществить свою любимую идею и тем самым внести порядок в этот хаос. В Манчестере он, как руководитель фабрики, где работало более 500 рабочих, уже сделал попытку, и притом успешную, применить эту идею, С 1800 по 1829 г. он управлял большой бумагопрядильной фабрикой в Нью-Ланарке, в Шотландии, и, будучи компаньоном-директором предприятия, действовал здесь в том же направлении, но с гораздо большей свободой и с таким успехом, что вскоре его имя сделалось известным всей Европе. Население Нью-Ланарка, постепенно возросшее до 2500 человек и состоявшее первоначально из крайне смешанных и по большей части сильно деморализованных элементов, он превратил в совершенно образцовую колонию, в которой пьянство, полиция, уголовные суды, тяжбы, попечительство о бедных, надобность в благотворительности стали неизвестными явлениями. И он достиг этого просто тем, что поставил людей в условия, более сообразные с человеческим достоинством, и в особенности заботился о хорошем воспитании подрастающего поколения. В Нью-Ланарке были впервые введены школы для детей младшего возраста, придуманные Оуэном. В них принимали детей, начи-

ная с двухлетнего возраста, и дети так хорошо проводили там время, что их трудно было увести домой. В то время как конкуренты Оуэна заставляли своих рабочих работать по 13—14 часов в день, в Нью-Ланарке рабочий день продолжался только $10^1/_2$ часов, А когда хлопчатобумажный кризис заставил на четыре месяца прекратить производство, незанятым рабочим продолжали выплачивать полную заработную плату. И при всем том стоимость предприятия возросла более чем вдвое, и оно все время приносило собственникам обильную прибыль.

Но все это не удовлетворяло Оуэна. Те условия существования, которые он создал для своих рабочих, еще далеко не соответствовали в его глазах человеческому достоинству.

«Люди эти были моими рабами»,

— говорил он; сравнительно благоприятные условия, в которые он поставил рабочих Нью-Ланарка, были еще далеко не достаточны для всестороннего рационального развития их характера и ума, не говоря уже о свободной жизнедеятельности.

«А между тем трудящаяся часть этих 2500 человек производила для общества такое количество реального богатства, для создания которого менее чем полвека тому назад потребовалось бы население в 600000 человек. Я спрашивал себя: куда девается разница между богатством, потребляемым 2500 человек, и тем, которое было бы потреблено 600000 человек?»

Ответ был ясен. Эта разница доставалась владельцам фабрики, которые получали 5% на вложенный в предприятие капитал и еще сверх того больше 300000 фунтов стерлингов (6000000 марок) прибыли. В большей еще степени, чем к Нью-Ланарку, это было применимо ко всем остальным фабрикам Англии.

«Без этого нового богатства, созданного машинами, не было бы возможности вести войны для свержения Наполеона и сохранения аристократических принципов общественного устройства. А между тем эта новая сила была созданием трудящегося класса»[*].

Ему поэтому должны принадлежать и плоды ее. Новые могучие производительные силы, служившие до сих пор только обогащению единиц и порабощению масс, представлялись Оуэну основой для общественного преобразования и должны были работать только для общего благосостояния всех в качестве их общей собственности.

[*] Из обращения под названием «Революция в умах и практике», адресованного ко всем «красным республиканцам, коммунистам и социалистам Европы», посланного французскому временному правительству 1848 г., а также «королеве Виктории и ее ответственным советникам»[130].

На таких чисто деловых началах, как плод, так сказать, коммерческого подсчета, возник коммунизм Оуэна. Этот свой практический характер он сохранял всегда и везде. Так, в 1823 г. Оуэн составил проект устранения ирландской нищеты путем создания коммунистических колоний и приложил к нему подробные расчеты необходимого вложения капитала, ежегодных издержек и предполагаемых доходов[131]. А в своем окончательном плане будущего строя Оуэн разработал все технические подробности, вплоть до плана, фасада и вида с высоты птичьего полета, с таким знанием дела, что если принять его метод преобразования общества, то очень немного можно возразить против деталей, даже с точки зрения специалиста.

Переход к коммунизму был поворотным пунктом в жизни Оуэна. Пока он выступал просто как филантроп, он пожинал только богатство, одобрение, почет и славу. Он был популярнейшим человеком в Европе. Его речам благосклонно внимали не только его собратья по общественному положению, но даже государственные деятели и монархи. Но как только он выступил со своими коммунистическими теориями, дело приняло другой оборот. Путь к преобразованию общества, по его мнению, преграждали прежде всего три великих препятствия: частная собственность, религия и существующая форма брака. Начиная борьбу с этими препятствиями, он знал, что ему предстоит стать отверженным в среде официального общества и лишиться своего общественного положения. Но эти соображения не могли остановить Оуэна, не убавили энергии его бесстрашного нападения. И произошло именно то, что он предвидел. Изгнанный из официального общества, замалчиваемый прессой, обедневший в результате неудачных коммунистических опытов в Америке, в жертву которым он принес все свое состояние, Оуэн обратился прямо к рабочему классу, в среде которого он продолжал свою деятельность еще тридцать лет. Все общественные движения, которые происходили в Англии в интересах рабочего класса, и все их действительные достижения связаны с именем Оуэна. Так, в 1819 г. благодаря его пятилетним усилиям был проведен первый закон, ограничивший работу женщин и детей на фабриках[132]. Он был председателем первого конгресса, на котором тред-юнионы всей Англии объединились в один большой всеобщий профессиональный союз[133]. Он же организовал — в качестве мероприятий для перехода к общественному строю, уже вполне коммунистическому, — с одной стороны, кооперативные общества (потребительские и производственные товарищества), которые, по крайней мере, доказали в дальнейшем на практике полную возможность обходиться как без купцов, так и без фаб-

рикантов; с другой стороны — рабочие базары, на которых продукты труда обменивались при помощи трудовых бумажных денег, единицей которых служил час рабочего времени[134]. Эти базары неизбежно должны были потерпеть неудачу, но они вполне предвосхитили значительно более поздний прудоновский меновой банк[135], от которого они, однако, отличались как раз тем, что не возводились в универсальное целительное средство от всех общественных зол, а предлагались только как один из первых шагов к значительно более радикальному переустройству общества.

Способ понимания, свойственный утопистам, долго господствовал над социалистическими воззрениями XIX века и отчасти господствует еще и поныне. Его придерживались до недавнего времени все французские и английские социалисты, а также прежний немецкий коммунизм, включая Вейтлинга. Социализм для них всех есть выражение абсолютной истины, разума и справедливости, и стоит только его открыть, чтобы он собственной силой покорил весь мир; а так как абсолютная истина не зависит от времени, пространства и исторического развития человечества, то это уже дело чистой случайности, когда и где она будет открыта. При этом абсолютная истина, разум и справедливость опять-таки различны у каждого основателя школы; особый вид абсолютной истины, разума и справедливости у каждого основателя школы обусловлен опять-таки его субъективным рассудком, жизненными условиями, объемом познаний и степенью развития мышления. Поэтому при столкновении подобных абсолютных истин разрешение конфликта возможно лишь путем сглаживания их взаимных противоречий. Из этого не могло получиться ничего, кроме некоторого рода эклектического межеумочного социализма, который действительно господствует до сих пор в головах большинства социалистов-рабочих Франции и Англии. Этот эклектический социализм представляет собой смесь из более умеренных критических замечаний, экономических положений и представлений различных основателей сект о будущем обществе, — смесь, которая допускает крайне разнообразные оттенки и которая получается тем легче, чем больше ее отдельные составные части утрачивают в потоке споров, как камешки в ручье, свои острые углы и грани. Чтобы превратить социализм в науку, необходимо было прежде всего поставить его на реальную почву.

II

Между тем рядом с французской философией XVIII века и вслед за ней возникла новейшая немецкая философия,нашедшая свое завершение в Гегеле. Ее величайшей заслугой было возвращение к диалектике как высшей форме мышления. Древние греческие философы были все прирожденными, стихийными диалектиками, и Аристотель, самая универсальная голова среди них, уже исследовал существеннейшие формы диалектического мышления. Новая философия, хотя и в ней диалектика имела блестящих представителей (например, Декарт и Спиноза), напротив, все более и более погрязала, особенно под влиянием английской философии, в так называемом метафизическом способе мышления, почти исключительно овладевшем также французами XVIII века, по крайней мере в их специально философских трудах. Однако вне пределов философии в собственном смысле слова они смогли оставить нам высокие образцы диалектики; припомним только «Племянника Рамо» Дидро[136] и «Рассуждение о происхождении неравенства между людьми» Руссо. — Остановимся здесь вкратце на существе обоих методов мышления.

Когда мы подвергаем мысленному рассмотрению природу или историю человечества или нашу духовную деятельность, то перед нами сперва возникает картина бесконечного сплетения связей и взаимодействий, в которой ничто не остается неподвижным и неизменным, а все движется, изменяется, возникает и исчезает. Таким образом, мы видим сперва общую картину, в которой частности пока более или менее отступают на задний план, мы больше обращаем внимание на движение, на переходы и связи, чем на то, *что* именно движется, переходит, находится в связи. Этот первоначальный, наивный, но по сути дела правильный взгляд на мир был присущ древнегреческой философии и впервые ясно выражен Гераклитом: все существует и в то же

время не существует, так как все *течет,* все постоянно изменяется, все находится в постоянном процессе возникновения и исчезновения. Несмотря, однако, на то, что этот взгляд верно схватывает общий характер всей картины явлений, он все же недостаточен для объяснения тех частностей, из которых она складывается, а пока мы не знаем их, нам не ясна и общая картина. Чтобы познавать эти частности, мы вынуждены вырывать их из их естественной или исторической связи и исследовать каждую в отдельности по ее свойствам, по ее особым причинам и следствиям и т. д. В этом состоит прежде всего задача естествознания и исторического исследования, т. е. тех отраслей науки, которые по вполне понятным причинам занимали у греков классических времен лишь подчиненное место, потому что грекам нужно было раньше всего другого накопить необходимый материал. Только после того как естественнонаучный и исторический материал до известной степени собран, можно приступать к критическому отбору, сравнению, а сообразно с этим и разделению на классы, порядки и виды. Начатки точного исследования природы получили дальнейшее развитие впервые лишь у греков александрийского периода[137], а затем, в средние века, у арабов. Настоящее же естествознание начинается только со второй половины XV века, и с этого времени оно непрерывно делает все более быстрые успехи. Разложение природы на ее отдельные части, разделение различных процессов и предметов природы на определенные классы, исследование внутреннего строения органических тел по их многообразным анатомическим формам, — все это было основным условием тех исполинских успехов, которые были достигнуты в области познания природы за последние четыреста лет. Но тот же способ изучения оставил нам вместе с тем и привычку рассматривать вещи и процессы природы в их обособленности, вне их великой общей связи, и в силу этого — не в движении, а в неподвижном состоянии, не как существенно изменчивые, а как вечно неизменные, не живыми, а мертвыми. Перенесенный Бэконом и Локком из естествознания в философию, этот способ понимания создал специфическую ограниченность последних столетий — метафизический способ мышления.

Для метафизика вещи и их мысленные отражения, понятия, суть отдельные, неизменные, застывшие, раз навсегда данные предметы, подлежащие исследованию один после другого и один независимо от другого. Он мыслит сплошными неопосредствованными противоположностями; речь его состоит из: «да — да, нет — нет; что сверх того, то от лукавого»[138]. Для него вещь или существует или не существует, и точно так же вещь не может

быть самой собой и в то же время иной. Положительное и отрицательное абсолютно исключают друг друга; причина и следствие по отношению друг к другу тоже находятся в застывшей противоположности. Этот способ мышления кажется нам на первый взгляд совершенно очевидным потому, что он присущ так называемому здравому человеческому рассудку. Но здравый человеческий рассудок, весьма почтенный спутник в четырех стенах своего домашнего обихода, переживает самые удивительные приключения, лишь только он отважится выйти на широкий простор исследования. Метафизический способ понимания, хотя и является правомерным и даже необходимым в известных областях, более или менее обширных, смотря по характеру предмета, рано или поздно достигает каждый раз того предела, за которым он становится односторонним, ограниченным, абстрактным и запутывается в неразрешимых противоречиях, потому что за отдельными вещами он не видит их взаимной связи, за их бытием — их возникновения и исчезновения, из-за их покоя забывает их движение, за деревьями не видит леса. В обыденной жизни, например, мы знаем и можем с уверенностью сказать, существует ли то или иное животное или нет, но при более точном исследовании мы убеждаемся, что это иногда в высшей степени сложное дело, как это очень хорошо известно юристам, которые тщетно бились над тем, чтобы найти рациональную границу, за которой умерщвление ребенка в утробе матери нужно считать убийством. Невозможно точно так же определить и момент смерти, так как физиология доказывает, что смерть есть не внезапный, мгновенный акт, а очень длительный процесс. Равным образом и всякое органическое существо в каждое данное мгновение является тем же самым и не тем же самым; в каждое мгновение оно перерабатывает получаемые им извне вещества и выделяет из себя другие вещества, в каждое мгновение одни клетки его организма отмирают, другие образуются; по истечении более или менее длительного периода времени вещество данного организма полностью обновляется, заменяется другими атомами вещества. Вот почему каждое органическое существо всегда то же и, однако, не то же. При более точном исследовании мы находим также, что оба полюса какой-нибудь противоположности — например, положительное и отрицательное — столь же неотделимы один от другого, как и противоположны, и что они, несмотря на *всю* противоположность между ними, взаимно проникают друг друга. Мы видим далее, что причина и следствие суть представления, которые имеют значение, как таковые, только в применении к данному отдельному случаю; но как только мы будем рассматривать

этот отдельный случай в его общей связи со всем мировым целым, эти представления сходятся и переплетаются в представлении универсального взаимодействия, в котором причины и следствия постоянно меняются местами; то, что здесь или теперь является причиной, становится там или тогда следствием и наоборот.

Все эти процессы и все эти методы мышления не укладываются в рамки метафизического мышления. Для диалектики же, для которой существенно то, что она берет вещи и их умственные отражения главным образом в их взаимной связи, в их сцеплении, в их движении, в их возникновении и исчезновении, — такие процессы, как вышеуказанные, напротив, подтверждают лишь ее собственный метод исследования. Природа является пробным камнем для диалектики, и надо сказать, что современное естествознание доставило для такой пробы чрезвычайно богатый, с каждым днем увеличивающийся материал и этим материалом доказало, что в природе все совершается в конечном счете диалектически, а не метафизически, что она движется не в вечно однородном, постоянно снова повторяющемся круге, а переживает действительную историю. Здесь прежде всего следует указать на Дарвина, который нанес сильнейший удар метафизическому взгляду на природу, доказав, что весь современный органический мир, растения и животные, а следовательно также и человек, есть продукт процесса развития, длившегося миллионы лет. Но так как и до сих пор можно по пальцам перечесть естествоиспытателей, научившихся мыслить диалектически, то этот конфликт между достигнутыми результатами и укоренившимся способом мышления вполне объясняет ту безграничную путаницу, которая господствует теперь в теоретическом естествознании и одинаково приводит в отчаяние как учителей, так и учеников, как писателей, так и читателей.

Итак, точное представление о вселенной, о ее развитии и о развитии человечества, равно как и об отражении этого развития в головах людей, может быть получено только диалектическим путем, при постоянном внимании к общему взаимодействию между возникновением и исчезновением, между прогрессивными изменениями и изменениями регрессивными. Именно в этом духе и выступила сразу же новейшая немецкая философия. Кант начал свою научную деятельность с того, что он превратил Ньютонову солнечную систему, вечную и неизменную, — после того как был однажды дан пресловутый первый толчок, — в исторический процесс: в процесс возникновения Солнца и всех планет из вращающейся туманной массы. При

этом он уже пришел к тому выводу, что возникновение солнечной системы предполагает и ее будущую неизбежную гибель. Спустя полстолетия его взгляд был математически обоснован Лапласом, а еще полустолетием позже спектроскоп доказал существование в мировом пространстве таких раскаленных газовых масс различных степеней сгущения[139].

Свое завершение эта новейшая немецкая философия нашла в системе Гегеля, великая заслуга которого состоит в том, что он впервые представил весь природный, исторический и духовный мир в виде процесса, т. е. в беспрерывном движении, изменении, преобразовании и развитии и сделал попытку раскрыть внутреннюю связь этого движения и развития. С этой точки зрения история человечества уже перестала казаться диким хаосом бессмысленных насилий, в равной мере достойных — перед судом созревшего ныне философского разума — лишь осуждения и скорейшего забвения; она, напротив, предстала как процесс развития самого человечества, и задача мышления свелась теперь к тому, чтобы проследить последовательные ступени этого процесса среди всех его блужданий и доказать внутреннюю его закономерность среди всех кажущихся случайностей.

Для нас здесь безразлично, что гегелевская система не разрешила этой поставленной перед собой задачи; ее историческая заслуга состояла в том, что она поставила эту задачу. Задача же эта такова, что она никогда не может быть разрешена отдельным человеком. Хотя Гегель, наряду с Сен-Симоном, был самым универсальным умом своего времени, но он все-таки был ограничен, во-первых, неизбежными пределами своих собственных знаний, а во-вторых, знаниями и воззрениями своей эпохи, точно так же ограниченными в отношении объема и глубины. Но к этому присоединилось еще третье обстоятельство. Гегель был идеалист, т. е. для него мысли нашей головы были не отражениями, более или менее абстрактными, действительных вещей и процессов, а, наоборот, вещи и развитие их были для Гегеля лишь воплотившимися отражениями какой-то «идеи», существовавшей где-то еще до возникновения мира. Тем самым все было поставлено на голову, и действительная связь мировых явлений была совершенно извращена. И поэтому, как бы верно и гениально ни были схвачены Гегелем некоторые отдельные связи явлений, все же многое и в частностях его системы должно было по упомянутым причинам оказаться натянутым, искусственным, надуманным, словом — извращенным. Гегелевская система как таковая была колоссальным недоноском, но зато и последним в своем роде. А именно,

она еще страдала неизлечимым внутренним противоречием: с одной стороны, ее существенной предпосылкой было воззрение на человеческую историю как на процесс развития, который по самой своей природе не может найти умственного завершения в открытии так называемой абсолютной истины; но, с другой стороны, его система претендует быть именно завершением этой абсолютной истины. Всеобъемлющая, раз навсегда законченная система познания природы и истории противоречит основным законам диалектического мышления, но это, однако, отнюдь не исключает, а, напротив, предполагает, что систематическое познание всего внешнего мира может делать гигантские успехи с каждым поколением.

Уразумение того, что существующий немецкий идеализм совершенно ложен, неизбежно привело к материализму, но, следует заметить, не просто к метафизическому, исключительно механическому материализму XVIII века. В противоположность наивно революционному, простому отбрасыванию всей прежней истории, современный материализм видит в истории процесс развития человечества и ставит своей задачей открытие законов движения этого процесса. Как у французов XVIII века, так еще и у Гегеля господствовало представление о природе, как о всегда равном себе целом, движущемся в одних и тех же ограниченных кругах, с вечными мировыми телами, как учил Ньютон, и с неизменными видами органических существ, как учил Линней; в противоположность этому представлению о природе современный материализм обобщает новейшие успехи естествознания, согласно которым природа тоже имеет свою историю во времени, небесные тела возникают и исчезают, как и все те виды организмов, которые при благоприятных условиях населяют эти тела, а круговороты, поскольку они вообще могут иметь место, приобретают бесконечно более грандиозные размеры. В обоих случаях современный материализм является по существу диалектическим и не нуждается больше в стоящей над прочими науками философии. Как только перед каждой отдельной наукой ставится требование выяснить свое место во всеобщей связи вещей и знаний о вещах, какая-либо особая наука об этой всеобщей связи становится излишней. И тогда из всей прежней философии самостоятельное существование сохраняет еще учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика. Все остальное входит в положительную науку о природе и истории.

Но в то время как указанный переворот в воззрениях на природу мог совершаться лишь по мере того, как исследования доставляли соответствующий положительный материал

для познания, — уже значительно раньше совершились исторические события, вызвавшие решительный поворот в понимании истории. В 1831 г. в Лионе произошло первое рабочее восстание; в период с 1838 по 1842 г. первое национальное рабочее движение, движение английских чартистов, достигло своей высшей точки. Классовая борьба между пролетариатом и буржуазией выступала на первый план в истории наиболее развитых стран Европы, по мере того, как там развивались, с одной стороны, крупная промышленность, а с другой — недавно завоеванное политическое господство буржуазии. Факты все с большей и большей наглядностью показывали всю лживость учения буржуазной политической экономии о тождестве интересов капитала и труда, о всеобщей гармонии и о всеобщем благоденствии народа как следствии свободной конкуренции. Невозможно уже было не считаться со всеми этими фактами, равно как и с французским и английским социализмом, который являлся их теоретическим, хотя и крайне несовершенным, выражением. Но старое, еще не вытесненное, идеалистическое понимание истории не знало никакой классовой борьбы, основанной на материальных интересах, и вообще никаких материальных интересов; производство и все экономические отношения упоминались лишь между прочим, как второстепенные элементы «истории культуры».

Новые факты заставили подвергнуть всю прежнюю историю новому исследованию, и тогда выяснилось, что *вся* прежняя история, за исключением первобытного состояния, была историей борьбы классов, что эти борющиеся друг с другом общественные классы являются в каждый данный момент продуктом отношений производства и обмена, словом — *экономических* отношений своей эпохи; следовательно, выяснилось, что экономическая структура общества каждой данной эпохи образует ту реальную основу, которой и объясняется в конечном счете вся надстройка, состоящая из правовых и политических учреждений, равно как и из религиозных, философских и иных воззрений каждого данного исторического периода. Гегель освободил от метафизики понимание истории, он сделал его диалектическим, но его понимание истории было по своей сущности идеалистическим. Теперь идеализм был изгнан из своего последнего убежища, из понимания истории, было дано материалистическое понимание истории, и был найден путь для объяснения сознания людей из их бытия вместо прежнего объяснения их бытия из их сознания.

Поэтому социализм теперь стал рассматриваться не как случайное открытие того или другого гениального ума, а как

необходимый результат борьбы двух исторически образовавшихся классов — пролетариата и буржуазии. Его задача заключается уже не в том, чтобы сконструировать возможно более совершенную систему общества, а в том, чтобы исследовать историко-экономический процесс, необходимым следствием которого явились названные классы с их взаимной борьбой, и чтобы в экономическом положении, созданном этим процессом, найти средства для разрешения конфликта. Но прежний социализм был так же несовместим с этим материалистическим пониманием истории, как несовместимо было с диалектикой и с новейшим естествознанием понимание природы французскими материалистами. Прежний социализм, хотя и критиковал существующий капиталистический способ производства и его последствия, но он не мог объяснить его, а следовательно, и справиться с ним, — он мог лишь просто объявить его никуда не годным. Чем более возмущался он неизбежной при этом способе производства эксплуатацией рабочего класса, тем менее был он в состоянии ясно указать, в чем состоит эта эксплуатация и как она возникает. Но задача заключалась в том, чтобы, с одной стороны, объяснить неизбежность возникновения капиталистического способа производства в его исторической связи и необходимость его для определенного исторического периода, а поэтому и неизбежность его гибели, а с другой — в том, чтобы обнажить также внутренний, до сих пор еще не раскрытый характер этого способа производства. Это было сделано благодаря открытию *прибавочной стоимости.* Было доказано, что присвоение неоплаченного труда есть основная форма капиталистического способа производства и осуществляемой им эксплуатации рабочих; что даже в том случае, когда капиталист покупает рабочую силу по полной стоимости, какую она в качестве товара имеет на товарном рынке, он все же выколачивает из нее стоимость больше той, которую он заплатил за нее, и что эта прибавочная стоимость в конечном счете и образует ту сумму стоимости, из которой накапливается в руках имущих классов постоянно возрастающая масса капитала. Таким образом, было объяснено, как совершается капиталистическое производство и как производится капитал.

Этими двумя великими открытиями — материалистическим пониманием истории и разоблачением тайны капиталистического производства посредством прибавочной стоимости — мы обязаны *Марксу.* Благодаря этим открытиям социализм стал наукой, и теперь дело прежде всего в том, чтобы разработать ее дальше во всех ее частностях и взаимосвязях.

III

Материалистическое понимание истории исходит из того сложения, что производство, а вслед за производством обмен его продуктов, составляет основу всякого общественного строя; что в каждом выступающем в истории обществе распределение продуктов, а вместе с ним и разделение общества на классы или сословия, определяется тем, что и как производится, и как эти продукты производства обмениваются. Таким образом, конечных причин всех общественных изменений и политических переворотов надо искать не в головах людей, не в возрастающем понимании ими вечной истины и справедливости, а в изменениях способа производства и обмена; их надо искать не в *философии,* а в *экономике* соответствующей эпохи. Пробуждающееся понимание того, что существующие общественные установления неразумны и несправедливы, что «разумное стало бессмысленным, благо стало мучением»*, — является лишь симптомом того, что в методах производства и в формах обмена незаметно произошли такие изменения, которым уже не соответствует общественный строй, скроенный по старым экономическим условиям. Отсюда вытекает также и то, что средства для устранения обнаруженных зол должны быть тоже налицо — в более или менее развитом виде — в самих изменившихся производственных отношениях. Надо не *изобретать* эти средства из головы, а *открывать* их при помощи головы в наличных материальных фактах производства.

Итак, как же, в связи с этим, обстоит дело с современным социализмом?

Всеми уже, пожалуй, признано, что существующий общественный строй создан господствующим теперь классом — буржуазией. Свойственный буржуазии способ производства, назы-

* Гёте. «Фауст», Часть I, сцена четвертая («Кабинет Фауста»). *Ред.*

ваемый со времени Маркса капиталистическим способом производства, был несовместим с местными и сословными привилегиями, равно как и с взаимными личными узами феодального строя; буржуазия разрушила феодальный строй и воздвигла на его развалинах буржуазный общественный строй, царство свободной конкуренции, свободы передвижения, равноправия товаровладельцев, — словом, всех буржуазных прелестей. Капиталистический способ производства мог теперь развиваться свободно. С тех пор как пар и новые рабочие машины превратили старую мануфактуру в крупную промышленность, созданные под управлением буржуазии производительные силы стали развиваться с неслыханной прежде быстротой и в небывалых размерах. Но точно так же, как в свое время мануфактура и усовершенствовавшиеся под ее влиянием ремесла пришли в конфликт с феодальными оковами цехов, так и крупная промышленность в своем более полном развитии приходит в конфликт с теми узкими рамками, в которые ее втискивает капиталистический способ производства. Новые производительные силы уже переросли буржуазную форму их использования. И этот конфликт между производительными силами и способом производства вовсе не такой конфликт, который возник только в головах людей — подобно конфликту между человеческим первородным грехом и божественной справедливостью, — а существует в действительности, объективно, вне нас, независимо от воли или поведения даже тех людей, деятельностью которых он создан. Современный социализм есть не что иное, как отражение в мышлении этого фактического конфликта, идеальное отражение его в головах прежде всего того класса, который страдает от него непосредственно, — рабочего класса.

В чем же состоит этот конфликт?

До появления капиталистического производства, т. е. в средние века, всюду существовало мелкое производство, основой которого была частная собственность работников на их средства производства: в деревне — земледелие мелких крестьян, свободных или крепостных, в городе — ремесло. Средства труда — земля, земледельческие орудия, мастерские, ремесленные инструменты — были средствами труда отдельных лиц, рассчитанными лишь на единоличное употребление, и, следовательно, по необходимости оставались мелкими, карликовыми, ограниченными. Но потому-то они, как правило, и принадлежали самому производителю. Сконцентрировать, укрупнить эти раздробленные, мелкие средства производства, превратить их в современные могучие рычаги производства — такова как раз

и была историческая роль капиталистического способа производства и его носительницы — буржуазии. Как она исторически выполнила эту роль, начиная с XV века, на трех различных ступенях производства: простой кооперации, мануфактуры и крупной промышленности, — подробно изображено Марксом в IV отделе «Капитала»[140]. Но буржуазия, как установил Маркс там же, не могла превратить эти ограниченные средства производства в мощные производительные силы, не превращая их из средств производства, применяемых отдельными лицами, в *общественные* средства производства, применяемые лишь *совместно массой людей.* Вместо самопрялки, ручного ткацкого станка, кузнечного молота появились прядильная машина, механический ткацкий станок, паровой молот; вместо отдельной мастерской — фабрика, требующая совместного труда сотен и тысяч рабочих. Подобно средствам производства, и само производство превратилось из ряда разрозненных действий в ряд общественных действий, а продукты — из продуктов отдельных лиц в продукты общественные. Пряжа, ткани, металлические товары, выходящие теперь с фабрик и заводов, представляют собой продукт совместного труда множества рабочих, через руки которых они должны были последовательно пройти, прежде чем стали готовыми. Никто в отдельности не может сказать о них: «Это сделал я, это *мой* продукт».

Но там, где основной формой производства является стихийно сложившееся разделение труда в обществе, возникшее постепенно, без всякого плана, там это разделение труда неизбежно придает продуктам форму *товаров,* взаимный обмен которых, купля и продажа, дает возможность отдельным производителям удовлетворять свои разнообразные потребности. Так и было в средние века. Крестьянин, например, продавал ремесленнику земледельческие продукты и покупал у него ремесленные изделия. В это общество отдельных производителей, товаропроизводителей, и вклинился новый способ производства. Среди стихийно сложившегося, *беспланового* разделения труда, господствующего во всем обществе, он установил *планомерное* разделение труда, организованное на каждой отдельной фабрике; рядом с производством *отдельных* производителей появилось *общественное* производство. Продукты того и другого продавались на одном и том же рынке, а следовательно, по ценам, по крайней мере, приблизительно одинаковым. Но планомерная организация оказалась могущественнее стихийно сложившегося разделения труда; на фабриках, применявших общественный труд, изготовление продуктов обходилось дешевле, чем у разрозненных мелких производи-

телей. Производство отдельных производителей побивалось в одной области за другой, общественное производство революционизировало весь старый способ производства. Однако этот революционный характер общественного производства так мало сознавался, что оно, напротив, вводилось именно ради усиления и расширения товарного производства. Оно возникло в непосредственной связи с определенными, уже до него существовавшими рычагами производства и обмена товаров: купеческим капиталом, ремеслом и наемным трудом. Ввиду того что оно само выступало как новая форма товарного производства, свойственные товарному производству формы присвоения сохраняли свою полную силу также и для него.

При той форме товарного производства, которая развивалась в средние века, вопрос о том, кому должен принадлежать продукт труда, не мог даже и возникнуть. Он изготовлялся отдельным производителем обыкновенно из собственного сырья, часто им же самим произведенного, при помощи собственных средств труда и собственными руками или руками семьи. Такому производителю незачем было присваивать себе этот продукт, он принадлежал ему по самому существу дела. Следовательно, право собственности на продукты покоилось *на собственном труде.* Даже там, где пользовались посторонней помощью, она, как правило, играла лишь побочную роль и зачастую вознаграждалась помимо заработной платы еще и иным путем: цеховой ученик и подмастерье работали не столько ради содержания и платы, сколько ради собственного обучения и подготовки к званию самостоятельного мастера. Но вот началась концентрация средств производства в больших мастерских и мануфактурах, превращение их по сути дела в общественные средства производства. С этими общественными средствами производства и продуктами продолжали, однако, поступать так, как будто они по-прежнему оставались средствами производства и продуктами отдельных лиц. Если до сих пор собственник средств труда присваивал продукт потому, что это был, как правило, его собственный продукт, а чужой вспомогательный труд был исключением, то теперь собственник средств труда продолжал присваивать себе продукт, хотя последний являлся уже не *его* продуктом, а исключительно продуктом *чужого труда.* Таким образом, продукты общественного труда стали присваиваться не теми, кто действительно приводил в движение средства производства и действительно был производителем этих продуктов, а *капиталистом.* Средства производства и производство по существу стали общественными. Но они остаются подчиненными той форме присвоения,

которая своей предпосылкой имеет частное производство отдельных производителей, когда каждый, следовательно, является владельцем своего продукта и выносит его на рынок. Способ производства подчиняется этой форме присвоения, несмотря на то, что он уничтожает ее предпосылки*. В этом противоречии, которое придает новому способу производства его капиталистический характер, *уже содержатся в зародыше все коллизии современности.* И чем полнее становилось господство нового способа производства во всех решающих отраслях производства и во всех экономически господствующих странах, сводя тем самым производство отдельных производителей к незначительным остаткам, *тем резче должна была выступать и несовместимость общественного производства с капиталистическим присвоением.*

Первые капиталисты застали, как мы видели, форму наемного труда уже существующей. Но наемный труд существовал лишь в виде исключения, побочного занятия, подсобного промысла, переходного положения. Земледелец, нанимавшийся время от времени на поденную работу, имел свой собственный клочок земли, который на худой конец и один мог его прокормить. Цеховые уставы заботились о том, чтобы сегодняшний подмастерье завтра становился мастером. Но все изменилось, как только средства производства превратились в общественные и сконцентрировались в руках капиталистов. Средства производства и продукты мелкого отдельного производителя все более и более обесценивались, и ему не оставалось ничего иного, как наниматься к капиталисту. Наемный труд, существовавший раньше в виде исключения и подсобного промысла, стал правилом и основной формой всего производства; из побочного занятия, каким он был прежде, он превратился теперь в единственную деятельность работника. Работник, нанимающийся время от времени, превратился в пожизненного наемного рабочего. Масса пожизненных наемных рабочих к тому же чрезвычайно увеличилась благодаря одновременному крушению феодального строя, роспуску свит феодалов, изгнанию крестьян из их усадеб и т. д. Произошел полный разрыв между средствами производства, сконцентрированными в ру-

* Нет надобности разъяснять здесь, что если *форма* присвоения и остается прежней, то *характер* присвоения претерпевает вследствие вышеописанного процесса не меньшую революцию, чем характер производства. Присваиваю ли я продукт своего собственного или продукт чужого труда — это, конечно, два весьма различных вида присвоения. Заметим мимоходом, что наемный труд, в котором уже содержится в зародыше весь капиталистический способ производства, существует с давних времен; в единичной, случайной форме он существовал в течение столетий рядом с рабством. Но этот зародыш мог развиться в капиталистический способ производства только тогда, когда были созданы необходимые для этого исторические предпосылки.

ках капиталистов, с одной стороны, и производителями, лишенными всего, кроме своей рабочей силы, с другой стороны, Противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением выступает наружу как антагонизм между пролетариатом и буржуазией.

Мы видели, что капиталистический способ производства вклинился в общество, состоявшее из товаропроизводителей, отдельных производителей, общественная связь между которыми осуществлялась посредством обмена их продуктов. Но особенность каждого общества, основанного на товарном производстве, заключается в том, что в нем производители теряют власть над своими собственными общественными отношениями. Каждый производит сам по себе, случайно имеющимися у него средствами производства и для своей индивидуальной потребности в обмене. Никто не знает, сколько появится на рынке того продукта, который он производит, и в каком количестве этот продукт вообще может найти потребителей; никто не знает, существует ли действительная потребность в производимом им продукте, окупятся ли его издержки производства, да и вообще будет ли его продукт продан. В общественном производстве господствует анархия. Но товарное производство, как и всякая другая форма производства, имеет свои особые, внутренне присущие ему и неотделимые от него законы; и эти законы прокладывают себе путь вопреки анархии, в самой этой анархии, через нее. Эти законы проявляются в единственно сохранившейся форме общественной связи — в обмене — и действуют на отдельных производителей как принудительные законы конкуренции. Они, следовательно, сначала неизвестны даже самим производителям и могут быть открыты ими лишь постепенно, путем долгого опыта. Следовательно, они прокладывают себе путь помимо производителей и против производителей, как слепо действующие естественные законы их формы производства. Продукт господствует над производителями.

В средневековом обществе, в особенности в первые столетия, производство было направлено, главным образом, на собственное потребление. Оно удовлетворяло по преимуществу только потребности самого производителя и его семьи. Там же, где, как в деревне, существовали отношения личной зависимости, производство удовлетворяло также потребности феодала. Следовательно, здесь не существовало никакого обмена, и продукты не принимали характера товаров. Крестьянская семья производила почти все, в чем она нуждалась: орудия и одежду, так же как и предметы питания. Производить на продажу она начала

только тогда, когда стала производить излишек сверх собственного потребления и уплаты натуральных повинностей феодалу; этот излишек, пущенный в общественный обмен, предназначенный для продажи, становился товаром. Городские ремесленники должны были, конечно, уже с самого начала производить для обмена. Но и они добывали большую часть нужных для собственного потребления предметов своим личным трудом: они имели огороды и небольшие поля, пасли свой скот в общинном лесу, который, кроме того, доставлял им строительный материал и топливо; женщины пряли лен, шерсть и т. д. Производство с целью обмена, товарное производство еще только возникало. Отсюда — ограниченность обмена, ограниченность рынка, стабильность способа производства, местная замкнутость по отношению к внешнему миру, местное объединение внутри: марка[*] в деревне, цех в городе.

С расширением же товарного производства и в особенности с появлением капиталистического способа производства дремавшие раньше законы товарного производства стали действовать более открыто и властно. Старые связи были расшатаны, былые перегородки разрушены, и производители все более и более превращались в независимых разрозненных товаропроизводителей. Анархия общественного производства выступила наружу и принимала все более и более острый характер. А между тем главное орудие, с помощью которого капиталистический способ производства усиливал анархию в общественном производстве, представляло собой прямую противоположность анархии: это была растущая организация производства как производства общественного на каждом отдельном производственном предприятии. С помощью этого рычага капиталистический способ производства покончил со старой мирной стабильностью. Проникая в ту или иную отрасль промышленности, он изгонял из нее старые методы производства. Овладевая ремеслом, он уничтожал старое ремесло. Поле труда стало полем битвы. Великие географические открытия и последовавшая за ними колонизация увеличили во много раз область сбыта и ускорили превращение ремесла в мануфактуру. Борьба разгоралась уже не только между местными отдельными производителями; местные схватки разрослись, в свою очередь, до размеров борьбы между нациями, до торговых войн XVII и XVIII веков[141]. Наконец, крупная промышленность и возникновение мирового рынка сделали эту борьбу всеобщей и в то же время

[*] См. приложение в конце. [Здесь Энгельс делает ссылку на свою работу «Марка». См. настоящий том, стр. 327—345. *Ред.*]

придали ей неслыханную ожесточенность. В отношениях между отдельными капиталистами, как и между целыми отраслями производства и между целыми странами, вопрос о существовании решается тем, обладают ли они выгодными, естественными или искусственно созданными, условиями производства. Побежденные безжалостно устраняются. Это — дарвиновская борьба за отдельное существование, перенесенная — с удесятеренной яростью — из природы в общество. Естественное состояние животных выступает как венец человеческого развития. Противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением воспроизводится как *противоположность между организацией производства на отдельных фабриках и анархией производства во всем обществе.*

В этих обеих формах проявления противоречия, присущего капиталистическому способу производства в силу его происхождения, безвыходно движется этот способ производства, описывая «порочный круг», который открыл в нем уже Фурье. Но Фурье в свое время еще не мог, конечно, видеть, что этот круг постепенно суживается, что движение производства идет скорее по спирали и, подобно движению планет, должно закончиться столкновением с центром. Движущая сила общественной анархии производства все более и более превращает большинство человечества в пролетариев, а пролетарские массы, в свою очередь, уничтожат в конце концов анархию производства. Та же движущая сила социальной анархии производства превращает возможность бесконечного усовершенствования машин, применяемых в крупной промышленности, в принудительный закон для каждого отдельного промышленного капиталиста, в закон, повелевающий ему беспрерывно совершенствовать свои машины под страхом гибели. Но усовершенствование машин делает излишним определенное количество человеческого труда. Если введение и распространение машин означало вытеснение миллионов работников ручного труда немногими рабочими при машинах, то усовершенствование машин означает вытеснение все большего и большего количества самих рабочих машинного труда и, в конечном счете, образование усиленного предложения рабочих рук, превышающего средний спрос на них со стороны капитала. Масса незанятых рабочих образует настоящую промышленную резервную армию, как я назвал ее еще в 1845 г.[*], поступающую в распоряжение

[*] «Положение рабочего класса в Англии», стр. 109 [см. настоящее издание, т. 2, стр. 320. *Ред.*].

производства, когда оно работает на всех парах, и выбрасываемую на мостовую в результате неизбежно следующего за этим краха; эта армия, постоянно висящая свинцовой гирей на ногах рабочего класса в борьбе за существование между ним и капиталом, служит регулятором заработной платы, удерживая ее на низком уровне, соответственно потребности капитала. Таким образом, выходит, что машина, говоря словами Маркса, становится самым мощным боевым средством капитала против рабочего класса, что средство труда постоянно вырывает из рук рабочего жизненные средства и собственный продукт рабочего превращается в орудие его порабощения[142]. Это приводит к тому, что экономия на средствах труда с самого начала является, вместе с тем, беспощаднейшим расточением рабочей силы и хищничеством по отношению к нормальным условиям функционирования труда[143]; что машина, это сильнейшее средство сокращения рабочего времени, превращается в самое верное средство для того, чтобы обратить всю жизнь рабочего и его семьи в потенциальное рабочее время для увеличения стоимости капитала. Вот почему чрезмерный труд одной части рабочего класса обусловливает полную безработицу другой его части, а крупная промышленность, по всему свету гоняющаяся за потребителями, ограничивает у себя дома потребление рабочих масс голодным минимумом и таким образом подрывает свой собственный внутренний рынок. «Закон, поддерживающий относительное перенаселение, или промышленную резервную армию, в равновесии с размерами и энергией накопления капитала, приковывает рабочего к капиталу крепче, чем молот Гефеста приковал Прометея к скале. Он обусловливает накопление нищеты, соответственное накоплению капитала. Следовательно, накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, огрубения и моральной деградации на противоположном полюсе, т. е. на стороне класса, который *производит свой собственный продукт как капитал»* (Маркс, «Капитал», стр. 671)[144]. Ждать от капиталистического способа производства иного распределения продуктов имело бы такой же смысл, как требовать, чтобы электроды батареи, оставаясь соединенными с ней, перестали разлагать воду и собирать на положительном полюсе кислород, а на отрицательном — водород.

Мы видели, как способность современных машин к усовершенствованию, доведенная до высочайшей степени, превращается, вследствие анархии производства в обществе, в принудительный закон, заставляющий отдельных промышленных капиталистов постоянно улучшать свои машины, постоянно

увеличивать их производительную силу. В такой же принудительный закон превращается для них и простая фактическая возможность расширять размеры своего производства. Огромная способность крупной промышленности к расширению, перед которой расширяемость газов оказывается настоящей детской забавой, проявляется теперь в виде *потребности* расширять эту промышленность и качественно, и количественно,— потребности, не считающейся ни с каким противодействием. Это противодействие образуется потреблением, сбытом, рынками для продуктов крупной промышленности. Способность же рынков как к экстенсивному, так и к интенсивному расширению определяется совсем иными законами, действующими с гораздо меньшей энергией. Расширение рынков не может поспевать за расширением производства. Коллизия становится неизбежной, и так как она не в состоянии разрешить конфликт до тех пор, пока не взорвет самый капиталистический способ производства, то она становится периодической. Капиталистическое производство порождает новый «порочный круг».

И действительно, начиная с 1825 г., когда разразился первый общий кризис, весь промышленный и торговый мир, производство и обмен всех цивилизованных народов вместе с их более или менее варварскими придатками приблизительно раз в десять лет сходят с рельсов. В торговле наступает застой, рынки переполняются массой не находящих сбыта продуктов, наличные деньги исчезают из обращения, кредит прекращается, фабрики останавливаются, рабочие лишаются жизненных средств, ибо они произвели эти средства в слишком большом количестве; банкротства следуют за банкротствами, аукционы сменяются аукционами. Застой длится годами, массы производительных сил и продуктов расточаются и уничтожаются, пока накопившиеся массы товаров по более или менее сниженным ценам не разойдутся, наконец, и не возобновится постепенно движение производства и обмена. Мало-помалу движение это ускоряется, шаг сменяется рысью, промышленная рысь переходит в галоп, уступающий свое место бешеному карьеру, настоящей скачке с препятствиями, охватывающей промышленность, торговлю, кредит и спекуляцию, чтобы в конце концов после самых отчаянных скачков снова свалиться в бездну краха. И так постоянно сызнова. С 1825 г. мы уже пять раз пережили этот круговорот и теперь (в 1877 г.) переживаем его в шестой раз. Характер этих кризисов выражен до такой степени ярко, что Фурье уловил суть всех этих кризисов, назвав первый из них crise pléthorique, кризисом от изобилия[145].

В кризисах с неудержимой силой прорывается наружу противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением. Обращение товаров на время прекращается; средство обращения — деньги — становится тормозом обращения; все законы производства и обращения товаров действуют навыворот. Экономическая коллизия достигает своей высшей точки: *способ производства восстает против способа обмена.*

Тот факт, что общественная организация производства внутри фабрик достигла такой степени развития, что стала несовместимой с существующей рядом *с* ней и над ней анархией производства в обществе, — этот факт становится осязательным для самих капиталистов благодаря насильственной концентрации капиталов, совершающейся во время кризисов посредством разорения многих крупных и еще большего числа мелких капиталистов. Весь механизм капиталистического способа производства отказывается служить под тяжестью им же самим созданных производительных сил. Он не может уже превращать в капитал всю массу средств производства; они остаются без употребления, а потому вынуждена бездействовать и промышленная резервная армия. Средства производства, жизненные средства, рабочие, находящиеся в распоряжении капитала, — все элементы производства и общего благосостояния имеются в изобилии. Но «изобилие становится источником нужды и лишений» (Фурье), потому что именно оно-то и препятствует превращению средств производства и жизненных средств в капитал. Ибо в капиталистическом обществе средства производства не могут вступать в действие иначе, как превратившись сначала в капитал, в средство эксплуатации человеческой рабочей силы. Как призрак, стоит между рабочими, с одной стороны, и средствами производства и жизненными средствами, с другой, необходимость превращения этих средств в капитал. Она одна препятствует соединению вещественных и личных рычагов производства; она одна мешает средствам производства действовать, а рабочим — трудиться и жить. Следовательно, с одной стороны, капиталистический способ производства изобличается в своей собственной неспособности к дальнейшему управлению производительными силами. С другой стороны, сами производительные силы с возрастающей мощью стремятся к уничтожению этого противоречия, к освобождению себя от всего того, что свойственно им в качестве капитала, *к фактическому признанию их характера как общественных производительных сил.*

Это противодействие мощно возрастающих производительных сил их капиталистическому характеру, эта возрастающая необходимость признания их общественной природы принуждает класс самих капиталистов все чаще и чаще обращаться с ними, насколько это вообще возможно при капиталистических отношениях, как с общественными производительными силами. Как периоды промышленной горячки с их безгранично раздутым кредитом, так и самые крахи, разрушающие крупные капиталистические предприятия, приводят к такой форме обобществления больших масс средств производства, какую мы встречаем в различного рода акционерных обществах. Некоторые из этих средств производства и сообщения, как, например, железные дороги, сами по себе до того колоссальны, что они исключают всякую другую форму капиталистической эксплуатации. На известной ступени развития становится недостаточной и эта форма; все крупные производители одной и той же отрасли промышленности данной страны объединяются в один «трест», в союз, с целью регулирования производства. Они определяют общую сумму того, что должно быть произведено, распределяют ее между собой и навязывают наперед установленную продажную цену. А так как эти тресты при первой заминке в делах большей частью распадаются, то они тем самым вызывают еще более концентрированное обобществление: целая отрасль промышленности превращается в одно сплошное колоссальное акционерное общество, конкуренция внутри страны уступает место монополии этого общества внутри данной страны. Так это и случилось в 1890 г. с английским производством щелочей, которое после слияния всех 48 крупных фабрик перешло в руки единственного, руководимого единым центром, общества с капиталом в 120 миллионов марок.

В трестах свободная конкуренция превращается в монополию, а бесплановое производство капиталистического общества капитулирует перед плановым производством грядущего социалистического общества. Правда, сначала только на пользу и к выгоде капиталистов. Но в этой своей форме эксплуатация становится настолько осязательной, что должна рухнуть. Ни один народ не согласился бы долго мириться с производством, руководимым трестами с их неприкрытой эксплуатацией всего общества небольшой шайкой лиц, живущих стрижкой купонов.

Так или иначе, с трестами или без трестов, в конце концов государство как официальный представитель капиталистического общества вынуждено* взять на себя руководство

* Я говорю *«вынуждено»,* так как лишь в том случае, когда средства производства или сообщения *действительно* перерастут управление акционерных обществ, когда их огосударствление станет *экономически* неизбежным, только тогда — даже если его совершит современное государство — оно будет экономическим про-

производством. Эта необходимость превращения в государственную собственность наступает прежде всего для крупных средств сообщения: почты, телеграфа и железных дорог.

Если кризисы выявили неспособность буржуазии к дальнейшему управлению современными производительными силами, то переход крупных производственных предприятий и средств сообщения в руки акционерных обществ, трестов и в государственную собственность доказывает ненужность буржуазии для этой цели. Все общественные функции капиталиста выполняются теперь наемными служащими. Для капиталиста не осталось другой общественной деятельности, кроме загребания доходов, стрижки купонов и игры на бирже, где различные капиталисты отнимают друг у друга капиталы. Если раньше капиталистический способ производства вытеснял рабочих, то теперь он вытесняет и капиталистов, правда, пока еще не в промышленную резервную армию, а только в разряд излишнего населения.

Но ни переход в руки акционерных обществ и трестов, ни превращение в государственную собственность не уничтожают капиталистического характера производительных сил. Относительно акционерных обществ и трестов это совершенно очевидно. А современное государство опять-таки есть лишь организация, которую создает себе буржуазное общество для охраны общих внешних условий капиталистического способа производства от посягательств как рабочих, так и отдельных капиталистов. Современное государство, какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист.

грессом, новым шагом по пути к тому, чтобы само общество взяло в свое владение все производительные силы. Но в последнее время, с тех пор как Бисмарк бросился на путь огосударствления, появился особого рода фальшивый социализм, выродившийся местами в своеобразный вид добровольного лакейства, объявляющий без околичностей социалистическим *всякое* огосударствление, даже бисмарковское. Если государственная табачная монополия есть социализм, то Наполеон и Меттерних несомненно должны быть занесены в число основателей социализма. Когда бельгийское государство, из самых обыденных политических и финансовых соображений, само взялось за постройку главных железных дорог; когда Бисмарк без малейшей экономической необходимости превратил в государственную собственность главнейшие прусские железнодорожные линии просто ради удобства приспособления и использования их в случае войны, для того чтобы вышколить железнодорожных чиновников и сделать из них послушно вотирующее за правительство стадо, а главным образом для того, чтобы иметь новый, независимый от парламента источник дохода, — то все это ни в коем случае не было шагом к социализму, ни прямым, ни косвенным, ни сознательным, ни бессознательным. Иначе должны быть признаны социалистическими учреждениями королевская Seehandlung[146], королевская фарфоровая мануфактура и даже ротные швальни в армии, или даже всерьез предложенное при Фридрихе-Вильгельме III в тридцатых годах каким-то умником огосударствление... домов терпимости.

Чем больше производительных сил возьмет оно в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать. Рабочие останутся наемными рабочими, пролетариями. Капиталистические отношения не уничтожаются, а, наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки. Но на высшей точке происходит переворот. Государственная собственность на производительные силы не разрешает конфликта, но она содержит в себе формальное средство, возможность его разрешения.

Это разрешение может состоять лишь в том, что общественная природа современных производительных сил будет признана на деле и что, следовательно, способ производства, присвоения и обмена будет приведен в соответствие с общественным характером средств производства. А это может произойти только таким путем, что общество открыто и не прибегая ни к каким окольным путям возьмет в свое владение производительные силы, переросшие всякий другой способ управления ими, кроме общественного. Тем самым общественный характер средств производства и продуктов, который теперь оборачивается против самих производителей и периодически потрясает способ производства и обмена, прокладывая себе путь только как слепо действующий закон природы, насильственно и разрушительно, — этот общественный характер будет тогда использован производителями с полной сознательностью и превратится из причины расстройств и периодических крахов в сильнейший рычаг самого производства.

Общественные силы, подобно силам природы, действуют слепо, насильственно, разрушительно, пока мы не познали их и не считаемся с ними. Но раз мы познали их, поняли их действие, направление и влияние, то только от нас самих зависит Подчинять их все более и более нашей воле и с их помощью достигать наших целей. Это в особенности относится к современным могучим производительным силам. Пока мы упорно отказываемся понимать их природу и характер, — а этому пониманию противятся капиталистический способ производства и его защитники, — до тех пор производительные силы действуют вопреки нам, против нас, до тех пор они властвуют над нами, как это подробно показано выше. Но раз понята их природа, они могут превратиться в руках ассоциированных производителей из демонических повелителей в покорных слуг. Здесь та же разница, что между разрушительной силой электричества в грозовой молнии и укрощенным электричеством в телеграфном аппарате и дуговой лампе, та же разница, что между пожаром и огнем, действующим на службе человека. Когда

с современными производительными силами станут обращаться сообразно с их познанной, наконец, природой, общественная анархия в производстве заменится общественно-планомерным регулированием производства сообразно потребностям как общества в целом, так и каждого его члена в отдельности. Тогда капиталистический способ присвоения, при котором продукт порабощает сперва производителя, а затем и присвоителя, будет заменен новым способом присвоения продуктов, основанным на самой природе современных средств производства: с одной стороны, прямым общественным присвоением продуктов в качестве средств для поддержания и расширения производства, а с другой — прямым индивидуальным присвоением их в качестве средств к жизни и наслаждению.

Все более и более превращая громадное большинство населения в пролетариев, капиталистический способ производства создает силу, которая под угрозой гибели вынуждена совершить этот переворот. Заставляя все более и более превращать в государственную собственность крупные обобществленные средства производства, капиталистический способ производства сам указывает путь к совершению этого переворота. *Пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность.* Но тем самым он уничтожает самого себя как пролетариат, тем самым он уничтожает все классовые различия и классовые противоположности, а вместе с тем и государство как государство. Существовавшему и существующему до сих пор обществу, которое движется в классовых противоположностях, было необходимо государство, т. е. организация эксплуататорского класса для поддержания его внешних условий производства, значит, в особенности для насильственного удержания эксплуатируемого класса в определяемых данным способом производства условиях подавления (рабство, крепостничество или феодальная зависимость, наемный труд). Государство было официальным представителем всего общества, его сосредоточением в видимой корпорации, но оно было таковым лишь постольку, поскольку оно было государством того класса, который для своей эпохи один представлял все общество: в древности оно было государством рабовладельцев — граждан государства, в средние века — феодального дворянства, в наше время — буржуазии. Когда государство наконец-то становится действительно представителем всего общества, тогда оно само себя делает излишним. С того времени, когда не будет ни одного общественного класса, который надо бы было держать в подавлении, с того времени, когда исчезнут вместе с классовым

господством, вместе с борьбой за отдельное существование, порождаемой теперешней анархией в производстве, те столкновения и эксцессы, которые проистекают из этой борьбы, — с этого времени нечего будет подавлять, не будет и надобности в особой силе для подавления, в государстве. Первый акт, в котором государство выступает действительно как представитель всего общества — взятие во владение средств производства от имени общества, — является в то же время последним самостоятельным актом его как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения становится тогда в одной области за другой излишним и само собой засыпает. На место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами. Государство не «отменяется», *оно отмирает.* На основании этого следует оценивать фразу про «свободное народное государство»[147], фразу, имевшую до известной поры право на существование в качестве агитационного средства, но в конечном счете научно несостоятельную. На основании этого следует оценивать также требование так называемых анархистов, чтобы государство было отменено с сегодня на завтра.

С тех пор как на историческую сцену выступил капиталистический способ производства, взятие обществом всех средств производства в свое владение часто представлялось в виде более или менее туманного идеала будущего как отдельным личностям, так и целым сектам. Но оно стало возможным, стало исторической необходимостью лишь тогда, когда фактические условия его проведения в жизнь оказались налицо. Как и всякий другой общественный прогресс, оно становится осуществимым не вследствие осознания того, что существование классов противоречит справедливости, равенству и т. д., не вследствие простого желания отменить классы, а в силу известных новых экономических условий. Разделение общества на классы — эксплуатирующий и эксплуатируемый, господствующий и угнетенный — было неизбежным следствием прежнего незначительного развития производства. Пока совокупный общественный труд дает продукцию, едва превышающую самые необходимые средства существования всех, пока, следовательно, труд отнимает все или почти все время огромного большинства членов общества, до тех пор это общество Неизбежно делится на классы. Рядом с этим огромным большинством, исключительно занятым подневольным трудом, образуется класс, освобожденный от непосредственно производительного труда и ведающий такими общими делами общества, как управление трудом, государственные дела, правосудие,

науки, искусства и т. д. Следовательно, в основе деления на классы лежит закон разделения труда. Это, однако, отнюдь не исключало применения насилия, хищничества, хитрости и обмана при образовании классов и не мешало господствующему классу, захватившему власть, упрочивать свое положение за счет трудящихся классов и превращать руководство обществом в усиленную эксплуатацию масс.

Но если разделение на классы имеет, таким образом, известное историческое оправдание, то оно имеет его лишь для известного периода и при известных общественных условиях. Оно обусловливалось недостаточностью производства и будет уничтожено полным развитием современных производительных сил. И действительно, упразднение общественных классов предполагает достижение такой ступени исторического развития, на которой является анахронизмом, выступает как отжившее не только существование того или другого определенного господствующего класса, но и какого бы то ни было господствующего класса вообще, а следовательно, и самое деление на классы. Следовательно, упразднение классов предполагает такую высокую ступень развития производства, на которой присвоение особым общественным классом средств производства и продуктов, — ас ними и политического господства, монополии образования и духовного руководства, — не только становится излишним, но и является препятствием для экономического, политического и интеллектуального развития. Эта ступень теперь достигнута. Политическое и интеллектуальное банкротство буржуазии едва ли составляет тайну даже для нее самой, а ее экономическое банкротство повторяется регулярно каждые десять лет. При каждом кризисе общество задыхается под тяжестью своих собственных производительных сил и продуктов, которые оно не может использовать, и остается беспомощным перед абсурдным противоречием, когда производители не могут потреблять потому, что недостает потребителей. Свойственная современным средствам производства сила расширения разрывает оковы, наложенные капиталистическим способом производства. Освобождение средств производства от этих оков есть единственное предварительное условие беспрерывного, постоянно ускоряющегося развития производительных сил, а благодаря этому — и практически безграничного роста самого производства. Но этого недостаточно. Обращение средств производства в общественную собственность устраняет не только существующее теперь искусственное торможение производства, но также и то прямое расточение и уничтожение производительных сил и продуктов, которое

в настоящее время является неизбежным спутником производства и достигает своих высших размеров в кризисах. Сверх того, оно сберегает для общества массу средств производства и продуктов путем устранения безумной роскоши и мотовства господствующих теперь классов и их политических представителей. Возможность обеспечить всем членам общества путем общественного производства не только вполне достаточные и с каждым днем улучшающиеся материальные условия существования, но также полное свободное развитие и применение их физических и духовных способностей, — эта возможность достигнута теперь впервые, но теперь она действительно *достигнута*[*].

Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продукта над производителями. Анархия внутри общественного производства заменяется планомерной, сознательной организацией. Прекращается борьба за отдельное существование. Тем самым человек теперь — в известном смысле окончательно — выделяется из царства животных и из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие. Условия жизни, окружающие людей и до сих пор над ними господствовавшие, теперь подпадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы, потому что они становятся господами своего собственного объединения в общество. Законы их собственных общественных действий, противостоявшие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела и тем самым будут подчинены их господству. То объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей. И только

[*] Несколько цифр могут дать приблизительное представление об огромной способности современных средств производства к расширению даже под капиталистическим гнетом. По новейшим вычислениям Джиффена[148], общая сумма всех богатств Великобритании и Ирландии составляла круглым числом:

в 1814 г.	— 2 200	млн. ф. ст.	= 44	млрд. марок
» 1865 »	— 6 100	» » »	= 122	» »
» 1875 »	— 8 500	» » »	= 170	» »

Что же касается уничтожения средств производства и продуктов во время кризисов, то на втором конгрессе немецких промышленников (в Берлине, 21 февраля 1878 г.)[149] было установлено, что общие убытки одной только *германской железоделательной промышленности* достигли во время последнего кризиса 455 млн. марок.

с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы.

В заключение подведем кратко итоги изложенному нами ходу развития:

I. *Средневековое общество:* Мелкое индивидуальное производство. Средства производства предназначены для индивидуального употребления и потому примитивно неуклюжи, мелки, с ничтожным действием. Производство с целью непосредственного потребления продуктов, — самим ли производителем или его феодальным господином. Лишь там, где сверх этого потребления оказывается излишек производства над непосредственным потреблением, этот излишек предназначается на продажу и поступает в обмен: следовательно, товарное производство находится лишь в процессе возникновения; но уже и в это время оно заключает в себе в зародыше *анархию общественного производства.*

II. *Капиталистическая революция:* Переворот в промышленности, совершающийся сначала посредством простой кооперации и мануфактуры. Концентрация разбросанных до сих пор средств производства в больших мастерских и превращение их тем самым из индивидуальных средств производства в общественные, — превращение, в общем и целом не коснувшееся формы обмена. Старые формы присвоения остаются в силе. Выступает *капиталист:* в качестве собственника средств производства он присваивает себе также и продукты и превращает их в товары. Производство становится общественным актом; обмен же, а с ним и присвоение продуктов остаются индивидуальными актами, актами отдельных лиц: *продукт общественного труда присваивается отдельным капиталистом.* Это и составляет основное противоречие, откуда вытекают все те противоречия, в которых движется современное общество и которые с особенной ясностью обнаруживаются в крупной промышленности.

a) Отделение производителя от средств производства. Рабочий обречен на пожизненный наемный труд. *Противоположность между пролетариатом и буржуазией.*

b) Все большее выявление и усиливающееся действие законов, господствующих над товарным производством. Безудержная конкурентная борьба. *Противоречие между общест-*

венной организацией на каждой отдельной фабрике и общественной анархией в производстве в целом.

c) С одной стороны — усовершенствование машин, обратившееся благодаря конкуренции в принудительный закон для каждого отдельного фабриканта и означающее в то же время постоянно усиливающееся вытеснение из фабрик рабочих: *возникновение промышленной резервной армии.* С другой стороны — беспредельное расширение производства, что также стало принудительным законом конкуренции для каждого фабриканта. С обеих сторон — неслыханное развитие производительных сил, превышение предложения над спросом, перепроизводство, переполнение рынков, кризисы, повторяющиеся каждые десять лет, порочный круг: *здесь — излишек средств производства и продуктов, там — излишек рабочих,* лишенных работы и средств существования. Но оба эти рычага производства и общественного благосостояния не могут соединиться, потому что капиталистическая форма производства не позволяет производительным силам действовать, а продуктам циркулировать иначе, как при условии предварительного превращения их в капитал, чему именно и препятствует их излишек. Это противоречие возрастает до бессмыслицы: *способ производства восстает против формы обмена.* Буржуазия уличается, таким образом, в неспособности к дальнейшему управлению своими собственными общественными производительными силами.

d) Частичное признание общественного характера производительных сил — признание, к которому вынуждаются сами капиталисты. Обращение крупных организмов производства и сообщения — сначала в собственность *акционерных компаний,* позже — трестов, а затем — и *государства.* Буржуазия оказывается излишним классом; все ее общественные функции выполняются теперь наемными служащими.

III. *Пролетарская революция,* разрешение противоречий: пролетариат берет общественную власть и обращает силой этой власти ускользающие из рук буржуазии общественные средства производства в собственность всего общества. Этим актом он освобождает средства производства от всего того, что до сих пор было им свойственно в качестве капитала, и дает полную свободу развитию их общественной природы. Отныне становится возможным общественное производство по заранее обдуманному плану. Развитие производства делает анахронизмом дальнейшее существование различных общественных классов. В той же мере, в какой исчезает анархия общественного производства, отмирает политический авторитет государства. Люди, ставшие, наконец, господами своего собственного

общественного бытия, становятся вследствие этого господами природы, господами самих себя — свободными.

Совершить этот освобождающий мир подвиг — таково историческое призвание современного пролетариата. Исследовать исторические условия, а вместе с тем и самое природу этого переворота и таким образом выяснить ныне угнетенному классу, призванному совершить этот подвиг, условия и природу его собственного дела — такова задача научного социализма, являющегося теоретическим выражением пролетарского движения.

К. МАРКС

О «НИЩЕТЕ ФИЛОСОФИИ» [150]

«Нищета философии» Карла Маркса вышла в свет в 1847 г. вскоре после появления *«Экономических противоречий»* Прудона[151], названных в подзаголовке *«Философией нищеты».* Переиздать *«Нищету философии»,* первое издание которой разошлось, побуждает нас то обстоятельство, что в этой книге содержится в зародыше то, что после двадцатилетнего труда превратилось в теорию, развитую в *«Капитале».* Следовательно, чтение *«Нищеты философии»* и опубликованного Марксом и Энгельсом в 1848 г. *«Манифеста Коммунистической партии»* может служить введением к изучению *«Капитала»* и произведений других современных социалистов, которые — подобно Лассалю — черпали свои идеи в вышеназванных произведениях. Дав согласие на переиздание своего труда на страницах нашего органа, Маркс тем самым выражает нам свою симпатию.

Еще несколько слов по поводу резкой направленности этой полемики против Прудона. Пруд он, с одной стороны, нападая на официально признанных экономистов, таких как Дюнуайе, академик Бланки и вся клика из «Journal des Economistes»[152], тем не менее умел польстить их самолюбию, а одновременно с этим он обрушивался с грубой бранью на утопистов-социалистов и коммунистов, чтимых Марксом в качестве предшественников современного социализма. С другой стороны, чтобы расчистить путь социализму критическому и материалистическому, стремящемуся сделать понятным действительное историческое развитие общественного производства, надо было резко порвать с той идеалистической политической экономией,

последним воплощением которой был, сам того не сознавая, Прудон.

Впрочем, в статье, помещенной на страницах берлинской газеты «Social-Demokrat»[153] после смерти Прудона, Маркс отдал должное крупным достоинствам этого борца, его мужественному поведению после июньских дней 1848 г. и его таланту политического писателя.

Написано К. Марксом в конце марта 1880 г.

Напечатано в газете «L'Egalite» № 12, 7 апреля 1880 г., 2-я серия

Печатается по рукописи, сверенной с текстом газеты

Перевод с французского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

АНКЕТА ДЛЯ РАБОЧИХ [154]

I

1) В какой отрасли промышленности вы работаете?

2) Кому принадлежит предприятие, на котором вы работаете: частным капиталистам или акционерной компании? Назовите фамилию частного предпринимателя или управляющего компании.

3) Укажите число занятых лиц.

4) Укажите их пол и возраст.

5) Каков самый младший возраст, с которого принимаются дети — мальчики и девочки?

6) Укажите число надсмотрщиков и *других служащих,* не являющихся рядовыми наемными работниками.

7) Имеются ли ученики и в каком количестве?

8) Привлекаются ли, помимо постоянных и регулярно занятых рабочих, другие рабочие со стороны в определенные сезоны?

9) Работает ли предприятие вашего хозяина исключительно или преимущественно на местных заказчиков, или для всего внутреннего рынка, или для экспорта в другие страны?

10) В какой местности вы работаете: сельской или городской?

11.) Если предприятие, на котором вы работаете, находится в сельской местности, является ли ваша работа основным источником вашего существования или дополнением к занятию сельским хозяйством, или сочетается с последним?

12) Ведется ли работа полностью, или по преимуществу ручным способом, или с помощью машин?

13) Расскажите о разделении труда в предприятии, на котором вы работаете.

14) Применяется ли сила пара в качестве двигательной силы?

15) Укажите число рабочих помещений, в которых осуществляются различные процессы производства. Опишите ту часть производственного процесса, в котором вы заняты, не только с технической стороны, но также с точки зрения вызываемого им мускульного и нервного напряжения и общего влияния на здоровье рабочих.

16) Опишите санитарное состояние рабочего помещения:

размеры (пространство, отведенное каждому рабочему), вентиляция, температура, побелка, уборные, общее гигиеническое состояние, шум машин, наличие пыли, сырости и т. п.

17) Существует ли какой-либо надзор, правительственный или муниципальный, за санитарным состоянием рабочего помещения?

18) Имеются ли на вашем предприятии особо вредные факторы, вызывающие специфические заболевания среди рабочих?

19) Не загромождено ли рабочее помещение машинами?

20) Приняты ли меры предосторожности в отношении двигателя, трансмиссионных устройств и рабочего механизма для предотвращения физического ущерба рабочим?

21) Расскажите о наиболее серьезных несчастных случаях, приведших к увечью или смерти рабочих, имевших место за время вашей работы.

22) Если вы работаете в шахте, укажите, какие меры предосторожности принимаются вашим предпринимателем для обеспечения вентиляции и предотвращения взрывов и других опасных аварий.

23) Если вы работаете в металлургическом или химическом производстве, на железной дороге или в каком-либо ином особо опасном производстве, укажите, принимаются ли вашим предпринимателем меры предосторожности.

24) Какое освещение, газовое, керосиновое и т. п., применяется в вашем рабочем помещении?

25) Имеются ли достаточные спасательные средства внутри и вне рабочих помещений на случай пожара?

26) Обязан ли *по закону* предприниматель выплачивать компенсацию пострадавшему или его семье в несчастных случаях?

27) В противном случае, компенсирует ли он каким-либо способом лиц, пострадавших во время работы ради его обогащения?

28) Существует ли какая-либо медицинская помощь на вашем предприятии?

29) Если вы работаете на дому, опишите состояние вашего рабочего помещения; применяете ли вы только те или иные рабочие инструменты или также и небольшие машины; используете ли вы труд вашей жены и детей, а также и других подсобных работников, взрослых или детей, мужчин или женщин; работаете ли вы на частных клиентов или на «предпринимателя»; как вы связаны с ним: непосредственно или через посредников?

II

1) Укажите обычную продолжительность рабочего дня и обычное число рабочих дней в неделю.

2) Укажите число праздничных дней в году.

3) Какие перерывы бывают в течение рабочего дня?

4) Установлены ли определенные перерывы для принятия пищи или она принимается нерегулярно*.

5) Производится ли работа в часы еды?

6) Если применяется сила пара, укажите фактическое время ее включения и выключения.

7) Бывает ли ночная работа?

8) Укажите рабочее время детей и подростков моложе 16 лет.

9) Сменяют ли друг друга различные группы детей и подростков в течение рабочего дня?

10) Приняты ли правительством *законодательные акты,* регулирующие детский труд, и строго ли они соблюдаются предпринимателями?

11) Имеется ли школа для детей и подростков, занятых в вашей отрасли промышленности? Если имеется, то какие часы дня дети проводят в школе? Чему они обучаются?

12) Там, где работа идет днем и ночью, какой порядок смен — смена одной группы рабочих другой — применяется?

13) Насколько удлиняется обычный рабочий день в периоды промышленного оживления?

14) Производится ли чистка машин рабочими, специально нанимаемыми для этой цели, или же она выполняется бесплатно рабочими, занятыми на этих машинах, в течение рабочего дня?

15) Какие правила и взыскания применяются для обеспечения своевременной явки рабочих к началу рабочего дня или после обеденного перерыва?

* К этому пункту анкеты рукой Ш. Лонге было внесено следующее дополнение: «Где принимается пища — в помещении или вне его?» *Ред.*

16) Сколько времени вы затрачиваете ежедневно, чтобы добраться из дому к месту работы и обратно домой после работы?

III

1) Какой порядок найма на работу установлен вашим хозяином? Наняты вы поденно, понедельно, помесячно и т. п.?

2) Какие сроки установлены для уведомления об увольнении или об уходе с работы?

3) В случае нарушения договора по вине предпринимателя, привлекается ли он к ответственности и к какой именно?

4) Если виновником нарушения является рабочий, какое наказание постигает его?

5) Если применяется труд учеников, каковы условия договора с ними?

6) Является ли ваша работа постоянной или непостоянной?

7) Работает ли ваше предприятие преимущественно в определенные сезоны или же работа обычно распределяется более или менее равномерно на протяжении всего года? Если ваша работа носит сезонный характер, на какие средства вы живете в остальное время?

8) Как исчисляется ваша заработная плата — повременно или сдельно?

9) Если повременно, то как с вами рассчитываются; по часам или за весь рабочий день?

10) Выплачивается ли дополнительная плата за *сверхурочные часы?*

11) Если ваша заработная плата выплачивается *сдельно,* укажите, как она устанавливается. Если вы работаете на производстве, где объем выполненной работы устанавливается измерением или взвешиванием (как, например, в угольных шахтах), то не прибегает ли ваш хозяин, или его подручные, к мошенничеству, чтобы лишить вас части заработка?

12) Если вам платят сдельно, не служит ли качество изделия предлогом для мошеннических удержаний из заработной платы?

13) Независимо от исчисления заработной платы — повременного или сдельного — *в какие сроки* вы ее получаете? Другими словами, насколько продолжителен кредит, предоставляемый вами вашему хозяину, прежде чем вы получите плату за уже выполненную работу? Когда она оплачивается: спустя педелю, месяц и т. д.?

14) Не замечали ли вы, что подобное промедление с уплатой вам заработной платы заставляет вас часто прибегать к лом-

барду и уплачивать высокие проценты, лишаясь в то же время необходимых вам вещей или же пользоваться кредитом у лавочников и, становясь их должниками, оказываться их жертвой?

15) Выплачивается ли заработная плата непосредственно «хозяином» или через посредника, «подрядчика» и т. п.?

16) Если заработная плата выплачивается через «подрядчиков» или других посредников, приведите условия вашего договора.

17) Укажите величину вашей заработной платы в деньгах за день или неделю.

18) Укажите заработную плату за тот же период, установленную для женщин и детей, работающих с вами в одной мастерской.

19) Укажите самую высокую и самую низкую поденную заработную плату за последний месяц.

20) Укажите самую высокую и самую низкую сдельную заработную плату за последний месяц.

21) Укажите ваш фактический заработок за тот же период, а если у вас есть семья, то и заработок вашей жены и детей.

22) Выплачивается ли заработная плата деньгами или частично как-нибудь иначе?

23) Если вы снимаете жилье у вашего предпринимателя, то укажите, на каких условиях. Не удерживает ли он квартирную плату из вашей заработной платы?

24) Укажите цены на предметы первой необходимости, а именно*:

a) плата за жилье и условия, на которых оно сдается;

из скольких комнат оно состоит; какое количество людей проживает; ремонт и страхование; приобретение и ремонт мебели;

ночлег; отопление, освещение, вода и т. п.;

b) питание: хлеб, мясо, овощи (картофель и т. п.); молочные продукты, яйца, рыба; сливочное масло, растительное масло, жиры; сахар, соль, пряности; кофе, чай, цикорий; пиво, сидр, вино и т. п.; табак;

c) одежда (для родителей и детей); стирка; предметы гигиены, баня, мыло и т. д.;

d) разные расходы, как почтовые, на займы и взносы за хранение в ломбардах; расходы, связанные с обучением детей в школе, плата за ученичество, покупка газет, книг и т. п. Членские взносы в общество взаимопомощи, в стачечную кассу, в разные объединения, профессиональные союзы и т. п.;

* Далее до пункта 25 текст написан Марксом по-французски, а затем опять по-английски. *Ред.*

e) расходы, если таковые имеются, связанные с занятием вашей профессией;

f) налоги.

25) Постарайтесь установить еженедельный и годовой бюджет ваших доходов (а также доходов вашей семьи, если она у вас есть) и ваших еженедельных и годовых расходов.

26) Наблюдали ли вы, на основе вашего личного опыта, более значительное повышение цен на предметы первой необходимости (как квартирная плата, цены на продукты и т. п.), чем повышение заработной платы?

27) Укажите изменения величины заработной платы, происходившие за все время, какое вы помните.

28) Сообщите о снижении заработной платы в периоды застоя или кризиса.

29) Дайте сведения о повышении заработной платы в так называемые периоды процветания.

30) Сообщите о перерывах в работе, вызываемых изменениями моды и частичными или всеобщими кризисами.

31) Расскажите об изменениях *цен на производимые вами изделия* или на оказываемые вами услуги в соотношении с *одновременными изменениями* либо неизменными размерами заработной платы.

32) Были ли на протяжении вашей работы случаи увольнения рабочих вследствие применения машин или других усовершенствований?

33) Уменьшилась или увеличилась интенсивность и продолжительность труда вследствие развития машинного производства и роста производительности труда?

34) Известны ли вам какие-либо случаи повышения заработной платы вследствие усовершенствований в производстве?

35) Известны ли вам случаи, когда бы рядовой рабочий имел возможность уйти с работы в 50-летнем возрасте и жить на деньги, заработанные им в качестве наемного рабочего?

36) Сколько лет может проработать в вашем производстве рабочий среднего здоровья?

IV

1) Существуют ли в вашей профессии профессиональные союзы и как они действуют?

2) Сколько стачек рабочих вашей профессии имело место на протяжении вашей работы?

3) Какова была продолжительность этих стачек?

4) Были ли это частичные или общие стачки?

5) Имели ли они целью повышение заработной платы или сопротивление попыткам ее снижения? Или же они касались продолжительности рабочего дня; или же возникали по другим мотивам?

6) Каковы были их результаты?

7) Поддерживают ли рабочие вашей профессии стачки рабочих, принадлежащих к другим профессиям?

8) Расскажите о правилах и о взысканиях за их нарушение, установленных вашим хозяином с целью управления своими наемными рабочими*.

9) Существуют ли объединения предпринимателей с целью навязывания рабочим снижения заработной платы, увеличения рабочего дня, вмешательства в случае стачек и вообще для навязывания своей воли рабочему классу?

10) Известны ли вам случаи, на протяжении вашей работы, злоупотребления со стороны правительства государственной властью в интересах хозяев против их рабочих?

11) Выступало ли это правительство когда-либо, на протяжении вашей работы, в интересах рабочих против вымогательств и незаконных махинаций предпринимателей?

12) Требует ли это правительство проведения в жизнь фабричных законов, если таковые существуют, — вопреки интересам хозяев? Строго ли выполняют фабричные инспектора — если таковые имеются — свои обязанности?

13) Существуют ли на вашем предприятии или в вашей профессии общества взаимопомощи при несчастных случаях, болезни, смерти, временной нетрудоспособности, старости и т. п.?

14) Является ли членство в таких обществах добровольным или принудительным? Находятся ли их денежные фонды исключительно под контролем рабочих?

15) Если взносы в эти фонды являются принудительными и находятся под контролем предпринимателя, удерживает ли он эти взносы из заработной платы? Платит ли он проценты с этих сумм? Получают ли обратно свои взносы рабочие, увольняемые с работы или оставляющие работу?

16) Имеются ли в вашей отрасли производства рабочие кооперативные предприятия? Как они управляются? Используют ли они наемных рабочих со стороны так же, как это делают капиталисты?

---

* Далее в рукописи зачеркнуто: «в его мастерской, где он, разумеется, соединяет в своих руках высшую законодательную, судебную и исполнительную власть». *Ред.*

17) Существуют ли в вашем производстве предприятия, в которых часть вознаграждения выплачивается рабочим в качестве заработной платы, а другая часть в качестве так называемого соучастия в прибылях? Сравните общий доход этих рабочих с доходом рабочих, для которых не существует этого так называемого соучастия в прибылях. Каковы обязательства рабочих при этой системе? Разрешается ли им участвовать в стачках и т. п. или им разрешается только быть покорными слугами своих хозяев?

18) Каково общее физическое, интеллектуальное и моральное состояние рабочих — мужчин и женщин — в вашей отрасли производства?

Составлена К. Марксом в первой половине апреля 1880 г.

Напечатано в журнале «La Revue socialiste» № 4, 20 апреля 1880 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского и французского

К. МАРКС
* ВВЕДЕНИЕ К ФРАНЦУЗСКОМУ ИЗДАНИЮ БРОШЮРЫ Ф. ЭНГЕЛЬСА «РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИЗМА ОТ УТОПИИ К НАУКЕ» [155]

Страницы, входящие в состав настоящей брошюры, ранее опубликованные в виде трех статей в «Revue socialiste»[156], извлечены и переведены из последней работы Энгельса «Переворот в науке»[*157].

Фридрих Энгельс, один из самых выдающихся представителей современного социализма, привлек внимание в 1844 г. своими *«Набросками к критике политической экономии»,* которые появились сначала в «Немецко-французском ежегоднике», издававшемся в Париже Марксом и Руге. В «Набросках» были уже сформулированы некоторые общие принципы научного социализма. В Манчестере, где проживал тогда Энгельс, он написал на немецком языке свою книгу *«Положение рабочего класса в Англии» (1845)* — важный труд, значение которого в полной мере оценил Маркс в *«Капитале».* Во время своего первого пребывания в Англии, как и позднее в Брюсселе, он сотрудничал в «Northern Star», официальном органе социалистического движения, и в «New Moral World» Роберта Оуэна[158].

Во время своего пребывания в Брюсселе Энгельс и Маркс основали коммунистический клуб немецких рабочих, имевший связь с фламандскими и валлонскими рабочими клубами. Оба они вместе с Борнштедтом создали *«Deutsche-Brusseler-Zeitung».* По приглашению находившегося в Лондоне немецкого

---

[*] В тексте введения к «Развитию социализма от утопии к науке», опубликованном П. Лафаргом, была добавлена следующая фраза: «Они пересмотрены автором, который внес в третью часть различные дополнения, чтобы сделать более понятным для французского читателя диалектическое движение экономических сил капиталистического производства». *Ред*.

комитета *Союза справедливых* они вступили в это общество, учрежденное первоначально Карлом Шаппером, который был вынужден бежать из Франции ввиду его участия в заговоре Бланки в 1839 году. С тех пор Союз был превращен в международный *Союз коммунистов,* который отказался от обычной формы тайных обществ. Тем не менее, при тогдашних обстоятельствах Союз должен был существовать в тайне от правительств. В 1847 г. на международном конгрессе, созванном Союзом в Лондоне, Марксу и Энгельсу было поручено составить *«Манифест Коммунистической партии»,* опубликованный незадолго до февральской революции и почти тотчас же переведенный на все европейские языки*.

В 1847 г. Маркс и Энгельс работали над созданием *Демократической ассоциации в Брюсселе,* открытого и международного общества, где встречались представители буржуазных радикалов и социалистических рабочих.

После февральской революции Энгельс становится одним из редакторов «Neue Rheinische Zeitung», основанной Марксом в Кёльне и запрещенной в мае 1849 г. прусским правительством. Приняв участие в восстании в Эльберфельде, Энгельс совершил затем баденский поход против пруссаков (июнь — июль 1849 г.) в качестве адъютанта Виллиха, командовавшего тогда батальоном добровольцев[159].

В 1850 г. в Лондоне он сотрудничал в «Новой Рейнской газете. Политико-экономическом обозрении», издававшемся Марксом и печатавшемся в Гамбурге. Там Энгельс опубликовал *«Крестьянскую войну в Германии»,* которая 19 лет спустя вышла в Лейпциге отдельной брошюрой и выдержала три издания.

После возрождения социалистического движения в Германии Энгельс сотрудничал в «Volksstaat» и в «Vorwarts»; ему принадлежат там наиболее значительные статьи, большая часть которых была переиздана в виде брошюр: *«О социальном вопросе в России», «Прусская водка в германском рейхстаге», «К жилищному вопросу», «Бакунисты за работой»* и т. д.

В 1870 г., оставив Манчестер и переехав в Лондон, Энгельс вошел в состав Генерального Совета Интернационала; ему была поручена связь с Испанией, Португалией и Италией.

* В опубликованном тексте П. Лафаргом была добавлена следующая фраза: «Коммунистический манифест» — один из самых ценных документов современного социализма; он и теперь еще остается одним из самых сильных и ясных изложений развития буржуазного общества и образования пролетариата, который должен положить конец капиталистическому обществу; в нем, как и в *«Нищете философии»* Маркса, опубликованной годом раньше, впервые ясно сформулирована теория борьбы классов». *Ред.*

sur *La Guerre des Paysans allemands*, qui fut, 19 ans après, réparu à Leipzig comme brochure et passa par trois éditions.

Après la reprise du mouvement socialiste en Allemagne, Engels contribua au *Volksstaat* et au *Vorwärts* les articles les plus importants, dont la plupart a été réimprimée sous forme de pamphlets, tels que *le mouvement social en Russie*, *l'eau de vie dans le Reichstag allemand*, *la question des habitations*, *l'insurrection cantonaliste en Espagne* etc.

En 1870, après avoir quitté Manchester pour Londres, Engels entra dans le Conseil Général de l'Internationale, où il fut chargé de la correspondance avec l'Espagne, le Portugal et l'Italie.

La série des derniers articles qu'il contribuait au *Vorwärts*, sous le titre ironique *Bouleversement Dühringien de la science*, (en réponse aux prétendues théories nouvelles de Mr E. Dühring sur les sciences en général et le socialisme en particulier) furent réunis en volume et eurent un grand succès parmi les socialistes allemands. Nous donnons dans la présente brochure l'extrait le plus topique de la partie théorique de ce livre, qui forme ce qu'on pourrait appeler une *Introduction au socialisme scientifique.*

Cher Lafargue

Voilà le fruit de ma collaboration (d'hier soir) avec Engels. Nettoyez les phrases, laissez les choses intactes.

Tout à vous

Karl Marx.

Последняя страница введения К. Маркса
к французскому изданию брошюры Ф. Энгельса
«Развитие социализма от утопии к науке»

Серия последних статей, которые он посылал в «Vorwarts» под ироническим заглавием *«Переворот в науке, произведенный господином Дюрингом»,* представляет собой ответ на якобы новые теории г-на Дюринга о науках вообще и о социализме в частности. Эти статьи были объединены в книгу и имели большой успех у социалистов Германии. В настоящей брошюре мы даем наиболее существенные извлечения из теоретической части этой книги; эти извлечения образуют, так сказать, *введение в научный социализм.*

Написано К. Марксом около 4—5 мая 1880 г.

Напечатано в брошюре: F. Engels. «Socialisme utopique et socialisme scientifique». Paris, 1880

Печатается по рукописи, сверенной с текстом издания 1880 г.

Перевод с французского

К. МАРКС

* ВВЕДЕНИЕ К ПРОГРАММЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ [160]

Принимая во внимание,

что освобождение класса производителей есть освобождение всего человеческого рода, без различия пола и расы;

что производители могут стать свободными, лишь овладев средствами производства;

что средства производства могут принадлежать им только в двух формах:

1) в форме индивидуальной, которая в виде общего явления не существовала никогда и которая все более и более вытесняется промышленным прогрессом;

2) в форме коллективной, материальные и интеллектуальные элементы которой создаются самим развитием капиталистического общества;

принимая во внимание,

что такое коллективное присвоение может осуществиться лишь в результате революционного действия класса производителей, — или пролетариата, — организованного в самостоятельную политическую партию;

что нужно добиваться подобной организации всеми средствами, какие имеются в распоряжении пролетариата, в том числе и с помощью всеобщего избирательного права, превращаемого таким образом из орудия обмана, каким оно было до сих пор, в орудие освобождения;

французские рабочие социалисты, выдвигая конечной целью своей борьбы в плане экономическом возвращение к коллективной собственности на все средства производства, решили в качестве *средства для организации и борьбы* принять участие в выборах с нижеследующей *программой-минимум.*

Составлено К. Марксом в начале мая 1880 г.

Напечатано в газете «L'Egalite» № 24, 30 июня 1880 г., 2-я серия

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

МИТИНГУ В ЖЕНЕВЕ, СОЗВАННОМУ В ПАМЯТЬ 50-й ГОДОВЩИНЫ ПОЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1830 ГОДА [161]

Граждане!

После первого раздела страны поляки, покидая свою родину, переплывают Атлантический океан, чтобы защищать только что образовавшуюся великую американскую республику. Костюшко сражается бок о бок с Вашингтоном. В 1794 г., когда французская революция с трудом оказывает сопротивление силам коалиции, славное польское восстание отводит от нее угрозу. Польша теряет свою независимость, зато революция спасена. Побежденные поляки вступают в армию «санкюлотов» и оказывают ей помощь в деле разрушения феодальной Европы. Наконец в 1830 г., когда император Николай и прусский король* намеревались осуществить свои планы восстановления легитимной монархии путем нового нападения на Францию, польская революция, которую вы сегодня чествуете, преградила им путь. «Порядок воцарился в Варшаве».

Клич «Да здравствует Польша!», который раздался тогда по всей Западной Европе, был не только выражением симпатии и восхищения патриотическими бойцами, которых сломили с помощью грубой силы, — этим кличем приветствовали нацию, все восстания которой, столь роковые для нее самой, всегда останавливали поход контрреволюции, нацию, лучшие сыны которой никогда не переставали оказывать вооруженный отпор врагу, везде борясь под знаменем народных революций. С другой стороны, раздел Польши укрепил Священный союз, служивший целям маскировки гегемонии царя над всеми

* — Фридрих-Вильгельм III. *Ред.*

правительствами Европы. Таким образом, клич «Да здравствует Польша!» означал сам по себе: смерть Священному союзу, смерть военному деспотизму России, Пруссии и Австрии, смерть монгольскому господству над современным обществом!

С 1830 г., когда во Франции и в Англии буржуазия в большей или меньшей степени взяла власть в свои руки, стало давать о себе знать пролетарское движение. Уже с 1840 г. имущие классы в Англии были вынуждены прибегать к помощи вооруженной силы для противодействия чартистской партии, этой первой боевой организации рабочего класса. Одновременно с этим в последнем уголке независимой Польши, в Кракове, вспыхнула в 1846 г. первая политическая революция, провозгласившая социалистические требования[162]. С той поры Польша утрачивает всякие фальшивые симпатии имущей Европы.

В 1847 г. в Лондоне тайно собирается первый международный конгресс пролетариата[163], по решению которого издается *«Коммунистический манифест»,* заканчивающийся новым революционным лозунгом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Польша имела своих представителей на этом конгрессе, а на публичном митинге в Брюсселе к резолюциям конгресса присоединился знаменитый Лелевель и его единомышленники.

В 1848 и 1849 гг. революционные армии — немецкие, румынские, венгерские, итальянские — были переполнены поляками, которые выделялись и как рядовые солдаты и как военачальники. Хотя социалистические стремления этого времени были потоплены в крови июньских дней, однако революция 1848 г. — этого нельзя забывать, — охватив своим пламенем почти всю Европу, на некоторое время создала из нее единую общину и таким образом подготовила почву для Международного Товарищества Рабочих. Польское восстание 1863 г., вызвавшее дружный протест английских и французских рабочих против международных злодеяний их правительств, послужило исходным пунктом Интернационала, основанного при участии польских изгнанников. Наконец, среди польских же изгнанников нашла своих верных защитников Парижская Коммуна, а после ее падения достаточно было быть поляком, чтобы быть расстрелянным по приказу версальских военных судов.

Итак, за пределами своего отечества поляки сыграли крупную роль в борьбе за освобождение пролетариата — они являлись по преимуществу его международными бойцами.

Ныне, когда борьба эта развивается внутри самого польского народа, пусть будет она поддержана пропагандой, революционной прессой, пусть она объединится со стремлениями наших русских братьев; это будет лишним поводом повторить старый клич: «Да здравствует Польша!»

Привет и братство!

Лондон, 27 ноября 1880 года

Подписи:

Карл Маркс, Фридрих Энгельс,

Поль Лафарг, Ф. Лесснер,

бывшие члены Генерального Совета

Международного Товарищества Рабочих

Напечатано в брошюре: «Sprawozdanie z miedzynarodowego zebrania zwolanego w 50-letnia rocznice listopadowego powstania». Genewa, 1881

Печатается по тексту брошюры

Перевод с польского

К. МАРКС

ПИСЬМО В. И. ЗАСУЛИЧ [164]

Лондон, 8 марта 1881 г.
41, Мейтленд-парк, Норд-Уэст

Дорогая гражданка?

Болезнь нервов, периодически возвращающаяся в течение последних десяти лет, помешала мне раньше ответить на Ваше письмо от 16 февраля. Сожалею, что не могу дать Вам пригодный для опубликования краткий ответ на вопрос, с которым Вы изволили обратиться ко мне. Несколько месяцев тому назад я уже обещал Петербургскому комитету[165] работу на ту же тему. Надеюсь, однако, что достаточно будет нескольких строк, чтобы у Вас не осталось никакого сомнения относительно недоразумения по поводу моей мнимой теории.

Анализируя происхождение капиталистического производства, я говорю:

«В основе капиталистической системы лежит, таким образом, полное отделение производителя от средств производства... основой всего этого процесса является *экспроприация земледельцев.* Радикально она осуществлена пока только в Англии... Но *все другие страны Западной Европы* идут по тому же пути» («Капитал», франц. изд., стр. 315)[166].

Следовательно, «историческая неизбежность» этого процесса *точно* ограничена *странами Западной Европы.* Причины, обусловившие это ограничение, указаны в следующем месте XXXII главы:

«Частная собственность, основанная на личном труде... вытесняется *капиталистической частной собственностью,* основанной на эксплуатации чужого труда, на труде наемном» (там же, стр. 341)[167].

В этом, совершающемся на Западе процессе дело идет, таким образом, о превращении одной формы частной собственности в другую форму частной собственности. У русских же крестьян пришлось бы, наоборот, превратить их общую собственность в частную собственность.

Анализ, представленный в «Капитале», не дает, следовательно, доводов ни за, ни против жизнеспособности русской общины. Но специальные изыскания, которые я произвел на основании материалов, почерпнутых мной из первоисточников, убедили меня, что эта община является точкой опоры социального возрождения России, однако для того чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития.

Имею честь, дорогая гражданка, оставаться преданным Вам

Карл Маркс

Написано К. Марксом 8 марта 1881 г.

Впервые опубликовано в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», книга I, 1924

Печатается по рукописи

Перевод с французского

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СЛАВЯНСКОГО МИТИНГА, СОЗВАННОГО 21 МАРТА 1881 г. В ЛОНДОНЕ В ЧЕСТЬ ГОДОВЩИНЫ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Гражданин!

С большим сожалением мы вынуждены сообщить Вам, что лишены возможности присутствовать на вашем митинге[168].

Когда Парижская Коммуна пала после свирепой бойни, устроенной защитниками «порядка», победители никак не предполагали, что не пройдет и десяти лет, как в далеком Петербурге произойдет событие[169], которое в конце концов должно будет неизбежно привести, быть может после длительной и жестокой борьбы, к созданию российской Коммуны.

Они никак не думали, что король Пруссии*, который своей осадой Парижа заставил правящую буржуазию вооружить народ и тем самым подготовил создание Коммуны, — что этот король десять лет спустя сам окажется осажденным в своей столице социалистами и сможет удержать свой трон, только объявив на осадном положении свою собственную столицу Берлин[170].

С другой стороны, континентальные правительства, которые после падения Коммуны своими преследованиями принудили Международное Товарищество Рабочих отказаться от своей формальной внешней организации и считавшие, что смогут сокрушить великое международное рабочее движение декретами и исключительными законами, — эти правительства никак не предполагали, что через десять лет это международное рабочее движение, более мощное, чем когда-либо, охватит рабочий класс не только Европы, но и Америки, и что общая

* — Вильгельм I. *Ред.*

борьба за общие интересы против общего врага объединит рабочих в новый и более широкий, стихийно возникающий Интернационал, все больше и больше перерастающий все внешние формы организации.

Итак, Коммуна, которую державы старого мира считали стертой с лица земли, — жива! Она стала сильнее, чем когда бы то ни было, и мы можем вместе с вами воскликнуть: Да здравствует Коммуна!

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом 21 марта 1881 г.

Впервые опубликовано в газете «Правда» № 308, 7 ноября 1933 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ПИСЬМО РЕДАКТОРУ «DAILY NEWS»

Милостивый государь!

В сегодняшнем номере «Daily News», в статье, озаглавленной «Преследование газеты «Freiheit»», сообщается, что тот номер этой газеты, где была помещена статья о смерти русского императора*, «заключал в себе также некоторые намеки на виновника таинственного покушения на дворец лорд-мэра». Так как это утверждение можно истолковать в смысле, совершенно противоположном содержанию упомянутой статьи, тогда как статья эта не имеет никакого отношения к статье по поводу петербургского события, и ввиду того, что редактор этой газеты г-н Мост в настоящее время не может сам выступить в печати в свою защиту, мы просим Вас поместить нижеследующий дословный перевод всего того, что было сказано в упомянутом номере «Freiheit» относительно «таинственного покушения на дворец лорд-мэра».

«Freiheit», 19 марта 1881 года:

«В среду вечером «неизвестной» рукой перед- дворцом лорд-мэра в Сити был положен ящик с порохом весом около 15 фунтов. Он был подожжен с одного конца, но полицейский «случайно» заметил это и был настолько храбр, что погасил огонь. Нам непонятно, какую цель мог преследовать этот взрыв. Как бы то ни было, международная полиция, по-видимому, знает, как нажить капитал на этом деле. На другой же вечер правительству был сделан запрос в парламенте, какие меры оно намерено принять против социалистических шаек, которые обосновались в Лондоне. Но министр внутренних дел не счел нужным что-либо предпринимать и только пожал плечами в ответ. Это было все, что международной полиции удалось получить в награду за все ее старания».

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом
31 марта 1881 г.

Напечатано в газете «The Daily News»
1 апреля 1881 г.

Печатается по рукописи,
сверенной с текстом газеты

Перевод с английского

* — Александра II. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

СПРАВЕДЛИВАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА ЗА СПРАВЕДЛИВЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ [171]

Таков был лозунг английского рабочего движения в течение последних пятидесяти лет. Он сослужил хорошую службу в период роста тред-юнионов после отмены в 1824 г. гнусных законов о союзах[172]; он сослужил еще лучшую службу в период славного чартистского движения, когда английские рабочие шли во главе европейского рабочего класса. Но времена меняются, и многое из того, что было желательно и необходимо пятьдесят, даже тридцать лет тому назад, — теперь устарело и было бы совершенно неуместно. Не относится ли это и к данному старому, освященному временем лозунгу?

Справедливая заработная плата за справедливый рабочий день? Но что такое справедливая заработная плата и что такое справедливый рабочий день? Как определяются они теми законами, при которых живет и развивается современное общество? Для ответа на этот вопрос мы должны обратиться не к науке о морали или о праве и не к сентиментальным чувствам гуманности, справедливости или хотя бы милосердия. То, что справедливо с точки зрения морали или даже права, может оказаться далеко не справедливым в социальном плане. Социальная справедливость или несправедливость определяются лишь одной наукой, а именно наукой, которая имеет дело с материальными фактами производства и обмена — наукой политической экономии.

Что же называет политическая экономия справедливой заработной платой и справедливым рабочим днем? Просто размер заработной платы и продолжительность и интенсивность рабочего дня, которые определяются конкуренцией между предпринимателем и рабочими на вольном рынке. И что же

они собой представляют, если исходить из этого определения?

Справедливая заработная плата при нормальных условиях есть та сумма, которая нужна для того, чтобы обеспечить рабочему средства существования, необходимые, соответственно уровню жизни в его положении и в данной стране, для поддержания его работоспособности и для продолжения его рода. Действительные размеры заработной платы при колебаниях производства могут быть то выше, то ниже этой суммы; но эта сумма при нормальных условиях должна оказаться средней равнодействующей всех отклонений.

Справедливый рабочий день есть та продолжительность рабочего дня и та интенсивность выполненной работы, при которых в течение дня полностью расходуется рабочая сила рабочего, но расходуется так, чтобы не повредить его способности выполнять такое же количество труда и завтра и в следующие дни.

Сделка, стало быть, состоит в следующем: рабочий предоставляет капиталисту всю свою однодневную рабочую силу, т. е. такое ее количество, какое он может дать, не делая невозможным непрерывное возобновление сделки. В обмен он получает как раз столько, и не более, необходимых для жизни предметов, сколько требуется для того, чтобы эта сделка могла ежедневно повторяться. Рабочий дает так много, капиталист дает так мало, как только допускает это природа сделки. Такова эта весьма своеобразная справедливость.

Но вникнем в дело несколько глубже. Так как, согласно политической экономии, заработная плата и рабочий день определяются конкуренцией, то справедливость, очевидно, требует, чтобы обе стороны были с самого начала поставлены в одинаковые условия. Но этого-то и нет в действительности. Если капиталист не договорится с рабочим, то он в состоянии ждать, живя на свой капитал. Для рабочего это невозможно. Кроме заработной платы, ему жить не на что, и поэтому он вынужден брать работу тогда, там и на тех условиях, на которых он может ее получить. Рабочий с самого начала оказывается в неблагоприятных условиях борьбы. Голод ставит его в страшно невыгодное положение. А между тем, согласно политической экономии класса капиталистов, в этом-то и заключается верх справедливости.

Но это еще сущие пустяки. Распространение применения механической силы и машин на новые производства, а также распространение и усовершенствование машин в тех производствах, где они уже применялись, лишают работы все большее

и большее количество «рук»[*]; и это происходит гораздо быстрее, чем эти вытесненные «руки» могут быть поглощены и найти занятие на фабриках страны. Эти вытесняемые «руки» образуют подлинную промышленную резервную армию, которой пользуется капитал. Если дела в промышленности плохи, они могут умирать с голода, просить милостыню, воровать или отправляться в работный дом; если дела в промышленности хороши, они всегда под рукой для расширения производства; и до тех пор, пока последний из мужчин, женщин или детей, составляющих эту резервную армию, не найдет работы, — что случается лишь в периоды бешеного перепроизводства, до тех пор конкуренция этой резервной армии будет понижать заработную плату, и одно уж ее существование будет укреплять силу капитала в его борьбе против труда. В состязании с капиталом труд не только поставлен в невыгодное положение, но ему еще приходится влачить прикованное к его ноге чугунное ядро. Однако согласно политической экономии капиталистов, это справедливо.

Но выясним, из какого же фонда платит капитал эту столь справедливую заработную плату. Из капитала, разумеется. Но капитал не производит стоимости. Труд, помимо земли, единственный источник богатства; сам капитал есть не что иное, как накопленный продукт труда. Таким образом, плата за труд уплачивается из труда же, а рабочий оплачивается из своего собственного продукта. Согласно тому, что мы можем назвать обычной справедливостью, заработная плата рабочего должна соответствовать продукту его труда. Но согласно политической экономии это не было бы справедливо. Наоборот, продукт труда рабочего достается капиталисту, а рабочий получает из него не более того, что совершенно необходимо для жизни. Таким образом, результатом этого необыкновенно «справедливого» состязания оказывается то, что продукт труда тех, кто трудится, неизбежно накапливается в руках тех, кто не трудится, и становится в их руках могущественнейшим орудием порабощения тех самых людей, которые его произвели.

Справедливая заработная плата за справедливый рабочий день! Многое можно было бы сказать и о справедливом рабочем дне, справедливость которого точь-в-точь такова же, как и справедливость заработной платы. Но это придется отложить до другого раза. Из того, что сказано, совершенно ясно, что старый лозунг отжил свой век и вряд ли пригоден в наше время.

[*] В оригинале: «hands» (имеются в виду «рабочие руки», «рабочие»). *Ред.*

Справедливость политической экономии, поскольку последняя верно формулирует законы, управляющие нынешним обществом, эта справедливость оказывается целиком на одной стороне — на стороне капитала. Итак, похороним навеки старый лозунг и заменим его другим:

СРЕДСТВА ТРУДА — СЫРЬЕ, ФАБРИКИ, МАШИНЫ —
ВО ВЛАДЕНИЕ САМИХ РАБОЧИХ!

Написано Ф. Энгельсом 1—2 мая 1881 г.

Напечатано в газете «The Labour Standard» (London) № 1, 7 мая 1881 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

СИСТЕМА НАЕМНОГО ТРУДА

В предыдущей статье мы рассмотрели издавна почитаемый лозунг — «справедливая заработная плата за справедливый рабочий день» — и пришли к заключению, что при нынешних социальных условиях самая справедливая заработная плата неизбежно соответствует самому несправедливому распределению продукта труда рабочего, так как большая часть этого продукта идет в карман капиталиста, а рабочему приходится довольствоваться лишь такой долей, которая дает ему возможность поддерживать свою трудоспособность и продолжать свой род.

Это — закон политической экономии или, другими словами, закон нынешней экономической организации общества, и закон этот сильнее всех писанных и неписанных английских законов, вместе взятых, включая и канцлерский суд[173]. Пока общество разделено на два противостоящих друг другу класса: с одной стороны — капиталистов, монополизировавших все средства производства — землю, сырье, машины, с другой стороны — трудящихся, рабочих, лишенных всякой собственности на средства производства, не обладающих ничем, кроме собственной рабочей силы; пока существует эта общественная организация, — закон заработной платы останется всемогущим и будет каждый день заново ковать цепи, превращающие рабочего в раба своего собственного продукта, монополизированного капиталистом.

Английские тред-юнионы вот уже в течение почти шестидесяти лет борются против этого закона, — а каков результат? Удалось ли им освободить рабочий класс от порабощения,

в котором держит его капитал, этот продукт его собственных рук? Дали ли они возможность хотя бы части рабочего класса подняться выше положения наемных рабов, стать собственниками своих же средств производства — сырья, инструментов, машин, требующихся в их производстве, и стать таким образом собственниками продукта своего собственного труда? Хорошо известно, что они не только не сделали этого, но никогда и не пытались сделать.

Мы далеки от утверждения, что тред-юнионы бесполезны, потому что не сделали этого. Наоборот, тред-юнионы, как в Англии, так и во всякой другой промышленной стране, необходимы рабочему классу в его борьбе против капитала. Средний размер заработной платы равен сумме предметов первой необходимости, достаточных для того, чтобы рабочие в определенной стране могли поддержать свой род соответственно обычному для этой страны уровню жизни. Этот уровень жизни может быть весьма различен для различных слоев рабочих. Большой заслугой тред-юнионов является то, что, борясь за поддержание на известном уровне размеров заработной платы и за сокращение рабочего дня, они стремятся к поддержанию и к повышению уровня жизни. В лондонском Ист-Энде есть много производств, в которых труд столь же квалифицирован и так же тяжел, как труд каменщиков и их подручных, а между тем там зарабатывают едва половину заработной платы последних. Почему? Просто потому, что мощная организация дает одной группе возможность поддерживать сравнительно высокий уровень жизни как норму, которой измеряется ее заработная плата, тогда как другая группа, неорганизованная и бессильная, вынуждена терпеть не только неизбежные, но вдобавок и произвольные вымогательства своих предпринимателей: ее уровень жизни постепенно понижается, она приучается жить на все меньшую и меньшую заработную плату, и ее заработная плата, разумеется, падает до того уровня, с которым сама она привыкла мириться.

Итак, закон заработной платы совсем не такой закон, который действует незыблемо и прямолинейно. В известных пределах он вовсе не является неумолимым. Во всякое время (за исключением периодов глубокой депрессии) для всякой отрасли производства существует определенная амплитуда колебаний, в пределах которой размеры заработной платы могут быть изменены в результате борьбы между двумя борющимися сторонами. Заработная плата в каждом случае устанавливается путем торга, а при торге тот, кто дольше и успешнее сопротивляется, имеет лучшие шансы получить больше, чем ему пола-

гается. Если торг с капиталистом пытается вести изолированный рабочий, то его одолеть легко, и ему приходится сдаться на милость врага; но если рабочие целой отрасли производства образуют мощную организацию, собирают общими силами денежный фонд, дающий им возможность в случае надобности выдержать бой со своими предпринимателями, и благодаря этому могут с этими предпринимателями вести переговоры как определенная сила, — тогда, и только тогда, имеют они возможность получить хотя бы те жалкие гроши, которые соответственно экономическому строю современного общества можно назвать справедливой заработной платой за справедливый рабочий день.

Закон заработной платы не нарушается борьбой, которую ведут тред-юнионы. Наоборот, он осуществляется благодаря их давлению. Без средств сопротивления, предоставляемых тред-юнионами, рабочий не получал бы даже того, что ему следует получить соответственно законам системы наемного труда. Лишь угроза, которую представляют для капиталиста тред-юнионы, может заставить его оплачивать полную рыночную стоимость рабочей силы своего работника. Вы ждете доказательств? Сравните заработную плату, выплачиваемую членам крупных тред-юнионов, с заработной платой, выплачиваемой в бесчисленных мелких производствах в лондонском Ист-Энде, этом омуте беспросветной нищеты.

Итак, тред-юнионы не ведут наступления против системы наемного труда. Но экономическая деградация рабочего класса обусловливается не высокой или низкой заработной платой, — эта деградация заключается в том факте, что вместо того, чтобы получить за свой труд полный продукт этого труда, рабочий класс вынужден удовлетворяться частью им самим производимого продукта, именуемой заработной платой. Капиталист загребает себе весь продукт (уплачивая из него рабочему), потому что он является собственником средств труда. И поэтому подлинное освобождение рабочего класса невозможно до тех пор, пока он не станет собственником всех средств труда — земли, сырья, машин и т. д., а тем самым и собственником ВСЕГО ПРОДУКТА СВОЕГО СОБСТВЕННОГО ТРУДА.

Написано Ф. Энгельсом 15—16 мая 1881г.

Напечатано в газете «The Labour Standard» (London) № 3, 21 мая 1881 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ТРЕД-ЮНИОНЫ

I

В предыдущем номере газеты мы рассмотрели деятельность тред-юнионов, как силы, которая в борьбе с предпринимателями способствует осуществлению экономического закона заработной платы. Мы возвращаемся к этому предмету, так как в высшей степени важно, чтобы рабочий класс в целом вполне понимал его.

В настоящее время, как мы полагаем, ни один английский рабочий не нуждается в разъяснениях относительно того, что как отдельный капиталист, так и класс капиталистов в целом заинтересованы в том, чтобы возможно больше снизить заработную плату. Продукт труда, за вычетом всех издержек, разделяется, как неопровержимо доказал Давид Рикардо, на две доли: одну долю составляет заработная плата рабочего, другую — прибыль капиталиста. А так как этот чистый продукт труда в каждом отдельном случае является некоей определенной величиной, то ясно, что доля, именуемая прибылью, не может быть увеличена без уменьшения доли, именуемой заработной платой. Отрицать, что капиталист заинтересован в снижении заработной платы, это все равно что утверждать, будто он не заинтересован в увеличении своей прибыли.

Мы очень хорошо знаем, что существуют другие способы временно увеличивать прибыль, но они не изменяют общего закона, и поэтому здесь нам нет нужды ими заниматься.

Каким же образом капиталисты могут сократить заработную плату, если размер заработной платы обусловливается особым и вполне определенным социально-экономическим законом? Экономический закон заработной платы существует и он неопровер-

жим. Но, как мы видели, он эластичен, и эта эластичность проявляется двояким образом. Уровень заработной платы в отдельной отрасли производства можно снизить либо прямо, постепенно приучая рабочих этого производства к более низкому уровню жизни, либо же косвенно, увеличивая число ежедневных рабочих часов (или интенсивность труда в течение того же числа рабочих часов) без увеличения платы.

Заинтересованность каждого отдельного капиталиста в увеличении своей прибыли путем сокращения заработной платы своих рабочих получает новый стимул вследствие взаимной конкуренции между капиталистами одной и той же отрасли производства. Каждый из них старается продавать дешевле своих конкурентов, и, чтобы не жертвовать своей прибылью, он должен стараться понизить заработную плату. Итак, давление на размер заработной платы, производимое в своих интересах каждым отдельным капиталистом, удесятеряется вследствие конкуренции между ними. То, что прежде означало только получение большей или меньшей прибыли, теперь становится делом необходимости.

Против этого постоянного, непрекращающегося давления неорганизованные рабочие не имеют никаких действенных средств сопротивления. Поэтому в тех отраслях производства, где рабочие не организованы, заработная плата имеет постоянную тенденцию падать, а продолжительность рабочего дня — постоянную тенденцию увеличиваться. Медленно, но верно этот процесс прогрессирует. Периоды процветания могут иногда приостанавливать его, но затем периоды промышленного застоя его еще более усиливают. Рабочие постепенно привыкают ко все более и более низкому уровню жизни. В то время как продолжительность рабочего дня все более и более приближается к возможному максимуму, заработная плата подходит все ближе и ближе к своему абсолютному минимуму — к сумме, ниже которой для рабочего становится абсолютно невозможно жить и продолжать свой род.

Временное исключение из этого правила наблюдалось в начале этого века. Быстрое распространение пара и машин не поспевало за еще более быстрым ростом спроса на изготовляемую с их помощью продукцию. Заработная плата в этих отраслях производства, за исключением заработной платы детей, проданных фабриканту из работного дома, как правило, была высокая; плата за те виды квалифицированного ручного труда, без которых нельзя было обойтись, бывала очень высокая; плата, которую обычно получал красильщик, механик, стригальщик бархата, прядильщик, пользовавшийся ручной мюльмашиной,

кажется теперь баснословной. В то же время в тех отраслях промышленности, где рабочие вытеснялись машиной, они обрекались на медленную смерть от голода. Но постепенно новоизобретенные машины вытесняли хорошо оплачиваемых рабочих; были изобретены машины, изготовлявшие машины и притом в таком количестве, что предложение товаров, произведенных при помощи машин, не только покрывало спрос, но и превышало его. Когда заключение всеобщего мира в 1815 г. восстановило регулярную торговлю, начались десятилетние периоды чередования процветания, перепроизводства и торговой паники. Те относительно благоприятные условия, которые рабочие могли сохранить от периода процветания и которые они, быть может, даже частично улучшили в период бешеного перепроизводства, отнимались у них теперь, в период промышленного застоя и паники; и вскоре фабричное население Англии было подчинено тому общему закону, согласно которому заработная плата неорганизованных рабочих постоянно стремится к абсолютному минимуму.

Между тем в борьбу вступили признанные законом в 1824 г. тред-юнионы, и это было весьма своевременно. Капиталисты всегда организованы. В большинстве случаев они не нуждаются ни в формальных союзах, ни в уставах, ни в должностных лицах и т. д. Их немногочисленность по сравнению с рабочими, тот факт, что они образуют особую касту, их постоянное светское и деловое общение — заменяют им все это. Лишь со временем, когда какая-либо отрасль фабричного производства получает преобладание в целом районе, — как, например, хлопчатобумажное производство в Ланкашире, — является надобность в таком оформленном тред-юнионе капиталистов. Между тем рабочие с самого начала не могут обойтись без сильной организации с твердо установленным уставом и с предоставлением полномочий должностным лицам и комитетам. Закон 1824 г. сделал эти организации легальными. С тех пор рабочие стали в Англии силой. Это уже не была прежняя беспомощная, разобщенная масса. К мощи, созданной объединением и совместной деятельностью, вскоре добавилась сила изрядно наполненной кассы, «фонд сопротивления», как выразительно называют это наши французские братья. Тут уж положение вещей совершенно изменилось. Позволить себе снизить заработную плату или удлинить рабочий день стало рискованным делом для капиталиста.

Отсюда яростные нападки класса капиталистов того времени на тред-юнионы. Стародавнюю практику неограниченного угнетения рабочего класса капиталисты считали всегда своим правом и законной привилегией. Теперь этому был положен предел.

Неудивительно, что они громко выражали свое негодование и считали, что нанесен ущерб их правам и их собственности, по меньшей мере так же, как это считают в настоящее время ирландские лендлорды[174].

Опыт шестидесятилетней борьбы несколько образумил капиталистов. Тред-юнионы стали теперь признанным учреждением, и действие их в качестве одного из регуляторов заработной платы признано в такой же мере, в какой признано действие фабричных законов как регуляторов продолжительности рабочего дня. Более того, хлопчатобумажные фабриканты в Ланкашире в последнее время даже сами позаимствовали кое-что у рабочих и теперь умеют, когда это им выгодно, организовать стачку не хуже, а то даже и лучше, чем какой-либо тред-юнион.

Итак, результатом деятельности тред-юнионов является то, что закон заработной платы соблюдается вопреки воле предпринимателей; что рабочие хорошо организованных отраслей производства получают возможность добиваться, хотя бы приблизительно, полной оплаты стоимости рабочей силы, которую они отдают в наем своему предпринимателю; что при помощи государственных законов рабочий день удерживается по крайней мере в рамках той максимальной продолжительности, выше которой рабочая сила преждевременно истощается. Это, однако, крайний предел того, чего тред-юнионы, при нынешней их организации, могут надеяться достигнуть, да и то лишь ценой постоянной борьбы, при огромных затратах сил и средств; к тому же колебания в ходе производства, не реже чем раз в десять лет, разрушают в один момент все, что было завоевано, и борьбу приходится начинать сначала. Это — порочный круг, из которого нет выхода. Рабочий класс остается тем, чем он был и чем не боялись называть его наши предки чартисты, — классом наемных рабов. Таков ли должен быть конечный итог всех этих усилий, самопожертвования и страданий? Это ли должно навсегда остаться высшей целью британских рабочих? Или же рабочий класс Англии должен, наконец, попытаться вырваться из этого порочного круга и найти выход в движении, направленном к УНИЧТОЖЕНИЮ САМОЙ СИСТЕМЫ НАЕМНОГО ТРУДА?

В следующий раз мы рассмотрим роль тред-юнионов как организаторов рабочего класса.

II

До сих пор мы рассматривали функции тред-юнионов лишь постольку, поскольку они содействуют регулированию размеров заработной платы и обеспечивают рабочему в его борьбе против

капитала хотя бы некоторые средства сопротивления. Но эта сторона дела не исчерпывает нашего предмета.

Мы говорили о борьбе рабочего против капитала. Борьба эта существует, сколько бы ни пытались опровергать это апологеты капитала. Она будет существовать, пока снижение заработной платы остается самым надежным и самым легким способом увеличения прибыли, более того, пока существует сама система наемного труда. Само существование тред-юнионов является достаточным доказательством этого; если они созданы не для того, чтобы бороться против вымогательств со стороны капитала, то для чего же они созданы? Нечего замазывать суть дела. Никакие слащавые фразы не могут скрыть того вопиющего факта, что современное общество разделяется в основном на два больших антагонистических класса — на капиталистов, обладающих всеми средствами, необходимыми для применения труда, с одной стороны, и на рабочих, не обладающих ничем, кроме своей собственной рабочей силы, с другой стороны. Продукт труда этого последнего класса приходится делить между обоими классами, и из-за этого дележа постоянно идет борьба. Каждый из двух классов стремится получить возможно большую долю; и в этой борьбе самое курьезное то, что, хотя рабочий класс добивается лишь доли продукта своего собственного труда, его довольно часто обвиняют в том, будто он попросту грабит капиталиста!

Но борьба между двумя большими общественными классами неизбежно становится борьбой политической. Так было с длительной борьбой между буржуазией, или классом капиталистов, и землевладельческой аристократией; так обстоит дело и с борьбой между рабочим классом и теми же капиталистами. Во всякой борьбе класса против класса ближайшей целью борьбы является политическая власть; господствующий класс защищает свое политическое верховенство, иначе говоря, свое обеспеченное большинство в законодательных органах; угнетенный класс борется сначала за долю этой власти, а затем и за всю власть, чтобы получить возможность изменить существующие законы соответственно своим собственным интересам и нуждам. Так рабочий класс Великобритании годами страстно боролся, прибегая даже к насилию, за Народную хартию[175], которая должна была дать ему эту политическую власть. Он потерпел поражение по борьба произвела такое впечатление на победившую буржуазию, что с тех пор она очень довольна уж тем, что ценой все новых и новых уступок рабочим покупает продолжение перемирия.

Далее, в политической борьбе класса против класса важнейшим оружием является организация. И по мере того, как распа-

далась чисто политическая, или чартистская, организация, в той же мере организация тред-юнионов становилась все сильнее и сильнее, пока в настоящее время она не достигла такой степени мощи, что с ней не может сравниться ни одна рабочая организация в других странах. Несколько крупных тред-юнионов, охватывающих от одного до двух миллионов рабочих и подкрепленных меньшими, или местными союзами, представляют силу, с которой вынуждено считаться всякое правительство господствующего класса, будь то виги или тори.

В соответствии с традициями, установившимися при их возникновении и развитии в Англии, эти могущественные организации до сих пор ограничивали свою деятельность почти исключительно участием в регулировании заработной платы и рабочего дня и борьбой за отмену законов, открыто направленных против рабочих. Как указано выше, они это делали с тем успехом, какого были вправе ожидать. Но больше того:

правящий класс, который знает их силу лучше, чем они сами, соблаговолил сделать им добавочные уступки. Избирательный закон Дизраэли[176] предоставил право голоса во всяком случае большей части организованного рабочего класса. Разве Дизраэли внес бы это предложение, если бы не предполагал, что эти новые избиратели выразят свою собственную волю, что они перестанут идти на поводу у буржуазных либеральных политиков? Разве мог бы он провести это предложение, если бы рабочие, управляя своими огромными профессиональными союзами, не доказали своей способности к административной и политической деятельности?

Эта мера открыла новые возможности для рабочего класса. Она доставила ему большинство в Лондоне и во всех фабричных городах и, таким образом, позволила ему начать борьбу против капитала новым оружием, посылая в парламент людей своего собственного класса. Но здесь-то и приходится, к сожалению, сказать, что тред-юнионы забыли свои обязанности передовой части рабочего класса. Новое оружие находится в их руках в течение более чем десяти лет, но едва ли они хотя бы раз обнажили его. А им не следовало бы забывать, что они не смогут сохранить занимаемое ими теперь положение, если не будут действительно идти в первых рядах рабочего класса. Противоестественно, чтобы рабочий класс Англии, будучи в состоянии посылать в парламент сорок или пятьдесят рабочих, все же вечно удовлетворялся тем, что его представляют капиталисты или их приказчики, вроде юристов, журналистов и т. п.

Более того: судя по многим симптомам, в рабочем классе Англии просыпается сознание того, что он некоторое время шел

по ложному пути; что нынешнее движение, исключительной целью которого является повышение заработной платы и сокращение рабочего дня, держит его в порочном кругу, из которого нет выхода; что основным злом является не низкий уровень заработной платы, а сама система наемного труда. Как только понимание этого станет в среде рабочего класса общераспространенным, положение тред-юнионов должно будет существенно измениться. У них не будет больше той привилегии, что они единственные организации рабочего класса. Наряду с союзами отдельных профессий или над ними должно возникнуть общее объединение, политическая организация рабочего класса как целого.

Итак, организованным тред-юнионам следует хорошенько учесть два обстоятельства: во-первых, что быстро приближается время, когда рабочий класс Англии недвусмысленным образом потребует полной доли своего представительства в парламенте. Во-вторых, что столь же быстро приближается время, когда рабочий класс поймет, что борьба за высокую заработную плату и за короткий рабочий день, как и вся деятельность тред-юнионов в ее нынешнем виде, является не самоцелью, а лишь средством, пусть средством очень необходимым и действенным, но все же только одним из многих средств, ведущих к достижению более высокой цели: к полному уничтожению всей системы наемного труда.

Для полного представительства рабочих в парламенте, равно как и для подготовки к уничтожению системы наемного труда, станет необходима организация не отдельных профессий, а рабочего класса как целого. И чем скорее это будет сделано, тем лучше. Нет в мире такой силы, которая хотя бы в течение одного дня могла сопротивляться британскому рабочему классу, когда он будет организован как единое целое.

Написано Ф. Энгельсом около 20 мая 1881 г.

Напечатано в газете «The Labour Standard» (London) №№ 4 и 5, 28 мая и 4 июня 1881 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ТОРГОВЫЙ ДОГОВОР С ФРАНЦИЕЙ

В четверг 9 июня в палате общин г-н Монк (депутат от Глостера) предложил резолюцию, гласящую, что

«не может быть признан удовлетворительным такой торговый договор с Францией, который не будет способствовать расширению торговых отношений между обеими странами путем дальнейшего понижения пошлин».

Последовали довольно продолжительные прения. Сэр Ч. Дилк от имени правительства оказал слабое сопротивление, требуемое дипломатическим этикетом. Г-н Дж. А. Бальфур (от Тамуэрта) предложил встречными пошлинами принудить другие нации ввести снижение тарифов. Г-н Слагг (от Манчестера) предложил даже без всякого договора предоставить французам убедиться в значении нашей торговли для них и их торговли для нас. Г-н Иллингуорт (от Брадфорда) потерял надежду на достижение свободы торговли путем торговых договоров. Г-н Мак-Айвер (от Беркенхеда) заявил, что нынешняя система свободной торговли — только обман, поскольку она сводится к свободе ввоза и ограничению вывоза. Резолюция была принята 77 против 49, — поражение, от которого не пострадает ни настроение г-на Гладстона, ни его положение.

Эти прения являются превосходным образчиком длинного ряда вечно повторяемых жалоб на то упрямство, с которым глупые иностранцы и столь же глупые колониальные подданные отказываются признать всеобщую благодетельность свободной торговли и ее способность излечивать все экономические бедствия. Ни одно пророчество никогда еще не проваливалось в такой степени, как пророчество манчестерской школы[177],

будто свободная торговля, будучи установлена в Англии, окажется столь благодетельной для страны, что все другие нации должны будут последовать ее примеру и открыть свои гавани для английских товаров. Увещевающий голос апостолов свободной торговли остался гласом вопиющего в пустыне. Не только континент и Америка повысили, в целом, свои покровительственные пошлины; их примеру последовали даже британские колонии, как только в них было введено самоуправление; и едва лишь Индия была подчинена короне[178], как даже там была введена пятипроцентная пошлина на хлопчатобумажные изделия в качестве стимула для развития своей промышленности.

Как могло это случиться, — непостижимая тайна для манчестерской школы. Между тем, это достаточно ясно.

Около середины прошлого века хлопчатобумажная промышленность сосредоточивалась главным образом в Англии, и поэтому естественно, что именно здесь, при быстро возрастающем спросе на хлопчатобумажные изделия, были изобретены машины, которые с помощью парового двигателя революционизировали сначала хлопчатобумажное производство, а вслед затем и всю текстильную промышленность. Обширные и легко доступные месторождения каменного угля в Великобритании благодаря пару стали теперь основой процветания страны. Богатые залежи железной руды, расположенные вблизи от каменного угля, облегчили развитие железоделательной промышленности, получившей новый стимул в связи со спросом на машины и оборудование. Далее, в самый момент этой революции всей промышленной системы начались антиякобинские и наполеоновские войны, которые приблизительно на двадцать пять лет вытеснили с морей корабли почти всех конкурировавших наций и таким образом дали английским промышленным товарам фактическую монополию на всех заатлантических и на некоторых европейских рынках. Когда в 1815 г. мир был восстановлен, Англия со своими фабриками, на которых применялся пар, была в состоянии снабжать весь мир, между тем как в других странах паровые машины были еще почти неизвестны. В фабричном производстве Англия оставила их далеко позади себя.

Но восстановление мира побудило вскоре другие нации пойти по стопам Англии. Прикрытая китайской стеной своего запретительного тарифа, Франция начала применять пар в промышленности. Так же поступила и Германия, хотя ее тариф в то время был гораздо либеральнее, чем во всех прочих странах, не исключая и Англии. Так же поступили и другие страны. В то же время британская землевладельческая аристократия для

повышения своей ренты установила хлебные законы[179], повысив тем самым цену на хлеб, а вместе с ней и денежное выражение заработной платы. Несмотря на это, развитие английской фабричной промышленности шло с изумительной быстротой. Около 1830 г. Англия изо всех сил стремилась стать «мастерской мира». Лига против хлебных законов[180] задалась целью в самом деле сделать из Англии мастерскую мира.

В те времена не скрывали, какую цель преследовали отменой хлебных законов. Понижение цены на хлеб, а следовательно и денежной заработной платы, дало бы британским фабрикантам возможность презреть всякую конкуренцию, которой угрожали им нечестивые или невежественные иностранцы. Что могло быть естественнее того, чтобы Англия, при ее великих успехах в машинном производстве, с ее огромным торговым флотом, с ее углем и железом, снабжала весь мир фабричными изделиями и чтобы внешний мир снабжал ее в свою очередь земледельческими продуктами, зерном, вином, льном, хлопком, кофе, чаем и т. д.? Такова уж была воля провидения; противиться этому было бы прямым возмущением против велений бога. Самое большее, — это можно было бы разрешить Франции снабжать Англию и остальную часть мира такими предметами вкуса и моды, которых нельзя было изготовлять с помощью машин и которые даже не заслуживали внимания просвещенного фабриканта. Тогда, и только тогда, воцарился бы мир на земле и во человецех благоволение; тогда все нации были бы связаны нежнейшими узами торговли и взаимной выгоды; тогда навеки установилось бы царство мира и изобилия; а рабочему классу, своим «рукам», они говорили: «наступает хорошее время, ребята, — подождите еще немного». Конечно, «руки» так и ждут до сих пор.

Но между тем как «руки» ждали, нечестивые и невежественные иностранцы не ждали. Они вовсе не видели прелести в такой системе, при которой временные индустриальные преимущества, которыми обладала Англия, превратились бы в средство навсегда обеспечить за ней фабричную монополию во всем мире и свести все остальные нации к зависимой роли простых аграрных придатков Англии, — другими словами, к весьма завидному положению Ирландии. Они понимали, что ни одна нация не может не отстать от других в отношении цивилизации, если она лишена фабрик и осуждена тем самым оставаться лишь скоплением деревенщины. И поэтому, подчиняя частную коммерческую выгоду национальным потребностям, они охраняли свои зарождающиеся фабрики высокими тарифами, представлявшимися им единственным средством предохранить себя от того,

чтобы опуститься до того экономического положения, в котором пребывает Ирландия.

Мы вовсе не хотим сказать, что во всех случаях было правильно поступать именно так. Наоборот, Франция много выиграла бы, если бы значительно приблизилась к свободе торговли. Германские фабрики, каковы бы они ни были, достигли своего нынешнего состояния при свободе торговли, а новый покровительственный тариф, введенный Бисмарком, никому не принесет вреда, кроме самих немецких фабрикантов. Но есть одна страна, в которой краткий период протекционизма не только был оправдан, но и является делом абсолютной необходимости, именно — Америка.

Америка находится на той стадии развития, когда введение фабрик стало национальной необходимостью. Лучшим доказательством этого является тот факт, что в изобретении сберегающих труд машин впереди идет уже не Англия, а Америка. Американские изобретения ежедневно вытесняют английские патенты и английские машины. Американские машины ввозятся в Англию, и это касается почти всех отраслей промышленности. Америка обладает к тому же энергичнейшим в мире населением, месторождениями каменного угля, по сравнению с которыми английские представляются чуть ли не бесконечно малой величиной, железом и в изобилии всеми другими металлами. И можно ли предположить, что такая страна обречет свою молодую и растущую промышленность на долгую, длительную конкурентную борьбу с давно окрепшей промышленностью Англии, если она может в течение краткого периода каких-нибудь двадцати лет протекционизма сразу подняться до уровня любого конкурента? Но, утверждает манчестерская школа, Америка сама себя разоряет своей покровительственной системой. Так разоряет сам себя человек, который платит надбавку за скорость в курьерском поезде, вместо того чтобы пользоваться стародавним пассажирским, — и делает пятьдесят миль в час вместо двенадцати.

Не подлежит сомнению, что нынешнее поколение увидит, как американские хлопчатобумажные товары будут конкурировать с английскими в Индии и в Китае и постепенно отвоюют себе почву на этих двух важнейших рынках. Американские машины и железоскобяные товары конкурируют с английскими во всех частях света, в том числе и в Англии. И та же неумолимая необходимость, в силу которой фламандские мануфактуры передвинулись в Голландию, а голландские — в Англию, вскоре передвинет центр мировой промышленности из Англии в Соединенные Штаты. А на ограниченном поле деятельности, которое

останется тогда для Англии, она найдет грозных конкурентов в лице некоторых континентальных наций.

Нельзя уже больше игнорировать тот факт, что промышленная монополия Англии на ущербе. Если «просвещенная» буржуазия полагает, что в ее интересах замалчивать это, то пусть рабочий класс смело глядит правде в лицо, потому что он заинтересован здесь больше, чем даже «высшие» классы. Последние могут все же еще долгое время оставаться банкирами и ростовщиками мира, подобно тому как это было до них с венецианцами и голландцами в период их упадка. Но что будет с «руками», когда огромная внешняя торговля Англии начнет с каждым годом сокращаться, вместо того чтобы возрастать? Если достаточно было перемещения кораблестроения (из металла) с берегов Темзы на берега Клайда, чтобы довести всю восточную часть Лондона до хронического пауперизма, то что станет с Англией после фактического перемещения всех основных отраслей английской промышленности по ту сторону Атлантического океана?

Результатом будет одно великое дело: будет разбито последнее звено, связывающее еще английский рабочий класс с английской буржуазией. Этим звеном было их совместное стремление к национальной монополии. Раз будет уничтожена эта монополия, британский рабочий класс вынужден будет взять в свои руки свои собственные интересы, свое собственное спасение и положить конец системе наемного труда. Будем надеяться, что он не станет ждать до тех пор.

Написано Ф. Энгельсом в середине июня 1881 г.

Напечатано в газете «The Labour Standard» (London) № 7, 18 июня 1881 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ДВА ОБРАЗЦОВЫХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СОВЕТА

Мы обещали нашим читателям знакомить их с ходом рабочего движения как в Англии, так и за границей. Время от времени мы имели возможность сообщать кое-что новое об Америке. В данный момент представляется возможность познакомить читателей с некоторыми фактами из французской жизни — фактами столь важными, что они заслуживают обсуждения в передовой статье нашей газеты.

Во Франции не знают того разнообразия в системе публичной подачи голосов, которое все еще имеет место в Англии. Там нет разницы между системой голосования при выборах в парламент и при выборах в муниципальные органы: повсюду, как правило, применяется открытая общая подача голосов с баллотировкой тарами. Когда во Франции возникла социалистическая рабочая партия, она приняла решение выставлять рабочие кандидатуры при выборах не только в парламент, но и во все муниципальные органы. И вот, при последних выборах муниципальных советов во Франции, имевших место 9 января этого года, молодая рабочая партия победила в большом числе промышленных фабричных городов и в ряде сельских общин, в особенности там, где имеются горные промыслы. Ей удалось провести не только отдельных кандидатов, но и добиться в некоторых местах большинства в советах, и, наконец, один из советов, как мы увидим дальше, был составлен целиком из рабочих.

Незадолго до того как был основан «Labour Standard», возникла стачка заводских рабочих в городе Рубе, на границе с Бельгией. Правительство немедленно отправило в этот город войска и одновременно под предлогом поддержания порядка

(которому ничто не угрожало) пыталось вызвать бастующих на такие действия, которые могли бы служить предлогом к вмешательству войск. Но рабочие держались спокойно, причем помогла им устоять против всякой провокации главным образом деятельность муниципального совета, в большинстве своем состоящего из рабочих. О причинах, вызвавших стачку, было доложено в совете, и они подверглись здесь детальному обсуждению. В результате совет не только признал правоту бастующих, но и предпринял реальную меру, *постановив ассигновать сумму в 50000 франков или 2000 ф. ст. в помощь бастующим.* Эта субсидия не была выплачена лишь вследствие опротестования префектом департамента, который по французским законам обладает правом приостанавливать любые постановления городских советов, если, по его мнению, последние превысили свои полномочия. Тем не менее большая моральная поддержка, оказанная стачечникам этим постановлением городского самоуправления, оказалась чрезвычайно ценной для рабочих.

8 июня Горнопромышленное общество в Коммантри, в центре Франции (департамент Алье), рассчитало 152 рабочих, отказавшихся подчиниться вновь введенному возмутительному распорядку рабочего дня. Тогда все горняки в числе около 1600 человек, в знак протеста против предпринятых в последнее время попыток постепенно внедрить невыгодный рабочим распорядок дня, объявили забастовку. И здесь городской совет немедленно встал на сторону рабочих. На собрании 12 июня (к тому же в воскресенье) были вынесены резолюции следующего содержания:

1. Ввиду того что общество обязано обеспечивать существование тех, кто своим трудом обеспечивает существование всего общества, и ввиду того что государство отказывается от выполнения этой обязанности, — за это берутся коммуны; совет принимает решение — предоставить заем в 25000 франков (1000 ф. ст.), с гарантией наиболее обеспеченных граждан; эта сумма предназначается для поддержки горнорабочих, вынужденных оставить работу из-за несправедливого увольнения 152 их товарищей.

Принято единогласно, протестовал только мэр.

2. Ввиду того что государство, продав акционерной компании ценное народное достояние — рудники Коммантри, тем самым выдало занятых там рабочих на произвол означенной компании; что, следовательно, государство было обязано позаботиться о том, чтобы гнет, которому будут подвергаться горнорабочие со стороны компании, по крайней мере, не доходил до степени, угрожающей самому их существованию; что государство предоставило на время стачки в распоряжение компании войска и тем самым не только не сохранило нейтралитета, но стало на сторону компании;

совет во имя интересов рабочего класса, которые он обязан отстаивать, требует от супрефекта округа:

1) немедленно отозвать войска, ничем не оправданное присутствие которых здесь является прямой провокацией;

2) обратиться к управляющему компании и обязать его отменить мероприятие, вызвавшее стачку.

Принято единогласно.

В третьей, также единогласно принятой резолюции, совет, предусмотрев, что коммунальных средств при их скудности может не хватить на выдачу займа, объявил общественную подписку в пользу стачечников и обратился ко всем городским самоуправлениям Франции с просьбой принять участие в оказании им денежной поддержки.

Итак, здесь мы видим разительные результаты участия рабочих не только в парламенте, но и в муниципальных и других органах. Совсем по-другому могли бы заканчиваться забастовки в Англии, если бы рабочие получали поддержку от своих городских советов! Английские советы и прочие органы местного самоуправления, выбираемые преимущественно рабочими, в настоящее время заполнены исключительно предпринимателями, их прямыми и косвенными агентами (адвокатами и пр.) и, в лучшем случае, лавочниками.

Когда возникает забастовка или локаут, местные власти тотчас обращают всю свою моральную и материальную власть на пользу хозяев и против рабочих; полиция, оплачиваемая из рабочего кармана, используется для того же, для чего войска во Франции, а именно провоцирует рабочих на незаконные действия и травит их.

Власти, призванные исполнять законы о бедных, как правило, отказывают в какой-либо помощи людям, которые, по их мнению, обязаны работать несмотря ни на что. Этого и следовало ожидать. С точки зрения людей того класса, представителей которого рабочие терпят в составе местных органов управления, стачка есть просто бунт против существующего социального строя и надругательство над священными правами собственности. Вследствие этого при каждой стачке или локауте все огромное моральное и материальное влияние местных органов всегда будет направлено на поддержку предпринимателя до тех пор, пока рабочий класс соглашается выбирать предпринимателей и представителей предпринимателя в местные органы самоуправления.

Мы надеемся, что деятельность этих двух французских городских советов откроет глаза многим. Всегда ли будут говорить, имея в виду также и английских рабочих, что «эти дела

ведутся лучше во Франции»? Рабочий класс Англии с его старыми и мощными организациями, с его вековыми политическими свободами, с его многолетним опытом политической деятельности, имеет огромные преимущества перед рабочими любой страны на континенте. Однако немцы провели в парламент 12 представителей от рабочих, и рабочие так же, как во Франции, имеют большинство во многих городских советах. Правда, в Англии избирательные права рабочих ограничены, тем не менее рабочий класс составляет большинство населения больших городов и промышленных округов. Стоит только захотеть, и это потенциальное большинство сделается реальной силой в государстве, силой во всех местах, где концентрируется рабочее население. И если рабочие будут достойно представлены в парламенте, в городских советах, в местных попечительных советах, то в непродолжительном времени появятся государственные деятели из рабочих, способные вставить палки в колеса тем самодовольным и тупым чиновникам, которые нередко тиранят народные массы.

Написано Ф. Энгельсом во второй половине июня 1881 г.

Напечатано в газете «The Labour Standard» (London) № 8, 25 июня 1881 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

АМЕРИКАНСКИЕ ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ И ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС

Начиная с осени 1837 г. для нас стало вполне привычным явлением, что денежная паника и коммерческие кризисы импортируются в Англию из Нью-Йорка. Из всех кризисов, каждые десять лет повторяющихся в промышленности, по крайней мере половина разражалась в Америке. Но что Америка сможет потрясти также и освященные веками отношения, существующие в британском земледелии, революционизировать сложившиеся с незапамятных времен феодальные отношения между лендлордом и арендатором, нанести удар английской ренте и разорить английские фермы, — такое зрелище предназначалось для последней четверти XIX века.

И, однако, это так. Девственная почва западных прерий, которая теперь возделывается не отдельными небольшими участками, а сразу тысячами квадратных миль, начинает теперь определять цену на пшеницу, а следовательно, и ренту с засеянной пшеницей земли. PI ни одна старая почва не может с ней конкурировать. Это — изумительная земля, ровная или слегка холмистая; это почва, которую не колебали мощные сотрясения, которая сохранилась в том же точно состоянии, в каком она медленно осаждалась на дне третичного океана; почва, свободная от камней, скал, деревьев; готовая для непосредственной обработки, без всяких предварительных работ. Не нужно ни расчистки, ни осушения почвы; пройдитесь по ней плугом — и она готова принять семена; она принесет двадцать-тридцать урожаев пшеницы подряд и без всякого удобрения. Эта почва пригодна для земледелия гигантских масштабов, и ее обрабатывают в гигантских размерах. Британский земледелец привык

гордиться своими крупными фермами, противопоставляя их маленьким фермам континентальных собственников-крестьян; но что такое самые крупные фермы Соединенного королевства по сравнению с фермами американских прерий, фермами в 40000 и более акров, обрабатываемыми настоящими армиями людей, лошадей и орудий, армиями, дисциплинированными, управляемыми и организованными, как армии солдат?

Эта американская революция в земледелии вместе с революционизированными транспортными средствами, изобретенными американцами, привели к тому, что в Европу ввозится пшеница по таким низким ценам, что с ней не может конкурировать ни один европейский фермер, по крайней мере до тех пор, пока он вынужден платить ренту. Посмотрите, что произошло в 1879 г., когда это впервые почувствовали. Во всей Западной Европе был плохой урожай; в Англии дело было совсем плохо. И все же благодаря американскому зерну цены почти не изменились. Впервые британский фермер имел одновременно и плохой урожай, и низкие цены на пшеницу. Тогда фермеры начали волноваться, лендлорды почувствовали тревогу. На следующий год при лучшем урожае цены стали еще ниже. Цена зерна определяется теперь издержками его производства в Америке плюс издержки транспорта. И с каждым годом это будет сказываться все более и более, по мере того как будут попадать под плуг все новые участки земли в прериях. Необходимые же для этого армии земледельческих рабочих мы сами находим в Европе, отправляя за океан эмигрантов.

Прежде для фермера и для лендлорда существовало хоть то утешение, что если не принесло дохода зерно, то можно себя вознаградить на мясе. Пахотная земля обращалась в пастбище, и опять все было прекрасно. Но теперь отнят и этот ресурс. Американское мясо и американский скот вывозятся во все большем и большем количестве. И не только американский. Есть еще по крайней мере две больших скотоводческих страны, которые усиленно ищут способа пересылать в Европу, и особенно в Англию, свой огромный избыток мяса, не находящий теперь сбыта. При нынешнем состоянии науки и при быстрых успехах в ее применении мы можем быть уверены, что самое позднее через несколько лет австралийская и южноамериканская говядина и баранина будут доставляться в полной сохранности и в огромном количестве. Что станет тогда с процветанием британского фермера, с длинным списком доходов британского лендлорда? Конечно, очень хорошо разводить крыжовник, клубнику и т. п., но этот рынок и так вполне достаточно насыщен. Британский рабочий, несомненно, мог бы потреблять и гораздо больше этих

деликатесов, но в таком случае сначала повысьте его заработную плату.

Вряд ли нужно говорить о том, что действие этой новой американской аграрной конкуренции оказывается также и на континенте. Мелкий собственник-крестьянин, оказывающийся большей частью по уши в долгах по закладным, платящий проценты и судебные издержки взамен ренты, которую платят английский и ирландский фермеры, — этот крестьянин ощущает ее так же сильно. Своеобразным результатом этой американской конкуренции оказывается то, что она делает бесполезной не только крупную, но и мелкую земельную собственность, ибо невыгодными становятся и та, и другая.

Могут возразить, что та система истощения земли, которую практикуют ныне на Дальнем Западе, не может продолжаться вечно и что дела должны снова поправиться. Конечно, она не может длиться вечно; но неистощенной земли там еще достаточно много, чтобы этот процесс затянулся еще и на будущее столетие. Сверх того, есть и другие страны, представляющие такие же преимущества. Существует вся южнорусская степь, где и в самом деле коммерсанты скупили землю и проделали то же самое. Существуют обширные пампасы Аргентинской республики, существуют и другие места; все эти земли одинаково пригодны для этой новейшей системы гигантских ферм и дешевого производства. Так что до той поры, когда наступит истощение, эта система продержится еще достаточно долго, по крайней мере вдвое дольше, чем нужно для того, чтобы покончить со всеми землевладельцами Европы, крупными и мелкими.

Ну, а к чему все это ведет? Это ведет и должно привести к тому, что нам придется национализировать землю и обрабатывать ее кооперативными товариществами под контролем народа. Тогда, и только тогда, и для земледельцев и для нации снова станет выгодно обрабатывать землю, каковы бы ни были цены на американское или иное зерно и мясо. Если же тем временем лендлорды в самом деле переселятся в Америку, а они, по-видимому, уже наполовину склонны это сделать, то мы пожелаем им счастливого пути.

Написано Ф. Энгельсом в конце июня 1881 г.

Напечатано в газете «The Labour Standard» (London) № 9, 2 июля 1881 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ТЕОРИЯ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ В ТОЛКОВАНИИ ЛИГИ ПРОТИВ ХЛЕБНЫХ ЗАКОНОВ

В этом номере напечатано письмо г-на Дж. Нобла, который возражает против некоторых замечаний, сделанных нами в передовой статье в «The Labour Standard» от 18 июня*. Хотя столбцы, предназначенные для передовых статей, мы не можем занимать полемикой по поводу исторических фактов или экономических теорий, — все же на этот раз мы ответим человеку, который, хотя и стоит на позиции правительственной партии, но, по-видимому, искренен.

На наше утверждение, что посредством отмены хлебных законов стремились достигнуть «понижения цены на хлеб, а следовательно и денежной заработной платы», г-н Нобл возражает, что таково было «протекционистское заблуждение», против которого настойчиво боролась Лига, и в доказательство этого приводит несколько выдержек из речей Ричарда Кобдена и из одного воззвания Совета Лиги.

Автор статьи, о которой идет речь, жил в то время в Манчестере — он был там одним из фабрикантов. Ему, конечно, превосходно известно, какова была официальная доктрина Лиги. Если свести ее к самой краткой и наиболее общепризнанной формулировке (ибо имеется много вариантов), то она гласила: отмена хлебных пошлин увеличит нашу торговлю

* См. настоящий том, стр. 269—273. *Ред.*

с другими странами, непосредственно увеличит наш ввоз, в обмен на который иностранные потребители будут покупать наши промышленные изделия, повышая тем самым спрос на наши промышленные товары; таким образом, увеличится спрос на труд нашего промышленного рабочего населения, и стало быть должна повыситься заработная плата. День за днем и год за годом повторяя эту теорию, официальные представители Лиги, будучи поверхностными экономистами, могли, наконец, выступить с изумительным утверждением, будто заработная плата повышается и понижается обратно пропорционально не прибыли, а цене продуктов питания; что дорогой хлеб означает низкую заработную плату, а дешевый хлеб — высокую заработную плату. Таким образом, глашатаи Лиги провозгласили, что повторяющиеся каждые десять лет промышленные кризисы, существовавшие и до и после отмены хлебных пошлин, являются просто результатами хлебных законов, результатами, которые должны исчезнуть, как только будут отменены эти ненавистные законы; что хлебные законы являются единственным крупным препятствием, стоящим между британским фабрикантом и жаждущими изделий этого фабриканта бедными иностранцами, неодетыми и дрожащими от холода из-за недостатка британских материй. И таким образом Кобден в самом деле мог заявить в выдержке, цитируемой г-ном Ноблом, что промышленная депрессия и понижение заработной платы в период от 1839 до 1842 г. были последствием чрезмерно высокой цены на хлеб в эти годы, тогда как это было не что иное, как один из обычных периодов промышленной депрессии, повторяющихся с величайшей регулярностью, вплоть до настоящего времени, каждые десять лет; период депрессии, значительно удлиненный и отягощенный плохим урожаем и нелепым вмешательством алчного законодательства лендлордов.

Вот какова была официальная теория Кобдена, который при всех своих способностях агитатора был плохим дельцом и поверхностным экономистом. Он, несомненно, верил в нее так же искренне, как г-н Нобл верит в нее и по сей день. Но основная масса Лиги состояла из практических дельцов, которые больше, чем Кобден, заботились о делах и достигали в них обычно большего успеха. Совсем по-другому относились они к этому делу. Конечно, перед лицом посторонних лиц и на публичных митингах, в особенности же пред лицом своих рабочих, официальная теория выдавалась обычно за «суть дела». Но дельцы, занимаясь делами, обычно не откровенничают со своими клиентами, а если г-н Нобл придерживается другого мнения, то лучше бы ему держаться подальше от манчестерской биржи.

Достаточно было с некоторой настойчивостью поставить вопрос о том, каким же путем предполагается повышение заработной платы в результате свободной торговли хлебом, — как обнаруживалось, что имели в виду повышение заработной платы, выраженной в предметах потребления; что денежное выражение заработной платы вполне возможно вовсе не повысится, — но разве по существу это не было бы повышением заработной платы? А если вы продолжали проявлять настойчивость, то обычно выяснялось, что денежная заработная плата могла бы даже и понизиться, тогда как блага, получаемые рабочим за эту уменьшившуюся сумму денег, все же были бы больше тех, какими он пользовался раньше. Если же вы задавали наконец еще несколько вопросов по поводу того, каким же способом должно было произойти ожидавшееся огромное расширение торговли, то вы могли очень скоро услышать, что рассчитывают они главным образом на эту последнюю возможность: на понижение денежной заработной платы в связи с падением цены хлеба и т. д., падением, с избытком компенсирующим это понижение. Более того, много было и таких, кто не старался даже скрывать свое мнение, что дешевый хлеб нужен просто для того, чтобы снизить денежную заработную плату и таким способом разбить наголову иностранную конкуренцию. Что именно таковы были на деле намерения и цели основной массы фабрикантов и коммерсантов, составлявших большинство Лиги, — этот вывод совсем не трудно было сделать тому, кто привык иметь дело с коммерсантами и кто не имел поэтому привычки всегда принимать на веру их слова. Вот что мы говорили и повторяем. Об официальной доктрине Лиги мы не говорили ни слова. Экономически она была «заблуждением», а практически — просто прикрытием корыстных целей, хотя некоторые из лидеров повторяли ее так часто, что в конце концов сами в нее уверовали.

Очень забавны цитируемые г-ном Ноблом слова Кобдена о рабочих, которые «с удовлетворением потирают руки» в ожидании хлеба по 25 шиллингов за квартер. Рабочий класс в то время отнюдь не пренебрегал дешевым хлебом; но от деятельности Кобдена и компании рабочие испытывали такое «удовлетворение», что в течение ряда последних лет сделали невозможным для Лиги устроить хотя бы один настоящий публичный митинг во всей Северной Англии. Автор настоящей статьи испытывал «удовлетворение», присутствуя в 1843 г. при последней попытке Лиги устроить такой митинг в здании солфордской ратуши и видя, как митинг чуть не был сорван одним только внесением поправки в пользу Народной хартии. С тех

пор на всех митингах Лиги было введено правило «входа по билетам», которые были доступны далеко не для всех. С того времени «чартистская обструкция» прекратилась. Рабочие массы достигли своей цели: они доказали, что Лига, вопреки своим притязаниям, *не* представляла их.

В заключение несколько слов о теории заработной платы в толковании Лиги. Средняя цена товара равна издержкам его производства; действие предложения и спроса состоит в сведении ее к этому уровню, вокруг которого она колеблется. Если это верно для всех товаров, то это верно и для товара, именуемого трудом (или, точнее говоря, для рабочей силы). Стало быть, размер заработной платы определяется ценой тех товаров, которые входят в обычное и необходимое потребление рабочего. Другими словами, при неизменности прочих условий заработная плата повышается и понижается вместе с ценой жизненных средств. Это — закон политической экономии, против которого все эти Перронет-Томпсоны, Кобдены и Брайты всегда будут бессильны. Но все прочие условия вовсе не остаются всегда неизменными, и поэтому действие этого закона на практике видоизменяется сопутствующим действием других экономических законов; он затушевывается, и иногда до такой степени, что довольно трудно бывает проследить его. Для вульгаризирующих и вульгарных экономистов, ведущих свое происхождение от Лиги против хлебных законов, это послужило предлогом для утверждения, что прежде всего труд, а затем и все другие товары не имеют реально определенной стоимости, а имеют только колеблющуюся цену, регулируемую предложением и спросом более или менее независимо от издержек производства, и что для повышения цен, а следовательно и заработной платы, нельзя сделать ничего другого, как только увеличить спрос. Так отделываются от неприятной связи между размером заработной платы и ценой продуктов питания и бесцеремонно заявляют согласно своей вульгарной, смехотворной доктрине, что дорогой хлеб означает низкую заработную плату, а дешевый хлеб — высокую заработную плату.

Может быть, г-н Нобл спросит, не оказывается ли заработная плата при нынешней дешевизне хлеба обычно на том же уровне или даже выше, чем при дороговизне хлеба, обложенного до 1847 г. пошлиной? Для ответа на этот вопрос пришлось бы заняться продолжительным исследованием. Но достоверно вот что: там, где какая-либо отрасль промышленности процветала и где в то же время рабочие были хорошо организованы для защиты своих интересов, их заработная плата обычно не понижалась, а в некоторых случаях даже повышалась. Это

доказывает только то, что рабочих прежде оплачивали слишком низко. А там, где какая-либо отрасль промышленности приходила в упадок или же где рабочие не были крепко организованы в тред-юнионы, их заработная плата неизменно падала, и часто до голодного уровня. Подите в лондонский Ист-Энд и посмотрите сами!

Написано Ф. Энгельсом в начале июля 1881 г.

Напечатано в газете «The Labour Standard» (London) № 10, 9 июля 1881 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПАРТИЯ РАБОЧИХ

Как часто предупреждали нас друзья и сочувствующие: «Держитесь подальше от партийной политики!» И они были совершенно правы, поскольку дело касается политики нынешних английских партий. Рабочий орган — партийный в современном смысле слова, по своему направлению не должен принадлежать ни к вигам, ни к тори, ни к консерваторам, ни к либералам, ни даже к радикалам. Консерваторы, либералы, радикалы — все они представляют только интересы правящих классов и различные оттенки мнений, господствующих среди лендлордов, капиталистов и мелких торговцев. В тех случаях, когда им приходится быть представителями от рабочего класса, они вовсе не представляют его. У рабочего класса есть своп собственные интересы, как политические, так и социальные. Как отстаивал он то, что считал своими социальными интересами, показывает история тред-юнионов и движения за сокращение рабочего дня. Но защиту своих политических интересов он оставляет почти полностью в руках тори, вигов и радикалов, людей господствующего класса, и в течение чуть ли не четверти века рабочий класс Англии довольствовался тем, что плелся в хвосте «великой либеральной партии».

Такая политическая роль недостойна наиболее организованного рабочего класса Европы. В других странах рабочие оказались гораздо более активными. В Германии уже более десяти лет существует рабочая партия (социал-демократы), которая обладает десятью местами в парламенте и рост которой так напугал Бисмарка, что он провел те гнусные репрессивные меры, о которых мы сообщаем в другой статье*. Однако, вопреки Бисмарку, рабочая партия непрерывно растет; лишь на прошлой неделе она завоевала шестнадцать мандатов в мангеймский

* См. настоящий том, стр. 289—291. *Ред.*

городской совет и один — в саксонский парламент. В Бельгии, Голландии и Италии последовали примеру немцев; в каждой из этих стран существует рабочая партия, хотя избирательный ценз слишком высок для того, чтобы у них в данный момент была возможность послать депутатов в законодательный орган. Во Франции как раз в настоящее время процесс организации рабочей партии достиг высшей точки; на последних выборах рабочая партия получила большинство в ряде муниципальных советов, а в октябре этого года на общих выборах несомненно завоюет несколько мест в палате депутатов. Даже в Америке, где переход из рядов рабочего класса в ряды фермеров, торговцев или капиталистов происходит еще сравнительно легко, рабочие считают необходимым организоваться в самостоятельную партию. Везде рабочий борется за политическую власть, за прямое представительство своего класса в законодательных органах, везде — только не в Великобритании.

Однако никогда еще в Англии не было шире, чем теперь, распространено убеждение, что старые партии обречены на гибель, что старые пароли утратили смысл, что старые лозунги подорваны, что старые панацеи уже больше не действенны. Мыслящие люди всех классов начинают понимать, что должен быть проложен новый путь и что путь этот возможен лишь в направлении демократии. Но в Англии, где промышленный и земледельческий рабочий класс образует огромное большинство населения, демократия означает власть рабочего класса, не более и не менее. Пусть же этот рабочий класс готовится к выполнению предстоящей ему задачи — к управлению этой обширной империей; пусть он поймет ответственность, которая неизбежно выпадет на его долю. Лучший способ для этого — воспользоваться той силой, которая уже находится в его руках, тем фактическим большинством, которым он обладает в каждом большом городе королевства, для посылки в парламент людей из своих собственных рядов. Используя предоставленное съемщикам домов и квартир избирательное право, легко можно было бы послать в парламент сорок или пятьдесят рабочих, а такой приток совершенно свежей крови был бы там, конечно, крайне желателен. При наличии даже такого числа рабочих парламент уже не мог бы все более превращать, как это теперь делается, ирландский земельный билль[181] в ирландский земельный блеф, а именно: в билль о возмещении убытков ирландским лендлордам; не мог бы сопротивляться требованиям о перераспределении парламентских мест, о действительном наказании за подкуп, о возложении расходов по организации выборов на государственную казну, как это принято везде, кроме Англии и т. д.

Более того, в Англии подлинно демократическая партия возможна только как рабочая партия. Просвещенные люди из других классов (где их вовсе не так много, как нас хотят уверить) могут присоединиться к этой партии и даже быть ее представителями в парламенте, после того как докажут свою искренность. Так бывает везде. В Германии, например, представители рабочих вовсе не во всех случаях являются рабочими. Но никакая демократическая партия ни в Англии, ни где бы то ни было не достигнет действительных успехов, если она не будет иметь ясно выраженного пролетарского характера. Откажитесь от этого, и у вас ничего не будет, кроме сект и надувательства.

А для Англии это даже еще более верно, чем для других стран. К сожалению, было достаточно много надувательства со стороны радикалов после крушения первой во всемирной истории рабочей партии, партии чартистов. — Да, но ведь чартисты потерпели крушение и ничего не достигли. — Так ли это? Из шести пунктов Народной хартии два, а именно тайная подача голосов и отмена имущественного ценза, являются теперь законом страны. Третий пункт — всеобщее избирательное право — во всяком случае почти осуществлен в форме избирательного права для съемщиков домов и квартир; четвертый пункт — равные избирательные округа — определенно будет проведен как реформа, обещанная нынешним правительством. Так что крушение чартистского движения привело к осуществлению доброй половины чартистской программы. И если одно только воспоминание о былой политической организации рабочего класса могло привести к этим политическим реформам, а сверх того и к ряду социальных реформ, то каковы же будут результаты действительного существования политической рабочей партии, подкрепленной сорока или пятьюдесятью представителями в парламенте? Мы живем в таком мире, где каждый обязан заботиться о себе сам. Однако английский рабочий класс позволяет, чтобы о его интересах заботились лендлорды, капиталисты и мелкие торговцы с их прихвостнями — юристами, газетчиками и т. д. Неудивительно, что реформы в интересах рабочих осуществляются так медленно и такими жалкими крохами. Рабочим Англии стоит только пожелать, и от них будет зависеть провести любую реформу, социальную и политическую, которую требует их положение. Так отчего же не сделать этого усилия?

Написано Ф. Энгельсом в середине июля 1881 г.

Напечатано в газете «The Labour Standard» (London) № 12, 23 июля 1881 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

БИСМАРК И ГЕРМАНСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Английская буржуазная пресса в последнее время упорно молчала о жестокостях, совершаемых Бисмарком и его подручными в отношении членов социал-демократической рабочей партии Германии. Единственным исключением оказалась до некоторой степени газета «Daily News». Прежде, когда деспотические правительства за границей позволяли себе такие выходки по отношению к своим подданным, английские ежедневные и еженедельные печатные органы подымали действительно большой шум. Но здесь подвергается гонениям партия рабочих, которая этим именем гордится, и вот пресса, представляющая «общество», «высший свет», замалчивает факты и, судя по упорству своего молчания, по-видимому даже одобряет их. В самом деле, какое дело рабочим до политики? Пусть они предоставят это дело «вышестоящим». А затем есть еще и другая причина молчания английской прессы: очень трудно нападать на исключительные законы Бисмарка и на тот способ, которым он их применяет, защищая в то же время применение исключительных мер в Ирландии г-ном Форстером[182]. Это очень щекотливый пункт, и лучше его не затрагивать. Вряд ли можно ожидать от буржуазной печати, чтобы она сама указывала на то, как сильно пал моральный престиж Англии в Европе и в Америке благодаря действиям нынешнего правительства в Ирландии.

Общие выборы каждый раз приносили германской рабочей партии быстро возрастающее число голосов; на предпоследних выборах она получила 500000, а на последних — за ее кандидатов подано было более 600000 голосов. Берлин выбрал двух

депутатов; Эльберфельд-Бармен — одного; Бреславль, Дрезден — по одному; было завоевано десять мест, и это несмотря на то, что правительство заключило союз со всеми либеральными, консервативными и католическими партиями, несмотря на шум, вызванный двумя покушениями на жизнь императора, ответственность за которые все остальные партии единодушно возложили на рабочую партию. Тогда Бисмарку удалось провести закон, в силу которого социал-демократия была объявлена вне закона. Рабочие газеты, числом более пятидесяти, были запрещены, рабочие общества и клубы были закрыты, их денежные средства конфискованы, их собрания разгонялись полицией, и в довершение всего был издан закон, по которому целые города и округа могли быть «объявлены на чрезвычайном положении» точно так же, как в Ирландии. Но Бисмарк проделал в Германии такие вещи, на которые никогда не отваживались даже при английских исключительных законах в Ирландии[183]. В каждом округе, «объявленном на чрезвычайном положении», полиция получала право высылать любого человека, которого она имела «основание подозревать» в социалистической пропаганде. Берлин был, конечно, сразу объявлен на чрезвычайном положении, и сотни (а с их семьями — тысячи) людей были высланы. Ибо прусская полиция всегда высылает людей с семьями; молодых неженатых людей обычно не трогают; для них высылка не была бы тяжелым наказанием, а для отцов семейств она в большинстве случаев означает продолжительную нищету, если не полное разорение. Затем Гамбург избрал рабочего в члены парламента, и город был немедленно объявлен на чрезвычайном положении. Первая партия высланных из Гамбурга составляла около ста человек, а вместе с семьями — еще сверх того более трехсот человек. Рабочая партия в два дня собрала средства, покрывшие их путевые и другие неотложные расходы. Затем объявлен был на чрезвычайном положении и Лейпциг, причем исключительно под тем предлогом, что иначе правительство не может сокрушить партийную организацию. В первый же день было выслано тридцать три человека, преимущественно женатых людей с семьями. Список возглавляли три члена германского парламента; быть может, г-н Диллон пошлет им поздравительное письмо, так как все они оказались все же не в столь плохом положении, как он[184].

Но это еще не все. Раз уж рабочая партия объявлена по всем правилам вне закона, раз уж она лишена всех тех политических нрав, которыми, как полагают, имеют счастье пользоваться остальные немцы, то с отдельными членами этой партии полиция может делать все, что ей угодно. Их жены и дочери, под предло-

гом обыска для обнаружения запрещенных изданий, подвергаются самому непристойному и грубому обращению. Их самих арестовывают, когда заблагорассудится полиции, разбор их дела откладывается с недели на неделю, и выпускают их, лишь продержав несколько месяцев в тюрьме. Полиция изобретает новые преступления, неизвестные уголовному кодексу, а толкование самого кодекса расширяется невероятным образом. И полиция довольно часто находит подкупленных или достаточно фанатичных чиновников и судей, которые оказывают ей помощь и содействие; этой ценой покупается повышение по службе. К чему все это приводит — показывают следующие поразительные цифры. За год, с октября 1879 по октябрь 1880 г., в одной лишь Пруссии за государственную измену, за государственные преступления, за оскорбление императора и т. д. было заключено в тюрьму не менее 1108 человек, а за политические памфлеты, за оскорбление Бисмарка или за выпады против правительства и т. п. — не менее 10094. Одиннадцать тысяч двести два политических заключенных — это превосходит даже ирландские подвиги г-на Форстера!

Чего же достиг Бисмарк всеми этими принудительными мерами? Того же самого, чего г-н Форстер достиг в Ирландии. Социал-демократическая партия находится в таком же цветущем состоянии и обладает столь же прочной организацией, как и ирландская Земельная лига[185]. Несколько дней тому назад происходили выборы в городской совет Мангейма. Партия рабочего класса выставила шестнадцать кандидатов и провела их всех большинством почти трех к одному. Затем Бебель, член германского парламента от Дрездена, выступил кандидатом в саксонский парламент от лейпцигского округа. Бебель — сам рабочий (токарь) и один из лучших, если не лучший, ораторов в Германии. Чтобы воспрепятствовать его избранию, правительство выслало весь его избирательный комитет. Каков же был результат? Таков, что даже при ограниченном избирательном праве Бебель был избран значительным большинством голосов. Итак, исключительные меры Бисмарка для него совершенно бесполезны; наоборот, они ожесточают население. Те, для кого отрезаны все легальные способы отстаивать свои права, прибегнут в один прекрасный день к нелегальным, и никто не сможет осуждать их. Как часто провозглашали эту доктрину г-н Гладстон и г-н Форстер! А как поступают они теперь в Ирландии?

Написано Ф. Энгельсом в середине июля 1881 г.

Напечатано в газете «The Labour Standard» (London) № 12, 23 июля 1881 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ХЛОПОК И ЖЕЛЕЗО

Хлопок и железо являются в наше время двумя важнейшими видами сырья. Нация, занимающая первое место в производстве хлопчатобумажных и железных изделий, стоит на первом месте в ряду промышленных наций вообще. А так как это место занимает Англия, и до тех пор, пока она его будет занимать, — она будет первой промышленной нацией в мире.

Итак, можно было бы ожидать, что рабочим, занятым в хлопчатобумажной и железоделательной промышленности, замечательно хорошо живется в Англии; что, так как Англия господствует на рынке, производство этих двух видов товаров всегда должно процветать; и что, по крайней мере в этих двух отраслях промышленности, должно быть осуществлено тысячелетнее царство изобилия, обещанное в эпоху агитации за свободу торговли. Увы! Все мы знаем, что это далеко не так и что если здесь, как в других производствах, положение рабочих не стало хуже, а в некоторых случаях даже улучшилось, то этим они обязаны исключительно своим собственным усилиям — сильной организации и упорной стачечной борьбе. Мы знаем, что после нескольких быстро промелькнувших лет процветания, около 1874 г. и позднее, в хлопчатобумажном и железоделательном производствах наступил полный упадок. Фабрики закрывались, доменные печи выдувались, а где производство продолжалось, там работали, как правило, неполный день. Такие периоды упадка были известны и раньше; они повторяются в среднем раз в каждые десять лет; они продолжаются определенное время, а затем сменяются новым периодом процветания и так далее.

Однако отличительной чертой нынешнего периода депрессии, особенно в хлопчатобумажном и железоделательном производствах, является то, что теперь продолжительность этой депрессии на несколько лет превышает обычную. Было несколько попыток вызвать оживление, было несколько вспышек торгово-промышленной деятельности, но все напрасно. Если период настоящего краха прошел, то застой в производстве все еще продолжается, и рынки по-прежнему не в состоянии поглотить всю продукцию.

Причина этого заключается в том, что при нашей нынешней системе применения машин для производства не только промышленных товаров, но и самих машин, производство может возрастать с невероятной быстротой. Если бы фабриканты пожелали этого, не представляло бы больших затруднений в течение лишь одного периода процветания настолько увеличить оборудование для прядения и ткачества, беления и окраски бумажных тканей, чтобы быть в состоянии производить товаров на 50% больше, а также удвоить всю продукцию чугуна и всякого рода железных изделий. На деле рост не достигал таких размеров. Но все же он был вне всякого сравнения с ростом в прежние периоды расширения производства, а следствие этого — хроническое перепроизводство, хроническая депрессия в промышленности. Предприниматели в состоянии выжидать, во всяком случае значительное время, а рабочему люду приходится страдать, потому что для него это означает хроническую нищету и постоянную перспективу работного дома.

Вот каковы, следовательно, последствия прославленной системы неограниченной конкуренции, вот каково осуществление тысячелетнего царства, обещанного Кобденами, Брайтами и К°! Вот какова участь рабочих, когда они, как это было в течение последних двадцати пяти лет, предоставляют руководство экономической политикой империи своим «естественным вождям», тем «капитанам промышленности», которые, по Томасу Карлейлю, призваны управлять промышленной армией страны[186]. Действительно, капитаны промышленности! По сравнению с ними генералы Луи-Наполеона в 1870 г. были гениальными людьми. Все эти мнимые капитаны промышленности борются один против другого, действуют исключительно в своих личных интересах, расширяют свое оборудование независимо от того, что делают их соседи, а затем, в конце концов, к великому своему изумлению, все они находят, что в результате получилось перепроизводство. Они не могут объединиться для регулирования производства; они могут объединиться лишь с одной целью: *снизить заработную плату своим рабочим.*

Безрассудно расширяя, таким образом, производительную силу страны далеко за пределы того, что в состоянии поглотить рынки, они лишают своих рабочих того сравнительного облегчения, которое дал бы им период умеренного процветания и на которое рабочие имеют право после долгого периода упадка, чтобы довести свои заработки до среднего уровня. Разве все еще не понятно, что фабриканты как класс более уже не способны руководить великими экономическими интересами страны; более того, не способны даже руководить самим процессом производства? И разве это не нелепо, — хотя это факт, — что величайшим врагом английских рабочих оказывается все возрастающая производительность их собственных рук?

Но следует принять во внимание еще и другой факт. Не одни только английские предприниматели увеличивают свои производительные силы. То же самое происходит и в других странах. Статистика не дает нам возможности сравнить в отдельности хлопчатобумажную и железоделательную промышленность различных передовых стран. Но взяв в целом текстильную, горную и металлопромышленность, мы можем составить сравнительную таблицу, пользуясь материалом, приводимым директором Прусского статистического бюро, доктором Энгелем в его книге «Das Zeitalter des Dampfs» («Век пара», Берлин, 1881)[187]. По его вычислениям, в указанных отраслях промышленности нижеследующих стран применяются паровые машины, общая мощность которых составляет в лошадиных силах (лошадиная сила равна силе, поднимающей 75 килограмм на высоту 1 метра в 1 секунду):

	Текстильная промышленность	Предприятия горнодобывающей и металлопромышленности	
Англия 1871 г.	515 800	1 077 000	л. с.
Германия 1875 г.	128 125	456 436	» »
Франция	около 100 000	185 000	» »
Соединенные Штаты	93 000	370 000	» »

Итак, мы видим, что общая мощность паровых двигателей, применяемых тремя нациями, являющимися главными конкурентами Англии, составляет в текстильных предприятиях три пятых английской мощности, а в горной и металлопромышленности приблизительно равна ей. А так как в этих странах промышленный рост идет гораздо более быстрым темпом, чем в Англии, то вряд ли может быть сомнение в том, что их совокупная продукция вскоре превзойдет продукцию последней.

Взгляните еще на следующую таблицу, показывающую в лошадиных силах мощность паровых двигателей, применяемых в производстве, не считая локомотивов и пароходов:

Великобритания	около	2 000 000	л. с.
Соединенные Штаты	»	1 987 000	» »
Германия	»	1 321 000	» »
Франция	»	492 000	» »

Эта таблица еще более ясно показывает, как мало уже осталось от монополии Англии в фабричном производстве и как мало помогла свобода торговли обеспечить промышленное преобладание Англии. И пусть не говорят, что этот рост иностранной промышленности искусственен, что он вызван протекционизмом. Все гигантское расширение германского производства было достигнуто при самом либеральном режиме свободной торговли, и если Америка, главным образом из-за нелепой системы внутренних акцизов, вынуждена прибегать к скорее кажущемуся, чем реальному протекционизму, то отмены этих акцизных законов было бы достаточно, чтобы дать ей возможность конкурировать на открытом рынке.

Вот каково положение, к которому привели страну двадцать пять лет почти неограниченного господства доктрины манчестерской школы. Мы полагаем, что результаты эти таковы, что они требуют безотлагательного отстранения манчестерских и бирмингемских джентльменов, с тем чтобы на ближайшие двадцать пять лет уступить очередь рабочему классу. Во всяком случае хуже он наверное управлять не сможет.

Написано Ф. Энгельсом в конце июля 1881 г.

Напечатано в газете «The Labour Standard» (London) № 13, 30 июля 1881 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ОБЩЕСТВЕННЫЕ КЛАССЫ — НЕОБХОДИМЫЕ И ИЗЛИШНИЕ

Часто задавали вопрос: в какой степени полезны или даже необходимы различные классы общества? И ответ, конечно, был различен для различных исторических эпох. Несомненно, было время, когда земельная аристократия была неизбежным и необходимым элементом общества. Это, однако, было очень, очень давно. Затем было время, когда капиталистический средний класс, *буржуазия,* как называют ее французы, класс, возникший со столь же неизбежной необходимостью, вступил в борьбу против земельной аристократии, сокрушил ее политическую власть и, в свою очередь, получил экономическое и политическое господство. Но никогда, с тех пор как возникли классы, не было такого времени, когда общество могло бы обходиться без рабочего класса. Название, социальное положение этого класса изменялось; место раба занял крепостной, которого в свою очередь сменил свободный рабочий — свободный от крепостной зависимости, но свободный также и от обладания чем бы то ни было на земле, кроме своей собственной рабочей силы. Но всякому ясно: какие бы изменения ни происходили в высших, непроизводящих слоях общества, общество не может существовать без класса производителей. Следовательно, этот класс необходим при всяких условиях, хотя должно прийти время, когда он не будет уже больше классом, когда он будет охватывать собой все общество.

Так вот, насколько же необходимо в настоящее время существование каждого из этих трех классов?

Землевладельческая аристократия в Англии — по меньшей мере экономически бесполезна, между тем как в Ирландии

и в Шотландии она стала положительно вредной из-за своего стремления обезлюдить страну. Заставить население либо переселяться за океан, либо умирать с голоду и заменять его овцами или дичью — вот и все заслуги, которыми могут похвалиться ирландские и шотландские лендлорды. А стоит еще немного усилиться конкуренции американских растительных и животных продуктов, — и точно так же поступят и английские земельные аристократы, по крайней мере те из них, которые в состоянии это сделать, обладая в городах значительной недвижимой собственностью, к помощи которой они могут прибегнуть. От остальных же нас скоро избавит конкуренция американских продуктов потребления. И хорошо, что избавит, потому что их политическая деятельность — будь то их выступления в палате лордов или в палате общин — подлинное национальное бедствие.

Но как быть с капиталистическим классом, с тем просвещенным и либеральным классом, который основал британскую колониальную империю и установил британскую свободу? С тем классом, который реформировал парламент в 1831 г.[188], отменил хлебные законы и снижал одну пошлину за другой? С тем классом, который создал в Англии гигантские фабрики и продолжает управлять ими, который создал огромный торговый флот и все растущую железнодорожную сеть? Вероятно, этот класс должен быть по крайней мере столь же необходимым, как и рабочий класс, которым он управляет, ведя от успеха к успеху.

Экономическая функция капиталистического класса заключалась действительно в том, чтобы создать современную систему паровых фабрик и паровых путей сообщения и сокрушить все экономические и политические препятствия, замедлявшие или тормозившие развитие этой системы. Не подлежит сомнению, что, пока капиталистический класс выполнял эту функцию, он был при тех условиях необходимым классом. Но так ли обстоит дело еще и теперь? Продолжает ли он выполнять свою важную функцию руководителя общественного производства, расширяющего его в интересах всего общества в целом? Посмотрим.

Начнем со средств сообщения. Телеграф находится в руках государства. Железные дороги и значительная часть морских пароходов принадлежат не отдельным капиталистам, которые сами ведут свои дела, а акционерным компаниям, дела которых ведут за них *наемные лица* — служащие, положение которых в сущности одинаково с положением привилегированных, лучше оплачиваемых рабочих. Что же касается директоров

и держателей акций, то и те и другие знают, что, чем менее первые вмешиваются в управление, а последние —в наблюдение, тем лучше для предприятия. Слабое и большей частью небрежное наблюдение является, в самом деле, единственной функцией, остающейся в руках владельцев предприятия. Итак, мы видим, что в действительности капиталисты, собственники этих огромных предприятий, не выполняют никакого другого дела, кроме получения каждые полгода денег по купонам на дивиденды. Социальная функция капиталиста перешла здесь в руки служащих, получающих заработную плату; а капиталист продолжает класть в карман в виде дивидендов вознаграждение за эти функции, хотя он перестал их выполнять.

Но если огромные размеры предприятий, о которых идет речь, заставили капиталиста «уйти в отставку» от руководства ими, то у него осталась еще одна функция. И функция эта состоит в том, чтобы спекулировать своими акциями на бирже. За отсутствием лучшего занятия, наши «ушедшие в отставку» или, в сущности, вытесненные капиталисты вволю предаются в этом храме мамоны биржевой игре. Они отправляются туда с сознательной целью присвоить деньги, делая вид, что зарабатывают их; они, впрочем, говорят, что началом всякой собственности является труд и сбережение, — возможно началом, но отнюдь не концом. Какое лицемерие — насильственно закрывать мелкие игорные дома, когда наше капиталистическое общество не может обойтись, в качестве своего подлинного центра, без огромного игорного дома, в котором проигрываются и выигрываются миллионы за миллионами! Тут уж, конечно, существование «ушедшего в отставку» акционера-капиталиста становится не только излишним, но и совершенно вредным.

То, что верно для железных дорог и пароходства, с каждым днем становится все более и более верным для всех крупных промышленных и торговых предприятий. Учреждение акционерных компаний — превращение крупных частных предприятий в общества с ограниченной ответственностью стало лозунгом дня в последнее десятилетие и даже раньше. От больших складов манчестерских товаров в Сити до железоделательных заводов и каменноугольных копей в Уэльсе и в Северной Англии и до фабрик в Ланкашире — все превратилось или превращается в акционерные компании. Во всем Олдеме вряд ли хоть одна хлопчатобумажная фабрика осталась в руках частных лиц; даже розничные торговцы все более и более вытесняются «кооперативными магазинами», большая часть которых только называется кооперативными, — но об этом в другой раз. Итак, мы видим, что, вследствие развития самой системы капиталисти-

ческого производства, капиталист вытесняется точно так же, как ткач, работавший на ручном станке, с той, однако, разницей, что ткач обречен на медленную смерть от голода, а вытесняемый капиталист — на медленную смерть от обжорства. Но положение того и другого обычно сходно в том отношении, что ни один из них не знает, что ему делать с самим собой.

Результат, стало быть, таков: экономическое развитие нашего современного общества все более и более ведет к концентрации, к обобществлению производства в огромных предприятиях, которыми уже не могут более руководить отдельные капиталисты. Всякий вздор о «хозяйском глазе» и о создаваемых им чудесах превращается в явную бессмыслицу, как только предприятие достигает определенных размеров. Представьте себе «хозяйский глаз» на Лондонской и Северо-Западной железных дорогах! Но то, чего хозяин сделать не может, то рабочие, наемные служащие компании, с успехом *могут* делать и делают.

Итак, капиталист уж больше не может предъявлять права на свою прибыль как на «заработную плату за руководство», так как он ничем не руководит. Надо помнить об этом, когда защитники капитала трезвонят, повторяя эту пустую фразу.

Но в нашей статье на прошлой неделе* мы попытались показать, что класс капиталистов стал не способен также управлять огромной системой производительных сил нашей страны; что капиталисты, с одной стороны, так расширяли производство, что периодически наводняли продукцией все рынки, а с другой стороны, становились все менее и менее способными выдержать иностранную конкуренцию. Таким образом, мы приходим к тому выводу, что не только можем отлично управиться в крупных отраслях промышленности нашей страны без вмешательства класса капиталистов, но что их вмешательство становится все более и более вредным.

Мы снова заявляем им: «Отойдите прочь! Предоставьте рабочему классу вас сменить».

Написано Ф. Энгельсом 1—2 августа 1881 г.

Напечатано в газете «The Labour Standard» (London) № 14, 6 августа 1881 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* См. настоящий том, стр. 292—295. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ЖЕННИ МАРКС,
УРОЖДЕННАЯ ФОН ВЕСТФАЛЕН

Еще одну жертву выхватила смерть из рядов старой гвардии пролетарского, революционного социализма.

2 декабря сего года умерла в Лондоне после продолжительной мучительной болезни супруга Карла Маркса.

Она родилась в Зальцведеле. Отец ее, переведенный вскоре после этого в Трир в качестве регирунгсрата, близко сошелся там с семьей Маркс. Дети росли вместе. Две высокоодаренные натуры сблизились. Когда Маркс поступил в университет, было уже решено, что их будущая судьба нераздельна.

В 1843 г., после запрещения первой «Rheinische Zeitung», редактором которой некоторое время был Маркс, состоялась их свадьба. С тех пор Женни Маркс не только разделяла участь, труды, борьбу своего мужа, но и сама принимала в них участие с величайшей сознательностью и с пламеннейшей страстью.

Молодая чета отправилась в Париж, в добровольное изгнание, которое, однако, очень скоро превратилось в настоящее. Прусское правительство и там преследовало Маркса. Александр фон Гумбольдт унизился до того, что помог выхлопотать приказ о высылке Маркса. Семье пришлось переехать в Брюссель.

Наступила февральская революция. Во время волнений, разразившихся вслед за ней в Брюсселе, был арестован не только Маркс; бельгийская полиция не постеснялась без всякого повода бросить в тюрьму и его жену.

Революционный подъем 1848 г. уже в следующем году прекратился. Новое изгнание, сначала в Париж, затем, вследствие нового вмешательства французского правительства, — в Лондон. И на этот раз для Женни Маркс это было действительным изгнанием, со всеми его ужасами. Материальную нужду, из-за которой сошли в могилу два ее мальчика и одна девочка, она все же преодолела бы. Но когда правительство в союзе с бур-

жуазной оппозицией, от вульгарно-либеральной до демократической, составили большой заговор против ее мужа; когда они обливали Маркса потоками самой подлой, самой гнусной клеветы; когда вся печать оказалась для него закрытой и все пути самозащиты были для него отрезаны; когда он очутился вдруг безоружным перед лицом своих врагов, которых и он и она могли лишь презирать, — это нанесло ей глубокую рану. А это продолжалось очень долго.

Но не бесконечно. Европейский пролетариат снова добился таких условий существования, при которых он мог действовать до известной степени самостоятельно. Был основан Интернационал. Страна за страной охватывались классовой борьбой пролетариата, и ее муж был самым передовым из передовых борцов. Тогда наступила для нее пора, искупившая ее жестокие страдания. Она дожила до того момента, когда ложь и клевета, возводившиеся на Маркса, развеялись в прах; когда его учение, для подавления которого все реакционные партии, как феодалы так и демократы, приложили такие чудовищные усилия, — проповедовалось теперь во всеуслышание во всех цивилизованных странах и на всех культурных языках. Она дожила до того момента, когда пролетарское движение, с которым она срослась всем своим существом, стало потрясать до основания старый мир, от России до Америки, и, сокрушая всякое сопротивление, все более и более уверенное в победе, прокладывало себе путь вперед. *И одной из последних ее радостей было еще то очевидное доказательство неистощимой жизненной силы, которое дали наши немецкие рабочие на последних выборах в рейхстаг*[189].

То, что эта женщина, со столь острым критическим умом, с таким политическим тактом, с такой энергией и страстностью характера, с такой преданностью своим товарищам по борьбе, сделала для движения в течение почти сорока лет, — это не стало достоянием общественности, об этом не упоминается в летописях современной печати. Это каждый должен был пережить лично. Но я уверен: жены изгнанников-коммунаров часто еще будут вспоминать о ней, а наш брат часто будет чувствовать, как недостает нам ее смелого и благоразумного совета — смелого без бахвальства, благоразумного без малейших уступок в вопросах чести.

Лондон, 4 декабря 1881 г.

Написано Ф. Энгельсом

Напечатано в газете «Der Sozialdemokrat» № 50, 8 декабря 1881 г.

Подпись: Фридрих Энгельс

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

РЕЧЬ НА МОГИЛЕ ЖЕННИ МАРКС

Друзья!

Женщина прекрасной души, которую мы хороним, родилась в Зальцведеле в 1814 году. Ее отец, барон фон Вестфален, тесно сблизился в Трире с семьей Маркс; дети обеих семей росли вместе. Когда Маркс поступил в университет, он и его будущая жена знали, что их существование будет нераздельно.

В 1843 г., после того как Маркс впервые выдвинулся на общественном поприще как главный редактор первой «Rheinische Zeitung» и после запрещения газеты прусским правительством, состоялась их свадьба. С этого дня она не только разделяла участь, труды и борьбу своего мужа, но и активно участвовала в них с величайшей сознательностью и с пламеннейшей страстью.

Молодая чета отправилась в Париж; добровольное изгнание вскоре превратилось в вынужденное. Даже в Париже преследовало Маркса прусское правительство. С сожалением должен я упомянуть, что такой человек, как А. Гумбольдт, унизился до сотрудничества с прусским правительством, чтобы побудить правительство Луи-Филиппа изгнать Маркса из Франции. Маркс отправился в Брюссель. Разразилась февральская революция. Во время волнений, вызванных этим событием в Брюсселе, бельгийская полиция не только арестовала Маркса, но заключила в тюрьму и его жену без малейшего к тому повода.

Революционный подъем 1848 г. в следующем году прекратился. Вновь началось изгнание, сначала в Париж, затем, вследствие вмешательства французского правительства, — в Лондон. На этот раз это было изгнание со всеми его бедствиями. Она готова была терпеливо переносить все обычные страдания изгнанников, хотя они и были причиной гибели трех ее детей,

в том числе двух мальчиков. Но видеть, как все партии, правительственные и оппозиционные (феодалы, либералы, так называемые демократы), объединившиеся против ее мужа, возводят на него самую низкую и подлую клевету, видеть, как вся без исключения печать была для него закрыта, как он был беспомощен и беззащитен перед противниками, которых и он и она презирали, — это причиняло ей жгучую боль. А это продолжалось долгие годы.

Но не бесконечно. Мало-помалу европейский рабочий класс оказался в таких политических условиях, которые давали ему некоторую возможность действовать. Было основано Международное Товарищество Рабочих. Оно втягивало в борьбу одну цивилизованную нацию за другой, и в этой борьбе первым среди первых сражался ее муж. Наконец, наступило время, которое начало вознаграждать ее за пережитые страдания. Она дожила до того, чтобы увидеть, как была развеяна в прах всякого рода низкая клевета, возводившаяся на ее мужа; она дожила до того, чтобы услышать, как учение ее мужа, которое реакционеры всех стран пытались удушить, открыто и победоносно провозглашалось во всех цивилизованных странах, на всех цивилизованных языках. Она дожила до того, чтобы увидеть, как революционное движение пролетариата, уверенного в своей победе, охватывало одну страну за другой, от России до Америки. Одной из последних ее радостей было полученное ею на смертном одре блестящее доказательство неукротимой жизненной силы, которое дал, наперекор всем репрессивным законам, немецкий рабочий класс на последних выборах.

То, что эта жизнь, свидетельствующая о столь ясном и критическом уме, о столь верном политическом такте, о такой страстной энергии, о такой великой самоотверженности, сделала для революционного движения, не выставлялось напоказ перед публикой, не оглашалось на столбцах печати. То, что она сделала, известно только тем, кто жил вместе с ней. Но одно я знаю: мы не раз еще будем сожалеть об отсутствии ее смелых и благоразумных советов; смелых без бахвальства, благоразумных без ущерба для чести.

Мне незачем говорить о ее личных качествах. Ее друзья знают их и никогда их не забудут. Если существовала когда-либо женщина, которая видела свое счастье в том, чтобы делать счастливыми других, — то это была она.

Произнесена Ф. Энгельсом 5 декабря 1881 г.

Напечатана в газете «L'Egalite» № 1, 11 декабря 1881 г., 3-я серия

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ РУССКОМУ ИЗДАНИЮ «МАНИФЕСТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ» [190]

Первое русское издание «Манифеста Коммунистической партии» в переводе Бакунина появилось в начале 60-х годов[191]; оно было напечатано в типографии «Колокола»[192]. В то время русское издание «Манифеста» могло казаться на Западе не более как литературным курьезом. В настоящее время такой взгляд был бы уже невозможен.

До какой степени ограниченную область распространения имело тогда (декабрь 1847 г.) движение пролетариата, лучше всего показывает последняя глава «Манифеста»: «Отношение коммунистов к различным оппозиционным партиям» в различных странах. В ней недостает как раз России и Соединенных Штатов. Это было время, когда Россия являлась последним большим резервом всей европейской реакции, когда эмиграция в Соединенные Штаты поглощала излишек сил европейского пролетариата. Обе эти страны снабжали Европу сырьем и служили в то же время рынком для сбыта ее промышленных изделий. Обе они, следовательно, являлись тогда так или иначе оплотом существующего в Европе порядка.

До какой степени изменилось это теперь! Именно европейская иммиграция сделала возможным колоссальное развитие земледельческого производства в Северной Америке, которое своей конкуренцией потрясает европейскую земельную собственность — и крупную и мелкую — в самой ее основе. Она дала, кроме того, Соединенным Штатам возможность взяться за эксплуатацию их богатых источников промышленного развития в таких размерах и с такой энергией, которые в короткое время должны положить конец промышленной монополии Запад-

ной Европы и особенно Англии. Оба эти обстоятельства в свою очередь воздействуют в революционном смысле и на Америку. Мелкая и средняя земельная собственность фермеров, основа всего ее политического строя, побеждается мало-помалу конкуренцией громадных ферм; в то же время в промышленных округах впервые развивается многочисленный пролетариат и баснословная концентрация капиталов.

Перейдем к России! Во время революции 1848—1849 гг. не только европейские монархи, но и европейские буржуа видели в русском вмешательстве единственное спасение против пролетариата, который только что начал пробуждаться. Царя провозгласили главой европейской реакции. Теперь он — содержащийся в Гатчине военнопленный революции[193], и Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе.

Задачей «Коммунистического манифеста» было провозгласить неизбежно предстоящую гибель современной буржуазной собственности. Но рядом с быстро развивающейся капиталистической горячкой и только теперь образующейся буржуазной земельной собственностью мы находим в России большую половину земли в общинном владении крестьян. Спрашивается теперь: может ли русская община* — эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного общего владения землей — непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму общего владения? Или, напротив, она должна пережить сначала тот же процесс разложения, который присущ историческому развитию Запада?

Единственно возможный в настоящее время ответ на этот вопрос заключается в следующем. Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополнят друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития.

Карл Маркс, Фридрих Энгельс

Лондон, 21 января 1882 г.

Напечатано в книге: К. Маркс и Ф. Энгельс. «Манифест Коммунистической партии», Женева, 1882

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* — в оригинале русское слово, написанное латинскими буквами. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

БРУНО БАУЭР И ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ХРИСТИАНСТВО [194]

В Берлине 13 апреля умер человек, который некогда играл известную роль как философ и теолог, но потом в течение многих лет оставался полузабытым, лишь время от времени привлекая к себе внимание публики в качестве «литературного оригинала». Официальные теологи, в том числе также и Ренан, списывали у него и поэтому единодушно его замалчивали. Между тем, он стоил больше, чем все они, вместе взятые, и сделал больше их всех в вопросе, который интересует и нас, социалистов: в вопросе об историческом происхождении христианства.

Его смерть дает нам повод кратко охарактеризовать современное состояние этого вопроса и вклад Бауэра в его разрешение.

Взгляд на все религии, а вместе с тем и на христианство, как на изобретение обманщиков, — взгляд, господствовавший со времени вольнодумцев средневековья вплоть до просветителей XVIII века включительно, — оказался уже неудовлетворительным с тех пор, как Гегель поставил перед философией задачу показать рациональное развитие во всемирной истории.

Вполне понятно, что если стихийно возникшие религии, как поклонение фетишам у негров или общая первоначальная религия у арийцев[195], возникают без участия обмана, то в их дальнейшем развитии поповский обман очень скоро становится неизбежным. Искусственные же религии, при всей характерной для них искренней восторженности, уже при своем основании не могут обойтись без обмана и искажения истории; также и христианство уже с самого начала имело весьма недурные достижения этого рода, как показал Бауэр в критике Нового завета[196]. Однако таким образом устанавливается лишь общее

явление, но не объясняется конкретный случай, о котором здесь как раз идет речь.

С религией, которая подчинила себе римскую мировую империю и в течение 1800 лет господствовала над значительнейшей частью цивилизованного человечества, нельзя разделаться, просто объявив ее состряпанной обманщиками бессмыслицей. Чтобы разделаться с ней, необходимо прежде суметь объяснить ее происхождение и ее развитие, исходя из тех исторических условий, при которых она возникла и достигла господства. В особенности это относится к христианству. Ведь здесь надо решить вопрос, как это случилось, что народные массы Римской империи предпочли всем другим религиям эту бессмыслицу, проповедуемую к тому же рабами и угнетенными, так что, наконец, честолюбивый Константин увидел в принятии этой бессмысленной религии лучшее средство для того, чтобы возвыситься до положения самодержца римского мира.

В разрешение этого вопроса Бруно Бауэр внес гораздо больший вклад, чем кто-либо другой. Хронологическую последовательность и взаимную зависимость евангелий друг от друга, установленную Вильке чисто лингвистическим путем[197], он неопровержимо доказал также на основании их содержания, как упрямо ни противились этому полуверующие богословы периода реакции, начиная с 1849 года. Он разоблачил всю ненаучность расплывчатой теории мифов Штрауса[198], пользуясь которой каждый может в евангельских рассказах считать историческим все, что ему угодно. И если при этом из всего содержания евангелий не осталось почти абсолютно ничего, что могло бы быть доказано как исторически достоверное, — так что можно объявить сомнительным даже историческое существование Иисуса Христа, — то этим Бауэр только расчистил почву, на которой возможно разрешение вопроса: откуда происходят представления и идеи, которые в христианстве сложились в своего рода систему, и каким образом они достигли мирового господства?

Этим Бауэр занимался до конца своей жизни. Завершающим выводом его исследования является то, что александрийский еврей Филон, который жил еще в 40-м году нашего летосчисления, правда, глубоким уже стариком, был настоящим отцом христианства, а римский стоик Сенека был, так сказать, его дядей. Многочисленные дошедшие до нас сочинения, приписываемые Филону, возникли фактически из слияния аллегорически и рационалистически понятых еврейских преданий с греческой, а именно, стоической, философией. Это примирение

западных и восточных воззрений содержит уже все существенные христианские представления: прирожденную греховность человека; логос — слово, которое есть у бога и само есть бог, которое является посредником между богом и человеком; покаяние не путем приношения в жертву животных, а путем принесения своего собственного сердца богу; наконец, и ту существенную черту, что новая философия религии переворачивает прежний порядок вещей, вербуя своих последователей среди бедняков, несчастных, рабов и отверженных, и презирая богатых, могущественных, привилегированных — тем самым предписывается презрение ко всем мирским наслаждениям и умерщвление плоти.

С другой стороны, уже Август позаботился о том, чтобы не только богочеловек, но и так называемое непорочное зачатие стали предписанными государством формулами. Он не только требовал оказания Цезарю и самому себе божеских почестей, по разрешил также распространять слухи, что он, Август Цезарь divus, божественный, не является сыном своего отца — человека, а зачат матерью от бога Аполлона. Только не был ли этот бог Аполлон в родстве с тем, которого воспел Гейне[199]?

Как мы видим, не хватает еще только последнего камня, и все христианство в его основных чертах было бы готово; не хватает воплощения ставшего человеком логоса в определенной личности и его искупительной жертвы на кресте во спасение грешного человечества.

Каким образом этот последний камень был исторически вложен в стоико-филоновские теории, об этом у нас нет действительно достоверных источников. Но несомненно одно: он был вложен не философами, учениками Филона или стоиками. Религии создаются людьми, которые сами ощущают потребность в ней и понимают религиозные потребности масс, а как раз этого обычно не бывает у представителей философских школ. Напротив, во времена всеобщего разложения, — как, например, и теперь, — повсюду встречается широкое распространение философии и религиозной догматики в опошленной, вульгаризированной форме. Если классическая греческая философия в последних своих формах,— особенно в эпикурейской школе, — приводила к атеистическому материализму, то греческая вульгарная философия вела к учению о едином боге и бессмертии человеческой души. Так же и иудейство, рационалистически вульгаризированное благодаря смешению и общению с неевреями и полуевреями, дошло до Пренебрежения ритуальными обрядами, до превращения прежнего исключительно

еврейского национального бога Ягве* в единственно истинного бога, творца неба и земли, и до признания первоначально чуждого иудейству бессмертия души. Так, монотеистическая вульгарная философия встретилась с вульгарной религией, которая преподнесла ей единого бога в совершенно готовом виде. И таким образом была подготовлена почва, на которой у евреев переработка столь же вульгаризированных филоновских представлений могла создать христианство, а, будучи уже создано, христианство могло быть воспринято греками и римлянами. Что христианство произошло из популяризированных филоновских представлений, а не непосредственно из произведений Филона, доказывается тем, что Новый завет почти полностью пренебрегает главной частью этих произведений, а именно аллегорически-философским истолкованием ветхозаветных рассказов. На эту сторону вопроса Бауэр не обратил достаточно внимания.

О том, как выглядело христианство в своем первоначальном виде, можно составить себе представление при чтении так называемого Откровения Иоанна[201]. Дикий, сумбурный фанатизм, догматы — лишь в зародыше, а из так называемой христианской морали — только умерщвление плоти; зато, наоборот, множество видений и пророчеств. Образование догматов и этики принадлежит более позднему времени, когда были написаны евангелия и так называемые апостольские послания. Тут-то и была бесцеремонно использована — по крайней мере для морали — стоическая философия, а именно Сенека. Бауэр доказал, что послания часто почти дословно списаны у Сенеки. И действительно, это было замечено даже правоверными христианами, но они утверждали, что, наоборот, Сенека списал с Нового завета, который тогда не был еще и составлен. Догматика развивалась, с одной стороны, в связи со складывавшейся евангельской легендой об Иисусе, с другой стороны, в борьбе между иудео-христианами и христианами из язычников.

Относительно причин, которые помогли христианству одержать победу и достичь мирового господства, у Бауэра имеются тоже очень ценные данные. Но здесь ему препятствует идеализм немецкого философа, он мешает ему ясно видеть и четко формулировать. Фраза заменяет у него часто в решающем месте существо дела. Поэтому, не вдаваясь в подробности воззрений

---

* Как доказал уже Эвальд[200], евреи в рукописях, снабженных знаками огласовки, писали под согласными имени Ягве, которые запрещалось произносить, гласные, входящее в состав слова Адонай, произносимого вместо него. Такое написание стало впоследствии читаться как Иегова. Это слово, следовательно, является не именем какого-то бога, а грубой грамматической ошибкой; в древнееврейском языке оно просто невозможно.

Бауэра, мы лучше изложим здесь наше понимание этого вопроса, основанное не только на работах Бауэра, но и на собственных исследованиях.

Римское завоевание во всех покоренных странах прежде всего непосредственно разрушило прежние политические порядки, а затем косвенным образом и старые общественные условия жизни. Разрушило, во-первых, тем, что вместо прежнего сословного деления (если не касаться рабства) оно установило простое различие между римскими гражданами и негражданами или подданными государства; во-вторых, и главным образом, — вымогательствами от имени Римского государства. Если при империи в интересах государства старались по возможности положить предел неистовой жажде к обогащению со стороны наместников провинций, то вместо этого появились все сильнее действующие и все туже завинчиваемые тиски налогов в пользу государственной казны — высасывание средств, которое действовало страшно разрушительно. Наконец, в-третьих, римские судьи повсюду выносили свои решения на основании римского права, а местные общественные порядки объявлялись тем самым недействительными, поскольку они не совпадали с римским правопорядком. Эти три рычага должны были действовать с огромной нивелирующей силой, особенно когда они в течение приблизительно двух веков применялись к народам, наиболее сильная часть которых была уже уничтожена или уведена в рабство в результате битв, предшествовавших завоеванию, сопровождавших его, а часто и следовавших за ним. Общественные отношения в провинциях все больше и больше приближались к общественным отношениям в столице и в Италии. Население все больше и больше разделялось на три класса, представлявшие собой смесь самых разнообразных элементов и народностей: богачи, среди которых было не мало вольноотпущенных рабов (см. Петрония[202]), крупных землевладельцев, ростовщиков, или тех и других вместе, вроде дяди христианства Сенеки; неимущие свободные — в Риме их кормило и увеселяло государство, в провинциях же им предоставлялось самим заботиться о себе; наконец, огромная масса рабов. По отношению к государству, то есть к императору, оба первых класса были почти так же бесправны, как и рабы по отношению к своим господам. Особенно в период от Тиберия до Нерона стало обычным явлением приговаривать богатых римлян к смерти для того, чтобы присвоить их состояние. Материальной опорой правительства было войско, которое гораздо более походило уже на армию ландскнехтов, чем на старое римское крестьянское войско, а моральной опорой — всеобщее убеждение, что

из этого положения нет выхода, что если не тот или другой император, то основанная на военном господстве императорская власть является неотвратимой необходимостью. Здесь не место подробно рассматривать, на каких чисто материальных фактах основывалось это убеждение.

Всеобщему бесправию и утрате надежды на возможность лучших порядков соответствовала всеобщая апатия и деморализация. Немногие остававшиеся еще в живых староримляне патрицианского склада и образа мыслей были устранены или вымирали; последним из них является Тацит. Остальные были рады, если могли держаться совершенно в стороне от общественной жизни. Их существование заполнялось стяжательством и наслаждением богатством, обывательскими сплетнями и интригами. Неимущие свободные, бывшие в Риме пенсионерами государства, в провинциях, наоборот, находились в тяжелом положении. Они должны были работать, да еще в условиях конкуренции рабского труда. Но они были только в городах. Наряду с ними в провинциях были еще крестьяне — свободные владельцы земли (местами, пожалуй, еще связанные с общинной собственностью) или, как в Галлии, крестьяне, находившиеся в долговой кабале у крупных землевладельцев. Этот класс меньше всего был затронут общественным переворотом; он всего дольше сопротивлялся и религиозному перевороту*. Наконец, рабы, бесправные и безвольные, которые не могли освободиться, как это уже показало поражение Спартака; при этом, однако, большинство из них было некогда свободными или сыновьями свободнорожденных. Среди них, стало быть, должна была еще по большей части сохраняться живая, хотя внешне бессильная, ненависть против условий их жизни.

Мы увидим, что этому соответствовал и характер идеологов того времени. Философы были или просто зарабатывающими на жизнь школьными учителями, или же шутами на жалованье у богатых кутил. Многие были даже рабами. Что из них получалось, когда дела их шли хорошо, показывает пример господина Сенеки. Этот стоик, проповедовавший добродетель и воздержание, был первым интриганом при дворе Нерона, причем дело не обходилось без пресмыкательства; он добивался от Нерона подарков деньгами, имениями, садами, дворцами и, проповедуя бедность евангельского Лазаря, сам-то в действительности был богачом из той же притчи. Только когда Нерон собрался схватить его за горло, он попросил императора взять у него обратно все подарки, так как, дескать, с него достаточно

* Согласно Фаллмерайеру[203] еще в девятом веке в Майне (Пелопоннес) крестьяне приносили жертвы Зевсу.

его философии. Только очень редкие из философов, как Персии, размахивали, по крайней мере, бичом сатиры над своими выродившимися современниками. — Что же касается другой разновидности идеологов — юристов, то они были в восторге от новых порядков, потому что стирание всех сословных различий позволяло им разрабатывать во всю ширь свое излюбленное частное право; зато они и составили для императоров самое гнусное государственное право, какое когда-либо существовало.

Вместе с политическими и социальными особенностями народов Римская империя обрекла на гибель и их особую религию. Все религии древности были стихийно возникшими племенными, а позднее национальными религиями, которые выросли из общественных и политических условий каждого народа и срослись с ними. Раз были разрушены эти их основы, сломаны унаследованные общественные формы, установленное политическое устройство и национальная независимость, то, разумеется, рушилась и соответствующая им религия. Национальные боги могли терпеть рядом с собой других национальных богов у других народов, — и в древности это было общим правилом, — но отнюдь не над собой. Пересадка восточных религиозных культов в Рим вредила только римской религии, но не могла задержать упадок восточных религий. Как только национальные божества не могут уже более охранять независимость и самостоятельность своей нации, они сами ломают себе шею. Так происходило повсюду (за исключением крестьян, особенно в горах). То, что в Риме и Греции сделало вульгарно-философское просвещение, — я чуть было не сказал вольтерьянство, — то в провинциях совершали римское порабощение и замена гордых своей свободой людей отчаявшимися подданными и себялюбивыми негодяями.

Таково было материальное и моральное состояние. Настоящее невыносимо; будущее, пожалуй, еще более грозно. Никакого выхода. Отчаяние или поиски спасения в самом пошлом чувственном наслаждении, по крайней мере со стороны *тех,* которые могли себе это позволить, но таких было незначительное меньшинство. Для остальных не оставалось ничего, кроме тупой покорности перед неизбежным.

Но во всех классах должно было быть известное количество людей, которые, отчаявшись в материальном освобождении, искали взамен него освобождения духовного, утешения в сознании, которое спасло бы их от полного отчаяния. Этого утешения не могла дать ни стоическая философия, ни школа Эпикура, во-первых, потому, что это были философские системы, рассчитанные, следовательно, не на рядовое сознание, а затем, во-

вторых, потому, что образ жизни их приверженцев вызывал недоверие к учению этих школ. Для того чтобы дать утешение, нужно было заменить не утраченную философию, а утраченную религию. Утешение должно было выступить именно в религиозной форме, как и все то, что должно было захватывать массы, — так это было в те времена итак продолжалось вплоть до XVII века.

Едва ли надо отмечать, что среди людей, страстно стремившихся к этому духовному утешению, к этому бегству от внешнего мира в мир внутренний, большинство должны были составлять *рабы.*

Во время этого всеобщего экономического, политического, интеллектуального и морального разложения и выступило христианство. Оно вступило в резкое противоречие со всеми существовавшими до тех пор религиями.

Во всех религиях, существовавших до того времени, главным была обрядность. Только участием в жертвоприношениях и процессиях, а на Востоке еще соблюдением обстоятельнейших предписаний относительно приема пищи и омовений, можно было доказать свою принадлежность к определенной религии. В то время как Рим и Греция в этом отношении проявляли терпимость, на Востоке свирепствовала система религиозных запретов, которая не мало способствовала наступившему в конце концов упадку. Люди двух разных религий — египтяне, персы, евреи, халдеи — не могут вместе ни пить, ни есть, не могут выполнить совместно ни одного самого обыденного дела, едва могут разговаривать друг с другом. Это отделение человека от человека было одной из основных причин гибели Древнего Востока. Христианство не знало никаких вносящих разделение обрядов, не знало даже жертвоприношений и процессий классической древности. Отрицая, таким образом, все национальные религии и общую им всем обрядность, и обращаясь ко всем народам без различия, христианство само становится *первой возможной мировой религией.* Иудейство со своим новым универсальным богом тоже сделало попытку стать мировой религией. Но дети Израиля оставались все время аристократией среди верующих и обрезанных; и даже христианство должно было сначала освободиться от представления (которое еще господствовало в так называемом Откровении Иоанна) о преимуществах христиан из евреев, прежде чем оно могло стать настоящей мировой религией. С другой стороны, ислам, сохранив свою специфически восточную обрядность, сам ограничил область своего распространения Востоком и Северной Африкой, завоеванной и вновь заселенной арабскими бедуинами. Здесь он мог стать господствующей религией, на Западе же нет.

Во-вторых, христианство затронуло струну, которая должна была найти отклик в бесчисленных сердцах. На все жалобы по поводу тяжелых времен и по поводу всеобщей материальной и моральной нищеты христианское сознание греховности отвечало: да, это так, и иначе быть не может; в испорченности мира виноват ты, виноваты все вы, твоя и ваша собственная внутренняя испорченность! И где бы нашелся человек, который мог бы это отрицать? Mea culpa!* Ни один человек не мог отказаться от признания за собой части вины в общем несчастье, и признание это стало теперь предпосылкой духовного спасения, которое одновременно было провозглашено христианством. И это духовное спасение было придумано таким образом, что его легко мог понять член любой старой религиозной общины. Всем этим старым религиям было свойственно представление об искупительной жертве, которая могла умиротворить оскорбленное божество. Как же могло не найти тут благоприятной почвы представление о посреднике, который добровольно приносит себя в жертву, чтобы раз навсегда искупить все грехи человечества? Таким образом, общераспространенному чувству, что люди сами виновны во всеобщей испорченности, христианство дало ясное выражение в сознании греховности каждого отдельного человека; в то же время в жертвенной смерти своего основателя христианство создало легко понятную форму внутреннего спасения от испорченного мира, утешения в сознании, к чему все так страстно стремились. Так христианство опять доказало свою способность стать мировой религией — к тому же религией, соответствующей как раз данному миру.

Так и случилось, что среди тысяч пророков и проповедников в пустыне, которые в то время создавали бесчисленное количество своих религиозных новшеств, успех имели только основатели христианства. Не только Палестина, но и весь Восток кишмя кишел такими основателями религий, среди которых господствовала, можно сказать, прямо по Дарвину борьба за идейное существование. Христианство победило главным образом благодаря изложенным выше моментам. А как оно постепенно, в борьбе сект между собой и с языческим миром, путем естественного отбора, все более утверждалось в качестве мировой религии, — этому учит во всех подробностях история церкви первых трех столетий.

Написано Ф. Энгельсом во второй половине апреля 1882 г.

Напечатано в газете «Der Sozialdemokrat» №№ 19 и 20, 4 и 11 мая 1882 г.

Подпись: Ф. Энгельс

Печатается по рукописи, сверенной с текстом газеты

Перевод с немецкого

* — Моя вина! *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

О КОНЦЕНТРАЦИИ КАПИТАЛА В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

С какой сказочной быстротой происходит концентрация капитала в Соединенных Штатах Америки, показывает недавно опубликованная в английских газетах статистика. Согласно последней, богатейшим из богатых является г-н *Вандербилт* в *Нью-Йорке.* Состояние этого железнодорожного, земельного, фабричного и т. д. барона оценивается примерно в *200 миллионов долларов* (1 доллар = 4 маркам 25 пфеннигам); по выражению американцев, он «стоит» 300 миллионов. Он обладает 65 миллионами долларов в облигациях займов Соединенных Штатов (Bonds), 50 миллионами в акциях Нью-йоркского центрального и Гудзонского речного железнодорожного общества, а также 50 миллионами в акциях других железнодорожных обществ. Кроме того, он владеет гигантской земельной собственностью как в Нью-Йорке, так и внутри страны. Г-н Вандербилт, восхищенно добавляют газеты, может скупить любых Ротшильдов и все же останется самым богатым человеком в мире.

И это колоссальное состояние семья Вандербилтов... наэкономила круглым счетом в 30 лет! Этот случай, — пишет «Whitehall Review»[204], — не имеет себе равного в истории. Мы думаем так же.

За Вандербилтом следуют в списке денежных мешков: *Джей Гулд,* также известный железнодорожный плут, — 100 миллионов долларов; *Маккей,* владелец серебряных рудников, организатор агитации за «договорный биметаллизм», — 50 миллионов; *Крокер* — 50 миллионов; *Джон Рокфеллер,* нефтяной авантюрист, но не поджигатель[*], — 40 миллионов;

[*] Игра слов: «Petroleumritter», «Petroleur». *Ред.*

К. П. Хинтингтон — 20 миллионов; *Д. О. Милс* — 20 миллионов; сенатор *Фэр* — 30 миллионов; экс-губернатор *Станфорд* — 40 миллионов; *Расселл Сейдж* — 15 миллионов; *Дж. Р. Кин* — 15 миллионов; *С. Дж. Тилден* — 15 миллионов; *Э. Д. Морган* — 10 миллионов; *Самюэл Слоон* — 10 миллионов; *Гаррисон* — 10 миллионов; *Сайрес У. Филд* — 10 миллионов; *Хью Дж. Джьюитт* — 5 миллионов; *Сидни Диллон* — 5 миллионов; *Давид Даус* — 5 миллионов; *Дж. Д. Наварро* — 5 миллионов; *Джон У. Гарретт* — 5 миллионов; *У. Б. Астор* — 5 миллионов.

Таков этот список, далеко, впрочем, не являющийся исчерпывающим. Число американских денежных тузов гораздо больше. И это сказочное накопление богатства возрастает со дня на день все больше, благодаря огромному переселению в Америку. Ибо это переселение и прямо и косвенно идет прежде всего на пользу магнатам капитала. Прямо — ибо оно является причиной быстрого возрастания цен на землю; косвенно — ибо множество переселенцев понижает уровень жизни американских рабочих. Уже теперь в бесчисленных сообщениях о стачках, которые передают наши братские американские органы, мы находим все больший процент стачек, организованных для защиты от *снижения заработной платы,* а большинство стачек, ставящих целью повышение заработной платы, представляет собой по существу то же самое, потому что они вызываются либо огромным повышением цен, либо отсутствием обычного весеннего повышения заработной платы.

Таким образом, поток эмигрантов, который Европа ежегодно направляет теперь в Америку, способствует лишь тому, чтобы довести там до крайних пределов капиталистическое хозяйство со всеми его последствиями, так что рано или поздно там неизбежен колоссальный крах. Тогда поток эмигрантов остановится или, может быть, даже повернет назад, т. е. наступит момент, когда европейский, и в особенности немецкий, рабочий встанет перед альтернативой: голодная смерть или революция! А если уж встанет такая альтернатива, тогда прощайте, вы, временщики священной прусско-германской империи!

И момент этот ближе, чем может себе представить большинство. Переселенцам уже трудно найти там работу, все отчетливее видны предвестники надвигающегося промышленного кризиса, и в решительный момент достаточно самого ничтожного повода, как *наступит крах!*

Поэтому, как ни скорбим мы вместе с «New-Yorker Volkszeitung»[205] по поводу эмиграции из Германии, как ни убеждены мы в том, что она вызовет прежде всего существенное ухудшение в положении американских рабочих, и как ни желали бы мы

вместе с упомянутой газетой, чтобы немецкие рабочие направляли все свое внимание исключительно на улучшение своего положения в Германии, — мы не можем все же разделить ее пессимизма. Мы должны все же считаться с обстоятельствами, а так как последние благодаря близорукости и алчности наших противников все более исключают возможность развития путем подлинных реформ, то мы должны видеть свою задачу в том, чтобы вопреки всяким трусам подготавливать умы к революционному ходу событий.

О таком конфликте свидетельствуют: гигантская концентрация капитала, с одной стороны, и растущая массовая нищета — с другой; развязка может быть только одна: *социальная революция!*

Написано Ф. Энгельсом 3 мая 1882 г.

Напечатано в газете «Der Sozialdemokrat» № 21, 18 мая 1882 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

БРЕЙСКИЙ ВИКАРИЙ

Когда на троне Карл сидел,
Ласкавший церковь нашу,
Любовью к ней и я горел
И кушал с маслом кашу.
Король, — так пастве я внушал, —
Поставлен нам от бога;
Тем, кто б ему перечить стал,
Прямая в ад дорога.
Я к одному стремлюсь, по мне
Нет ничего важнее:
Кто б ни был королем в стране,
Викарием быть в Брее.
Когда же Яков занял трон
И натиск на папистов
Был столь же круто прекращен,
Сколь прежде был неистов, —
Я сразу встал на верный путь,
За Рим пошел открыто,
И — революции не будь —
Мне быть бы иезуитом.

> Я к одному стремлюсь, по мне
> Нет ничего важнее;
> Кто б ни был королем в стране,
> Викарием быть в Брее.

Когда король Вильям пришел
И воли век восславил,
Я новый ветер вмиг учел
И парус переставил.
Я так учил своих овец:
Боритесь с вражьим станом!

Feuilleton.

Der Vikar von Bray.

Aus dem Englischen von Friedrich Engels.

Zu König Karls Zeit, da noch war
Loyalität zu finden,
Dient' ich der Hochkirch ganz und gar
Und so erwarb ich Pfründen.
Der König ist von Gott gesetzt —
So lehrt' ich meine Schafe —
Und wer ihm trotzt, ihn gar verletzt,
Den trifft die Höllenstrafe.
Denn dieses gilt, und hat Bestand,
Bis an mein End' soll's wahr sein:
Daß wer auch König sei im Land,
In Bray will ich Vikar sein.

Jakob nahm auf dem Throne Platz,
Das Papstthum kam zu Ehren:
Da galt's, die Katholikenhatz
Ins Gegentheil zu kehren.
Für mich auch, fand ich, paßten schon
Roms Kirch' und Priesterorden;
Kam nicht die Revolution,
Wär' ich Jesuit geworden.
Denn dieses gilt und hat Bestand,
Bis an mein End' soll's wahr sein:
Daß wer auch König sei im Land,
In Bray will ich Vikar sein.

Als König Wilhelm kam, der Held,
Und rettete die Freiheit,
Hab' ich mein Segel umgestellt
Nach dieses Windes Neuheit.

Стихотворение «Брейский викарий»
в переводе Ф. Энгельса из его статьи
в газете «Der Sozialdemokrat»

Der Knechtsgehorsam vor'ger Zeit,
Der war jetzt bald erledigt:
Der Tyrannei gebt Widerstreit!
So wurde nun gepredigt.
  Denn dieses gilt und hat Bestand,
  Bis an mein End' soll's wahr sein:
  Daß wer auch König sei im Land,
  In Bray will ich Vikar sein.

Als Anna wurde Königin,
Der Landeskirche Glorie,
Das hatte einen andern Sinn,
Und da ward ich ein Tory.
Für unsrer Kirch' Integrität,
Da galt es jetzt zu eifern,
Und Mäßigung und Laxität
Als sündhaft zu begeifern.
  Denn dieses gilt und hat Bestand,
  Bis an mein End' soll's wahr sein:
  Daß wer auch König sei im Land,
  In Bray will ich Vikar sein.

Als König Georg bracht' in's Land
Gemäßigte Politik, mein Herr,
Hab' nochmals ich den Rock gewandt,
Und so ward ich ein Whig, mein Herr.
Das war es, was mir Pfründen gab
Und Gunst bei dem Regenten;
Auch schwor ich fast alltäglich ab,
So Papst wie Prätendenten.
  Denn dieses gilt und hat Bestand,
  Bis an mein End' soll's wahr sein:
  Daß wer auch König sei im Land,
  In Bray will ich Vikar sein.

Hannovers hoher Dynastie —
Mit Ausschluß von Papisten —
Der schwör' ich Treu, so lange sie
Sich an dem Thron kann fristen.
Denn meine Treu wankt nimmermehr
Veränd'rung ausgenommen —
Und Georg sei mein Fürst und Herr,
Bis andre Zeiten kommen.
  Denn dieses gilt und hat Bestand,
  Bis an mein End' soll's wahr sein:
  Daß wer auch König sei im Land,
  In Bray will ich Vikar sein.

Смиренью рабскому конец,
Дадим отпор тиранам!
    Я к одному стремлюсь, по мне
    Нет ничего важнее:
    Кто б ни был королем в стране,
    Викарием быть в Брее.
Но Анна, севши на престол,
Родимой церкви вскоре
Вернула блеск, и я пришел
К сознанью, что я тори.
Борьбу я на смерть объявил
За нашей церкви целость
И словом пламенным громил
Терпимость, мягкотелость.
    Я к одному стремлюсь, по мне
    Нет ничего важнее:
    Кто б ни был королем в стране,
    Викарием быть в Брее.
Когда ж Георг провозгласил
Умеренность, — я мигом
Свое лицо переменил
И стал усердным вигом.
Я тем свои доходы спас
И в честь попал к регенту;
Зато громил чрез каждый час
То Рим, то претендентов.
    Я к одному стремлюсь, по мне
    Нет ничего важнее:
    Кто б ни был королем в стране,
    Викарием быть в Брее.
Ганноверский державный дом —
Папистов исключая —
Я буду чтить, покуда в нем
Нам дан владыка края.
Я — верный сердцем паладин,
Коль нет причин к измене,
Король Георг — мой господин...
До новых изменений.
    Я к одному стремлюсь, по мне
    Нет ничего важнее:
    Кто б ни был королем в стране,
    Викарием быть в Брее[*].

[*] Перевод с английского на немецкий — Ф. Энгельса. *Ред.*

Вышеприведенная песня, пожалуй, единственная политическая народная песня, которая в Англии сохраняла популярность в течение свыше ста шестидесяти лет. Она обязана этим в значительной мере также и своей превосходной мелодии, которую и теперь еще распевают повсюду. Впрочем, и по отношению к нашим нынешним германским условиям эта песня нисколько не устарела. Разница лишь в том, что мы, как полагается, ушли за это время вперед. Бравому брейскому викарию приходилось менять личину только при каждой смене царствующих особ. Зато у нас, немцев, над нашими многочисленными политическими брейскими викариями сидит подлинный брейский папа*, который подтверждает свою непогрешимость тем, что от времени до времени, и чем дальше, тем чаще, переворачивает вверх дном весь политический символ веры. Вчера — свобода торговли, сегодня — покровительственные пошлины; вчера — свобода промышленности, сегодня — принудительные объединения; вчера — культуркампф, сегодня — шествие с развевающимися знаменами в Каноссу, — да и почему бы не так? Omnia in majorem Dei gloriam (все для вящей славы божьей), что по-немецки значит: все для того, чтобы выколотить побольше налогов и побольше солдат. А бедные маленькие викарии должны идти вослед, должны каждый раз заново, как сами они выражаются, «прыгать через палку», и притом довольно часто — безвозмездно. С каким презреньем поглядел бы наш старый бравый викарий сверху вниз на этих своих мелкотравчатых преемников, — он, все же изрядно гордившийся тем мужеством, которое помогло ему сохранять свою позицию вопреки всем бурям!

Написано Ф. Энгельсом в начале сентября 1882 г.

Напечатано в газете «Der Sozialdemokrat» № 37, 7 сентября 1882 г.

Подпись: Фр. Энгельс

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* Имеется в виду Бисмарк. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС
ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ «РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИЗМА ОТ УТОПИИ К НАУКЕ»

Нижеследующее произведение возникло из трех глав моей работы «Переворот в науке, произведенный господином Е. Дюрингом», Лейпциг, 1878. Я соединил их вместе по просьбе моего друга Поля Лафарга для перевода на французский язык и дополнил их несколькими разъяснениями. Просмотренный мной французский перевод напечатан был сначала в «Revue socialiste» и вышел затем отдельным изданием под названием «Социализм утопический и социализм научный», Париж, 1880[206]. Сделанное по французскому переводу польское издание моей брошюры только что вышло в Женеве под названием «Социализм утопический и научный», типография «Заря», Женева, 1882[207].

Неожиданный успех сделанного Лафаргом перевода в странах, где говорят по-французски, и в особенности в самой Франции, поставил передо мной вопрос, не будет ли также целесообразно издать отдельной брошюрой эти три главы и на немецком языке. А тут еще редакция цюрихского «Sozialdemokrat»[208] сообщила мне, что в рядах германской социал-демократической партии замечается большой спрос на новые пропагандистские брошюры, и запросила меня, не соглашусь ли я предоставить для этой цели указанные три главы. Я, конечно, дал ей свое согласие и предоставил в ее распоряжение мою работу.

Но ведь первоначально она была написана вовсе не для непосредственной пропаганды в массах. Могла ли для этого пригодиться работа, прежде всего, чисто научная? Какие изменения необходимы по форме и содержанию?

Что касается формы, то только частое употребление иностранных слов могло вызвать сомнение. Но уже Лассаль в своих речах и пропагандистских брошюрах не очень скупился на иностранные слова, и, насколько мне известно, на это не жаловались. А с того времени наши рабочие гораздо усерднее и более регулярно читают газеты и благодаря этому больше освоились с иностранными словами. Я ограничился тем, что устранил все излишние иностранные слова. Но оставляя необходимые, я отказался от присоединения к ним так называемых пояснительных переводов. Ведь необходимые иностранные слова, в большинстве случаев представляющие общепринятые научно-технические термины, не были бы необходимыми, если бы они поддавались переводу. Значит, перевод только искажает смысл; вместо того, чтобы разъяснить, он вносит путаницу. Устные разъяснения помогают в таком случае гораздо больше.

Что же касается содержания, то я смею утверждать, что оно не представляет для немецких рабочих больших трудностей. Вообще труден только третий раздел, причем в гораздо меньшей степени для рабочих, общие условия жизни которых он охватывает, чем для «образованных» буржуа. Делая многочисленные разъяснения и дополнения, я в действительности имел в виду не столько рабочих, сколько «образованных» читателей, людей вроде г-на депутата фон Эйнерна, г-на тайного советника Генриха фон Зибеля и других Трейчке, испытывающих непреодолимый зуд все снова и снова демонстрировать свое невероятное невежество и вытекающее из него поразительное непонимание социализма. Если Дон-Кихоту угодно сражаться с ветряными мельницами, то это вполне соответствует его званию и роли; но Санчо Панса мы не можем позволить ничего подобного.

Такие читатели будут также удивлены, наткнувшись в кратком очерке развития социализма на канто-лапласовскую космогонию, на современное естествознание и Дарвина, на классическую немецкую философию и Гегеля. Но дело в том, что научный социализм в существенной части представляет собой немецкий продукт и мог возникнуть только у нации, классическая философия которой сохранила живую традицию сознательной диалектики, т. е. в Германии*. Материалистическое понимание

* «В Германии» — это описка. Следует сказать: «среди немцев». Ибо поскольку, с одной стороны, для возникновения научного социализма необходима была немецкая диалектика, постольку же, с другой стороны, были необходимы развитые экономические и политические отношения Англии и Франции. Отсталые в начале сороковых годов в еще большей степени, чем теперь, экономические и политические условия Германии могли в лучшем случае вызвать к жизни только карикатуры на социализм (ср. «Коммунистический манифест», III, 1, с): «Немецкий, или «истинный», социализм»[209]). Только когда создавшиеся в Англии и Франции экономические и

истории и его специальное применение к современной классовой борьбе между пролетариатом и буржуазией стало возможно только при помощи диалектики. И если школьные наставники немецкой буржуазии потопили память о великих немецких философах и созданную ими диалектику в болоте безотрадного эклектизма — до такой степени, что мы должны призывать современное естествознание в свидетели того, что диалектика существует в действительности, — то мы, немецкие социалисты, гордимся тем, что ведем свое происхождение не только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но также и от Канта, Фихте и Гегеля.

Фридрих Энгельс

Лондон, 21 сентября 1882 г.

Напечатано в книге: F. Engels. «Die Entwicklung des Sozialismus von der Utopie zur Wissenschaft». Hottingen-Zurich, 1882

Печатается по тексту книги

Перевод с немецкого

политические отношения были подвергнуты немецко-диалектической критике, можно было достигнуть действительных результатов. С этой точки зрения, следовательно, научный социализм представляет собой не *исключительно* немецкий, а в не меньшей степени и международный продукт. *(Примечание Энгельса к немецкому изданию 1883 года.)*

Ф. ЭНГЕЛЬС

О ТОМ, КАК ПИНДТЕР ПЛЕТЕТ НЕБЫЛИЦЫ [210]

Лейб-орган князя Бисмарка «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», пользуясь своим положением, пренебрегает не только всеми правилами приличия, но и требованиями логики и даже простого здравого смысла. Он наделен привилегией ругаться, клеветать, лгать, публиковать как политический, так и неполитический вздор. За исключением нескольких лакеев в мундире и без оного, которые называют экскременты и прочие выделения далай-ламы божьей росой, а если нужно, то готовы и проглотить их, каждый знает, что эта газета *служит прибежищем всякой низости и тупости.*

Если нужно облить противника грязью, произвести на свет действительно тучную ложь, действительно сочную клевету и действительно глубоко погрузиться в уличные нечистоты, то для этой почетной миссии избирают именно «Norddeutsche Allgemeine». И она выполняет эту миссию с явным удовольствием.

За последнее время эта «чистоплотная» газета, которую из-за ее чересчур уж дурной славы и умения попадать пальцем в небо даже не могли использовать в кампании по выборам в ландтаг, с особым рвением принялась обливать грязью *социал-демократию* и распространять о ней самую сумасбродную ложь.

Известные события во *Франции*[211] самым причудливым образом искажаются, самыми кричащими красками малюются картины, от которых волосы встают дыбом. И все это с целью доказать содрогающемуся человечеству, что социал-демократы — грабители, убийцы, поджигатели и бог весть кто еще и что

Французская республика обречена на неизбежную гибель, так как она не в состоянии защитить себя от подобных чудовищ — ведь это под силу только монархии с мажордомом a la Бисмарк во главе.

В деле о *венском* «покушении на убийство с целью ограбления» именно «Norddeutsche» наглейшим образом обвиняла в нем социал-демократию и сочиняла на нее самые подлые доносы[212].

Две недели тому назад, когда *австрийская* прокуратура с бесстыдством подлинных кретинов приписала еврейские погромы в Венгрии тайным махинациям социал-демократии, «Norddeutsche Allgemeine» оказалась единственной газетой, ликовавшей по поводу этой столь же глупой, сколь подлой выходки, и вторила идиоту прокурору, хотя ей прекрасно известно из ближайшего ее окружения и на основании собственного личного опыта, что так называемое «антисемитское движение» имеет в лице социал-демократов самых решительных противников и что в Германии, в особенности в Берлине, оно, несмотря на самую ревностную поддержку со стороны патрона «Norddeutsche Allgemeine», потерпело крах именно благодаря позиции социал-демократов.

Новейшее достижение во лжи мы обнаруживаем в «Norddeutsche» в виде довольно пространной заметки, в которой сообщается, что вопрос о *продлении закона против социалистов* будто бы вызвал «бурные споры» в среде германской социал-демократии[213].

Якобы «группа Либкнехта» считает, что партия заинтересована в продолжении действия закона против социалистов, в то время как другие (группы?), видя в этом лишь политику «громких фраз», выступают против нее, а «возникшие по этому поводу споры внутри социал-демократической партии, разумеется, ведутся *с применением самых грубых средств борьбы».* Читатели газеты «Sozialdemokrat» знают, чего стоят эти небылицы. Как нет в социал-демократической партии «групп» в понимании «Norddeutsche», так нет в ней и «споров» по какому-либо вопросу, а тем более по вопросу о продлении или непродлении закона о социалистах.

Мы слишком хорошие «реальные политики», чтобы заботиться о неснесенных яйцах, и мы относимся к этому вопросу с абсолютным «безразличием». Если закон против социалистов будет отменен, то мы знаем, что это произойдет отнюдь не из любви к нам, и мы останемся такими же, как и теперь; если его *не* отменят, мы тем более останемся такими же, как и теперь. А что закон о социалистах оказал партии неоценимую

услугу, укрепив ее и многому научив, и вообще замечательно воздействовав на нее в воспитательном смысле, — *в этом сходятся, кстати, все социал-демократы без исключения.*

Вопрос о *вероятности* продления или непродления закона о социалистах, правда, обсуждался в *партийном органе и только там,* однако, как это определяется существом самой темы, обсуждался чисто академически. Где же, спрашивается, те *«споры»,* которые велись «столь грубыми средствами»? Не было произнесено ни *одного слова,* которое оправдывало бы заявление «Norddeutsche». Очевидно, лейб-орган Бисмарка не знает того обязательного для профессии лжецов правила, что лгать надо *правдоподобно,* т. е. что ложь нуждается хотя бы в частице правды, иначе она не пустит корни.

Кстати «Norddeutsche» пришлось выслушать от «Liberale Correspondenz», что, опубликовав эту свою заметку, она совершила колоссальную глупость. Ведь лучшего аргумента для *отмены* закона о социалистах, чем желание самих социал-демократов сохранить его, — нельзя и придумать. Однако для уразумения этого умственные способности бисмарковской лейб-газеты оказались, во всяком случае, недостаточными.

Написано Ф. Энгельсом в конце октября 1882 г.

Напечатано в газете «Der Sozialdemokrat» № 45, 2 ноября 1882 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

МАРКА [214]

Написано Ф. Энгельсом в середине сентября — первой половине декабря 1882 г.

Напечатано в виде приложения к книге: F. Engels. «Die Entwicklung des Sozialismus von der Utopie zur Wissenschaft». Hottingen-Zurich, 1882

Печатается по тексту четвертого издания книги 1891 г.

Перевод с немецкого

В такой стране, как Германия, где еще добрая половина населения живет земледельческим трудом, рабочие-социалисты, а через них и крестьяне, непременно должны познакомиться с тем, как возникла современная земельная собственность, и крупная, и мелкая. Нынешней нищете поденщиков и нынешней долговой кабале мелких крестьян необходимо противопоставить древнюю общую собственность всех свободных мужчин, охватывавшую все, что для них тогда действительно являлось «отечеством», т. е. унаследованным свободным общим владением. Поэтому я даю краткое историческое описание того древнейшего земельного строя германцев, который сохранился до наших дней, хотя в виде жалких остатков, и который на протяжении всего средневековья служил основой и образцом всякого общественного устройства и пронизывал всю общественную жизнь не только Германии, но и Северной Франции, Англии и Скандинавии. И все же он был столь основательно забыт, что лишь в последнее время Г. Л. Мауреру пришлось снова открывать его действительное значение[215].

Два стихийно возникших факта господствуют в первобытной истории всех или почти всех народов: разделение народа по признаку родства и общая собственность на землю. Так было и у германцев. Деление на племена, родовые группы и роды, принесенные ими из Азии, деление, по которому еще в римскую эпоху их боевые отряды строились так, что всегда плечом к плечу стояли ближайшие родичи, — это же деление определяло у них порядок овладения новым районом к востоку от

Рейна и к северу от Дуная. Каждое племя оседало на новом месте не по прихоти и не в силу случайных обстоятельств, а в соответствии с родственной близостью соплеменников, как на это ясно указывает Цезарь[216]. Более близким по родству крупным группам доставалась определенная область, в пределах которой опять-таки отдельные роды, включавшие определенное число семей, селились вместе, образуя отдельные села. Несколько родственных сел образовывали «сотню» (на древневерхненемецком — huntari, на древнескандинавском — heradh), несколько сотен образовывали округ [Gau]; совокупность этих округов составляла самый народ. Земля, на которую не притязало село, оставалась в распоряжении сотни; то, что не попадало в надел сотни, оставалось в ведении всего округа; оказывавшаяся и после этого неподеленной земля — большей частью очень значительная площадь — находилась в непосредственном владении всего народа. Так, в Швеции мы встречаем все эти различные ступени общинного владения рядом друг с другом. Каждое село имело сельскую общинную землю (bys almanningar), и наряду с этим существовала общинная земля — сотни (harads), округа или земли (lands), и, наконец, общинные земли, на которые претендовал король, как представитель всего народа в целом, и поэтому в данном случае носившие название konungs almanningar*. Однако все эти земли без различия, даже и королевская, назывались almanningar, альмендами, общинными землями.

Если в Германии и существовала когда-нибудь эта форма старошведского земельного общинного строя, относящегося со своими точно определенными подразделениями во всяком случае к более поздней ступени развития, то она быстро исчезла. На весьма обширной площади земли, которая предоставлена была вначале каждому отдельному селу, на *марке,* быстро увеличивающееся население основывало ряд дочерних сел, которые вместе с материнским селом в качестве равноправных или не вполне равноправных участников образовывали теперь единую общину-марку. Поэтому, насколько источники позволяют проникнуть в прошлое, мы находим повсюду в Германии большее или меньшее число сел, соединенных в одну общину-марку. Однако над этими союзами, по крайней мере в первое время, стояли еще более обширные союзы-марки, охватывавшие сотни или округа, и, наконец, весь народ первоначально составлял единую большую общину-марку для распоряжения землей, остававшейся в непосредственном владении народа,

* — королевской альменды. *Ред.*

и осуществления верховного надзора над марками, входившими в ее состав.

Вплоть до того времени, когда Франкское государство подчинило себе германские земли на восточном берегу Рейна, центр тяжести общины-марки, по-видимому, находился в округе, а округ, собственно говоря, и охватывал общину-марку. Ибо только этим и объясняется, что при возникновении административного деления Франкского государства так много старых крупных марок снова появляется в качестве судебных округов. Но уже вскоре после этого началось раздробление старых крупных марок. Однако еще в «Имперском праве» XIII и XIV столетий значится, что, как правило, марка включает от 6 до 12 сел[217].

Во времена Цезаря по крайней мере значительная часть германцев, — а именно племя свевов, еще не перешедшее к прочной оседлости, — обрабатывала пашню сообща. Происходило это, как можно предполагать по аналогии с другими пародами, следующим образом: отдельные роды, включавшие в себя по нескольку связанных узами близкого родства семей, обрабатывали сообща предоставленную им землю, которая из года в год подвергалась переделу, продукты же распределялись между семьями. Когда же и свевы к началу нашего летосчисления прочно осели на новых местах, такой порядок вскоре прекратился. Во всяком случае Тацит (через 150 лет после Цезаря) знает только обработку земли отдельными семьями. Но и им земля для обработки предоставлялась только на один год: по истечении каждого года снова производился передел, и участки переходили в другие руки.

Мы и теперь еще можем видеть на Мозеле и в Хохвальде, в так называемых подворных общинах [Gehoferschaften], как это происходило. Вся пахотная земля, поля и луга — правда, уже не ежегодно, но все же через каждые 3, 6, 9 или 12 лет —там соединяются в один общий массив и делятся на некоторое число «конов» [«Gewanne»] в зависимости от расположения и качества почвы. Каждый кон в свою очередь делится на столько равных частей в виде длинных узких полос, сколько правомочных членов имеется в общине; эти части распределяются между ними по жребию, так что каждый член общины получает первоначально равную долю в каждом коне, т. е. от каждого участка, отличающегося своим расположением и качеством почвы. В настоящее время наделы стали неравными в результате дробления при наследовании, вследствие продажи и т. д., но старый полный надел все еще составляет ту единицу, по которой определяются размеры половины, четверти, восьмой

и прочих долей надела. Необработанная земля, леса и пастбища остаются общинным владением для совместного пользования.

Та же самая древняя система удерживалась вплоть до начала нашего столетия в баварском Рейнском Пфальце в виде так называемых жеребьевых участков, пахотная земля которых впоследствии перешла в частную собственность отдельных членов общины. И подворные общины находят для себя все более выгодным прекращать переделы и превращать владение, переходящее от одного к другому, в частную собственность. Таким образом, большинство из них, а местами даже и все они в течение последних сорока лет отмерли и превратились в обыкновенные села парцелльных крестьян, сохраняющих общинное пользование лесами и пастбищами.

Первым земельным участком, перешедшим в частную собственность отдельного лица, была земля, на которой стоял дом. Неприкосновенность жилища — эта основа всякой личной свободы — была перенесена с кибитки кочевника на бревенчатый дом оседлого крестьянина и постепенно превратилась в полное право собственности на усадьбу. Это произошло уже во времена Тацита. Усадьба свободного германца, должно быть, уже тогда выделилась из марки и, став тем самым недоступной для должностных лиц марки, явилась надежным убежищем для беглецов, как это описывается в позднейших уставах марок и отчасти уже в «Правдах» V—VIII столетий[218]. Ибо святость жилища была не следствием, а причиной превращения его в частную собственность.

Спустя четыре-пять столетии после Тацита мы встречаем в «Правдах» также и пахотную землю в качестве наследственного, хотя и не безусловно свободного владения отдельных крестьян, которые имели право распоряжаться ею путем продажи или иной формы отчуждения. Для объяснения причин этого превращения мы имеем два основания.

Во-первых, с самого начала в самой Германии наряду с уже описанными замкнутыми селами с полной общностью полей существовали и такие села, где кроме приусадебных участков также и поля были выделены из общины-марки и переданы отдельным крестьянам в наследственное пользование. Но это бывало лишь там, где к этому, так сказать, вынуждал характер местности: в тесных долинах, как в Бергском округе, или на узких плоских возвышенностях между болотами, как в Вестфалии. Позднее так было в Оденвальде и почти во всех альпийских долинах. Здесь село, как и сейчас еще, состояло из разбросанных одиночных дворов, вокруг каждого из которых были

расположены принадлежащие ему поля. Передел здесь осуществить было нелегко, и, таким образом, в распоряжении марки оставалась только окружающая невозделанная земля. Когда же впоследствии приобрело значение право распоряжения усадьбой путем передачи ее третьим лицам, то у таких владельцев дворов оказалось выгодное преимущество. Стремление добиться такого же преимущества могло и в некоторых селах с общинным владением полями привести к постепенному прекращению обычных переделов, а тем самым и к превращению отдельных наделов общинников в наследственные и отчуждаемые.

Во-вторых, завоевания привели германцев на римскую территорию, где много столетий земля была частной собственностью (и притом римской, неограниченной) и где завоеватели при своей малочисленности никак не могли совершенно устранить столь глубоко укоренившуюся форму владения. Подтверждением связи между наследственной частной собственностью на поля и луга и римским правом — по крайней мере на прежней римской территории — служит также то обстоятельство, что сохранившиеся до нашего времени остатки общинной собственности на возделанную землю встречаются именно на левом берегу Рейна, т. е. хотя и в завоеванной, но *совершенно германизированной* области. Когда франки поселились здесь в V столетии, у них еще должна была существовать общность полей — иначе мы не смогли бы обнаружить там теперь подворные общины и жеребьевые участки. Но и сюда вскоре неудержимо проникло частное владение, ибо только о нем находим мы упоминания в «Рипуарской правде» VI века[219], когда речь идет о возделанной земле. И во внутренней Германии пахотная земля, как сказано выше, также вскоре перешла в частное владение.

Если, однако, германские завоеватели и перешли к частному владению полями и лугами, т. е. при первом распределении земли или вскоре после него отказались от новых переделов (в этом только и состоял переход), то, с другой стороны, они всюду ввели свой германский марковый строй с общим владением лесами и пастбищами и с верховной властью марки также и над поделенной землей. Это было проделано не только франками в Северной Франции и англосаксами в Англии, но и бургундами в Восточной Франции, вестготами в Южной Франции и Испании, остготами и лангобардами в Италии. Впрочем, в этих последних странах, насколько известно, следы существования марки сохранились до настоящего времени почти только в высокогорных местностях.

В результате отказа от новых переделов пахотной земли марковый строй принимает теперь ту форму, в какой он выступает перед нами не только в старых «Правдах» V—VIII веков, но также в английских и скандинавских средневековых судебниках, в многочисленных германских Марковых уставах (так называемых Weistumer) от XIII до XVII столетия и в обычном праве (coutumes) Северной Франции.

Община-марка, отказавшись от права периодического передела пахотной земли и лугов между отдельными своими членами, из всех прочих своих прав на эти земли не уступила ни одного. А эти права были весьма значительны. Община передала свои земли отдельным лицам только с целью использования их в качестве пашен и лугов, но не для какой-либо другой цели. На то, что выходило за эти пределы, частный владелец не имел никакого права. Найденные в земле сокровища, залегавшие глубже, чем достает сошник, первоначально принадлежали поэтому не владельцу, а общине; то же относится к праву добывать руду и т. д. Все эти права впоследствии были узурпированы феодалами и князьями и обращены ими в свою пользу.

Но и пользование полем и лугом было подчинено контролю и регулированию со стороны общины, что осуществлялось следующим образом. Там, где господствовало трехполье, — а это было почти везде, — вся пахотная земля села делилась на три одинаковых по размеру поля; каждое из них попеременно предназначалось один год для озимых посевов, второй год для яровых, третий год шло под пар. Таким образом, село каждый год имело свое озимое, яровое и паровое поле. При распределении земли заботились о том, чтобы каждый член общины получал одинаковую долю во всех трех полях и мог бы, таким образом, без ущерба подчиняться принудительному севообороту общины; в соответствии с этим озимые он должен был сеять только на своем участке озимого поля и т. д.

Что же касается парового поля, то, пока оно находилось под паром, оно всякий раз снова переходило в общее владение и использовалось всей общиной в качестве пастбища. А как только кончалась уборка урожая на двух других полях, они также снова возвращались в общее владение до нового посева и использовались в качестве общинного выгона. То же самое относится к лугам после осеннего сенокоса. На всех полях, где должен был пастись скот, владелец обязан был удалить изгороди. Этот так называемый принудительный выпас естественно требовал, чтобы время посева, как и жатвы, не зависело от воли отдельного лица, а было для всех общим и устанавливалось общиной или обычаем.

Вся остальная земля, т. е. все, что не входило в усадьбу и в пахотный надел: лес, пастбища, пустоши, болота, реки, пруды, озера, дороги, места охоты и рыбной ловли, — оставалась, как и в старину, общинной собственностью, предназначенной для совместного пользования. Подобно тому как доля каждого члена общины в поделенной пахотной земле марки была первоначально для всех одинаковой, так же одинакова была и доля его в пользовании «общими угодьями марки». Способ этого пользования определялся всеми членами общины; таким же образом устанавливался способ наделения, когда уже возделанной земли больше не хватало и от общих угодий марки отрезывался участок для возделывания. Общие угодья марки использовались главным образом для выпаса скота и откармливания свиней желудями; кроме того, леса доставляли строительный материал и дрова, листья для подстилки, ягоды и грибы, а болота, если они имелись, — торф. Постановления о пастбищах, об использовании леса и т. д. составляют главное содержание многочисленных, сохранившихся от различнейших периодов Марковых уставов. Они были записаны в те времена, когда старое неписанное обычное право начинало оспариваться. Сохранившиеся еще общинные леса являются жалким остатком этих древних неподеленных общих угодий марки. Другим пережитком, по крайней мере в Западной и Южной Германии, является глубоко коренящееся в народном сознании представление, что лес есть общее достояние и каждый может собирать в лесу цветы, ягоды, грибы, буковые орешки и т. д. и вообще имеет право делать все, что ему угодно, пока и поскольку он не причиняет вреда. Но и здесь Бисмарк позаботился о том, чтобы своим знаменитым законом о сборе ягод[220] установить в западных провинциях старопрусские юнкерские порядки.

Наряду с одинаковыми земельными наделами и равными правами в пользовании общими угодьями члены общины имели первоначально одинаковый доступ к участию в законодательстве, управлении и судопроизводстве в пределах марки. В определенные сроки — а если нужно было, то и чаще — собирались они под открытым небом для обсуждения общих дел марки, а также для судебного разбирательства нарушений обычаев марки и для разрешения тяжб. Это было — только в небольшом масштабе — древнее германское народное собрание, которое первоначально также являлось не чем иным, как большим собранием членов марки. Вырабатывались законы, правда, только в редких, самых необходимых случаях; избирались должностные лица, проверялась их служебная деятельность; главным же образом творился суд. Председатель должен был только ставить

вопросы, приговор же выносился общим решением всех присутствующих.

В древние времена строй марки был почти единственным общественным устройством тех германских племен, у которых не было королей. Старая родовая знать, которая пришла в упадок во время переселения народов или вскоре после него, легко приспособилась к этому строю, как и все стихийно возникшее вместе с ним, точно так же как кельтская клановая знать еще в XVII веке уживалась с ирландской земельной общиной. И марка пустила столь глубокие корни во всей жизни германцев, что мы обнаруживаем ее следы на каждом шагу в истории развития нашего народа. В древности вся публичная власть в мирное время была исключительно судебной властью и находилась в руках народных собраний сотен, округов, наконец, всего племени. Но народный суд был только народным судом марки, действовавшим в случаях, которые касались не только дел марки, но и входили в сферу публичной власти. Даже когда с образованием административного окружного устройства государственные окружные суды были отделены от обычных судов марки, то и тогда в тех и других судебная власть оставалась в руках народа. Только когда древние народные вольности уже пришли в сильный упадок и исполнение судебных обязанностей, наряду с военной службой, стало тяжелым бременем для обедневшего свободного населения, только тогда Карл Великий мог в окружных судах большинства местностей заменить народные суды судами шеффенов*. Но это нисколько не коснулось судов марки. Напротив, они сами оставались еще образцом для ленных судебных курий средневековья, в которых только сеньор ставил вопросы, приговор же выносили сами ленники. Сельский строй являлся исключительно Марковым строем самостоятельной сельской марки и переходил в городской строй, как только село превращалось в город, т. е. укреплялось посредством рвов и стен. Из этого первоначального строя городской марки выросли все позднейшие городские устройства. И, наконец, по образцу маркового строя создавались уставы бесчисленных вольных товариществ средневековья, основанных не на общности землевладения, особенно же уставы вольных цехов. Предоставленное цеху исключительное право занятия определенным ремеслом рассматривалось совершенно так же, как марковое право. С таким же,

* Не следует смешивать последних с бисмарковско-леонхардовскими судами шеффенов[221], где шеффены и юристы совместно устанавливают приговор. В древнем суде шеффенов вовсе не было юристов. Председатель, или судья, совсем не имел права голоса, и шеффены самостоятельно выносили приговор.

как там, рвением и часто с помощью тех же самых средств цехи заботились о том, чтобы целиком или возможно точнее уравнять долю участия каждого своего члена в общем объекте пользования.

Такую же изумительную приспособляемость, какую проявил марковый строй здесь в различнейших областях общественной жизни и перед лицом самых разнообразных потребностей, обнаруживает он и в дальнейшем ходе развития земледелия и в борьбе с растущей крупной земельной собственностью. Этот строй возник одновременно с поселением германских племен в Германии, — следовательно, в такое время, когда скотоводство было главным источником пропитания, а принесенное из Азии, но полузабытое земледелие только лишь начинало возрождаться. Марка сохранялась на протяжении всего средневековья в тяжелой непрерывной борьбе с землевладельческой знатью. Однако потребность в ней всегда была еще настолько велика, что повсюду, где знать присвоила себе крестьянскую землю, устройство сел, попавших в феодальную зависимость, оставалось устройством марки, хотя и сильно урезанным в результате посягательств феодалов. Ниже мы приведем пример этого. Марковый строй приспособлялся к самым изменчивым отношениям владения возделанной землей, пока еще существовали общие угодья марки, а также к разнообразнейшим правам собственности на них, когда марка перестала быть свободной. Марка погибла вследствие разграбления почти всей крестьянской земли, как поделенной, так и неподеленной, — разграбления, произведенного дворянством и духовенством при благосклонном содействии территориальной власти. Но экономически она устарела, потеряв жизнеспособность в качестве формы земледельческого производства, фактически лишь с тех пор, как гигантский прогресс сельского хозяйства за последние сто лет превратил земледелие в науку и привел к появлению совершенно новых форм производства.

Основы маркового строя начали подрываться уже вскоре после переселения народов. В качестве представителей народа франкские короли завладели огромными земельными пространствами, принадлежавшими всему народу, в особенности лесами, чтобы затем расточать их в виде подарков своей придворной челяди, своим военачальникам, епископам и аббатам. Таким путем они заложили основу позднейшего крупного землевладения дворянства и церкви. Последняя еще задолго до Карла Великого владела доброй третью всех земель во Франции; несомненно, что такое соотношение в течение средних веков имело место почти во всей католической Западной Европе.

Продолжавшиеся без конца внутренние и внешние войны, неизменным последствием которых были конфискации земель, разорили огромное число крестьян, так что уже во времена Меровингов имелось весьма большое количество свободных людей, лишенных земли. Беспрерывные войны Карла Великого сломили главную силу свободного крестьянства. Первоначально каждый свободный владелец земли был обязан службой и должен был на свои средства не только вооружиться, по также и прокормить себя на военной службе в течение шести месяцев. Пет ничего удивительного в том, что уже во времена Карла на военную службу мог действительно быть взят едва лишь каждый пятый мужчина. Во время хаотического правления его преемников свобода крестьян еще быстрее сводилась на нет. С одной стороны, бедствия от набегов норманнов, вечные войны королей и междоусобицы знати вынуждали свободных крестьян, одного за другим, искать себе покровителя. С другой стороны, алчность той же знати и церкви ускоряла этот процесс; хитростью, обещаниями, угрозами, силой они подчиняли своей власти еще больше крестьян и крестьянских земель. Как в том, так и в другом случае крестьянская земля превращалась в господскую и, самое большее, вновь передавалась крестьянам в пользование за оброк и барщину. Крестьянин же из свободного землевладельца превращался в зависимого, обязанного платить оброк и отбывать барщину, или даже в крепостного. В Западнофранкском королевстве[222], и вообще к западу от Рейна, это было правилом. К востоку от Рейна, напротив, сохранилось еще сравнительно большое число свободных крестьян, преимущественно рассеянных в разных местах, реже соединенных в целые свободные села. Однако и здесь в X—XII столетиях под нажимом всемогущих дворянства и церкви все большее количество крестьян попадало в крепостную кабалу.

Когда феодал — духовный или светский — приобретал крестьянское владение, он вместе с тем приобретал и связанные с этим владением права в марке. Таким образом, новые землевладельцы становились членами марки и первоначально пользовались в пределах марки только равными правами наряду с остальными свободными и зависимыми общинниками, даже если это были их собственные крепостные. Но вскоре, несмотря на упорное сопротивление крестьян, они приобрели во многих местах привилегии в марке, а нередко им удавалось даже подчинить ее своей господской власти. И все же старая община-марка продолжала существовать, хотя и под господской опекой.

Насколько безусловно необходимо было тогда марковое устройство для земледелия, даже для крупного землевладения, убедительнейшим образом доказывает колонизация Бранденбурга и Силезии фризскими, нидерландскими, саксонскими и рейнско-франконскими поселенцами. Начиная с XII столетия, их поселяли целыми деревнями на господской земле, и именно согласно германскому праву, т. е. древнему обычному праву марки, поскольку оно сохранилось в господских поместьях. Каждый получал усадьбу, одинаковый для всех надел пахотной земли деревни, определяемый на древний лад жребием, а также право пользования лесом и пастбищем, большей частью в господском лесу, реже в особых лесных угодьях марки. Все это передавалось в наследственное пользование. Собственность на землю оставалась за господином, в пользу которого колонисты были обязаны из поколения в поколение платить определенные оброки и выполнять определенные работы. Но эти повинности были настолько умеренны, что крестьяне находились здесь в лучшем положении, чем где-либо в Германии. Поэтому они и остались спокойными, когда разразилась Крестьянская война. За это отступничество от своего собственного дела они, однако, жестоко поплатились.

Вообще около середины XIII столетия в положении крестьян наступил решительный поворот к лучшему; подготовили его крестовые походы. Многие феодалы, отправляясь в поход, прямо отпускали крестьян на свободу. Другие умерли, погибли; сотни дворянских родов исчезли, и их крестьяне тоже часто добивались свободы. К тому же с ростом потребностей феодалов гораздо важнее для последних становилось право распоряжения повинностями крестьян, чем их личностью. Крепостное право раннего средневековья, сохранившее в себе еще много черт древнего рабства, предоставляло господину права, которые все больше и больше теряли свою ценность; постепенно оно стало ослабевать, и положение крепостных приблизилось к простой зависимости. Так как способ обработки земли оставался таким же, как и раньше, то увеличения доходов владельцам имений можно было добиться только поднятием целины, основанием новых деревень. Но это было достижимо только при помощи полюбовного соглашения с колонистами — все равно, принадлежали ли они к имению или пришли со стороны. Поэтому мы всюду видим в это время твердо установленные, большей частью умеренные крестьянские повинности и хорошее обращение с крестьянами, особенно во владениях духовенства. И, наконец, благоприятное положение вновь привлеченных колонистов оказывало со своей стороны влияние на условия

жизни соседних зависимых крестьян, так что и они во всей Северной Германии, продолжая выполнять свои повинности в пользу помещиков, получили, однако, личную свободу. Только славянские и литовско-прусские крестьяне оставались несвободными. Однако все это не могло долго продолжаться.

В XIV и XV столетиях происходит быстрый подъем городов и рост их богатств. Особенно отличались расцветом своей художественной промышленности и своей роскошью города в Южной Германии и на. Рейне. Роскошная жизнь городских патрициев не давала покоя поместному дворянству, которое питалось грубой пищей, одевалось в грубую одежду и должно было довольствоваться неуклюжей мебелью. Но откуда взять красивые вещи? Разбой на большой дороге становился все опаснее и безуспешнее. Для покупки же нужны были деньги. А их мог доставлять только крестьянин. Отсюда — новый нажим на крестьян, увеличение оброков и барщины, возобновившееся и все растущее стремление превратить свободных крестьян в зависимых, зависимых в крепостных, а общую землю марки в господскую землю. В этом князьям и дворянам помогали юристы, изучившие римское право, которые своим применением норм римского права к германским отношениям, большей частью не понятым ими, сумели создать безграничную путаницу, и притом такую, что благодаря ей господин всегда был в выигрыше, а крестьянин постоянно в проигрыше. Духовные владыки поступали проще: они подделывали документы, в которых права крестьян урезывались, а обязанности увеличивались. На это хищничество князей, дворян и попов крестьяне стали с конца XV столетия отвечать частыми разрозненными восстаниями, пока в 1525 г. Великая крестьянская война не охватила Швабию, Баварию, Франконию и не распространилась также на Эльзас, Пфальц, Рейнгау и Тюрингию. Крестьяне были побеждены после ожесточенной борьбы. С этого времени возобновляется всеобщее преобладание крепостной зависимости среди немецких крестьян. В тех местностях, где бушевала война, все сохранившиеся еще права крестьян были теперь беззастенчиво попраны, их общинная земля была превращена в господскую, а сами они в крепостных. А северогерманские крестьяне — в награду за то, что они, живя в лучших условиях, оставались спокойными — подверглись, хотя и не сразу, такому же гнету. Крепостное право для немецких крестьян в Восточной Пруссии, Померании, Бранденбурге, Силезии утвердилось с середины, а в Шлезвиг-Гольштейне — с конца XVI столетия и все больше приобретало характер всеобщего закабаления крестьян.

Это новое насилие имело к тому же и экономическое основание. Из войн времен Реформации извлекли выгоду одни только немецкие территориальные князья, увеличившие свою власть. Благородное разбойничье ремесло дворянства уже изжило себя. Если дворянство не желало погибнуть, ему надо было выколачивать больше дохода из своих земельных владений. Единственным путем для этого было — по примеру более крупных феодальных господ и особенно монастырей — завести собственное хозяйство, по крайней мере на некоторой части своих владений. То, что до тех пор являлось исключением, стало теперь насущной потребностью. Но этой новой форме хозяйства служило препятствием то обстоятельство, что почти повсюду земля была роздана оброчным крестьянам. С превращением свободных или зависимых оброчных крестьян в крепостных господин помещик получал полную свободу действий. Часть крестьян была, как гласит технический термин, «согнана» [«gelegt»], т. е. либо изгнана с земли, либо низведена до положения безнадельных крестьян [Kotsassen], владеющих только хижиной и клочком огородной земли; их наделы были слиты в одно большое господское имение, земли которого обрабатывались барщинным трудом новых безнадельных крестьян, а также тех крестьян, которые еще оставались на своих наделах. Таким образом, не только множество крестьян попросту сгонялось со своей земли, но и падавшие на оставшихся еще крестьян барщинные повинности значительно увеличивались, и чем дальше, тем больше. Капиталистический период возвестил в деревне о своем пришествии как период крупного сельскохозяйственного производства на основе барщинного труда крепостных крестьян.

Эти перемены вначале все же совершались еще довольно медленно. Но вот наступила Тридцатилетняя война[223]. На протяжении жизни целого поколения по всей Германии хозяйничала самая разнузданная солдатня, какую только знает история. Повсюду налагались контрибуции, совершались грабежи, поджоги, насилия и убийства. Больше всего страдал крестьянин там, где в стороне от больших армий действовали на собственный страх и риск и по своему произволу мелкие вольные отряды, или, вернее, мародеры. Опустошение и обезлюдение были безграничны. Когда наступил мир, Германия оказалась поверженной — беспомощной, растоптанной, растерзанной, истекающей кровью; и в самом бедственном положении был опять-таки крестьянин.

Дворяне-землевладельцы стали теперь единственными хозяевами в деревне. Князья, уничтожившие как раз к этому

времени политические права дворянства в сословных собраниях, предоставили ему зато полную свободу действий в отношении крестьян. А способность крестьян к сопротивлению была окончательно сломлена войной. Таким образом, дворянство могло установить все земельные отношения в таком виде, как это было всего выгоднее для восстановления его расстроенных финансов. Не только заброшенные крестьянские хозяйства были без всяких обиняков присоединены к господскому поместью, но именно теперь и начался в большом масштабе систематический сгон крестьян с земли. Чем крупнее было господское хозяйство, тем тяжелее были, разумеется, барщинные повинности крестьян. Снова наступило время неограниченных повинностей; господин помещик мог выгонять на работу крестьянина, его семью, его скот так часто и на такой срок, как ему было угодно. Крепостное состояние сделалось отныне всеобщим; свободный крестьянин стал теперь такой же редкостью, как белая ворона. А для того, чтобы господин помещик был в состоянии подавить в зародыше всякое, даже малейшее сопротивление крестьян, он получил от территориального князя право вотчинной юрисдикции, т. е. он был назначен единственным судьей по всем мелким проступкам и тяжбам крестьян, даже тогда, когда крестьянин имел тяжбу с ним самим, со своим господином. Таким образом, господин был судьей в своем собственном деле! С того времени в деревне стали господствовать палка и кнут. Как и вся Германия, немецкий крестьянин был доведен до крайней степени унижения. Как и вся Германия, крестьянин до того обессилел, что исчезла всякая возможность самопомощи, и спасение могло явиться только извне.

И оно пришло. С французской революцией наступила и для Германии и для немецкого крестьянина заря лучших времен. Едва только армии революции заняли левый берег Рейна, как там, словно по мановению волшебного жезла, исчез весь старый хлам — барщина, оброк и всякого рода повинности в пользу господина помещика, а также и сам господин. Крестьянин на левом берегу Рейна стал тогда хозяином своего участка, и, кроме того, в Code civil[224], который был подготовлен в революционную эпоху, а Наполеоном только испорчен, он получил свод законов, приспособленный к его новому положению, — свод, который он мог не только понимать, но и с удобством носить с собой в кармане.

Но на правом берегу Рейна крестьянину пришлось еще долго ждать. Правда, в Пруссии после вполне заслуженного поражения при Йене[225] были отменены некоторые из самых гнусных дворянских привилегий и была установлена законом

возможность так называемого освобождения посредством выкупа прочих крестьянских повинностей. Но все это большей частью оставалось долгое время только на бумаге. В других же германских государствах было сделано еще меньше. Понадобилась вторая французская революция в 1830 г., чтобы начал осуществляться выкуп повинностей, по крайней мере в Бадене и некоторых других мелких государствах, соседних с Францией. И даже когда третья французская революция в 1848 г. увлекла за собой наконец и Германию, в Пруссии выкуп далеко еще не закончился, а в Баварии еще совсем и не начинался! Теперь, впрочем, дело пошло живее; барщина, отбываемая крестьянами, настроение которых стало на этот раз совсем бунтарским, потеряла уже всякую ценность.

В чем же заключалось это освобождение? Забирая у крестьянина определенную сумму денег или кусок его земли, помещик обязывался за это признавать впредь остававшуюся еще у крестьянина землю свободной, не обремененной повинностями собственностью последнего, — и это несмотря на то, что и все ранее принадлежавшие господину помещику земли являлись не чем иным, как землями, награбленными у крестьян! Но и этого было мало. При размежевании назначенные для этой цели чиновники, разумеется, почти всегда держали сторону господина помещика, у которого они жили и кутили, так что крестьян жестоко обделили, отобрав даже сверх того, что допускала буква закона.

Итак, благодаря трем французским и одной немецкой революциям мы пришли, наконец-таки, к тому, что у нас снова имеются свободные крестьяне. Но как далеко нашему нынешнему свободному крестьянину до свободного члена марки прежних времен! Его участок большей частью значительно сократился, а неподеленная марка исчезла вовсе, за исключением немногочисленных, очень мелких и запущенных общинных лесных участков. Но не пользуясь общинными угодьями, мелкий крестьянин не может содержать скота; не содержа скота, он не имеет удобрений, без удобрений невозможно рациональное земледелие. Сборщик налогов и угрожающая фигура судебного исполнителя, стоящая за ним, столь хорошо известные современному крестьянину, были незнакомы общиннику прежних времен, так же как и ростовщик, дающий ссуды под залог земли, в лапы которого один за другим попадают крестьянские дворы. Но самое замечательное заключается в том, что эти новые свободные крестьяне, у которых так сильно урезаны наделы и подрезаны крылья, появились в Германии, где все происходит слишком поздно, в такое

время, когда не только научное ведение сельского хозяйства, но и новоизобретенные сельскохозяйственные машины все более и более превращают мелкое крестьянское хозяйство в устарелую, уже нежизнеспособную форму производства. Подобно тому как механическое прядение и ткачество вытеснили самопрялку и ручной ткацкий станок, так и эти новые методы сельскохозяйственного производства должны беспощадно уничтожить парцелльное сельское хозяйство и заменить его крупной земельной собственностью, если только им будет предоставлено для этого необходимое время.

Ибо уже сейчас всему европейскому земледелию, в том виде как оно ведется в настоящее время, угрожает могущественный соперник — американское массовое производство зерна. С американской землей, которую сама природа позаботилась сделать плодородной и удобренной на долгий ряд лет и которую можно приобрести за бесценок, не могут выдержать состязания ни наши обремененные долгами мелкие крестьяне, ни наши столь же запутавшиеся в долгах крупные землевладельцы. Весь европейский способ ведения сельского хозяйства терпит поражение от американской конкуренции. В Европе можно будет продолжать заниматься земледелием только в том случае, если оно будет вестись в общественной форме и на счет всего общества.

Таковы виды на будущее для наших крестьян. А восстановление хотя и горемычного, но свободного класса крестьян имело *ту* хорошую сторону, что оно поставило крестьянина в положение, в котором он — при содействии своих естественных союзников — рабочих — может сам себе помочь, лишь только он захочет понять, *как это сделать*[*].

Но как? — Путем возрождения марки, но не в ее старой, пережившей себя, а в омоложенной форме; путем такого обновления общинного землевладения, при котором последнее не только обеспечит мелкокрестьянским общинникам все преимущества крупного хозяйства и применения сельскохозяйственных машин, но и предоставит им средства организовать наряду с земледелием также и крупную промышленность с использованием силы пара и воды, и притом организовать ее без капиталистов, а силами самого товарищества.

[*] Далее следует текст, представляющий собой добавление Ф. Энгельса к отдельному изданию «Марки», вышедшему в 1883 г. под названием «Немецкий крестьянин. Чем он был? Что он есть? Чем он мог бы быть?» *Ред.*

Организовать крупное земледелие и применить сельскохозяйственные машины и означает другими словами: сделать излишним сельскохозяйственный труд большей части мелких крестьян, которые теперь сами обрабатывают свои поля. А чтобы эти вытесненные из земледелия люди не оставались без работы или не были вынуждены скопляться в городах, для этого необходимо занять их промышленным трудом в самой деревне, а это может быть с выгодой для них организовано только в крупном масштабе, при помощи силы пара или воды.

Как это устроить? Подумайте об этом хорошенько, немецкие крестьяне. Помочь вам могут только *социал-демократы.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ЖЕННИ ЛОНГЕ, УРОЖДЕННАЯ МАРКС

11 января умерла в Аржантёйе близ Парижа старшая дочь Карла Маркса, Женни, около восьми лет тому назад вышедшая замуж за бывшего члена Парижской Коммуны и нынешнего члена редакции газеты «Justice»[226] *Шарля Лонге.*

Родившись 1 мая 1844 г., она выросла в среде международного пролетарского движения и теснейшим образом срослась с ним. При всей своей сдержанности, которую можно было принять почти за робость, она проявляла, когда это было нужно, такое присутствие духа и такую энергию, которым мог бы позавидовать иной мужчина.

Когда ирландская пресса разоблачила позорное обращение, которому подвергались в тюрьме осужденные в 1866 г. и позднее фении, а английская пресса упорно замалчивала эти подлости; когда министерство Гладстона, вопреки обещаниям, данным при выборах, отказало осужденным в амнистии и даже ничем не облегчило их положения, — Женни Маркс нашла способ подхлестнуть благочестивого господина Гладстона. Она напечатала две статьи в «Marseillaise»[227] Рошфора и в ярких красках изобразила, как обращаются в свободной Англии с политическими преступниками. Это подействовало. Разоблачения в большой парижской газете нельзя было стерпеть. Через несколько недель О'Донован-Росса и большинство других были освобождены и находились на пути в Америку.

Летом 1871 г. она с младшей сестрой посетила своего зятя Лафарга в Бордо. Лафарг, его жена, его больной ребенок и обе девушки уехали оттуда на воды в Баньер-де-Люшон в Пиренеях. Однажды рано утром явился к Лафаргу какой-то госпо-

дин и сказал: «Я полицейский чиновник, но республиканец; получено приказание арестовать вас; известно, что вы руководили сношениями между Бордо и Парижской Коммуной. В вашем распоряжении час времени, чтобы перебраться через границу».

Лафарг с женой и ребенком благополучно перебрались через перевал в Испанию; полиция отомстила за это обеим девушкам, арестовав их. В кармане у Женни было письмо павшего близ Парижа вождя Коммуны Гюстава Флуранса; будь оно найдено, оно оказалось бы для обеих надежным паспортом для путешествия в Новую Каледонию[228]. Оставшись на минутку одна в канцелярии, она раскрыла старую, покрытую пылью регистрационную книгу, вложила в нее письмо и снова захлопнула ее. Может быть, оно еще лежит там. Когда обеих девушек привели в канцелярию префекта, то последний, благородный граф де Кератри, старый бонапартист, учинил двум девушкам строжайший допрос. Однако хитрость бывшего дипломата и грубость бывшего кавалерийского офицера разбились о спокойное благоразумие Женни. Сказав что-то злобное по поводу «энергии, видимо свойственной женщинам этой семьи», он в бешенстве вышел из комнаты. После многочисленных телеграмм в Париж и обратно он должен был наконец освободить обеих девушек из-под ареста, где они подвергались истинно прусскому обращению.

Эти два эпизода из жизни Женни вполне характеризуют ее. Пролетариат утратил в ее лице героического борца. Но у ее убитого горем отца осталось по крайней мере то утешение, что сотни тысяч рабочих в Европе и в Америке разделяют его горе.

Лондон, 13 января 1883 г.

Написано Ф. Энгельсом.

Напечатано в газете «Der Sozialdemokrat» № 4, 18 января 1883 г.

Подпись: Фр. Энгельс

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

НАБРОСОК НАДГРОБНОЙ РЕЧИ НА МОГИЛЕ МАРКСА

Каких-нибудь 15 месяцев тому назад большинство из нас собралось вокруг этой могилы, которая должна была тогда стать последним местом успокоения возвышенной и благородной женщины. Сегодня мы снова должны раскрыть эту могилу, чтобы опустить туда останки ее мужа.

Карл Маркс был одним из тех выдающихся людей, каких немного рождается в течение столетия. Чарлз Дарвин открыл закон развития органического мира на нашей планете. Маркс открыл основной закон, определяющий движение и- развитие человеческой истории, закон, до такой степени простой и самоочевидный, что почти достаточно простого его изложения, чтобы обеспечить его признание. Мало того, Маркс открыл также закон, по которому создан наш нынешний общественный строй с его великим классовым делением на капиталистов и наемных рабочих; закон, по которому это общество сорганизовалось, росло, пока почти не переросло самого себя; закон, в силу которого оно должно, в конце концов, погибнуть, подобно всем предыдущим историческим фазам общества. Такие результаты делают особенно тягостным сознание, что он отнят у нас в разгар своей работы и что, как ни много им сделано, еще больше оставил он незавершенным.

Но наука, как ни был он ей предан, далеко не поглощала его полностью. Не было человека, который испытывал бы более чистую радость, чем он, при виде каждого достижения науки в любой области, независимо от того, было ли оно практически применимо или нет. Но на науку он смотрел прежде всего как на могущественный рычаг истории, как на революционную

силу в самом высоком значении этого слова. И в качестве такой именно силы он ею пользовался, в этом именно видел он назначение тех огромных знаний, особенно во всех областях истории, какими он обладал.

Ибо он действительно был, как сам он себя называл, революционером. Борьба за освобождение класса наемных рабочих от оков современной капиталистической системы экономического производства была его подлинной стихией, и никогда не было борца активнее, чем он. Венцом этой части его деятельности было создание Международного Товарищества Рабочих, признанным вождем которого он был с 1864 до 1872 года. Товарищество это, поскольку речь идет о внешних признаках, прекратило свое существование; но братская связь союза рабочих всех цивилизованных стран Европы и Америки установлена раз навсегда и все время продолжает существовать без всяких уз внешнего формального союза.

Кто борется за какое-либо дело, тот не может не нажить себе врагов. И он имел много врагов. В течение большей части своей политической жизни он был в Европе тем человеком, которого больше всего ненавидели и на которого больше всего клеветали. Но он почти не обращал внимания на клевету. Если кто-либо на земле преодолел клевету, то это именно он, и в час своей смерти он с гордостью мог оглянуться на миллионы своих последователей в сибирских рудниках и в мастерских Европы и Америки; он видел, что его экономические теории были приняты как неоспоримые основы социализма во всем мире, и если у него было еще много противников, то едва ли остался хоть один личный враг*.

Написано Ф. Энгельсом 17 марта 1883 г.

Напечатано в газете «La Justice», 20 марта 1883 г.

Печатается по рукописи, сверенной с текстом газеты

Перевод с английского

* В газете «La Justice» (от 20 марта 1883 г.) во французском переводе этой речи под заголовком «Речь Фридриха Энгельса» в конце добавлено: «Чем был Маркс в своей частной жизни, для своей семьи и своих друзей, — в данный момент нет у меня сил выразить это. И не к чему, так как это знаете все вы, пришедшие сюда сказать ему последнее прости.

Прощай, Маркс! Твое дело и твое имя будут жить века». *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПОХОРОНЫ КАРЛА МАРКСА

В субботу, 17 марта, на Хайгетском кладбище был похоронен Маркс в той же могиле, в которой пятнадцать месяцев тому назад была погребена его жена.

На могиле *Г. Лемке* возложил на гроб два венка с красными лентами от имени редакции и экспедиции газеты «Sozialdemokrat» и от имени лондонского *Коммунистического просветительного рабочего общества.*

Затем *Ф. Энгельс* произнес на *английском* языке речь приблизительно следующего содержания:

«14 марта, без четверти три пополудни, перестал мыслить величайший из современных мыслителей. Его оставили одного всего лишь на две минуты; войдя в комнату, мы нашли его в кресле спокойно уснувшим — но уже навеки.

Для борющегося пролетариата Европы и Америки, для исторической науки смерть этого человека — неизмеримая потеря. Уже в ближайшее время станет ощутительной та брешь, которая образовалась после смерти этого гиганта.

Подобно тому как Дарвин открыл закон развития органического мира, Маркс открыл закон развития человеческой истории: тот, до последнего времени скрытый под идеологическими наслоениями, простой факт, что люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.; что, следовательно, производство непосредственных материальных средств к жизни и тем самым каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образуют основу, из которой развиваются государст-

венные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей и из которой они поэтому должны быть объяснены, — а не наоборот, как это делалось до сих пор.

Но это не все. Маркс открыл также особый закон движения современного капиталистического способа производства и порожденного им буржуазного общества. С открытием прибавочной стоимости в эту область была сразу внесена ясность, в то время как все прежние исследования как буржуазных экономистов, так и социалистических критиков были блужданием в потемках.

Двух таких открытий было бы достаточно для одной жизни. Счастлив был бы тот, кому удалось сделать даже одно такое открытие. Но Маркс делал самостоятельные открытия в каждой области, которую он исследовал, — даже в области математики, — а таких областей было очень много, и ни одной из них он не занимался поверхностно.

Таков был этот муж науки. Но это в нем было далеко не главным. Наука была для Маркса исторически движущей, революционной силой. Какую бы живую радость ни доставляло ему каждое новое открытие в любой теоретической науке, практическое применение которого подчас нельзя было даже и предвидеть, — его радость была совсем иной, когда дело шло об открытии, немедленно оказывающем революционное воздействие на промышленность, на историческое развитие вообще. Так, он следил во всех подробностях за развитием открытий в области электричества и еще в последнее время за открытиями Марселя Депре.

Ибо Маркс был прежде всего революционер. Принимать тем или иным образом участие в ниспровержении капиталистического общества и созданных им государственных учреждений, участвовать в деле освобождения современного пролетариата, которому *он* впервые дал сознание его собственного положения и его потребностей, сознание условий его освобождения, — вот что было в действительности его жизненным призванием. Его стихией была борьба. И он боролся с такой страстью, с таким упорством, с таким успехом, как борются немногие. Первая «Rheinische Zeitung» 1842 г., парижский «Vorwarts!» 1844 г.[229], «Deutsche-Brusseler-Zeitung» 1847 г., «Neue Rheinische Zeitung» 1848—1849 гг., «New-York Daily Tribune» 1852—1861 **гг.** и помимо того множество боевых брошюр, работа в организациях в Париже, Брюсселе и Лондоне, пока, наконец, не возникло, как венец всего этого, великое Международное Товарищество Рабочих, — поистине это было делом, которым

мог гордиться тот, кто его создал, даже если бы он не создал ничего больше.

Вот почему Маркс был тем человеком, которого больше всего ненавидели и на которого больше всего клеветали. Правительства — и самодержавные и республиканские — высылали его, буржуа — и консервативные и ультрадемократические — наперебой осыпали его клеветой и проклятиями. Он сметал все это, как паутину, со своего пути, не уделяя этому внимания, отвечая лишь при крайней необходимости. И он умер, почитаемый, любимый, оплакиваемый миллионами революционных соратников во всей Европе и Америке, от сибирских рудников до Калифорнии, и я смело могу сказать: у него могло быть много противников, но вряд ли был хоть один личный враг.

И имя его и дело переживут века!»

Затем Лонге, зять Маркса, прочел следующие обращения, полученные на *французском* языке.

I. НА МОГИЛУ КАРЛА МАРКСА ОТ РУССКИХ СОЦИАЛИСТОВ

«От имени всех русских социалистов шлю последний прощальный привет самому выдающемуся из всех социалистов нашего времени. Угас один из величайших умов; умер один из энергичнейших борцов против эксплуататоров пролетариата.

Русские социалисты склоняются пред могилой человека, сочувствовавшего их стремлениям во всех превратностях их страшной борьбы, борьбы, которую они продолжают и будут продолжать, пока не восторжествуют окончательно принципы социальной революции. Русский язык был первым, на котором появился перевод «Капитала» — этого евангелия современного социализма. Студенты русских университетов были первыми, кому довелось услышать сочувственное изложение теорий могучего мыслителя, которого мы теперь потеряли. Даже те, кто расходился с основателем Международного Товарищества Рабочих в практических организационных вопросах, всегда бывали вынуждены все же склониться пред всеобъемлющими знаниями и высокой силой мысли, сумевшей глубоко вскрыть сущность современного капитала, эволюцию экономических форм общества и зависимость всей человеческой истории от этой эволюции. Даже самые яростные противники, которых он встретил в рядах революционных социалистов, не могли, однако, не внять великому революционному призыву, который Маркс и Ф. Энгельс*, друг всей его жизни, бросили тридцать пять лет тому назад:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Смерть Карла Маркса пробудит скорбь у всех, сумевших понять его мысли и оценить его влияние на пашу эпоху.

* В своем переводе обращения на немецкий язык Энгельс опустил свою фамилию. *Ред.*

Я позволю себе прибавить, что эта смерть пробудит еще более тяжкую скорбь у тех, кто знал этого человека в его личной жизни, а особенно у тех, кто любил его как друга.

Париж, 15 марта 1883 г. ***П. Лавров»***.

II. ТЕЛЕГРАММА

«Парижское объединение французской Рабочей партии выражает свою скорбь в связи с утратой мыслителя, чье материалистическое понимание истории и чей анализ капиталистического производства создали научный социализм и современное революционное коммунистическое движение; оно выражает свое глубокое уважение к Марксу как к человеку и свое полное согласие с его учением.

Париж, 16 марта 1883 г. ***Секретарь Лепин».***

III. ТЕЛЕГРАММА

«От себя лично и в качестве делегата испанской рабочей партии (мадридское объединение) разделяю глубочайшую скорбь друзей и дочерей Маркса при столь тяжкой утрате великого социалиста, нашего общего учителя.

Париж, 16 марта 1883 г. ***Хосе Меса-и-Леомпарт»***.

Вслед за тем *Либкнехт* произнес следующую речь на *немецком* языке:

«Я прибыл из Германии, чтобы выразить свою любовь и благодарность незабвенному учителю и верному другу. Верному другу! Его старейший друг и соратник только что назвал Карла Маркса тем человеком нашего столетия, которого больше всего ненавидели. Это так. Его больше всего ненавидели, но его также больше всего и любили. Больше всего *ненавидели* угнетатели и эксплуататоры народа, больше всего *любили* угнетенные и эксплуатируемые, поскольку они сознавали свое положение. Масса угнетенных и эксплуатируемых любит его, ибо *он* их любил. Человек, утрату которого мы оплакиваем, был велик в своей любви так же, как и в своей ненависти. Его ненависть вытекала из любви. У него был не только великий *ум,* но и великое *сердце.* Это знают все, кто знал его.

Но я стою здесь не только как ученик и друг; я стою здесь также как представитель *германской социал-демократии,* поручившей мне выразить те чувства, которые она испытывает к своему *учителю,* к *тому* человеку, который *создал* нашу партию, поскольку в этом отношении можно говорить о создании.

Было бы неуместно произносить здесь красивые речи. Ведь не было более страстного *врага фразы,* чем Карл Маркс. Ведь в том и состоит его бессмертная заслуга, что он *освободил от фразы* пролетариат, партию трудящегося народа, и дал ей твердую, несокрушимую основу *науки.* Революционер науки, революционер с *помощью* науки, он достиг высочайших вершин науки, чтобы спуститься оттуда к народу и сделать науку общим достоянием народа.

Наука — освободительница человечества.

Наука о *природе* освобождает нас от *бога.* Но бог небесный продолжает жить и после того, как его убила наука.

Наука об *обществе,* которую Маркс раскрыл для народа, убивает капитализм, а вместе с ним тех кумиров и господ *земли,* которые, пока они живы, не дают богу умереть.

Наука — не *немецкая* наука. Она не знает никаких границ, прежде всего — границ *национальности.* И поэтому творец «Капитала» естественно должен был стать создателем *Международного Товарищества Рабочих.*

Фундамент науки, которым мы обязаны Марксу, дает нам возможность сопротивляться всяким нападениям врага и продолжать начатую нами борьбу со все более возрастающими силами.

Маркс превратил социал-демократию из *секты,* из *школы* — в *партию,* в партию, которая уже сейчас борется победоносно и которая достигнет победы.

И это относится не только к нам, *немцам.* Маркс принадлежит *пролетариату.* Пролетариям всех стран была посвящена вся его жизнь. Способные мыслить, мыслящие пролетарии всех стран относятся к нему с благодарностью и с уважением.

Нас постиг тяжелый удар. Но мы не предаемся горю. Покойный не мертв. Он живет в *сердце,* он живет в *сознании* пролетариата. Память о нем не изгладится, его учение будет распространяться все шире и шире.

Вместо того чтобы предаваться горю, будем *действовать* в духе великого павшего бойца; будем стремиться всеми силами к тому, чтобы как можно скорее *осуществилось* то, чему он учил и к чему он стремился. Так мы лучше всего почтим его память.

Почивший, живущий друг! *Мы будем идти указанным тобой путем, пока не достигнем цели. Мы клянемся в этом на твоей могиле!»*

На похоронах, кроме названных выше, присутствовали: другой зять Маркса — *Поль Лафарг, Фридрих Лесснер,* присужденный в 1852 г. по кёльнскому процессу коммунистов к пяти годам заключения, *Г. Лохнер,* тоже старый член Союза коммунистов. Естествознание было представлено двумя знаменитостями первого ранга: профессором зоологии *Реем Ланкестером* и профессором химии *Шорлеммером;* оба они члены Лондонской академии наук (Royal Society).

Написано Ф. Энгельсом около 18 марта 1883 г.

Напечатано в газете «Der Sozialdemokrat» № 13, 22 марта 1883 г.

Подпись: Фр. Энгельс

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

К СМЕРТИ КАРЛА МАРКСА

I

По случаю этого печального события я получил еще несколько выражений сочувствия, показывающих, какой широкий отклик оно встретило, и моя обязанность — сообщить об этом.

20 марта г-жа Элеонора Маркс получила от редакции «Daily News» следующую телеграмму на французском языке:

«Москва, 18 марта. Редакция «Daily News», Лондон. Благоволите передать господину *Энгельсу,* автору «Положения рабочего класса в Англии» и близкому другу покойного *Карла Маркса,* нашу просьбу возложить на гроб незабвенного автора «Капитала» венок со следующей надписью:

«Защитнику прав труда в теории и борцу за их осуществление в жизни — от студентов *Петровской* земледельческой академии в Москве».

Г-на Энгельса просят сообщить свой адрес и стоимость венка; расходы будут ему немедленно возмещены.

Студенты Петровской академии в Москве».

К похоронам, которые состоялись 17 марта, телеграмма, конечно, запоздала.

Далее, друг *П. Лавров* перевел мне 31 марта из Парижа 124,50 фр. = 4.18.9 ф. ст., присланных студентами *Петербургского* технологического института и русскими курсистками — также для венка на могилу Карла Маркса.

В-третьих, «Sozialdemokrat» сообщил на прошлой неделе, что одесские студенты тоже изъявили желание возложить от своего имени венок на могилу Маркса.

Так как полученных из Петербурга денег с избытком хватало на все три венка, то я позволил себе купить на них и венки

от Москвы и Одессы[230]. Изготовление надписей — дело здесь довольно необычное — вызвало некоторую задержку, но все же в начале будущей недели венки будут возложены, и тогда я буду иметь возможность дать на страницах «Sozialdemokrat» отчет об израсходовании полученных денег.

Из *Золингена* нами получен через посредство здешнего Коммунистического просветительного рабочего общества красивый большой венок: «На могилу Карла Маркса от рабочих, занятых в производстве ножниц, ножей и шпаг в Золингене». Когда мы 24 марта возложили этот венок, мы увидели, что чьей-то святотатственной рукой отрезаны и похищены длинные шелковые красные ленты с венков от «Sozialdemokrat» и от Коммунистического просветительного рабочего общества. Жалоба, поданная в Совет управления, не помогла делу, но обеспечит, вероятно, охрану на будущее время.

Одно славянское общество в Швейцарии[231]

«выражает надежду, что в память Карла Маркса будет учрежден особый международный фонд его имени для оказания помощи жертвам великой освободительной борьбы, а также для поддержки самой этой борьбы»,

и посылает свой первый взнос, который я пока сохраняю у себя. Судьба этого предложения зависит, разумеется, прежде всего от того, встретит ли оно сочувствие, и поэтому я сообщаю о нем здесь.

Чтобы циркулирующим в газетах ложным слухам противопоставить факты, я сообщаю следующие краткие сведения о ходе болезни и о смерти нашего великого теоретика и вождя.

Почти совершенно излечившись благодаря троекратному курсу лечения в Карлсбаде от застарелой болезни печени, Маркс страдал только хронической болезнью желудка и нервным переутомлением, выражавшимся в головных болях и особенно — в упорной бессоннице. Оба эти недуга в той или иной мере исчезали после посещения летом морских купаний или климатического курорта и возобновлялись в более острой форме только после нового года. Хроническая болезнь горла, кашель, также, способствовавший бессоннице, и хронический бронхит беспокоили в общем меньше. Но именно от них суждено было ему изнемочь. За четыре или пять недель до смерти своей жены он схватил вдруг жестокое воспаление плевры (плеврит), осложненное бронхитом и начинавшимся воспалением легких (пневмонией). Болезнь была очень опасна, но протекала благоприятно. Затем его отправили сначала на остров Уайт (в начале 1882 г.), а потом в Алжир. Во время

путешествия была холодная погода, и он прибыл в Алжир с новым плевритом. При обычных обстоятельствах в этом не было бы ничего особенного. Но зима и весна были в Алжире холодными и дождливыми, как никогда: в апреле тщетно пытались протопить столовую! Таким образом, вместо улучшения общего состояния в итоге получилось ухудшение.

Посланный из Алжира в Монте-Карло (Монако), Маркс, из-за холодной и сырой погоды во время переезда, прибыл туда с третьим, но более легким плевритом. При этом упорно держалась скверная погода, которую он, казалось, привез с собой из Африки. Таким образом, и здесь вместо поправки — борьба с новой болезнью. В начале лета он отправился к своей дочери, г-же Лонге, в Аржантёй, и там лечился от своего хронического бронхита серными ваннами в расположенном по соседству Энгиене. Несмотря на непрерывно дождливое лето, лечение, к удовлетворению врачей, хотя и медленно, но продвигалось вперед. Врачи отправили его затем в Веве, на Женевское озеро; здесь он поправился настолько, что ему разрешили провести зиму, правда, не в Лондоне, но все же на южном побережье Англии. Здесь он собирался, наконец, снова приступить к своим работам. Когда в сентябре он вернулся в Лондон, он выглядел здоровым и, ни на что не жалуясь, часто взбирался со мной на Хэмпстедские холмы (примерно на 300 футов выше его дома). Когда стали надвигаться ноябрьские туманы, его отправили в Вентнор, на юге острова Уайт. И здесь снова дождливая и туманная погода; неизбежный результат — новая простуда, кашель и т. д., словом, расслабляющий здоровье домашний арест вместо укрепляющего движения на свежем воздухе. В это время умерла г-жа Лонге. На следующий день (12 января) Маркс приехал в Лондон уже с настоящим бронхитом. Вскоре к этому присоединилось воспаление гортани, которое почти лишило его возможности глотать. Он, умевший со стоическим равнодушием переносить величайшие страдания, предпочитал выпивать литр молока (к которому всю жизнь питал отвращение), чем принимать соответствующую твердую пищу. В феврале обнаружился нарыв в легком. Лекарства перестали оказывать действие на этот организм, напичканный за последние 15 месяцев всякого рода медицинскими снадобьями. Они вызывали лишь ослабление аппетита и пищеварения. Он худел на глазах, чуть ли не с каждым днем. Тем не менее болезнь в общем протекала сравнительно благоприятно. Бронхит почти прошел, глотать стало легче. Врачи подавали самые лучшие надежды. Но однажды между двумя и тремя часами — это было самое удобное для него время посещений — я застал

внезапно весь дом в слезах: он очень плох, наступает, видимо, конец. И все же в это утро, рассказывали мне, он с аппетитом выпил вино, молоко, поел супа. Старая верная Ленхен Демут, воспитавшая всех его детей с колыбели и живущая в доме сорок лет, поднимается в его комнату и тотчас же возвращается: «Пойдемте, он в полусне». Когда мы вошли, он уже спал, но спал вечным сном. Более легкой смерти, чем та, которую нашел Карл Маркс в своем кресле, нельзя и пожелать.

Теперь, в заключение, хорошее известие:

Рукопись второго тома «Капитала» *целиком сохранилась.* Насколько она в данном виде пригодна для печати, я еще не могу судить, — в ней больше 1000 страниц большого формата. Но «процесс обращения капитала» как и «формы процесса, взятого в целом» — закончены в обработке, относящейся к 1867—1870 годам. Имеется начало более поздней обработки, а также обильный материал в виде критических извлечений, особенно об отношениях земельной собственности в России; из этих извлечений, вероятно, многое удастся использовать.

Согласно устному распоряжению, он назначил свою младшую дочь Элеонору и меня своими литературными душеприказчиками.

Лондон, 28 апреля 1883 г.

II

От *эрфуртских* социал-демократов в Аржантёйе получен красивый венок с надписью на красных лентах; к счастью, нашлось одно лицо, по случаю доставившее его; когда его возлагали на могилу, оказалось, что красные шелковые ленты золингенского венка опять украдены.

Между тем три венка от *Москвы, Петербурга* и *Одессы* были уже готовы. Чтобы воспрепятствовать похищению лент, мы были вынуждены посредством небольших надрезов по краям сделать их непригодными для дальнейшего употребления. Венки возложены были вчера. Ливень сделал эрфуртский бант непригодным для каких-либо других целей, и его благодаря этому не похитили.

Эти три венка стоили каждый по 1.1.8 ф. ст., итого, стало быть, 3.5.0 ф. ст. Таким образом, из присланных мне 4.18.9 ф. ст. осталось 1.13.9 ф. ст., которые я переслал П. Лаврову, чтобы он распорядился ими по воле жертвователей.

Смерть великого человека является прекрасным поводом для маленьких людей сколотить себе политический, литературный, да и наличный капитал. Приведу здесь лишь несколько

примеров, которые должны быть преданы гласности; о многих других, относящихся к области частной переписки, не стоит и говорить.

Филипп Ван-Паттен, секретарь Центрального рабочего союза в Нью-Йорке[232], писал мне (2 апреля сего года) следующее:

«В связи с недавней демонстрацией в честь Карла Маркса, в которой объединились все фракции, чтобы выразить свое уважение к покойному мыслителю, *Иоганн Мост* и его друзья заявили во всеуслышание, *что он,* Мост, был лично близок с Карлом Марксом, что *он* сделал популярным в Германии его сочинение «Капитал» и что Маркс одобрял проводившуюся Мостом пропаганду. — Мы очень высокого мнения о талантах и о деятельности Маркса, и мы не можем поверить, чтобы он сочувствовал анархистскому, дезорганизаторскому образу мыслей и действий Моста. Нельзя ли поэтому узнать ваше мнение об отношении Маркса к вопросу: анархия и социал-демократия? Несвоевременная и нелепая болтовня Моста уже вызвала большое замешательство, и для нас крайне неприятно слышать, что столь высокоавторитетное лицо, как Маркс, одобряло подобную тактику».

Я ответил на это 18 апреля следующим письмом, которое перевожу здесь на немецкий язык[233]:

«Мой ответ на ваш вопрос от 2 апреля об отношении Карла Маркса к анархистам вообще и к Иоганну Мосту в частности будет краток и ясен.

Маркс и я с 1845 г.[234] держались того взгляда, что *одним* из конечных результатов грядущей пролетарской революции будет постепенное отмирание политической организации, носящей название *государство.* Главной целью этой организации всегда было обеспечивать при помощи вооруженной силы экономическое угнетение трудящегося большинства особо привилегированным меньшинством. С исчезновением этого особо привилегированного меньшинства исчезнет и необходимость в вооруженной силе угнетения, в государственной власти. Но в то же время мы всегда держались того взгляда, что для достижения этой и других, гораздо более важных целей грядущей социальной революции рабочий класс должен прежде всего овладеть организованной политической властью государства и с ее помощью подавить сопротивление класса капиталистов и организовать общество по-новому. Это можно прочесть уже в «Коммунистическом манифесте», написанном в 1847 г., глава вторая, заключительная часть[235].

Анархисты ставят все на голову. Они заявляют, что пролетарская революция должна *начать* с упразднения политической организации государства. Но единственная организация, которую пролетариат застает в готовом виде после своей победы, — это именно государство. Правда, эти государство требует очень

значительных изменений, прежде чем оно сможет выполнять свои новые функции. Но разрушить его в такой момент — значило бы разрушить то единственное орудие, посредством которого победоносный пролетариат может использовать только что завоеванную им власть, подавить своих капиталистических противников и провести ту экономическую революцию общества, без которой вся победа должна была бы закончиться новым поражением и массовым убийством рабочих, как то было после Парижской Коммуны.

Надо ли мне специально заявлять, что Маркс выступал против этого анархистского вздора с первого же дня, как только его преподнес в нынешней форме Бакунин? Об этом свидетельствует вся внутренняя история Международного Товарищества Рабочих. Начиная с 1867 г. анархисты стремились при помощи самых гнусных средств захватить руководство Интернационалом; Маркс был главным препятствием на их пути. На Гаагском конгрессе, в сентябре 1872 г., пятилетняя борьба закончилась исключением анархистов из Интернационала; и человеком, который больше всего способствовал этому исключению, был Маркс. Наш старый друг *Ф. А. Зорге* из Хобокена, присутствовавший там в качестве делегата, может сообщить вам, если вы пожелаете, дальнейшие подробности.

Теперь об Иоганне Мосте.

Кто утверждает, будто Мост, с тех пор как он стал анархистом, имел какую бы то ни было связь с Марксом или получал от Маркса какую-нибудь поддержку, тот либо обманут, либо сам заведомо лжет. После появления первого номера лондонской «Freiheit» Мост не более одного-двух раз заходил к Марксу или ко мне. Мы у него тоже не бывали, а также никак и нигде не встречались даже случайно. В конце концов мы даже вовсе перестали подписываться на его газету, потому что в ней «решительно вовсе уж ничего» не было. К его анархизму и к его анархистской тактике мы относились с таким же презрением, как и к людям, у которых он тому и другому научился.

Будучи еще в Германии, Мост опубликовал «популярное» изложение «Капитала» Маркса[236]. Маркса попросили просмотреть это изложение для второго издания. Я проделал эту работу совместно с Марксом. Мы убедились, что если не желаем написать всю вещь с начала до конца заново, то не остается ничего лучшего, как выбросить хотя бы самые грубые нелепости Моста. Маркс разрешил вставить свои поправки лишь под тем непременным условием, чтобы его имя никогда не было ни в какой мере связано даже с этим исправленным изданием макулатуры Иоганна Моста.

Вы можете, если угодно, опубликовать это письмо».

От Америки перейдем к Италии.

Года два назад один молодой итальянец, г-н *Акилле Лориа* из Мантуи, прислал Марксу свою книгу о земельной ренте[237], приложив написанное по-немецки письмо, в котором называл себя его учеником и поклонником; он переписывался с ним еще некоторое время. Летом 1882 г. он приехал в Лондон и дважды навестил меня. При втором его посещении я имел случай всерьез высказать ему свое мнение по поводу того, что в одной появившейся тем временем брошюре[238] он бросил Марксу упрек, будто тот умышленно неверно цитирует.

Теперь этот человечек, позаимствовавший свою мудрость у немецких катедер-социалистов, пишет статью о Марксе в «Nuova Antologia»[239] и имеет бесстыдство прислать отдельный ее оттиск мне, «своему высокоуважаемому другу» (!!). В чем состояло бесстыдство, покажет нижеследующий перевод моего ответа (я писал ему на его родном языке, ибо его немецкий был еще хуже моего итальянского):

«Я получил Вашу статейку о Карле Марксе. Вы вольны, конечно, подвергать его учение Вашей строжайшей критике и даже совсем не понимать его; Вы вольны дать очерк биографии Маркса, представляющий чистейшую фантазию. Но в чем Вы не вольны и чего я никогда никому не позволю, это возводить клевету на характер моего покойного друга.

Уже в одной прежней работе Вы позволили себе обвинить Маркса в том, будто он умышленно неверно цитировал. Когда Маркс прочел это, он сравнил свои и Ваши цитаты с оригиналами и сказал мне, что его цитаты верны и если кто-либо здесь умышленно неверно цитирует, то это Вы. И когда я вижу, как Вы теперь цитируете Маркса, как у Вас хватает бесстыдства заставлять его говорить о *«прибыли»* там, где он говорит о *«прибавочной стоимости»,* — причем он неоднократно предупреждает против ошибочного мнения, будто это одно и то же (что к тому же г-н Мур и я разъяснили Вам устно уже здесь, в Лондоне), — то я знаю, кому я должен доверять и кто умышленно неверно цитирует.

Но это лишь мелочь по сравнению с Вашим «твердым и глубоким убеждением... что над всеми ими» (учениями Маркса) «господствует *сознательный софизм»;* что Маркс «не останавливался перед ложными заключениями, *отлично зная, что они ложны»;* что он «часто был софистом, желавшим *за счет истины* прийти к отрицанию существующего строя», и что он, по выражению Ламартина, «играл ложью и истиной, как дети играют в бабки».

В Италии, стране античной цивилизации, это, быть может, и могло сойти за комплимент. Возможно, что и среди катедер-социалистов нечто подобное считается большой похвалой, так как эти бравые профессора никогда не смогли бы сочинить свои бесчисленные системы иначе, как «за счет истины». Мы же, революционные коммунисты, смотрим на дело иначе. Мы рассматриваем такие утверждения как позорящие обвинения, а так как мы знаем, что они вымышлены, то мы швыряем их обратно их автору, который такими выдумками опозорил лишь самого себя.

Мне кажется, Вашей обязанностью было сообщить читателям, в чем же собственно состоит этот знаменитый «сознательный софизм», господствующий над всеми учениями Маркса. Но напрасно я ищу его. Nagott! (Крепкое ломбардское выражение: ровно ничего.)

Какую нужно иметь мелкую душонку, чтобы вообразить себе, будто такой человек, как Маркс, «постоянно угрожал своим противникам вторым томом», написать который «ему и в голову не приходило»; будто этот второй том — не что иное, как «хитрая уловка Маркса, посредством которой он избегал научных аргументов». Этот второй том у меня в руках и вскоре будет опубликован. Тогда, может быть, Вы поймете, наконец, и разницу между прибавочной стоимостью и прибылью.

Немецкий перевод этого письма появится в ближайшем номере цюрихского «Sozialdemokrat».

Имею честь приветствовать Вас со всеми теми чувствами, каких Вы заслуживаете».

Пока этим и ограничимся.

Лондон, 12 мая 1883 г.

Написано Ф. Энгельсом

Напечатано в газете «Der Sozialdemokrat» №№ 19 и 21; 3 и 17 мая 1883 г.

Подпись: Фридрих Энгельс

Печатается по тексту газеты

Текст писем сверен с рукописями

Перевод с немецкого

ИЗ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДСТВА

К. МАРКСА

и

Ф. ЭНГЕЛЬСА

Ф. ЭНГЕЛЬС

ЗАМЕЧАНИЕ К СТРАНИЦЕ «ИСТОРИИ КОММУНЫ» [240]

(ПЕРЕМИРИЕ г-на ТЬЕРА ОТ 30 ОКТЯБРЯ 1870 ГОДА[241])

Нужна была вся тупость и все лицемерие людей 4 сентября, чтобы назвать весть об этом перемирии «доброй вестью». Действительно добрая весть... для пруссаков.

Капитуляция Меца только что вернула свободу действий 6 корпусам прусской армии = 120000 человек. Надо было быть Трошю и Жюлем Фавром, чтобы не видеть, что после неминуемого прибытия этой новой армии в центр Франции станет почти невозможной всякая попытка освободить Париж от осады, не видеть, что это был момент не для заключения перемирий, а для того, чтобы сделать наивысшее военное усилие. На это оставалось всего лишь пятнадцать дней; но это были пятнадцать драгоценнейших дней, это был критический период войны.

Положение было таково.

Чтобы осуществить блокаду Парижа, немцы должны были пустить в ход все войска, за исключением 3 дивизий пехоты. У них не было *никакого резерва,* так как эти 3 дивизии, заняв Орлеан и Шалон, утратили значение резерва, ибо их задерживала Луарская армия. На западе, на севере, на востоке была лишь кавалерия; она обеспечивала наблюдение за этой территорией и ее объезд, но не была в состоянии удержать ее против наступления пехоты.

К концу октября линия немцев, окружавшая Париж, была уже очень хорошо укреплена со стороны города; но всякое нападение извне застигло бы пруссаков врасплох в открытом поле. Достаточно было бы появления 50000 человек, хотя бы даже таких молодых войск, какими располагала тогда Франция, чтобы прорвать блокаду и восстановить коммуникации

Парижа со страной. Но, как мы видели, действовать надо было быстро, а произошло вот что.

Парижское правительство согласилось на перемирие, которое, несмотря на кратковременность, дало передышку немецким войскам, истощенным работами и ночной службой в связи с блокадой (30 октября).

Со своей стороны, Орель де Паладин сосредоточивает свою армию 2 ноября во Вьерзоне с намерением идти на Божанси, перейти там Луару и вклиниться между пруссаками (22-я дивизия), занимающими Шатоден, и баварцами, находившимися в Орлеане. Переход от Вьерзона до Божанси — около 45 километров — вполне можно было сделать в два дня. Но, если верить немецкому источнику («Военные мысли и суждения» и т. д.[242]), Гамбетта имел наивность полагать, что армия в 40000 человек может передвигаться по железной дороге так же быстро, как простой пассажир. И вот он приказывает генералу, вместо пешего перехода, перевезти свою армию по железной дороге из Вьерзона в Тур, а оттуда в Божанси. Генерал протестует; Гамбетта настаивает. Вместо *двухдневного* перехода и вместо 45 километров Луарская армия совершает путешествие по железной дороге в 180 километров, которое заняло у нее *пять дней* и которое вдобавок не могло остаться скрытым от разведки неприятеля. Только 7-го она была вновь сконцентрирована в Божанси и готова к действию. Но было потеряно три драгоценных дня, а неприятель был предупрежден о происшедшем передвижении.

И какие дни! 3 ноября, в самый критический день, прусская кавалерия, целая бригада, была вынуждена под натиском десяти многочисленных отрядов франтиреров[243] покинуть Мант и отступить в Вер. С другой стороны, значительные французские силы всех видов оружия были замечены при переходе из Курвиля по направлению к Шартру. Если бы Луарская армия, вместо того чтобы кататься в вагонах, произвела атаку 4-го, что она вполне могла бы сделать; если бы она вклинилась — а это было ей легко выполнить — между баварцами и 22-й прусской дивизией; если бы она использовала свое огромное численное превосходство для того, чтобы разбить их порознь, одних за другими, а затем двинуться на Париж, — то можно почти с уверенностью сказать, что Париж был бы освобожден.

Мольтке несомненно прекрасно сознавал опасность; поэтому он и решил в случае необходимости действовать так, как действовал Наполеон при Мантуе[244]: снять блокаду, пожертвовать осадным артиллерийским парком, формировавшимся в Виллакубле, сконцентрировать свою армию для действий в от-

крытом поле и возобновить блокаду лишь после победы, то есть после прихода армии из Меца. Багаж версальской главной квартиры был уже на повозках; все было готово к отъезду, оставалось только запрячь лошадей (по словам очевидца, швейцарского полковника д'Эрлаха[245]).

Если бы пруссаки были вынуждены снять блокаду Парижа, это могло бы привести к давлению со стороны Европы и к почетному миру. Во всяком случае, этот факт должен был бы оказать огромное моральное воздействие прежде всего на Европу, затем в особенности на Францию и, наконец, в противоположном духе, на немцев. А материальные последствия этого факта! Париж имел бы в своем распоряжении по меньшей мере пятнадцать-двадцать дней, чтобы запастись продовольствием по всем железным дорогам, идущим с юга и с запада, что было бы равносильно продлению защиты на один или на два месяца. Столько же времени было бы выиграно для организации армий в провинциях; эти армии не приходилось бы больше бросать против неприятеля неприученными к дисциплине, необученными, необмундированными, почти безоружными. Чтобы вернуть Франции шансы на успех, нужно было только выиграть время; возможность добиться этого представилась 3 и 4 ноября; мы видели. как эта возможность была упущена.

Проследим, однако, за событиями, Париж не предпринял даже вылазки. В течение недели военные силы, приближавшиеся к Парижу с запада, не сделали никакой попытки к нападению. Это не удивительно. Силы эти, должно быть, были довольно слабы; декрет Гамбетты, возлагавший на г-на де Кератри организацию Западной армии, датирован 22 октября!

Оставалась Луарская армия, вступившая в строй 7 ноября у Божанси. Только 9-го Орель атакует баварцев у Кульмье; как только последние увидели, что отступление 22-й прусской дивизии, шедшей к ним со стороны Шартра, неизбежно, — они отступили в Тури, где на следующий день, 10 ноября, к ним присоединилась эта дивизия. Орель *больше не пошевелился.* Между тем, три корпуса армии из Меца в 60000 человек форсированным маршем приближались со стороны Сены. Две Другие прусские дивизии (3-я и 4-я), отправленные из Меца по железной дороге, уже прибыли к Парижу. Теперь Мольтке получил возможность направить 17-ю прусскую дивизию в Тури, куда она и прибыла 12-го. Четыре немецких дивизии, около 35000 человек, оказались таким образом в строю против Луарской армии, которая с тех пор перестала вызывать у них беспокойство.

Однако 14 ноября значительные силы французов двинулись из Дрё на Гдан, в двух переходах от Версаля. Мольтке, который в этом направлении располагал пока только своей кавалерией, не был в состоянии произвести достаточно энергичНой разведки, чтобы выяснить, какие силы скрывались за этим авангардом. В этот день он снова собирался покинуть Версаль и снять 5локаду (Блюме[246]).

Но на этот раз решали дело уже не дни, а только часы. Первый из корпусов армии из Меца (IX) в тот же день прибыл в Фонтенбло, III должен был между 16-м и 18-м прибыть в Немур, а X — 19-го в Жуаньи на Йонне. 17-ю дивизию Мольтке направил в Рамбуйе, 22-ю — в Шартр, баварцев — в Оно, то есть между Луарской армией, которой он открыл путь на Париж, и войсками, угрожавшими Версалю с запада. На этот раз собственная бездеятельность спасла Ореля. Если бы он двинулся в образовавшийся перед ним прорыв, он был бы раздавлен двумя немецкими армиями, готовыми броситься на его фланги. 19 ноября три корпуса II прусской армии со своими резервами на Йонне заняли Фонтенбло и Немур. 20 ноября 1-я армия под начальством Мантёйфеля была сконцентрирована на линии Уазы от Компьена до Нуайона; армия из Меца подкрепляла блокаду Парижа с севера и с юга. Последняя возможность снять эту блокаду была упущена, — упущена благодаря Трошю, Гамбетте, Орелю, взаимные ошибки которых, можно сказать, подкрепляли одна другую чуть ли не с хваленой точностью прусских батальонов.

Написано Ф. Энгельсом в начале февраля 1877 г.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XV, 1933 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

К. МАРКС
ЗАМЕЧАНИЯ НА КНИГУ А. ВАГНЕРА «УЧЕБНИК ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ» (2 ИЗДАНИЕ) ТОМ I (1879) [247]

1) Концепция г-на Вагнера — *«социально-правовая концепция»* (стр. 2). Находится притом в *«согласии с Родбертусом, Ланге и Шеффле»* (стр. 2). В *«основных пунктах изложения»* он «ссылается» на *Родбертуса и Шеффле.* Даже о *морском разбое* как о «неправомерном способе приобретения» у *целых народов,* г-н Вагнер говорит, что это — разбой лишь при том условии, если «предполагается существование *истинного jus gentium*[*]» (стр. 18, примечание 3).

Он изучает прежде всего *«условия хозяйственного общежития»* и *«определяет в соответствии с ними сферу хозяйственной свободы индивида»* (стр. 2).

«Стремление к удовлетворению потребностей» *«не* действует и не должно действовать как *чисто природная сила,* но оно находится, как и всякое стремление человека, под руководством разума и совести. Поэтому всякое вытекающее из него действие является *ответственным* и подлежит всегда *нравственному суждению,* которое, правда» (!), «само подвергается *историческим изменениям»* (стр. 9).

В рубрике о *«труде»* (стр. 9, § 2) г-н Вагнер не делает различия между *конкретным характером всякого труда* и *затратой рабочей силы,* общей всем этим конкретным видам труда (стр. 9, 10).

«Даже *простое управление имуществом* в *целях получения рентного дохода,* равно как *применение* полученного дохода для удовлетворения потребностей, требует всегда деятельности, которая подходит *под понятие труда»* (стр. 10, примечание 6).

[*] — международного права. *Ред.*

Исторически-правовые категории суть, по мнению Вагнера, *«социальные категории»* (стр. 13, примечание 6).

«В частности *естественные монополии положения,* в особенности в *городских»* (! естественная монополия положения в лондонском Сити!) «условиях, затем связанные с влиянием *климата* на *сельскохозяйственное производство* целых стран, далее *естественные монополии специфического плодородия почвы,* например при особенно хороших виноградниках, а также при сравнении различных народов, например при *сбыте тропических продуктов* в страны умеренного пояса {«примером служат *вывозные пошлины* на продукты своего рода естественной монополии, которые возлагаются в некоторых странах (Южная Европа, тропические страны) в твердой уверенности, что эти пошлины будут переложены на иностранных потребителей» (стр. 15, примечание 11). Если г-н Вагнер выводит отсюда вывозные пошлины в южных странах, то это показывает, что он не имеет никакого представления об *«истории»* этих пошлин}*, — приводят к тому, что *блага, от природы* — по крайней мере *частично — свободные,* становятся *чисто хозяйственными благами,* весьма высоко оплаченными при приобретении» (стр. 15).

Область *регулярного* обмена *(сбыта)* благ — это их *рынок* (стр. 21).

В число хозяйственных благ включаются *«отношения к лицам и вещам (res incorporales),* предметная законченность которых покоится на абстракции: а) *в совершенно свободном обмене: клиентура, фирма* и т. п., когда выгодные отношения к другим людям, выработавшиеся благодаря человеческой деятельности, могут быть *при условии возмещения* уступлены и приобретены; б) на основе известных *правовых ограничений оборота:* исключительные права на производство, сервитута, привилегии, монополии, патенты и т. д.» (стр. 22, 23).

Г-н Вагнер включает *«услуги»* в число *«хозяйственных благ»* (стр. 23, примечание 2 и стр. 28). В основе этого лежит в сущности его желание представить тайного советника Вагнера в качестве *«производительного работника»,* ибо, говорит он,

«ответ является решающим для оценки всех тех классов, которые в виде *профессии* занимаются доставлением *личных услуг,* стало быть *прислуги,* представителей *свободных профессий* и, следовательно, также *государства.* Лишь в том случае, если услуги также причисляются к хозяйственным благам, названные классы в хозяйственном смысле *производительны»* (стр. 24).

Следующее очень характерно для манеры мышления Вагнера и компании:

Рау сделал замечание: зависит от *«определения имущества* и хозяйственных благ», «принадлежат ли к ним также *услуги* или нет»[248]. На это *Вагнер* отвечает: надо *«заранее дать» «такое определение» «имущества»,* которое *«включает услуги в число хозяйственных благ»* (стр. 28).

* В настоящем издании квадратные скобки, имеющиеся в рукописи, заменены на фигурные. *Ред.*

Однако *«решающим аргументом»* является, дескать,

«что *средства удовлетворения потребностей* не могут заключаться только в вещных благах, ибо *потребности* распространяются *не только на таковые, но и на личные услуги»*

(а именно услуги государства, например, *правовая охрана* и т. д.) (стр. 28).

Имущество:

1) *чисто экономически... «существующий* в данный момент времени *запас хозяйственных благ,* как *реальный фонд для удовлетворения потребностей»,* есть *«имущество в себе»,* «части совокупного народного или национального имущества».

2) «Как *исторически правовое понятие... — запас хозяйственных благ, находящийся во владении или в собственности какого-нибудь лица». «Имущественное владение» (стр.* 32). Это — *«исторически-юридически-относительное понятие собственности.* Собственность дает лишь *определенные распорядительные* и *исключительные права* по отношению к другим. *Объем* этих прав *изменяется»* {т. е. является историческим} (стр. 34). «Каждое имущество во втором смысле есть *единичное имущество,* имущество какого-нибудь физического или юридического лица» (там же).

Публичное имущество,

«в частности имущество *принудительно-общественных хозяйств,* т. е. особенно *имущество государства, округов, общин.* Это имущество предназначено для *всеобщего пользования* (дороги, реки и т. д.) и государству и т. д. собственность на это имущество приписывается как юридическому *представителю общества* (народа, населения данной местности и т. д.); или же это — *имущество государства и общин в собственном смысле слова,* а именно *имущество, служащее целям управления,* т. е. для выполнения государственных функций, либо *имущество, служащее финансовым целям,* т. е. употребляемое государством для получения доходов как средств для выполнения его функций» (стр. 35).

Капитал, *capitale* — перевод слова χεφαλειον*, которым обозначали требование денежной суммы в отличие от *процентов* (τοχος). В средние века *капиталы, caput pecuniae,* обозначали нечто основное, существенное, первоначальное (стр. 37). По-немецки употребляли слово *Hauptgeld** (стр. 37).

«Капитал — фонд, служащий для приобретения, запас благ, служащий для приобретения; запас движимых средств приобретения». В противоположность этому: *«потребительный запас:* масса движимых средств потребления, объединяемая в каком-либо отношении» (стр. 38, прим. 2).

Обращающийся и неподвижный капитал (стр. 38, 2 (a) и 2 (b)).

Стоимость. По мнению г-на Вагнера, теория стоимости Маркса составляет *«краеугольный камень его социалистической*

* — главное, основное. *Ред.*

системы» (стр. 45). Так как я никогда не возводил *«социалистической системы»,* то это лишь фантазия Вагнера, Шеффле и tutti quanti*.

Далее: Маркс будто бы

«находит *общую общественную субстанцию меновой стоимости,* — только последнюю он имеет здесь в виду, — в *труде,* а *меру величины меновой стоимости* — в общественно-необходимом рабочем времени и т. д.».

Я не говорю нигде об *«общей общественной субстанции меновой стоимости»,* а говорю, что меновые стоимости *(меновая стоимость* существует лишь при наличии по меньшей мере двух таковых) представляют нечто *им общее,* что «совершенно независимо от их потребительных стоимостей» {т. е. в данном месте — от их натуральной формы}, а именно *«стоимость».* Так, мы читаем: «Таким образом, то общее, что выражается в меновом отношении, или меновой стоимости товаров, и есть *их стоимость.* Дальнейший ход исследования приведет нас опять к меновой стоимости как необходимому способу выражения, или форме проявления стоимости; тем не менее стоимость должна быть сначала рассмотрена *независимо от этой формы»* (стр. 13)[249].

Стало быть, я не говорю, будто «общая общественная субстанция меновой стоимости — это труд»; и так как я подробно рассматриваю в особом разделе *форму стоимости,* т. е. развитие меновой стоимости, то было бы странно сводить эту «форму» к «общей общественной субстанции», к труду. Г-н Вагнер забывает также, что предметом для меня является не «стоимость» и не «меновая стоимость», а *товар.*

Далее:

«Но эта теория» (Маркса) — «не столько всеобщая теория стоимости, сколько *теория издержек,* исходящая *из Рикардо»* (стр. 45).

Г-н Вагнер мог бы как из «Капитала», так и из *сочинения Зибера*[250] (если бы он знал русский язык) увидеть разницу между мной и Рикардо, который на деле занимался трудом лишь как *мерой величины стоимости* и в силу этого не нашел никакой связи между своей теорией стоимости и сущностью денег.

Если г-н Вагнер говорит, что это «не всеобщая теория стоимости», то он со своей точки зрения вполне прав, так как под всеобщей теорией стоимости он понимает мудрствование насчет слова «стоимость», что дает ему также возможность заниматься традиционным и обычным для немецких профессоров смешением «потребительной стоимости» и «стоимости», так как обе они имеют общее слово «стоимость». Но если он далее говорит,

* — им подобных. *Ред.*

что это — *«теория издержек»,* то это замечание либо сводится к тавтологии: товары, поскольку они суть стоимости, представляют лишь нечто *общественное,* труд, и именно постольку *величина стоимости* товара определяется, согласно моим взглядам, *величиной содержащегося* и т. д. в *нем рабочего времени,* стало быть нормальным количеством труда, которого стоит производство предмета и т. д.; господин же Вагнер доказывает противоположное тем, что он уверяет, будто эта теория стоимости не есть «всеобщая», так как она не соответствует взглядам г-на Вагнера насчет «всеобщей теории стоимости». Или же он утверждает *нечто ложное: Рикардо* (вслед за Смитом) смешивает стоимость и издержки производства; я уже в *«К критике политической экономии»,* а также в примечаниях к «Капиталу» ясно показал, что *стоимости* и *цены производства* (которые лишь выражают в деньгах издержки производства) *не* совпадают. Почему они не совпадают? Этого я *не* сказал г-ну Вагнеру.

Кроме того, я «действую произвольно», когда я якобы свожу

«эти издержки к так называемым трудовым затратам в узком смысле слова. Но для этого нужно предварительно привести доказательство, которое до сих пор отсутствует, а именно — что процесс производства возможен вовсе без посредства деятельности *частных капиталистов,* направленной на образование и применение капитала» (стр. 45).

Вместо того, чтобы взваливать на меня подобные доказательства, относящиеся к будущему, г-н Вагнер, наоборот, должен был бы сначала доказать, что *общественный процесс производства,* — не говоря уже о процессе производства вообще, — *не имел места* в весьма многочисленных общинах, *существовавших до появления частных капиталистов* (древнеиндийская община, южнославянская семейная община и т. д.). Кроме того, Вагнер мог бы сказать лишь следующее: эксплуатация рабочего класса классом капиталистов, — короче, характер капиталистического производства — изображен Марксом правильно, но он ошибается в том, что рассматривает это хозяйство как преходящее, между тем как Аристотель, напротив, ошибался в том, что *рабовладельческое хозяйство* он рассматривал как *не* преходящее.

«Пока подобное доказательство *не* приведено» {иначе говоря, пока существует капиталистическое хозяйство}, *«прибыль капиталиста на деле также»* {вот где обнаруживаются ослиные уши} «составляет *«конститутивный»* элемент стоимости, а *не,* как думают социалисты, лишь *вычет* или *«грабеж»* рабочего» (стр. 45, 46).

Что такое *«вычет рабочего»,* вычет его шкуры и т. д. нельзя понять. Но и в моем изложении «прибыль капиталиста»

на деле *не* есть «лишь *вычет* или «грабеж» рабочего». Наоборот, я изображаю капиталиста как необходимого функционера капиталистического производства и весьма подробно показываю, что он не только «вычитает» или *«грабит»,* но и вынуждает *производство прибавочной стоимости,* т. е. помогает создавать то, что подлежит вычету; далее я подробно показываю, что даже в товарном обмене, где обмениваются *лишь эквиваленты,* капиталист, если только он оплачивает рабочему действительную стоимость его рабочей силы, с полным правом, т. е. соответствующим этому способу производства правом, получает *прибавочную стоимость.* Но все это не делает «прибыль капиталиста» *«конститутивным» элементом* стоимости, а лишь показывает, что в стоимости, *«конституированной»* не трудом капиталиста, заключается часть, которую он может присвоить себе «по праву», т. е. не нарушая права, соответствующего товарному обмену.

«Эта теория слишком односторонне принимает во внимание лишь один момент, определяющий стоимость» {1) тавтология. Эта теория ложна, так как Вагнер имеет «всеобщую теорию стоимости», которая с ней не совпадает, и поэтому его «стоимость» определяется «потребительной стоимостью», что доказывает ежемесячно профессорское жалованье; 2) г-н Вагнер подсовывает вместо стоимости «рыночную цену» данного момента или отклоняющуюся от стоимости цену товара, которая есть нечто весьма отличное от стоимости}, *«издержки,* а не другой момент, пригодность, *полезность, момент потребности»* {т. е. она не смешивает «стоимость» с *потребительной стоимостью,* что так желательно для прирожденного путаника вроде Вагнера}. «Она не соответствует не только *образованию меновой стоимости* ... в *современном обороте»* {он имеет в виду *ценообразование,* которое абсолютно ничего не меняет в *определении стоимости,* вообще же *в современном обороте,* конечно, *имеет место образование меновой стоимости,* как это известно всякому грюндеру, фальсификатору товаров и т. п., которое не имеет ничего общего с *образованием стоимости,* но зорко следит за уже «образованными» стоимостями. Кроме того, я, например, при определении *стоимости рабочей силы* исхожу из того, что ее стоимость действительно оплачивается, что *фактически не имеет места.* Г-н Шеффле в *«Капитализме»* и т. д.[251] полагает, что это «великодушно» или что-то в этом роде. Но это лишь необходимый в научном исследовании прием},

«но, как превосходно и, *пожалуй, окончательное* (!) «доказывает *Шеффле* в «Квинтэссенции»[252] и особенно в «Социальном организме»[253],

она не соответствует даже условиям, которые *неизбежно должны образоваться в марксовом гипотетическом социальном государстве».*

{Итак, социальное государство, которое г-н Шеффле столь любезно «образовал» от моего имени, превращается в *«марксово»* {а не подсунутое Марксу в гипотезе Шеффле)}.

«Это можно *убедительно* доказать на примере хлеба и т. п., *меновая стоимость* которого, вследствие влияния колеблющихся урожаев при примерно одинаковой потребности в нем, *даже* при системе *«социальных такс»,* неизбежно должна была бы регулироваться *иным образом,* чем *в соответствии только с издержками».*

{Что ни слово, то галиматья. Во-первых, я нигде не говорил о *«социальных таксах»* и при *исследовании стоимости* имел дело с буржуазными отношениями, а не с применением этой теории *стоимости* «к социальному государству», конструированному отнюдь не мной, а г-ном Шеффле от моего имени. Во-вторых: если при неурожае цена хлеба повышается, то, во-первых, повышается его *стоимость,* ибо данное количество труда *реализовано в меньшем продукте;* во-вторых, еще в гораздо большей мере повышается *продажная цена* хлеба. Какое отношение имеет это к моей теории стоимости? На сколько хлеб *продается* выше *своей стоимости,* ровно на столько же другие товары продаются в натуральной или денежной форме *ниже своей стоимости,* и даже в том случае, если их собственная денежная цена *не* падает. *Сумма стоимостей* остается та же, если даже денежное выражение всей этой *суммы стоимостей* возросло, т. е. если возросла, по г-ну Вагнеру, сумма «меновой стоимости». Это имеет место, если мы примем, что *падение цен* для совокупности других товаров не покрывает *превышения цены над стоимостью* хлеба, излишка его цены. Но в этом случае меновая стоимость денег pro tanto* упала ниже их стоимости; сумма стоимостей всех товаров не только остается та же, но она не изменяется даже в *денежном выражении,* если к числу товаров причисляются и деньги. Далее: повышение цены хлеба выше его стоимости, возросшей в результате неурожая, будет в «социальном государстве» во всяком случае меньше, чем при современных хлебных ростовщиках. Но «социальное государство» заранее так организует производство, чтобы годичное предложение хлеба лишь в совершенно ничтожной степени зависело от колебаний урожая. Объем производства, предложение и потребление рационально регулируются. Наконец, может ли «социальная такса», — предполагая, что фантазии Шеффле на этот счет будут осуществлены, — что-либо

* — соответственно. *Ред.*

доказать в пользу или против моей теории стоимости? Столь же мало, как мало принудительные мероприятия, предпринимаемые при недостатке провизии на корабле или в крепости или примененные во время французской революции и т. д., — мероприятия, которым нет никакого дела до *стоимости* и которые предназначены служить жупелом «социального государства» — могут нарушать *законы стоимости* «капиталистического (буржуазного) государства», следовательно также теорию стоимости! Это не более, как детский вздор!}

Тот же Вагнер с одобрением цитирует слова Рау:

«Во избежание недоразумений необходимо точно установить, что понимается под *стоимостью вообще* и *в соответствии с немецким языком* для этого следует выбрать *потребительную стоимость»*[254] (стр. 46).

Выведение понятия стоимости (стр. 46 и сл.).

Из *понятия стоимости* следует, по мнению г-на Вагнера, сначала вывести *потребительную стоимость* и затем *меновую стоимость,* а не, как у меня, из *конкретного товара;* интересно проследить эти *схоластические* упражнения в его новейшем издании *«Начал».*

«Естественное стремление человека заключается в том, чтобы довести до *ясного сознания и понимания отношение,* в котором внутренние и внешние *блага* находятся к его *потребностям.* Это происходит путем *оценки (стоимостной оценки),* благодаря которой благам, или же предметам внешнего мира, *придается стоимость,* и последняя *измеряется»* (стр. 46), а на *стр. 12* читаем: «Все средства для удовлетворения потребностей называются *благами».*

Если мы вставим теперь в первом предложении вместо слова «благо» *логическое содержание,* приписываемое ему Вагнером, то первая фраза приведенного отрывка будет гласить:

«Естественное стремление «человека»» заключается в том, чтобы *довести до ясного сознания и понимания отношение,* в котором «внутренние и внешние средства для удовлетворения его потребностей» стоят к *его потребностям».* Эту фразу мы можем несколько упростить, опуская «внутренние средства и т. д.», как это сейчас же делает г-н Вагнер в следующем предложении при помощи слова «или».

«Человек»? Если здесь понимается категория «человек вообще», то он вообще не имеет «никаких» потребностей; если имеется в виду человек, обособленно противостоящий природе, то его следует рассматривать как любое нестадное животное; если же этот человек, живущий в какой бы то ни было форме общества, — и именно это предполагает г-н Вагнер, так как его «человек», хотя и не имея университетского образования, владеет, по крайней мере, речью, — то в качестве исходного пункта следует

принять определенный характер общественного человека, т. е. определенный характер общества, в котором он живет, так как здесь производство, стало быть его *процесс добывания жизненных средств,* уже имеет тот или иной общественный характер.

Но у профессора-доктринера отношения человека к природе с самого начала — не *практические* отношения, т. е. основанные на действии, а *теоретические;* уже в первом предложении спутаны два отношения такого рода.

Во-первых: так как в следующем предложении *«внешние средства для удовлетворения его потребностей»* или *«внешние блага»* превращаются в *«предметы внешнего мира»,* то первое из подразумеваемых отношений получает следующий вид: человек находится *в отношении к предметам внешнего мира* как к средствам удовлетворения его потребностей. Но люди никоим образом не начинают с того, что «стоят в этом теоретическом отношении к *предметам внешнего мира».* Как и всякое животное, они начинают с того, чтобы *есть, пить* и т. д., т. е. не «стоять» в каком-нибудь отношении, а *активно действовать,* овладевать при помощи действия известными предметами внешнего мира и таким образом удовлетворять свои потребности. (Начинают они, таким образом, с производства.) Благодаря повторению этого процесса способность этих предметов «удовлетворять потребности» людей запечатлевается в их мозгу, люди и звери научаются и «теоретически» отличать внешние предметы, служащие удовлетворению их потребностей, от всех других предметов. На известном уровне дальнейшего развития, после того как умножились и дальше развились тем временем потребности людей и виды деятельности, при помощи которых они удовлетворяются, люди дают отдельные названия целым классам этих предметов, которые они уже отличают на опыте от остального внешнего мира. Это неизбежно наступает, так как они находятся в процессе производства, т. е. в процессе присвоения этих предметов, постоянно в трудовой связи между собой и с этими предметами, и вскоре начинают также вести борьбу с другими людьми из-за этих предметов. Но это словесное наименование лишь выражает в виде представления то, что повторяющаяся деятельность превратила в опыт, а именно, что людям, уже живущим в определенной общественной связи {это — предположение, необходимо вытекающее из наличия речи}, определенные внешние предметы служат для удовлетворения их потребностей. Люди только дают этим предметам особое (родовое) название, ибо они уже знают способность этих предметов служить удовлетворению их потребностей, ибо они

стараются при помощи более или менее часто повторяющейся деятельности овладеть ими и таким образом также сохранить их в своем владении; они, возможно, называют эти предметы «благами» или еще как-либо, что обозначает, что они практически употребляют эти продукты, что последние им полезны; они приписывают предмету характер полезности, как будто присущий самому предмету, хотя овце едва ли представлялось бы одним из ее «полезных» свойств то, что она годится в пищу человеку.

Итак: люди фактически начали с того, что присваивали себе предметы внешнего мира как средства для удовлетворения своих собственных потребностей и т. д. и т. д.; позднее они приходят к тому, что *и словесно* обозначают *их* как *средства удовлетворения своих потребностей,* — каковыми они уже служат для них в практическом опыте, — как предметы, которые их «удовлетворяют». Если назвать то обстоятельство, что люди не только на практике относятся к подобным предметам как к средствам удовлетворения своих потребностей, но также и в представлении и далее, в словесном выражении обозначают их как предметы, *«удовлетворяющие»* их потребности, а тем самым и *их самих* {пока потребность человека не удовлетворена, он находится в *состоянии недовольства* своими потребностями, а стало быть, и самим собой}, — если в «соответствии с немецким словоупотреблением» сказать, что это значит «придавать *стоимость»* предметам, то мы доказали, что общее понятие *«стоимость»* проистекает из отношения людей к предметам внешнего мира, удовлетворяющим их потребности, что, таким образом, это и есть *родовое понятие «стоимости»* и что все другие виды стоимости, например химическая валентность* элементов, есть лишь разновидность этого понятия**.

«Естественное стремление» немецкого профессора политической экономии заключается в том, чтобы вывести экономическую категорию «стоимости» из какого-нибудь *«понятия»,* и он достигает этого тем, что то, что в политической экономии в просторечии называется «потребительной стоимостью», «в соответствии с немецким словоупотреблением» переименовывается в *«стоимость».* А как только таким образом найдена «стоимость»

* Игра слов: «Wert» — «стоимость», а также «валентность». *Ред.*

** В рукописи далее зачеркнуто: «Но у г-на Вагнера эта дедукция становится еще лучше, ибо он имеет дело с «человеком», а не с «людьми». Эту весьма простую «дедукцию» г-н Вагнер выражает следующим образом: *«Естественное стремление человека»* (читай: немецкого профессора политической экономии) состоит в том, чтобы «отношение», в котором предметы внешнего мира не только являются средствами удовлетворения человеческих потребностей, но и словесно признаются, а потому и служат таковыми...» *Ред.*

вообще, она в свою очередь служит для того, чтобы *вывести «потребительную стоимость»* из «стоимости вообще». Для этого нужно только опять прибавить перед словом «стоимость» приставку «потребительная», опущенную раньше.

Действительно, Рау (см. стр. 88) нам просто говорит, что «необходимо» (для немецкого школьного профессора) «точно установить, что понимается под *стоимостью вообще»,* и наивно прибавляет, что «б *соответствии с немецким словоупотреблением* для этого следует *выбрать потребительную стоимость».* {В химии *валентностью* элемента называется число его атомов, соединяющихся с атомами других элементов. Но и соединительный вес атомов также называют эквивалентностью, равноценностью разных элементов и т. д. и т. д. Стало быть, следует сперва определить понятие «стоимости вообще» и т. д. и т. п.}.

Если человек относится к *предметам как к «средствам удовлетворения своих потребностей»,* то он относится *к ним как к «благам», — свидетельствует Вагнер.* Он придает предметам атрибут «блага», но *содержание этой операции* ни в малейшей мере не изменяется оттого, что г-н Вагнер переименовывает ее в операцию *«придавать стоимость».* Его собственное ленивое сознание приходит тотчас же к «пониманию» в нижеследующем предложении:

«Это происходит путем *оценки* (*стоимостной* оценки), благодаря которой *благам, или предметам внешнего мира, придается стоимость* и последняя *измеряется».*

Мы не говорим уже о том, что г-н Вагнер выводит *стоимость* из *стоимостной* оценки (он сам прибавляет к слову *«оценка»* в скобках слова *«стоимостная* оценка», чтобы довести вопрос до «ясного сознания и понимания»). *«Человек»* имеет «естественное стремление» поступать так, «оценивать» блага как *«стоимости»,* и таким образом позволяет г-ну Вагнеру исполнить обещание и *вывести* «понятие *стоимости* вообще». Вагнер недаром тайком подменяет слово «блага» словами: «или» *«предметы внешнего мира».* Он исходил из следующего: человек «относится» к «предметам внешнего мира», являющимся средствами удовлетворения его потребностей, как к *«благам».* Он, стало быть, *оценивает* эти предметы именно благодаря тому, что относится к ним как к «благам». И для этой оценки мы уже имели раньше «описание», которое, например, гласит:

«Человек как существо, *имеющее потребности,* находится в постоянном соприкосновении с *окружающим* его *внешним миром* и *познает, что в последнем* заключаются *многочисленные условия его жизни и благосостояния»* (стр. 8).

А это значит не что иное, как то, что он *«оценивает* предметы внешнего мира», поскольку они удовлетворяют его как «существо, имеющее потребности», поскольку они — средства удовлетворения его потребностей, и поэтому, как мы далее слышали, он относится к ним, как к *«благам».*

Теперь мы можем, — особенно если мы чувствуем «естественное» профессорское «стремление» вывести *понятие стоимости вообще, — окрестить* операцию, заключающуюся в том, чтобы придавать «предметам внешнего мира» атрибут «блага», названием *«придавать стоимость».* Можно было бы также сказать: человек, относясь к удовлетворяющим его потребности предметам внешнего мира как к «благам», «оценивает» их, придает им *«цену»,* тем самым понятие *«цены* вообще» было бы выведено из способа действий *«человека»* и доставлено немецкому профессору ready cut*. Все, чего сам профессор не может сделать, он заставляет делать *«человека»,* который, однако, сам на деле в свою очередь есть не более, как *профессорский человек,* уверенный, что он понял мир, когда он подводит его под абстрактные рубрики. Но поскольку «придавать *стоимость»* предметам внешнего мира здесь лишь другой словесный способ для выражения — придавать им атрибут *«благ»,* мы этим никоим образом не придаем, как хочет обманным образом уверить Вагнер, *«стоимость» самим «благам»* как определение, отличное от их «бытия в качестве благ». Здесь лишь подставлено вместо слова «благо» слово «стоимость». {Как видим, тут можно было бы подставить и слово *«цена».* Можно было бы подставить также слово *«сокровище»,* так как *«человек»,* накладывая на известные «предметы внешнего мира» штемпель *«благ»,* «оценивает» их и потому относится к ним как к *«сокровищу».* Мы видим, как эти три экономические категории — *стоимость, цена, сокровище* — могут сразу быть волшебным образом выведены г-ном Вагнером из «естественного стремления человека» доставить профессору его ограниченный мир понятий}. Но г-н Вагнер имеет смутное стремление выбраться из своего лабиринта тавтологий и при помощи хитрости доказать «что-то дальнейшее» или «дальнейшее что-то». Отсюда фраза: «благодаря этому благам, или предметам внешнего мира, *придается стоимость»* и т. д. Так как наложение на «предметы внешнего мира» штемпеля *благ,* т. е. *выделение* и *фиксация* их (в представлении) как *средств удовлетворения* человеческих потребностей, также окрещено названием «придавать этим предметам *стоимость»,* то он так же мало может сказать, что *стоимость* придается самим

* — в готовом виде. *Ред.*

«благам», как он не мог бы сказать, что *стоимость придается* «стоимости» предметов внешнего мира. Но он проделывает salto mortale* при помощи слов: *«благам или* предметам внешнего мира *придается стоимость».* Вагнер должен был бы сказать: превращение известных предметов внешнего мира в *«блага»* можно также *обозначить* словами: *«придавать»* этим предметам *«стоимость»;* таким именно образом Вагнер *выводит «понятие стоимости* просто или вообще». *Содержание* не изменяется от этой *перемены* словесного выражения. Это лишь всегда *выделение* и *фиксация в представлении* предметов внешнего мира, являющихся средствами удовлетворения человеческих потребностей; стало быть, на деле лишь *познание и признание известных предметов внешнего мира как средств удовлетворения потребностей «человека»* (который, однако, как таковой на деле страдает от «потребности в логических понятиях»).

Но г-н Вагнер хочет нас или самого себя уверить, что он не дает тому же содержанию двух названий, а, напротив, от определения «благо» подвигается к отличному от него и более развитому *определению* «стоимость», и этого он достигает просто тем, что вместо «предметов внешнего мира» подставляет слова *«или»* «блага», — процесс, который опять-таки «затемняется» тем, что он вместо «благ» подставляет *«или»* «предметы внешнего мира». Его собственная путаница производит таким образом верное действие: она запутывает его читателей. Он мог бы также перевернуть это прекрасное «выведение» следующим образом: человек, *отличая* и тем самым *выделяя* предметы внешнего мира, являющиеся средствами удовлетворения его потребностей, в качестве таковых средств удовлетворения из других предметов внешнего мира, *оценивает* эти предметы *по достоинству, придает им стоимость* или дает им *атрибут «стоимости»;* это можно также выразить таким образом, что он придает им атрибут — «благо» — в качестве характерного признака или же ценит и оценивает их как «блага». Благодаря этому *«стоимостям», или* предметам внешнего мира, *придается* понятие *«блага».* Таким образом, из понятия «стоимости» «выводится» понятие *«блага»* вообще. Все подобного рода *выведения* имеют своей целью лишь *отвести* от задачи, которая автору не по силам.

Но г-н Вагнер единым духом и со всей поспешностью переходит от «стоимости» *благ* к *«измерению»* этой стоимости.

Содержание остается абсолютно тем же, если вообще не употреблять контрабандно слова «стоимость». Можно было бы

* — буквально: смертельный прыжок, здесь — трюк. *Ред.*

сказать: человек, накладывая на известные предметы внешнего мира, которые и т. д., штемпель *«благ»,* все более и более сравнивает эти «блага» между собой и ставит их в известный ряд сообразно иерархии своих потребностей, т. е., если угодно, *«измеряет»* их. О развитии *действительной меры этих благ,* т. е. о развитии *меры их величины,* Вагнер поистине не должен здесь распространяться, так как это слишком живо напомнило бы читателю, что здесь речь идет не о том, что вообще понимается под *«измерением стоимости».*

{Что *выделение,* указание предметов внешнего мира, являющихся средствами удовлетворения человеческих потребностей, в качестве *«благ»,* может быть *окрещено* также: «придавать этим предметам стоимость», — это Вагнер мог доказать не только, как Рау, на основании «немецкого словоупотребления», но и при помощи латинского слова *dignitas — значение, достоинство, ранг* и т. д., которое, будучи приложено к предметам, обозначает также *«стоимость»;* dignitas происходит от *dignus,* а последнее слово — от *dic, point out, show, выделять, показывать; dignus,* следовательно, означает *pointed out*[*]*,* отсюда также *digitus* — палец, которым показывают вещь, указывают на нее; по-гречески — νυμι[**], δαχ–τυλοζ (палец); *по-готски* — ga-tecta (dico); *по-немецки — zeigen*[***]; и мы могли бы прийти еще ко многим дальнейшим «выведениям», если принять во внимание, что δειχνμι (или δειχνυω) (делать видимым, проявлять, *указывать)* имеет общий корень δεχ (удерживать, *брать)* с δεχομαι.}

Столько банальностей, тавтологической путаницы, словесного крохоборства, надувательских маневров преподносит г-н Вагнер на неполных семи строчках.

Ничего удивительного, что после таких кунштюков этот темный муж (vir obscurus) с большим самодовольством продолжает:

«Понятие стоимости, столь спорное и еще *затемненное* многими, нередко лишь *мнимоглубокомысленными исследованиями,* очень просто» (indeed[****]) «распутывается» {rather[*****] «запутывается»}, «если, как это было сделано» {именно Вагнером}, «исходить из потребностей *и хозяйственной природы* человека, дойти до *понятия блага* и в *последнему присовокупить понятие стоимости»* (стр. 46).

Мы имеем здесь манипуляции с *понятиями;* мнимое *развитие* их у vir obscurus сводится к *«присоединению»* и в известной мере к *«развязыванию».*

---

[*] — выделенный. *Ред.*
[**] — показываю. *Ред.*
[***] — показывать. *Ред.*
[****] — разумеется. *Ред.*
[*****] — скорее» *Ред.*

Дальнейшее выведение понятия стоимости:

Субъективная и объективная стоимости. Субъективная стоимость или стоимость блага в общем смысле слова = значению, которое... придается *благу в силу... его полезности...* Это *не* свойство вещей самих по себе, хотя и имеет объективной предпосылкой полезность вещи {стало быть, имеет предпосылкой *«объективную» стоимость}...* В *объективном* смысле под *«стоимостью», «стоимостями»* понимаются также *блага, имеющие стоимость,* где (!) благо и стоимость, блага и стоимости *становятся* в сущности «идентичными понятиями» (стр. 46, 47).

После того как Вагнер просто назвал *«стоимостью вообще»* или *«понятием стоимости»* то, что обычно называется *«потребительной стоимостью»,* он не может не вспомнить, что «выведенная» (!) «таким образом» (так! так!) «стоимость» есть *«потребительная стоимость».* После того как он сначала назвал «потребительную стоимость» «понятием стоимости» вообще или «просто стоимостью», он задним числом открывает, что он лишь молол вздор насчет «потребительной стоимости» и таким образом «вывел» последнюю, ибо нахально молоть вздор и выводить — «в сущности» идентичные мыслительные операции. Но при этом случае мы узнаем, какое субъективное обстоятельство соединяет г-на Вагнера с прежними путаными «объективными» понятиями. А именно, он открывает нам секрет, что Родбертус написал ему письмо, — которое можно прочесть в тюбингенском «Zeitschrift»[255] за 1878 г., — в котором он, Родбертус, объясняет, почему существует «лишь один вид стоимости», потребительная стоимость.

«Я» (Вагнер) «присоединился к такому взгляду, значение которого я подчеркнул уже в первом издании».

О том, что говорил Родбертус, Вагнер отзывается так:

«Это вполне правильно и вынуждает к изменению обычного нелогического *«разделения» «стоимости»* на *потребительную стоимость и меновую стоимость,* которое я *делал* еще в § 35 первого издания» (стр. 48, примечание 4),

и тот же Вагнер причисляет (на стр. 49, примечание) меня к людям, по мнению которых «потребительная стоимость» должна быть совершенно «удалена» «из науки».

Все это «вздор». De prime abord* я исхожу не из «понятий», стало быть также не из «понятия стоимости», и потому не имею никакой нужды в «разделении» последнего. Я исхожу из простейшей общественной формы, в которой продукт труда представляется в современном обществе, это — *«товар».* Я анализирую

* — Прежде всего. *Ред.*

последний, и притом сначала в той *форме, в которой он проявляется.* Здесь я нахожу, что, с одной стороны, товар в своей натуральной форме есть *предмет потребления,* или *потребительная стоимость,* а с другой стороны, *носитель меновой стоимости,* и с этой точки зрения он сам — «меновая стоимость». Дальнейший анализ последней показывает мне, что меновая стоимость есть лишь *«форма* проявления», самостоятельная форма представления содержащейся в товаре *стоимости,* и тогда я перехожу к анализу последней. Поэтому я ясно пишу на стр. 36 второго издания: «Когда мы в начале этой главы, придерживаясь общепринятого обозначения, говорили: товар есть потребительная стоимость и меновая стоимость, то, строго говоря, это было неверно. Товар есть потребительная стоимость, или предмет потребления, и «стоимость». Он обнаруживает эту свою двойственную природу, когда *его стоимость* получает собственную, *отличную* от его натуральной, *форму проявления,* а именно форму *меновой стоимости»* и т. д.[256] Стало быть, не я подразделяю *стоимость* на потребительную стоимость и меновую стоимость, как противоположности, на которые распадается абстракция «стоимости», — а *конкретная общественная форма* продукта труда, *«товар»,* есть, с одной стороны, потребительная стоимость, а с другой стороны — «стоимость», — а не меновая стоимость, так как одна только *форма* проявления не составляет ее собственного *содержания.*

Во-вторых, только vir obscurus, не понявший ни слова в моем «Капитале», может заключать: так как Маркс в одном примечании в первом издании «Капитала»[257] отвергает всю вздорную болтовню немецких профессоров насчет «потребительной стоимости» вообще и отсылает читателей, желающих знать что-либо о действительных потребительных стоимостях, к «руководствам по товароведению», то *потребительная стоимость* не играет у него никакой роли. Она, разумеется, не играет роли своей противоположности, «стоимости», которая с первой не имеет ничего общего, кроме слова «стоимость», которое фигурирует в названии «потребительная стоимость». С таким же основанием он мог бы сказать, что «меновая стоимость» отодвигается мной в сторону, так как она лишь форма проявления стоимости, а не сама «стоимость», ибо для меня «стоимость» товара не есть ни ее потребительная, ни ее меновая стоимость.

Если приходится анализировать «товар» — эту простейшую экономическую конкретность, — то надо оставить в стороне все отношения, не имеющие ничего общего с данным объектом анализа. Поэтому то, что следует сказать о товаре, как потребительной стоимости, я сказал в немногих строках, а с другой

стороны, я подчеркнул *характерную форму,* в которой здесь выступает потребительная стоимость, продукт труда, а именно: «Вещь может быть полезной и быть продуктом человеческого труда, но не быть товаром. Тот, кто продуктом своего труда удовлетворяет свою собственную потребность, создает потребительную стоимость, но не товар. Чтобы произвести товар, *он должен произвести не просто потребительную стоимость,* но *потребительную стоимость для других, общественную потребительную стоимость»* (стр. 15)[258]. {В этом корень *«общественной потребительной стоимости»* Родбертуса.} Благодаря этому потребительная стоимость — как потребительная стоимость «товара» — сама обладает специфически историческим характером. В примитивных общинах, в которых, например, жизненные средства сообща производились и распределялись между членами общины, общий продукт непосредственно удовлетворяет жизненные потребности каждого члена общины, каждого производителя, и общественный характер продукта, или потребительной стоимости, заложен здесь в *его общем характере.* {Г-н Родбертус, напротив, превращает «общественную потребительную стоимость» *товара* в «общественную потребительную стоимость» вообще и потому несет чепуху.}

Как вытекает из предыдущего, было бы чистейшим вздором к анализу товара, — на том основании, что он представляется, с одной стороны, как потребительная стоимость или благо, а с другой стороны, как «стоимость», — «присовокуплять» всякого рода банальные рассуждения о потребительных стоимостях или благах, не относящихся к области товарного мира, каковы «государственные блага», «общинные блага» и т. д., как это делает Вагнер и вообще немецкие профессора, или насчет блага «здоровья» и т. д. Там, где государство само капиталистический производитель, как при эксплуатации рудников, лесов и т. д., его продукт есть «товар» и обладает поэтому специфическим характером всякого другого товара.

С другой стороны, vir obscurus проглядел, что уже при анализе товара я не ограничиваюсь рассмотрением двойственной формы, в которой он представляется, но сейчас же перехожу к тому, что в этом двойственном бытии товара представляется двоякий *характер труда,* продуктом которого он является: *полезного* труда, т. е. конкретных видов труда, создающих потребительные стоимости, и абстрактного *труда, труда как затраты рабочей силы,* — безразлично, каким «полезным» способом она затрачивается (на этом в дальнейшем покоится изображение процесса производства); что в развитии *стоимостной формы товара,* в последнем счете ее денежной формы, т. е. *денег,*

стоимость одного товара представляется в *потребительной стоимости* другого, т. е. в натуральной форме другого товара; что сама *прибавочная стоимость* выводится из «специфической» *потребительной стоимости рабочей силы,* присущей исключительно последней и т. д. и т. д., что, стало быть, у меня потребительная стоимость играет важную роль совершенно по-иному, чем в прежней политической экономии, но — и это надо заметить — она принимается во внимание всегда лишь там, где такое исследование вытекает из анализа данных экономических образований, а не из умствований по поводу понятий или слов «потребительная стоимость» и «стоимость».

Поэтому при анализе товара, даже когда речь идет о его «потребительной стоимости», мы не даем тут же определения «капитала», которое было бы чистой нелепостью, пока мы еще остаемся при анализе элементов товара.

Но чем г-н Вагнер недоволен (шокирован) в моем изложении, так это тем, что я не доставляю ему удовольствия и не следую отечественно-немецкому профессорскому «стремлению» к смешению потребительной стоимости со стоимостью. Германское общество — правда, с большим запозданием — все более и более переходит от феодального натурального хозяйства или, по меньшей мере, от преобладания такового к хозяйству капиталистическому, но профессора все еще одной ногой стоят в старом навозе, что вполне естественно. Из крепостных землевладельца они превратились в крепостных государства, попросту — правительства. Поэтому и наш vir obscurus, который даже не заметил, что мой метод *анализа,* исходным пунктом которого является не *человек,* а данный общественно-экономический период, не имеет ничего общего с немецко-профессорским методом соединения понятий («словами диспуты ведутся, из слов системы создаются»[*]), пишет:

«В соответствии со взглядами *Родбертуса* и *Шеффле* я выдвигаю на первое место характер *потребительной стоимости,* который имеет *всякая стоимость,* и тем более подчеркиваю оценку потребительной стоимости, *что* оценка меновой стоимости ко многим из важнейших хозяйственных благ просто даже неприменима» {-что-то заставляет его применять? Стало быть, как служитель государства он чувствует себя обязанным смешивать потребительную стоимость со стоимостью!} «например *к государству и его функциям,* также к другим отношениям публичного хозяйства» (стр. 49, примечание).

{Это напоминает старых химиков до появления научной химии: на том основании, что коровье масло, называемое в обыденной жизни (по северному обычаю) просто маслом, отличается

[*] Гёте. «Фауст», часть I, сцена четвертая («Кабинет Фауста»). *Ред.*

мягкостью, они назвали маслами *хлористые соединения,* например, *цинковое масло, сурьмяное масло* и т. д.; следовательно, выражаясь словами vir obscurus, «они твердо верили в *маслянистый* характер всех хлористых, цинковых и сурьмяных соединений».} Эта болтовня сводится к следующему. Так как известные блага, в особенности *государство* (благо!) и его *тслуги* {особенно услуги его профессоров политической экономии} — *не* «товары», то содержащиеся в самих «товарах» противоположные особенности {которые к тому же *ясно* выступают в *товарной форме* продукта труда} должны быть смешаны друг с другом! Вообще Вагнер и К° вряд ли могли бы доказать, что для них более выгодно, чтобы их «услуги» оценивались по их «потребительной стоимости», по их вещному «содержанию», нежели чтобы они «оценивались» по их *«содержанию»* (соответственно «социальной таксе», как выражается Вагнер), т. е. по их *оплате.*

{Единственное, что явно лежит в основе всей этой немецкой чепухи, заключается в том, что слова: *стоимость [Wert]* или *достоинство [Wurde]* применялись первоначально к самим полезным вещам, которые существовали, даже в качестве «продуктов труда», задолго до того, как они сделались *товарами.* Но с научным определением товарной «стоимости» это имеет так же мало общего, как то обстоятельство, что слово *соль* применялось у древних народов первоначально для поваренной соли, а впоследствии, со времени Плиния, *сахар* и прочие тела фигурируют как *разновидности соли* {indeed[*] все бесцветные твердые тела, растворимые в воде и обладающие специфическим вкусом}, поэтому это обстоятельство не означает, что химическая категория «соль» включает в себя сахар и т. п.

{Так как товар покупается покупателем не потому, что он имеет стоимость, а потому, что он есть «потребительная стоимость» и употребляется для определенных целей, то само собой разумеется: 1) что потребительные стоимости «оцениваются», т. е. исследуется их *качество* (точно так же, как *количество* их измеряется, взвешивается и т. п.); 2) что когда различные сорта товаров могут заменить друг друга для тех же целей потребления, тому или иному сорту отдается предпочтение и т. д. и т. д.}

В готском языке имеется только одно слово для *Wert* и *Wurde* — слово vairths, τιμη, {τιμαω, *оценивать,* т. е. применять; определять *цену* или *стоимость, таксировать;* в *метафорическом* смысле: *уважать, ценить, почитать, выделять.* Τιμη —

[*] — фактически. *Ред.*

оценка, отсюда: определение стоимости или цены, оценка, расценка. Далее: *оценка стоимости,* также *сама стоимость* или *цена* (у Геродота, Платона), у *Демосфена* αι τιμαι в смысле *издержек.* Далее: *высокая оценка, честь,* уважение, почетное место, почетная должность. См. *Греко-немецкий словарь Роста*[259].}

Стоимость, цена (по словарю Шульце[260]*) в готском языке: vairths,* прилагательное, αξιοζ, ιχανοζ.

В *древнем северонемецком* языке: *verdhr* — достойный, *verdh — стоимость, цена; в англосаксонском* языке: *veordh, vurdh;* в английском языке *worth,* прилагательное; как существительное оно обозначает *Wert* и *Wurde.*

{«В *средненемецком языке: wert,* родительный — *werdes;* прилагательное *dignus,* а также *pfennincwert; wert,* родительный — *werdes,* стоимость, значение, великолепие; *aestimatio, товар определенной стоимости,* например *pfenwert, pennyworth; werde:* meritum, *aestimatio,* dignitas — ценное качество» *(Циман.* «Словарь средненемецкого языка»).[261]}

Стало быть, *Wert и Wurde* и по этимологическому происхождению и по смыслу тесно связаны друг с другом. Это обстоятельство затемняется благодаря тому, что в новом немецком языке стало обычным *неограниченное* (ложное) *образование флексий* от слова Wert: Werth, Werthes вместо Werdes, так как готскому th соответствует верхненемецкое *d,* а не *th-t,* и то же самое наблюдается в средненемецком языке *(wert,* родительный *werdes).* По правилам средневерхненемецкого языка d в конце слова должно было бы превратиться в t, т. е. *wert* вместо *werd,* но родительный падеж *werdes.*

Все это, однако, имеет так же мало общего с экономической категорией «стоимость», как и с *валентностью химических элементов* (атомистика) или с химическими эквивалентами или паями (соединительные веса химических элементов).

Далее следует заметить, — даже с точки зрения этих словесных отношений, — что если из первоначальной идентичности *Wurde* и *Wert* вытекало само собой, как из природы вещей, что это слово относилось к вещам, продуктам труда в их натуральной форме, то впоследствии оно в неизменном виде было прямо перенесено на *цены,* т. е. на стоимость в ее развитой форме, т. е. на меновую стоимость, что столь же мало имеет общего с существом дела, как то обстоятельство, что то же слово продолжало употребляться для обозначения достоинства вообще, по отношению к почетной должности и т. д. Стало быть, здесь в языковом отношении нет никакого различия между потребительной стоимостью и стоимостью.

Перейдем теперь к свидетелю, на которого ссылается наш vir obscurus, к *Родбертусу* {статью которого можно найти в *тюбингенском «Zeitschrift»}.* Наш vir obscurus цитирует из Родбертуса следующее:

На *стр. 48 текста:*

«Имеется лишь *один вид стоимости,* и Это — потребительная стоимость. Последняя есть либо *индивидуальная* потребительная стоимость, либо *социальная* потребительная стоимость. Первая противостоит индивиду и его потребностям без всякого отношения к какой-нибудь социальной организации» —

{это уже нелепость (ср. «Капитал», стр. 171[262]), где сказано, что *процесс труда,* как целесообразная деятельность для созидания потребительных стоимостей и т. д., *«одинаково общ* всем *общественным формам»* (человеческой жизни) и *«не зависим от какой бы то ни было из них»}.* {Во-первых, индивиду противостоит не слово «потребительная стоимость», а *конкретные потребительные стоимости,* а *какие именно* из них ему «противостоят» (у этих людей все «стоит»; все связано с «состоянием»[*]), — это целиком зависит от ступени общественного процесса производства и, следовательно, соответствует также «какой-нибудь социальной организации». Если же Родбертус хочет сказать лишь ту тривиальность, что потребительная стоимость, которая действительно противостоит какому-нибудь индивиду как предмет потребления, противостоит ему как индивидуальная потребительная стоимость для него, то это или тривиальная тавтология, или ложное положение, так как, если не говорить о таких вещах, как рис, маис, пшеница или мясо {которое какому-нибудь индусу не противостоит как предмет питания}, — потребность индивида в титуле профессора или тайного советника или в каком-нибудь ордене возможна только в совершенно определенной «социальной организации»}.

«Вторая потребительная стоимость есть *потребительная стоимость,* принадлежащая *социальному* организму, составленному из множества индивидуальных организмов» (или индивидов) (стр. 48, текст).

Прекрасный немецкий язык! Идет ли здесь речь о «потребительной стоимости» «социального организма», или о потребительной стоимости, находящейся во владении «социального организма» {как например, земля в первобытных общинах}, или об определенной «социальной» форме потребительной стоимости в каком-нибудь *социальном организме,* как например там, где господствует товарное производство, — потребительная

[*] Игра слов: «steht» — «стоит», «standisch» — «сословный» (имеется ввиду сословное состояние). *Ред.*

стоимость, доставляемая производителем, должна быть «потребительной стоимостью для других» и в этом смысле «общественной потребительной стоимостью»? С таким скудным багажом ничего не добьешься.

Перейдем к другому положению вагнеровского Фауста*: «Меновая стоимость есть лишь историческая оболочка и приложение социальной потребительной стоимости определенного исторического периода. Если потребительной стоимости противопоставляют, *как логическую противоположность, меновую стоимость,* то историческое понятие ставят в логическую противоположность к логическому понятию, что логически недопустимо» (стр. 48, примечание 4). «Это — торжествует там же Вагнер, — вполне верно!» Но кто же поступает таким образом? Нет сомнения, что Родбертус имеет в виду меня, так как, по словам его биографа Р. Мейера, он написал «большую, толстую рукопись против «Капитала»». Кто же ставит в логическую противоположность? Г-н Родбертус, для которого и «потребительная стоимость», и «меновая стоимость» обе по природе своей суть лишь «понятия». На деле в любом прейскуранте каждый отдельный вид товара проделывает этот нелогический процесс, а именно в качестве *блага* или *потребительной стоимости,* как хлопок, пряжа, железо, зерно и т. п.,он отличается от других и представляет качественно совершенно отличное от других «благо», но одновременно он выражает свою *цену* как нечто качественно однородное, но количественно отличное, *одной и той же сущности.* Он представляется в своей натуральной форме для того, кто им пользуется, и в совершенно отличной от нее и «общей» ему с другими товарами *стоимостной форме,* т. е. как *меновая стоимость. «Логическая»* противоположность имеется здесь лишь у Родбертуса и родственных ему немецких школьных профессоров, которые исходят из «понятия» стоимости, а не из «социальной вещи», «товара», и само это понятие потом раздваивают (раскалывают), а затем спорят о том, какое из этих обоих фантастических представлений есть истина!

За этими высокопарными фразами скрывается во тьме не что иное, как бессмертное открытие, что человек при всех состояниях должен есть, пить и т. д. {нельзя даже просто продолжить и сказать: одеваться или иметь нож и вилку, кровать и жилище, так как это имеет место не *при всех состояниях};* словом, что он при всех состояниях должен для удовлетворения своих потребностей находить в природе готовые внешние пред-

* — т. е. Родбертуса. *Ред.*

меты и овладевать ими или изготовлять из того, что он находит в природе; стало быть, в этих своих действительных действиях человек фактически относится всегда к известным внешним вещам как к «потребительным стоимостям», т. е. обращается с ними как с предметами своего потребления. Поэтому потребительная стоимость есть, по мнению Родбертуса, «логическое» понятие; следовательно, на том основании, что человек должен также дышать, «дыхание» есть «логическое» понятие, но ни в коем случае не «физиологическое». Вся поверхностность Родбертуса выступает в этом его противопоставлении «логического» и «исторического» понятий! Он вспоминает «стоимость» (экономическую, в противоположность потребительной стоимости товара) лишь в ее форме проявления, в виде *меновой стоимости,* а так как последняя выступает лишь там, где по меньшей мере некоторая часть продуктов труда, предметов потребления, функционирует в виде *«товаров»,* что имеет место не с самого начала, а лишь в известный период общественного развития, т. е. на известной ступени исторического развития, то *меновая стоимость* есть *«историческое»* понятие. Если бы Родбертус, — ниже я скажу, почему он этого не сделал, — анализировал дальше меновую стоимость товаров, — ибо последняя существует лишь там, где имеются *товары* во множественном числе, различные сорта товаров, — он нашел бы за этой формой проявления «стоимость». Если бы он далее исследовал стоимость, то он нашел бы, что здесь вещь, «потребительная стоимость», фигурирует как простое *овеществление* человеческого труда, как *затрата равной человеческой рабочей силы,* и потому это содержание представляется как *предметный* характер *вещи,* присущий *ей самой* как вещи, хотя эта предметность *не* проявляется в ее натуральной форме {что как раз вызывает необходимость в особой *форме стоимости*}. Он, следовательно, нашел бы, что «стоимость» товара лишь выражает в исторически развитой форме то, что существует также, хотя и в *другой форме,* во всех других исторических общественных формах, а *именно общественный характер труда,* поскольку последний существует как *затрата общественной рабочей силы.* Если, таким образом, «стоимость» товара есть лишь определенная историческая форма чего-то существующего во всех общественных формах, то это же относится к «общественной потребительной стоимости», поскольку она характеризует «потребительную стоимость» товара. Г-н Родбертус взял меру величины стоимости у Рикардо; но так же мало, как Рикардо, он исследовал или понял самую субстанцию стоимости; например, *«совместный»* характер первобытной общины как совокупного организма связанных между

собой рабочих сил и, следовательно, *их труда,* т. е. затраты этих сил.

Излишне разбирать дальше нелепости Вагнера на эту тему.

Мера величины стоимости. Здесь г-н Вагнер меня принимает, но находит, к своему сожалению, что я *«элиминировал» «труд по образованию капитала»* (стр. 58. примечание 7).

«В обороте, регулируемом общественными органами, определение *таксированной стоимости* или *таксированных цен* должно сообразоваться с этим *моментом издержек»* {так называет он затраченное в производстве и т. д. количество труда}, «как это в принципе имело место в прежних административных и цеховых таксах и как необходимо опять будет иметь место при любой *новой системе такс»* {подразумевается социалистическая (!) система такс}. «Но в свободном обороте *издержки — не единственная* основа определения меновых стоимостей и цен и не могут служить таковой ни при каком *мыслимом социальном строе.* Ибо, независимо от издержек, должны наступить *колебания* потребительной *стоимости* и *потребностей, влияние* которых *на меновую стоимость и на цены* (договорные и таксированные цены) видоизменяет и должно видоизменять *влияние издержек»* и т. д. (стр. 58, 59). «Эта» {именно эта!} «остроумная поправка к анализу социалистической теории стоимости... составляет заслугу» (!) *«Шеффле»,* который пишет в *«Социальном теле»,* III, стр. 278: «При любом влиянии общества на потребности и производство нельзя обойтись без того, чтобы *все потребности* каждый раз оставались в равновесии с производством. Но если это так, *социальные показатели издержек не могут одновременно* служить *пропорциональными социальными показателями потребительной стоимости»* (стр. 59, примечание 9).

Что все это сводится лишь к тривиальному положению о повышении и падении *рыночных цен* выше или ниже стоимости и к предположению, что в «социальном государстве Маркса» *имеет* силу его теория стоимости, развитая для *буржуазного* общества, — показывает фраза Вагнера:

«Они» (цены) «временно будут отклоняться более или менее от них» {от издержек}, «они будут повышаться для благ, потребительная стоимость которых поднялась, и падать для благ, потребительная стоимость которых уменьшилась. *Лишь для длительного периода времени* издержки могут оказать свое действие в качестве решающего регулятора» и т. д. (стр. 59).

Право. Для характеристики фантастических представлений нашего vir obscurus о творческом влиянии *права* на хозяйство достаточно одной фразы, хотя заключающуюся в ней абсурдную точку зрения он провозглашает во многих местах:

«Единичное хозяйство имеет во главе в качестве органа его технической и экономической деятельности... какую-нибудь *личность* в качестве правового и хозяйствующего субъекта. Она не есть чисто хозяйственное явление, но зависит вместе с тем от характера *права.* Ибо последнее решает, кто признается личностью и, следовательно, может стоять во главе какого-нибудь хозяйства» и т. д. (стр. 65).

Пути сообщения и *транспортное дело* (стр. 75—76 и *80,* примечание).

На *стр. 82 «место, где объясняется смена в (натуральных) составных частях массы благ»* {какого-нибудь хозяйства, иначе называемая Вагнером *«смена благ»,* у Шеффле *«социальный обмен веществ»}.* {Это по меньшей мере один случай последнего: я употребил это название также при «натуральном» процессе производства в смысле обмена веществ между человеком и природой} *заимствовано* у меня, где обмен веществ выступает впервые в анализе Т—Д—Т, а в дальнейшем перерывы в смене форм обозначаются так же, как перерывы в обмене веществ.

То, что г-н Вагнер говорит далее о *«внутреннем обмене»* благ, находящихся в какой-либо отрасли производства (у него в каком-либо «единичном хозяйстве»), частью в применении к их «потребительной стоимости», частью в применении к их «стоимости», — также изложено у меня при анализе первой фазы *Т—Д—Т,* а именно *Т—Д* (пример с ткачом холста, *«Капитал»,* стр. 85, 86, 87), где в заключение говорится: «Наши товаровладельцы открывают, таким образом, что то самое разделение труда, которое делает их независимыми частными производителями, делает в то же время независимыми от них самих процесс общественного производства и их собственные отношения в этом процессе, что независимость лиц друг от друга дополняется системой всесторонней вещной зависимости» *(«Капитал»,* стр. 87)[263].

Договоры для приобретения благ путем обмена. Здесь наш темный муж (vir obscurus) решительно ставит все на голову. У него существует сначала право, а потом оборот; в действительности же дело происходит наоборот: сперва появляется *оборот,* и лишь потом из него развивается *правовой порядок.* При анализе товарного обращения я показал, что уже при неразвитой меновой торговле обменивающиеся лица молчаливо признают друг друга равными личностями и собственниками обмениваемых ими благ; они *делают* это уже тогда, когда предлагают друг другу свои блага и совершают друг с другом сделку. Это *фактическое* отношение, возникающее лишь благодаря самому обмену и в обмене, получает позднее *правовую форму* в виде договора и т. д.; но эта форма не создает ни своего содержания, обмена, ни *существующих* в ней *отношений лиц друг к другу,* а наоборот. В противоположность этому Вагнер пишет:

«*Это приобретение»* {благ путем оборота} «необходимо предполагает определенный *правовой порядок, на основе которого»* (!) «совершается оборот» и т. д. (стр. 84).

Кредит. Вместо того, чтобы дать развитие денег как *платежного средства,* Вагнер немедленно превращает процесс обращения, — поскольку он совершается в такой форме, что оба эквивалента в Т—Д не противостоят друг другу одновременно, — *в «кредитную сделку»* (стр. 85 и сл.), причем «присоединяет», что она часто связана с уплатой «процентов»; это служит также для того, чтобы выставить в качестве базиса «кредита» «оказание доверия» и тем самым «доверие».

О юридическом понимании *«имущества»* у *Пухты* и др., согласно которым к последнему принадлежат также *долги* в качестве *отрицательной составной части* (стр. 86, примечание 8).

Кредит есть или *«потребительный кредит»,* или «производительный кредит» (стр. 86). Первый преобладает на низших ступенях культуры, последний — на «высших».

О *причинах задолженности* {причины пауперизма: колебания урожаев, военная служба, конкуренция рабов} в Древнем Риме (см. Иеринг. «Дух римского права», *3 изд., ч.* II, кн. 2, стр. 234[264]).

По мнению г-на Вагнера, на «низшей ступени» «потребительный кредит» господствует среди «низших угнетенных» классов и «высших расточительных». А на деле: в Англии и Америке *«потребительный кредит» стал общераспространенным с образованием системы депозитных банков!*

«В особенности *производительный кредит* обнаруживает себя... в качестве экономического фактора в народном хозяйстве, основанном на *частной собственности на землю и движимые капиталы* и допускающем *свободную конкуренцию.* Он связан с имущественным *владением,* а не с имуществом как чисто экономической категорией», и поэтому есть лишь «исторически-*лравовая категория»* (!) (стр. 87).

Зависимость единичного хозяйства и имущества от воздействия внешнего мира, особенно от влияния конъюнктуры народного хозяйства.

1) *Изменения в потребительной стоимости:* они улучшаются в некоторых случаях благодаря *течению времени* как условия известных процессов природы *(вино, сигары, скрипки* и т. д.).

«В *большинстве* случаев *ухудшаются...* разлагаются на свои вещественные составные части, *случайности* всякого рода». Этому соответствуют *«изменения»* меновой стоимости в том же направлении, *«повышение стоимости»* или *«понижение стоимости»* (стр. 96, 97). *См. о договорах по найму жилищ* в Берлине (стр. 97, примечание 2).

2) *Изменения в человеческом знании свойств благ:* в *положительном случае* благодаря этому *«имущество возрастает». {Применение каменного угля при выплавке железа* в Англии

около *1620 г.,* когда уменьшение лесов уже угрожало дальнейшему существованию железоделательного производства; химические открытия, например иода (использование иодосодержащих соляных источников). Фосфориты как удобрение. Антрацит как топливо. Материалы для газового освещения, для фотографии. Открытие красящих и лечебных веществ. Гуттаперча. Каучук. Растительная слоновая кость (из Phytelephas macrocarpa). Креозот. Парафиновые свечи. Использование *асфальта, сосновой хвои* (сосновая шерсть), газов в доменных печах, каменноугольной смолы для приготовления анилина, шерстяного тряпья, опилок и т. д. и т. д.} В *отрицательном случае уменьшение полезности, а тем самым и стоимости* (например, открытие трихины в свинине, ядовитых веществ в красках, растениях и т. д.) (стр. 97, 98). Открытие *ископаемых* и новых способов их употребления умножает *имущество землевладельца* (стр. 98).

3) *Конъюнктура.*

Влияние *всех* внешних «условий», «существенно влияющих на *производство благ для оборота, на спрос и сбыт»* их, и тем самым и на их *«меновую стоимость»,* а также на меновую стоимость *«отдельного уже готового блага...* совершенно или почти *независимо»* от «хозяйствующего субъекта» «или собственника» (стр. 98). *Конъюнктура становится «решающим фактором» в «системе свободной конкуренции»* (стр. 99). Один «посредством *принципа частной собственности»* выигрывает при этом «то, чего он не *заслужил»,* а другой терпит *«ущерб», «экономически незаслуженные убытки».*

О *спекуляции* (стр. 101, примечание 10). *Цена на жилища (стр. 102,* примечание 11). *Угольная и железоделательная промышленность* (стр. 102, примечание 12). *Многочисленные изменения в технике* понижают стоимость промышленных продуктов как средств производства (стр. 102, 103).

В «народном хозяйстве с прогрессирующим народонаселением и благосостоянием *преобладают... благоприятные шансы,* — хотя и со случайными временными и местными отступлениями и колебаниями, — для *землевладения,* особенно *для городского* (в больших городах)» (стр. 102).

«Таким образом, конъюнктура особенно благоприятствует *землевладельцу»* (стр. 103). «Эти *прибыли,* как и большинство других, *связанных с конъюнктурой...* суть *чистые спекулятивные прибыли,* которым соответствуют *«спекулятивные убытки»»* (стр. 103).

То же самое о «хлебной торговле» (стр. 103, примечание 15).

Таким образом, необходимо

«открыто признать.., что хозяйственное положение отдельного лица или семьи» «в *сущности* есть *результат конъюнктуры»,* и это неизбежно «ослабляет значение *личной хозяйственной ответственности»* (стр. 105).

Поэтому «если *современная организация* народного хозяйства и *ее правовой базис»* (!), «частная собственность на землю и капитал и т. д., признаются *строем,* в основном не *подлежащим изменению»,* то не существует, — после долгой болтовни, — никаких средств «для устранения... *причин»* {т. е. вытекающих отсюда бедствий, каковы заминки в сбыте, кризисы, увольнения рабочих, сокращение заработной платы и т. д.}, а поэтому и «самого этого зла»; «симптомы» же или «следствия зла» г-н Вагнер считает возможным устранить, например, путем «налогов» на *«конъюнктурные прибыли»,* путем «рациональной... *системы страхования»* против «экономически незаслуженных» *«убытков»,* являющихся продуктом конъюнктуры (стр. 105).

Это, —говорит темный муж, — получается, если современный способ производства с его «правовым базисом» считают «не подлежащим изменению»; но исследование его, отличающееся большей глубиной, чем социалистическое учение, проникнет в самую «суть вещей». Nous verrons*, каким именно образом?

Отдельные главные моменты, образующие конъюнктуру.

1) *Колебания урожаев основных средств питания* под *влиянием погоды* и политических условий, например нарушений в обработке земли под влиянием войн. Влияние этого на производителей и потребителей, стр. 106. {О *хлебных торговцах* см. *Тук. «История цен»*[265]*; о Греции — Бёк. «Государственное хозяйство афинян», т. I, кн. I, § 15*[266]; о *Риме — Иеринг.* «Дух», стр. 238. *Повышение смертности среди низших классов населения* в наши дни при каждом *небольшом* повышении цен *«бесспорно доказывает,* что для массы рабочего класса *средняя заработная плата мало превышает абсолютно необходимую* для жизни *сумму»* (стр. 106, примечание 19).} *Улучшения в средствах сообщения* {являющиеся «одновременно», как мы читаем в примечании 20, «важнейшей предпосылкой спекулятивной хлебной торговли, выравнивающей цены»}, *изменившиеся методы обработки земли {«плодопеременная система»* — «посредством разведения *различных* продуктов, на которые перемены погоды оказывают не одинаковое, благоприятное или неблагоприятное, действие»}; отсюда *меньшие колебания хлебных цен* в *пределах коротких промежутков времени* в сравнении «со средними веками и древностью». Но и теперь еще колебания очень большие (см. примечание 22, стр. 107; факты там же).

2) *Изменения в технике. Новые методы производства.* Бессемеровская сталь вместо железа и т. д., стр. 107 (и к этому примечание 23). *Введение машин вместо ручного труда.*

* — Посмотрим. *Ред.*

3) Изменения в средствах сообщения и транспорта, влияющие на *пространственные* перемещения людей и вещей; это влияет... *на стоимость земли* и предметов, отличающихся *низкой относительной стоимостью;* целые отрасли производства вынуждаются сделать трудный переход к другим методам производства (стр. 107) {к этому примечание 24 там же. *Повышение стоимости земли поблизости от хороших путей сообщения* благодаря лучшему сбыту добываемых здесь продуктов: *облегчение скопления населения* в городах, отсюда *колоссальное повышение стоимости земли, в городах* и ближайших к ним местах. *Облегчение вывоза хлеба п.* другого сельскохозяйственного и лесного сырья и горнорудных продуктов из *местностей с доселе дешевыми ценами* в местности с высокими ценами; отсюда ухудшение хозяйственного положения слоев населения со стабильным доходом в первых местностях и, напротив, улучшение положения производителей и особенно землевладельцев там же. В обратном направлении влияет облегчение ввоза хлеба и Других материалов, обладающих низкой относительной стоимостью Оно выгодно потребителям и невыгодно производителям во ввозящей стране. Необходимость перейти к другим производствам, от земледелия к животноводству, например в Англии начиная с 40-х годов или недавно в Германии в результате конкуренции дешевого восточноевропейского хлеба; для *германских сельских хозяев* это затруднительно (в настоящее время), во-первых, из-за *климата,* а затем из-за *недавнего сильного повышения заработной платы,* которое сельские хозяева не могут с такой же легкостью, как промышленники, переложить на продукты и т. д.}.

4) *Изменения во вкусах, моде* и т. д., зачастую быстро совершающиеся в короткое время.

5) *Политические перемены* в национальной и международной сфере обмена (война, революция и т. д.), поскольку при усиливающемся разделении труда, развитии международного и т. д. обмена все более *важное* значение приобретает *доверие* или *недоверие.* Воздействие кредитного фактора, колоссальные размеры современных войн и т. д. (стр. 108).

6) *Изменения в аграрной, промышленной и торговой политике* (пример: реформа британских хлебных законов).

7) Изменения в *пространственном размещении* и *общем экономическом положении целых групп населения,* например переселения из сельских местностей в города (стр. 108, 109).

8) *Перемены в социальном и экономическом положении отдельных слоев населения,* например благодаря обеспечению свободы коалиции и т. д. (стр. 109). {*Французские 6 миллиардов*[267], там же, примечание 29.}

Издержки в единичном хозяйстве. Под «трудом», производящим «стоимость», к которому сводятся все издержки, следует понимать также «труд» в правильном *широком* смысле слова, охватывающем *«всякую* человеческую целесознательнуго деятельность, необходимую для добывания дохода», следовательно также в особенности *«духовный труд* руководителя и деятельность, благодаря которой капитал образуется и применяется» — «поэтому» и *«прибыль на капитал»,* оплачивающая эту деятельность, относится к «конститутивным элементам издержек». «Этот взгляд противоречит социалистической теории стоимости и издержек и критике, направленной против капитала» (стр. 111).

Темный муж подсовывает мне утверждение, будто *«прибавочная стоимость,* производимая *только* рабочими, *неправильно* поступает к капиталистическим предпринимателям» (стр. 114, примечание 3). Я же утверждаю прямо противоположное, а именно, что товарное производство в известный момент своего развития неизбежно становится «капиталистическим» товарным производством и что, согласно господствующему в нем *закону стоимости,* «прибавочная стоимость» причитается капиталисту, а не рабочему. Вместо того, чтобы пускаться в подобную софистику, можно раскрыть катедер-социалистический характер нашего viri obscuri в следующей банальности:

«безусловные противники социалистов» «игнорируют многочисленные *случаи эксплуатации,* когда чистый доход распределяется *неправильно»* (!) *«и издержки производства в отдельных предприятиях* чрезмерно сокращаются к ущербу для рабочего (подчас и для ссудных капиталистов) и к выгоде для работодателей» (там же).

Народный доход в Англии и во Франции (стр. 120, χ–φ).

Годичный валовой доход нации:

1) Совокупность *вновь* произведенных в течение года благ. *Туземное сырье* должно быть включено полностью на всю сумму своей стоимости; *изделия, изготовленные из туземного и иностранного сырья,* считаются {во избежание двойного счета сырья} на *сумму повышения стоимости, достигнутого при помощи промышленного труда;* обращающиеся в *торговле* и *транспорте сырье и фабрикаты* считаются на сумму вызванного этим повышения стоимости.

2) *Ввоз денег и товаров из-за границы* в качестве процента на *долговые требования* данной страны, основанные на *кредитных сделках* или на *вложениях капиталов* за границей подданными данного государства.

3) *Фрахтовые прибыли судоходства данной страны от внешней и транзитной торговли,* реально оплаченные ввозом иностранных благ.

4) *Наличные деньги или товары, переведенные* из-за границы в *данную страну для пребывающих в ней иностранцев.*

5) *Ввоз имущества без соответствующего возмещения,* например при *длительной уплате налогов* другой страной данной стране, *при регулярной иммиграции и регулярном ввозе имущества иммигрантов.*

6) *Превышение стоимости ввоза товаров и денег над вывозом,* {но тогда в пункте 1 надлежит вычесть *вывоз* за границу}.

7) *Стоимость пользовании, доставляемых имуществом, предназначенным для пользования* (например, жилыми домами и т. д.) (стр. 121, 122).

При *чистом доходе* следует исключить, между прочим, вывоз благ для оплаты *фрахтов иностранному судоходству* (стр. 123). {Дело не так просто: *цена производства (внутренняя)* + *фрахт = продажной цене.* Если страна вывозит свои собственные товары на собственных судах, то заграница оплачивает фрахтовые издержки; если существующая здесь рыночная цена и т. д.}.

«Наряду с длительными платежами следует назвать регулярные платежи *иностранным подданным за границей* (подкупы, например, персами греков, *вознаграждение иностранным ученым* при Людовике XIV, денарий св. Петра[268])» (стр. 123, примечание 9).

Почему не *субсидии,* регулярно получавшиеся германскими князьями от Франции и Англии?

См. те наивные виды *доходов частных лиц,* которые состоят в «услугах государства и церкви» (стр. 125, примечание 14).

Оценка стоимости с точки зрения отдельного лица и народного хозяйства.

Разрушение одной части товарного запаса, с целью дороже продать остаток, *Курно* в *«Исследовании математических принципов теории богатств», 1838,* называет «истинным созданием богатств в коммерческом смысле этого слова»[269] (стр. 127, примечание 3).

Об уменьшении потребительских *запасов* частных лиц или, *как называет их Вагнер, «капитала, предназначенного для пользования»,* — в современный культурный период, в частности в *Берлине,* стр. 128, примечание 5 и стр. 129, примечание 8 и 10; *в производственных предприятиях* имеется слишком мало денег или собственного *оборотного капитала,* стр. 130 и там же примечание 11.

Относительно большее значение внешней торговли в настоящее время (стр. 131, примечание 13 и стр. 132, примечание 3).

Написано К. Марксом во второй половине 1879 — ноябре 1880 г.
Впервые опубликовано в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», книга V, 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с немецкого

К. МАРКС

НАБРОСКИ ОТВЕТА НА ПИСЬМО В. И. ЗАСУЛИЧ*

ПЕРВЫЙ НАБРОСОК

1) Разбирая происхождение капиталистического производства, я сказал, что в основе его «лежит полное отделение производителя от средств производства» (стр. 315, столбец 1 французского издания «Капитала») и что «основой всего этого процесса *является экспроприация земледельцев.* Радикально она осуществлена пока только в Англии... Но *все другие страны Западной Европы* идут по тому же пути» (там же, столбец 2)[270].

Таким образом, я *точно* ограничил «историческую неизбежность» этого процесса *странами Западной Европы.* А почему? Благоволите заглянуть в XXXII главу, в которой сказано:

«Уничтожение его, превращение индивидуальных и раздробленных средств производства в общественно концентрированные, следовательно, превращение карликовой собственности многих в гигантскую собственность немногих, эта мучительная, ужасная экспроприация трудящегося народа — вот источник, вот происхождение капитала... *Частная собственность,* основанная на личном труде... вытесняется *капиталистической частной собственностью,* основанной на эксплуатации чужого труда, на труде наемном» (стр. 341, столбец 2)[271].

Таким образом, в конечном счете, мы имеем здесь *превращение одной формы частной собственности в другую форму частной собственности.* Но так как земля никогда не была *частной собственностью* русских крестьян, то каким образом может быть к ним применено это теоретическое обобщение?

---

* См. настоящий том, стр. 250—251. *Ред.*

2) С точки зрения исторической, единственный серьезный аргумент, который приводится в доказательство *неизбежного разложения* общины *русских крестьян,* состоит в следующем:

Обращаясь к далекому прошлому, мы встречаем в Западной Европе повсюду общинную собственность более или менее архаического типа; вместе с прогрессом общества она повсюду исчезла. Почему же избегнет она этой участи в одной только России?

Отвечаю: потому, что в России, благодаря исключительному стечению обстоятельств, сельская община, еще существующая в национальном масштабе, может постепенно освободиться от своих первобытных черт и развиваться непосредственно как элемент коллективного производства в национальном масштабе. Именно благодаря тому, что она является современницей капиталистического производства, она может усвоить его положительные достижения, не проходя через все его ужасные перипетии. Россия живет не изолированно от современного мира; вместе с тем она не является, подобно Ост-Индии, добычей чужеземного завоевателя.

Если бы русские поклонники капиталистической системы стали отрицать *теоретическую* возможность подобной эволюции, я спросил бы их: разве для того, чтобы ввести у себя машины, пароходы, железные дороги и т. п., Россия должна была подобно Западу пройти через долгий инкубационный период развития машинного производства? Пусть заодно они объяснят мне, как это им удалось сразу ввести у себя весь механизм обмена (банки, кредитные общества и т. п.), выработка которого потребовала на Западе целых веков?

Если бы в момент освобождения крестьян сельская община была сразу поставлена в нормальные условия развития, если бы затем громадный государственный долг, выплачиваемый главным образом за счет крестьян, вместе с другими огромными суммами, предоставленными через посредство государства (опять-таки за счет крестьян) «новым столпам общества», превращенным в капиталистов, — если бы все эти затраты были употреблены на *дальнейшее развитие* сельской общины, то никто не стал бы теперь раздумывать насчет «исторической неизбежности» уничтожения общины: все признавали бы в ней элемент возрождения русского общества и элемент превосходства над странами, которые еще находятся под ярмом капиталистического строя.

Другое обстоятельство, благоприятное для сохранения русской общины (путем ее развития), состоит в том, что она не только является современницей капиталистического

производства, но и пережила тот период, когда этот общественный строй сохранялся еще в неприкосновенности; теперь, наоборот, как в Западной Европе, так и в Соединенных Штатах, он находится в борьбе и с наукой, и с народными массами, и с самими производительными силами, которые он порождает*. Словом, перед ней капитализм — в состоянии кризиса, который окончится только уничтожением капитализма, возвращением современных обществ к «архаическому» типу общей собственности или как говорит один американский писатель**, которого никак нельзя заподозрить в революционных тенденциях и который пользуется в своих исследованиях поддержкой вашингтонского правительства — «новый строй», к которому идет современное общество, «будет возрождением (a revival) в более совершенной форме (in a superior form) общества архаического типа»[272]. Итак, не следует особенно бояться слова «архаический».

Но тогда нужно было бы, по крайней мере, знать эти последовательные изменения. Мы же ничего о них не знаем.

Историю разложения первобытных общин (было бы ошибочно ставить их всех на одну доску; подобно геологическим образованиям и в этих исторических образованиях есть ряд типов первичных, вторичных, третичных и т. д.) еще предстоит написать. До сих пор мы имели только скудные наброски. Во всяком случае, исследование предмета продвинулось достаточно далеко, чтобы можно было утверждать: 1) что жизнеспособность первобытных общин была неизмеримо выше жизнеспособности семитских, греческих, римских и прочих обществ, а тем более жизнеспособности современных капиталистических обществ; 2) что причины их распада вытекают из экономических данных, которые мешали им пройти известную ступень развития, из исторической среды, отнюдь не аналогичной исторической среде современной русской общины.

Читая истории первобытных общин, написанные буржуазными авторами, нужно быть настороже. Они не останавливаются даже перед подлогами. Например, сэр Генри Мейн, который был ревностным сотрудником английского правительства в деле насильственного разрушения индийских общин, лицемерно уверяет нас, что все благородные усилия правительства поддержать эти общины разбились о стихийную силу экономических законов[273]!

* В рукописи далее зачеркнуто: «Одним словом, он превратился в арену кричащих антагонизмов, конфликтов и периодических бедствий, показывая даже наиболее ослепленным, что он является преходящей системой производства, осужденной на исчезновение вследствие возвращения общества к...». *Ред.*

** — Л. Морган. *Ред.*

Так или иначе, эта община погибла в обстановке непрестанных войн, внешних и внутренних; она умерла, вероятно, насильственной смертью. Когда германские племена захватили Италию, Испанию, Галлию и т. д., община архаического типа тогда уже не существовала. Однако ее *природная жизнеспособность* доказывается двумя фактами. Есть отдельные экземпляры, которые пережили все перипетии средних веков и сохранились до наших дней, например на моей родине — в Трирском округе. Но наиболее важно то, что она так ясно запечатлела свои характерные особенности на сменившей ее общине, — общине, в которой пахотная земля стала частной собственностью, между тем как леса, пастбища, пустоши и пр. еще остаются общинной собственностью, — что Маурер, изучив эту общину вторичной формации, мог восстановить строение ее архаического прототипа. Благодаря перенятым у последнего характерным чертам новая община, введенная германцами во всех покоренных странах, стала в течение всех средних веков единственным очагом свободы и народной жизни.

Если после эпохи Тацита мы ничего не знаем ни о жизни *общины,* ни о том, каким образом и когда она исчезла, то нам известен, по крайней мере благодаря рассказу Юлия Цезаря, отправной пункт этого процесса. В его время земля уже ежегодно переделялась между *родами* и *кровнородственными объединениями* [tribus des confederations] германцев, но еще не между индивидуальными членами общины. Таким образом, *сельская община* в Германии вышла из недр общины более архаического типа. Она была здесь продуктом спонтанного развития, а вовсе не была привнесена из Азии в готовом виде. Там — в Ост-Индии — она также встречается, и всегда в качестве *последнего этапа* или последнего периода архаической формации.

Чтобы судить о возможных судьбах сельской общины с точки зрения чисто теоретической, т. е. предполагая постоянно нормальные условия жизни, мне нужно теперь отметить некоторые характерные черты, отличающие «земледельческую общину» от более древних типов.

Прежде всего, все более ранние первобытные общины покоятся на кровном родстве своих членов; разрывая эту сильную, но узкую связь, земледельческая община оказывается более способной расширяться и выдерживать соприкосновение с чужими.

Затем, внутри нее, дом и его придаток — двор уже являются частной собственностью земледельца, между тем как уже задолго до появления земледелия общий дом был одной из материальных основ прежних форм общины.

Наконец, хотя пахотная земля остается общинной собственностью, она периодически переделяется между членами земледельческой общины, так что каждый земледелец обрабатывает своими силами назначенные ему поля и присваивает себе лично плоды этой обработки, между тем как в более древних общинах производство ведется сообща и распределяются только продукты. Этот первобытный тип кооперативного или коллективного производства был, разумеется, результатом слабости отдельной личности, а не обобществления средств производства.

Легко понять, что свойственный «земледельческой общине» дуализм может служить для нее источником большой жизненной силы, потому что, с одной стороны, общая собственность и обусловливаемые ею общественные отношения придают прочность ее устоям, в то время как частный дом, парцеллярная обработка пахотной земли и частное присвоение ее плодов допускают развитие личности, не совместимое с условиями более древних общин.

Но не менее очевидно, что тот же дуализм может со временем стать источником разложения. Оставляя в стороне все влияния враждебной среды, уже одно постепенное накопление движимого имущества, начинающееся с накопления скота (допуская накопление богатства даже в виде крепостных), все более и более значительная роль, которую движимое имущество играет в самом земледелии, и множество других обстоятельств, неотделимых от этого накопления, но изложение которых отвлекло бы меня слишком далеко, —все это действует как элемент, разлагающий экономическое и социальное равенство, и порождает в недрах самой общины столкновение интересов, которое сначала влечет за собой превращение пахотной земли в частную собственность и которое кончается частным присвоением лесов, пастбищ, пустошей и пр., уже ставших *общинными придатками* частной собственности. Именно поэтому «земледельческая община» повсюду представляет собой *новейший тип* архаической общественной формации, и поэтому же в историческом движении Западной Европы, древней и современной, период земледельческой общины является переходным периодом от общей собственности к частной собственности, от первичной формации к формации вторичной. Но значит ли это, что при всех обстоятельствах развитие «земледельческой общины» должно следовать этим путем? Отнюдь нет. Ее конститутивная форма допускает такую альтернативу: либо заключающийся в ней элемент частной собственности одержит верх над элементом коллективным, либо последний одержит верх над первым. Все зависит

от исторической среды, в которой она находится... *a priori** возможен и тот, и другой исход, но для каждого из них, очевидно, необходима совершенно различная историческая среда.

3) Россия — единственная европейская страна, в которой «земледельческая община» сохранилась в национальном масштабе до наших дней. Она не является, подобно Ост-Индии добычей чужеземного завоевателя. В то же время она не живет изолированно от современного мира. С одной стороны, общая земельная собственность дает ей возможность непосредственно и постепенно превращать парцеллярное и индивидуалистическое земледелие в земледелие коллективное, и русские крестьяне уже осуществляют его на лугах, не подвергающихся разделу. Физическая конфигурация русской почвы благоприятствует применению машин в широком масштабе. Привычка крестьянина к *артельным* отношениям облегчает ему переход от парцеллярного хозяйства к хозяйству кооперативному, и, наконец, русское общество, так долго жившее на его счет, обязано предоставить ему необходимые авансы для такого перехода**. С другой стороны, *одновременное существование* западного производства, господствующего на мировом рынке, позволяет России ввести в общину все положительные достижения, добытые капиталистическим строем, не проходя сквозь его кавдинские ущелья[274].

Если бы представители «новых столпов общества» стали отрицать *теоретическую* возможность указанной эволюции современной сельской общины, их можно было бы спросить, должна ли была Россия подобно Западу пройти через долгий инкубационный период развития машинного производства, чтобы добраться до машин, пароходов, железных дорог и т. п. х можно было бы также спросить, как им удалось сразу ввести у себя весь механизм обмена (банки, акционерные общества и пр.), выработка которого потребовала на Западе целых веков

Есть одна характерная черта у русской «земледельческой общины», которая служит источником ее слабости и неблаго приятна для нее во всех отношениях. Это — ее изолированность, отсутствие связи между жизнью одной общины и жизнью других, этот *локализованный микрокосм,* который не повсюду встречается как имманентная характерная черта этого типа, но который повсюду, где он встречается, воздвиг над общинами более или менее централизованный деспотизм. Объединение

* — независимо от опыта. *Ред.*

** В рукописи далее зачеркнуто: «Необходимо, конечно, начать с того, чтобы привести общину в нормальное состояние на *нынешней основе,* потому что крестьянин повсюду является противником всяких крутых перемен». *Ред.*

северных русских республик доказывает, что эта эволюция, которая первоначально вызвана была, по-видимому, обширным протяжением территории, была в значительной степени закреплена политическими судьбами, пережитыми Россией со времен монгольского нашествия. Ныне этот недостаток весьма легко устраним. Следовало бы просто заменить волость*, учреждение правительственное, собранием выборных от крестьянских общин, которое служило бы экономическим и административным органом, защищающим их интересы.

Обстоятельством весьма благоприятным, с точки зрения исторической, для сохранения «земледельческой общины» путем ее дальнейшего развития служит то, что она не только является современницей западного капиталистического производства, что позволяет ей присвоить себе его плоды без того, чтобы подчиниться его modus operand!**, но что она пережила уже период, когда капиталистический строй оставался еще незатронутым; теперь, наоборот, как в Западной Европе, так и в Соединенных Штатах, он находится в борьбе и с трудящимися массами, и с наукой, и с самими производительными силами, которые он порождает, — словом, переживает кризис, который окончится уничтожением капитализма и возвращением современных обществ к высшей форме «архаического» типа коллективной собственности и коллективного производства.

Разумеется, эволюция общины совершалась бы постепенно, и первым шагом в этом направлении было бы создание для нее нормальных условий на ее *нынешней основе****.

Но ей противостоит земельная собственность, держащая в своих руках почти половину — притом лучшую — земель, не считая земель государственных. Именно поэтому сохранение «сельской общины» путем ее дальнейшей эволюции совпадает

---

* Это слово написано Марксом по-русски. *Ред.*

** — образу действия. *Ред.*

*** В рукописи далее зачеркнуто: «А историческое положение русской «сельской общины» не имеет себе подобных! В Европе она одна сохранилась не в виде рассеянных обломков, наподобие тех редких явлений и мелких курьезов, обломков первобытного типа, которые еще недавно встречались на Западе, но как чуть ли не господствующая форма народной жизни на протяжении огромной империи. Если в общей собственности на землю она имеет основу коллективного присвоения, то ее историческая среда — одновременно с ней существующее капиталистическое производство — предоставляет ей уже готовые материальные условия совместного труда в широком масштабе. Следовательно, она может использовать положительные приобретения капиталистического строя, не проходя сквозь его кавдинские ущелья. Парцеллярное земледелие она может постепенно заменить крупным земледелием с применением машин, для которых так благоприятен физический рельеф русских земель. Она может, следовательно, стать *непосредственным отправным пунктом* экономической системы, к которой тяготеет современное общество, и зажить новой жизнью, не прибегая к самоубийству. Для начала нужно было бы, напротив, поставить ее в нормальное положение». *Ред.*

с общим движением русского общества, возрождение которого может быть куплено только этой ценой. Даже с чисто экономической точки зрения Россия может выйти из тупика, в котором находится ее земледелие только путем развития своей сельской общины; попытки выйти из него при помощи капиталистической аренды на английский лад были бы тщетны: эта система противна всем сельскохозяйственным условиям страны.

Оставляя в стороне все бедствия, угнетающие в настоящее время русскую «сельскую общину», и принимая во внимание лишь форму ее строения и ее историческую среду, нужно признать, что с первого же взгляда очевидно, что одна из ее основных характерных черт — общая собственность на землю — образует естественную основу коллективного производства и присвоения. Помимо того, привычка русского крестьянина к *артельным* отношениям облегчила бы ему переход от парцеллярного хозяйства к хозяйству коллективному, которое он в известной мере ведет уже на не подвергающихся разделу лугах, при осушительных работах и других предприятиях, представляющих общий интерес.

Но для того, чтобы коллективный труд мог заменить в самом земледелии труд парцеллярный, источник частного присвоения, — нужны две вещи: экономическая потребность в таком преобразовании и материальные условия для его осуществления.

Что касается экономической потребности, то она даст себя почувствовать самой «сельской общине», как только последняя будет поставлена в нормальные условия, т. е. как только с нее будет снято лежащее на ней бремя и как только она получит нормальное количество земли для возделывания. Прошло то время, когда русскому земледелию требовались лишь земля и ее парцеллярный земледелец, вооруженный более или менее первобытными орудиями. Это время прошло с тем большей быстротой, что угнетение земледельца истощает его поле и делает последнее неплодородным. Ему нужен теперь кооперативный труд, организованный в широком масштабе. И притом, разве крестьянин, которому не хватает самых необходимых вещей для обработки его двух или трех десятин, окажется в лучшем положении, когда количество его десятин удесятерится?

Но оборудование, удобрение, агрономические методы и пр. — все необходимые для коллективного труда средства — где их найти? Именно здесь-то и скажется крупное превосходство русской «сельской общины» над архаическими общинами того же типа. Она одна сохранилась в Европе в широком, национальном масштабе. Она находится благодаря этому

в исторической среде, в которой существующее одновременно с ней капиталистическое производство предоставляет ей все условия коллективного труда. Она имеет возможность использовать все положительные достижения капиталистического строя, не проходя сквозь его кавдинские ущелья. Физическая конфигурация русских земель благоприятствует сельскохозяйственной обработке при помощи машин, организуемой в широком масштабе и осуществляемой кооперативным трудом. Что же касается первоначальных организационных издержек, интеллектуальных и материальных, — то русское общество обязано предоставить их «сельской общине», за счет которой оно жило так долго и в которой оно еще должно искать свой «источник возрождения».

Лучшим доказательством того, что такое развитие «сельской общины» соответствует направлению исторического процесса нашего времени, служит роковой кризис, претерпеваемый капиталистическим производством в европейских и американских странах, в которых оно наиболее развилось, — кризис, который кончится уничтожением капитализма и возвращением современного общества к высшей форме наиболее архаического типа к коллективному производству и коллективному присвоению.

4) Чтобы быть в состоянии развиваться, необходимо прежде всего жить, а ведь ни для кого не секрет, что в данное время жизнь «сельской общины» находится в опасности.

Чтобы экспроприировать земледельцев, нет необходимости изгнать их с их земель, как это было в Англии и в других странах; точно так же нет необходимости уничтожить общую собственность посредством указа. Попробуйте сверх определенной меры отбирать у крестьян продукт их сельскохозяйственного труда — и, несмотря на вашу жандармерию и вашу армию, вам не удастся приковать их к их полям! В последние годы Римской империи провинциальные декурионы — не крестьяне, а земельные собственники — бросали свои дома, покидали свои земли, даже продавали себя в рабство, только бы избавиться от собственности, которая стала лишь официальным предлогом для беспощадного и безжалостного вымогательства.

С самого так называемого освобождения крестьян русская община поставлена была государством в ненормальные экономические условия, и с тех пор оно не переставало угнетать ее с помощью сосредоточенных в его руках общественных сил. Обессиленная его фискальными вымогательствами, оказавшаяся беспомощной, она стала объектом эксплуатации со стороны торговца, помещика, ростовщика. Это угнетение извне обострило уже происходившую внутри общины борьбу интересов

и ускорило развитие в ней элементов разложения. Но это еще не все*. За счет крестьян государство выпестовало те отрасли западной капиталистической системы, которые, нисколько не развивая производственных возможностей сельского хозяйства, особенно способствуют более легкому и быстрому расхищению его плодов непроизводительными посредниками. Оно способствовало, таким образом, обогащению нового капиталистического паразита, который высасывал и без того оскудевшую кровь из «сельской общины».

... Словом, государство оказало свое содействие ускоренному развитию технических и экономических средств, наиболее способных облегчить и ускорить эксплуатацию земледельца, т. е. наиболее мощной производительной силы России, и обогатить «новые столпы общества».

5) Это стечение разрушительных влияний, если только оно не будет разбито мощным противодействием, должно естественно привести к гибели сельской общины.

Но спрашивается: почему все эти интересы (включая крупные промышленные предприятия, находящиеся под правительственной опекой), которым так выгодно нынешнее положение сельской общины, почему стали бы они стремиться убить курицу, несущую для них золотые яйца? Именно потому, что они чувствуют, что «это современное положение» не может продолжаться, что, следовательно, нынешний способ эксплуатации уже не годится. Бедственное положение земледельца уже истощило землю, которая становится бесплодной. Хорошие урожаи чередуются с голодными годами. Средние цифры за последние десять лет показывают не только застой, но даже падение сельскохозяйственного производства. Наконец, впервые России приходится ввозить хлеб, вместо того чтобы вывозить его. Следовательно, нельзя терять времени. Нужно с этим покончить. Нужно создать средний сельский класс из более или менее состоятельного меньшинства крестьян, а большинство крестьян превратить просто в пролетариев. С этой-то целью представители «новых столпов общества» и выставляют самые раны, нанесенные общине, как естественные симптомы ее дряхлости.

Так как стольким различным интересам и, в особенности, интересам «новых столпов общества», выросших под благожелательной к ним властью Александра II, выгодно было *нынешнее положение* «сельской общины», — для чего же им сознательно

---

* В рукописи далее зачеркнуто: «За счет крестьян государство выпестовало те наросты капиталистической системы, которые легче всего было привить — биржу, спекуляцию, банки, акционерные общества, железные дороги, дефицит которых оно покрывает и авансом выплачивает прибыль предпринимателям, и т. д. и т. д.» *Ред.*

добиваться ее смерти? Почему их представители выставляют нанесенные ей раны как неопровержимое доказательство ее естественной дряхлости? Почему хотят они убить курицу, несущую золотые яйца?

Просто потому, что благодаря экономическим фактам, анализ которых завел бы меня слишком далеко, перестало быть тайной, что *нынешнее положение общины не может больше продолжаться,* что просто в силу хода вещей нынешний способ эксплуатации народных масс уже не годится. Следовательно, нужно что-то новое, и это новое, преподносимое в самых разнообразных формах, сводится постоянно к следующему: уничтожить общинную собственность, дать более или менее состоятельному меньшинству крестьян сложиться в сельский средний класс, а огромное большинство превратить просто в пролетариев.

С одной стороны, «сельская община» почти доведена до края гибели; с другой — ее подстерегает мощный заговор, чтобы нанести ей последний удар. Чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция. Впрочем, те, в чьих руках политические и социальные силы, делают все возможное, чтобы подготовить массы к такой катастрофе.

И в то время как обескровливают и терзают общину, обеспложивают и истощают ее землю, литературные лакеи «новых столпов общества» иронически указывают на нанесенные ей раны, как на симптомы ее естественной и неоспоримой дряхлости, и уверяют, что она умирает естественной смертью и что сократить ее агонию было бы добрым делом. Речь идет здесь, таким образом, уже не о проблеме, которую нужно разрешить, а просто-напросто о враге, которого нужно сокрушить. Чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция. Впрочем, русское правительство и «новые столпы общества» делают все возможное, чтобы подготовить массы к такой катастрофе. Если революция произойдет в надлежащее время, если она сосредоточит все свои силы, чтобы обеспечить свободное развитие сельской общины, последняя вскоре станет элементом возрождения русского общества и элементом превосходства над странами, которые находятся под ярмом капиталистического строя.

ВТОРОЙ НАБРОСОК

1) Я показал в «Капитале», что превращение феодального производства в производство капиталистическое имело отправным пунктом экспроприацию производителя, и в особенности, что «основой всего этого процесса является экспроприация земледельцев» (стр. 315 французского издания). И я там продолжаю: «Радикально она (экспроприация земледельцев) осуществлена пока только в Англии... Все другие страны Западной Европы идут по тому же пути» (там же).

Стало быть, я точно ограничил эту «историческую неизбежность» «странами Западной Европы». Чтобы не оставить никакого сомнения относительно моей мысли, я говорю на странице 341:

«Частная собственность, как противоположность общественной, коллективной собственности, существует лишь там, где... внешние условия труда принадлежат частным лицам. Но в зависимости от того, являются ли эти частные лица работниками или неработниками, изменяется форма частной собственности».

Таким образом, процесс, который я анализировал, заменил форму частной и раздробленной собственности работников капиталистической собственностью ничтожного меньшинства (l. c.*, стр. 342[275]), заменил один вид собственности другим. Как можно это применять к России, где земля не является и никогда не была «частной собственностью» земледельца? Стало быть, единственное заключение, которое они имели бы право вывести из хода вещей на Западе, сводится к следующему: чтобы установить у себя капиталистическое производство, Россия должна начать с уничтожения общинной собственности и с экспроприации крестьян, т. е. широких народных масс.

* — loco citato — цитированное сочинение. *Ред.*

Впрочем, как раз этого и желают русские либералы*; но является ли их *желание* более основательным, чем желание Екатерины II насадить на русской почве западный цеховой строй средних веков[276]?

Итак, экспроприация земледельцев на Западе привела к «превращению частной и раздробленной собственности работников» в частную и концентрированную собственность капиталистов. Но это все же — замена одной формы частной собственности другой формой частной собственности. В России же речь шла бы, наоборот, о замене капиталистической собственностью собственности коммунистической.

Конечно, если капиталистическое производство должно восторжествовать в России, то огромное большинство крестьян, т. е. русского народа, должно быть превращено в наемных рабочих и, следовательно, экспроприировано путем предварительного уничтожения его коммунистической собственности. Но, во всяком случае, западный прецедент здесь ровно ничего не доказывает.

2) Русские «марксисты», о которых Вы говорите, мне совершенно неизвестны. Русские, с которыми я поддерживаю личные отношения, придерживаются, насколько мне известно, совершенно противоположных взглядов.

3) С точки зрения исторической единственный серьезный аргумент в доказательство *неизбежного разложения* общинного землевладения в России состоит в следующем: общинная собственность существовала повсюду в Западной Европе, в ходе общественного прогресса она повсюду исчезла — каким же образом могла бы она избегнуть той же участи в России?

Прежде всего в Западной Европе, смерть общинного землевладения и рождение капиталистического производства отделены друг от друга громадным промежутком времени, охватывающим целый ряд последовательных экономических революций и эволюций, из которых капиталистическое производство является лишь наиболее близкой к нам. С одной стороны, оно чудесным образом развило общественные производительные силы, но, с другой стороны, оно оказалось несовместимым с теми самыми силами, которые оно порождает. Его история есть отныне лишь история антагонизмов, кризисов, конфликтов, бедствий. В конце концов оно показало всем, за исключением тех, кто слеп в силу своей заинтересованности, свой чисто преходящий характер. Народы, у которых оно наиболее раз-

* В рукописи далее зачеркнуто: «которые хотят завести у себя капиталистическое производство и, будучи последовательными, превратить огромную массу крестьян в простых наемных рабочих». *Ред.*

вилось, как в Европе так и в Америке, стремятся лишь к тому, чтобы разбить его оковы, заменив капиталистическое производство производством кооперативным и капиталистическую собственность — *высшей формой* архаического типа собственности, т. е. собственностью коммунистической.

Если бы Россия была изолирована от мира, если бы она должна была сама, своими силами, добиться тех экономических завоеваний, которых Западная Европа добилась, лишь пройдя через длинный ряд эволюций — от первобытных общин до нынешнего ее состояния, то не было бы, по крайней мере в моих глазах, никакого сомнения в том, что с развитием русского общества общины были бы неизбежно осуждены на гибель. Но положение русской общины совершенно отлично от положения первобытных общин Запада. Россия — единственная страна в Европе, в которой общинное землевладение сохранилось в широком национальном масштабе, но в то же самое время Россия существует в современной исторической среде, она является современницей более высокой культуры, она связана с мировым рынком, на котором господствует капиталистическое производство.

Усваивая положительные результаты этого способа производства, она получает возможность развить и преобразовать еще архаическую форму своей сельской общины, вместо того чтобы ее разрушить (отмечу мимоходом, что форма коммунистической собственности в России есть наиболее современная форма архаического типа, который, в свою очередь, прошел через целый ряд эволюций).

Если поклонники капиталистической системы в России станут отрицать возможность такой комбинации, пусть они докажут, что, для. того чтобы ввести у себя машины, она вынуждена была пройти через инкубационный период машинного производства. Пусть они объяснят мне, каким образом могли они ввести у себя, можно сказать, в несколько дней механизм обмена (банки, кредитные общества и т. п.), выработка которого потребовала на Западе целых веков?*

4) Архаическая или первичная формация земного шара состоит из целого ряда напластований различных периодов, из которых одни ложились на другие. Точно так же архаическая общественная формация открывает нам ряд различных этапов, отмечающих собой последовательно сменяющие друг друга эпохи. Русская сельская община принадлежит к самому новому

* В рукописи далее зачеркнуто: «Хотя капиталистический строй на Западе клонится к упадку и приближается время, когда он станет лишь «архаической» формацией, эти русские поклонники...» *Ред.*

типу в этой цепи. Земледелец уже владеет в ней на правах частной собственности домом, в котором он живет, и огородом, который является его придатком. Вот первый разлагающий элемент архаической формы, не известный более древним типам. С другой стороны, последние покоятся все на отношениях кровного родства между членами общины, между тем как тип, к которому принадлежит русская община, уже свободен от этой узкой связи. Это открывает более широкий простор для ее развития. Изолированность сельских общин, отсутствие связи между жизнью одной общины и жизнью других, этот локализованный микрокосм не повсюду встречается как имманентная характерная черта последнего из первобытных типов, но повсюду, где он встречается, он всегда воздвигает над общинами централизованный деспотизм. Мне представляется, что в России эта изолированность, первоначально обусловленная огромным протяжением территории, является фактом, который легко будет устранить, как только правительственные путы будут сброшены.

Подхожу теперь к существу вопроса. Незачем скрывать, что архаический тип, к которому принадлежит русская община, таит в себе внутренний дуализм, который, при наличии определенных исторических условий, может повлечь за собой ее гибель. Собственность на землю общая, но каждый крестьянин, подобно мелкому западному крестьянину, обрабатывает свое поле своими собственными силами. Общинная собственность, парцеллярная обработка земли — это сочетание, полезное в эпохи более отдаленные, становится опасным в наше время. С одной стороны, движимое имущество, элемент, играющий все более и более важную роль в самом земледелии, все сильнее дифференцирует имущественное положение членов общины и вызывает в ней, особенно под фискальным давлением государства, борьбу интересов; с другой стороны, утрачивается экономическое преимущество общинного землевладения как базы кооперативного и согласованного труда. Но не нужно забывать, что в использовании не подвергающихся разделу лугов русские крестьяне уже применяют коллективный образ действий, что их привычка к артельным отношениям значительно облегчила бы им переход от парцеллярной обработки к обработке коллективной, что физическая конфигурация русской почвы благоприятствует соединенной обработке с применением машин в широком масштабе и что, наконец, русское общество, так долго жившее на счет сельской общины, обязано авансировать ей первоначальные средства, необходимые для этого изменения. Разумеется, речь идет только о постепенном изменении,

которое нужно было бы начать с того, чтобы поставить общину в нормальное положение на ее *нынешней* основе.

5) Оставляя в стороне все более или менее теоретические вопросы, нет надобности говорить Вам, что в настоящее время самому существованию русской общины угрожает опасность со стороны действующих заодно против нее мощных интересов. Известный род капитализма, вскормленный за счет крестьян при посредстве государства, противостоит общине; он заинтересован в том, чтобы ее раздавить. В интересах помещиков также создать из более или менее состоятельных крестьян средний сельскохозяйственный класс и превратить бедных земледельцев, т. е. массу их, в простых наемных рабочих, т. е. — обеспечить себя дешевым трудом. Да и как может сопротивляться община, раздавленная вымогательствами государства, ограбленная торговцами, эксплуатируемая помещиками, подрываемая изнутри ростовщиками!

Жизни русской общины угрожает не историческая неизбежность, не теория, а угнетение государством и эксплуатация проникшими в нее капиталистами, взращенными за счет крестьян тем же государством.

ТРЕТИЙ НАБРОСОК

Дорогая гражданка,

чтобы основательно разобрать поставленные в Вашем письме от 16 февраля вопросы, мне пришлось бы углубиться в детали и прервать срочные работы. Но и краткого изложения, которое я имею честь Вам послать, будет, надеюсь, достаточно, чтобы рассеять все недоразумения по поводу моей мнимой теории.

I. Анализируя происхождение капиталистического производства, я говорю: «В основе капиталистической системы лежит, таким образом, полное отделение производителя от средств производства... основой всего этого процесса является *экспроприация земледельцев.* Радикально она осуществлена пока только в Англии... *Но все другие страны Западной Европы* идут по тому же пути» («Капитал», французское изд., стр. 315).

Таким образом, «историческая неизбежность» этого пути *точно* ограничена *странами Западной Европы.* Основания для такого ограничения указаны в следующем месте XXXII главы:

«Частная собственность, основанная на личном труде... вытесняется *капиталистической частной собственностью,* основанной на эксплуатации чужого труда, на труде наемном» (там же, стр. 341).

В этом западном пути развития речь идет, стало быть, о *превращении одной формы частной собственности в другую форму частной собственности.* У русских крестьян пришлось бы, наоборот, *превратить их общую собственность в частную собственность.* Признают или отвергают неизбежность этого превращения, доводы за или против этого не имеют никакого отношения к моему анализу происхождения капиталистического строя. Самое большее, из этого анализа можно было бы сделать лишь тот вывод, что при современном положении огромного большинства русских крестьян их превращение в мелких собственников было бы лишь прологом к их быстрой экспроприации.

II. Наиболее серьезный аргумент, выдвигаемый против русской общины, сводится к следующему:

Проследите процесс возникновения западных обществ — и вы повсюду встретите общинную собственность на землю; с прогрессом общества она повсюду уступила место частной собственности; следовательно, она не может избегнуть той же участи в одной лишь России.

Я уделяю этому доводу внимание лишь постольку, поскольку он основывается на европейском опыте. Что касается, например, Ост-Индии, то все, за исключением разве сэра Г. Мейна и других людей того же пошиба, знают, что там уничтожение общинной собственности на землю было лишь актом английского вандализма, толкавшим туземный народ не вперед, а назад.

Не все первобытные общины построены по одному и тому же образцу. Наоборот, они представляют собой ряд социальных образований, отличающихся друг от друга и по типу, и по давности своего существования и обозначающих фазы последовательной эволюции. Один из типов, который принято называть *земледельческой общиной,* и являет собой *русская община.* Ее эквивалент на Западе — *германская община,* возникновение которой относится к весьма недавнему времени. Она еще не существовала в эпоху Юлия Цезаря и уже не существовала, когда германские племена покоряли Италию, Галлию, Испанию и т. д. В эпоху Юлия Цезаря уже производился ежегодный передел пахотной земли между группами, между *родами* и *кровнородственными объединениями,* но еще не между индивидуальными семьями общины; вероятно и обработка велась группами, сообща. На самой германской почве эта община более древнего типа преобразовалась путем спонтанного развития в *земледельческую общину* в том виде, в каком она описана Тацитом. С того времени мы ее теряем из виду. Она погибла незаметно в обстановке непрестанных войн и переселений; возможно, она умерла насильственной смертью. Но ее природная жизнеспособность доказана двумя неоспоримыми фактами. Некоторые разрозненные экземпляры этого образца пережили все перипетии средних веков и сохранились до наших дней, например на моей родине, в Трирском округе. Но самое важное то, что печать этой «земледельческой общины» так ясно выражена в новой общине, из нее вышедшей, что Маурер, изучив последнюю, мог восстановить и первую. Новая община, в которой пахотная земля является *частной собственностью* земледельцев, в то время как леса, пастбища, пустоши и пр. остаются еще *общей собственностью,* была введена германцами во всех

покоренных странах. Благодаря характерным особенностям, позаимствованным у ее прототипа, она на протяжении всего средневековья была единственным очагом свободы и народной жизни.

«Сельская община» встречается также в Азии, у афганцев и др., но она повсюду представляет собой *самый новый тип* общины и, так сказать, последнее слово *архаической общественной формации.* Чтобы отметить этот факт, я и остановился на некоторых деталях, касающихся германской общины.

Теперь нам нужно рассмотреть наиболее характерные черты, отличающие «земледельческую общину» от общин более древних.

1) Все другие общины покоятся на отношениях кровного родства между их членами. В них допускаются лишь кровные или усыновленные родственники. Их структура есть структура генеалогического древа. «Земледельческая община» была первым социальным объединением людей свободных, не связанных кровными узами.

2) В земледельческой общине дом и его придаток — двор были частным владением земледельца. *Общий дом* и *коллективное жилище* были, наоборот, экономической основой более древних общин, задолго до становления пастушеской и земледельческой жизни. Конечно, встречаются земледельческие общины, в которых дома, хотя и перестали служить коллективным жилищем, периодически меняют владельцев. Индивидуальное пользование сочетается, таким образом, с общей собственностью. Но такие общины носят еще печать своего происхождения: они находятся в состоянии переходном от общины более архаической к земледельческой общине в собственном смысле.

3) Пахотная земля, неотчуждаемая и общая собственность, периодически переделяется между членами земледельческой общины, так что каждый собственными силами обрабатывает отведенные ему поля и урожай присваивает единолично. В общинах более древних работа производится сообща, и общий продукт, за исключением доли, откладываемой для воспроизводства, распределяется постепенно, соразмерно надобности потребления.

Понятно, что *дуализм,* свойственный строю земледельческой общины, может служить для нее источником большой жизненной силы. Освобожденная от крепких, но тесных уз кровного родства, она получает прочную основу в общей собственности на землю и в общественных отношениях, из нее вытекающих, и в то же время дом и двор, являющиеся исключительным

владением индивидуальной семьи, парцеллярное хозяйство и частное присвоение его плодов способствуют развитию личности, несовместимому с организмом более древних общин.

Но не менее очевидно, что со временем тот же дуализм может стать зародышем разложения. Помимо всякого рода разрушительных влияний, приходящих извне, община носит в своих собственных недрах элементы своей гибели. Частная земельная собственность уже проникла в нее в виде дома с его сельским двором, который может превратиться в крепость, откуда подготовляется наступление на общую землю. Это уже бывало. Но самое существенное, это — парцеллярный труд как источник частного присвоения. Он дает почву для накопления движимого имущества, например скота, денег, а иногда даже рабов или крепостных. Эта движимая собственность, не поддающаяся контролю общины, объект индивидуальных обменов, в которых хитрость и случай играют такую большую роль, будет все сильнее и сильнее давить на всю сельскую экономику. Вот элемент, разлагающий первобытное экономическое и социальное равенство. Он вносит чужеродные элементы, вызывая в недрах общины столкновение интересов и страстей, способное подорвать общую собственность сперва на пахотные земли, а затем и на леса, пастбища, пустоши и пр., которые, будучи однажды превращены в *общинные придатки* частной собственности, со временем достанутся последней.

Земледельческая община, будучи последней фазой первичной общественной формации, является в то же время переходной фазой ко вторичной формации, т. е. переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности. Вторичная формация охватывает, разумеется, ряд обществ, основывающихся на рабстве и крепостничестве.

Но значит ли это, что исторический путь земледельческой общины должен неизбежно привести к этому исходу? Вовсе нет. Ее врожденный дуализм допускает альтернативу: либо собственническое начало одержит в ней верх над началом коллективным, либо же последнее одержит верх над первым. Все зависит от исторической среды, в которой она находится.

Отвлечемся на момент от бедствий, которые давят русскую общину, и присмотримся только к ее возможной эволюции. Положение ее совершенно особое, не имеющее прецедентов в истории. Во всей Европе она одна только является органической, господствующей формой сельской жизни огромной империи. Общая собственность на землю предоставляет ей естественную базу коллективного присвоения, а ее историческая

среда — существование одновременно с ней капиталистического производства — обеспечивает ей в готовом виде материальные условия для кооперативного труда, организованного в широком масштабе. Она может, следовательно, воспользоваться всеми положительными приобретениями, сделанными капиталистической системой, не проходя сквозь ее кавдинские ущелья. С помощью машин, для которых так благоприятна физическая конфигурация русской почвы, она сможет постепенно заменить парцеллярную обработку комбинированной обработкой. Будучи предварительно приведена в нормальное состояние в ее теперешней форме, она может непосредственно стать *отправным пунктом* той экономической системы, к которой стремится современное общество, и зажить новой жизнью, не прибегая к самоубийству*.

Сами англичане сделали подобные же попытки в Ост-Индии: они достигли лишь того, что расстроили туземное земледелие, участили и усугубили бедствия голодных годов.

Ну, а проклятие, которое тяготеет над общиной — ее изолированность, отсутствие связи между жизнью одной общины и жизнью других общин, этот *локализованный микрокосм,* который лишал ее до настоящей поры всякой исторической инициативы? Он исчезнет среди всеобщего потрясения русского общества.

Привычка русского крестьянина к *артели* особенно облегчит ему переход от труда парцеллярного к труду кооперативному, который он, впрочем, уже применяет до некоторой степени при косьбе на общинных лугах и в таких коллективных предприятиях, как осушка болот и т. д. Мелкое землевладение совершенно архаического типа — предмет мучений современных агрономов — в свою очередь толкает к этому. Если в какой-нибудь местности вы увидите пахотную землю со следами борозд, придающих ей вид шахматной доски, состоящей из маленьких полей, можете не сомневаться — это владение исчезнувшей земледельческой общины! Ее члены, не пройдя курса наук по теории земельной ренты, поняли, что одинаковое количество земледельческого труда, затраченное на полях, различных по своему естественному плодородию и местоположению, дает и различный доход. С целью уравнять шансы своего труда

* В рукописи далее зачеркнуто: «Но ей противостоит земельная собственность, держащая в своих, когтях почти половину земель — притом лучшую. Именно поэтому сохранение сельской общины путем ее дальнейшей эволюции совпадает с общим движением русского общества, возрождение которого может быть куплено только этой ценой. Россия тщетно стала бы пытаться выбраться из своего тупика введением капиталистической аренды английского типа, столь противной всем общественным условиям страны». *Ред.*

они разделили землю на определенное количество участков, границы которых определялись природными и экономическими отличиями почвы, затем все эти более обширные участки снова раскроили на мелкие участки соответственно числу земледельцев. После этого каждый получил долю в каждом участке. Такой порядок, практикующийся и доныне в русской общине, безусловно противоречит агрономическим требованиям. Помимо прочих неудобств он вызывает бесполезную затрату сил и времени. Тем не менее он. благоприятствует переходу к коллективной обработке, которой, казалось бы, на первый взгляд, так противоречит. Парцеллы...*

Написано К. Марксом в конце февраля — начале марта 1881 г.

Впервые опубликовано в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», книга I, 1924 г.

Печатается, по рукописи

Перевод с французского

* На этом рукопись обрывается. *Ред.*

К. МАРКС

* ЗАМЕТКИ О РЕФОРМЕ 1861 г. И ПОРЕФОРМЕННОМ РАЗВИТИИ РОССИИ [277]

I*

ХОД [ПОДГОТОВКИ РЕФОРМЫ]**

Сколь приятным сделал *Александр II выкуп усадьбы****** в первых высочайших рескриптах 1857 г. *(Редакционная комиссия не могла ничего в этом изменить) — (Скалдин,* 117 снизу и 118[278]). При том же Александре надувательство крестьян относительно земель, купленных ими до и после 1848 г. (123[279]).

1) После обнародования *манифеста* об освобождении 19 февраля (3 марта) 1861 г. — общее волнение и бунты среди крестьян; они считали его сфабрикованным, поддельным документом; военные экзекуции; общая порка крепостных в течение первых трех месяцев после «Манифеста». Откуда же взялась столь странная *«увертюра»* к этому превознесенному до небес представлению?

Последующие пункты нужно обозначить позже, кроме латинских букв, также цифрами, чтобы была ясна их последовательность.

а) Относительно *Редакционной комиссии* и ее *«свободы»* (Тетрадь, стр. 102[280]). Заседания Редакционной комиссии были открыты 4 *марта 1859 г.,* 5 марта состоялось первое настоящее заседание. 15 *апреля 1859 г. (так называемое привлечение народа)* (стр. 106). На заседаниях *6, 9, 13, 20 мая 1859 г.* было принято решение о *временнообязанном* состоянии; *граф Петр Шувалов* и князь *Паскевич протестовали* [против этого решения]: они считали, что *личное освобождение крестьян* не должно ста-

* Римские цифры, которыми обозначены отдельные части рукописи, принадлежат редакции. *Ред.*

** Слова в квадратных скобках принадлежат редакции. *Ред.*

*** Это слово написано Марксом по-русски. *Ред.*

виться в зависимость от *предписываемого* им (принудительного) условия приобретения земельной собственности[281]. Немедленно вслед за этим высочайшее *повеление от 21 мая, запрещающее внесение их протеста в книгу протоколов (стр. 107, 108). Фраза Комиссии: «Как пагубно малейшее уклонение от высочайшей воли»* (стр. 108 сверху). *5 января 1859 г.* губернским дворянским комитетам было запрещено допускать публику [на заседания] и т. д.

21 января и 3 марта 1859 г. всем [комитетам] *запрещается печатать* [постановления] *и т. д.* (стр. 106).

Наконец: император публично обещал, что прежде чем проект станет законом, в Петербург будут вызваны депутаты от губернских комитетов для возражений и поправок... Они были вызваны в столицу, но им не разрешено было собраться для обсуждения вопроса. Все их усилия устроить общие совещания были тщетны: от них потребовали только письменных ответов на печатный список вопросов относительно некоторых деталей. Тех из них, которые осмеливались обсуждать детали, поодиночке, приглашали на заседания комиссии; там их третировали; несколько групп депутатов представили адрес царю с протестами против того, как с ними обращались; *получили форменный выговор* через полицию. Они решили тогда высказать протест на *очередных губернских дворянских собраниях.* Циркуляром им запретили затрагивать вопрос об освобождении крестьян. Некоторые собрания, несмотря на это, почтительно указали царю, что настало время и для других реформ. Вслед за этим несколько предводителей дворянства получили выговоры, другие были смещены. Из вожаков *двое были высланы*[*] в отдаленные губернии, другие отданы под надзор полиции.

В действительности же все шло per ordre de Mufti[**]. Александр II с самого начала решил дать помещикам возможно больше (а крестьянам возможно меньше), чтобы примирить их с *формальной отменой крепостного права;* он хотел сделать обязательным лишь выкуп усадьбы крестьянина — его двора, огородов и коноплянников и, кроме того, права пользования полевыми угодьями (где оно существовало); он хотел даже сохранить за помещиками своего рода сеньориальную юрисдикцию; он настаивал на том, чтобы крестьяне прошли через

[*] — тверские дворяне: Унковский, сосланный в Вятку, и Европеус, сосланный в Пермь. *Ред.*
[**] — по высочайшему приказу. *Ред.*

12-летний период временной крепостной зависимости и т. д. См. его рескрипт от 20 ноября 1857 г. генерал-адъютанту *Назимову,* генерал-губернатору *трех губерний: Виленской, Ковенской* и *Гродненской* в ответ на петицию *дворянских комитетов* этих губерний (стр. 103[282]).

Несмотря на то, что он еще в *марте. 1856 г.* — после призыва ополчения 29 января 1855 г. — говорил губернскому и уездным предводителям [дворянства] об *отмене крепостного права,* к чему он, однако, не собирался *приступить немедленно* (!), — он *продолжал колебаться* и тем самым позволил помещикам* чрезвычайно ухудшить фактическое положение крестьян. См. *циркуляр,* стр. 105; *Скалдин,* стр. *110,* 114.

3 января 1857 г. по *предложению Ланского* был образован *Секретный комитет* под председательством Александра, а в его отсутствие — князя Орлова. Решено было привлечь к сотрудничеству дворянские комитеты и т, д. (стр. 103). Уже на заседаниях *14, 17, 18 августа* Комитет постановил производить улучшение положения крестьян лишь *медленно* и *осторожно* (там же).

8 января 1858 г. «Секретный комитет» превращается в *«Главный комитет»,* при котором, кроме того, учреждается *«Особая комиссия»,* для предварительного *рассмотрения проектов губернских комитетов.* Кроме того, был образован *Земский* отдел Центрального статистического комитета* Министерства внутренних дел для обсуждения аграрных отношений в империи, а также для предварительного рассмотрения [проектов] губернских комитетов (стр. 103).

I (2)

21 апреля (1858 г.) вместе с *циркуляром Ланского* была разослана *высочайше* утвержденная *программа занятий губернских комитетов* и т. д. (стр. 105).

Дальнейшее в том же духе в постановлениях, принятых *Главным комитетом **18** октября 1858 года;* эти постановления служат *отправным пунктом для Редакционных комиссий* (стр. 105).

17 февраля 1859 г. [образованы] 2 Редакционные комиссии под председательством *Ростовцева* (стр. 105).

27 апреля 1859 г. (к ним была еще присоединена Финансовая комиссия) (состояла только из специалистов и чиновников Министерств финансов и внутренних дел) (стр. 105). *3 периода* [о занятиях] *Редакционных комиссий* (стр. 105). (6 февраля 1860 г. умер *Ростовцев.)*

* Это слово написано Марксом по-русски. *Ред.*

II
[ТРИ ПЕРИОДА В ЗАНЯТИЯХ РЕДАКЦИОННЫХ КОМИССИЙ]

1-й период — 4 марта — 5 сентября 1859 г. *2-й* » — 5 сентября 1859 г.—12 марта 1860 г. *2-й* » — 12 марта — 10 октября 1860 г.	*В итоге — 1 год* *7 месяцев.*

Мнимые принципы (уже прежде провозглашенные императором в его рескрипте и т. д. и Главным комитетом).

а) *Выкуп должен быть добровольным с обеих сторон (за исключением усадеб*[*]).

(29 апреля 1859 г. Ростовцев) (стр. 106). То же *(20 мая 1859 г.)* (там же).

Другие данные о выкупе (стр. 106).

Предложения Главного комитета от 4 *декабря 1858 г.* (выдвинуты Ростовцевым на заседании Комиссии. Заседание от 27 мая 1859 г.) *(стр. 107 снизу).*

Выкуп[*] при содействии правительства предположительно уже имелся в виду в журнале *Главного комитета от 4 декабря 1858 г.* (стр. 108).

Граф *Петр Шувалов и князь Паскевич* в своих протестах и т. д. весьма правильно заметили, что *предложение Ростовцева* «поставит окончательное освобождение крестьянского

Практика.

а) *обязательный выкуп только для крестьян; помещик может их принудить к выкупу.* (См. стр. *108 снизу и 109,* там же, стр. *109, Головачев*[283]*).*

Условия выкупа — там же. Помещичьи[*] *долги на 400 млн.* руб. серебром.

[*] Это слово написано Марксом по-русски. *Ред.*

сословия» в зависимость от выкупа* и что *«противоестественно заставлять свободного человека против его воли приобретать земельную собственность»* (стр. 108).

14 февраля 1859 г. — предложение Ростовцева. Тогда предполагалось, что срок выкупа — *только 37 лет (впоследствии* 49) и что [размер его будет] равен именно «обыкновенному оброку крестьянина».

Финансовая сторона выкупной операции (стр. *109, Головачев). Доходы биржевиков* (там же). *Падение* [ценности выкупных] *бумаг; помещики при добровольном выкупе требуют с крестьян дополнительного платежа* (стр. *110, 117, Скалдин) (стр. 123*[284]).

b) *Крепостной не должен платить за свою личную свободу.*

b) *Крепостной должен платить за свою личную свободу* (стр. 113, Скалдин), (там же, *стр. 115). Янсон, стр. 124. Янсон, стр. 125, снизу*[285].

c) *Существующий оброк не подлежит повышению.*

c) *Существующий оброк повышается* (уже вследствие уменьшения надела) (стр. 116).

d) *Крестьяне должны получать такие наделы,* которые *полностью обеспечили бы им существование* наряду с уплатой выкупных платежей и податей.

d) Фактически наделы таковы (включая и высшие), что они не обеспечивают существование крестьянина, и он *остается временно зависимым от помещика.*

1)

b) *Временнообязанные*

Заседания от 6, 9, 13 мая 1859 г. (стр. 107). Тогда для *временнообязанных* определен срок в *12 лет* (стр. 107).

До начала выкупа сохранять *крестьянский земельный надел в его существующем размере* «с необходимыми изъятиями и ограничениями» (стр. 107). Не так при *выкупе** (см. [предложение] *Ростовцева,* стр. *108* под [заголовком] «Выкуп»).

Платежи временнообязанных (стр. 111, *Скалдин;* в *нечерноземной полосе).*

Крестьяне в средней и южной полосе предпочитают барщину, прежде столь им ненавистную (стр. ***115,*** *Скалдин,* начало).

* Это слово написано Марксом по-русски. *Ред.*

Прикованные к клочку земли на 9 лет, [крестьяне] не могут оставить его [и по истечении этого срока] *(Скалдин* 117, 118).

Там, где крестьяне по местным причинам особенно хотят выкупить усадьбы*, помещик этому препятствует и пр. (стр. 118, пункт 2, *Скалдин). Фактически* [отдельный выкуп усадеб] *никогда не имеет места (там же).* Почему перед истечением 1-го 9-летнего периода помещики поспешат с выкупом* (см. *стр. 119, Скалдин).*

1878 г. — количество временнообязанных (Янсон, стр. 119). 2) *Крестьяне,* состоящие *на выкупе**. Они на 49 лет прикованы к клочку земли (стр. 118 и 119, *Скалдин). Невозможные условия выхода* [из общины] (там же).

с) *Растущее* [бремя падающих] *на крестьян подушных налогов* и пр. *при Александре II {стр. 109,* Головачев) *(стр. 111 и 112, Скалдин)* (стр. 113 снизу, стр. *114* начало).

Система награждения чиновников **за** *выколачивание недоимок* (там же) (стр. 109).

О подушных налогах вообще ***(112,*** *Скалдин).*

Купцы, как и дворяне, платят ничтожные налоги с земли, которую они с 1861 г. могут покупать *(112, Скалдин).*

Староверы — против подушных податей ***(112****, Скалдин).*

Наряду с этим паспортная система (там же и 113). *(С 1863 г. деньги за паспорта выплачиваются сельской общине,* там же.)

Опасность для государства, [вытекающая] *из этой системы* ***(112,*** снизу, *Скалдин).*

Безземельные также приписываются к общине (стр. 113, *Скалдин).*

d) Отрезка земли у крестьян. *Результаты отчуждения леса, луга, выгона и части крестьянских земель. Фактическая зависимость крестьян от помещичьего** произвола *(114, Скалдин). Отдача в аренду помещичьей и государственной* [земли] *(110,* Скалдин). Скупка этих *отрезков купцами,* арендаторами государственных земель и пр. (110, *Скалдин,* там же, *стр. 114).* Крестьянин вынужден брать землю в аренду у помещика (110, Скалдин).

Отрезка земли у крестьян по меньшей мере в доброй половине поместий. Уменьшение наделов и увеличение платежей *(114, Скалдин)* и *под пунктом 2) стр. 114* (присоединение отрезков к помещичьим имениям).

Недостаточность надела (отсюда необходимость снимать землю в аренду и уходить на заработки).

---

* Это слово написано Марксом по-русски. *Ред.*

Надела едва хватает на пропитание (даже в черноземных районах) (111, *Скалдин). Бесплодие и неудобное расположение земель, отведенных крестьянам (114, Скалдин)*.

По Положению[*]*: чем плодороднее почва, тем меньше надел* (там же, *Скалдин).*

Установление высшего надела Комиссией (116, Скалдин). Еще уменьшен *Государственным советом (там же, Скалдин).*

Янсон, стр. 124. К тому же затруднено переселение (там же).

Первоначально предполагалось, что недостаточность надела будет компенсирована правительством посредством облегчения *переселений;* впоследствии это совершенно отпало (125).

a) *Вследствие условий, в которые поставило крестьян правительство,* — ограбление их кулаками[*] и купцами (стр. 110, Скалдин).

Голод (сноска снизу на стр. 113, 114). (Сравнение со временем крепостного права) (стр. 114, цитируется Скалдин, стр. *205).*

b) *Непомерное обременение надела.*

Смотри примеры, [относящиеся] *к северной полосе* (стр. 113); *бремя это чрезвычайно велико также и в средней и Южной России* (там же).

Чудовищная несообразность:

1) при *установлении оброка (Скалдин,* стр. 115 и 116) для *барщинных крестьян* (стр. 116).

Система градации [при установлении оброка] *по количеству десятин на душу* (стр. *116, Скалдин)* (особенно в черноземной полосе). (Чем меньше надел, тем больше оброк.)

Самая низшая [норма] — *одна треть надела* (см. *последние строки стр. 116, Скалдин).* Там, где надел меньше, [первоначально] предполагалась *прирезка* земли, но Государственный совет этого не допустил (стр. *116, Скалдин,* начало).

Установление оброка при выкупе в зависимости от *местности*[*] (Скалдин, стр. 117).

Общее *повышение оброка (стр.* ***125,*** *Янсон)*

2) при *установлении высших и низших наделов.*

Меньшие наделы у временнообязанных ($^1/_2$, $^1/_4$ высшего надела) (стр. 117, 118, *Скалдин).*

Низший надел при выкупе[*] — одна треть [высшего] *(Скалдин, стр. 118)* (см. *стр. 118 к пункту* 2; выкуп одной только усадьбы[*] *фактически никогда не происходит,* 118).

Установление надела, главные принципы *(стр. 124, Янсон).*

---

[*] Это слово написано Марксом по-русски. *Ред.*

Одна треть [земли] *как минимум* [остается] *у помещика* (об этом у Янсона на стр. 125). Это еще значительно ухудшено *и в конце концов* [принято] *Положением*[*] (там же).

Система градации (стр. 125, Янсон).

3) *«Сиротский надел»* в чисто земледельческих губерниях (стр. 115, *Скалдин).*

a) *Капитализация завышенного оброка при выкупе*[*]; отсюда преувеличенная оценка земли *(Скалдин,* стр. 117, пример Смоленской губернии). В *нечерноземной полосе* (117). *В черноземной — там же.*

b) *Банк и выкуп* (стр. 126—130) *(стр. 132, конец).*

c) *Нынешнее положение крестьян: (Янсон) условия переселения* [приемлемы] лишь для наиболее зажиточных *(Янсон,* стр. *143) —* они равносильны запрещению переселений (см. стр. 144).

α) *Черноземная трехпольная полоса* (стр. 120, Янсон).

β) *Степная полоса* (западная часть) — *Херсонская, Таврическая, Екатеринославская* губернии (Янсон, *конец 120 и начало 121).*

γ) *Западные губернии* (119, Скалдин; стр. *121, Янсон,* там же *126).*

III
ЗЕМСТВО

Обязательные расходы (на местное гражданское и военное управление) поглощают большую часть [земских средств]; пока эти [земские] учреждения — только орудие правительственной администрации. Государственные расходы растут с каждым годом. Беспрерывные займы — только для выплаты процентов по прежним займам.

За короткий *промежуток времени* с 1862 по 1868 гг. обыкновенные государственные расходы возросли на 42%, или в среднем на 20,5 млн. руб. *(В 1862 г.* обыкновенные ежегодные расходы — 295532000 руб., *в 1868 г. —* 418930000 руб.) Как пример *возрастания обязательных губернских и уездных расходов* возьмем одну из беднейших русских губерний — *Новгородскую;* ее *обязательные* расходы в *1861 г.* составляли 80000, в *1868 г.* — 412000 рублей.

Подлинная сущность освобождения [крестьян]

Между крестьянами и помещиками шла партизанская война.

Освобождение сводится попросту к тому, что благородный

[*] Это слово написано Марксом по-русски. *Ред.*

помещик не может более располагать *личностью крестьянина*, продавать его и пр. Это *личное рабство уничтожено*. Помещики потеряли *власть над личностью крестьянина*.

Едва распространились слухи о предполагающемся освобождении крестьян, как правительство было вынуждено принять меры против попыток помещиков насильственно экспроприировать крестьян или переселить их на самые бесплодные земли.

Прежде, во времена крепостного права, помещики были заинтересованы в том, чтобы поддержать крестьянина, как необходимую *рабочую силу;* это отпало. *Крестьянин* попал в *экономическую зависимость от своего прежнего помещика.*

Выкуп

Вследствие падения на 20% ценности выкупных (обменных) обязательств, выпущенных правительством, многие помещики не приступили к «обязательному» выкупу, требуя от крестьян *дополнительного платежа,* чтобы возместить эту потерю. В некоторых местах крестьяне по добровольному соглашению с помещиками уплачивали эту дополнительную сумму, но спустя $1^{1}/_{2}$ года перестали платить правительству выкупные платежи. Эта дополнительная плата — 27 руб. на ревизскую душу.

Выкупной период — 49 лет (а *не 41* год); крестьяне уже тогда скептически [относились] к тому, что обещание будет выполнено и что после этого срока им не придется платить оброк* с земли, которую они купили у правительства.

Вычет долгов при выплате [выкупных ссуд] *помещикам.*

Правительство сразу вычло долги помещиков Опекунскому совету, который играл для них роль банка, без какой-либо компенсации за время, оставшееся до истечения срока займа.

Например, 1 апреля 1870 г. из 505652107 руб., выплаченных за счет крестьян, было удержано *235032183 руб. — задолженность* помещиков государственным кредитным учреждениям.

Повышение подушной подати

С *1864* г. подушная* подать* возрастает приблизительно на 80%; одновременно [возрастает] *государственный* земский* сбор**. Наибольшее повышение подушной подати — в 1867 году.

Из «Трудов комиссии»[286] видно:

1862: из общей суммы налогового обложения в России (прямые и косвенные налоги), а именно из 292000000 руб. — 76%,

* Это слово написано Марксом по-русски. *Ред.*

т. е. 223 млн. руб. ложатся на бедные классы (крестьян и ремесленников). С течением времени это бремя еще значительно увеличивается: повысилась *подушная подать* с крестьян всех категорий, оброчная[*] подать[*] с *государственных крестьян* и *государственный*[*] *земский*[*] *сбор*[*]*,* который взимается почти исключительно с податных[*] душ[*].

1863: подушная подать [увеличена на] 25 коп. на душу. *В 1867 г.* [увеличена] уже на *50 коп.* Душевой[*] *сбор*[*] на государственные[*] земские[*] повинности[*] *с 1865 г.* увеличен на 20 коп. на душу и теперь в среднем составляет 98 коп. на душу.

Оброчная[*] *подать*[*] с государственных крестьян увеличена с *1862 по 1867 г.* с *25256000 до 35648000 руб.* (более, чем на 1 рубль с души). *1 июля 1863* г. подушная[*] подать[*], [лежавшая] на мещанах[*], отменена, но она возмещается с избытком [налогом] на недвижимую собственность в городах, посадах и местечках, в платеже которого мещане[*] и крестьяне имеют свою долю [участия], и сбором[*] со свидетельств на мелочную торговлю и *с промысловых билетов,* который почти целиком падает на одни податные[*] классы.

С *1862 по 1867* г. обыкновенные государственные расходы (не считая экстраординарных) возросли с 295532000 руб. до 398298000, т. е. почти на 35%, а государственный долг увеличился на 461160000 руб., т. е. на 60%; следовательно, ежегодных [процентов и погашений на эту прибавку] приходится платить более 25315000 руб. *(весь государственный долг в 1867 г. — 1219443000 руб.,* платеж по этой сумме — 73843000 руб. в год).

В 1874 г. государственный долг (консолидированный и не внесенный в гроссбух) [составляет] уже свыше *1471½* млн. рублей.

Кроме того, свыше *1208 млн. неконсолидированного долга (= 4833 млн. франкам).*

В 1867 г. непосредственно на *податные сословия* приходилось 111 млн. прямых налогов, в том числе *одних подушных* налогов *(подушная*[*] *подать*[*]*, государственный*[*] *земский*[*] *сбор*[*] *и общественный*[*] *сбор*[*] с государственных крестьян) более 62 млн. рублей. Сюда не входят ни выкупные платежи, ни губернский[*] и уездный[*] земский[*] сбор[*], ни *особый*[*] *сбор*[*] на[*] содержание[*] мировых[*] по[*] крестьянским[*] *делам*[*] *учреждений*[*] в тех губерниях, где не введены земские[*] учреждения.

[*] Это слово написано Марксом по-русски. *Ред.*

(Скалдин.)*

По Янсону (профессор Императорского С.-Петербургского университета) («Опыт»*[287] и т. д. *1877 г.)* крестьяне платят прямых налогов *176 млн. руб.,* а именно:

	63,6	*млн.*	*подушной подати, общественного* и государственного* земского* сборов*,*
	37,5	»	оброчной* подати*,
свыше	*7*	»	губернских* и уездных* сборов*,
»	*3*	»	местных сборов* в тех губерниях, где не введено Положение*,
»	*39*	»	выкупных платежей; *сюда не входят натуральные повинности.*

К этому следует присоединить почти целиком акцизы, *питейный и соляной* (180 млн.) и оброки* бывших* помещичьих* крестьян* — свыше 25 миллионов. — Итого более *372* млн., свыше *56%* государственного бюджета.

В руках казны находятся: ....151 684 185 дес.
(= 165 335 762 гектарам)

у крестьян: ....120 628 246 дес.
(= 131 484 744 гектарам)

» *помещиков:* ....100 000 000 дес.
(= 109 000 000 гектаров)

в удельном ведомстве: ....*7 528 212 дес., или 8 205 859 гектаров.*

1) *Государственные крестьяне* (без Архангельской и Прибалтийских губерний): ..... ***9 194 891** душа —* ***77 297 029** дес.*
2) *удельные крестьяне:* .... ***862 740** душ —* ***4 336 454** дес.*
3) *бывшие помещичьи крепостные всех наименований* .... ***35 149 048** дес.*

На *первое января 1878 г.* выкуплено с *помощью правительства* в 37 губерниях (кроме Западных, Бессарабии и трех Прибалтийских губерний) *4898072* души (74,6% всех помещичьих* крестьян*) и *17109229* десятин.

* Это слово написано Марксом по-русски. *Ред.*

[Выкуп совершается] по *требованию помещиков* — во всех нечерноземных губерниях, где выкупная стоимость *намного выше реальной стоимости* земли. В *чисто черноземных губерниях* — по *соглашению крестьян с помещиками*.

К группе 3) — отчасти оброк, отчасти барщина. 4) *Временнообязанные. Январь 1878 г. = 1882696* душ с *6657919 дес.* душевых наделов.

Министерство двора (1 апреля 1870 г.) насчитывает: 5830005 выкупившихся бывших помещичьих* крестьян с 20123940 *десятинами земли.*

Государственный долг

Государственный долг 1867 г. = 1 219 443 000 руб.
Увеличился с *1862 г. на 461 160 000.*
Следовательно, в 1862 г. последний был — 758 283 000 руб.
В 1869 г. государственный долг: *1 907,5 млн. руб.*
» *1878 г. государственный* долг: *3 474 млн. руб.*

Выгоды правительства от освобождения крестьян:

1) *Перевод долга банкам, находящимся под гарантией правительства* (позднее все они слились с Государственным банком), на *правительство,* которому крестьяне должны за это платить проценты.

2) В работах *Редакционной комиссии (Скребицкий.* Письмо Ростовцева императору: «Правительство* получит много кандидатов на высшие места как губернского, так и государственного управлений»).

3) Взыскание налогов непосредственно с крестьян (прежде *за налоги отвечал помещик**) и тем самым более широкая возможность *повышения налогов.*

4) Прекращение вотчинной власти поместного дворянства.

5) Благодаря этому более широкие возможности *набора рекрутов* (и общей реформы армии).

6) Связанные с освобождением крестьян так называемые *земские** *учреждения:* бремя, которое несло государство, теперь взваливается большей частью на губернии и уезды (без *понижения* прямых государственных налогов, напротив — с повышением их).

---

* Это слово написано Марксом по-русски. *Ред.*

По данным XXII тома официальных публикаций «Комиссии для пересмотра системы податей» (1873 г.), а также из *«Синих книг»,* публикуемых «Сельскохозяйственной комиссией», мы видим:

1) *Государственные и удельные крестьяне* в 37 губерниях (здесь исключены Западные губернии) выплачивали из так называемого *чистого дохода* 92,75%, так что на все их другие нужды им оставалось из дохода с сельского хозяйства только *7,25%.*

2) *Бывшие помещичьи крепостные* платили из своего дохода с сельского хозяйства *198,25%,* так что им приходилось отдавать правительству не только весь свой доход с земли, но почти столько же отдавать из заработков, которые они получали за разные работы, сельскохозяйственные *и другие.*

1862 г. бюджет: *292 000 000 руб.*
1878 г. » *626,9 млн. руб.*

Подушная подать — в 1852 г. около $18^1/_2$ млн. руб. *В 1865 г. налоговые поступления сократились вследствие Крымской войны и составили менее 15 млн. рублей. В 1862* г. сумма поступлений возросла до $28^1/_2$ млн. рублей. *В 1867* г. благодаря взвинчиванию податей — до $40^1/_2$ млн., теперь — свыше $94^1/_2$ млн. руб.

Из публикаций Министерства государственных имуществ мы видим, что с *1871 по 1878* г., несмотря на большие изменения в количестве зерна по годам, продукция *оставалась* в среднем *абсолютно одинаковой.* (Между тем, экспорт зерна увеличивался в широчайшем масштабе и несколько падал лишь в голодные годы — приблизительно один раз в 5 лет — и совсем прекратился в 1880 голодном году.)

В то же самое время *экспорт зерна* увеличился в 1877— 1878 гг. приблизительно на 86% по сравнению с экспортом зерна в 1871—1872 годы. На Западе видели, что с развитием железнодорожной сети экспорт зерна в колоссальной степени возрастает, но не замечали, что этот экспорт *компенсируется* сокращением времени между повторяющимися *голодными годами,* которые теперь наступают каждые 5 лет и достигли своей наивысшей точки в 1880 году.

Положение крестьян после отмены крепостного права

Отметив, что экономическое положение крестьян в *черноземной полосе* (той ее части, где существует трехпольная система, а не в *степной части)* вообще хуже, чем это было при крепостном праве, *Янсон* берет следующие данные из *официальных отчетов о* разведении скота (также в черноземной полосе):

В *Казанской* губернии количество скота значительно уменьшилось (у бывших крепостных, которые прежде могли посылать свой скот на пастбища помещиков); причины этого сокращения: нужда в пастбищах, продажа скота для уплаты налогов, низкие урожаи. В *Симбирской* губернии [количество скота] уменьшилось; более зажиточные крестьяне сбывают скот, в котором они не ощущают крайней нужды; они продают его заблаговременно, чтобы их не заставили продать его для [уплаты] недоимок, за которые они отвечают в силу круговой поруки общины (ответственность бывает личная или совместная). Другая причина — отрезка земель при наделах*, главным образом отрезка лесных пастбищ. То же самое в *Самарской, Саратовской, Пензенской* губерниях (где уменьшается также количество лошадей); в *Рязанской* губернии количество скота уменьшилось на 50% из-за нужды в пастбищах. *В Тульской губернии* — по той же причине и вследствие принудительной продажи скота сборщиками налогов, а также вследствие падежей разведение лошадей и скота уменьшилось. В *Курской* губернии также [скотоводство сокращается] из-за беспощадной продажи скота для [уплаты] недоимок, недостатка пастбищ, семейных разделов и пр. (см. стр. 75).

Нечерноземная полоса (северные губернии)

Одного примера будет достаточно.

В *Новгородской губернии* согласно оценке [доходности земель], произведенной земствами, платежи по отношению к доходу с десятины *для бывших государственных крестьян* [составляют] 100% (т. е. весь доход);

для бывших удельных крестьян 161%
» *бывших помещичьих крепостных* 180%
» *временнообязанных* 210%,

а при малых *наделах* и *высоких налогах* для бывших крепостных, выкупивших свои наделы, — 275%;

* Это слово написано Марксом по-русски. *Ред.*

для *временнообязанных* — 565% («Труды податной комиссии», т. XXII).

Земельные наделы крестьян в нечерноземной полосе большей частью недостаточны хотя бы только для пропитания крестьян. Эти северные губернии являются также и промышленными губерниями, но заработков в местных промыслах, {точно так же, как и платы за работу у помещиков}[*] не хватает [крестьянам] для покрытия дефицита; приходится искать заработков вдалеке от своего места жительства — на Юге, в Новороссии, за Уралом, в Сибири и в Средней Азии.

(1 десятина = 1,092 гектара.

1 пуд = 40 русским фунтам = *16,38* килограмма. *1 четверть = 209,901* литра, или *0,72* английской четверти.)

IV

РОССИЯ

I) *Государственные доходы и расходы в 1877 г. Доходы = 548 млн. руб.*

В том числе: *117 млн. прямых налогов,* взимаемых с крестьян .

Главные косвенные налоги,
- *189676000 руб. косвенных налогов*[**] опять-таки ложатся главным образом на крестьян. *10 млн. косвенных налогов*[***] *тоже* [ложатся на крестьян].
- *52 млн. таможенных сборов.*

Расходы = 585 млн. (Дефицит = 37 млн.).

В том числе: 115 млн. — на проценты и на погашение государственного долга. 220 млн. на армию и флот. 86 млн. на Министерство финансов.

———————————————

421 млн. — основные расходы государства.

Затем *экстраординарные расходы, вызванные войной.*

Бюджет *1864* г. составлял *354600000 руб.;* таким образом, *налоги возросли с 1864 г. на 55%.*

II) *Железнодорожный фонд,* входящий в состав государственного бюджета; в настоящее время железные дороги — част-

[*] В настоящем издании квадратные скобки Маркса заменены на фигурные. *Ред.*
[**] — доход от питейного налога. *Ред.*
[***] — доход от соляного налога. *Ред.*

ное достояние; государственные железные дороги превратились в собственность частных обществ, но не эти общества давали средства на их постройку.

Правительство удерживает за собой часть капиталов в *акциях* и *облигациях* и для реализации их выпускает *«консолидированные облигации русских железных дорог».* Суммы, получаемые таким образом, образуют *«фонд железных дорог»; отсюда правительство платит за удержанные им акции и облигации* и, кроме того, выдает *авансы под железнодорожные ценные бумаги.*

На 1 января 1878 г. железнодорожных *акций и облигаций* было выпущено на сумму *1388 млн.,* из которой правительство удержало за собой *720 млн.* и *577 млн. франков,* или *144433000 металлических рублей* по облигациям *Николаевской (Петербургско-Московской)* железной дороги, т. е. около 52% всего капитала, помимо бумаг, под которые правительство выдало авансы.

Из *железнодорожного фонда* правительство выплатило:

в *1877 г.* ... 80 млн. руб., но *общая сумма,* выплаченная правительством до 1 января 1878 г. *= 554475000 руб.* и по *облигациям Николаевской железной дороги* 577 млн. франков.

Для покрытия этих платежей *правительство* выпустило *5 долгосрочных займов русских железных дорог* на сумму в *69 млн.* ф. ст., реализация которых дала *385 млн. металл, руб.; два займа Николаевской железной дороги* на сумму *577 млн. франков,* наконец, *внутренний с выигрышами заем 1866 г.* — реализация которых дала *107650000.*

Помимо этих субсидий еще — *гарантия.* В *1877 г. сумма гарантий,* выплаченная правительством = *16617000 руб.* Казначейство выплатило эту сумму так же, как и *проценты и погашение по железнодорожным облигациям.* Последняя сумма в 1877 г. = 327800000 руб.

Всего дано было государством железным дорогам: 139034000 руб.

Железнодорожный фонд авансировал на *60 млн.* больше, чем получил сам.

Казначейство — на *37800000* больше, чем было им получено.

Долги железных дорог казначейству увеличились на 39500000 и т. д.

К январю 1878 г. все *долги казначейству* достигли суммы в *469900000* руб. *Долги крестьян = 32,5 млн.* = 6,9%.

Долги железных дорог = 315500000 = 67%, или *57% всех государственных доходов.*

III) *Банки. Железные дороги,* кроме *правительства,* поддерживаются *банками.*

До 1864 г. существовали лишь *правительственные кредитные учреждения.*

В 1864 г. [основано] первое *частное кредитное* учреждение; с тех пор [кредитные учреждения] быстро растут, *привлекая значительные суммы на процентные текущие счета, срочные и бессрочные.* Надо было авансировать эти суммы: тут *появились акционерные компании; во главе всех этих компаний — железнодорожные.*

Капитал, представляемый всеми акциями (компаний) и облигациями к 1877 г. = 2043 млн. руб.

Железные дороги: из этой [последней] *суммы — 67,91% = = 1388 млн. руб.*

К 1864 г. Государственный банк и его отделения выдали под государственные процентные бумаги, акции и облигации 18,6 млн.

Я *1877 б.* все банки выдали *360 млн.* под *государственные процентные бумаги, акции и облигации,* т. е. на 2007% больше.

Из отчетов банков не видно, сколько из этих ссуд приходится на железные дороги. Однако Даниельсону известны случаи, когда *часть бумаг* одного *железнодорожного общества принадлежала правительству, а под остальные акции выданы ссуды одним частным кредитным обществом.*

Случается, однако, что *железнодорожные предприятия, доход* которых *не гарантирован правительством,* не дают *никакой прибыли.* В этом случае *на помощь частным банкам,* где вложены эти акции, приходит *Государственный банк, выдавая авансы или покупая акции.*

В Государственном банке никогда нет *недостатка в средствах: казначейство,* например, выкачивает [деньги] из банка, не заботясь о состоянии его кассовой наличности; банк, со своей стороны, *расширяет самое доходное производство в мире. Кредитные билеты,* выпущенные таким образом, фигурируют в балансе банка под *№ 18 (баланс* на 1 января *1879* г. = 467850000 плюс кредитные билеты, фигурирующие в балансе под № 1 = *720265000; таким образом,* общая сумма *этих находящихся в обращении кредитных билетов = 1188000000 руб.).*

IV) *Доходы железных дорог.*

За *1877 год* еще не опубликованы полностью статистические данные о железных дорогах. За предшествующие годы — *валовой доход* непрерывно растет,

он составлял: *в 1865 г. ....24 млн.*
» 1877 » ....190 »
» 1878 » ....220 » (по приблизительным подсчетам), так что

валовой доход на каждую версту увеличился на 17%;

между тем как *чистый доход* на *версту уменьшился.* Тем не менее: *чистый доход за последние годы* составлял ежегодно *48—52 млн.;* это значит, что, если бы весь доход железных дорог шел в казначейство, *дефицит железных дорог значительно сократился бы. Но вся прибыль идет в карманы частных лиц, а вся тяжесть дефицита падает на казну.*

Итак, какую же выгоду имеет правительство в результате этих огромных затрат?

Следствием их является значительное развитие торговли, чему одновременно способствовали *кредитные и земельные банки,* учреждавшиеся в тот же самый период.

V) *Банки; торговые классы (вывоз хлеба и прочего).*

Все *вклады (процентные)* и *текущие счета Государственного банка и его отделений в 1864 г.* [составляли] — *262* млн. руб.,

из них *42 млн.* израсходованы с *пользой для торговли,* а именно:

(*23 млн.* [выданы] *под векселя,*
18 млн. — ссуды под государственные процентные бумаги, акции, облигации и прочее.)

В 1877 г. — 723,8 млн. во всех кредитных учреждениях;
увеличение на 175%.

Из указанной суммы: *360 млн. — выдачи* под *акции, облигации, государственные процентные бумаги;*
на *489,3 млн. — учтено векселей.* Рост на *1900%.*

Важнейшая отрасль торговли — торговля хлебом; чрезвычайно быстрое развитие последней.

В 1864 г. было вывезено в Европу *9,25 млн. четвертей — на 54,7 млн. руб.*

Стоимость всех вывезенных товаров = 164,9 млн. руб.

Стоимость вывезенного хлеба = около *33% всего экспорта.*

В 1877 г. вывезено *30,5 млн. четвертей = 264 млн. руб.*

Стоимость всех вывезенных товаров = 508 млн. руб.

Стоимость хлеба = *51,8% всего экспорта.*

Стоимость [вывезенного] *хлеба* увеличилась на *382%.*

Количество четвертей — на *241%.*

В то же время *стоимость* [вывезенного] *хлеба* превзошла *стоимость всего экспорта за 64-й год* на *100 млн. руб.*

В 1869 г. железные дороги перевезли *149 млн. пудов хлеба = 33,4% всех фрахтов.*

1877 г... *547,8 млн. пудов хлеба = 41,28% всех фрахтов.*

После хлеба *главные статьи экспорта:*

1864 г.	*скота*	[вывезено]	на	*1821000*	*руб.*	
	льна	»	»	*15985000*	»	
	пеньки	»	»	*8993000*	»	
						Рост в %
1877 г.	*скота*	[вывезено]	*на*	*15724000*	*руб.*	*на* 763
	льна	»	»	*67690000*	»	» 323
	пеньки	»	»	*16820000*	»	» 87

Ввезено хлопка [в 1864 г.] на 21824000 руб.; [в 1877 г.] *ввезено хлопка* на *35500000 руб.* == *62%*.

VI) *Учреждения земельного кредита*

В 1864 г. долги старым учреждениям земельного кредита составляли *395,5 млн.* руб., *из которых значительная часть падает на крестьян — за выкуп* земельных участков.

Долги русских помещиков по ипотекам
(кроме Польши и Прибалтийских губерний)

a) *Долги по ипотекам* старым *кредитным* учреждениям к *1874 г.*	99 614 000
b) *Обществом поземельного кредита выдано к 1874 г.*	102 692 000
c) *Банками поземельного кредита*	63 668 000
d) *Банками взаимного кредита (?)**	7 182 000
	273 156 000 руб.

В сравнении с этим в 1877 г. [долги] тем же учреждениям.

Под [буквами]	a) ... 73 393 000	Следовательно, за 3 года *долги* (за исключением крестьянских) возросли на 34%.
	b) ... 163 505 000	
	c) ... 118 322 000	
	d) ... 11 250 000	
	366 470 000 руб.	

* — городскими общественными банками. *Ред.*

VII) Теперь возьмем все *кредитные учреждения* (и железные дороги) и посмотрим, какие они получили суммы и как они группируются к *1877 г.*

	1) Основной капитал	%	*2) Процентные вклады и пр.*	*3) Закладные обществ* поземель п. *кредита*	*4) Облигации*
Кредитные учреждения	= 167 778 800	18,8%	723 790 000		
Учреждения поземельного кредита к 78 г	= 27 753 000	5,6%	6 848 000	460 000 000	
Железные дороги к 78 г	= 474185000	34,3%			
	669 726 000 руб.	25%			915 706 000

Даниельсон складывает *долги различных обществ* под рубриками 2, 3 и 4 = *2006440000 руб., на самом деле получается 2106344000.*

В кредитных учреждениях долги [составляли] *по отношению к капиталу* ....= 81,2%
учреждений поземельного кредита .... = 94,4%
железных дорог ....= 65,97%

Написано К. Марксом в конце 1881— 1882 гг.

Впервые опубликовано в «Архиве Маркса и Энгельса», т. XII, 1952 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого и английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

К ИСТОРИИ ДРЕВНИХ ГЕРМАНЦЕВ [288]

ЦЕЗАРЬ И ТАЦИТ

Немцы отнюдь не первые обитатели той территории, которую они занимают в настоящее время*. По меньшей мере три расы предшествовали им. Древнейшие следы человека в Европе находят в Южной Англии, в некоторых пластах, возраст которых до сих пор нельзя точно установить, но которые, вероятно, приходятся на промежуток между обоими периодами оледенения так называемой ледниковой эпохи.

С постепенным потеплением климата после второго периода оледенения человек появляется во всей Европе, Северной Африке и Передней Азии вплоть до Индии вместе с вымершими крупными толстокожими (мамонт, слон с прямыми бивнями, волосатый носорог) и хищными животными (пещерный лев, пещерный медведь), а также с животными, существующими и в настоящее время (северный олень, лошадь, гиена, лев, зубр, тур). Орудия этой эпохи указывают на весьма низкую ступень культуры: совсем неотделанные каменные ножи, грушевидные каменные рубила или топоры, употреблявшиеся без рукоятки, скребла для очистки звериных шкур, сверла, все из кремня, несколько напоминающие стадию развития современных коренных жителей Австралии. Найденные до сих пор остатки костей не позволяют сделать заключение о строении тела этих людей; их широкое распространение и повсеместно единообразная культура дают основание считать этот период очень продолжительным.

Что сталось с этими людьми раннего палеолита, мы не знаем. Ни в одной из тех стран, где они появлялись, в том числе

* Я придерживаюсь здесь преимущественно Boyd Dawkins. «Early Man In Britain». London, 1880[289]».

и в Индии, не сохранилось человеческих рас, которые могли бы служить их представителями среди современного человечества.

В пещерах Англии, Франции, Швейцарии, Бельгии и Южной Германии орудия этих вымерших людей встречаются большей частью только в низших слоях отложений почвы. Над этим низшим культурным слоем находится второе наслоение, содержащее орудия и часто отделенное от первого более или менее толстым пластом сталактитов. Эти орудия, принадлежащие более поздней эпохе, сделаны уже с гораздо большим умением и притом из более разнообразного материала. Каменные орудия, правда, еще не отшлифованы, но уже более целесообразны по замыслу и по выполнению; тут же находятся наконечники стрел и копий из камня, рога северного оленя, кости, кинжалы и иглы для шитья из кости и оленьего рога, ожерелья из просверленных зубов животных и т. д. На отдельных более крупных орудиях мы находим иногда весьма живо изображенных животных — северного оленя, мамонта, тура, тюленя, кита, — охотничьих сцен с фигурами голых людей и даже начатки скульптуры из рога.

Людям раннего палеолита сопутствуют животные преимущественно южного происхождения, тогда как в эпоху позднего палеолита наряду с человеком появляются животные северного происхождения: два существующих и в настоящее время вида северного медведя, песец, росомаха, белая сова. Вместе с этими животными переселились, вероятно, с северо-востока и эти люди; их последними остатками в современном мире являются, по-видимому, эскимосы. В орудиях тех и других полное сходство не только по отдельным видам, но и по всей группе; то же и в рисунках; пищу они получали от животных почти точно тех же самых видов; их образ жизни, насколько мы его можем установить для исчезнувшей расы, вполне сходен.

И эти эскимосы, существование которых до сих пор установлено лишь к северу от Пиренеев и Альп, также исчезли с территории Европы. Как американские краснокожие еще в прошлом столетии в результате беспощадной истребительной войны оттеснили эскимосов на крайний север, так, по-видимому, и появлявшаяся в Европе новая раса постепенно вытесняла их и, наконец, искоренила, не смешиваясь с ними.

Эта новая раса пришла, по крайней мере так было в Западной Европе, с юга; она проникла, вероятно, из Африки в Европу, в то время, когда обе эти части света у Гибралтара и Сицилии были еще соединены сушей. Она стояла на значительно более высокой ступени культуры, чем ее предшественники. Она была знакома с земледелием; у нее были домашние животные (собака,

лошадь, овца, коза, свинья, крупный рогатый скот). Ей было известно ручное гончарное производство, прядение и ткачество. Ее орудия были еще, правда, из камня, но уже сделаны с большей тщательностью и большей частью гладко отшлифованы (их называют неолитическими в отличие от орудий более раннего периода). Топоры снабжены рукоятками и поэтому впервые становятся пригодными для рубки деревьев; тем самым становится возможным выдалбливать из древесных стволов лодки, в которых можно было переправляться на Британские острова, отделившиеся к этому времени от материка вследствие постепенного опускания суши.

В противоположность своим предшественникам люди этой расы тщательно погребали своих покойников; поэтому до наших дней сохранилось достаточно скелетов и черепов, по которым можно судить о строении их тела. Длинные черепа, небольшой рост (средний для женщины — приблизительно 1,46, для мужчины — 1,65 метра), низкий лоб, орлиный нос, выдающиеся надбровные дуги, слабо выраженные скулы и умеренно развитые челюсти указывают на расу, последними представителями которой в настоящее время являются *баски.* Неолитические обитатели не только Испании, но и Франции, Англии и всей территории по крайней мере до Рейна, принадлежали, по всей вероятности, к иберийской расе. Италия также была населена подобной низкорослой черноволосой расой перед приходом арийцев[290], о более или менее отдаленном родстве которых с басками в настоящее время трудно судить.

Вирхов прослеживает эти длинные черепа басков вплоть до самой Северной Германии и Дании[291]; древнейшие неолитические свайные постройки северных склонов Альп принадлежат также им. С другой стороны, Шафхаузен считает ряд найденных близ Рейна черепов определенно финскими, в частности лапландскими[292], а древнейшая история знает только финнов в качестве северных соседей немцев в Скандинавии, литовцев и славян в России. Обе эти расы низкорослых темноволосых людей, — одна, переселившаяся с противоположного берега Средиземного моря, другая — непосредственно из Азии, с северного побережья Каспийского моря, — по-видимому, столкнулись впоследствии в Германии. При каких обстоятельствах, — остается совершенно невыясненным.

За этими различными переселениями последовало, наконец, — также еще в доисторическую эпоху, — переселение последней главной крупной племенной группы, *арийцев,* народов, языки которых группируются вокруг древнейшего из них — санскритского. Самыми ранними пришельцами были греки

и латины, которые завладели обоими юго-восточными полуостровами Европы; тогда же, вероятно, пришли и ныне исчезнувшие скифы, обитатели степей к северу от Черного моря, — народ, более всего родственный мидийско-персидским племенам. Затем следовали кельты. О переселении последних мы знаем только, что оно имело место к северу от Черного моря и прошло через Германию. Их передовые массы вторглись во Францию, завоевали страну до Гаронны и подчинили себе даже часть Западной и Средней Испании. Море, с одной стороны, сопротивление иберов — с другой, заставили их остановиться, в то время как сзади с обеих сторон Дуная на них еще напирали другие кельтские племена. Здесь, у самых берегов океана и у истоков Дуная, их застает Геродот. Однако они, должно быть, переселились сюда уже гораздо раньше. Раскопки могил и другие находки, сделанные во Франции и в Бельгии, свидетельствуют о том, что кельты, когда завоевывали страну, еще не знали металлических орудий, тогда как в самом начале их появления в Британии они уже имели бронзовые орудия. Следовательно, между кельтским завоеванием Галлии и переселением в Британию должно было пройти некоторое время, в течение которого кельты, благодаря торговым связям с Италией и Марселем, ознакомились с бронзой и ввели ее у себя.

Тем временем все сильнее напирали находившиеся позади кельтские племена, в свою очередь теснимые германцами; впереди проходы были заперты, и начался поэтому обратный поток в юго-восточном направлении, подобный которому мы позднее снова встречаем при переселениях германских и славянских племен. Кельтские племена перебрались через Альпы, прошли по Италии, Фракийскому полуострову и Греции и частью погибли, частью прочно осели в долине реки По и в Малой Азии. Главную массу племени мы находим в это время (—400 до —300 гг.[*]) в Галлии до реки Гаронны, в Британии и Ирландии и к северу от Альп, по обеим сторонам Дуная, до Майна и Исполиновых гор, если не дальше. И хотя кельтские названия гор и рек в Северной Германии менее часты и бесспорны, чем на юге, все же нельзя предположить, будто кельты выбрали только более трудную дорогу через гористую Южную Германию, не пользуясь одновременно более удобным путем через открытую равнину Северной Германии.

Кельтское переселение лишь частично вытеснило оказавшихся на его пути обитателей страны; особенно в Южной

[*] Я обозначаю хронологические даты *до* нашего летосчисления для краткости математическим знаком (—).

и Западной Галлии последние и тогда еще составляли большую часть населения, хотя и на положении угнетенной расы, и передали по наследству современному населению строение своего тела. Что как кельты, так и германцы господствовали в своих новых местах пребывания над местным темноволосым населением, которое они там застали, следует из существовавшего у кельтов и германцев обычая красить волосы мылом в желтый цвет. Светлые волосы были признаком господствующей расы, и там, где этот признак вследствие смешения рас утрачивался, приходилось восполнять его утрату с помощью мыла.

За кельтами следовали германцы; для них мы уже с некоторой долей достоверности можем установить, по крайней мере приблизительно, время переселения. Оно едва ли началось задолго до — 400 г. и еще не вполне закончилось ко времени Цезаря.

Около — 325 г. Пифей в отчете о своем путешествии дает нам первые подлинные сведения о германцах[293]. Он отправился из Марселя к Янтарному берегу и упоминает о живущих там несомненно германских племенах гуттонов и тевтонов. Но где находился этот Янтарный берег? Обычно под этим названием подразумевают, конечно, только берег Восточной Пруссии, и если соседями этого побережья названы гуттоны, то это несомненно верно. Однако расстояния, которые указывает Пифей, не соответствуют этой местности, но довольно хорошо подходят для большой бухты Северного моря между берегом Северной Германии и полуостровом кимвров. Там как раз место и тевтонам, также названным в качестве соседей. Там — на западной стороне Шлезвига и Ютландии — также имеется Янтарный берег; Рингкёбинг еще и теперь ведет довольно значительную торговлю собираемым там янтарем. К тому же представляется совершенно невероятным, чтобы Пифей мог уже так рано проникнуть так далеко в совсем незнакомые воды, и еще более невероятно, чтобы опасное плавание от Каттегата до Восточной Пруссии не только осталось без всякого упоминания в его столь тщательных описаниях, но и вообще не совпадало с ними. Итак, следовало бы со всей решительностью присоединиться к мнению, впервые высказанному Лелевелем, что Янтарный берег Пифея нужно искать у Северного моря, если бы не упоминание о гуттонах, которых можно локализировать лишь на побережье Балтийского моря. К устранению этого последнего препятствия сделал шаг Мюлленхофф: он считает, что гуттоны — искаженное название тевтонов[294].

Около 180 г. до нашего летосчисления бастарны, несомненные германцы, появляются на Нижнем Дунае и несколько лет

спустя они уже выступают в войске македонского царя Персея, воевавшего против римлян, в качестве наемников — первых ландскнехтов. Это — дикие воины:

«Люди не знают ни земледелия, ни судоходства и не питаются продуктами скотоводства; они знают только одно занятие, одно искусство: постоянно воевать и преодолевать всякое сопротивление».

Таковы первые сведения об образе жизни германского племени, которые сообщает нам Плутарх[295]. Этих же бастарнов мы находим еще столетия спустя к северу от Дуная, хотя и в местности, лежащей несколько западнее. Через пятьдесят лет в занятые кельтами земли на Дунае вторгаются кимвры и тевтоны, но будучи отражены жившим в Богемии кельтским племенем бойев, направляются несколькими ордами в Галлию до самой Испании, разбивают одно римское войско за другим, пока, наконец, Марий не кладет предел их почти двадцатилетним переселениям, уничтожая их полчища, явно уже весьма ослабленные, — тевтонов при Эксе в Провансе (—102 г.), а кимвров при Верчелли в Северной Италии (—101 г.).

Полстолетия спустя Цезарь столкнулся в Галлии с двумя новыми полчищами германцев: сначала на Верхнем Рейне с войском Ариовиста, в котором были представлены семь различных племен, в том числе маркоманны и свевы, и вскоре после того на Нижнем Рейне с войском узипетов и тенктеров; их вытеснили свевы из мест их прежнего поселения; они покинули эти места и после трехлетних странствований достигли Рейна. Оба полчища были уничтожены римлянами с помощью военного искусства, а узипеты и тенктеры, кроме того, с помощью вероломства. Дион Кассий знает о вторжении бастарнов во Фракию в первые годы царствования Августа; Марк Красс разбил их на Гебре (теперешняя Марица). Тот же историк упоминает еще о движении гермундуров, которые около начала нашей эры по неизвестным причинам покинули свою родину и были поселены римским полководцем Домицием Агенобарбом «в одной части земли маркоманнов»[296]. Это последние передвижения той эпохи. Укрепление римского господства на Рейне и Дунае надолго загородило им дорогу; однако слишком многие признаки указывают на то, что на северо-востоке, по ту сторону Эльбы и Исполиновых гор, народы еще далеко не окончательно осели на своих местах.

Эти передвижения германцев представляют собой первый акт того переселения народов, которое сдерживалось римским сопротивлением в течение трех столетий, но к концу III века с непреодолимой силой прорвалось через обе пограничные

реки, наводнило Южную Европу и Северную Африку и приостановилось только с завоеванием Италии лангобардами в 568 г., — приостановилось, поскольку речь идет об участии в нем германцев, а не славян, которые и после них еще долгое время находились в движении. Это были подлинные переселения народов. Целые народности или, по крайней мере, значительные их части отправлялись в дорогу с женами и детьми, со всем своим имуществом. Повозки, прикрытые шкурами животных, служили им для жилья и для перевозки женщин, детей и скудной домашней утвари; скот они также гнали за собой. Мужчины, вооруженные и в боевом порядке, были готовы преодолевать всякое сопротивление и отражать нападения, днем — военный поход, ночью — военный лагерь в укреплении, сооруженном из повозок. Потери людьми во время этих переходов в результате непрерывных боев, от усталости, голода и болезней, должны были быть огромными. Это была отчаянная борьба не на жизнь, а на смерть. Если поход удавался, то оставшаяся в живых часть племени селилась на чужой земле; в случае же его неудачи, переселявшееся племя исчезало с лица земли. Кто не пал в кровавом бою, погибал в рабстве. Гельветы и их союзники, переселение которых задержал Цезарь, пустились в путь в числе 368000 человек, среди которых было 92000 способных носить оружие; после поражения, нанесенного римлянами, их осталось только 110000 человек, которых Цезарь в виде исключения, по политическим соображениям, отправил обратно на родину. Узипеты и тенктеры перешли Рейн в числе 180000 человек; почти все они погибли в сражении и во время бегства. Нет ничего удивительного, что в этот продолжительный период переселений часто исчезали бесследно целые племена.

Этому еще не устоявшемуся образу жизни германцев вполне соответствует то положение, которое Цезарь нашел на Рейне. Рейн ни в какой мере не представлял резкой границы между галлами и германцами. У белго-галльского племени менапиев были деревни и пахотные поля в окрестностях Везеля, на правом берегу Рейна; с другой стороны, дельта Мааса у левого берега Рейна была занята германцами — батавами, а у Вормса и до Страсбурга жили германские племена вангионов, трибоков и неметов — со времен Ариовиста или еще раньше, точно неизвестно. Белги вели постоянные войны с германцами, везде еще были территории, из-за которых шли споры; к югу от Майна и Рудных гор германцы в ту пору еще не жили; гельветы были лишь незадолго перед тем изгнаны свевами из области между Майном, Рейном, Дунаем и Богемским лесом, так же как

и бойи из Богемии (Boihemum), носящей еще до сих пор их имя. Но свевы не заселили этой земли, а превратили ее в пустошь протяжением в 600 римских (150 немецких) миль*, которая должна была служить им прикрытием с юга. Далее к востоку Цезарь знает еще кельтов (вольков-тектозагов) по северному Дунаю, там, где Тацит впоследствии называет германских квадов. Только во времена Августа Маробод повел свое свевское племя маркоманнов в Богемию, между тем как римляне замкнули укреплениями угол между Рейном и Дунаем и заселили его галлами. Область по ту сторону этого пограничного вала была потом занята, по-видимому, гермундурами. Из этого с несомненностью следует, что германцы прошли в Германию через низменность, лежащую к северу от Карпат и богемских пограничных гор; только заняв северную равнину, они прогнали за Дунай кельтов, живших южнее в горах.

Образ жизни германцев, как его изображает Цезарь, также свидетельствует, что они еще отнюдь не были оседлыми обитателями своей страны. Они живут главным образом скотоводством, питаясь сыром, молоком и мясом, меньше — хлебом; главное занятие мужчин — охота и военные упражнения. Они занимаются немного и земледелием, но лишь между прочим, и притом самым диким первобытным способом. Цезарь сообщает, что они обрабатывали поля лишь в течение одного года, а на следующий год всегда занимали под пашню новые земли[297]. Это была, по-видимому, подсечная система земледелия, которая еще и теперь практикуется в Северной Скандинавии и Финляндии; лес сжигался, — а кроме леса имелись лишь болота и торфяники, тогда еще непригодные для земледелия, — корни кое-как удалялись и также сжигались вместе со взрыхленным верхним слоем почвы; удобренная золой земля засевалась рожью. Но даже и в этом случае указание Цезаря на ежегодную смену пахотной земли не следует понимать буквально; как правило, обычный переход на новую землю происходил по меньшей мере через каждые две или три жатвы. Все место, — не свойственный германцам раздел земли старейшинами и должностными лицами и особенно подсунутые германцам мотивы этой быстрой смены земель, — дышит римскими представлениями. Римлянину эта смена земель была непонятна. Рейнским германцам, которые переходили уже к оседлому расселению, она могла представляться уже пережившим себя обычаем, который все более терял цель и смысл. Но для внутренних

* Римская миля равна приблизительно 1,5 *км;* немецкая (географическая) миля равна 7,420 *км. Ред.*

германцев, только что пришедших на берега Рейна свевов, она, напротив, оставалась еще необходимым условием такого образа жизни, при котором весь народ медленно продвигался вперед в том направлении и с такой скоростью, какую допускало встречавшееся противодействие. К этому образу жизни приспособлен и их общественный строй: территория свевов делится на сто округов, из которых каждый ежегодно выставляет по тысяче вооруженных воинов, в то время как остальное мужское население остается дома, ходит за скотом и обрабатывает землю, а на следующий год сменяет ушедших в поход. Весь народ с женами и детьми следует за войском только после того, как оно завоюет новую территорию. Это — уже шаг вперед к оседлости по сравнению с военными походами времен кимвров.

Цезарь неоднократно возвращается к свойственному германцам обычаю селиться так, чтобы со стороны врага, т. е. всякого чужого народа, их защищали обширные необитаемые леса. Этот же самый обычай продолжал сохранять силу вплоть до позднего средневековья. Саксов Нордальбингии защищал от датчан пограничный лес, находившийся между Эйдером и Шлейем (на древнедатском языке — Jarnwidhr), а от славян — саксонский лес, тянувшийся от Кильского залива до Эльбы; славянское название Бранденбурга, Бранибор, опять-таки не что иное, как обозначение такого защитного леса (по-чешски «braniti» значит защищать, «bor» — сосна и сосновый лес).

После всего этого не может быть никаких сомнений относительно степени культурного развития германцев ко времени Цезаря. Они далеко не такие номады, как современные азиатские кочевые народы. Кочевой жизни место в степи, а германцы жили в первобытном лесу. Но они были также далеки и от стадии оседлых земледельческих народов. Еще Страбон шестьдесят лет спустя говорит о них:

«Все эти» (германские) «племена с одинаковой легкостью *снимаются со своих мест* благодаря примитивности своего образа жизни, так как они не занимаются земледелием и не копят сокровищ, а живут в хижинах, которые они строят за день, и питаются главным образом продуктами скотоводства, как номады, на которых они похожи еще и тем, что возят с собой все свои пожитки на повозках и перекочевывают со своими стадами, куда им вздумается»[298].

Знакомство с земледелием, как установлено сравнительным языкознанием, они принесли еще из Азии; что они его потом не забыли, удостоверяет Цезарь. Но это было земледелие, которое служило лишь в крайних случаях подсобным источником существования для полукочевых воинственных племен, мед-

ленно продвигавшихся по среднеевропейским лесным равнинам.

Отсюда следует, что переселение германцев на их новую родину между Дунаем, Рейном и Северным морем в эпоху Цезаря еще не закончилось или тогда только что заканчивалось. То, что тевтоны, а может быть, и кимвры во времена Пифея, вероятно, дошли до полуострова Ютландии, а передовые отряды германских племен до Рейна — это можно заключить из того, что нет никаких сведений об их прибытии, — нисколько этому не противоречит. Образ жизни, совместимый лишь с длительными странствиями, неоднократные походы на запад и на юг, наконец то обстоятельство, что Цезарь застал наибольшую известную ему массу германцев, свевов, еще в полном движении — все это допускает только одно заключение: очевидно, что перед нами здесь отрывочные сведения о последних этапах крупного передвижения германцев и их поселения в главных местах их пребывания в Европе. Римское сопротивление на Рейне а затем на Дунае кладет предел этому переселению, ограничивает владения германцев занятой ими до сих пор территорией и тем самым принуждает их перейти к оседлому образу жизни.

В остальном наши предки, по наблюдениям Цезаря, были настоящими варварами. Торговцев они впускают в свою страну только для того, чтобы можно было сбывать кому-нибудь свою военную добычу, сами же у них не покупают почти ничего; да и что из чужого могло бы им понадобиться? Даже своих плохих низкорослых лошадей они предпочитают красивым и хорошим галльским лошадям. А вино свевы вообще не пропускают в свою страну, потому что оно расслабляет. В этом отношении их сородичи бастарны были, пожалуй, более цивилизованы; во время упомянутого вторжения во Фракию* они отправили к Крассу послов, которых тот напоил, выспросил нужные ему сведения о позиции и намерениях бастарнов, а затем заманил последних в засаду и уничтожил. Еще перед сражением в долине Идиставизо (в 16 г. нашей эры) Германик описывал своим солдатам германцев, как воинов без панциря и шлема, защищенных лишь щитами, сплетенными из ивовых прутьев или сделанными из тонких досок, причем только первый ряд имеет настоящие копья, а задние — только колья, заостренные и обожженные для твердости. Следовательно, обработка металлов вряд ли уже была известна жителям долины Везера, и римляне, конечно, позаботились о том, чтобы торговцы не завозили в Германию оружия.

* См. настоящий том, стр. 447. *Ред.*

Спустя более чем полтора столетия после Цезаря Тацит дает нам свое знаменитое описание германцев[299]. Здесь уже многое выглядит совсем иначе. Вплоть до Эльбы и далее передвижение племен прекратилось, они перешли к прочным поселениям. О городах, конечно, еще долго нет и речи; селятся частью деревнями, состоящими в одних местностях из разбросанных отдельных дворов, в других — из дворов, расположенных рядом; по и в этом случае каждый дом построен отдельно и окружен свободным пространством. Дома, еще без каменной кладки и черепичной кровли, грубо построены из неотесанных бревен (materia informi должно здесь обозначать это в противоположность caementa и tegulae) — бревенчатые дома, какие еще строятся в Северной Скандинавии, но все-таки уже не те, описанные Страбоном хижины, которые можно построить в один день. К земельному устройству мы еще вернемся. Германцы имеют уже подземные кладовые — род подвалов, в которых зимой они укрывались от холода и где, по свидетельству Плиняя, женщины занимались ткачеством. Земледелие, следовательно, имеет уже большое значение, но скот все еще остается главным достоянием. Скота много, но плохой породы; лошади безобразны и плохие скакуны, овцы и коровы мелки, последние безроги. В числе пищевых продуктов перечисляются мясо, молоко, дикие яблоки, но не хлеб. Охотой уже много не занимались, дичи, надо полагать, стало со времен Цезаря значительно меньше. И одежда еще весьма первобытная: у большинства грубое покрывало, остальное тело голое (почти как у кафров-зулусов), но у наиболее богатых уже платья, плотно облегающие тело; для одежды используются также и шкуры животных; женщины одеваются, как мужчины, но у них уже чаще встречаются полотняные одежды без рукавов. Дети все бегают нагишом. Чтение и письмо неизвестны, но одно место указывает на то, что жрецы уже пользовались заимствованными из латинских букв руническими письменами, которые они вырезывали на дереве. К золоту и серебру внутренние германские племена равнодушны; серебряные сосуды, подаренные римлянами князьям и послам, употребляются в обиходе наравне с глиняными. Незначительный торговый оборот представляет собой простой обмен.

Мужчины еще полностью сохраняют общее всем первобытным народам обыкновение предоставлять женщинам, старикам и детям работу по дому и в поле как недостойную мужчины. Зато они переняли у цивилизации две привычки — пьянство и игру — и предаются обеим со всей неумеренностью девственных варваров — вплоть до проигрыша собственной персоны.

Их напитком во внутренних областях является пиво из ячменя или пшеницы; если бы уже тогда была изобретена водка, то ход мировой истории, наверное, был бы иной.

В пограничных с римской территорией местностях наблюдается еще больший прогресс: там пили привозное вино; привыкли уже до некоторой степени к деньгам, причем, конечно, отдается предпочтение серебру, более удобному для ограниченного обмена, и, согласно обычаю варваров, монетам давно знакомой чеканки. Дальше видно будет, насколько эта предосторожность была основательна. Торговля с германцами происходила только на самых берегах Рейна; только гермундуры, жившие за пограничным валом, уже ездили по торговым делам в Галлию и Грецию.

Эпоха между Цезарем и Тацитом представляет, таким образом, первый большой период немецкой истории — окончательный переход от кочевой жизни к оседлости, по крайней мере для большей части народа, от Рейна до областей, лежащих далеко за Эльбой. Названия отдельных племен начинают в большей или меньшей мере распространять на определенные местности. Но ввиду противоречивости сведений, сообщаемых древними, и непостоянства и изменчивости названий часто все-таки невозможно точно определить местожительство каждого отдельного племени. Это к тому же завело бы нас слишком далеко. Здесь достаточно общего указания, которое мы находим у Плиния:

«Существует 5 основных групп германских племен: *виндилы,* к которым принадлежат бургундионы, варины, карины, гуттоны; второе племя образуют *ингевоны,* часть которых составляют кимвры, тевтоны и племена хавков. Ближе всего к Рейну живут *искевоны,* среди них сигамбры. В центре страны — *гермионы,* среди них свевы, гермундуры, хатты, херуски. Пятое племя образуют певкиыы и бастарны, которые граничат с даками»[300].

К этому затем присоединяется еще шестая ветвь, которая населяет Скандинавию: гиллевионы.

Из всех сведений, сообщаемых древними, вышеприведенное более всего соответствует более поздним фактам и дошедшим до нас остаткам языка.

В состав виндилов входили племена, говорившие на *готском* языке; они занимали побережье Балтийского моря между Эльбой и Вислой вплоть до внутренних областей страны; по ту сторону Вислы, вокруг Фриш-Гафа, жили гуттоны (готы). Дошедшие до нас скудные остатки языка не оставляют ни малейшего сомнения в том, что вандалы (которые во всяком случае должны были принадлежать к виндилам Плиния, так как он переносит их название на всю данную основную группу

племен) и бургунды говорили на готских диалектах. Сомнение могли бы возбудить только варны, или варины, которых на основании сведений из V и VI веков принято относить к тюрингам; об их языке мы не знаем ничего.

Вторая группа племен, ингевоны, состояла из племен, говоривших на языке *фризов,* жителей побережья Северного моря и полуострова кимвров, и, весьма вероятно, также из тех говоривших на саксонском языке народностей, которые жили между Эльбой и Везером; в таком случае сюда следовало бы причислить и херусков.

Так как к искевонам присоединены сигамбры, то отсюда ясно, что это — будущие франки, живущие на правом берегу Рейна от Таунуса до истоков Лана, Зига, Рура, Липпе и Эмса и граничащие на севере с фризами и хавками.

Гермионы, или, как их более правильно называет Тацит, герминоны — позднейшие верхнегерманцы; гермундуры (тюринги), свевы (швабы и маркоманны; баварцы), хатты (гессы) и т. д. Херуски, без всякого сомнения, попали сюда по ошибке. Это — единственная несомненная ошибка во всем этом размещении племен у Плиния.

Пятая группа — певкины и бастарны — исчезла. Якоб Гримм несомненно прав, считая ее готской.

Наконец, шестая гиллевионская группа включает жителей датских островов и большого Скандинавского полуострова.

Таким образом, классификация Плиния с поразительной точностью соответствует группировке действительно появившихся впоследствии германских наречий. Мы не знаем диалектов, которые не принадлежали бы к готскому, фризско-нижнесаксонскому, франкскому, верхненемецкому или скандинавскому, и мы еще также и в настоящее время можем признать эту классификацию Плиния образцовой. То, что можно было бы против нее возразить, я рассматриваю в примечании о германских племенах*.

Первоначальное переселение германцев на их новую родину мы должны были бы, следовательно, представлять себе приблизительно так, что первыми по северогерманской равнине, между южными возвышенностями и Балтийским и Северным морями, продвинулись искевоны, непосредственно за ними, но ближе к берегу — ингевоны. За этими последовали, по-видимому, гиллевионы, но завернули на острова. Возможно, что за гиллевионами последовали готы (виндилы у Плиния), оставив певкинов и бастарнов на юго-востоке; имя готов в Швеции свиде-

* См. настоящий том, стр. 481—494. *Ред.*

тельствует о том, что их отдельные ветви примкнули к переселению гиллевионов. Наконец, к югу от готов следовали гермионы, которые — по крайней мере в большей своей части — только во времена Цезаря и даже Августа заняли те места своего расселения, которые они удерживали за собой вплоть до переселения народов*.

ПЕРВЫЕ БОИ С РИМЛЯНАМИ

Со времени Цезаря римляне и германцы стояли друг против друга на противоположных берегах Рейна, а после покорения Августом Реции, Норика и Паннонии — и на берегах Дуная. Между тем в Галлии римское господство упрочилось; по всей стране была проложена Агриппой сеть военных дорог; были построены крепости; выросло новое поколение, родившееся под римским игом. Построенными при Августе альпийскими дорогами через Малый и Большой Сен-Бернар была установлена самая непосредственная связь между Италией и Галлией, которая могла служить базой для завоевания Германии со стороны Рейна. Выполнение этой задачи Август возложил на своего пасынка (или родного сына?) Друза с восемью легионами, расположенными на Рейне.

Поводом послужили непрерывные трения между пограничными жителями, набеги германцев на Галлию и мнимый или действительный заговор недовольных белгов и сигамбров, в соответствии с которым последние должны были перейти через Рейн и поднять всеобщее восстание. Друз заручился содействием вождей белгов (—12 г.), перешел через Рейн у самого острова батавов, выше дельты, опустошил землю узипетов и часть земли сигамбров, спустился затем на судах вниз по Рейну, принудил фризов поставить ему вспомогательные отряды пеших воинов и направился со своим флотом вдоль морского побережья к устью Эмса с целью покорить хавков. Здесь, однако, его римские моряки, не привыкшие к морским приливам и отливам, посадили его флот на мель во время отлива; только при помощи союзных отрядов фризов, которые были лучше знакомы с делом, он снял суда и вернулся обратно.

Этот первый поход был только большой рекогносцировкой. В следующем году (—11) он начал настоящее завоевание. Он перешел снова через Рейн, ниже впадения Липпе, подчинил

* Здесь в рукописи пометка карандашом: «Следует глава об аграрном и военном строе». *Ред.*

живших здесь узипетов, построил мост через Липпе и вторгся в область сигамбров, которые как раз в это время вели войну с хаттами, потому что последние не хотели примкнуть к союзу против римлян под руководством сигамбров. Затем он построил при слиянии Липпе и Элизо сильный лагерь (Алезию) и с приближением зимы перешел обратно через Рейн. На обратном пути в одной из узких лощин его войско подверглось нападению германцев и лишь с большим трудом спаслось от уничтожения. В том же году он построил другой укрепленный лагерь «в земле хаттов, почти на Рейне»[301].

В этот второй поход Друз выполняет уже целый завоевательный план, который последовательно проводился с тех пор в жизнь. Область, в первую очередь подлежавшая завоеванию, была довольно четко ограничена: это — искевонские внутренние земли до границы с херусками и хаттами и примыкающее к ним побережье до Эмса и частью до Везера. Главная роль в покорении земель побережья выпадает на долю флота. На юге операционной базой служит основанный Агриппой и расширенный Друзом Майнц, по соседству с которым следует искать крепость, построенную «в земле хаттов» (в последнее время полагают, что это Заальбург близ Хомбурга). Отсюда нижнее течение Майна ведет в открытую местность Веттерау и верхнего Лана, захват которой отрезает искевонов от хаттов. Расположенное в центре фронта наступления между Липпе и Руром и прорезанное течением Липпе плоскогорье представляет самую удобную операционную линию для главных сил римлян; овладев ею, они рассекают всю подлежащую завоеванию территорию на две приблизительно равные части и одновременно отрезают бруктеров от сигамбров; используя эту позицию, они могут на левом фланге взаимодействовать с флотом, на правом колонной, выступающей из Веттерау, изолировать искевонскую местность сланцевых гор, а в центре сдерживать херусков. Форт Алезия образует крайний укрепленный опорный пункт этой операционной линии; он был расположен недалеко от истоков Липпе, или близ Эльзена у Падерборна, при впадении Альмы в Липпе, или у Липштадта, где недавно была открыта большая римская крепость.

В следующем (—10) году хатты, осознав общую опасность, вступили, наконец, в союз с сигамбрами. Однако Друз напал на них и, по крайней мере, часть из них покорил. Но они уже до конца зимы вышли из подчинения, так как следующей весной (—9 г.) он еще раз нападает на них, продвигается до земли свевов (следовательно, и тюрингов, а согласно Флору и Орозию — и маркоманнов, которые тогда еще жили к северу

от Рудных гор), затем атакует херусков, переходит через Везер и поворачивает обратно только у Эльбы. Он прошел и опустошил всю страну, но везде встречал энергичное сопротивление. На обратном пути, не успев достигнуть Рейна, он умер тридцати лет от роду.

К вышеизложенному рассказу, взятому у Диона Кассия мы прибавим из Светония, что Друз прорыл между Рейном и Эйсселом канал, через который провел свой флот в Северное море через землю фризов и через Флево (Влистром — теперешний фарватер из Зёйдер-Зе между Влиландом и Терсхеллингом); а из Флора, — что он построил вдоль Рейна больше пятидесяти фортов и мост у Бонна, а также укрепил линию Мааса и обеспечил таким образом оборону позиции рейнских легионов как от восстаний галлов, так и от нападений германцев. Басни же Флора о фортах и укреплениях на Везере и Эльбе — пустое хвастовство; Друз, может быть, и возводил там укрепления во время своих переходов, но он был слишком хорошим полководцем для того, чтобы оставлять в них гарнизоны, хотя бы даже из одного воина. С другой стороны, несомненно, что он снабдил укрепленными этапными пунктами операционную линию вдоль Липпе. Переходы через Таунус он также укрепил.

Преемник Друза на Рейне, Тиберий, в следующем году (—8) перешел эту реку; германцы, за исключением сигамбров, прислали представителей для ведения мирных переговоров; Август, находившийся в Галлии, отказался от ведения каких бы то ни было переговоров до тех пор, пока не прибудут представители от сигамбров. Когда, наконец, и они прислали представительство, «многочисленное, из почтенных лиц», как говорит Дион, Август велел их схватить и интернировать в разных городах внутри империи; «с горя они покончили с собой»[302]. И в следующем году (—7) Тиберий снова пошел со своим войском в Германию, где уже почти нечего было усмирять, за исключением нескольких незначительных волнений. Об этом времени Веллей говорит:

«Тиберий настолько основательно подчинил страну (Германию), что она уже едва ли отличалась от облагаемой налогом провинции»[303].

Этим успехом римляне были обязаны не только своему оружию и столь прославленному дипломатическому «уму» Тиберия, но и, пожалуй, в особенности переселению германцев на римский берег Рейна. Уже Агриппа переселил всегда преданных римлянам убиев, согласно их желанию, на левый берег Рейна около Кёльна. Тиберий принудил 40000 сигамбров

переселиться и тем самым надолго сломил силу сопротивления этого могущественного племени.

После этого Тиберий на долгое время удаляется от всяких государственных дел, и мы ничего не знаем о том, что происходит в Германии в течение нескольких лет. Отрывок из Диона сообщает о походе Домиция Агенобарба с берегов Дуная за Эльбу. Но вскоре после того, около первого года нашей эры, германцы подняли восстание. Римский главнокомандующий Марк Виниций провел кампанию, согласно сообщению Веллея, в общем удачно и в благодарность за нее даже получил награду. Тем не менее, Тиберий должен был в 4-м году, тотчас после его усыновления Августом, еще раз отправиться за Рейн, чтобы восстановить поколебленное римское господство. Он подчинил живших близ реки каннинефатов и хаттуариев, затем бруктеров и «привлек на свою сторону» херусков. Веллей, участвовавший в этом и в следующем походе, не приводит дальнейших подробностей. Мягкая зима позволила легионам продолжать поход до декабря; затем они разбили зимний лагерь в самой Германии, по-видимому, у истоков Липпе.

Поход следующего года (5-го) должен был завершить покорение Западной Германии. В то время как Тиберий продвинулся из Алезии и победил лангобардов на Нижней Эльбе, флот проплыл вдоль морского побережья и «привлек на свою сторону» хавков. На Нижней Эльбе сухопутное войско встретилось с флотом, подымавшимся вверх по реке. Ввиду успехов этого похода операции римлян на севере, по Веллею, казались законченными; в следующем году Тиберий отправился к Дунаю, на котором маркоманны, незадолго перед этим под водительством Маробода переселившиеся в Богемию, угрожали границе. Маробод, воспитанный в Риме и знакомый с римской тактикой, организовал по римскому образцу войско из 70000 пеших воинов и 4000 всадников. Тиберий выступил против него на Дунае с фронта, тогда как Сентий Сатурнин должен был вести легионы с Рейна через землю хаттов в тыл и фланг врагу. В этот момент в собственном тылу Тиберия подняли восстание паннонцы; войско должно было повернуть обратно и вновь завоевывать свою операционную базу. Борьба длилась три года; но когда паннонцы уже были разбиты, обстоятельства в Северной Германии сложились так, что о завоеваниях в земле маркоманнов нельзя было больше и думать.

Завоевательный план Друза был полностью сохранен, только для его успешного выполнения стали необходимы сухопутные и морские походы до самой Эльбы. В плане похода

против Марobода проглядывает мысль перенести границу к Малым Карпатам, Исполиновым горам и к Эльбе вплоть до ее устья, но это было еще пока делом далекого будущего и скоро стало совсем невыполнимо. Как далеко простирались в то время римские укрепленные пункты вверх по Веттерау, мы не знаем; по всей вероятности, этой операционной линии уделялось тогда гораздо меньше внимания, чем более важной линии — вдоль Липпе. Но здесь римляне, очевидно, проникли довольно далеко и укрепились прочно. Долина правого берега Рейна, вниз по течению от Бонна, принадлежала им; вестфальская равнина к северу от Рура за Эмс, вплоть до границ с фризами и хавками, была по-прежнему занята войсками. В тылу находились батавы и фризы, тогда еще верные друзья; далее на запад хавки, херуски и хатты могли считаться достаточно усмиренными после их многократных поражений, после удара, который постиг также и лангобардов. Во всяком случае, у этих трех племен была в то время довольно сильная партия, которая видела спасение только в присоединении к Риму. На юге только что было сломлено могущество сигамбров; часть их территории, между Липпе и Руром и в долине Рейна, была занята, а остальная часть была охвачена с трех сторон римскими позициями, расположенными на Рейне, Руре, в Веттерау, и по ней, наверное, достаточно часто проходили римские колонны. Недавно было установлено существование римских дорог, которые вели к истокам Липпе, от Нёйвида к Зигу, от Дёйца и Нёйса к Вупперу через господствующие горные хребты, по крайней мере, до границ Берга и Марка. Еще дальше на юг гермундуры с согласия Домиция Агенобарба заняли часть оставленной маркоманнами земли и поддерживали мирные отношения с римлянами. И, наконец, хорошо известные раздоры германских племен давали основание ожидать, что римлянам придется вести с ними еще лишь такие отдельные войны, которые самим будут желательны в целях постепенного превращения союзников в подданных.

Центром римской позиции служила местность, расположенная по обе стороны Липпе вплоть до Оснинга. Постоянная близость римских легионов в укрепленных лагерях приучала здесь к римскому господству и римским нравам, благодаря которым варвары, по словам Диона, «словно преображались»[304]: здесь, вокруг гарнизонных стоянок, возникали те города и рынки, о которых рассказывает тот же историк, и их мирные торговые сношения больше всего способствовали укреплению чужеземного господства. Все, казалось, обстояло великолепно. Но должно было случиться иначе.

Главнокомандующим римскими войсками в Германии был назначен Квинтилий Вар. Это был римлянин эпохи начинающегося упадка, флегматичный и беспечный, склонный почивать на лаврах своих предшественников, а еще более склонный воспользоваться этими лаврами в своих интересах.

«Что он отнюдь не был бессребреником, свидетельствовала Сирия, которой он управлял: бедняком пришел он в богатую страну и богачом ушел из бедной страны» (Веллей)[305].

У него вообще был «мягкий характер», но этот человек с «мягким характером» должен был прийти в ярость от досады, когда его перевели в страну, где вымогательство становилось делом очень затруднительным, потому что там почти нечего было взять. Однако Вар попробовал заняться этим и притом таким способом, который уже давно практиковался римскими проконсулами и пропреторами. Прежде всего предстояло в кратчайший срок перевести занятую часть Германии на положение римской провинции, заменить местную политическую власть, до сих пор сохранявшуюся при военном господстве, римской властью, превратив таким путем страну в источник доходов как для фиска, так и для проконсула. Вар попытался поэтому «с большой быстротой и натиском преобразовать германцев»; он «отдавал им приказы, как рабам, и требовал от них денежных платежей, как от подданных» (Дион)[306]. Но главным, давно испытанным орудием угнетения и вымогательства, которое он пустил здесь в ход, была верховная судебная власть наместников римских провинций; эту власть он присвоил себе здесь и, пользуясь ею, хотел навязать германцам римское право.

К сожалению, Вар опередил историю своей цивилизаторской миссией почти на полтора тысячелетия, ибо приблизительно столько времени прошло, пока Германия созрела для «рецепции римского права». В самом деле, римское право с его классическим расчленением отношений частной собственности должно было показаться просто абсурдным германцам, у которых развившаяся лишь в незначительной степени частная собственность осуществлялась только на основе общинной собственности на землю. Точно так же и торжественная обстановка римского судебного процесса с отводами и постоянными отсрочками должна была показаться германцам, привыкшим по обычаю предков в какие-нибудь несколько часов самостоятельно творить суд и расправу в открытом народном суде, лишь способом, при помощи которого им отказывали в каком бы то ни было правосудии, а окружавшая проконсула толпа

стряпчих и крючкотворов — тем, чем они и были в действительности, т. е. настоящими разбойниками. И вот германцы должны были отказаться от своего свободного суда, где товарищ судил товарища, и подчиняться безапелляционному приговору одного человека, который вел дело на чужом языке, на основе в лучшем случае чуждого им и к тому же совершенно неприменимого права, да еще сам был заинтересованной стороной. Свободный германец, которого, по Тациту, только жрец имел право ударить в редких случаях, который подвергался смертной казни лишь за измену своему племени, а в остальных случаях мог штрафом (вергельдом) искупить всякий ущерб, даже убийство, который к тому же привык сам приводить в исполнение кровную месть за себя и за своих родных, — должен был теперь ложиться под розги и секиру ликтора. И все это только для того, чтобы создать условия для высасывания соков из страны посредством податей в пользу фиска, вымогательства и взяток в пользу проконсула и его подручных.

Но Вар просчитался. Германцы не были сирийцами. Своей насильно навязываемой римской цивилизацией он произвел впечатление на них только в одном отношении. Он лишь показал соседним племенам, состоявшим в вынужденном союзе с Римом, какое невыносимое иго угрожало им, и вызвал среди них своими насилиями такое единство, которого они до тех пор никогда не могли добиться.

Вар стоял с тремя легионами в Германии, Аспрен с двумя другими — на Нижнем Рейне, всего в пяти-шести переходах от центрального пункта позиции — Алезии. Против такой силы мог быть успешным только внезапный и решительный удар, нанесенный после длительной и тщательной подготовки. Путь заговора был, таким образом, предопределен. Организовать его взял на себя Арминий.

Арминий, происходивший из родовой знати племени херусков, сын Сегимера, бывшего, по-видимому, предводителем дружины в своем племени, провел свою раннюю молодость на римской военной службе, хорошо знал язык и нравы римлян и был частым и желанным гостем в римской главной квартире; его верность, казалось, была вне всяких подозрений. Еще накануне нападения Вар полагался на него, как на каменную стену. Веллей называет его

«юношей благородного происхождения, храбрым, сметливым — не в пример другим варварам, юношей, лицо и глаза которого светились внутренним огнем; который был нашим постоянным спутником во время прежних походов» (т. е. против германцев) «и вместе с правом римского гражданства имел также и звание римского всадника».

Но этого мало: Арминий был крупным политическим деятелем и выдающимся полководцем. Решив положить конец господству римлян на правом берегу Рейна, он без колебаний воспользовался и всеми необходимыми для этого средствами. Надо было привлечь на свою сторону по крайней мере большую часть военной знати херусков, которая находилась уже под весьма сильным влиянием римлян, и втянуть в заговор хаттов и хавков и особенно бруктеров и сигамбров, находившихся под непосредственным римским игом. На все это требовалось время, хотя почва и была подготовлена вымогательствами Вара; и на это время нужно было усыпить бдительность Вара. Для этой цели воспользовались его страстью к судопроизводству и форменным образом дурачили его.

«Германцы», — рассказывает Веллей, — «при всей своей дикости — настоящие продувные бестии и словно созданы для лжи; кто сам не испытал этого, едва ли поверит; они разыгрывали перед ним бесконечные выдуманные тяжбы: то подавали жалобы друг на друга без всякого основания, то благодарили его за то, что он все рассудил с римской справедливостью, что их дикость уже начинает уменьшаться под влиянием новых, ранее им неизвестных дисциплины и порядка, и то, что раньше обычно решалось оружием, теперь разбирается согласно праву и справедливости. Таким образом, они до того вскружили ему голову, что он стал совершенно беззаботным и ему начинало казаться, что он городской претор, который творит суд на форуме, а не командующий римскими войсками в центре Германии»[307].

Так прошло лето девятого года. Чтобы еще более обеспечить успех, германцы вводили Вара в заблуждение всевозможными беспорядками, которые вели к дроблению его войска; это было нетрудно сделать, учитывая характер этого человека и данные обстоятельства.

«Вар», — говорит Дион, — «держал свою военную силу не в должном порядке, не в одном месте, как следует делать во вражеской стране, а предоставлял отряды солдат тем германцам, которые нуждались **в их** помощи и просили его об этом то для охраны какого-нибудь укрепленного пункта, то для поимки разбойников, то для сопровождения транспортов с хлебом»[308].

Между тем, главные заговорщики, Арминий и Сегимер, постоянно были около него и часто сидели за его столом. По словам Диона, Вара уже тогда предостерегали, но его доверие не знало границ. Наконец, осенью, когда все уже было подготовлено к восстанию и Вара вместе с его главными силами заманили в землю херусков до самого Везера, мнимое восстание, будто бы вспыхнувшее в некотором отдалении, подало сигнал к действительному восстанию. Еще тогда, когда Вар получил это известие и отдал приказ к выступлению, его предостерегал другой предводитель херусков, Сегест,

бывший, по-видимому, в родовой вражде с семьей Арминия. Вар не хотел ему верить. Тогда Сегест предложил ему перед выступлением заковать в цепи его самого, Арминия и других вождей херусков; исход дела должен был показать, кто прав. Но доверие Вара не было поколеблено даже тогда, когда заговорщики остались после его ухода под предлогом собрать союзников и вместе с ними поспешить к нему.

Это и произошло в действительности, только не так, как того ожидал Вар. Войско херусков было уже в сборе. Они первым делом разбили стоявшие у них римские отряды, о присылке которых они раньше сами просили, и затем ударили во фланг выступившему Вару. Вар продвигался по скверным лесным дорогам; здесь в земле херусков еще не было мощеных римских военных дорог. Застигнутый врасплох, он понял, наконец, свое положение, проникся мужеством и с этого момента вел себя как римский полководец; но было уже поздно. Он приказал войску построиться в колонны, привести в порядок большой обоз, состоявший из женщин, детей, повозок и вьючных животных, и охранять его, насколько это было возможно на узких дорогах и в густых лесах, и направился к своей операционной базе, каковой мы должны считать Алезию. Грунт размяк от проливного дождя, затруднявшего движение, то и дело расстраивал непомерно большой обоз. С большими потерями Вару удалось достигнуть покрытой густым лесом горы со свободной площадкой хоть для какого-нибудь лагеря, который был разбит и укреплен еще в относительном порядке и в соответствии с уставом; войско Германика, спустя 6 лет посетившее это место, еще отчетливо видело здесь «укрепление трех легионов»[309]. С решимостью, соответствовавшей его положению, Вар приказал сжечь все повозки и поклажу, в которых не было крайней необходимости. На следующий день он проходил через открытую равнину, но опять понес столь значительные потери, что войска еще больше были расстроены, и вечером уже невозможно было как следует укрепить лагерь; Германик нашел лишь наполовину развалившийся вал и неглубокий ров. На третий день путь опять лежал по лесистым горам, и здесь Вар и большинство его военачальников потеряли мужество. Вар покончил с собой, легионы были уничтожены почти целиком. Только конница спаслась под предводительством Вала Нумония; спаслись также, по-видимому в Алезию, и отдельные беглецы из пехоты. Алезия продержалась по крайней мере еще некоторое время, так как германцы не были знакомы с регулярным ведением осады; позднее гарнизон — весь или его часть — пробил себе дорогу. Напуганный

Аспрен ограничился, по-видимому, кратковременным походом, чтобы встретить гарнизон. Бруктеры, сигамбры и все мелкие племена восстали, римское господство было снова отброшено за Рейн.

О местности, в которой совершался этот поход, много спорили. Наиболее вероятно, что Вар перед сражением стоял в котловине Ринтельн, где-нибудь между Хаусберге и Хамельном; что предпринятое после мнимого восстания и вслед за первым нападением отступление происходило по направлению к ущелью Дёрен близ Детмольда, которое образует ровный и широкий проход через Оснинг. Таково в общем и ставшее традиционным мнение; оно согласуется с данными источников и соответствует военной необходимости, вытекавшей из создавшегося военного положения. Достиг ли Вар ущелья Дёрен или нет, остается неизвестным; прорыв, произведенный конницей и, может быть, передовым отрядом пехоты, по-видимому, говорит за это.

Известие об уничтожении трех легионов и о восстании всей западной Германии поразило Рим, как удар грома. Уже казалось, что Арминий перешел Рейн и поднимает Галлию, а с другой стороны Маробод переправился через Дунай и увлекает с собой в поход через Альпы с трудом усмиренных паннонцев. А силы Италии были уже настолько исчерпаны, что она не могла больше выставить почти никакого войска. Дион рассказывает, что среди римских граждан было уже очень мало молодых людей, годных к военной службе, что более пожилые уклонялись вступать в ряды войска, так что Август наказывал их путем конфискации имущества и некоторых даже казнил; что, в конце концов, император с большим трудом собрал несколько отрядов для защиты Рима из числа вольноотпущенников и отставных солдат, разоружил свою германскую личную охрану и выслал всех германцев из города.

Однако Арминий не перешел через Рейн, а Маробод не думал о наступлении, и Рим мог беспрепятственно продолжать возмущаться «вероломными германцами». Мы уже видели, как Веллей изображал их «продувными бестиями, словно созданными для лжи». То же говорит и Страбон. Он не знает ни «германской верности», ни «романского вероломства», а как раз обратное. Называя кельтов «простыми и не способными к обману», столь простодушными, что «они на глазах у всех, без всякой предосторожности спешат в бой, чем облегчается победа их противникам»[310], он говорит о германцах:

«Не доверять им всегда было полезно; те же из них, кому было оказано доверие, причинили много вреда, как, например, херуски, которые

нарушили договоры и истребили в засаде три легиона вместе с военачальником Варом»[311].

Мы уже не говорим о негодующих и дышащих местью стихах Овидия. Кажется, будто читаешь французских писателей времен самого ярого шовинизма, писателей, изливающих свой гнев по поводу вероломства Йорка и предательства саксонцев под Лейпцигом[312]. Германцы достаточно хорошо изучили римскую честность и верность договорам, когда Цезарь напал на узипетов и тенктеров во время перемирия и переговоров и когда Август взял в плен послов сигамбров, до прибытия которых он отказывался от каких бы то ни было переговоров с германскими племенами. Всем народам-завоевателям свойственно всяческими способами обманывать своих противников, и это, по их мнению, совершенно в порядке вещей; но стоит их противникам позволить себе то же самое, как они назовут это вероломством и изменой. Однако те средства, которые пускаются в ход в целях порабощения, должны быть дозволены также и в целях свержения ига рабства. Пока будут существовать эксплуатирующие и господствующие народы и классы на одной стороне, эксплуатируемые и порабощенные на другой, — до тех пор применение хитрости и насилия будет с обеих сторон необходимостью, против которой всякая моральная проповедь останется бессильной.

Конечно, только ребячеством было построение фантастического памятника Арминию у Детмольда; единственно хорошим в нем было то, что он соблазнил Луи-Наполеона воздвигнуть такой же смешной и фантастический колоссальный памятник Верцингеториксу на горе у Ализо. Тем не менее остается верным то, что сражение с Варом представляет собой один из наиболее решающих поворотных моментов в истории. Независимость германцев от Рима была этим сражением установлена раз навсегда. Можно много и бесплодно спорить о том, была ли эта независимость уж таким большим выигрышем для самих германцев, но бесспорно, что без нее все историческое развитие пошло бы в другом направлении. И если вся последующая история германцев в действительности представляет почти исключительно длинный ряд национальных бедствий, в которых большей частью виноваты были они сами, так что даже самые прочные успехи почти всегда обращались во вред народу, все же надо однако сказать, что тогда, в начале их истории, германцам определенно улыбалось счастье.

Цезарь употребил на покорение Галлии последние жизненные силы умирающей республики. Легионы, составлявшиеся уже со времен Мария из завербованных наемных солдат, но

все еще исключительно из италиков, начиная со времен Цезаря стали буквально вымирать, по мере того как вымирали и сами италики под гнетом стремительно растущих латифундий с их хозяйством, основанном на применении труда рабов. 150000 человек, составлявшие сомкнутые ряды 25 легионов пехоты, можно было удерживать в строю лишь при помощи самых крайних средств. Двадцатилетний срок службы не соблюдался, отслуживших срок ветеранов заставляли на неопределенное время оставаться под знаменами. Это было главной причиной бунта римских легионов после смерти Августа, бунта, так наглядно изображенного Тацитом и своей удивительной смесью непокорства и дисциплины столь живо напоминающего бунты испанских солдат Филиппа II в Нидерландах; в обоих случаях обнаруживается крепкая сплоченность войска, по отношению к которому вождь нарушил свое слово. Мы видели, как попытка Августа вновь ввести в действие старые, давно вышедшие из употребления законы о воинской повинности оказалась безрезультатной, как ему пришлось вновь обратиться к уже отслужившим срок солдатам и даже к вольноотпущенникам, — последних он уже однажды принял на службу во время паннонского восстания. Пополнение войска сыновьями свободных италийских крестьян прекратилось вместе с исчезновением самих свободных италийских крестьян. Каждое новое пополнение легионов малопригодными контингентами ухудшало качество войска. И так как приходилось, тем не менее, по возможности щадить легионы, это с трудом сохраняемое ядро всех военных сил, то на первый план все более выдвигаются вспомогательные войска; они сражаются в битвах, в которых легионы служат уже лишь резервом, так что батавы могли сказать уже во времена Клавдия: кровью провинций завоевываются провинции.

С таким войском, которому все более чуждыми становились старая римская дисциплина и выдержка, а вместе с тем и староримская боевая тактика, с войском, все в большей мере составлявшимся из провинциалов и, в конце концов, даже из варваров, не входивших в состав империи, уже почти нельзя было теперь вести большие наступательные войны, а скоро стало невозможным давать и крупные наступательные сражения. Вырождение войска заставило государство ограничиться обороной, которая вначале еще носила наступательный характер, а потом становилась все более пассивной, пока, наконец, инициатива в наступлении не перешла к германцам, которые неудержимо прорывались в пределы империи по всей линии от Северного моря до Черного, через Рейн и Дунай.

Между тем, даже для обеспечения линии Рейна нужно было дать германцам снова почувствовать на их собственной территории превосходство римского оружия. Для этой цели Тиберий поспешил на Рейн, восстановил собственным примером и строгими наказаниями ослабевшую дисциплину, ограничил размеры войскового обоза в походе самым необходимым и совершил два похода в Западную Германию (годы 10 и 11). Германцы уклонялись от решительных сражений, римляне не осмеливались разбивать свои зимние лагери по правую сторону Рейна. Были ли поставлены и на зиму постоянные гарнизоны в Алезии и в укреплении, построенном у устья Эмса в земле хавков, — об этом сведений нет, но допустить это возможно.

В августе 14 г. умер Август. Рейнские легионы, которым не давали ни отставки по истечении срока службы, ни жалованья, отказались признать Тиберия и провозгласили императором сына Друза — Германика. Последний сам усмирил мятеж, восстановил в войсках дисциплину и совершил с ними три описанных Тацитом похода в Германию. Здесь против него выступил Арминий и показал себя полководцем, вполне достойным своего противника. Он всячески старался избегать решительных сражений на открытой местности, по возможности мешал продвижению римлян и нападал на них только в болотах и узких проходах, где они не могли развернуться. Но германцы не всегда его слушались. Воинственный пыл вовлекал их нередко в стычки при неблагоприятной обстановке, жажда добычи не раз спасала римлян, уже крепко сидевших в западне. Таким образом, Германик одержал две бесплодные победы в долине Идиставизо и у пограничного вала ангривариев, на обратном пути с трудом выбрался по узким тропам из болот, понес потери морскими судами и людьми от бурь и приливов у фризского побережья, и, наконец, после похода 16 г. был отозван Тиберием. На этом закончились походы римлян в глубь Германии.

Но римляне слишком хорошо знали, что над рекой господствуют только тогда, когда господствуют и над переправой через реку. Отнюдь не собираясь пассивно отступать назад за Рейн, они перенесли свою оборону на его правый берег. Римские укрепления, покрывающие район Нижней Липпе, Рура и Вуппера большими группами, соответствующими, по крайней мере в отдельных случаях, позднейшим округам, и военные дороги, построенные от Рейна до границы графства Марк, заставляют предположить, что здесь была расположена система оборонительных сооружений, которые тянулись от Эйссела до Зига

в направлении, соответствующем теперешней пограничной линии между Франконией и Саксонией, с некоторыми отклонениями по границе Рейнской провинции и Вестфалии. Вероятно, впоследствии именно эта система укреплений, еще в VII веке до некоторой степени сохранившая свою обороноспособность, задержала наступавших тогда саксов у Рейна и таким образом установила теперешнюю границу племени саксов, отделяющую их от франков. Наиболее интересные открытия сделаны здесь только за последние годы (Я. Шнейдером), и можно поэтому ожидать также дальнейших открытий

Далее, вверх по течению Рейна, был постепенно сооружен, главным образом при Домициане и Адриане, большой римский пограничный вал; он начинается у Нёйвида и тянется через возвышенность Монтабаур к Эмсу, затем пересекает Лан, у Адольфсека поворачивает к западу по направлению северных склонов Таунуса, охватывает как самый северный пункт Грюнинген в долине Веттерау, оттуда направляется к юго-востоку и к югу от Ханау доходит до Майна. Затем вал идет по левому берегу Майна до Мильтенберга, а отсюда по прямой линии, преломленной только в одном пункте, до Ремса в Вюртемберге близ замка Гогенштауфен. Здесь вал, достроенный позднее, вероятно при Адриане, направляется к западу через Динкельсбюль, Гунценхаузен, Эллинген и Кипфенберг и у Ирнзинга, несколько выше Кельгейма, достигает Дуная. За валом были расположены более мелкие укрепления, а в некотором отдалении от них более значительные крепости в качестве опорных пунктов. Огражденная таким образом по правому берегу Рейна территория, которая со времени изгнания гельветов свевами, по крайней мере к югу от Майна, оставалась незанятой, была заселена, по свидетельству Тацита, галльскими бродягами и мародерами.

Таким образом, на Рейне, вдоль пограничного вала и на Дунае постепенно наступили более спокойные и устойчивые условия жизни. Войны и набеги продолжались, но границы владений противников оставались неизменными в течение нескольких столетий.

ПРОГРЕСС ЗА ПЕРИОД ДО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

С Тацитом и Птолемеем прекращаются письменные источники о событиях и условиях внутренней жизни Германии. Но зато перед нами открывается ряд других гораздо более наглядных источников — находки памятников древности,

поскольку их можно отнести к эпохе, подлежащей нашему рассмотрению.

Мы видели, что во времена Плиния и Тацита торговля римлян с внутренними областями Германии почти равнялась нулю. Но и у Плиния мы находим указание на старый торговый путь, которым иногда пользовались еще в его время, путь от Карнунта (против впадения Марха в Дунай) вдоль Марха и Одера к Янтарному берегу. Этим путем, как и вторым через Богемию, вдоль Эльбы, вероятно, пользовались уже в очень древние времена этруски, пребывание которых в северных альпийских долинах доказано многочисленными находками, особенно гальштатской[313]. Вторжение галлов в Верхнюю Италию, по-видимому, положило конец этой торговле (около — 400 г.) (Бойд Докинс)[314]. Если это мнение правильно, то эти торговые сношения, главным образом ввоз бронзовых изделий, этруски, должно быть, вели с народами, которые занимали земли по Висле и Эльбе раньше германцев, т. е. с кельтами; в таком случае переселение сюда германцев могло оказать такое же влияние на перерыв этих сношений, как и обратное движение кельтов в Италию. Только после этого перерыва возник, по-видимому. торговый путь, проходивший восточное греческих городов Черноморского побережья вдоль по Днестру и Днепру к устью Вислы. За это говорят найденные у Бромберга, на острове Эзеле и в других местах древнегреческие монеты; среди них имеются монеты четвертого, может быть пятого столетия **до** нашей эры, чеканенные в Греции, Италии, Сицилии, Кирене и т. д.

Нарушенные торговые пути вдоль Одера и Эльбы должны были сами собой восстанавливаться, по мере того как переселявшиеся народы оседали на занимаемых землях. Ко времени Птолемея, по-видимому, опять стали пользоваться не только этими, но и другими путями сношения через Германию, и там, где прекращается свидетельство Птолемея, продолжают говорить находки.

К. Ф. Виберг* многое здесь выяснил путем тщательного сопоставления материалов раскопок и доказал, что во II веке нашей эры вновь пользовались торговыми путями через Силезию вниз по Одеру и через Богемию вниз по Эльбе. В Богемии уже Тацит упоминает

> «скупщиков добычи и торговцев (lixae ac negociatores) из наших провинций, которых корыстолюбие и забвение родины завели во вражескую землю и в военный лагерь Маробода»[316].

* «Bidrag till kannedomen om Grekers och Romares forbindelse med Norden». Deutsch von Mestorf: «Der Einfluss der klass. Volker» etc., Hamburg, 1867[315].

Точно так же и гермундуры, которые издавна были в дружбе с римлянами и, согласно Тациту, беспрепятственно вели торговлю с десятинными землями и Рецией до самого Аугсбурга, привозили, конечно, римские товары и монеты с Верхнего Майна на берега Заале и Верре. И дальше, за римским пограничным валом, на Лане, обнаруживаются следы торгового пути в глубь Германии.

Наибольшее значение, по-видимому, имел путь через Моравию и Силезию. Водораздел между Мархом (или Бечвой) и Одером — единственный, который приходится пересечь, — проходит по открытой холмистой местности на высоте ниже 325 метров над уровнем моря; и теперь здесь проходит железная дорога. Начиная с Нижней Силезии, Северо-Германская низменность открывается для дорог во всех направлениях — в сторону Вислы и Эльбы. В Силезии и Бранденбурге во II и III веках римские купцы были, по-видимому, постоянными жителями. Там мы находим не только стеклянные урны, флакончики для благовоний [Tranenflaschchen] и могильные урны с латинскими надписями (раскопки у Требница в Силезии и в других местах), но даже целые римские склепы с нишами для урн (колумбариями) (в Нахельне у Глогау). У Варина в Мекленбурге также найдены несомненно римские могилы. Находки монет, римских металлических товаров, глиняных ламп и т. д. также свидетельствуют о том, что торговые сношения велись по этому пути*. Вообще вся Восточная Германия словно усеяна римскими монетами и изделиями, хотя по ней никогда не проходили римские войска; эти изделия часто снабжены теми же клеймами, которые встречаются также и на вещах, найденных в провинциях Римской империи**.

Но затем в первые столетия после Августа римские торговые суда посещали также Северное море. На это указывают найденные в Нёйхаусе на Осте (устье Эльбы) 344 римских серебряных монеты времен от Нерона до Марка Аврелия и остатки корабля, вероятно потерпевшего там крушение. Морские сношения имели место и вдоль южного побережья Балтийского моря, достигая датских островов, Швеции и Готланда; этими сношениями мы еще займемся подробнее. Расстояния между различными береговыми пунктами, указанные Птолемеем и Марцианом (около 400 г.), могли основываться только на сообщениях купцов,

---

* Найденные в Силезии глиняные лампы имеют то же клеймо, что и другие, найденные в Далмации, Вене и т. д.

** Так, штемпель: «Ti. Robilius Sitalcis» имеется на двух бронзовых изделиях, из которых одно найдено в Мекленбурге, а другое в Богемии; это указывает на прохождение торгового пути вдоль Эльбы.

посещавших эти берега. Они плавали от мекленбургского побережья до Данцига и оттуда до Скандии. На это, наконец, указывают и другие многочисленные находки римского происхождения в Гольштейне, Шлезвиге, Мекленбурге, Передней Померании, на датских островах и в Южной Швеции; места этих находок лежат все вместе, очень близко одно от другого и на небольшом расстоянии от побережья.

Трудно решить, в какой мере этот римский торговый оборот включал ввоз оружия в Германию. Найденное в Германии в большом количестве римское оружие могло, конечно, быть военной добычей, а римские пограничные власти, само собой разумеется, прилагали все усилия, чтобы не допустить ввоз оружия к германцам. Однако морским путем кое-что, вероятно, все же проникало, особенно к более отдаленным племенам, например на полуостров кимвров.

Остальные римские товары, которые этими различными путями проникали в Германию, состояли из домашней утвари, украшений, принадлежностей туалета и т. п. В числе домашней утвари обнаруживаются миски, меры весов, кубки, сосуды, кухонная посуда, сита, ложки, ножницы, ковши и т. п.; отдельные сосуды из золота и серебра; глиняные лампы, которые были очень распространены; украшения из бронзы, серебра или золота: ожерелья, диадемы, браслеты и кольца, застежки вроде наших брошей; среди принадлежностей туалета мы находим гребни, щипчики, ложечки для чистки ушей и т. п., не говоря уже о вещах, назначение которых спорно. Большинство этих изделий возникло, по признанию Ворсо, под влиянием вкусов, господствовавших в первом веке в Риме[317].

Разница между германцами времен Цезаря и даже Тацита и народом, употреблявшим эту утварь, очень велика, даже если признать, что ею пользовались лишь наиболее знатные и богатые. «Простая пища», которой германцы, по словам Тацита, «без больших приготовлений (sine apparatu) и без приправ утоляли голод»[318], уступила место кухне, которая уже пользовалась довольно сложными приспособлениями и кроме того заимствовала у римлян и соответствующие приправы. Вместо пренебрежительного отношения к золотым и серебряным вещам появилось желание украшать себя ими; вместо равнодушия к римским деньгам — их распространение по всей германской территории. И, наконец, даже принадлежности туалета — разве самый факт их наличия не означает начала полного переворота в нравах народа, который, правда, как мы знаем, изобрел мыло, но умел его применять лишь для окрашивания волос в желтый цвет!

Что поставляли германцы римским купцам за все эти наличные деньги и товары, — и об этом мы могли бы узнать прежде всего из сообщений древних, но последние, как уже было сказано, оставляют нас здесь в почти полном неведении. Плиний упоминает овощи, гусиные перья, шерстяную материю и мыло в качестве предметов, ввозимых империей из Германии. Но эта начинающаяся пограничная торговля не может служить масштабом для позднейшей эпохи.

Главным предметом торговли, о котором мы знаем, был янтарь, но этого недостаточно для объяснения торговли, которая получила распространение по всей стране. Скот, составлявший главное богатство германцев, был, вероятно, и важнейшим предметом вывоза; уже одни только легионы, расположенные на границе, обеспечивали здесь постоянный спрос на мясо. Звериные шкуры и пушные товары, отправляемые во времена Иорнанда из Скандинавии к устью Вислы, а оттуда в Римскую империю, наверное, уже раньше нашли туда дорогу из восточногерманских лесов. Виберг полагает, что дикие звери для цирка привозились римскими мореходами с севера. Но кроме медведей, волков и, может быть, зубров там ничего нельзя было достать, а львов, леопардов и даже медведей можно было ближе и легче получить из Африки и Азии.. — Рабы? — Почти стыдливо спрашивает, наконец, Виберг, и тут он, пожалуй, попадает в цель. В самом деле, помимо скота, рабы были единственным товаром, который германцы могли вывозить в достаточном количестве, чтобы сводить таким образом свой торговый баланс с Римом. Одна Италия использовала в городах и в латифундиях труд огромного рабского населения, которое размножалось лишь в незначительной части. Все хозяйство римского крупного землевладения держалось на колоссальном ввозе проданных в рабство военнопленных, притекавших в Италию во время непрестанных захватнических войн приходившей в упадок республики, а также при Августе. Теперь этому пришел конец. Империя перешла к обороне в устойчивых границах. Побежденные враги, из числа которых рекрутировалась масса рабов, все реже попадали в руки римских войск. Приходилось покупать рабов у варваров. И разве германцы не могли выступать в качестве продавцов на рынке? Те самые германцы, которые, уже по сведениям Тацита, продавали рабов («Германия», гл. 24), постоянно воевали между собой и за недостатком денег платили дань римлянам своими женами и детьми, отдавая их в рабство, как это делали фризы, которые уже в третьем столетии, если еще не раньше, разъезжали по Балтийскому морю, а их морские экспедиции в Северное море, начи-

ная с набегов саксов в третьем веке и кончая набегами норманнов в десятом веке, имели своей ближайшей целью, наряду с прочим морским разбоем, преимущественно охоту за рабами почти исключительно для торговли? Те самые германцы, которые несколько столетий спустя, в период переселения народов и в своих войнах против славян, выступили как первые пираты, похитители рабов и работорговцы своего времени? Или мы должны предположить, что германцы второго и третьего столетий были совсем не такими людьми, как все прочие соседи римлян и собственные потомки германцев третьего, четвертого и пятого столетий, или же нам придется признать, что и они также принимали большое участие в торговле рабами с Италией, торговле, считавшейся тогда делом вполне благопристойным и даже почетным. Вместе с тем рассеивается Покров таинственности, которым была окутана германская экспортная торговля того времени.

Мы должны здесь вернуться к вопросу о тогдашних торговых сношениях по Балтийскому морю. В то время как на берегах Каттегата почти совсем нельзя обнаружить римских находок, их очень много на южном побережье Балтийского моря до самой Лифляндии, в Шлезвиг-Гольштейне, на южных берегах и во внутренних областях датских островов, на южном и юго-восточном берегах Швеции, на Эланде и Готланде. Наибольшая часть этих находок относится к так называемому периоду денария, о котором мы еще будем говорить ниже и который продолжается до первых лет правления Септимия Севера, т. е. круглым счетом до 200 года. Уже Тацит говорит о суйонах, что они сильны своим гребным флотом и что богатство у них было в почете; они, следовательно, уже наверное занимались морской торговлей. После того как их мореплавание первоначально развилось в Балтике, Эресунне и Эландзунде, а также у побережья, они должны были решиться выйти и в открытое море, чтобы расширить круг своего влияния на Борнхольм и Готланд; они должны были уже хорошо уметь управлять кораблями, чтобы развить оживленную торговлю, центром которой служил как раз самый отдаленный от материка остров Готланд. В самом деле, здесь до 1873 г.* было найдено свыше 3200 римских серебряных денариев, в то время как на Эланде найдено около 100, на шведском континенте меньше 50, на Борнхольме 200, в Дании и Шлезвиге 600 (из

* Hans Hildebrand. «Das heidische Zeitalter in Schweden». Deutsch von Mestorf. Hamburg, 1873 [Ганс Хильдебранд. «Языческая эпоха в Швеции». Перевод на немецкий язык Месторф. Гамбург, 1873].

них 428 в одной только находке у Слагельсе в Зеландии). Исследование этих находок показывает, что до 161 г., когда Марк Аврелий сделался императором, на Готланд проникло лишь немного римских денариев, а начиная с этого времени и до конца столетия они направлялись туда массами. Следовательно, во второй половине века мореплавание по Балтийскому морю должно было уже достигнуть значительного развития; что оно существовало уже и раньше, засвидетельствовано показанием Птолемея, по сообщению которого расстояние между устьем Вислы и Скандией было 1200—1600 стадий (30— 40 географических миль)*. Оба расстояния приблизительно верны для восточной оконечности Блекинге и для южной оконечности Эланда или Готланда, смотря по тому, мерить ли от Риксхёфта, или от Нёйфарвассера, или Пиллау. Они могут основываться только на сообщениях моряков, как и другие указания расстояний вдоль немецкого побережья вплоть до устья Вислы.

Что этим судоходством по Балтийскому морю занимались не римляне, свидетельствуют, во-первых, туманность всех их представлений о Скандинавии, во-вторых, отсутствие каких бы то ни было находок римских монет на берегах Каттегата и в Норвегии. Кимврские предгорья (Скаген), которых римляне достигли при Августе и откуда они увидели простиравшееся перед ними бесконечное море, были и остались, по-видимому, крайним пунктом их непосредственных морских сношений. Отсюда следует, что германцы сами плавали по Балтийскому морю, поддерживали торговые сношения и завозили в Скандинавию римские деньги и изделия. Да иначе и не могло быть. Со второй половины третьего столетия совершенно неожиданно начинаются саксонские морские набеги на галльские и британские берега, и притом с такой смелостью и уверенностью, которые не могли быть приобретены ими вдруг, а, наоборот, предполагали длительное и основательное знакомство с плаванием в открытом море. А такое основательное знакомство саксы — под этим именем мы должны здесь иметь в виду также все племена полуострова кимвров, т. е. также фризов, англов и ютов — могли приобрести только в Балтийском море. Это большое внутреннее море, без приливов и отливов, куда юго-западные атлантические штормы приходят лишь после того, как уже в значительной мере исчерпают свою силу в Северном море, этот вытянутый в длину бассейн с его многочисленными островами, заливами и проливами, где при переезде с одного берега

* — приблизительно 220—290 *км. Ред.*

на другой лишь очень короткое время не видно земли, был словно создан для упражнений вновь развивавшегося судоходства. Уже шведские рисунки на скалах, приписываемые бронзовому веку, с их многочисленными изображениями весельных лодок, указывают на издревле существовавшее здесь судоходство. Находка в Нюдамском болоте в Шлезвиге представляет собой построенную в начале третьего столетия из дубовых досок ладью в 70 футов длины и 8—9 футов ширины, вполне приспособленную к плаванию в открытом море. Здесь вырабатывалась в тиши та техника судостроения, та сноровка мореходов, которые впоследствии обеспечили саксам и норманнам возможность совершать свои завоевательные походы в открытом море и благодаря которой германское племя до сих пор стоит во главе всех морских народов мира.

Римские монеты, попадавшие до конца второго века в Германию, были преимущественно серебряными денариями (1 денарий = 1,06 марки). При этом германцы, как нам сообщает Тацит, предпочитали старые, давно известные им монеты, с зубчатыми краями и с изображением парной колесницы. И действительно, среди старых монет было найдено много и этих serrati bigatique. В этих старых монетах содержалось только 5%—10% меди. Уже Траян велел прибавлять к серебру 20% меди; этого германцы, по-видимому, не заметили. Но когда Септимий Север с 198 г. повысил примесь до 50%—60%, то это уже вызвало недовольство у германцев; позднейшие неполноценные денарии встречаются в находках только в виде исключения, ввоз римских денег прекратился. Он возобновился лишь после того, как Константин в 312 г. установил в качестве монетной единицы золотой солид (72 солида на римский фунт чистого золота в 327 граммов, т. е. 1 солид = 4,55 грамма чистого золота = 12,70 марки); с тех пор в Германию, а еще больше на Эланд и особенно Готланд идут преимущественно золотые монеты, солиды. Этот второй период ввоза римских денег, период солида, продолжается для западноримских монет до конца существования Западной Римской империи, для византийских— до Анастасия (умер в 518 г.). Находки приходятся большей частью на Швецию, датские острова и некоторые — на германское побережье Балтийского моря; во внутренних областях Германии они встречаются только изредка.

Порча монеты, которую производили Септимий Север и его преемники, сама по себе, однако, не может служить объяснением внезапного перерыва торговых сношений между германцами и римлянами. Были, по-видимому, и другие причины. Одной из них несомненно служили политические отношения.

С первых лет третьего века начинается наступательная война германцев против римлян, и приблизительно к 250 г. она уже разгорается по всей линии от устья Дуная до Рейнской дельты. Между воюющими сторонами, конечно, не могло уже быть никакой регулярной торговли. Но эти внезапно возникшие упорные наступательные войны сами нуждаются в объяснении. В условиях внутренней жизни Рима такого объяснения найти нельзя; напротив, империя еще повсюду оказывает успешное сопротивление и в промежутки между отдельными периодами крайней анархии все еще выдвигает — как раз в это время — могущественных императоров. Следовательно, нападения германцев были вызваны переменами, происшедшими у них самих. И здесь опять-таки находки позволяют объяснить это.

В начале шестидесятых годов нашего столетия в двух шлезвигских торфяных болотах были сделаны исключительной важности находки, которые были тщательно исследованы Энгельхардтом в Копенгагене и после разных странствований помещены теперь в Кильском музее. От прочих находок подобного рода их выгодно отличают находящиеся в них монеты, которые устанавливают древность находок довольно точно. Одна из них, из Ташбергского болота (по-датски — Thorsbjerger) около Зюдербрарупа, содержит 37 монет, чеканенных в период от Нерона до Септимия Севера; другая находка, из Нюдамского болота — занесенного илом и превратившегося в торфяник морского залива — содержит 34 монеты за время от Тиберия до Макрина (218 год). Находки относятся несомненно к периоду между 220 и 250 годами. В их числе имеются предметы не только римского происхождения, но и много других, сделанных в самой Германии, предметов, которые, почти полностью сохранившись в железистой торфяной воде, с поразительной ясностью показывают нам состояние северогерманской металлической промышленности, ткачества и судостроения, а рунические знаки на них показывают нам также состояние письменности в первую половину третьего столетия.

Еще более поражает нас здесь самый уровень промышленности. Тонкие ткани, изящные сандалии и хорошо сработанные шорные изделия указывают на гораздо более высокую ступень культуры, чем та, на которой стояли тацитовские германцы; но что нас особенно изумляет, так это туземные металлические изделия.

Что германцы принесли с собой со своей азиатской родины знакомство с употреблением металлов, доказывает сравнительное языкознание. Знакомство с добыванием и обработкой

металлов у них, может быть, также было, но едва ли уже в то время, когда они столкнулись с римлянами. По крайней мере, у писателей первого века не встречается никаких указаний на то, что между Рейном и Эльбой добывали и обрабатывали железо или бронзу; они скорее приводят к противоположным выводам. Правда, относительно готинов (в Верхней Силезии?) Тацит говорит, что они добывают железо, а соседним квадам Птолемей приписывает изготовление железных изделий, но и те и другие могли ведь заимствовать с берегов Дуная умение плавить железо. И находки I века, возраст которых подтверждается монетами, также нигде не содержат местных металлических изделий, а только римские; да и зачем было бы привозить в Германию в массовых количествах римские металлические товары, если бы там существовала собственная обработка металлов? Правда, в Германии встречаются старые формы для отливки, незаконченные бронзовые отливки и отходы литья, но все это без монет, удостоверяющих их давность; по всей вероятности, это следы догерманской эпохи, остатки изделий из бронзы, сделанных странствующими этрусскими литейщиками. Впрочем, бесполезно ставить вопрос о том, *совершенно* ли забыли переселившиеся германцы обработку металлов; все факты говорят за то, что в первом веке они не занимались никакой или почти никакой обработкой металлов.

Но тут вдруг выступают на сцену находки в Ташбергских болотах и обнаруживают неожиданно высокий уровень развития местной металлической промышленности. Застежки, металлические бляхи для украшений с изображениями голов животных и людей, серебряный шлем, совершенно закрывающий все лицо, за исключением только глаз, носа и рта, кольчуги, сплетенные из проволоки, требовавшие чрезвычайно усидчивой работы, так как проволоку приходилось предварительно выковывать (волоченье проволоки было изобретено лишь в 1306 г.), золотой головной обруч, — не упоминая при этом о других предметах, местное происхождение которых может быть подвергнуто сомнению. С этими предметами, найденными при раскопках, обнаруживают сходство предметы из Нюдамского болота, из болотной раскопки на острове Фюнене и, наконец, из одной богемской находки (в Горжовице), сделанной также в начала 60-х годов: роскошные бронзовые диски с изображением человеческих голов, застежки, пряжки и т. п. —совершенно того же рода, что и ташбергские, во всяком случае, следовательно, той же самой эпохи.

Начиная с третьего века металлическая промышленность, все более совершенствуясь, распространилась, по-видимому,

по всей германской территории; ко времени переселения народов, примерно к концу V века, она достигла сравнительно высокого уровня. Не только железо и бронза, но также золото и серебро регулярно обрабатывались, по образцу римских монет чеканились золотые брактеаты*, производилось золочение неблагородных металлов; встречаются инкрустации, эмалевые и филигранные работы; часто при неуклюжем общем виде изделия на нем можно обнаружить в высокой степени художественные и с большим вкусом сделанные украшения, лишь отчасти представляющие подражание римским; это главным образом относится к застежкам и пряжкам или брошкам с их определенными характерными формами, которые встречаются повсюду. В Британском музее хранятся застежки из Керчи, на Азовском море, рядом с совершенно одинаковыми, найденными в Англии; можно подумать, что те и другие сделаны в одной мастерской. Стиль этих работ — часто при довольно резких местных особенностях — в основных чертах тот же самый на всем пространстве от Швеции до Нижнего Дуная и от Черного моря до Франции и Англии. Этот первый период германской металлической промышленности на континенте приходит к концу вместе с окончанием переселения народов и со всеобщим принятием христианства; в Англии и Скандинавии он продолжается несколько дольше.

Как широко было распространено это производство у германцев в VI и VII веках и насколько сильно оно уже тогда выделилось как особая отрасль промышленности, свидетельствуют «Правды». Кузнецы, в частности кузнецы, изготовляющие мечи, золотых и серебряных дел мастера часто упоминаются в «Алеманнской правде», среди них даже такие, которые подвергались публичному испытанию (publice probati). «Баварская правда» наказывает за воровство, совершенное в церкви, в поместье герцога, в кузнице или на мельнице, повышенным штрафом, «потому что эти четыре здания являются общественными домами и постоянно стоят открытыми». За убийство золотых дел мастера платят, по «Фризской правде», виру на $^1/_4$ выше, чем за других людей этого сословия; «Салическая правда» оценивает обыкновенного раба в 12 солидов, а раба-кузнеца (faber) в 35 солидов.

О *судостроении* мы уже говорили. Нюдамские суда — гребные ладьи; побольше — из дуба, на 14 пар гребцов, и поменьше — из соснового дерева. Весла, руль, ковши еще находились в самом судне. Только после того как германцы стали

* — монеты с чеканкой только на одной стороне. *Ред.*

посещать также и Северное море, они, по-видимому, заимствовали у римлян и кельтов употребление паруса.

Гончарное дело было им знакомо уже во времена Тацита, правда, только ручное гончарное ремесло. На границе, именно с внутренней стороны пограничного вала в Швабии и Баварии, у римлян были большие гончарные мастерские, в которых работали и германцы, как о том свидетельствуют выжженные на изделиях имена рабочих. Через них в Германию, должно быть, проникло знакомство с гончарным кругом и глазурью, а также и более совершенные технические навыки. Изготовление стекла также стало известно германцам, вторгшимся в задунайские земли; в Баварии и Швабии часто находили стеклянные сосуды, цветные бусы и стеклянные инкрустации на металлических товарах, все — германского происхождения.

Наконец, мы видим уже повсеместное распространение и применение рунической письменности. В ташбергской находке имеются ножны для меча и пряжка от щита с руническими надписями. Те же рунические знаки мы находим и на золотом кольце, найденном в Валахии, на пряжках из Баварии и Бургундии, наконец на древнейших рунических камнях Скандинавии. Это более разработанный рунический алфавит, из которого впоследствии образовались англосаксонские рунические знаки; он содержит на семь графических знаков больше, чем северная руническая строка, получившая впоследствии распространение в Скандинавии, и указывает также на более раннюю форму языка, чем дошедшая до нас древнейшая форма скандинавского языка. Впрочем, то была в высшей степени неуклюжая система письма из римских и греческих букв, измененных таким образом, чтобы их было легче нацарапывать на камне или металле и в особенности на древесных стволах. Круглые формы букв должны были уступить место угольчатым; по древесным волокнам можно было проводить только вертикальные или косые штрихи, но не горизонтальные; однако именно поэтому они были крайне неудобны для письма на пергаменте или бумаге. И, насколько мы можем судить, они фактически служили лишь для культовых целей и колдовства, а также для надписей и вероятно также других кратких сообщений; как только возникала потребность в настоящей книжной письменности, как это было у готов и впоследствии у англосаксов, они отбрасывались, и вновь приспособлялись греческий и римский алфавиты, причем сохранялись только отдельные рунические знаки.

Наконец, в течение рассматриваемого здесь периода германцы несомненно сделали также значительные успехи в земледелии

и скотоводстве. К этому понуждал их переход к оседлости; огромный прирост населения, приведший в эпоху переселения народов к перенаселению, был бы иначе невозможен. Не мало участков девственного леса, должно быть, было выкорчевано, и отсюда произошло, вероятно, большинство так называемых «высоких пашен», т. е. лесных участков со следами старинного земледелия, если они только находятся на тогдашней германской территории. Специальных доказательств для этого, конечно, нет. Но если уже Проб приблизительно в конце III века предпочитал для своей конницы германских лошадей, а крупный белый рогатый скот, вытеснивший в саксонских областях Британии кельтскую черную низкорослую породу, был туда завезен, как теперь полагают, англосаксами, то это указывает на целую революцию в скотоводстве, а вместе с тем и в земледелии германцев.

В результате нашего исследования мы приходим к заключению, что германцы в период от Цезаря до Тацита сделали значительный шаг вперед по пути цивилизации, но что после Тацита, до начала переселения народов, примерно до 400 г., они сделали еще гораздо большие успехи. Торговля проникла к ним и принесла продукты римской промышленности, а вместе с ними, по крайней мере в известной степени, и римские потребности; она вызвала к жизни отечественную промышленность, которая исходила, правда, из римских образцов, но развивалась при этом совершенно самостоятельно. Находки в шлезвигских болотах представляют первый этап развития этой промышленности, время которого может быть установлено; находки из эпохи переселения народов — второй этап, указывающий на более высокую ступень развития. Характерно при этом, что западные племена решительно отстают от племен внутренних областей Германии, особенно Прибалтийского побережья. Франки и алеманны и еще позднее саксы производят металлические товары худшего качества, чем англосаксы, скандинавы и племена, переселившиеся из внутренних областей, — готы по берегам Черного моря и Нижнего Дуная, бургунды во Франции. Здесь не следует упускать из виду влияние старых торговых путей от Среднего Дуная вдоль Эльбы и Одера. Одновременно прибрежные жители становятся искусными судостроителями и смелыми мореплавателями; повсюду сильно растет численность населения; территория, урезанная римлянами, становится недостаточной. Прежде всего начинаются новые переселения ищущих земли племен на крайнем востоке,

пока, наконец, поднявшиеся со всех сторон людские массы неудержимым потоком не устремляются как по суше, так и по морю на новые земли.

ГЕРМАНСКИЕ ПЛЕМЕНА

Во внутренние земли Великой Германии римские войска приходили только по путям своих походов и на короткие промежутки времени, да и то лишь до Эльбы; купцы и другие путешественники до времени Тацита также проникали сюда лишь изредка и не углублялись в страну. Не удивительно, что сведения об этой стране и ее населении так скудны и противоречивы; следует скорей удивляться тому, что у нас вообще еще так много достоверных сведений.

Из источников даже трудами обоих греческих географов можно безоговорочно пользоваться только при безусловном подтверждении их данных. Оба они были кабинетными учеными, собирателями и в меру своих средств в своем роде даже критическими обозревателями материала, который в большей своей части для нас утрачен. Им недоставало личного знания страны. Так, хорошо знакомая римлянам Липпе течет, по Страбону, не в Рейн, а параллельно Эмсу и Везеру в Северное море; он достаточно честен, чтобы признаться, что местность, лежащая по ту сторону Эльбы, ему совершенно неизвестна. Если он освобождается от противоречий своих источников и собственных сомнений при помощи наивного рационализма, который часто напоминает начало нашего столетия, то ученый географ Птолемей пытается разместить названные в его источниках отдельные немецкие племена в математически вычисленных клетках неумолимой градусной сетки своей карты. Но как ни великолепен в целом труд Птолемея для своего времени, все же его география Германии ошибочна[319]. Во-первых, сведения, которыми он пользуется, в большинстве случаев неопределенны и противоречивы, часто прямо ложны. Во-вторых, его карта неверно начертана; течение рек и горные цепи в большинстве случаев нанесены совершенно неправильно. Словно никогда не путешествовавший берлинский географ счел бы, примерно в 1820 г., своей обязанностью заполнить пустое пространство на карте Африки, согласовывая данные всех источников со времени Льва Африканского и указывая каждой реке и каждому горному хребту определенное направление, а каждому племени точное местонахождение. Такие попытки добиться невозможного приводят к тому, что ошибки использованных источников еще усугубляются. Так, многие племена Птолемей приводит дважды:

лаккобардов в нижнем течении Эльбы и лангобардов от среднего течения Рейна до среднего течения Эльбы; он знает две Богемии — одна заселена маркоманнами, другая байнохаймами и т. д. Если Тацит определенно говорит, что в Германии городов нет, то Птолемей менее чем через 50 лет уже перечисляет целых 96 населенных пунктов с названиями. Многие из этих названий могли быть действительными названиями крупных поселений; Птолемей, по-видимому, собрал много сведений от купцов, которые к этому времени уже в большем числе посещали восточную часть Германии и знакомились с названиями; последние постепенно закреплялись за теми населенными пунктами, где они бывали. На происхождение других названий указывает один пример мнимого города Сиатутанда, который наш географ вычитывает из слов Тацита «ad sua tutanda»*, по-видимому, из плохой рукописи. Наряду с этим встречаются сведения поразительной точности и величайшей исторической ценности. Так, Птолемей, единственный из древних, помещает лангобардов, правда, под искаженным названием лаккобардов, как раз на том месте, где еще теперь о них свидетельствуют названия Барденгау и Бардовик, также ингрионов — в Энгерсгау, где в настоящее время расположен Энгерс на Рейне у Нёйвида. Также только он один приводит имена литовских галиндов и судитов, которые еще теперь населяют восточнопрусские районы Гелюнден и Зудау. Однако такие примеры свидетельствуют только о его большой учености, но не о правильности остальных его данных. В очень многих местах текст, особенно там, где идет речь о самом важном, о названиях, до крайности испорчен.

Наиболее непосредственными источниками остаются работы римлян, особенно тех, которые сами посещали Германию. Вел-лей был в Германии солдатом и пишет, как солдат, примерно в таком роде, как офицер grande armee** пишет о походах 1812 и 1813 годов. Его рассказ не дает возможности установить даже те места, где происходили военные события. Это и не удивительно в стране без городов. Плиний также служил в Германии кавалерийским офицером и, между прочим, посетил побережье, где жили хавки; он же описал в 20 книгах все войны, которые велись с германцами; из этих книг черпал свои данные Тацит. К тому же Плиний был первым римлянином, интересовавшимся войнами в варварской стране не только с военно-политической, но и с теоретической точки зрения. Кроме того, он был естествоиспытателем. Поэтому его сообщения о немецких племенах,

* — «для охраны своего имущества». *Ред.*
** — великой армии. *Ред.*

основанные на непосредственных наблюдениях римского ученого энциклопедиста, должны иметь для нас особую ценность. По традиции утверждают, что Тацит был в Германии, но доказательства тому я не нашел. Во всяком случае, он мог в свое время собирать прямые сведения только близ Рейна и Дуная.

Безуспешная попытка согласовать классификацию племен «Германии» Тацита и Птолемея между собой и с путаницей прочих сведений древних авторов была сделана в двух классических трудах: Каспара Цейса — «Германцы» и Якоба Гримма— «История немецкого языка»[320]. То, что не удалось обоим этим гениальным ученым и позднейшим исследователям, следует считать невыполнимым на основании наших современных материалов. Недостаточность этих материалов видна уже из того, что оба они вынуждены были построить ложные вспомогательные теории: Цейс — что последнее слово во всех спорных вопросах следует искать у Птолемея, хотя никто так резко не охарактеризовал основных ошибок Птолемея, как он сам; Гримм — что силы, которые ниспровергли римское мировое владычество, должны были вырасти на более широкой почве, чем пространство между Рейном, Дунаем и Вислой, и что поэтому вместе с готскими и дакскими землями к Германии следует отнести и большую часть страны на севере и северо-востоке нижнего течения Дуная. Предположения Цейса и Гримма в настоящее время устарели.

Попытаемся внести хоть некоторую ясность в вопрос, ограничив свою задачу. Если нам удастся произвести общее распределение племен по нескольким основным группам, то будет заложена прочная основа для дальнейших детальных исследований. И здесь место из Плиния дает нам точку опоры, устойчивость которой все больше подкрепляется в ходе исследования; во всяком случае, это место создает меньше затруднений, в меньшей степени запутывает нас в противоречиях, чем какое-либо другое.

Но, исходя из системы Плиния, мы должны будем отказаться от безусловной пригодности тацитовской триады и от древней легенды о трех сыновьях Манна — Инге, Иске и Эр мине. Во-первых, Тацит и сам не знает, как ему быть со своими ингевонами, искевонами и герминонами; он не делает ни малейшей попытки распределить перечисленные им порознь племена по этим трем основным группам. И, во-вторых, это и впоследствии никому не удавалось. Цейс делает отчаянные усилия, чтобы втиснуть в тацитовскую триаду готские племена, которые он считает «истевонами», и вносит тем самым только еще большую

путаницу в вопрос. Включить туда же скандинавов он даже и не пытается и создает из них четвертую основную группу племен. Но таким образом тацитовская триада разрушается так же, как она разрушается и пятью основными группами племен Плиния.

Рассмотрим теперь каждое из этих пяти основных групп племен отдельно.

I. Vindili, quorum pars burgundiones, varini, carini, guttones*.

Здесь три племени: вандалы, бургунды и сами готы, относительно которых определенно установлено, что они, во-первых, говорили на готских диалектах и, во-вторых, жили в то время в дальней восточной части Германии: готы — в устье Вислы и по ту сторону этого устья, бургунды помещены Птолемеем в бассейне Варты до Вислы, а вандалы — Дионом Кассием (который по их имени называет Исполиновы горы) в Силезии. К этому *готскому* основному племени, как мы будем обозначать его по языку, мы безусловно можем причислить все те племена, диалекты которых Гримм свел к готскому диалекту, следовательно прежде всего жителей тех земель, которым Прокопий определенно, как и вандалам, приписывает готский язык[321]. О прежнем месте их жительства мы ничего не знаем, так же мало знаем мы о месте жительства герулов, которых Гримм вместе со скирами и ругиями также причисляет к готам. Плиний упоминает скиров на берегах Вислы, а Тацит — ругиев рядом с готами на морском побережье. Готский диалект занимает, таким образом, довольно компактную территорию между Вандальскими (Исполиновыми) горами, Одером и Балтийским морем до Вислы и за этой рекой.

Кто такие были карины, мы не знаем. Некоторые затруднения причиняют варны. Тацит приводит их наряду с англами в числе семи племен, приносящих жертвы Нерте; о них уже Цейс справедливо заметил, что у них своеобразный ингевонский облик. Птолемей же относит англов к свевам, что явно неверно. В одном или двух искаженных тем же географом названиях Цейс усматривает варнов и на этом основании помещает их в Хафельланд, к свевам. Запись древней «Правды» прямо отождествляет варнов с тюрингами, но само право у варнов с англами общее. Ввиду всего этого вопрос о том, следует ли варнов причислить к готской или ингевонской основной группе племен, должен остаться открытым; но так как они совершенно исчезли, то и вопрос этот не имеет особого значения.

* — Виндилы, к которым принадлежат бургунды, варины, карины, гуттоны. *Ред.*

II. Altera pars ingaevones, quorum pars cimbri, teutoni ac chaucorum gentes[*].

Плиний указывает здесь прежде всего на полуостров кимвров и прибрежную полосу между Эльбой и Эмсом как на место жительства ингевонов. Из трех названных племен хавки были несомненно ближайшими сородичами фризов. Фризский язык и теперь еще господствует на берегах Северного моря, в голландской Западной Фрисландии, в ольденбургском Затерланде, в шлезвигской Северной Фрисландии. В эпоху Каролингов по всему побережью Северного моря от Синкфаля (бухты, которая и теперь еще образует границу между бельгийской Фландрией и голландской Зеландией) до Зильта, шлезвигского Видау и, вероятно, еще на большом пространстве дальше к северу говорили почти исключительно по-фризски; только по обеим сторонам устья Эльбы саксонский язык был распространен до самого моря.

Под кимврами и тевтонами Плиний, очевидно, разумеет тогдашних обитателей полуострова кимвров, которые принадлежали, следовательно, к хавко-фризской языковой группе. Мы можем, следовательно, вместе с Цейсом и Гриммом рассматривать северных фризов как прямых потомков тех древних германцев, которые населяли полуостров.

Правда, Дальман («История Дании»)[322] утверждает, что северные фризы переселились с юго-запада на полуостров только в III веке. Но он не приводит ни малейших доказательств в пользу своего утверждения, и оно при всех дальнейших исследованиях справедливо совсем не принималось во внимание.

Ингевонский диалект может иметь поэтому прежде всего то же значение, что и фризский язык, в том смысле, что мы всю племенную языковую группу называем по диалекту, от которого только и дошли до нас старинные памятники и продолжающие существовать диалекты. Но исчерпывается ли этим объем ингевонской основной группы племен? Или Гримм прав, объединяя в нем всех, кого он не совсем точно обозначает как нижнегерманцев, т. е. наряду с фризами также и саксов?

Признаем с самого начала, что, причисляя херусков к герминонам, Плиний неверно классифицирует саксов. Мы дальше увидим, что в сущности ничего другого не остается, как отнести и саксов к ингевонам и считать также и эту основную группу племен фризско-саксонской.

[*] — Другая часть — ингевоны, к которым принадлежат кимвры, тевтоны и племена хавков. *Ред.*

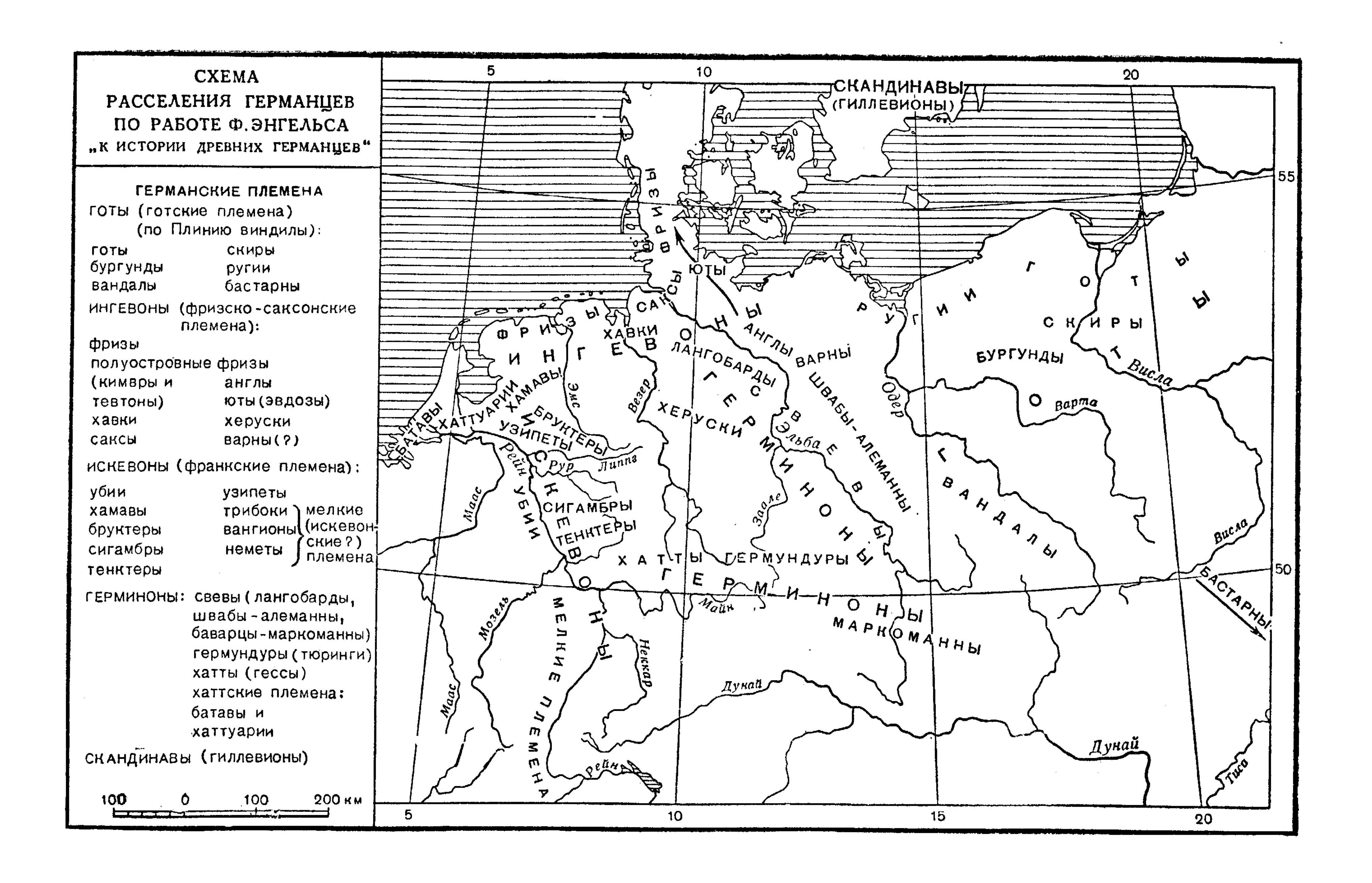
Здесь будет уместно сказать об англах, которых Тацит предположительно, а Птолемей определенно относит к свевам. Птолемей помещает их на правом берегу Эльбы, напротив лангобардов; при этом, если его указание вообще сколько-нибудь правильно, то имеются, вероятно, в виду только *настоящие* лангобарды на Нижней Эльбе. В таком случае англы от Лауэнбурга дошли, пожалуй, приблизительно до Пригница. Позднее мы их находим на самом полуострове, где сохранилось их имя и откуда они вместе с саксами переправились в Британию. Их язык представляется теперь частью англосаксонского диалекта и притом определенно *фризской* частью этого вновь образовавшегося диалекта. Что бы ни произошло с оставшимися во внутренних частях Германии или затерявшимися англами, один этот факт заставляет нас причислить англов к ингевонам и притом к фризской их ветви. Им обязан англосаксонский язык всей системой гласных, гораздо более фризской, чем саксонской, и тем обстоятельством, что дальнейшее его развитие во многих случаях протекает поразительно сходно с развитием фризских диалектов. Из всех континентальных диалектов фризские в настоящее время стоят ближе всех к английскому языку. Так, переход гортанных звуков в шипящие в английском языке также не французского, а фризского происхождения. Английское *ch* = *c* вместо *k* и английское *dz* вместо *g* перед мягкими гласными могли, конечно, произойти из фризского *tz, tj* вместо *k, dz* вместо *g,* но никогда не могли произойти из французского *ch* и *g*.

Вместе с англами мы должны и ютов причислить к фризско-ингевонской группе племен, независимо от того, жили ли они на полуострове уже во времена Плиния или Тацита или же переселились туда лишь позднее. Гримм находит их название в названии эвдозов, одного из тацитовских племен, поклонявшихся Нерте; если англы принадлежат к ингевонам, то вряд ли можно будет отнести остальные племена этой группы к другой основной группе. В таком случае места жительства ингевонов простирались бы до окрестностей устья Одера, и пустое пространство между ингевонскими и готскими племенами было бы заполнено.

III. Proximi autem Rheno iscaevones (alias istaevones). quorum pars sicambri[*].

Уже Гримм и вслед за ним другие, как, например, Вайц[323], в большей или меньшей степени отождествляли искевонов

[*] — Ближайшие же к Рейну — искевоны (иначе — истевоны), часть которых составляют сигамбры. *Рвд.*

СХЕМА
РАССЕЛЕНИЯ ГЕРМАНЦЕВ
ПО РАБОТЕ Ф. ЭНГЕЛЬСА
„К ИСТОРИИ ДРЕВНИХ ГЕРМАНЦЕВ“
ГЕРМАНСКИЕ ПЛЕМЕНА
ГОТЫ (готские племена) (по Плинию виндилы):
готы
бургунды
вандалы
скиры
ругии
бастарны
ИНГЕВОНЫ (фризско-саксонские племена):
фризы
полуостровные фризы (кимвры и тевтоны)
хавки
саксы
англы
юты (эвдозы)
херуски
варны (?)
ИСКЕВОНЫ (франкские племена):
убии
хамавы
бруктеры
сигамбры
тенктеры
узипеты
трибоки
вангионы
неметы
мелкие (искевонские?) племена
ГЕРМИНОНЫ: свевы (лангобарды, швабы-алеманны, баварцы-маркоманны)
гермундуры (тюринги)
хатты (гессы)
хаттские племена: батавы и хаттуарии
СКАНДИНАВЫ (гиллевионы)
100 0 100 200 км
5
10
15
20
50
55
СКАНДИНАВЫ (ГИЛЛЕВИОНЫ)
ФРИЗЫ
ЮТЫ
САКСЫ
ХАВКИ
ИНГЕВОНЫ
АНГЛЫ
ВАРНЫ
ЛАНГОБАРДЫ
ХЕРУСКИ
ШВАБЫ-АЛЕМАННЫ
СВЕВЫ
ГЕРМИНОНЫ
РУГИИ
ГОТЫ
СКИРЫ
БУРГУНДЫ
ВАНДАЛЫ
БАСТАРНЫ
БАТАВЫ
ХАТТУАРИИ
ХАМАВЫ
БРУКТЕРЫ
УЗИПЕТЫ
ИСКЕВОНЫ
УБИИ
СИГАМБРЫ
ТЕНКТЕРЫ
ХАТТЫ
ГЕРМУНДУРЫ
МАРКОМАННЫ
МЕЛКИЕ ПЛЕМЕНА
Эмс
Везер
Эльба
Одер
Висла
Варта
Рейн
Рур
Липпе
Маас
Заале
Мозель
Майн
Неккар
Дунай
Тиса

с франками. Но Гримма вводит в заблуждение язык. Начиная с середины IX века все немецкие документы во Франкском государстве составлялись на диалекте, который нельзя отличить от древневерхненемецкого языка; поэтому Гримм полагает, что древнефранкский диалект на чужбине погиб, а на родине был заменен верхненемецким, и на этом основании он, в конце концов, причисляет франков к верхненемецкому племени.

В результате своего исследования дошедших до нас остатков языка Гримм сам приходит к выводу, что древнефранкский диалект имеет значение самостоятельного диалекта, занимающего среднее положение между саксонским и верхненемецким. Этого здесь пока достаточно; более подробному исследованию франкского языка, условия развития которого еще очень неясны, должно быть посвящено особое примечание*.

Во всяком случае, доставшаяся искевонской группе территория представляется сравнительно небольшой для целой группы германских племен, да еще для такой, которая играла такую крупную роль в истории. Начиная от Рейнгау, эта территория тянется по Рейну внутрь страны до истоков Дилля, Зига, Рура, Липпе и Эмса на север, отрезана от моря хавками и фризами, а у устья Рейна заселена, кроме того, осколками других племен, по большей части хаттского племени: батавами, хаттуариями и т. д. Затем к франкам относятся еще германцы, поселившиеся на левой стороне нижнего течения Рейна, может быть также трибоки, вангионы, неметы? — Небольшие размеры этой территории находят свое объяснение между прочим в том сопротивлении, какое оказывали распространению искевонов на Рейне кельты и со времен Цезаря — римляне, в то время как в тылу уже поселились херуски, а с фланга, как свидетельствует Цезарь, все больше напирали свевы, в особенности хатты. Что здесь на небольшой территории жило в крайней тесноте густое по германским условиям население, доказывает непрекращавшееся продвижение в зарейнские земли: вначале в виде полчищ завоевателей, а затем путем добровольного перехода на римскую территорию, как это делали убии. По той же причине здесь, и только здесь, римлянам с легкостью удалось уже давно переселить на римскую территорию значительные части ингевонской основной группы племен.

Исследование, которое нам предстоит произвести в примечании о франкском диалекте, покажет, что франки представляют обособленную группу германцев, расчлененную на ряд различных племен, и говорят на особом диалекте, распадающемся

* См. настоящий том, стр. 519—546. *Ред.*

на разнообразные наречия, словом — обладают всеми признаками особой группы германских племен, что и требуется для того, чтобы считать их тождественными искевонам. Об отдельных племенах, принадлежащих к этой группе племен, Якоб Гримм уже сказал необходимое. Он относит сюда, кроме сигамбров, еще убиев, хамавов, бруктеров, тенктеров и узипетов, т. е. народности, населявшие правобережье Рейна, которое выше было обозначено нами как искевонская территория.

IV. Mediterranei hermiones, quorum suevi, hermunduri, chatti, cherusci*.

Уже Я. Гримм отождествляет герминонов, употребляя более точную транскрипцию Тацита, с верхнегерманцами. Название свевы, которое, по Цезарю, охватывает всех известных ему верхнегерманцев, начинает дифференцироваться. Тюринги (гермундуры) и гессы (хатты) выступают как обособившиеся племена. Прочие свевы остаются еще неразделенными. Если мы даже оставим в стороне, как не поддающиеся исследованию, многочисленные загадочные названия, забытые уже в ближайшие столетия, то все же эти свевы, должно быть, состояли из трех говоривших на верхненемецком языке больших племен, выступивших впоследствии на арену истории: алеманнов-швабов, баварцев и лангобардов. Лангобарды — это мы достоверно знаем — жили на левом берегу Нижней Эльбы, около Барденгау, отдельно от своих остальных соплеменников, вклинившись между ингевонскими племенами; это их изолированное положение, которое приходилось удерживать длительной борьбой, превосходно изображает Тацит, не зная его причин. Баварцы, о чем мы также знаем со времени Цейса и Гримма, жили в Богемии и назывались маркоманнами, гессы и тюринги — в местах их теперешнего жительства и в прилегающих южных областях. А так как к югу от франков, гессов и тюрингов начиналась римская территория, то для швабов-алеманнов не остается другого места, кроме земель между Эльбой и Одером, в теперешней Бранденбургской марке и Саксонском королевстве; здесь же мы находим свевское племя семнонов. Последние были, повидимому, тождественны швабам-алеманнам, которые граничили на северо-западе с ингевонами, на северо-востоке и востоке — с готскими племенами.

До сих пор все идет довольно гладко. Но тут Плиний причисляет к герминонам и херусков и несомненно делает ошибку.

* — Внутри страны живут гермионы, в их числе — свевы, гермундуры, хатты, херуски. *Ред.*

Уже Цезарь определенно отделяет их от свевов, к которым он еще причисляет хаттов. Не знает ничего и Тацит о родстве херусков с каким-либо верхнегерманским племенем. Не более осведомлен и Птолемей, который название свевов распространяет даже на англов. Один только тот факт, что херуски заполняют пространство между хаттами и гермундурами на юге и лангобардами на северо-востоке, еще далеко не достаточен, чтобы делать из него вывод о близком племенном родстве, хотя, может быть, именно этот факт и ввел в данном случае Плиния в заблуждение.

Насколько я знаю, ни один из исследователей, мнение которых может быть принято во внимание, не причислял херусков к верхнегерманцам. Таким образом, остается только под вопросом, следует ли их отнести к ингевонам или к искевонам. Немногие названия, дошедшие до нас, носят на себе франкский отпечаток: *ch* вместо позднейшего *h* — в *cherusci, chariomerus, e* вместо *i* в *Segestes, Segimerus, Segimundus.* Но почти все германские имена, которые попали к римлянам с Рейна, были ими получены, по-видимому, от франков во франкской форме. Кроме того, мы не знаем, не звучала ли в первом веке у всех западногерманских племен, как *ch,* гуттуральная аспирата первого передвижения согласных, еще в VII веке произносившаяся у франков как *ch* и только впоследствии смягчившаяся в общий всем звук *h.* Ни в чем другом мы также не находим племенного родства херусков с искевонами, подобного тому, которое проявляется, например, в факте приема сигамбрами ускользнувших от Цезаря остатков тенктеров и узипетов. Занятая римлянами во времена Вара на правом берегу Рейна территория, которую они рассматривали как свою провинцию, также совпадает с искевоно-франкской. Здесь были расположены Алезия и остальные римские укрепления; из земель херусков было, по-видимому, действительно занято римлянами в лучшем случае пространство между Оснингом и Везером; за этим римским владением жили хатты, херуски, хавки, фризы, более или менее ненадежные союзники, обуздываемые страхом, но в своих внутренних делах автономные и освобожденные от постоянного постоя римских гарнизонов. В этом крае римляне, в случае сильного сопротивления, всегда временно приостанавливали свои завоевания на племенных границах. Так поступал еще Цезарь в Галлии; на границе белгов он остановился и перешел ее только тогда, когда счел надежными свои позиции в собственно так называемой кельтской Галлии.

Итак, не остается ничего другого, как в согласии с Я. Гриммом и с общепринятым взглядом отнести херусков и наиболее

родственные им меньшие соседние народности к саксонскому племени, а тем самым к ингевонам. В пользу этого говорит также и то, что как раз в древней земле херусков в наибольшей чистоте сохранилось старое саксонское *a* в окончании родительного падежа множественного числа и в слабом склонении существительных мужского рода, в противоположность господствующему в Вестфалии *o*. В таком случае отпадают все трудности, ингевонская основная группа племен приобретает наравне с другими довольно округленную территорию, в которую несколько вклиниваются только герминонские лангобарды. Из обеих больших частей племени фризско-англо-ютская часть занимала побережье и по меньшей мере северный и западный районы полуострова, саксонская — внутренние земли и, может быть, уже в то время часть Нордальбингии, где Птолемей вскоре после того впервые упоминает saxones*.

V. Quinta pars peucini, basternae contermini dacis**. То немногое, что мы знаем об этих обеих племенах, как и сама форма названия basternae, характеризует их как соплеменников готов. Если Плиний представляет их как особую группу племен, то это происходит, пожалуй, оттого, что он получил свои сведения о них с Нижнего Дуная, через посредство греков, тогда как его познания о готских племенах, живших на Одере и Висле, почерпнуты были на Рейне и у Северного моря; поэтому и ускользнула от него связь между готами и бастарнами. Бастарны, так же как и певкины, — германские племена, еще долгое время остававшиеся в кочевом состоянии у Карпат и устья Дуная, подготовившие образование позднейшего большого готского королевства, в котором исчезли бесследно.

VI. Гиллевионов, под общим названием которых Плиний приводит германских скандинавов, я упоминаю только для порядка и для того, чтобы еще раз констатировать, что все древние писатели отводят этой основной группе племен только острова (к которым они также причисляют Швецию и Норвегию), удаляя их с полуострова кимвров.

Таким образом, мы имеем пять основных групп германских племен с пятью основными диалектами.

Готское племя на востоке и северо-востоке имеет в родительном падеже множественного числа мужского и среднего рода — *e,* женского рода — *o* и *e;* в существительных мужского рода слабого склонения — *a.*

* — саксов. *Ред.*
** — Пятая часть — певкины, бастарны, граничащие с даками. *Ред.*

Формы флексий в спряжении настоящего времени (изъявительного наклонения) еще тесно примыкают к формам искони родственных языков, особенно греческого и латинского, с соблюдением передвижения согласных.

Ингевонское племя на северо-западе имеет в родительном падеже множественного числа а, в существительных мужского рода слабого склонения также *а;* в настоящем времени изъявительного наклонения во всех трех лицах множественного числа окончание *d* или *dh* с выпадением всех носовых звуков. Племя делится на две главные Ветви, саксонскую и фризскую, которые в англосаксонском племени вновь сливаются воедино. К фризской ветви примыкает

скандинавское племя; родительный падеж множественного числа на *а,* слабое склонение мужского рода на *i*, которое смягчено из *а,* как показывает все склонение. В настоящем времени изъявительного наклонения первоначальное *s* второго лица единственного числа перешло в *r,* первое лицо множественного числа сохраняет *m,* второе — *dh,* остальные лица более или менее искажены.

Этим трем племенам противостоят два южных племени: искевонское и герминонское, в позднейшей терминологии — франкское и верхнегерманское. Общее у обоих — слабое склонение мужского рода на *о;* весьма вероятно, что и родительный падеж множественного числа на о, хотя во франкском он не установлен, а в древнейших западных (салических) памятниках винительный падеж множественного числа оканчивается на *as.* В спряжении настоящего времени оба диалекта близки друг другу, насколько мы можем это установить для франкского, и, в этом отношении подобно готскому, тесно примыкают к искони родственным языкам. Но соединить воедино оба диалекта нам не позволяет вся история языка — от весьма существенных архаических особенностей древнейшего франкского диалекта до большого расхождения между современными говорами их обоих, точно так же как вся история самих народностей не дает возможности включить их в одно основное племя.

Если я во всем этом исследовании обращал внимание только на формы флексии, а не на соотношение звуков, то это объясняется значительными изменениями, которые это соотношение претерпело — по крайней мере, во многих диалектах — между первым столетием и временем составления наших древнейших источников по изучению языков. Для немецкого языка мне следует только упомянуть о втором передвижении согласных; в Скандинавии аллитерации древнейших песен показывают,

как сильно изменился язык за время от их составления до их записи. То, что здесь еще следует сделать, будет, конечно, сделано немецкими языковедами по специальности; в данном случае это без нужды только усложнило бы исследование.

Написано Ф. Энгельсом в 1881—1882 гг.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса 1 изд., т. XVI, ч. I, 1937 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

ФРАНКСКИЙ ПЕРИОД [324]

ПЕРЕВОРОТ В АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ПРИ МЕРОВИНГАХ И КАРОЛИНГАХ

Строй марки оставался до конца средневековья основой почти всей жизни германской нации. После полутора тысяч лет своего существования этот строй начал, наконец, постепенно разлагаться в силу чисто экономических причин. Он распался под влиянием хозяйственного прогресса, которому больше не соответствовал. Нам предстоит ниже исследовать его упадок и окончательное исчезновение; мы установим, что его остатки существуют еще до сих пор.

Но если ему удалось так долго сохраниться, то это произошло за счет его политического значения. На протяжении столетий он служил формой, в которой осуществлялась свобода германских племен. Затем он становится основой тысячелетнего народного рабства. Как это могло произойти?

Первоначальная община включала в себя, как мы видели, все племя. Ему принадлежала первоначально вся занятая территория. Позднее владельцами заселенной территории становились все жители округа, состоявшие в более близком родстве друг с другом, а на долю народа, как такового, оставалось лишь право распоряжения остальными, еще бесхозяйными землями. Население округа, в свою очередь, уступало свои полевые и лесные марки отдельным сельским общинам, также образовавшимся из ближайших сородичей, причем и тогда избыточная земля опять-таки оставалась в распоряжении округа. Точно так же происходило в случае выделения из основных деревень новых колонизирующихся деревень, которые при этом наделялись землей из прежней марки первоначального поселения.

С ростом численности народа и дальнейшим его развитием все больше и больше забывали о союзе, основанном на кровном родстве и служившем здесь, как и повсюду, основой для всего строя народной жизни. Это прежде всего сказалось на народе в целом. Общее происхождение все в меньшей степени воспринималось как подлинное кровное родство, память о нем все больше ослабевала, оставались лишь общая история и общее наречие. Напротив, сознание кровного родства у жителей каждого отдельного округа, естественно, сохранялось дольше. Таким образом, народ превратился в более или менее прочную конфедерацию округов. В таком состоянии, по-видимому, находились германцы в эпоху переселения народов. Относительно алеманнов об этом определенно рассказывает Аммиан Марцеллин; в «Правдах» это еще проглядывает повсюду; саксы находились на этой ступени развития еще во времена Карла Великого, а фризы — до потери фризской свободы.

Но переселение на римскую территорию разрывало кровнородственный союз и в пределах округа, и должно было его разрывать. Имелось, правда, в виду, что будут селиться племенами и родами, но это было неосуществимо. Продолжительные походы перемешивали между собой не только племена и роды, но и целые народы. Только с трудом могли еще удержаться союзы отдельных сельских общин, основанные на кровном родстве, и благодаря этому они стали настоящими политическими единицами, из которых составлялся народ. Новые области на римской территории уже с самого начала представляли более или менее произвольно созданные — или обусловленные ранее существовавшими здесь отношениями — судебные округа или очень скоро становились таковыми.

Таким образом, народ растворился в союзе мелких сельских общин, между которыми не существовало никакой — или почти никакой — экономической связи, так как каждая марка удовлетворяла свои потребности собственным производством, а отдельные соседние марки производили к тому же почти в точности те же самые продукты. Обмен между ними был поэтому почти невозможен. Вследствие такого состава народа только из мелких общин, экономические интересы которых были, правда, одинаковые, но именно поэтому и не общие, условием дальнейшего существования нации становится государственная власть, возникшая не из их среды, а враждебно им противостоящая и все более их эксплуатирующая.

Форма этой государственной власти опять-таки обусловлена той формой, которую имеют к этому времени общины. Там, где она возникает, — как у арийских азиатских народов и у рус-

ских, — в период, когда община обрабатывает землю еще сообща или, по крайней мере, передает только во временное пользование отдельным семьям, где, таким образом, еще не образовалась частная собственность на землю, — там государственная власть появляется в форме деспотизма. Напротив, на завоеванной германцами римской территории мы находим, как мы видели, отдельные наделы пахоты и луга уже в качестве аллода, в качестве свободной собственности владельцев, обязанных лишь обычными для марки повинностями. Теперь нам предстоит исследовать, как на основе этого аллода возник тот общественный и государственный строй, который — такова обычная ирония истории — в конце концов разлагает государство и в своей классической форме уничтожает всякий аллод.

Аллодом создана была не только возможность, но и необходимость превращения первоначального равенства земельных владений в его противоположность. С момента установления аллода германцев на бывшей римской территории он стал тем, чем уже давно была лежавшая рядом с ним римская земельная собственность, — товаром. И таков уж неумолимый закон всех обществ, покоящихся на товарном производстве и товарном обмене, что распределение собственности делается в них все более неравномерным, противоположность между богатством и бедностью становится все резче и собственность все более концентрируется в немногих руках, — закон, который при современном капиталистическом производстве достигает, правда, своего наиболее полного развития, но отнюдь не только при нем вообще вступает в силу. Итак, с того момента, как возник аллод, свободно отчуждаемая земельная собственность, земельная собственность как товар, возникновение крупной земельной собственности стало лишь вопросом времени.

Но в ту эпоху, которой мы занимаемся, земледелие и скотоводство были решающими отраслями производства. Обладание землей и ее продуктами составляло самую большую часть тогдашнего богатства. Всякое богатство, состоявшее из движимости, в то время, естественно, зависело от обладания землей и все больше и больше скоплялось в тех же самых руках, что и земельная собственность. Промышленность и торговля были подорваны уже в эпоху римского упадка; германским нашествием они были почти совершенно уничтожены. То, что из этого еще уцелело, было большей частью в руках несвободных и чужестранцев и продолжало считаться презренным занятием. Господствующим классом, который постепенно складывался здесь с ростом имущественного неравенства, мог быть лишь

класс крупных землевладельцев, формой его политического господства — аристократический строй. Поэтому, если мы увидим, как на возникновение и развитие этого класса неоднократно и как будто даже преимущественно оказывали влияние политические средства, насилие и обман, то мы не должны забывать, что эти политические средства только содействуют усилению и ускорению необходимого экономического процесса. Правда, мы столь же часто будем наблюдать, как эти политические средства задерживают экономическое развитие; это довольно часто и каждый раз происходит там, где различные участники пускают в ход эти средства в противоположных или взаимно перекрещивающихся направлениях.

Как же возник этот класс крупных землевладельцев? Во-первых, мы знаем, что и после франкского завоевания в Галлии сохранялось много крупных римских землевладельцев, поместья которых в большинстве случаев обрабатывались свободными или зависимыми держателями, платившими чинш (canon).

Затем мы видели, как благодаря захватническим войнам королевская власть сделалась у всех переселившихся германцев постоянным учреждением и реальной силой, как она превратила старую народную землю в королевские домены, а также включила в свои владения римские государственные земли. В течение многочисленных гражданских войн, которые были вызваны разделами империи, владения короны непрерывно росли за счет массовых конфискаций земель так называемых бунтовщиков. Но при всем их быстром росте они так же быстро и расточались на дарения церкви и частным лицам — франкам и романам, дружинникам короля (антрустионам) или каким-нибудь другим его любимцам. Точно так же земельными дарениями покупали властители отдельных частей Франкского государства помощь у господствующего класса крупных и могущественных землевладельцев, чиновников и военачальников, после того как начало образованию этого класса было положено уже во время гражданских войн и под их влиянием. Что все это в огромном большинстве случаев были действительные дарения, т. е. пожалования в свободную, наследственную и отчуждаемую собственность, пока при Карле Мартелле не наступили перемены в этом отношении, — неопровержимо доказал Рот*.

Когда Карл взял в свои руки бразды правления, власть королей была уже совершенно подорвана, но далеко еще не заме-

* P. Roth. «Geschichte des Beneficialwesens». Erlangen, 1850[325]. Это — одна из лучших книг домаурeровского периода; я кое-что заимствую из нее в этой главе.

щена в силу этого властью мажордомов. Созданный в эпоху Меровингов за счет короны класс магнатов всячески содействовал крушению королевской власти, но отнюдь не для того, чтобы подчиниться мажордомам, людям одного с ними звания. Напротив, вся Галлия, как говорит Эйнхард, была в руках этих

«тиранов, которые везде претендовали на господство» («tyrannos per totam Galliam dominatum sibi vindicantes»)[326].

Наряду со светскими магнатами так же поступали и епископы, которые во многих местностях присвоили себе господство над окрестными графствами и герцогствами и были защищены как иммунитетом, так и крепкой церковной организацией. За внутренним распадом государства последовали нападения внешних врагов: саксы вторглись в Рейнскую Франконию, авары — в Баварию, арабы через Пиренеи — в Аквитанию. В таком положении простое усмирение внутренних врагов и изгнание внешних не могли помочь делу на долгое время; нужно было найти способ крепче привязать к трону усмиренных магнатов или их преемников, поставленных на их место Карлом. А так как их господство до сих пор покоилось на крупном землевладении, то первым условием для этой цели был полный переворот в отношениях землевладения. Этот переворот — важнейшее деяние Каролингской династии. Он замечателен опять-таки тем, что, будучи применен как способ объединить государство, навсегда привязать магнатов к трону и усилить таким путем королевскую власть, он, в конце концов, привел к полнейшему бессилию короны, к независимости магнатов и распаду государства.

Чтобы понять, что заставило Карла избрать этот способ, мы должны предварительно исследовать имущественное положение церкви того времени, которое, как существенный элемент в тогдашних аграрных отношениях, вообще не может быть оставлено в данном случае без внимания.

Уже в римскую эпоху церковь обладала в Галлии довольно значительными земельными владениями, доходы которых еще повышались благодаря большим привилегиям в отношении налогов и других повинностей. Но золотой век для галльской церкви наступил лишь с обращением франков в христианство. Короли соперничали между собой в том, кто из них сделает больше дарений в пользу церкви — землей, деньгами, драгоценностями, церковной утварью и т. п. Уже Хильперик обыкновенно говорил (см. Григория Турского):

«Смотрите, как обеднела наша казна, смотрите, все наши богатства переданы церкви»[327].

При Гунтраме, фаворите и холопе попов, дарения не знали уже никакой меры. Таким образом земли свободных франков, конфискованные в наказание за бунты, притекали тогда большей частью в руки церкви.

За королями следовал и народ. Мелкие и крупные землевладельцы не знали меры в своих дарениях в пользу церкви.

«Чудесное исцеление от действительного или мнимого недуга, исполнение заветного желания, например, рождение сына, спасение от опасности приносили дарения тон церкви, лей святой проявил милосердие. Быть щедрым представлялось тем более необходимым, что среди высших и низших слоев населения было распространено мнение, что дарениями в пользу церкви можно было заслужить прощение грехов» (Рот, стр. 250).

К этому присоединялся иммунитет, который в эпоху непрестанных междоусобных войн, грабежей и конфискаций защищал собственность церкви от насилий. Нередко мелкий люд находил выгодным уступить свою земельную собственность церкви, если за ним оставалось право пользования этим владением за умеренную арендную плату.

Однако благочестивым попам всего этого было еще мало. Угрожая вечными адскими муками, они буквально выжимали все большие дарения, так что Карл Великий еще в 811 г. в своем Ахенском капитулярии[328] упрекал их за это, а также за то, что они

«склоняют людей к клятвопреступлению и лжесвидетельству, для того чтобы умножать свое» (епископов и аббатов) «богатство».

Выманивались и незаконные дарения в надежде на то, что церковь, помимо ее судебных привилегий, найдет достаточно других путей, чтобы обойти правосудие. В течение VI и VII веков почти ни один церковный собор в Галлии не обходился без угроз отлучения от церкви за всякое выступление против дарений в пользу церкви. Даже формально незаконные дарения превращались таким путем в законные, а частные долги отдельных представителей духовенства освобождались от взысканий.

«Поистине презренны те средства, которые, как мы видим, пускаются в ход, чтобы вновь и вновь пробуждать готовность делать дарения. Если дарителей уже нельзя было больше привлечь изображениями небесного блаженства и адских мук, то привозили мощи из далеких краев, перемещали их из одной церкви в другую и строили новые церкви; в IX веке это была настоящая сфера делового оборота» (Рот, стр. 254). «Когда посланцы суассонского монастыря Сен-Медард с большим трудом выклянчили в Риме тело св. Себастьяна и вдобавок украли тело св. Григория и останки обоих были помещены в монастыре, то к новым святым сбежалось столько народа, что окрестность была им усеяна, как саранчой, и искавшие помощи исцелялись не поодиночке, а целыми толпами. Мона-

хам пришлось поэтому мерить деньги четвериками, которых они насчитывали 85, и их золотой запас достигал 900 фунтов» (стр. 255).

Для мошеннического выкачивания богатств в пользу церкви пользовались обманом, жульническими трюками, явлениями усопших, особенно святых, и, наконец, и даже главным образом, подделкой документов.

«Много духовных лиц», — мы снова предоставляем слово Роту, — «занималось такой подделкой в огромном масштабе... этот промысел начался уже очень рано... В каких размерах им занимались, видно из большого числа поддельных документов, содержащихся в наших сборниках. Из 360 меровингских дипломов, приведенных у Брекиньи, около 130 — несомненно подложные... Подложное завещание Ремигия было уже использовано Хинкмаром из Реймса с целью приобрести для своей церкви ряд владений, о которых в подлинном завещании ничего не было сказано, хотя оно никогда не было затеряно, и Хинкмар очень хорошо был осведомлен о подложности первого».

Сам папа Иоанн VIII старался приобрести владения монастыря Сен-Дени около Парижа при помощи документа, подложность которого была ему известна (Рот, стр. 256 и сл.).

Нас не должно поэтому удивлять, что земельные владения церкви, нахватанные посредством дарений, вымогательств, обманов, плутней, подлогов и других способов уголовного характера, приняли в течение немногих столетий прямо колоссальные размеры. Монастырь Сен-Жермен-де-Пре, ныне расположенный в черте Парижа, обладал в начале IX века земельными владениями в 8000 мансов, или гуф*, или, по исчислению Герара, 429987 гектаров с годовым доходом в 1 миллион франков = 800000 марок[329]. Если принять среднюю площадь гуфы в 54 гектара с доходом в 125 франков = 100 маркам, то площадь земельных владений монастырей Сен-Дени, Люксейль и Сен-Мартен в Туре в одно и то же время, при 15000 мансов в каждом, составляла 810000 гектаров с доходом в $1^1/_2$ миллиона марок. И это *после* конфискации церковных земель, произведенной Пипином Коротким! Все церковные владения в Галлии к концу VII века Рот определяет равными (стр. 249) не менее, а скорее более одной трети общей земельной площади.

Эти огромные земельные владения обрабатывались частью несвободными, частью также и свободными держателями церкви. Из несвободных рабы (servi), как лица неправоспособные, первоначально обязаны были своим господам повинностями, размеры которых не были установлены, но, по-видимому, и для поселенцев-рабов вскоре была установлена обычаем

* Манс, или гуфа, — в средние века крестьянский земельный надел. *Ред.*

определенная мера платежей и работ. Наоборот, повинности обоих других несвободных классов, колонов и литов (относительно различий в их правовом положении в ту эпоху нет сведений), были твердо установлены и заключались в определенных ручных работах и барщине с упряжкой, а также в определенной доле дохода с земли. Это были отношения зависимости, сохранившиеся с давних пор. Напротив, то, что свободные люди сидели не на общинной и не на своей собственной земле, а на какой-то другой, было для германцев чем-то новым. Правда, в Галлии и вообще в области действия римского права германцы достаточно часто встречали свободных римлян в качестве арендаторов; но они при занятии территории позаботились о том, чтобы им самим не приходилось превращаться в арендаторов и можно было сидеть на своей собственной земле. Следовательно, прежде чем свободные франки могли сделаться чьими-либо держателями, они должны были каким-нибудь образом потерять аллод, полученный ими при занятии территории, должен был образоваться особый класс безземельных свободных франков.

Этот класс стал образовываться вследствие начинавшейся концентрации землевладения, вследствие тех же причин, которые вызвали самую концентрацию; это были, с одной стороны, гражданские войны и конфискации имуществ, а с другой стороны, уступки земель церкви, вынужденные большей частью давлением обстоятельств и стремлением к безопасности. А церковь нашла скоро еще особый способ поощрять такие уступки, предоставляя дарителю за оброк право пользования не только его собственной землей, но сверх того еще и участком церковной земли. Эти дарения происходили в двоякой форме. Или даритель получал в пожизненное пользование свое владение, так что оно переходило в собственность церкви только после его смерти (donatio post obitum); в этом случае было в обычае, а позднее было точно установлено королевскими капитуляриями, что даритель получал от церкви в пользование за чинш вдвое больше земли, чем он дарил. Или же дарение немедленно вступало в силу (cessio a die praesente), и тогда даритель получал от церкви в пользование за чинш сверх его собственного владения еще втрое больше церковной земли на основании выданного церковью документа, так называемого прекария, передававшего эти земельные участки дарителю большей частью пожизненно, но иногда также и на более или менее продолжительный срок. После того как образовался класс безземельных свободных людей, многие из них также вступали в подобные отношения; пожалованные им прекарии, по-видимому, вначале

выдавались большей частью на 5 лет, но и для таких случаев вскоре сделались пожизненными.

Конечно, не приходится сомневаться в том, что уже во времена Меровингов на землях светских магнатов создались совершенно такие же отношения, как и на церковных землях, что, следовательно, также и там наряду с несвободными были посажены на оброк и свободные держатели. Их, должно быть, даже при Карле Мартелле было уже очень много, потому что в противном случае начатый им и завершенный его сыном и внуком переворот в аграрных отношениях оставался бы, по крайней мере, в *одном* отношении совершенно необъяснимым.

Этот переворот в основе своей покоится на двух новых установлениях. Во-первых, для того чтобы прочнее привязать магнатов государства к короне, им, как правило, коронных земель больше не дарили, а предоставляли в пожизненное пользование в качестве «бенефиция» на определенных условиях, под страхом отнятия бенефиция за несоблюдение условий. Так магнаты сами становились держателями земельных владений короны. И, во-вторых, для того чтобы обеспечить крупным магнатам набор свободных держателей для военной службы, этим магнатам была передана часть должностных функций графа данного округа по отношению к свободным людям, поселенным в их владениях, и они были назначены «сеньорами» над этими последними. Из этих двух реформ нам предстоит пока рассмотреть здесь только первую.

Подчиняя мелких мятежных «тиранов», Карл, вероятно, — сведений нет — по старому обычаю конфисковывал их земельные владения, но, восстанавливая затем их сан и служебное положение, он снова предоставлял им их земли целиком или частично в качестве бенефиция. С церковными владениями непокорных епископов он еще не осмеливался так поступать; он смещал их и отдавал их места преданным ему людям, из которых, конечно, у многих не было ничего от духовных лиц, кроме тонзуры (sola tonsura clericus). Эти новые епископы и аббаты начали по его приказанию передавать большие участки церковной земли светским людям в прекарии; такие примеры бывали уже и раньше, но теперь это приобрело массовый характер. Сын Карла, Пипин, пошел значительно дальше. Церковь пришла в упадок, духовенство презиралось, папу теснили лангобарды, и он мог ждать помощи только от Пипина. Пипин помог папе, содействовал расширению его церковного господства, оказывал ему всяческую поддержку. Но он вознаградил себя, присоединив к коронным землям значительно бо́льшую часть

церковных, и оставив епископам и монастырям только то, что было необходимо для их существования. Эту первую секуляризацию в крупном масштабе церковь допустила без сопротивления, синод в Лестине утвердил ее, правда, с ограничительной оговоркой, которая, однако, никогда не соблюдалась. Эта огромная масса земель подняла вновь на подобающую высоту исчерпанные было королевские земельные владения и служила главным образом для дальнейших пожалований, которые на деле вскоре приняли форму обычных бенефициев.

Здесь следует прибавить, что церковь очень скоро сумела оправиться от этого удара. Едва разделавшись с Пипином, бравые божьи люди возобновили старую практику. Дарения стали вновь притекать со всех сторон, мелкие свободные крестьяне продолжали оставаться в том же тяжелом положении, между молотом и наковальней, что и 200 лет тому назад; при Карле Великом и его преемниках им жилось еще гораздо хуже, и многие из них переходили со всем своим хозяйством под защиту епископского посоха. Некоторым привилегированным монастырям короли возвращали часть награбленного; другим, особенно в Германии, они дарили огромные площади из коронных земель; при Людовике Благочестивом для церкви, казалось, вернулись благословенные времена Гунтрама. Монастырские архивы особенно богаты сведениями о дарениях в IX веке.

Бенефиции, этот новый институт, который нам предстоит теперь рассмотреть подробней, еще не был позднейшим леном, но был уже его зародышем. Его жаловали с самого начала пожизненно — до смерти как жалователя, так и получателя: Если умирал один из них, то бенефиций переходил к собственнику или к его наследнику. Для возобновления прежнего отношения необходимо было новое пожалование — получателю или его наследнику. Земельное пожалование, предоставленное в качестве бенефиция, таким образом, согласно позднейшей формулировке, становилось недействительным как в случае смерти сеньора [Thronfall], так и в случае смерти получателя и переходило к наследнику умершего сеньора [Heimfall]. Принцип недействительности бенефициального пожалования в случае смерти сеньора или короля вскоре перестал применяться на практике; крупные бенефициарии стали могущественнее короля. В случае смерти бенефициария уже в очень ранние времена нередко практиковалось новое пожалование владения наследникам прежнего бенефициария. Поместье Патрициак (Перси) близ Отёна, которое было пожаловано Карлом Мартеллом в качестве бенефиция Хильдебранну, передавалось

в семье от отца к сыну на протяжении четырех поколений, пока король в 839 г. не подарил это владение брату четвертого бенефициария в полную собственность. Начиная с середины VIII века подобные случаи были нередки.

Бенефиций мог быть конфискован жалователем во всех случаях, когда имущество вообще могло быть подвергнуто конфискации. А таких случаев при Каролингах было более чем достаточно. Восстания в Алемании при Пипине Коротком, заговор тюрингов, неоднократные восстания саксов влекли за собой все новые конфискации как свободных крестьянских земель, так и владений и бенефициев магнатов. То же самое имело место вопреки всем противоречащим такому порядку договорным установлениям во время междоусобных войн при Людовике Благочестивом и его сыновьях. Некоторые не политические преступления также влекли за собой конфискацию имущества.

Бенефиции, кроме того, могли быть конфискованы короной в тех случаях, когда бенефициарий пренебрегал общими обязанностями подданного, например не выдавал разбойника с иммунитетной территории, не снаряжался в поход, не считался с письменными повелениями короля и т. д. Но в этих случаях бенефиции давались на особых условиях; несоблюдение их влекло за собой конфискацию бенефиция, которой в данном случае, разумеется, не подвергалось остальное имущество бенефициария. Так бывало, например, когда бенефиции составляли бывшие владения церкви и бенефициарий не вносил причитавшихся с них платежей в пользу церкви (nonae et decimae*) или когда бенефициарий приводил в упадок свое имение; в таком случае устанавливался обычно предупредительный годичный срок для того, чтобы бенефициарий мог исправиться и тем самым защитить себя от грозящей в противном случае конфискации. Затем, пожалование владения могло быть связано также и с несением определенной службы, и это в действительности тем чаще имело место, чем больше бенефиции превращался в настоящий лен. Но первоначально это отнюдь не было обязательным, в особенности несение военной службы; много бенефициев жаловалось низшим клирикам, монахам, духовным и светским женщинам.

Наконец, отнюдь не исключено, что корона вначале передавала также земли с сохранением права отмены пожалования или на определенный срок, т. е. в прекарий. Это правдоподобно,

* — девятина и десятина (т. е. девятая и десятая части урожая и иных доходов). *Ред.*

если судить по отдельным сведениям и церковной практике. Однако такая практика во всяком случае скоро прекратилась, так как пожалование на условиях бенефиция получило в IX веке всеобщее распространение.

Так, церковь, — и то же самое мы должны предположить относительно крупных землевладельцев и бенефициариев, — церковь, которая раньше передавала земли своим свободным держателям большей частью только в прекарий, во временное пользование, должна была подчиниться импульсу, исходившему от короны. Она не только также начала жаловать бенефиции, но эта форма пожалования стала до такой степени преобладающей, что уже ранее существовавшие прекарий незаметно принимали характер бенефициев, становились пожизненными, пока в IX веке прекарий почти полностью не превращается в бенефиции. Во второй половине IX века бенефициарии церкви, а также и светских магнатов, должно быть, заняли уже видное положение в государстве; некоторые из них были, по-видимому, довольно крупными собственниками, основателями позднейшего низшего слоя знати. Иначе Карл Лысый едва ли так горячо заступился бы за тех, у кого Хинкмар Лаонский отнял без оснований их бенефиции.

Как видим, бенефиции уже обладает некоторыми чертами, которые снова встречаются в развитом лене. Для обоих одинаково имеют силу смена на троне и переход частного владения по наследству. Как лен, так и бенефиций подлежат конфискации только при определенных условиях. В созданной бенефициями общественной иерархии, идущей сверху вниз от короны через крупных бенефициариев, предшественников имперских князей, к средним бенефициариям, позднейшему дворянству, а от них к свободным и несвободным крестьянам, большая часть которых живет марками, мы видим основы позднейшей замкнутой феодальной иерархии. Правда, надо заметить, что если позднейшее ленное держание при всех обстоятельствах является служилым держанием и обязывает к несению военной службы у владельца лена, то для бенефиция последнее условие, конечно, еще не имеет места, а первое отнюдь не необходимо. Но тенденция превращения бенефиция в служилое поместье уже бесспорно имеется налицо и приобретает в IX веке все большее распространение; и по мере дальнейшего распространения этой тенденции бенефиции развивается в лен.

Но этому развитию содействует еще один фактор — перемены в административном устройстве округа и военном строе, происшедшие сначала под влиянием крупного землевладения, а впоследствии под влиянием крупных бенефициев, в которые

все больше превращались прежние крупные земельные владения в результате непрестанных междоусобных войн и связанных с ними конфискаций и новых пожалований.

Понятно, что в этой главе речь идет только о бенефиции в его чистой, классической форме, которая, конечно, была лишь преходящей и далеко не везде одновременно проявлялась. Но такие исторические формы проявления экономических отношений можно понять, наблюдая их только в таком чистом виде, и одна из главных заслуг Рота состоит именно в том, что он очистил эту классическую форму бенефиция от шелухи всех затемняющих ее придатков.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО ОКРУГА И ВОЕННЫЙ СТРОЙ

Изображенный выше переворот в сфере поземельных отношений не мог остаться без влияния на старый государственный строй. Этот переворот вызвал в нем также значительные изменения, а последние, в свою очередь, оказали обратное влияние на отношения землевладения. Мы оставляем пока в стороне преобразование всего государственного строя и ограничиваемся здесь рассмотрением влияния нового экономического положения на сохранявшиеся еще остатки старого народного строя как в отношении организации округа, так и в военном деле.

Уже в эпоху Меровингов мы часто встречаем графов и герцогов в роли управителей коронных земель. Но только в IX веке мы находим коронные земли, о которых с достоверностью можно судить как о таковых, связь которых с графской должностью выражалась в том, что граф получал доходы с этих земель, пока оставался в своей должности. Прежняя почетная должность превратилась в оплачиваемую из обеспеченных доходов. Наряду с этим графы владеют также королевскими бенефициями, лично им пожалованными, что при тогдашних отношениях представлялось само собой разумеющимся. Таким путем граф сделался могущественным землевладельцем внутри своего графства.

Прежде всего ясно, что авторитет графа должен был страдать от появления крупных землевладельцев под его начальством и рядом с ним; люди, которые во времена Меровингов и первых Каролингов довольно часто относились с насмешкой к приказам короля, должны были оказывать еще меньше уважения распоряжениям графа. Их свободные держатели,

рассчитывавшие на защиту со стороны могущественных вотчинников, также часто оставляли без внимания требования графа явиться в суд или к отбыванию военной повинности. Это и было как раз одной из причин, вызвавших введение пожалования на началах бенефиция вместо аллода, а позднее — постепенное превращение в бенефиции большей части крупных земельных владений, обладание которыми ранее не было связано никакими условиями.

Но одно это еще не обеспечивало привлечения свободных держателей, сидевших на землях магнатов, к несению государственных повинностей. Должна была последовать дальнейшая перемена. Король вынужден был возложить на крупных землевладельцев такого же рода ответственность за явку их свободных держателей в суд, в ряды войска и к исполнению прочих традиционных государственных повинностей, как та, которая до сих пор лежала на графе за всех свободных жителей его графства. А это король мог сделать только путем передачи магнатам части должностных полномочий графа по отношению к их держателям. Вотчинник, или бенефициарий, должен был представлять своих людей в суд; они, следовательно, должны были вызываться в суд через его посредство. Он должен был приводить их в ряды войска, следовательно, через его посредство должен был производиться их набор; чтобы постоянно нести за них ответственность, он должен был стать их военным предводителем и приобрести право подчинять их военной дисциплине. Но служба держателей была и оставалась королевской службой; непокорных наказывает не землевладелец, а королевский граф; штраф идет в пользу королевской казны.

Эта реформа также восходит к Карлу Мартеллу. По крайней мере, только со времени его правления мы встречаем у самых крупных служителей церкви обычай лично являться в поход; по объяснению Рота, Карл приказывал епископам являться в войска во главе своих держателей для того, чтобы обеспечить явку последних. Не подлежит сомнению, что со светскими магнатами и их держателями происходило то же самое. При Карле Великом этот новый порядок был уже почти установлен и повсеместно проведен в жизнь.

Но вместе с тем произошло значительное изменение также и в политическом положении свободных держателей. Раньше юридически равноправные со своим вотчинником при всей своей экономической зависимости от него, они теперь и в правовом отношении стали его подданными. Экономическое подчинение получило политическую санкцию. Вотчинник стано-

вится сеньором, держатели становятся его homines*; «господин» становится начальником «человека». Равноправие свободных исчезает; «человек», простолюдин, свобода которого уже понесла сильный ущерб вследствие потери наследственного земельного владения, спускается еще на одну ступень ближе к несвободным. И тем выше поднимается новый «господин» над уровнем старой общей свободы. Уже созданная экономически основа новой аристократии признается государством, становится одним из регулярно действующих маховых колес государственной машины.

Рядом с этими «homines», состоящими из свободных держателей, существовала еще и другая их группа. То были обедневшие свободные, добровольно поступившие на службу или в дружину к магнатам. Меровинги имели свою дружину в лице антрустионов, магнаты того времени также, вероятно, не оставались без дружины. При Каролингах дружинники называются «vassi», «vasalli» или «gasindi» — названия, которые в древнейших «Правдах» употребляются еще для обозначения несвободного, теперь же применяются обычно для обозначения свободного дружинника. Те же самые обозначения употребляются для дружинников магнатов, которые приобретают теперь всеобщее распространение и становятся все более многочисленным и важным элементом в обществе и государстве.

Как у магнатов появились такие дружинники, показывают старые формулы договоров. В одной из них (формуле Сирмона, 43) говорилось, например:

«Поелику всем известно, что у меня нет ничего, на что я мог бы кормиться и одеваться, то я обращаюсь к благочестию вашему (господина) с просьбой позволить мне встать под ваше покровительство (mundeburdum, равнозначащее опеке) и поручить себя вам на следующих основаниях; вы должны будете помогать мне пищей и одеждой, по мере того как я буду вам служить и заслуживать этого; а я, пока жив буду, обязуюсь воздавать послушание на положении свободного человека (ingenuili ordine); в течение всей своей жизни не волен я выходить из-под вашей власти и опеки, но до самой своей смерти должен я оставаться под вашей властью и защитой»[330].

Эта формула полностью раскрывает возникновение и природу простых, свободных от всяких чуждых примесей отношений коммендации, и притом тем более, что воспроизводит крайний случай совершенно разорившегося бедняка. Вступление под патронат сеньора совершалось по свободному соглашению обеих

* — людьми. *Ред.*

сторон, — свободному в смысле римской и современной юриспруденции; оно довольно часто бывало сходно с поступлением теперешнего рабочего на службу к фабриканту. «Человек» поручал себя господину, и этот последний принимал на себя его коммендацию. Эта коммендация состояла в рукопожатии и клятве в верности. Договор был пожизненным и прекращался лишь со смертью одного или обоих контрагентов. Служилый человек был обязан нести всякую совместимую с положением свободного человека службу по поручению своего господина, который за это его содержал и по своему усмотрению вознаграждал. Земельное пожалование отнюдь не обязательно было с этим связано и в действительности имело место далеко не во всех случаях.

Эти отношения при Каролингах, особенно со времени Карла Великого, не только терпели, но и прямо поощряли; наконец, капитулярием, изданным, по-видимому, в 847 г., они были сделаны обязательными для всех рядовых свободных и были государством регламентированы. Так, служилый человек только в том случае мог односторонне расторгнуть отношения к своему господину, если последний хотел его убить, избить палкой, обесчестить его жену или дочь или отнять у него его наследственное земельное владение (капитулярий 813 г.). Служилый человек попадал в зависимость от господина, как только получал от него какую-нибудь ценность в один солид; это лишний раз подтверждает, что вассальные отношения не были обязательно связаны в то время с земельным пожалованием. Те же постановления повторяет капитулярий 816 г. с добавлением, что служилый человек освобождается, если господин захочет незаконно отнять у него свободу или не окажет ему обещанную защиту, будучи в состоянии ее оказать.

Перед лицом государства сеньор [Gefolgsherr] получал те же самые права и обязанности в отношении своих вассалов что и вотчинник или бенефициарий в отношении своих держателей. Они оставались обязанными службой королю, только и здесь между королем и его графом вклинивался сеньор. Он представлял вассалов в суд, собирал их в поход, предводительствовал ими на войне и поддерживал среди них воинскую дисциплину; он отвечал за них и за установленное для них вооружение. Но благодаря этому сеньор приобретал и некоторую карательную власть над своими подчиненными, и эта власть служит исходным моментом развивающейся впоследствии юрисдикции сеньора по отношению к его вассалам.

В этих обоих впоследствии развившихся институтах, в возникновении вассальных отношений и в передаче крупному вотчиннику, держателю коронного бенефиция и сеньору графской, следовательно, государственной административной власти над его подчиненными, как над его земельными держателями, так и над безземельными зависимыми от него людьми [landlose Gefolgsleute], которые все уже вскоре стали обозначаться общими названиями «vassi», «vasalli», «homines», — в этом утверждении и усилении государством фактической власти господина над его вассалами мы видим уже значительное развитие того зародыша ленной системы, который уже имелся в бенефиции. Сословная иерархия спускается от короля через крупных бенефициариев к их свободным держателям и, наконец, к несвободным, становится признанным и официально действующим наряду с другими элементом государственного порядка. Государство признает, что оно не может существовать без ее помощи. Мы, впрочем, увидим, как эта помощь оказывалась на деле.

Различие между лицами, вступившими под патронат, и земельными держателями важно только вначале, для доказательства двойственного происхождения зависимости свободных. Очень скоро оба вида вассалов неотделимо сливаются воедино как по названию, так и по существу. У крупных бенефициариев все больше входит в обычай поручать себя королю, т. е., будучи его бенефициариями, становиться также и его вассалами. Короли находили выгодным для своих интересов принимать личную клятву в верности от магнатов, епископов, аббатов, графов и вассалов («Бертинские анналы»[331], 837 г., чаще всего в IX веке); при этом различие между общей присягой подданных и особой присягой вассалов должно было скоро стереться. Таким образом все магнаты постепенно превращаются в королевских вассалов. Но тем самым медленно совершавшееся развитие крупных землевладельцев в особое сословие, в аристократию, было признано государством, включено в государственную организацию и сделалось одним из официально действующих рычагов.

Таким же образом человек, находившийся под патронатом того или иного крупного землевладельца, постепенно превращался в его земельного держателя. Помимо содержания непосредственно на господском дворе, которое, конечно, было возможно только для небольшого числа лиц, не оставалось никакого другого способа для обеспечения себе лиц, вступавших под патронат, как путем поселения их на землю, путем пожалования им земли в качестве бенефиция. Следовательно,

многочисленных и боеспособных вассалов, которые в ту эпоху постоянных войн составляли главное условие существования магнатов, можно было приобрести только путем земельных пожалований вассалам. Поэтому безземельные дворовые люди, служившие на господском дворе, постепенно уступают место массе поселенных на господской земле.

Но чем более вклинивался этот новый элемент в старый государственный строй, тем более он потрясал основы этого строя. Прежнее непосредственное осуществление функций государственной власти самим королем и графами все больше уступало место осуществлению их через посредников; между государством и рядовыми свободными встал сеньор, с которым они все в большей мере становились лично связанными узами верности. Граф, бывший раньше важнейшим деятелем в государственной машине, принужден был все больше отступать и действительно отступал на задний план. Карл Великий действовал в данном случае так, как он обыкновенно всегда поступал. Сначала он, как мы видели, поощрял преобладающее распространение вассальных отношений, пока независимый свободный мелкий люд почти совершенно не исчез. Когда же обнаружилось, что это привело к ослаблению его собственной власти, он попытался вновь укрепить ее путем государственного вмешательства. При властителе, столь энергичном и грозном, это в некоторых случаях, возможно, и удавалось, но при его слабых преемниках сила обстоятельств, с его помощью созданных, неудержимо пробивала себе дорогу.

Излюбленным приемом Карла было отправлять королевских посланцев (missi dominici) с чрезвычайными полномочиями. Там, где обыкновенный королевский чиновник — граф — не мог справиться с усиливавшимся беспорядком, это должен был сделать специальный посланец. (Это следует исторически обосновать и развить.)

Но был еще и другой способ, который состоял в том, чтобы поставить графа в положение, по крайней мере, равное положению магнатов в его графстве, обеспечив его власть материальными ресурсами. Это было возможно лишь в том случае, если граф также вступал в ряды крупных землевладельцев, что опять-таки можно было сделать двумя способами. С самой должностью графа могла быть связана передача известных земельных владений в отдельных областях в виде дотации, так что лицо, занимавшее в данный момент должность графа, официально управляло ими и пользовалось доходами с них. Таких примеров встречается много, особенно в грамотах, и притом

уже с конца VIII века; начиная с IX века эти отношения становятся вполне обычными. Такие дотации производились, само собой разумеется, большей частью из владений королевского фиска; уже в эпоху Меровингов мы часто встречаем графов и герцогов в качестве управителей расположенных на их территории земель королевского фиска.

Любопытно отметить, что встречаются также некоторые примеры (имеется даже установленная для них формула), когда епископы вознаграждают должность графа дотациями из церковных земель, — конечно, при условии неотчуждаемости церковного владения, в какой-нибудь форме бенефиция. Щедрость церкви достаточно хорошо известна, чтобы допустить для этого какое-нибудь иное объяснение, кроме горькой нужды. Под все возрастающим нажимом соседних светских магнатов для церкви оставался только союз с остатками государственной власти.

Эти пожалования, связанные с самой должностью графа (res comitatus, pertinentiae comitatus), вначале были еще резко отделены от бенефициев, которые давались лично исполняющему свою должность графу. Бенефиции также обычно щедро раздавались; поэтому, если сложить вместе дотации и бенефиции, то придется признать, что должность графа, первоначально бывшая почетным званием, сделалась теперь очень доходным постом, и со времен Людовика Благочестивого ее начали, подобно другим королевским щедротам, предоставлять людям, которых хотели привлечь или содействием которых желали себя обеспечить. Так, о Людовике Косноязычном сказано, что «quos potuit conciliavit sibi, dans eis abbatias et comitatus ac villas»[*] («Бертинские анналы», 877). Термин «honor»[**], которым раньше обозначалась должность вместе со связанными с ней правами на почести, приобретает в течение IX столетия совершенно то же значение, что и бенефиций. Вместе с тем неизбежно совершалось существенное изменение также и в характере должности графа, значение которого Рот правильно подчеркивает (стр. 408). Приобретший публично-правовой характер сеньорат вначале был копией графской должности и с графскими полномочиями. Теперь, во второй половине IX века, сеньорат получил такое повсеместное распространение, что угрожал поглотить должность графа, и эта последняя могла сохранить свой авторитет, только все более принимая характер

[*] — кого мог, он привлекал, жалуя аббатствами, графствами и земельными владениями. *Ред.*
[**] — «честь». *Ред.*

сеньората. Графы все в большей мере узурпировали, и не без успеха, положение сеньора по отношению к жителям своего округа (pagenses) и притом вторглись в область их прав, как частных, так и публичных. Точно так же, как это делали прочие «господа» с соседним мелким людом, и графы старались добром или силой сделать наиболее нуждающихся свободных обитателей своих округов своими вассалами. Это удавалось им тем легче, что самая возможность прямого злоупотребления со стороны графа своими служебными полномочиями лучше всего доказывала, как мало защиты со стороны королевской власти и ее органов могли ожидать еще сохранившиеся остатки рядовых свободных. Оставленные на произвол всяких насильников, мелкие свободные люди должны были считать за благо найти какого-нибудь покровителя, хотя бы уступая свой аллод и получая его обратно только в бенефиций. Уже в капитулярии 811 г. Карл Великий жалуется на то, что епископы, аббаты, графы, судьи и сотники постоянными судебными злоупотреблениями, многократными призывами на военную службу до тех пор разоряют мелких людей, пока те не отдадут или не продадут им своих аллодов, и что бедные громко жалуются на разграбление их собственности и т. д. Таким путем в Галлии уже к концу IX века большая часть свободной собственности перешла в руки церкви, графов и других магнатов (Хинкмар Реймский, 869 г.), а несколько позднее в некоторых провинциях уже совсем не было свободной земельной собственности мелких свободных людей (Маурер. «Введение», стр. 212). По мере того как с увеличением власти бенефициариев и уменьшением власти короны бенефиции постепенно становились наследственными, таковыми же становились в силу обычая также и должности графов. Если в многочисленных королевских бенефициариях мы усматривали первые зачатки будущей знати, то здесь виден зародыш территориального верховенства будущих территориальных князей, происшедших из графов отдельных округов.

В то время как общественный и политический строй стал таким образом, совершенно иным, старинное военное устройство основанное на военной службе, которая была в такой же степени правом, как и обязанностью всех свободных, осталось с внешней стороны тем же самым; и только там, где существовали новые отношения зависимости, сеньор вклинился между своими вассалами и графом. Но рядовые свободные с каждым годом все менее были в состоянии нести бремя военной службы. Эта

последняя заключалась не в одной только личной службе; призванный должен был также сам себя вооружать и жить на собственный счет в течение первых шести месяцев. Непрестанные войны Карла Великого довершили дело. Бремя сделалось столь непосильным, что массы мелкого свободного люда, чтобы от него избавиться, предпочитали отдавать не только остаток своей земли, но и лично себя и своих потомков в распоряжение магнатов, в особенности же церкви. Свободных воинственных франков Карл довел до того, что они готовы были становиться зависимыми и крепостными, лишь бы только не воевать. Таково было следствие военного устройства, основанного на общности и равенстве земельных владений всех свободных, которое Карл с таким упорством проводил в жизнь и даже довел до крайнего предела развития в то время, когда огромное-число свободных потеряло всю свою землю или большую ее часть.

Но факты были сильнее, чем упрямство и честолюбие Карла. Старое военное устройство нельзя было дольше сохранять. Вооружить и содержать войско на государственный счет было тем более невозможно в ту эпоху натурального хозяйства, почти не знавшего ни торговли, ни денег. Карл был поэтому вынужден настолько ограничить воинскую повинность, чтобы оставалась возможность вооружить и содержать воина. Это было проведено Ахенским капитулярием 807 г., когда войны ограничивались лишь пограничными столкновениями и целостность империи была, по-видимому, обеспечена. В первую очередь должны были являться в войско все без различия королевские бенефициарии. Далее, всякий, владевший 12 гуфами (mansi), должен был являться в воинских доспехах, следовательно, также и на коне (слово «caballarius», всадник, встречается в том же капитулярии); владельцы 3—5 гуф обязаны были выступать в поход. Каждые два владельца, имевшие по 2 гуфы, три владельца, имевшие по одной гуфе, и шесть владельцев — по половине гуфы, должны были в каждом случае выставлять одного воина и вооружать его за счет остальных. Из совершенно безземельных свободных, владевших, однако, движимым имуществом в 5 солидов, в поход также должен был идти каждый шестой человек, получая денежную поддержку в размере одного солида от каждого из остальных пяти. Обязанность различных частей государства выставлять воинов для походов выполнялась в полном размере, если война велась вблизи, в случае же дальних войн она ограничивалась, в зависимости от расстояния, половиной — одной шестой частью полного контингента воинов.

Карл, очевидно, стремился таким путем приспособить старое военное устройство к изменившемуся экономическому положению военнообязанных, спасти то, что еще можно было спасти. Но и эта уступка не помогла; уже вскоре после этого он принужден был в «Капитулярии государевым посланцам о призыве в военное ополчение» допустить новые изъятия. Этот капитулярий, который обычно считали более ранним, чем Ахенский, судя по всему его содержанию, появился несомненно на много лет позднее Ахенского. Он повышает число гуф, с которых следует выставлять одного воина, с трех до четырех; владельцы половины гуфы и безземельные освобождаются от воинской повинности, и для бенефициариев она также ограничивается обязанностью выставлять одного воина с каждых четырех гуф. При преемниках Карла минимальное число гуф, от которого выставляли одного воина, было, по-видимому, повышено даже до *пяти*.

Замечательно, что набор обязанных являться в воинских доспехах владельцев двенадцати гуф встретил, по-видимому, наибольшие затруднения. По крайней мере, в капитуляриях бесчисленное количество раз повторяется приказ, чтобы они являлись в панцирях.

Так все более исчезали рядовые свободные. Если постепенное отделение от земли гнало одну их часть в вассальную зависимость к новым крупным вотчинникам, то страх перед прямым разорением от военной службы толкал другую их часть непосредственно под иго крепостничества. Как быстро происходило вступление в зависимость [Ergebung in die Knechtschaft], свидетельствует полиптик (опись земельных владений) монастыря Сен-Жермен-де-Пре, который тогда еще был расположен за чертой Парижа. Он был составлен аббатом Ирминоном в начале IX века; среди поселенцев монастыря полиптик насчитывает 2080 семей колонов, 35 — литов, 220 — рабов (servi) и только *восемь* свободных семейств. Но слово «колон» обозначало в Галлии того времени определенно несвободного. Брак свободной женщины с колоном *или* рабом подчинял ее, как обесчещенную (deturpatam), господину (капитулярий 817 г.). Людовик Благочестивый повелевает, чтобы «colonus vel servus» (одного монастыря в Пуатье) «ad naturale servitium velit nolit redeat»*. Они подвергались телесному наказанию (капитулярии 853, 861, 864, 873 гг.) и отпускались иногда на волю (см. Герар. «Полиптик аббата Ирминона»), Эти крепостные крестьяне были

* — «колон или раб должен быть возвращен в свое естественное зависимое состояние, хочет он того или нет». *Ред.*

отнюдь не романского происхождения, а, по свидетельству самого Якоба Гримма («История немецкого языка», I), исследовавшего их имена, это были «почти сплошь франки, значительно превосходившие численно небольшое количество романского населения».

Такое сильное увеличение числа несвободных в свою очередь произвело сдвиг в классовых отношениях франкского общества. Наряду с крупными землевладельцами, которые быстро превращались в то время в самостоятельное сословие, наряду с их свободными вассалами, выступал теперь класс несвободных, все больше поглощавший остатки рядовых свободных. Но эти несвободные частью сами раньше еще были свободными, частью были детьми свободных; в наследственной зависимости [erblicher Knechtschaft] на протяжении трех или более поколений жило незначительное меньшинство. К тому же это были большей частью не привезенные из чужих земель саксонские, вендские и прочие военнопленные; напротив, большинство составляли местные жители франкского и романского происхождения. С такими людьми, которые к тому же еще начинали составлять основную массу населения, не так легко было иметь дело, как с полученными по наследству или с иноземными крепостными. Личная крепостная зависимость [Knechtschaft] была им еще непривычна; телесные наказания, которым подвергались даже колоны (капитулярии 853, 861, 873 гг.), воспринимались еще как оскорбление, а не как нечто само собой разумеющееся. Отсюда — многочисленные заговоры и восстания несвободных и даже вассалов из числа крестьян. Карл Великий сам жестоко подавил восстание держателей Реймского епископства; Людовик Благочестивый в капитулярии 821 г. говорит о восстаниях рабов (servorum) во Фландрии и земле менапиев (по верхнему течению реки Лис). В 848 и 866 гг. пришлось подавлять восстания служилых людей (homines) Майнцского епископства. Приказы подавлять подобные восстания повторяются в капитуляриях начиная с 779 года. Восстание «Стеллинга» в Саксонии[332] было, по-видимому, такого же характера. То обстоятельство, что с конца VIII и начала IX века повинности несвободных, и в том числе даже и поселенных на землю рабов, все больше устанавливаются в определенных, не подлежащих превышению размерах и что Карл Великий предписывает это в своих капитуляриях, было, очевидно, результатом угрожающего поведения этих несвободных масс.

Такова была цена, за которую Карл купил свою новую Римскую империю: уничтожение сословия рядовых свободных, которые в эпоху завоевания Галлии составляли всю массу

франкского племени, разделение народа на крупных землевладельцев» вассалов и крепостных. Но вместе с рядовыми свободными пришло в упадок и старое военное устройство, а вместе с ними обоими пала и королевская власть. Карл уничтожил единственную основу своего собственного господства. При нем оно еще держалось, но при его преемниках обнаружилось то, что представляло из себя в действительности дело его рук.

ФРАНКСКИЙ ДИАЛЕКТ [333]

С этим диалектом языковеды сыграли удивительную шутку. В то время как Гримм дает ему раствориться во французском и верхненемецком языках, новейшие исследователи приписывают ему распространение от Дюнкирхена и Амстердама до Унструта, Заале и Рецата, если даже не до Дуная, а посредством колонизации и до Исполиновых гор. Когда даже такой филолог, как Мориц Гейне, конструирует на основании изготовленной в Вердене рукописи Гелианда[334] древний нижнефранкский язык, который представляет собой почти чистый древнесаксонский диалект с очень слабым франкским налетом, — Брауне просто причисляет все действительно нижнефранкские диалекты частью к саксонскому, частью к нидерландскому[335]. И, наконец, Арнольд ограничивает район завоеваний рипуарских франков территорией, лежащей к северу от водораздела между Аром и Мозелем, и полагает, что все земли, расположенные к югу и юго-западу, заняты были сначала алеманнами, а потом исключительно хаттами (которых он также причисляет к франкам), и что они, следовательно, также говорили на алеманнско-хаттском диалекте.

Прежде всего введем область франкского языка в ее действительные границы. Причислять к ней Тюрингию, Гессен и Майнскую Франконию нет абсолютно никаких других оснований, кроме того, что во времена Каролингов общее название «Francia» распространялось и на эти земли. Язык, на котором говорят к востоку от Шпессарта, Фогельсберга и Калер-Астена, есть все, что угодно, только не франкский. Гессен и Тюрингия имеют свои собственные, самостоятельные диалекты, как земли, населенные самостоятельными племенами; в Майнской Франконии смесь славянского, тюрингского и гессенского населения была пронизана баварскими и франкскими элементами и выработала свой особый диалект.

Только применяя в качестве основного отличительного признака степень проникновения верхненемецкого передви-

жения согласных в диалекты, можно эти три ветви языка причислить к франкскому диалекту. Но именно этот способ, как мы увидим, вносит всю путаницу в суждение нефранков о франкском языке.

Начнем с древнейших памятников и прежде всего осветим надлежащим образом так называемый древненижнефранкский язык Морица Гейне*. Так называемый коттонский список Гелианда, изготовленный в Вердене и в настоящее время находящийся в Оксфорде, по его мнению, древненижнефранкский, потому что он был изготовлен в Верденском монастыре, еще на франкской территории, но очень близко от саксонской границы. Старая племенная граница еще и теперь служит здесь границей между Бергом и Марком; из расположенных между ними аббатств Верденское принадлежит Франконии, Эссенское — Саксонии. С востока и с севера к Вердену очень тесно примыкают бесспорно саксонские земли; на равнине между Руром и Липпе саксонский язык проникает местами почти до Рейна. Того обстоятельства, что саксонское произведение было переписано в Вердене, и притом, очевидно, франком, и что у этого франка то здесь, то там срывались с пера франкские формы слов, еще далеко не достаточно, чтобы язык списка объявить франкским. Кроме коттонского списка Гелианда, Гейне рассматривает как нижнефранкские некоторые верденские фрагменты, обнаруживающие тот же характер, и остатки перевода псалмов, который, по его мнению, сделан в окрестностях Ахена, тогда как Керн («Глоссы в «Салической правде»»)[336] прямо объявляет этот перевод нидерландским. И в самом деле, в переводе встречаются, с одной стороны, вполне нидерландские формы, но, с другой стороны, наряду с ними настоящие рейнско-франкские формы и даже следы верхненемецкого передвижения согласных. Он, очевидно, сделан на границе нидерландского и рейнско-франкского диалектов, приблизительно между Ахеном и Маастрихтом. Его язык значительно моложе языка обоих списков Гелианда.

Между тем, достаточно одного коттонского списка Гелианда, чтобы на основании небольшого числа встречающихся в нем франкских форм с несомненностью установить некоторые основные различия между франкским и саксонским диалектами.

I. Во всех ингевонских диалектах все три лица множественного числа в настоящем времени изъявительного наклонения

* «Kleine altsachsische und altniederfrankische Grammatik von Moritz Heyne», Paderborn, 1873 [Мориц Гейне, «Краткая древнесаксонская и древненижнефранкская грамматика». Падерборн, 1873].

оканчиваются одинаково, именно — на зубную согласную с предшествующей гласной: в древнесаксонском на *d,* в англосаксонском на *dh,* в древнефризском на *th* (которое, по-видимому, стоит также вместо *dh).* Так, в древнесаксонском *hebbiad* значит wir haben, ihr habt, sie haben, точно так же все три лица от *fallan, gawinnan* обозначаются одинаково через *fallad, winnad.* Третье лицо подчинило себе здесь все три, но, следует отметить, со специфически ингевонским выпадением *n* перед *d* или *dh,* которое также является общим для всех трех названных диалектов. Из всех живых диалектов эта особенность сохранилась только в вестфальском; там еще до сих пор говорят: *wi, ji, se hebbed* и т. д. Остальные саксонские диалекты так же, как и западнофризский, ее больше не знают; они различают все три лица*.

Западнорейнские псалмы, как и средневерхненемецкий язык, имеют в первом лице множественного числа *m,* во втором лице *t,* в третьем — *nt.* Наоборот, в коттонском списке Гелианда наряду с саксонскими встречаются несколько раз формы совсем другого рода: *tholond* — sie dulden [они терпят], *gornond* — ihr klagt [вы сетуете] и как форма повелительного наклонения *marient* — verkundigt [возвестите], *seggient* — sagt [скажите], где саксонский диалект требует *tholod, gornot, mariad, seggiad.* Это не только франкские формы, это до сих пор настоящий верденский, бергский местный диалект. В бергском диалекте все три лица множественного числа настоящего времени также образуются одинаково, но не по-саксонски — на *d,* а по-франкски — на *nt.* В противоположность маркскому *wi hebbed,* здесь, у самой границы, говорят: *wi hant* и, аналогично вышеупомянутой форме повелительного наклонения *seggient,* говорят: *seient ens* — sagt einmal [скажите-ка]. На основании простого наблюдения, что здесь в бергском диалекте все три лица образуются одинаково, Брауне и другие без колебаний объявили всю горную бергскую область саксонской. Это правило, конечно, проникло сюда из Саксонии, но оно, к сожалению, применяется по-франкски и доказывает поэтому противоположное тому, что оно должно доказывать согласно их мнению.

Выпадение *n* перед зубными согласными в ингевонских диалектах не ограничивается этим случаем; оно распространено меньше в древнефризском, напротив, довольно широко в древнесаксонском и англосаксонском: *mudh* — Mund, *kudh* — Kund, *us* — uns, *odhar* — ein anderer. Франкский переписчик Гелианда

* В рукописи Энгельсом приписано карандашом: «и 3-е от 2-го»[337]. *Ред.*

в Вердене вместо *odhar* два раза употребляет франкскую форму *andar.* В верденских податных списках франкские формы имен *Reinswind, Meginswind* чередуются с саксонскими *Reinswid, Meginswid.* Наоборот, в левобережных рейнских псалмах мы везде имеем: *munt, kunt, uns;* в одном только случае, в так называемых глоссах Липсия[338] (извлеченных из утерянной рукописи этих псалмов), встречается *farkutha,* т. е. *abominabiles* [ненавистные], вместо *farkuntha.* Древнесалические памятники также везде сохранили *n* в именах: *Gund, Segenand, Chlodosindis, Ansbertus* и т. д., что не существенно. Современные франкские диалекты везде имеют *n* (единственное исключение в бергском диалекте составляет форма *os — uns).*

II**.** Памятники языка, на основании которых обычно конструируют так называемую древнесаксонскую грамматику, происходят все из Юго-Западной Вестфалии, Мюнстера, Фреккенхорста, Эссена. Язык этих памятников обнаруживает некоторые существенные отклонения не только от общих ингевонских форм, но и от таких, которые дошли до нас в качестве подлинных древнесаксонских форм в именах собственных из Энгерна и Остфалии; наоборот, у них поразительное сходство с франкским диалектом и древневерхненемецким языком. Поэтому новейший исследователь грамматики древнесаксонского диалекта Косейн называет его даже древнезападносаксонским[339].

Так как в этом исследовании мы ограничены почти одними именами собственными из латинских документов, то поддающиеся доказательству отличия в формах западносаксонского и восточносаксонского диалектов могут быть лишь весьма немногочисленны; они ограничиваются двумя случаями, которые, однако, имеют решающее значение.

1) В англосаксонском и древнефризском языках родительный падеж множественного числа во всех склонениях оканчивается на *a.* Наоборот, в древнезападносаксонском и древнефранкском диалектах и в древневерхненемецком языке — на *o*. Какова же подлинная древнесаксонская форма? Действительно ли этот диалект отступил здесь от ингевонской нормы?

Документы из Энгерна и Остфалии дают на это ответ. В *Stedieraburg, Horsadal, Winethahusen, Edingahusun, Magathaburg* и во многих других названиях первая часть сложного слова поставлена в родительном падеже множественного числа и оканчивается на *a.* Даже в Вестфалии *a* еще не совсем исчезло: в списке из Фреккенхорста[340] встречается один раз *Aningera lo*

и *Wernera-Holthuson,* точно так же в Оснабрюке *a* является старым родительным падежом множественного числа.

2) Точно так же слабое склонение в именительном падеже мужского рода оканчивается во франкском диалекте, как и в древневерхненемецком языке, на *o* в отличие от готско-ингевонского *a.* Для древнезападносаксонского диалекта также нормой представляется *o*; следовательно, опять отклонение от ингевонского употребления. Но это отнюдь не относится к древнесаксонскому языку вообще. Даже в Вестфалии *o* не встречалось без исключений; свиток из Фреккенхорста содержит уже наряду с именами на *o* целый ряд имен на *a (Siboda, Uffa, Asica, Hassa, Wenda* и т. д.); в падерборнских памятниках у Виганда[341] почти всегда встречается *a* и только как редкое исключение *o;* в остфальских документах почти исключительно господствует *a;* поэтому уже Я. Гримм («История немецкого языка») пришел к следующему заключению: нельзя не признать, что *a* и *an* (в косвенных падежах) — первоначальная саксонская форма, общая для всех частей народа. Продвижение *o* вместо *a* также не ограничивалось Вестфалией. В начале XV века восточнофризские мужские имена хроник и пр. почти постоянно оканчиваются на *o: Fokko, Occo, Enno, Smelo* и т. д. вместо более раннего *a,* еще сохранившегося в отдельных случаях в западнофризском диалекте.

Итак, можно признать твердо установленным, что оба отклонения западносаксонского диалекта от ингевонской нормы не искони саксонские, а вызваны чужим влиянием. Это влияние очень просто объясняется тем обстоятельством, что Западная Саксония *была раньше франкской территорией.* Только после ухода главной массы франков саксы постепенно продвигались через Оснинг и Эгге к той линии, которая еще и в настоящее время отделяет Марк и Зауэрланд от Берга и Зигерланда. Влияние остававшихся франков, теперь уже слившихся с саксами, сказывается в вышеупомянутых двух *o* вместо *a;* его нельзя не признать еще и в современных диалектах.

III. Особенность рейнско-франкского языка, распространенная от Рура до Мозеля, это — окончание первого лица настоящего времени изъявительного наклонения на *n;* оно лучше всего удерживается в том случае*, когда следует гласная: *dat don ek* — das tue ich, *ek han* — ich habe (в бергском диалекте). Эта глагольная форма употребляется по всему Нижнему Рейну и Мозелю, по меньшей мере, до лотарингской границы: *don, han.* Эта же особенность встречается уже в лево-

* На полях пометка Энгельса карандашом: Отфрид[342]. *Ред.*

бережных рейнских псалмах, хотя и недостаточно последовательно: *biddon* — ich bitte [прошу], *wirthon* — ich werde [становлюсь]. В салическом диалекте нет этого *n;* уже в древнейшем документе[343] там встречается *ec forsacho* [отрекаюсь], *gelobo* [обещаю]. Его нет также и в нидерландском языке. Древнезападносаксонский диалект отступает здесь от франкского только в том, что он знает это *n* лишь в одном спряжении (в так называемом втором слабом): *skawon* — ich schaue [смотрю], *thionon* — ich diene [служу] и т. д. Англосаксонскому и древнефризскому языкам оно совершенно чуждо. Мы можем поэтому предположить, что и это *n* представляет франкский пережиток в древнезападносаксонском диалекте.

Кроме сохранившихся в документах и пр. многочисленных собственных имен и искаженных часто до неузнаваемости глосс в «Салической правде», у нас нет почти никаких остатков салического диалекта. Однако Керн («Глоссы в «Салической правде»») устранил значительное число этих искажений, установил в некоторых случаях точный, в других весьма вероятный текст и доказал, что он написан на языке, являющемся прямым предком средненидерландского и новонидерландского языков. Но этот реконструированный таким образом материал, конечно, не может быть применен для грамматики без оговорок. Кроме этого, мы располагаем еще только краткой формулой присяги, присоединенной к капитулярию Карломана 743 г. и, вероятно, составленной на соборе в Лестине, т. е. в Бельгии. И здесь мы с самого начала наталкиваемся на два характерных франкских слова: *ec forsacho* — ich entsage [отрекаюсь]. — *Ec* вместо *ich* и теперь еще очень распространено среди франков. В Трире и Люксембурге *eich,* в Кёльне и Ахене *ech,* по-бергски *ek.* Если литературный нидерландский язык имеет *ik,* то в народной речи, особенно во Фландрии, довольно часто приходится слышать *ek.* В древнесалических именах — *Segenandus, Segemundus, Segefredus* — везде единообразно *e* встречается вместо *i.*

В *forsacho* стоит *ch* вместо *g* между гласными; это встречается в памятниках и в других случаях (например, *rachineburgius)* и является до сих пор характерным признаком всех франкских наречий от Пфальца до Северного моря. К этим двум основным признакам франкского диалекта — *e* часто вместо *i* и *ch* между гласными вместо *g* — мы еще вернемся при рассмотрении отдельных говоров.

В качестве результата предыдущего исследования, с которым можно еще сопоставить то, что говорит о древнефранкском

диалекте Гримм в конце первого тома «Истории немецкого языка», мы можем выдвинуть положение, которое, впрочем, вряд ли будет теперь кем-либо оспариваться, что франкский диалект уже в VI и VII веках был самостоятельным диалектом, представлявшим переходное звено от верхненемецкого, т. е. прежде всего алеманнского, к ингевонскому, т. е. прежде всего к саксонскому и фризскому, стоявшим тогда еще всецело на готсконижненемецкой ступени передвижения согласных. А раз принято это положение, то тем самым признано и то, что франки не представляли простой смеси различных племен, объединенных в союз под влиянием внешних обстоятельств, а были самостоятельным основным германским племенем, искевонами, которые, по-видимому, в различные периоды включали в свой состав и чужеродные элементы, но имели достаточно сил, чтобы их ассимилировать. И мы можем также считать доказанным, что каждая из обеих главных ветвей франкского племени уже давно говорила на особом диалекте, что диалект делился на салический и рипуарский и что некоторые особенности, разделяющие эти старые диалекты, еще продолжают жить в современной устной народной речи.

Перейдем теперь к этим еще живым и в настоящее время диалектам.

I. В настоящее время нет более никаких сомнений относительно того, что салический диалект продолжает жить в обоих нидерландских диалектах, фламандском и голландском, и притом в наибольшей чистоте на тех территориях, которые уже с VI века стали франкскими. Именно с тех пор как бурные морские приливы в XII, XIII и XIV столетиях уничтожили почти всю Зеландию и образовали Зёйдер-Зе, Долларт и Яде, а тем самым порвали вместе с географической и политическую связь между фризами, — погибли под напором окрестных владетельных феодалов остатки древней фризской вольности, а вместе с ней почти повсюду и фризский язык. На западе он был оттеснен или совсем вытеснен нидерландским языком, на востоке и севере — саксонским и датским; но в обоих случаях он оставлял сильные следы в языке, который вытеснял его. Древнефризская Зеландия и Голландия сделались в XVI и XVII веках центром и опорным пунктом борьбы за независимость Нидерландов, так же как уже раньше они стали средоточием главных торговых городов страны. Здесь поэтому преимущественно и складывался новонидерландский литературный язык, воспри-

нимая фризские элементы, слова и формы слов, которые следует отличать от франкской основы. С другой стороны, с востока на прежние фризскую и франкскую территории проник саксонский язык. Проведение точных границ должно быть предоставлено более подробному исследованию; чисто салическими являются только те части Бельгии, в которых говорят по-фламандски, — Северный Брабант и Утрехт, а также Гелдерланд и Оверэйссел, за исключением восточной, саксонской полосы.

Между границами французского языка на Маасе и саксонского к северу от Рейна сталкиваются салический и рипуарский диалекты. О разделяющей их линии, которую и в данном случае предстоит, еще в частностях установить, мы будем говорить ниже. Сначала займемся грамматическими особенностями нидерландского языка.

В гласных прежде всего обращает на себя внимание чисто франкская замена *i* посредством *e: brengen* — bringen, *kreb* — Krippe, *hemel* — Himmel, *geweten* — Gewissen, *ben* — bin, *stem* — Stimme. В средненидерландском языке это встречается еще гораздо чаще: *gewes* — gewiss, *es* — ist, *selver* — Silber, *blent* — blind. В новонидерландском языке здесь *gewis, is, zilver, blind.* Точно так же вблизи Гента я нахожу два поселения: *Destelbergen* и *Desteldonk;* следовательно, еще и теперь там говорят *Destel* вместо Distel. Средненидерландский язык, выросший на чисто франкской почве, в этом отношении вполне согласуется с рипуарским; но уже в меньшей степени — литературный новонидерландский язык, подвергшийся фризскому влиянию.

Далее, также в согласии с рипуарским диалектом, встречается *o* вместо *u* перед *m* или *n* со следующей согласной, но не с такой последовательностью, как в средненидерландском языке и рипуарском диалекте. Наряду с *konst, gonst, kond* в новонидерландском языке встречаются: *kunst, gunst, kund; с* другой стороны, в обоих одинаково: *mond* — Mund, *hond* — Hund, *jong* — jung, *ons* — uns.

В отличие от рипуарского долгое *i(ij)* в произношении перешло здесь в *ei,* чего еще не было, по-видимому, в средненидерландском языке. Но это *ei* произносится не так, как верхненемецкое *ei = ai,* а действительно как *e+i,* хотя и не так узко, как, например, *ej* у датчан и славян. Почти так же звучит дифтонг, который пишется не как *ij,* а как *ei.* Соответственно вместо верхненемецкого *au* стоит *ou*, *ouw.*

Перегласовка исчезла из флексии. В склонении единственное и множественное число, а в спряжении изъявительное

и сослагательное наклонения имеют одну и ту же корневую гласную. Напротив, в словообразовании перегласовка встречается в двоякой форме; 1) в форме общей всем послеготским диалектам перегласовки *a* через *i* в *e*, 2) в форме, составляющей особенность нидерландского языка и развившейся только впоследствии. Средненидерландский язык, как и рипуарский диалект, знает еще: *hus* — Haus [дом], *brun* — braun [бурый], *rum* — geraumig [просторный], *tun* — Zaun [забор]; во множественном числе *huse* — *brune.* Новонидерландский язык знает уже только чуждые средненидерландскому и рипуарскому формы *huis, bruin, ruim, tuin (ui* = верхненемецкому *eu*). Наоборот, *eu* вместо краткого *o* (верхненемецкого *u)* уже проникает в Средненидерландский: *jeughet* наряду с *joghet,* новонидерландское *jeugd* — Jugend [молодость]; *doghet* — Tugend [добродетель], *dor* — Tur [дверь], *kor* — Wahl [выбор], наряду с чем, — формы с *eu;* в новонидерландском принято уже только: *deugd, keur, deur.* Это вполне совпадает с развившимся начиная с XII века северофранцузским *eu* вместо латинского *o* под ударением. На третий случай перегласовки обращает внимание Керн: в новонидерландском *ei* представляет перегласовку *e (ee).* Все эти три формы перегласовки неизвестны рипуарскому, как и прочим диалектам, и составляют характерную особенность нидерландского языка.

Ald, alt, old, olt, uld, ult превращаются в *oud, out.* Этот переход встречается уже в средненидерландском языке, в котором, однако, попадаются еще *guldin, hulde, sculde,* наряду с *goudin, houde, scoude* (sollte), так что приблизительно известно время, когда произошел этот переход. Он составляет также особенность нидерландского языка, по крайней мере, в противоположность всем континентальным германским диалектам; напротив, он имеется также в английском ланкаширском диалекте: *gowd, howd, owd* вместо *gold, hold, old.*

Что касается согласных, то нидерландский язык не знает чистого *g* (заднеязычного итальянского, французского или английского *g).* Эта согласная произносится как сильно придыхательное *gh,* которое в некоторых сочетаниях звуков не отличается от глубоко заднеязычного (швейцарского, новогреческого или русского) *ch.* Мы видели, что этот переход *g* в *ch* был уже известен древнесалическому диалекту. Он встречается также в части рипуарского и саксонских диалектов, развившихся на некогда франкской почве, например в Мюнстере, где, так же как и в Берге, при известных условиях даже *j* в начале слова, особенно в иностранных словах, звучит как *ch* и где можно услышать *Choseph* и даже *Chahr* (Jahr). Если бы М. Гейне обратил

на это внимание, то ему не причинили бы особых затруднений частое смешивание и взаимные аллитерации *j*, *g* и *ch* в Гелианде.

В начале слова нидерландский язык местами сохраняет *wr: wringen* — ringen [крутить, ломать], *wreed* — grausam [жестокий], *wreken* — rachen [мстить]. Остатки этого имеются и в рипуарском диалекте.

Из фризского языка нидерландский язык заимствовал смягчение уменьшительного окончания *ken* в *tje, je: mannetje* — Mannchen [человечек], *bietje* — Bienchen [пчелка], *halsje* — Halschen [шейка] и т. д. Но сохраняется и *k: vrouken* — Frauchen [женушка], *hoeteken* — Hutchen [хижинка]. Лучше сохраняется *k* во фламандском диалекте, по крайней мере в народном языке: известный человечек в Брюсселе называется *manneken-pis*[344]. Из фламандского, следовательно, заимствовали французы свое *mannequin,* а англичане *mannikin.* Множественное число обоих окончаний *vroukens, mannetjes.* С этим *s* мы еще встретимся в рипуарском диалекте.

Общим с саксонскими и даже со скандинавскими диалектами является в нидерландском языке выпадение *d* между гласными, особенно между двумя *e*: *leder* и *leer, weder* и *weer, neder* и *neer, vader* и *vaer, moeder* и *moer* — Mutter [мать].

Нидерландское склонение обнаруживает полное смешение сильных и слабых форм, а так как перегласовки во множественном числе также не бывает, то нидерландские образования множественного числа совпадают с рипуарскими или саксонскими только в очень редких случаях, и в этом также состоит весьма ощутительная особенность нидерландского языка.

Общей у салического и рипуарского со всеми ингевонскими диалектами является утрата признака именительного падежа в *er, der, wer:* по-нидерландски *hij, de* (член) и *die* (указательное местоимение), *wie.*

Анализ спряжения завел бы нас слишком далеко. Сказанного будет достаточно, чтобы повсюду отличать современный салический язык от граничащих с ним диалектов. Более обстоятельное исследование нидерландских народных говоров, наверное, откроет еще не мало важного.

II. *Рейнско-франкское наречие.* Этим выражением я обозначаю все прочие франкские диалекты. Если я здесь по-старому не противопоставляю салическому диалекту рипуарский, то для этого имеются достаточные основания.

Уже Арнольд[345] обратил внимание на то, что рипуарии в собственном смысле слова занимали сравнительно узкий

район, южная граница которого более или менее определяется обоими селениями Рейффершейд — возле Аденау и Шлейдена. Это правильно постольку, поскольку этим самым *чисто рипуарская* область отграничивается также и в языковом отношении от областей, занятых подлинными рипуариями после других германских племен или одновременно с ними. Но так как название «ннжнефранкскнй диалект» теперь уже приобрело другое значение и включает также и салический диалект, то для группы близко родственных говоров, распространенных от салической языковой границы до этой линии, у меня остается только обозначение «рипуарские» в узком смысле слова.

1. *Рипуарский диалект.* Граница, отделяющая эту группу говоров от салической, отнюдь не совпадает с голландско-германской границей. Напротив, к салическому диалекту еще относится на правом берегу Рейна большая часть округа Реса, где в районе Везеля сталкиваются диалекты салический, рипуарский и саксонский. На левом берегу Рейна салическими являются Клеве и Гельдерн, примерно до линии, проводимой от Рейна, между Ксантеном и Везелем, на юг к деревне Влюн (к западу от Мёрса) и затем на юго-запад к Венло; установление более точных границ возможно только на месте, так как благодаря многолетнему голландскому управлению не только в Гельдерне, но и в графстве Мёрс на картах сохранилось много рипуарских названий в салическо-нидерландской форме.

Большая часть правого берега Мааса, — вверх по течению от окрестностей Венло, — по-видимому, рипуарская, так что политическая граница здесь нигде не пересекает салической области, а постоянно рипуарскую, и последняя тянется почти до самого Маастрихта. Названия на *heim* (не *hem*) и на специфически рипуарское *ich* встречаются здесь в большом числе на голландской территории, а дальше к югу — уже с передвижением согласных — на *broich* (голландское *broek),* например *Dollenbroich* у Рурмонда, а также и на *rade (Bingelrade* у Ситтарда, там же *Amstenrade, Holbelrade* и 6—7 других); доставшийся Бельгии небольшой отрезок немецкой территории, по правую сторону Мааса, — целиком рипуарский (ср. *Krutzenberg* в 9 километрах от Мааса с *Kruysberg* к северу от Венло). Даже по левую сторону Мааса, в бельгийском так называемом Лимбурге, я нахожу *Kessenich* у Маасейка, *Stockheim* и *Reekheim* на Маасе, *Gellick* у Маастрихта как доказательство, что здесь живет не чисто салическое население.

Рипуарская граница с Саксонией направляется из окрестностей Везеля к юго-востоку, все больше удаляясь от Рейна,

между Мюльгеймом на Руре и Верденом с франкской стороны и Эссеном — с саксонской, вплоть до бергско-маркской границы, которая еще и теперь служит границей между Рейнской провинцией и Вестфалией. Она покидает последнюю только к югу от Ольпе, откуда идет на восток, отделяя франкский Зигерланд от саксонского Зауэрланда. Далее к востоку вскоре начинается область гессенского диалекта.

Вышеупомянутая южная граница с диалектом, обозначенным мной как среднефранкский, приблизительно совпадает с южными границами старых областей Авальгау, Бонгау и Эйфлиа и идет оттуда на запад к области валлонского диалекта, скорее слегка придерживаясь южного направления. Очерченная таким образом территория обнимает старую большую область Рипуарию и части областей, примыкающих с севера и запада.

Как уже было сказано, рипуарский диалект во многих отношениях совпадает с нидерландским языком, но таким образом, что средненидерландский язык ближе к нему, чем нововидерландский. С этим нововидерландским языком в рипуарском диалекте совпадает произношение *ei* как *e*+*i* и *ou* вместо *au,* а также переход *i* в *e,* который в рипуарском диалекте и средненидерландском языке заходит еще гораздо дальше, чем в нововидерландском: средненидерландские *gewes, es, blend, selver* (Silber [серебро]) звучат еще и теперь совсем по-рипуарски. Точно так же и притом последовательно *u* перед *m* или *n* со следующей согласной переходит в *o*: *jong, lomp, domm, konst.* Если же эта следующая согласная *d* или *t,* то она в некоторых говорах переходит в *g* или *k;* например, *honk* — Hund [собака], множественное число *hong;* здесь переход *k* в звонкий *g* есть результат влияния отпавшей конечной гласной *e*.

Напротив, условия перегласовки в рипуарском диалекте резко отличаются от нидерландского и в общем совпадают с верхненемецким языком, а в отдельных исключительных случаях с саксонским (например, *hanen* вместо Hahne [петухи]).

Wr в начале слова перешло в глухое *fr,* сохранившись в *fringen* — выжимать воду из ткани и т. п. и *fred* (по-голландски *wreed)* в значении: закаленный.

Вместо *er, der, wer* стоит *he, de, we.*

Склонение занимает среднее место между верхненемецким и саксонским. Образования множественного числа на *s* встречаются часто, но почти никогда не совпадают с нидерландскими; это *s* в областном варианте литературного языка превращается

в *r* в точном соответствии с предыдущим ходом развития языка. Уменьшительное окончание *ken, chen* после *n* обращается в *schen, mannschen,* множественное число, как и в нидерландском, имеет окончание *s (mannsches).* Обе эти формы можно проследить до самой Лотарингии.

Перед *s, st, d, t* и *z* — *r* выпадает; предшествующая ему гласная в некоторых говорах остается краткой, в других удлиняется. Так hart превращается в *hatt* (по-бергски) и *haad* (по-кёльнски). При этом под южнонемецким влиянием *st* переходит в *scht:* Durst — *doascht* по-бергски, *doscht* по-кёльнски.

Точно так же под верхненемецким влиянием начальные *sl, sw, st, sp* превратились в *schl* и т. д.

Как нидерландскому языку, так и рипуарскому диалекту не известно чистое *g.* Часть говоров, расположенных у салической границы, как например бергский, имеют в начале и в середине слова вместо *g* также придыхательное *gh,* но все же более слабое, чем в нидерландском языке. Прочие говоры имеют *j*. В конце слова *g* везде произносится, как *ch,* но не как сильное нидерландское, а как слабое рейнско-франкское *ch,* которое звучит, как приглушенное *j*. О нижненемецком по существу характере рипуарского диалекта свидетельствуют такие выражения, как *boven* вместо oben.

Большинство глухих согласных повсюду находится еще на первой ступени передвижения согласных. Только *t* и стоящее в середине и конце слова *k,* а иногда и *p* в южных говорах уже подверглись верхненемецкому передвижению согласных. Эти говоры имеют *losze* вместо *loten* — lassen [оставлять], *holz* вместо *holt* [дерево], *rich* вместо *rik* — reich [богатый], *ech* вместо *ek* — ich [я], *pief* вместо *pipe* — Pfeife [дудка], но *et, dat, wat* и некоторые другие остаются без изменений.

Именно на этом даже не всегда последовательном проникновении в трех случаях верхненемецкого передвижения согласных и основывается обычное разграничение среднефранкского и нижнефранкского диалектов. Но таким образом произвольно и по совершенно случайному признаку разрывается на части целая группа говоров, которые взаимно связаны, как было показано выше, определенными звуковыми соотношениями и еще до сих пор воспринимаются в народном сознании как взаимно связанные.

Совершенно случайно, говорю я. Остальные средненемецкие диалекты — гессенский, тюрингский, верхнесаксонский и др., каждый сам по себе — находятся в общем на определенной ступени верхненемецкого передвижения согласных. Они могут

обнаруживать, конечно, у нижнесаксонской границы несколько меньше, у южнонемецкой границы несколько больше явлений передвижения, но это создает, самое большее, лишь местные различия. Напротив, франкский диалект у Северного моря, на Маасе и Нижнем Рейне не обнаруживает совсем никакого передвижения согласных, а на алеманнской границе — почти целиком алеманнское передвижение; между этими крайними ступенями имеются по меньшей мере три переходные. Таким образом, передвижение согласных проникло в рейнско-франкский диалект, уже самостоятельно развившийся, и разорвало его на несколько частей. Последние следы этого передвижения согласных вовсе не должны исчезать на границе уже ранее существовавшей особой группы говоров; оно может отмирать и внутри такой группы, как это и случается в действительности. Наоборот, влияние передвижения, которое действительно образует говоры, прекращается, как будет показано ниже. непременно на границе двух, уже ранее различавшихся между собой групп говоров. И разве *schl, schw* и т. д. и *scht* в конце слова не проникли к нам также из верхненемецкого и притом еще гораздо позднее? А между тем эти процессы, особенно первые из них, глубоко проникают даже в Вестфалию.

Рипуарские говоры составляли прочную группу задолго до того, как часть из них усвоила передвижение *t* и в середине и в конце слова *k* и *p.* Как далеко могли заходить эти изменения внутри группы, было и остается чисто случайным для группы. Говор Нёйса тождествен с говорами Крефельда и Мюнхен-Гладбаха до мелочей, даже не слышных для чужого уха. И, несмотря на это, один из них объявляется среднефранкским, а другой — нижнефранкским. Говор бергского промышленного района незаметными ступенями переходит в говор юго-западной рейнской равнины. И, тем не менее, они якобы принадлежат к двум в корне различным группам. Для всякого, кто в этих местах у себя дома, очевидно, что в данном случав кабинетная ученость втискивает мало известные или совсем не известные ей живые народные говоры в прокрустово ложе a priori* сконструированных признаков.

И к чему приводит такое чисто внешнее разграничение? К тому, что южнорипуарские говоры — под общим названием среднефранкского — сваливают в одну кучу с другими диалектами, от которых они, как увидим, отстоят гораздо дальше, чем от так называемых нижнефранкских говоров. А с другой стороны, в результате остается узкая полоска, с которой

* — заранее. *Ред.*

не знают, что делать, и из которой, в конце концов, приходится один кусок объявлять саксонским, а другой — нидерландским, что резко противоречит фактическому состоянию этих диалектов.

Возьмем, например, бергский говор, который Брауне без колебаний называет несомненно саксонским. Он образует, как мы видели, все три лица множественного числа в настоящем времени изъявительного наклонения одинаково, но по-франкски в древней форме — на *nt*. Он имеет перед *m* и *n* со следующей согласной неизменно *o* вместо *u*, что, по тому же Брауне, выходит решительно не по-саксонски, а специфически по-нижнефранкски. Все перечисленные выше рипуарские языковые особенности общи у него с прочими рипуарскими говорами. Незаметно переходя от деревни к деревне, от одного крестьянского двора к другому в диалект рейнской равнины, он на вестфальской границе очень четко отделен от саксонского диалекта. Может быть, нигде во всей Германии нет столь определенно проведенной языковой границы, как здесь. И какое различие в языке! Вся система гласных точно преображается; узкому нижнефранкскому *ei* непосредственно противостоит очень широкое *ai,* так же как *ou* противостоит *au;* из многочисленных дифтонгов и полугласных нет ни одного сходного; здесь *sch,* как во всей остальной Германии, там *s+ch,* как в Голландии; здесь *wi hant,* там *wi hebbed;* здесь формы двойственного числа, употребляемые во множественном числе *get* и *enk, ihr* и *euch,* там только *ji, i* и *ju, u;* здесь воробей [Sperling] называется, как и везде в рипуарском: *Mosche,* там — как и везде в вестфальском: *Luning.* Мы не говорим уже о других, специфически свойственных бергскому говору особенностях, которые также внезапно исчезают здесь, на пограничной линии.

Чужестранец лучше всего уясняет себе особенности диалекта, когда говорят не на диалекте, а на понятном ему литературном немецком языке, который у нас, немцев, в большинстве случаев испытывает на себе сильное влияние диалекта. Но в этом случае нездешний уроженец абсолютно не в состоянии отличить обитателя бергского промышленного района, якобы саксонца, от жителя рейнской равнины, который говорит якобы по-среднефранкски, — разве только по несколько более сильному придыхательному *gh* у одного там, где другой произносит *j* Но житель бергского Хеккингхауса (из Обербармена, с левого берега Вуппера) и житель маркского Лангерфельда, расположенного на расстоянии какого-нибудь километра к востоку от первого, даже в обиходной речи на областном

варианте литературного языка дальше стоят друг от друга, чем жители Хеккингхауса и Кобленца, не говоря уже о жителях Ахена и Бонна.

Даже для жителя Рейнской Франконии проникновение передвижения *t* и конечного *k* не производит впечатления какой-либо языковой границы; даже в хорошо знакомом ему районе он вынужден будет предварительно подумать, где же проходит граница между *t* и *z, k* и *ch,* а при переходе через эту границу одно будет произноситься для него почти так же легко, как и другое. Это облегчается еще множеством верхненемецких слов, проникших в говоры с *sz, z, ch* и *f,* явившимся результатом передвижения. Разительный пример представляет старый бергский процессуальный кодекс XIV столетия (Лакомбле. «Архив», 1, стр. 79 и сл.[346]). Тут встречаются: *zo, uiss* (aus (из]), *zween* [двум], *bezahlen* [платить]; но рядом в том же предложении: *setten* [сажать], *dat nutteste* (nutzeste [полезнейшее]); точно также *Sache* [вещь], *redelich* [честный] наряду с *reicket* (reicht [достигает]), *upladen* [нагружать], *upheven* [поднимать], *hulper* (Helfer [помощник]) рядом с *verkouffen* (продавать]. В другом абзаце на стр. 85 встречается даже, чередуясь, *zo* и *tho* — zu [к]. Словом, говоры горной местности и равнины все время перекрещиваются между собой, не причиняя при этом ни малейших затруднений переписчику. Как это всегда бывает, эта последняя волна, занесшая верхненемецкое передвижение согласных на франкскую территорию, — самая слабая и мелкая. Несомненно интересно наметить линию, до которой она доходит. Но эта линия не может быть границей диалектов; она не в состоянии разорвать на части самостоятельную группу исстари близко родственных говоров и не может дать повод к тому, чтобы в противоречии со всеми языковыми фактами причислить эти насильственно разъединенные обломки к более отдаленным группам.

2. *Среднефранкский диалект.* Из вышеизложенного вытекает само собой, что я провожу северную границу средне-франкского диалекта значительно южнее, чем это обычно делается.

То обстоятельство, что среднефранкская полоса земли на левом берегу Рейна ко времени Хлодвига, *по-видимому,* находилась в алеманнском владении, дает Арнольду повод искать среди местных названий следы алеманнских поселений; он приходит к выводу, что до линии Кёльн — Ахен можно установить существование дофранкского, алеманнского населения, причем следы его, само собой разумеется, чаще всего встречаются на юге, а к северу становятся все реже. Названия

мест, говорит он, указывают на то, что алеманны временно продвинулись за пределы районов Кобленца и Ахена и более длительное время владели Веттерау и южными нассаускими землями. В самом деле, названия с чисто алеманнскими окончаниями на *ach, brunn, felden, hofen, ingen, schwand, stetten, wangen* и *weiler,* которые нигде не встречаются в чисто франкских землях, рассеяны, начиная от Эльзаса, по всему Пфальцу, Рейнскому Гессену и Рейнской Пруссии и только к северу становятся все реже, все более уступая место преимущественно франкским названиям на *bach, berg, dorf, born, feld, hausen, heim* и *scheid* («Древнейшая история германцев»[347]).

Исследуем прежде всего якобы алеманнские названия на среднефранкских землях. Окончания *brunn, stetten, felden, wangen* в этой области нигде не попадались мне на карте Реймана[348] (которой я, следует отметить, пользуюсь в этой работе). Окончание *schwand* встречается: поместье *Metzelschwand* у Винвейлера и затем еще *Schwanden* к северу от Ландштуля. Оба раза, следовательно, в южнофранкском Пфальце, который нас здесь еще не интересует. На *ach* мы имеем вдоль по Рейну *Kreuznach, Bacharach, Hirzenach* у Санкт-Гоара, *Rubenach* у Кобленца *(Ribiniacus* по областной карте Шпрунера — Менке[349]). *Andernach* (римское *Antunnacum)* и тут же *Wassenach.* Так как в римскую эпоху романизированное кельтское окончание *acum* встречается повсюду на левом берегу Рейна: *Tolbiacum* — Zulpich, *Juliacum* — Julich, *Tiberiacum* — Ziewerich у Берггейма, *Mederiacum,* то в большинстве этих случаев алеманнское влияние могло обнаружиться разве только в выборе формы *ach* вместо *ich.* Только одно *Hirzenach* (-Hirschenbach) — несомненно германское, но оно называлось раньше по областной карте *Hirzenowe*-Hirschenau [Олений луг], а не Hirschenbach (Олений ручей]. Но как в таком случае объяснить *Wallach,* лежащий у самой салической границы, между Бюдерихом и Рейнбергом? Это уж, наверное, не алеманнское поселение.

В бассейне Мозеля также встречается несколько названий на *ach: Irmenach* к востоку от Бернкастеля, *Waldrach, Kressenach* у Трира, *Mettlach* на Сааре. В Люксембурге — *Echternach, Medernach, Kanach;* в Лотарингии — только по правому берегу Мозеля: *Montanach, Rodelach, Brettnach.* Если даже согласиться с тем, что все эти названия указывают на алеманнское расселение, то, во всяком случае, лишь на очень редкое, которое к тому же еще не простиралось дальше самой южной части среднефранкской территории.

Остаются *weiler, hofen* и *ingen,* требующие более тщательного исследования.

Прежде всего, окончание *weiler* отнюдь не безоговорочно алеманнское, а провинциальное латинское *villarium, villare* и за старыми пределами Римской империи встречается разве что в совершенно исключительных случаях. Не онемечение *villare* в *weiler* было привилегией алеманнов, а лишь предпочтительное и массовое использование ими этого окончания и в названиях новых поселений. Поскольку встречались римские *villaria,* франки также были вынуждены онемечивать это окончание в *wilare,* впоследствии в *weiler* или совсем его отбрасывать. По всей вероятности, они делали то одно, то другое, точно так же, как они, наверное, то здесь, то там давали новым поселениям названия на *weiler,* только гораздо реже, чем алеманны. Арнольд не может найти к северу от *Eschweiler* у Ахена и к северу от *Ahrweiler* ни одного значительного селения на *weiler.* Но теперешнее значение поселений не имеет отношения к делу; факт тот, что на левом берегу Рейна названия на *weiler* простираются к северу почти до салической границы *(Garzweiler* и *Holzweiler* находятся на расстоянии меньше пяти миль от ближайшего Гельдернского селения, говорящего по-нидерландски) и к северу от линии *Eschweiler — Ahrweiler* их имеется по меньшей мере двадцать. Чаще всего они встречаются, понятно, близ старой римской дороги из Маастрихта через Юлих на Кёльн; из них два — *Waaswiller* и *Nuswiller* даже на голландской территории; что это—тоже алеманнские поселения?

Далее к югу, в Эйфеле, их почти совсем нет, в секции Мальмеди (№ 159, на карте Реймана) нет ни одного. В Люксембурге они так же редки, то же самое и по нижнему течению Мозеля и до гребня Хунсрюка. Напротив, в верховьях Мозеля они часто встречаются по обоим берегам реки, все чаще по направлению к востоку, а восточнее Саарлуи названия с этим окончанием все более становятся господствующими. Но здесь уже начинается и область южнофранкского языка, а здесь никто не станет оспаривать, что алеманны занимали эту землю раньше франков.

Итак, эти *weiler* на среднефранкской и рипуарской территориях так же мало доказывают существование алеманнского расселения, как и многочисленные *villers* во Франции.

Перейдем к *hofen.* Это окончание тем более не является исключительно алеманнским. Оно встречается на всей франкской территории, включая сюда и теперешнюю Вестфалию, занятую впоследствии саксами. Только несколько примеров на правом берегу Рейна: *Wehofen* у Рурорта, *Mellinghofen* и *Eppinghofen* у Дуисбурга, *Benninghofen* у Метмана, еще

один Eppinghofen у Динслакена, в Вестфалии Kellinghofen у Дорстена, Westhofen у Кастропа, Wellinghofen, Weislinghofen, Niederhofen, два Benninghofen, Berghofen, Westhofen, Wandhofen — все у Хельвега и т. д. До самых времен язычества восходит Ereshofen на Аггере, Martis villa [город Марса], и уже название бога войны — Эру — показывает, что здесь немыслимы алеманны; они называли себя тиувари [Tiuwari], называли своего бога, следовательно, не Эру, а Тиу, позднее, в результате передвижения согласных, — Циу [Ziu].

На левом берегу Рейна с алеманнским происхождением *hofen* дело обстоит еще хуже. Здесь опять-таки имеется *Eppinghofen* к юго-востоку от Ксантена и, следовательно, может быть, уже салический, а начиная отсюда к югу вся рипуарская территория переполнена этими *hofen* наряду с *hof* для отдельных поместий. Но едва мы переходим на салическую территорию, дело становится еще хуже. По Маасу, начиная от границы французского языка, по обоим берегам непрерывно тянутся *hofen.* Для краткости мы тут же перейдем на западный берег. Здесь мы находим в Голландии и Бельгии, по меньшей мере, семь *Ophoven,* в Голландии *Kinkhoven* и т. д.; для Бельгии мы возьмем прежде всего секцию Лёвен (№ 139 на карте Реймана). Здесь имеются: *Ruykhoven, Schalkhoven, Bommershoven, Wintershoven, Mettecoven, Helshoven, Engelmannshoven* у Тонгерна; *Zonhoven, Reckhoven, Konnigs-Hoven* близ Хасселта; далее к западу *Boyenhoven, Schuerhoven, Niewenhoven, Grischorshoven; Banlershoven* у Синт-Трёйдена; на крайнем западе — *Gussenhoven* и *Droenhoven* к востоку и северо-востоку от Тирлемона (Тинен). В секции Тюрнхаут (№ 120) по крайней мере 33 *hoven,* бо́льшая их часть — на бельгийской территории. Далее к юго-западу идет *hove* (окончание дательного падежа *n* здесь как правило опускается) вдоль всей границы французского языка: от *Heerlinkhove* и *Nieuwenhove* близ Нинове, который сам представляет романизированное *hove* — средние члены, числом около 10, я опускаю — до *Ghyverinckhove* и *Pollinchove* близ Диксмюда и *Voikerinkhove* у Сент-Омера во французской Фландрии. *Nieuwenhove* встречается три раза; это указывает на то, что окончание еще живет в народе. Наряду с этим весьма многочисленные отдельные поместья имеют окончания на *hof.* На основании сказанного можно судить, насколько сомнительным является исключительно алеманнский характер *hofen.*

Наконец, переходим к *ingen.* Обозначение одинакового происхождения при помощи *ing, ung* свойственно всем германским племенам. Так как расселение происходило родами, то это

окончание играет везде значительную роль в названиях населенных мест. Иногда оно связывается в родительном падеже множественного числа с местным окончанием: *Wolvaradinga-husun* у Мюндена, *Sustingham* (Ноттингем) в Англии. Иногда для обозначения населенного пункта употребляется только множественное число: *Flissingha* (Флиссинген), *Phladirhinga* (Влардинген), *Grastlingi* в голландской Фрисландии, *Grupilinga, Brillinga, Otlinga* в старой Саксонии. Эти названия в настоящее время большей частью сведены к дательному падежу и оканчиваются на *ingen,* реже на *ing.* Большинство племен знает и употребляет обе формы; алеманны, по-видимому, предпочитают последнюю, по крайней мере в настоящее время. *Rumingen* близ Лерраха раньше называлось (в 764 г.) *Romaninghova,* так что швабские *ingen* также иногда новейшего происхождения (Моне. «Древнейшая история Бадена», 1, стр. 213[350]). Швейцарские *kon* и *kofen* почти все получились путем стяжения из *inghofen: Zollinchova — Zollikofen, Smarinhova — Schmerikon* и т. д., ср. Ф. Бёйст. «Исторический атлас кантона Цюрих»[351], где их можно найти дюжинами на карте № 3, изображающей алеманнскую эпоху. Но так как они также встречаются у франков, саксов и фризов, то было бы очень рискованно на основании наличия названия мест на *ingen* сразу же делать вывод об алеманнском расселении.

Только что приведенные названия показывают, что наименования на *ingas* (именительный падеж множественного числа) и *ingum, ingon* (дательный падеж множественного числа) не представляли ничего необычного от Шельды до Эльбы как у фризов, так и у саксов. Еще и теперь *ingen* не редкость во всей Нижней Саксонии. В Вестфалии только по обеим сторонам Рура, к югу от линии Унна — Зост, имеются по меньшей мере 12 *ingen* наряду с *ingsen* и *inghausen.* И везде, где имеется франкская территория, мы находим и названия на *ingen.*

На правом берегу Рейна мы находим прежде всего в Голландии *Wageningen* на Рейне и *Gendringen* на Эйсселе (причем мы исключаем все названия, которые могут быть фризскими); в Бергском районе *Huckingen, Ratingen, Ehingen* (непосредственно за ними на саксонской территории *Hattingen, Sodingen, Ummingen), Heisingen* у Вердена (которые Гримм объяснял как производное от *Silva Caesia* [Цезийский лес] Тацита, следовательно очень древнее), *Solingen, Husingen, Leichlingen* (на областной карте *Leigelingon,* т. е. почти тысячелетней давности), *Quettingen* и на Зиге *Bodingen* и *Rocklingen,* не считая двух названий на *ing. Honningen* у Рейнброля и *Ellingen* в районе Вида устанавливают связь с местностью, лежащей

между Рейном, Ланом и Диллем, где насчитывается по меньшей мере 12 *ingen.* Идти дальше на юг нет надобности, так как здесь начинается страна, уже бесспорно пережившая период алеманнского расселения.

На левой стороне Рейна мы имеем *Millingen* в Голландии выше Неймегена, *Luttingen* ниже Ксантена, еще раз *Millingen* ниже Рейнберга, затем *Kippingen, Rodingen, Honingen, Worringen, Fuhlingen* — все севернее Кёльна, *Wesselingen* и *Kottingen* близ Брюля. Отсюда названия на *ingen* следуют в двух направлениях. В Верхнем Эйфеле они редки; у Мальмеди на границе французского языка мы находим *Bullingen, Hunningen, Murringen, Iveldingen, Eibertingen,* составляющие переход к очень многочисленным *ingen* в Люксембурге и в прусских и лотарингских верховьях Мозеля. Другая связующая линия идет вдоль Рейна и прибрежных долин (в районе Ары — семь-восемь) и, наконец, вдоль долины Мозеля также к району, лежащему выше Трира; здесь *ingen* преобладают, но отделяются от большой массы алеманнско-швабских *ingen* сначала названиями на *weiler,* затем на *heim.* Итак, если мы, согласно требованию Арнольда, «взвесим все обстоятельства в их взаимной связи»[352], то мы придем к заключению, что *ingen* в немецких верховьях Мозеля — франкские, а не алеманнские.

Как мало мы нуждаемся здесь в помощи алеманнов, станет тем более ясно, когда мы проследим *ingen* от французско-рипуарской языковой границы у Ахена на салической территории. У Маасейка к западу от Мааса расположен *Geistingen,* дальше к западу близ Бре — *Gerdingen.* Затем, если мы снова возьмем секцию Лёвен № 139, то найдем: *Mopertingen, Vlytingen, Rixingen, Aerdelingen, Grimmersingen, Gravelingen, Ordange* (вместо *Ordingen), Bevingen, Hatingen, Buvingen, Hundelingen, Bovingen, Curange, Raepertingen, Boswinningen, Wimmertingen* и другие в районе Тонгерна, Синт-Трёйдена и Хасселта. Наиболее западные недалеко от Лёвена — *Willebringen, Redingen, Grimmingen.* Здесь связь как будто прерывается. Но если мы перейдем на территорию, на которой в настоящее время говорят по-французски, а в VI — IX веках шла борьба между двумя языками, то, начиная от Мааса, найдем целый пояс офранцуженных *ange;* эта форма также в Лотарингии и Люксембурге соответствует *ingen;* идя с востока на запад — *Ballenge, Roclenge, Ortrange, Lutremange, Roclange, Libertange, Noderange, Herdange, Oderinge, Odange, Gobertang, Watrenges;* немного дальше на запад *Louverange* у Вавра и *Ravelinge* у Ватерлоо восстанавливают связь с *Huyssingenen*

и *Stutinghen,* передовыми постами группы в 20 с лишним *inghen,* которые тянутся к юго-западу от Брюсселя вдоль языковой границы от Галя до Граммона. И, наконец, во французской Фландрии: *Gravelingen, Wulverdingen* (т. е. совсем древнесаксонское *Wolvaradinges-husun), Leubringhen, Leulinghen, Bonninghen, Peuplingue, Hardinghen, Hermelingen;* у Сент-Омера и далее за Булонь — *Herbinghen, Hocquinghen, Velinghen, Lottinghen, Ardinghen,* — все резко отделены от еще более многочисленных в этой местности названий на *inghem (-ing-heim)*.

Итак, эти три окончания, которые Арнольд считает специфически алеманнскими, оказались в такой же мере и франкскими, и попытку доказать на основании этих названий, что на среднефранкской территории алеманнское расселение *предшествовало* франкскому, следует признать неудачной. При этом все же допустима возможность существования не очень сильного алеманнского элемента в юго-восточной части этой территории.

От алеманнов Арнольд ведет нас к хаттам. За исключением собственно рипуариев, они будто бы занимали после алеманнов и одновременно с ними территорию, расположенную к югу от области Ripuaria, т. е. ту, которую мы называем средне-и южнофранкской. И это обосновывается наличием в этом районе наряду с алеманнскими и гессенских названий мест:

«Совпадение местных названий по обе стороны Рейна до алеманнской границы столь замечательно и поразительно, что оно было бы настоящим чудом, если бы оно оказалось случайным; но оно представляется, напротив, совершенно естественным явлением, если только предположим, что переселенцы давали принесенные с родины названия и своим новым поселениям, как это еще и теперь постоянно делают в Америке»[353].

Против этого положения мало что приходится возразить. Тем более против заключения, что собственно рипуарии не имели никакого отношения к заселению всей среднефранкской и южнофранкской территории и что мы находим здесь только алеманнов и хаттов. Большая часть хаттов, которые ушли со своей родины на запад (как это раньше сделали батавы, каннинефаты и хаттуарии), по-видимому уже с давних времен присоединилась к искевонам. Да и куда им было деваться? В течение двух первых веков нашей эры хатты были связаны с остальными герминонами только в тылу через посредство тюрингов; по одну сторону от хаттов находились ингевонские херуски, по другую — искевоны, а перед хаттами — римляне. Герминонские племена, которые впоследствии объединенно

выступают как алеманны, пришли из внутренней Германии; они были в течение столетий отделены от хаттов тюрингами и другими племенами и сделались последним гораздо более чуждыми, чем искевонские франки, с которыми были связаны в продолжение многих веков как собратья по оружию. Таким образом, участие хаттов в заселении рассматриваемой территории несомненно. Но подлежит сомнению выключение отсюда рипуариев. Это последнее будет доказано только в том случае, если здесь не встретятся специфически рипуарские названия. Однако имеет место и обратное явление.

Из окончаний, приводимых Арнольдом в качестве специфически франкских, *hausen* — общее франкам, саксам, гессам и тюрингам; *heim* звучит в салическом диалекте, как *ham; bach* в салическом и нижнерипуарском диалектах звучит, как *beek;* из других только *scheid* действительно характерно. Оно специфически рипуарское, точно так же как *ich, rath* или *rade* и *siepen.* Далее, обоим франкским диалектам общи: *loo (loh), donk* и *bruch* или *broich* (по-салически — *broek).*

Scheid встречается только в горах и, как правило, лишь в местностях у водоразделов. Франки оставили это окончание во всем вестфальском Зауэрланде, до гессенской границы, где оно еще встречается только в горных названиях до восточных окрестностей Корбаха. На Руре древнефранкскому *scheid* противостоит преобразованное по-саксонски окончание *schede: Melschede, Selschede, Meschede,* тут же рядом *Langscheid, Ramscheid, Bremscheid.* Частое в Бергском районе, оно встречается на правом берегу Рейна до самого Вестервальда, но не южнее. Наоборот, налево от Рейна названия на *scheid* естественно начинаются только в Эйфеле*; в Люксембурге их по меньшей мере 21, в Хохвальде и Хунсрюке они часты. Но как к югу от Лана, так и здесь, на восточном и южном склонах Хунсрюка и Зонвальда, к ним присоединяется форма *scheid,* которая, по-видимому, представляет гессенскую адаптацию. Обе формы тянутся рядом к югу, через Наэ в районе Вогез, где мы находим *Boisterscheid* к западу от Доннерс-Берга, *Langenscheid* у Кайзерслаутерна, плоскогорье *Breitscheid* к югу от Хохшпейера, *Haspelscheid* у Бича, *Scheidwald* к северу от Лютцельштейна, наконец, в качестве самого южного поста — *Walscheid* на северном склоне Донона, южнее даже деревни Гессена у Саарбурга, самого крайнего хаттского поста по Арнольду.

* На равнине я нахожу только *Waterscheid,* к востоку от Хасселта, в бельгийском Лимбурге, где мы уже выше наблюдали сильную рипуарскую примесь [См. настоящий том, стр. 527. *Ред.].*

Далее, специфически рипуарским является окончание *ich* от того же корня, что и *ach,* готское *ahva* — Wasser [вода]; оба онемечивают также бельгийско-римское *acum,* как доказывает *Tiberiacum,* на областной карте — *Civiraha,* в настоящее время *Ziewerich.* На правом берегу Рейна оно встречается не очень часто; *Meiderich* и *Lirich* у Рурорта — самые северные названия на *ich;* начиная отсюда, они тянутся вдоль Рейна до *Bieberich.* Левобережная рейнская равнина, начиная от *Buderich* напротив Везеля, полна ими; они идут через Эйфель до самого Хохвальда и Хунсрюка, но исчезают в Зонвальде и районе Наэ еще до того, как перестают встречаться названия на *scheid* и *roth.* Напротив, в западной части этой территории они продолжаются до самой границы французского языка и далее за нее. Оставляем в стороне Трирский район, где их множество; в голландском Люксембурге я насчитываю их двенадцать; еще по ту сторону границы, в Бельгии — *Toernich* и *Merzig (Messancy —* орфография *ig* ничего не меняет; этимология и произношение те же), в Лотарингии, к западу от Мозеля — *Sontrich, Senzich, Mersprich, Despich;* к востоку от него *Kunzig, Penserich, Semplich, Destrich,* два раза *Kerprich, Hibrich, Halsprich.*

Названия с окончанием *rade, rad,* на левом берегу Рейна *rath,* также далеко выходят за пределы своей старой рипуарской родины. Они заполняют весь Эйфель, долину среднего и нижнего Мозеля, а также примыкающие к нему долины. В той же местности, где *scheid* смешивается с *schied,* встречаются на обоих берегах Рейна *rod* и *roth* наряду с *rad* и *rath* также гессенского происхождения. Только на правом берегу Рейна, в Вестервальде, названия на *rod* заходят дальше на север. В Хохвальде на северном склоне, как правило, название на *rath,* на южном — на *roth.*

Наименее продвинулись названия на *siepen* с передвижением согласных — *seifen.* Этим словом обозначают маленькую долину ручья с крутым скатом, и оно еще повсюду употребляется в этом смысле. Налево от Рейна оно не выходит далеко за старую рипуарскую границу, направо — встречается в Вестервальде на Нистере и еще у Лангеншвальбаха (Лангензейфен).

Рассмотрение других окончаний завело бы нас слишком далеко. Но, во всяком случае, мы можем бесчисленные названия на *heim,* которые следуют вдоль Рейна вверх по течению от Бингена далеко на алеманнскую территорию и вообще встречаются повсюду, где селились франки, объявить не хаттскими, а рипуарскими. Их родина — не Гессен, где

они попадаются лишь изредка и куда они, по-видимому, проникли лишь впоследствии, а салическая земля и Рейнская равнина в окрестностях Кёльна, где они встречаются почти в том же числе, что и другие специфически рипуарские названия.

Результат настоящего исследования, таким образом, тот, что рипуарии отнюдь не были задержаны у Вестервальда и Эйфеля потоком гессенского переселения, а, напротив, сами наводнили всю среднефранкскую территорию. И притом сильнее в направлении на юго-запад в бассейн верхнего Мозеля, чем на юго-восток к Таунусу и в бассейн Наэ. Это подтверждает и язык. Юго-западные говоры до самого Люксембурга и Западной Лотарингии гораздо ближе к рипуарскому, чем восточные, особенно рейнские правобережные. Первые можно считать продолжением рипуарского, в большей степени подвергшихся верхненемецкому передвижению согласных.

Характерной чертой среднефранкских говоров является прежде всего проникновение верхненемецкого передвижения согласных. Это не только передвижение нескольких глухих согласных в придыхательные, которое охватывает сравнительно немного слов и не затрагивает характера говора, а начинающееся передвижение *звонких согласных [Medien],* которое влечет за собой своеобразное средне- и южнонемецкое смешение *b* и *p, g* и *k, d* и *t.* Только там, где представляется невозможным провести строгое различие между *b* и *p, d* и *t, g* и *k* в начале слова, т. е. где имеет место то, что французы преимущественно разумеют под accent allemand*, только там представитель нижненемецкого диалекта начинает ощущать тот великий разрыв, который произвело в немецком языке второе передвижение согласных. И этот разрыв проходит между Зигом и Ланом, между Аром и Мозелем, В соответствии с этим в средне-франкском диалекте имеется в начале слова *g,* отсутствующее в более северных диалектах, но в середине и в конце слова произносится еще звонкое *ch* вместо *g.* Кроме того, *ei* и *ou* северных диалектов переходит в *ai* и *au.*

Несколько чисто франкских особенностей: во всех салических и рипуарских говорах *Bach* [ручей], не измененное передвижением согласных *Beek* — женского рода. Это имеет также место, по меньшей мере, в самой большой западной части среднефранкского диалекта. Подобно бесчисленным другим одноименным *Bache* [ручьям] в Нидерландах и на Нижнем Рейне, люксембургское Glabach *(Gladbach,* по-нидерландски

* — немецкий акцент. *Ред.*

Glabeek) — также женского рода. С другой стороны, имена девушек рассматриваются как существительные среднего рода: от Бармена и за Трир говорят не только *das Madchen, das Mariechen, das Lisbethchen,* но и *das Marie, das Lisbeth.* На карте, составленной первоначально французами, указан у Форбаха в Лотарингии *«Karninschesberg»* (Kaninchenberg) [Кроличья гора]. Следовательно, то же уменьшительное окончание *schen,* во множественном числе *sches,* которое мы выше установили как рипуарское.

От водораздела между Мозелем и Наэ и от холмистой местности направо от Рейна, к югу от Лана, начинается новая группа диалектов.

3. *Южнофранкский диалект.* Здесь мы находимся на территории, которая первоначально, несомненно, была областью алеманнского завоевания (если не говорить о более раннем заселении ее вангионами и другими, о племенном родстве и языке которых мы ничего не знаем) и в пределах которой мы охотно допускаем также более сильную хаттскую примесь. Но нам нет надобности повторять, что и здесь названия мест указывают на присутствие отнюдь не незначительных рипуарских элементов, особенно на рейнской равнине. Но еще больше указывает на это самый язык. Возьмем самый южный, поддающийся определению диалект — пфальцский, на котором к тому же имеется литература. Здесь мы опять встречаемся с тем фактом, что все франки лишены возможности произносить звук *g* в середине и конце слова иначе, как звонкий *ch*[*]. Здесь говорят: *Vochel* [птица],*Flechel* [цеп], *geleche* (gelegen [удобный]), *gsacht* — gesagt [сказанный], *licht* — liegt [лежит] и т. д. Точно так же общефранкское *w* вместо *b* в середине слова: *Buwe* — Buben [мальчики], *glawe* — glauben [верить] (но *i glab), bleiwe* [оставаться], *selwer* — selbst [сам], *halwe* — halbe [половина]. Передвижение согласных далеко не столь последовательно, как это кажется на первый взгляд; встречается даже, особенно в иностранных словах, обратное передвижение согласных, т. е. глухой согласный в начале слова передвигается на одну ступень не вперед, а назад; как увидим ниже, *t* превращается в *d, p* в *b; d* и *p* в начале слова остаются на нижненемецкой ступени: *dun* — tun [делать], *dag* [день], *danze* [пляшу], *dur* [дверь], *dodt* [мертвый], но не перед *r: trinke* [пью], *trage* [несу]; *paff* — Pfaff [поп], *peife* [дудка], *palz* — Pfalz, *parre* — Pfarrer

[*] Все цитаты взяты из: «Frohlich Palz, Gott erhalt's! Gedichte In Pfalzer Mundart», von K. G. Nadler. Frankfurt a. M., 1851 [«Веселый Пфальц, да сохранит тебя бог! Стихотворения на пфальцском наречии» К. Г. Надлера. Франкфурт-на-Майне, 1851].

[священник]. Так как, однако, *d* и *p* стоят вместо верхненемецких *t* и *pf,* то и в иностранных словах происходит обратное передвижение начального *t* в *d,* а начального *p* в *b: derke* — Turke [турок], *dafel* — Tafel [доска], *babeer* — Papier [бумага], *borzlan* — Porzellan [фарфор], *bulwer* — Pulver [порох]. Затем пфальцский диалект, совпадающий в этом отношении только с датским языком, не терпит глухих согласных между гласными: *ebbes* — etwas [что-нибудь], *labbe* — Lappen [тряпка], *schlubbe* — schlupfen [ускользать], *schobbe* — Schoppen [кружка], *Peder* — Peter, *dridde* — dritte [третий], *rodhe* — raten [угадать]. Только *k* составляет исключение: *brocke, backe;* но в иностранных словах *g: musigande* — Musikanten. Это также остаток нижненемецкой звуковой системы, который получил дальнейшее распространение благодаря обратному передвижению согласных*; только благодаря тому, что *dridde, hadde* не подверглись передвижению согласных, из Peter могло получиться *Peder* и, таким образом, соответствующие верхненемецкие *t* подверглись одинаково беспристрастному обращению. Точно так же остается *d* на нижненемецкой ступени в *halde* — halten [держать], *alde* — alte [старые] и т. д.

Несмотря на то, что пфальцский диалект производит на уроженца нижненемецкой области общее впечатление определенно верхненемецкого диалекта, пфальцский диалект все же далеко не воспринял верхненемецкого передвижения согласных, хотя бы в такой мере, в какой его сохраняет наш литературный язык. Наоборот, пфальцский диалект своим обратным передвижением согласных протестует против верхненемецкой ступени передвижения, которая, проникнув в этот диалект извне, до сих пор остается чуждым ему элементом.

Здесь уместно рассмотреть явление, которое обычно неправильно понимается: смешение *d* и *t, b* и *p,* даже *g* и *k* у тех немцев, в диалекте которых звонкие согласные подверглись верхненемецкому передвижению. Этого смешения не бывает, пока каждый говорит на *своем диалекте.* Напротив, мы только что видели, что, например, житель Пфальца проводит здесь весьма строгое различие, настолько строгое, что даже в иностранных словах производит обратное передвижение согласных, для того чтобы приспособить их к требованиям своего диалекта. Иностранное *t* в начале слова только потому превращается у него в *d,* что *t* немецкого литературного языка соответствует его *d,* а иностранное *p* потому превращается в *b,* что его *p*

* На полях пометка Энгельса карандашом; «совпадает с Отфридом». *Ред.*

соответствует *pf* немецкого литературного языка. Столь же мало перемешиваются шумные согласные в других южнонемецких диалектах, пока говорят на них. Каждый из них имеет свой собственный, строго проведенный закон передвижения согласных. Дело меняется, как только начинают говорить на литературном или на чужом языке. Всякая попытка применить к последним закон передвижения согласных, свойственный данному диалекту, — а такая попытка делается непроизвольно, — приходит в коллизию с попыткой правильно говорить на новом языке. При этом буквы *b* и *p, d* и *t* на письме теряют всякое определенное значение; поэтому и мог иметь место, например, случай с Бёрне; он жаловался в своих парижских письмах[354], что французы якобы не умеют различать *b* и *p,* так как они упорно полагали, будто его фамилия, которую он произносил как *Perne,* начинается на *p.*

Но вернемся к пфальцскому диалекту. Для того чтобы установить преимущественно франкский характер пфальцского диалекта, достаточно доказать, что верхненемецкое передвижение согласных было, так сказать, навязано ему извне и до сих пор осталось чуждым элементом, не достигнув к тому же даже звуковой ступени литературного языка (далеко перешагнув которую алеманны и баварцы в общем сохранили ту или иную ступень древне-верхненемецкого языка), ибо даже в Гессене, лежащем гораздо севернее, передвижение в общем проведено дальше, и таким образом якобы преимущественно гессенский характер пфальцского диалекта сводится к скромным размерам. Для того чтобы у самой алеманнской границы среди оставшихся алеманнов оказывать такое сопротивление верхненемецкому передвижению согласных, для этого рядом с гессами, которые сами были по существу верхненемецким племенем, здесь же должны были находиться, по меньшей мере, столь же многочисленные рипуарии. А их присутствие еще доказывается — кроме названий мест — двумя общефранкскими особенностями: сохранением франкского *w* вместо *b* в середине слова и произношением *g* как *ch* в середине и в конце слова. К этому присоединяется еще много отдельных случаев совпадения. С пфальцским *Gundach* — guten Tag [добрый день] можно дойти до Дюнкирхена и Амстердама. Как в Пфальце говорят ein *sichrer* Mann [надежный человек] в смысле «ein gewisser Mann [известный человек], так повсюду в Нидерландах — *een zekeren man. Handsching* вместо Handschuh [перчатка] совпадает с рипуарским *Handschen.* Даже *g* вместо *j* в *Ghannisnacht* (Johannisnacht) есть рипуарское явление и доходит, как мы видим, до района Мюнстера. И общее всем

франкам, даже нидерландцам, *baten* (bessern, nutzen [исправить, помочь] от *bat,* besser) употребительно в Пфальце: *'s badd alles nix* — es hilft alles nihts [все это не поможет]; здесь даже *t* не передвинуто по-верхненемецки в *tz,* но перешло по-пфальцски между гласными в звонкое *d.*

Написано Ф. Энгельсом в 1881—1883 гг.

Впервые полностью опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XVI, ч. I, 1937 г.

«Франкский диалект» впервые опубликован в виде отдельной книги в 1935 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

ПРИМЕЧАНИЯ
ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА
УКАЗАТЕЛИ
ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Письмо Ф. Энгельса А. Бебелю от 18—28 марта 1875 г., тесно примыкающее по своему содержанию к написанной К. Марксом «Критике Готской программы», выражало общее мнение Маркса и Энгельса относительно намечавшегося в начале 1875 г. объединения двух немецких рабочих партии — эйзенахцев и лассальянцев. Непосредственным поводом к написанию письма было появление 7 марта 1875 г. в газетах «Der Volksstaat» и «Neuer Social-Demokrat» проекта программы будущей объединенной социал-демократической рабочей партии Германии. Этот проект, содержавший целый ряд ложных антинаучных положений и уступок лассальянству, был принят лишь с небольшими изменениями на объединительном съезде в Готе в мае 1875 г. и в дальнейшем был известен под названием Готской программы.

Маркс и Энгельс, относясь положительно к объединению обеих рабочих партий, считали,, однако, что объединение должно быть достигнуто на принципиально здоровой основе, без уступок в теоретических и политических вопросах лассальянцам, терявшим свое влияние в рабочих массах. В письме к Бебелю, предназначавшемся для руководства эйзенахцев, являвшихся сторонниками марксизма, Энгельс подвергает критике проект Готской программы и предупреждает эйзенахцев против уступок лассальянцам. Письмо было впервые опубликовано только 36 лет спустя в книге Бебеля «Aus meinem Leben», Teil2, Stuttgart, 1911 («Из моей жизни», ч. 2, Штутгарт, 1911). — *1.*

[2] Имеется в виду программа, принятая на общенемецком съезде социал-демократов Германии, Австрии и Швейцарии 7—9 августа 1869 г. в Эйзенахе. На съезде была учреждена немецкая Социал-демократическая рабочая партия, известная в дальнейшем как партия эйзенахцев. Эйзенахская программа в целом была выдержана в духе требований Интернационала. — *1.*

[3] *Немецкая народная партия,* возникшая в 1865 г., состояла из демократических элементов мелкой буржуазии и отчасти буржуазии, главным образом, южногерманскпх государств. Немецкая народная партия

выступала против установления гегемонии Пруссии в Германии. Проводя антипрусскую политику и выдвигая общедемократические лозунги, эта партия в то же время отражала партикуляристские стремления некоторых германских государств. Пропагандируя идею федеративного германского государства, она выступала против объединения Германии в форме единой централизованной демократической республики.

В 1866 г. к Немецкой народной партии примкнула Саксонская народная партия, основное ядро которой составляли рабочие. Это левое крыло, разделявшее стремление Народной партии решить вопрос о национальном объединении страны демократическим путем, развивалось в дальнейшем в социалистическом направлении; отделившись от мелкобуржуазных демократов, оно приняло участие в образовании в августе 1869 г. немецкой Социал-демократической рабочей партии. — *2.*

[4] *«Der Volksstaat»* («Народное государство») — центральный орган немецкой Социал-демократической рабочей партии (эйзенахцев), издавался в Лейпциге со 2 октября 1869 по 29 сентября 1876 г. два раза в неделю, с июля 1873 г. — три раза. Газета, выражавшая взгляды представителей революционного течения в рабочем движении Германии, подвергалась постоянным правительственным и полицейским преследованиям. Состав ее редакции непрерывно менялся в связи с арестами редакторов, но общее руководство газетой оставалось в руках В. Либкнехта. Значительную роль в газете играл А. Бебель, заведовавший издательством «Volksstaat». Маркс и Энгельс являлись сотрудниками газеты с момента ее основания, постоянно оказывали помощь ее редакции и систематически выправляли линию газеты. — *2.*

[5] *«Frankfurter Zeitung»* — сокращенное название газеты «Frankfurter Zeitung und Handelsblatt» («Франкфуртская газета и торговый листок») — ежедневной газеты мелкобуржуазного демократического направления; выходила во Франкфурте-на-Майне с 1856 (под данным названием с 1866) по 1943 год. — *2.*

[6] Речь идет о следующих пунктах проекта Готской программы:

«В качестве свободной основы государства, германская рабочая партия требует:

1. Всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права для всех мужчин, начиная с 21 года, на всех выборах в государстве и общине. 2. Прямого народного законодательства с правом вносить и отвергать предложения. 3. Всеобщего военного обучения. Народного ополчения взамен постоянного войска. Предоставления решения вопроса о войне и мире народному представительству. 4. Отмены всех исключительных законов, в особенности законов о печати, союзах и собраниях. 5. Народного суда. Бесплатного судопроизводства.

В качестве духовной и нравственной основы государства германская рабочая партия требует:

1. Всеобщего и равного для всех народного воспитания через посредство государства. Обязательного посещения школы. Бесплатного обучения. 2. Свободы науки. Свободы совести». — *2.*

[7] *Лига мира и свободы* — буржуазно-пацифистская организация, созданная в 1867 г. в Швейцарии мелкобуржуазными республиканцами и либералами (при активном участии В. Гюго, Дж. Гарибальди и др.);

в 1867—1868 гг. в работе Лиги принимал участие М. Бакунин. В начале своей деятельности Лига пыталась использовать в своих целях рабочее движение. Заявлениями о возможности покончить с войной путем создания «Соединенных Штатов Европы» Лига мира и свободы сеяла в массах ложные иллюзии и отвлекала пролетариат от классовой борьбы. — *3.*

[8] F. Lassalle. «Arbeiterlesebuch», Frankfurt am Main, 1863, S. 5. На этой странице Лассаль приводит цитату о «железном экономическом законе» заработной платы, сформулированном им в брошюре: «Offnes Antwortschreiben an das Central-Comite zur Berufung eines Allgemeinen Deutschen Arbeitercongresses zu Leipzig». Zurich, 1863, S. 15—16 («Гласный ответ Центральному комитету к созыву Всеобщего германского рабочего съезда в Лейпциге». Цюрих, 1863, стр. 15—16). — *4.*

[9] См. настоящее издание, т. 23, стр. 576—784. — *4.*

[10] Энгельс имеет в виду брошюру В. Бракке: «Der Lassalle'sche Vorschlag». Braunschweig, 1873 («Предложение Лассаля». Брауншвейг, 1873). — *4.*

[11] Имеются в виду «Нищета философии» и «Манифест Коммунистической партии» (см. настоящее издание, т, 4, стр. 65—185, 419—459). — *5.*

[12] Энгельс имеет в виду высказывания Бакунина в его книге: «Государственность и анархия». Введение. Ч. I, издана в Швейцарии в 1873 году. Несостоятельность обвинений, выдвигавшихся Бакуниным, вскрыта Марксом в его конспекте книги Бакунина (см. настоящее издание, т. 18).

«Demokratisches Wochenblatt» («Демократический еженедельник») — немецкая рабочая газета; под этим названием издавалась с января 1868 по сентябрь 1869 г. в Лейпциге под редакцией В. Либкнехта. С декабря 1868 г. газета стала органом Союза немецких рабочих обществ, руководимого А. Бебелем. Первоначально газета находилась под известным влиянием мелкобуржуазных идей Народной партии, но вскоре благодаря усилиям Маркса и Энгельса газета начала вести борьбу с лассальянством, пропагандировать идеи Интернационала, печатая его важнейшие документы, и сыграла значительную роль в создании немецкой Социал-демократической рабочей партии. На Эйзенахском съезде в 1869 г. газета была объявлена центральным органом Социал-демократической рабочей партии и переименована в «Volksstaat» (см. примечание 4). — *6.*

[13] Работа К. Маркса *«Критика Готской программы»,* представляющая собой важнейший вклад в развитие коренных вопросов теории научного коммунизма и образец непримиримой борьбы против оппортунизма, была написана в апреле — начале мая 1875 г. и отправлена руководству эйзенахской партии (в адрес В. Бракке) 5 мая 1875 года. В работе содержался критический разбор проекта программы будущей объединенной социал-демократической партии, подготовленный к объединительному съезду в Готе.

Впервые «Критика Готской программы» была опубликована в 1891 г. Энгельсом, вопреки сопротивлению оппортунистического руководства германской социал-демократии. Работа была напечатана

в теоретическом органе германской социал-демократии, в журнале «Die Neue Zeit» («Новое время»), т. 1, № 18, 1891 г. с предисловием Энгельса.

Публикуя «Критику Готской программы», Энгельс вместе с ней напечатал и письмо Маркса В. Бракке от 5 мая 1875 г., непосредственно связанное с ней.

Как известно из письма Энгельса К. Каутскому от 23 февраля 1891 г., Энгельсу пришлось при опубликовании «Критики Готской программы» согласиться на смягчение некоторых наиболее резких мест. В настоящем издании документ печатается в точном соответствии с рукописью Маркса. — *9.*

[14] Имеется в виду авторизованный французский перевод первого тома «Капитала», выходивший выпусками в 1872—1875 гг. в Париже. — *12.*

[15] Речь идет о втором издании работы Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» (см. настоящее издание, т. 8, стр. 423—491), вышедшем в Лейпциге в 1875 г. в издательстве Социал-демократической рабочей партии, при редакции центрального органа партии «Volksstaat». — *12.*

[16] См. настоящее издание, т. 4, стр. 434. — *21.*

[17] Маратом Маркс здесь иронически называет, по-видимому, Гассельмана, главного редактора «Neuer Social-Demokrat».

«Neuer Social-Demokrat» («Новый Социал-демократ») — немецкая газета, выходила в Берлине с 1871 по 1876 г. три раза в неделю; орган лассальянского Всеобщего германского рабочего союза; направление газеты полностью отражало проводимую лассальянцами политику приспособления к бисмарковскому режиму и заигрывания с господствующими классами Германии, оппортунизм и национализм лассальянских лидеров. Выступая с сектантских позиций, газета вела систематическую борьбу против марксистского руководства Интернационала и против немецкой Социал-демократической рабочей партии, поддерживала враждебную Генеральному Совету деятельность бакунистов и представителей других антипролетарских течений. — *22.*

[18] Маркс имеет в виду передовую статью, с которой газета «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» выступила 20 марта 1875 г. по поводу проекта программы социал-демократической партии Германии; в статье между прочим отмечалось, что «социал-демократическая агитация стала в некотором отношении осторожнее: она отрекается от Интернационала».

«Norddeutsche Allgemeine Zeitung» («Северогерманская всеобщая газета») — ежедневная реакционная газета; в 60—80-х годах — официальный орган правительства Бисмарка; выходила в Берлине с 1861 по 1918 год. — *23.*

[19] Речь идет о высказываниях Ф. А. Ланге в его книге: «Die Arbeiterfrage in ihrer Bedeutung fur Gegenwart und Zukunft». Duisburg, 1865, S. 144—161, 180 («Рабочий вопрос и его значение для современности и будущего». Дуйсбург, 1865, стр. 144—161, 180). — *24.*

[20] *«L'Atelier»* («Мастерская») — ежемесячный французский журнал, орган ремесленников и рабочих, находившихся под влиянием идей христианского социализма; издавался в Париже с 1840 по 1850 год; в состав

редакции входили переизбираемые каждые три месяца представители рабочих. — *26.*

[21] *«Культуркампф»* («борьба за культуру») — название, данное буржуазными либералами системе законодательных мероприятий правительства Бисмарка в 70-х годах XIX века, проведенных под флагом борьбы за светскую культуру и направленных против католической церкви и партии «центра», которая поддерживала сепаратистские и антипрусские тенденции чиновничества, помещиков и буржуазии мелких и средних государств Юго-Западной Германии. В 80-х годах, в целях сплочения реакционных сил, Бисмарк отменил большую часть этих мероприятий. — *30.*

[22] Речь идет о конфиденциальном циркуляре Генерального Совета Интернационала от 16 мая 1875 г. о созыве конференции Международного Товарищества Рабочих в Филадельфии. Этот документ должен был подготовить членов Интернационала к предстоящему официальному роспуску организации. — *33.*

[23] Имеется в виду лондонское Коммунистическое просветительное общество немецких рабочих, которое было основано в феврале 1840 г. К. Шаппером, И. Моллем и другими деятелями Союза справедливых. После организации Союза коммунистов руководящая роль в Обществе принадлежала местным общинам Союза коммунистов. Активное участие в деятельности Общества в 1847 и 1849—1850 гг. принимали Маркс и Энгельс. 17 сентября 1850 г. Маркс, Энгельс и ряд их сторонников вышли из Общества в связи с тем, что в борьбе между руководимым Марксом и Энгельсом большинством Центрального комитета Союза коммунистов и сектантско-авантюристическим меньшинством (фракция Виллиха — Шаппера) большая часть Общества стала на сторону меньшинства. С конца 50-х годов Маркс и Энгельс вновь приняли участие в деятельности этого Общества. С основанием Интернационала Общество, одним из руководителей которого был Лесснер, стало немецкой секцией Международного Товарищества в Лондоне. Лондонское Просветительное общество продолжало существовать до 1918 г., когда оно было закрыто английским правительством. — *33.*

[24] *«La Plebe»* («Народ») — итальянская газета, выходила под редакцией Э. Биньями в Лоди с 1868 по 1875 г. и в Милане с 1875 по 1883 год; до начала 70-х годов — буржуазно-демократического направления, затем социалистическая газета; в 1872—1873 гг. — орган секций Интернационала. «Plebe», несмотря на некоторую непоследовательность, сыграла значительную роль в борьбе против влияния анархистов на рабочее движение в Италии. Большую помощь газете оказывал Энгельс, сотрудничавший в ней в 1871—1873 и в 1877—1879 гг. и поддерживавший регулярную переписку с редактором Э. Биньями. В 1882 г. вокруг газеты «Plebe» сложилась первая самостоятельная партия итальянского пролетариата — Рабочая партия. Характеристику газеты см. в статье Энгельса «В Италии» (настоящий том, стр. 100—104).— *34.*

[25] Речь была произнесена Энгельсом 22 января 1876 г. на международном митинге, созванном в честь годовщины польского восстания 1863 года. На собрании присутствовало несколько десятков человек — поляков, чехов, сербов, русских, немцев, французов. Председательствовал

польский социалист, член Интернационала В. Врублевский. Энгельс произнес свою речь на немецком языке, через несколько дней он отослал Врублевскому ее французский текст, вероятно, для перевода на польский язык. — *25.*

[26] *«Neue Rheinische Zeitung. Organ der Demokratie»* («Новая Рейнская газета. Орган демократии») выходила ежедневно в Кёльне под редакцией Маркса с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 года. В состав редакции входил Энгельс, а также В. Вольф, Г. Веерт, Ф. Вольф, Э. Дронке, Ф. Фрейлиграт и Г. Бюргерс.

Боевой орган пролетарского крыла демократии, «Neue Rheinische Zeitung» играла роль воспитателя народных масс, поднимала их на борьбу с контрреволюцией. Передовые статьи, определявшие позицию газеты по важнейшим вопросам германской и европейской революции, писались, как правило, Марксом и Энгельсом.

Решительная и непримиримая позиция газеты, ее боевой интернационализм, появление на ее страницах политических обличений, направленных против прусского правительства и против местных кёльнских властей, — все это уже с первых месяцев существования «Neue Rheinische Zeitung» повлекло за собой травлю газеты со стороны феодально-монархической и либерально-буржуазной печати, а также преследования со стороны правительства, особенно усилившиеся после контрреволюционного переворота в Пруссии в ноябре — декабре 1848 года.

Несмотря на все преследования и полицейские рогатки, «Neue Rheinische Zeitung» мужественно отстаивала интересы революционной демократии, интересы пролетариата. В мае 1849 г., в обстановке всеобщего наступления контрреволюции, прусское правительство, воспользовавшись тем, что Маркс не получил прусского подданства, отдало приказ о высылке его из пределов Пруссии. Высылка Маркса и репрессии против других редакторов «Neue Rheinische Zeitung» послужили причиной прекращения выхода газеты. Последний, 301-й номер «Neue Rheinische Zeitung», напечатанный красной краской, вышел 19 мая 1849 года. В прощальном обращении к рабочим редакторы газеты заявили, что «их последним словом всегда и повсюду будет: **освобождение рабочего класса!».** —*35.*

[27] Работа Ф. Энгельса *«Прусская водка в германском рейхстаге»* была написана в феврале 1876 года. Опубликование этой работы Энгельса, разоблачавшей прусское юнкерство, в газете «Volksstaat» и в виде отдельного оттиска вызвало бешеное озлобление правительства Бисмарка. В связи с этим произведения Энгельса были запрещены к распространению в Германии. На русском языке статья была опубликована впервые в 1933 году. — *37.*

[28] *«Kolnische Zeitung»* («Кёльнская газета») — немецкая ежедневная газета, под данным названием выходила в Кёльне с 1802 года; в период революции 1848—1849 гг. и наступившей вслед за тем реакции отражала трусливую и предательскую политику прусской либеральной буржуазии, в последней трети XIX в. была связана с национал-либеральной партией. — *39.*

[29] Согласно древнегреческой мифологии, во время похода на Трою греки по ошибке вступили в битву с войском своего союзника Телефа, сына Геракла. В ходе сражения Ахилл ранил Телефа, который исцелился

лишь после того, как его рану посыпали железом, соскобленным с копья Ахилла. — *47.*

[30] E. Duhring. «Cursus der National-und Socialokonomie einschliesslich der Hauptpunkte der Finanzpolitik». Berlin, 1873, S. 263, 264 (Е. Дюринг. «Курс национальной и социальной экономии, включая основные вопросы финансовой политики». Берлин, 1873, стр. 263, 264). — *47.*

[31] По преданию, Корреджо произнес эти слова перед картиной Рафаэля «Святая Цецилия». — *48.*

[32] Имеется в виду административная реформа 1872 г. в Пруссии, по которой отменялась наследственная вотчинная власть помещиков в деревне и вводились некоторые элементы самоуправления на местах: выборные старосты в общинах, окружные советы при ландратах, избираемые по сословной системе, и т. п. Реформа имела целью укрепление государственного аппарата и усиление централизации в интересах класса юнкерства в целом. Вместе с тем, юнкеры-помещики практически сохранили власть на местах, занимая большинство выборных должностей лично или своими ставленниками. — *49.*

[33] Работа Ф. Энгельса *«Вильгельм Вольф»* была написана в июне — ноябре 1876 г. для журнала «Die Neue Welt», редактировавшегося В. Либкнехтом. Эта работа представляет собой биографический очерк о В. Вольфе — виднейшем немецком пролетарском революционере, памяти которого Маркс посвятил первый том своего главного труда — «Капитала». Маркс сам намеревался написать биографию Вольфа. Сохранился предварительный набросок биографии Вольфа, сделанный Марксом (впервые опубликован в журнале «Новая и новейшая история» № 4, 1959, стр. 105). Однако намерение Маркса осталось неосуществленным, так как в тот момент он не располагал некоторыми необходимыми ему сведениями о раннем периоде жизни Вольфа.

Наряду с биографическим материалом Энгельс излагает содержание статей Вольфа о положении силезского крестьянства, написанных для «Neue Rheinische Zeitung». Статьи В. Вольфа под названием «Силезский миллиард» были напечатаны в газете в марте и апреле 1849 года. Публикация статей Вольфа представляла собой одну из мер, осуществлявшихся «Neue Rheinische Zeitung» в целях вовлечения в революцию крестьянских масс Германии. В них Вольф дает всестороннюю, основанную на неоспоримых фактах и статистических данных картину эксплуатации крестьянства и требует возвращения крестьянам миллиарда франков, украденного у них помещиками в виде выкупных платежей. Статья В. Вольфа «Силезский миллиард» имела настолько большой успех среди читателей, что Крестьянский союз в Силезии перепечатал номера газет со статьями «Силезский миллиард» в 10 тысячах экземпляров и распространил их бесплатно среди крестьян.

В 1886 г. работа Энгельса «Вильгельм Вольф» была напечатана им в качестве части введения к книге Вольфа «Силезский миллиард» («Die Schlesische Milliarde». Abdruck aus der «Neuen Rheinischen Zeitung» Marz — April 1849. Mit Einleitung von Friedrich Engels. Hottingen-Zurich, 1886); вторую часть введения составлял написанный заново раздел «К истории прусского крестьянства» (см. настоящее издание, т. 21). Энгельс сделал для этого издания ряд существенных дополнений, а также опустил главы, представляющие собой изложение содержания статей Вольфа. — *55.*

[34] Имеется в виду «Немецкая идеология» (см. настоящее издание, т. 3, стр. 7—544), над которой Маркс и Энгельс работали в 1845—1846 годах. — *57.*

[35] *Союзный сейм* — центральный орган Германского союза, заседавший во Франкфурте-на-Майне и состоявший из представителей германских государств. Союзный сейм являлся орудием реакционной политики германских государств. — *59.*

[36] *«Демагогами»* были названы в постановлениях Карлсбадской конференции министров главных немецких государств 1819 г. участники оппозиционного движения среди немецкой интеллигенции в период, последовавший за войнами с наполеоновской Францией. Участники этого движения выступали против реакционного строя немецких государств, организовывали политические манифестации, на которых выдвигали требования объединения Германии. Преследования «демагогов» возобновились в 30-х годах, когда под влиянием революции 1830 г. во Франции усилилось оппозиционное и революционное движение в Германии и в других европейских странах. — *59.*

[37] F. Reuter. «Ut mine Festungstid». In: «Reuters Werke», Bd. 4, Leipzig und Wien (Ф. Рейтер. «Из времен моего заключения». В книге: «Сочинения Рейтера», т. 4, Лейпциг и Вена). Упоминаемое Энгельсом письмо В. Вольфа Ф. Рейтеру от 30 декабря 1863 г. впервые опубликовано в «Zeitschrift fur Geschichtswissenschaft», Heft 6, 1957, S. 1244—1245 («Журнал по вопросам исторической науки», тетрадь 6, 1957, стр. 1244— 1245). — *59.*

[38] В письме к Ф. Рейтеру от 30 декабря 1863 г. сам В. Вольф писал, что поводом для возбуждения против него дела о нарушении закона о печати послужила рукопись одной из его статей, попавшая в руки прусской полиции. — *61.*

[39] Имеется в виду книга: «Die Communisten-Verschworungen des neunzehnten Jahrhunderts». Berlin, Erster Theil 1853, Zweiter Theil 1854 («Коммунистические заговоры девятнадцатого столетия». Берлин, часть первая 1853, часть вторая 1854), составленная полицейскими чиновниками Вермутом и Штибером. В приложениях к первой части книги, в которой излагалась «история» рабочего движения в качестве руководства для полицейских, были перепечатаны некоторые попавшие в руки полиции документы Союза коммунистов. Вторая часть представляла собой «черный список» с биографическими сведениями о лицах, связанных с рабочим и демократическим движением. — *61.*

[40] *«Deutsche-Brusseler-Zeitung»* («Немецкая брюссельская газета»), основанная немецкими политическими эмигрантами в Брюсселе, выходила с января 1847 по февраль 1848 года. Первоначально направление газеты определялось стремлением ее редактора мелкобуржуазного демократа Борнштедта примирить различные течения демократического лагеря. С лета 1847 г. газета, благодаря выступлениям на ее страницах Маркса и Энгельса и их соратников, все больше становилась рупором революционно-демократических и коммунистических идей. С сентября 1847 г. Маркс и Энгельс сделались постоянными сотрудниками газеты и стали оказывать непосредственное влияние на ее направ-

ление, фактически сосредоточив в последние месяцы 1847 г. в своих руках ее редакционные дела. Под руководством Маркса и Энгельса газета стала органом формировавшейся революционной партии пролетариата — Союза коммунистов. — *62.*

[41] *Немецкое рабочее общество* в Брюсселе было основано Марксом и Энгельсом в конце августа 1847 г. с целью политического просвещения немецких рабочих, проживавших в Бельгии, и пропаганды среди них идей научного коммунизма. Под руководством Маркса и Энгельса и их соратников общество сделалось легальным центром объединения немецких революционных пролетариев в Бельгии и поддерживало прямую связь с фламандскими и валлонскими рабочими клубами. Лучшие элементы общества входили в брюссельскую общину Союза коммунистов. Деятельность Немецкого рабочего общества в Брюсселе прекратилась вскоре после февральской буржуазной революции 1848 г. во Франции в связи с арестами и высылкой его членов бельгийской полицией. — *62.*

[42] *Демократическое общество* в Кёльне образовалось в апреле 1848 года; в его состав, наряду с представителями мелкой буржуазии, входили рабочие и ремесленники. Маркс и Энгельс вступили в Демократическое общество, чтобы оказывать влияние на входившие в него пролетарские элементы и толкать на решительные действия мелкобуржуазных демократов. Маркс принял деятельное участие в руководстве обществом. Маркс, Энгельс, а также другие члены редакции «Neue Rheinische Zeitung» на собраниях Демократического общества добивались принятия решений, разоблачавших предательскую политику немецкой либеральной буржуазии, осуждавших нерешительную позицию Берлинского и Франкфуртского собраний. В апреле 1849 г. Маркс и его сторонники, приступив практически к созданию пролетарской партии, организационно порвали с мелкобуржуазной демократией и вышли из Демократического общества. — *64.*

[43] Речь идет о перемирии в шлезвиг-гольштейнской войне, заключенном 26 августа 1848 г. между Данией и Пруссией. Война против Дании, начавшаяся с восстания в Шлезвиг-Гольштейне, являлась частью революционной борьбы немецкого народа за объединение Германии. Правительства германских государств, в том числе Пруссии, под давлением народных масс вынуждены были принять участие в войне. Однако правящие круги Пруссии на деле саботировали военные действия и в августе 1848 г. заключили перемирие в Мальмё. Ратификация этого перемирия в сентябре 1848 г. франкфуртским Национальным собранием вызвала волну протестов и привела к народному восстанию во Франкфурте, подавленному с помощью прусских и австрийских войск. Весной 1849 г. военные действия в Шлезвиг-Гольштейне возобновились, но в июле 1850 г. Пруссия заключила мирный договор с Данией, что позволило последней разгромить повстанцев. — *64.*

[44] *«Согласительным собранием»* («Vereinbarungsversammlung») Маркс и Энгельс называли прусское Национальное собрание, созванное в Бор-лине в мае 1848 г. для выработки конституции «по соглашению с короной». Приняв эту формулу в качестве основы для своей деятельности, Собрание тем самым отказалось от принципа народного суверенитета. — *64.*

[45] Вольф имел в виду восстание украинских крестьян в Галиции в феврале — марте 1846 г., совпавшее по времени с национально-освободительным восстанием в Кракове. Используя классовые противоречия, австрийские власти сумели вызвать столкновения между восставшими галицийскими крестьянами и польской шляхтой, пытавшейся выступить на поддержку Кракова. Крестьянское восстание, начавшись с разоружения шляхетских повстанческих отрядов, вылилось затем в массовый разгром помещичьих усадеб. Справившись с повстанческим движением шляхты, австрийское правительство подавило также и крестьянское восстание в Галиции. — *68.*

[46] *«Нытики»* (Heuler) — прозвище буржуазных конституционалистов, которое им дали демократы-республиканцы в период революции 1848— 1849 гг. в Германии. — *77.*

[47] *«Смутьянами»* (Wuhler) в 1848—1849 гг. в Германии буржуазные конституционалисты называли демократов-республиканцев. — *90.*

[48] Энгельс имеет в виду запись, опубликованную в издании: «Papiers et correspondance de la famille impеriale». Tome I—II, Paris, 1870—1871 («Документы и переписка императорской фамилии». Том I—II, Париж, 1870—1871), т. II, стр. 161. — *93.*

[49] Из писем Маркса, Энгельса и жены Маркса Женни Маркс явствует, что Вольф переехал в Манчестер в сентябре 1853 года. — *96.*

[50] *Ландвер* — составная часть вооруженных сил из военнообязанных старших возрастов (от 27 до 32 лет). В ландвер зачислялись военнообязанные, прошедшие действительную службу в регулярной армии и пробывшие установленный срок в резерве. Впервые система ландвера возникла в Пруссии в 1813—1814 годах; в дальнейшем она была введена в других германских государствах и в Австрии. В мирное время проводились только отдельные учебные сборы частей ландвера; во время войны ландвер должен был призываться для службы в тылу и для гарнизонной службы. — *99.*

[51] Имеется в виду работа К. Маркса и Ф. Энгельса «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» (см. настоящее издание, т. 18, стр. 323—452), вышедшая в немецком переводе в Брауншвейге в 1874 г. под заглавием: «Ein Complot gegen die Internationale Arbeiter-Association»; в редактировании перевода непосредственное участие принимал Энгельс. — *100.*

[52] Здесь и далее Энгельс цитирует письмо Бакунина испанскому социалисту Франсиско Мора от 5 апреля 1872 г., опубликованное наряду с другими документами Альянса в XI разделе работы К. Маркса и Ф. Энгельса «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» (см. настоящее издание, т. 18, стр. 451— 452). — *100.*

[53] *«Bulletin de la Fеdеration jurassienne de l'Association Internationale des Travailleurs»* («Бюллетень Юрской федерации Международного Товарищества Рабочих») — орган швейцарских анархистов; выходил в 1872—1878 гг. на французском языке сначала 2 раза в месяц, а с июля 1873 г. один раз в неделю под редакцией Гильома. — *103.*

[54] *«Rheinische Zeitung fur Politik, Handel und Gewerbe»* («Рейнская газета по вопросам политики, торговли и промышленности») — ежедневная газета, выходила в Кёльне с 1 января 1842 по 31 марта 1843 года. Газета была основана представителями рейнской буржуазии, оппозиционно настроенной по отношению к прусскому абсолютизму. К сотрудничеству в газете были привлечены и некоторые младогегельянцы. С апреля 1842 г. К. Маркс стал сотрудником «Rheinische Zeitung», а с октября того же года — одним из ее редакторов. В «Rheinische Zeitung» был опубликован также ряд статей Ф. Энгельса. При редакторстве Маркса газета стала принимать все более определенный революционно-демократический характер. Правительство ввело для «Rheinische Zeitung» особо строгую цензуру, а затем закрыло ее. — *105.*

[55] *«Deutsch-Franzosische Jahrbucher»* («Немецко-французский ежегодник») издавался в Париже под редакцией К. Маркса и А. Руге на немецком языке. Вышел в свет только первый, двойной выпуск в феврале 1844 года. В нем были опубликованы произведения К. Маркса: «К еврейскому вопросу» и «К критике гегелевской философии права. Введение», а также произведения Ф. Энгельса: «Наброски к критике политической экономии» и «Положение Англии. Томас Карлейль. «Прошлое и настоящее»» (см. настоящее издание, т. 1, стр. 382—413, 414—429, 544— 571, 572—597). Эти работы знаменуют окончательный переход Маркса и Энгельса от революционного демократизма к материализму и коммунизму. Главной причиной прекращения выхода журнала были принципиальные разногласия Маркса с буржуазным радикалом Руге. — *106.*

[56] Энгельс имеет в виду распоряжение от 16 января 1845 г. о высылке Маркса и ряда сотрудников газеты «Vorwarts!» из Франции, отданное французским правительством под давлением правительства Пруссии. — *106.*

[57] *«Kreuz-Zeitung»* («Крестовая газета») — так называли (из-за изображения в заголовке эмблемы ландвера — креста) немецкую ежедневную газету «Neue Preusische Zeitung» («Новая прусская газета»); начала издаваться в Берлине с июня 1848 года; была органом контрреволюционной придворной клики и прусского юнкерства. — *107.*

[58] *«Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue»* («Новая Рейнская газета. Политико-экономическое обозрение») — журнал, основанный Марксом и Энгельсом в декабре 1849 г. и издававшийся ими до ноября 1850 года. Журнал являлся теоретическим и политическим органом Союза коммунистов, продолжением издававшейся Марксом и Энгельсом во время революции 1848—1849 гг. «Neue Rheinische Zeitung» («Новой Рейнской газеты»). Всего с марта по ноябрь 1850 г. вышло в свет шесть номеров журнала, в том числе один сдвоенный номер (5—6). Редактировался журнал в Лондоне, печатался в Гамбурге. На обложке был указан также Нью-Йорк, так как Маркс и Энгельс рассчитывали на распространение журнала и среди немецких эмигрантов в Америке. Подавляющая часть материалов (статьи, обзоры, рецензии) писалась Марксом и Энгельсом, которые также привлекали к сотрудничеству своих сторонников — В. Вольфа, И. Вейдемейера, Г. Эккариуса. Из произведений основоположников марксизма в журнале были опубликованы «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» Маркса, «Германская кампания за имперскую конституцию» и «Крестьянская война в Германии» Энгельса, а также ряд других работ. В работах, опубликованных в журнале, подводился

итог революции 1848—1849 гг., содержалась дальнейшая разработка теории и тактики революционной пролетарской партии. Журнал прекратил свое существование вследствие полицейских притеснений в Германии и отсутствия материальных средств. — *108.*

[59] *«New-York Daily Tribune»* («Нью-йоркская ежедневная трибуна») — американская газета, выходившая с 1841 по 1924 год. Основанная видным американским журналистом и политическим деятелем Хорасом Грили, газета до середины 50-х годов была органом левого крыла американских вигов, а затем органом республиканской партии. В 40— 50-х годах газета стояла на прогрессивных позициях и выступала против рабовладения. Сотрудничество Маркса в газете началось в августе 1851 г. и продолжалось свыше 10 лет, по март 1862 года; большое число статей для «New-York Daily Tribune» было по просьбе Маркса написано Энгельсом. Сотрудничество Маркса в газете прекратилось в начале Гражданской войны в США, когда в редакции усилилось влияние сторонников компромисса с рабовладельческими штатами и редакция газеты отошла от прогрессивных позиций. — *108.*

[60] *«Das Volk»* («Народ») — еженедельная газета, выходила на немецком языке в Лондоне с 7 мая по 20 августа 1859 года. Была основана как официальный орган лондонского Коммунистического просветительного общества немецких рабочих. Начиная с № 2 газета выходила при ближайшем участии Маркса, который вскоре становится ее фактическим редактором. В газете «Volk» было напечатано предисловие Маркса к его работе «К критике политической экономии», рецензия Энгельса на эту же работу Маркса, а также ряд других статей Маркса и Энгельса. Всего вышло 16 номеров газеты; выход газеты прекратился 20 августа 1859 г. из-за отсутствия денежных средств. — *109.*

[61] См. примечание 48. — *109.*

[62] Имеется в виду экономический кризис 1873 г., охвативший Австрию, Германию, США, Англию, Францию, Голландию, Бельгию, Италию, Россию и другие страны, отличавшийся большой силой и глубиной. — *113.*

[63] Письмо Маркса в редакцию «Отечественных Записок» было написано им вскоре после появления в названном журнале в октябре 1877 г. статьи идеолога русского народничества Н. К. Михайловского «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского» («Отечественные Записки» № 10, Современное обозрение, стр. 320—356), содержавшей ложную трактовку «Капитала». Письмо осталось неотправленным и было найдено Энгельсом в бумагах Маркса уже после его смерти. Энгельс снял с письма копии и одну из них вместе с письмом от 6 марта 1884 г. направил члену группы «Освобождение труда» В. И. Засулич в Женеву. В Женеве письмо было опубликовано в 1886 г. в № 5 «Вестника Народной Боли». В русской легальной печати письмо Маркса было опубликовано в октябре 1888 г. в журнале «Юридический вестник». — *116.*

[64] K. Marx. «Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie». Bd. I, Hamburg, 1867, S. 763. —*116.*

[65] A. Haxthausen. «Studien uber die innern Zustande, das Volksleben und insbesondere die landlichen Einrichtungen Ruslands», Th. I—III, Han-

nover—Berlin, 1847—1852 (А. Гакстгаузен. «Исследования внутренних отношений, народной жизни и в особенности сельских учреждений России», ч. I—III, Ганновер—Берлин, 1847—1852). — *116.*

[66] К. Marx. «Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie». 2. AufL, Bd. I, Hamburg, 1872, S. 817 (см. настоящее издание, т. 23, стр. 18). — *116.*

[67] К. Marx. «Le Capital». Paris, [1875] (см. настоящее издание, т. 23, стр. 728). Разночтения между текстом этой цитаты и текстом данного места в 23 т. объясняются тем, что Маркс цитирует первый том «Капитала» по французскому изданию 1875 г., а русский перевод в 23 т. сделан с 4-го немецкого издания 1890 года. — *120.*

[68] Речь идет о неудавшемся покушении на Бисмарка 7 мая 1866 г. в Берлине. — *122.*

[69] Энгельс имеет в виду борьбу за республику во Франции против монархических сил и, в частности, возникший после выборов 1876 г. конфликт между монархическими кругами и республиканским большинством палаты депутатов. В этом конфликте победили республиканцы, и во Франции утвердилась парламентарная республика. — *123.*

[70] В 1877 г. в США широко развернулась борьба рабочего класса с предпринимателями. Одним из крупнейших событий этой борьбы была стачка железнодорожников в июле 1877 г., вызванная снижением на 10% заработной платы на трех главных железнодорожных линиях, ведущих на Запад, — Пенсильванской, Балтимора — Огайо и Нью-йоркской Центральной. Стачку удалось подавить только при помощи правительственных войск и буржуазных вооруженных отрядов. — *123.*

[71] Имеется в виду русско-турецкая война 1877—1878 годов. — *124.*

[72] Настоящая статья была написана Энгельсом для американского еженедельника «The Labor Standard» («Знамя труда»), издававшегося в 1876—1900 гг. эмигрировавшим в США деятелем ирландского рабочего движения Мак-Доннелом. В 1931 г. статья была опубликована на немецком языке в журнале «Die Gesellschaft» (Jahrg. 8, Bd. II) и на русском языке в журнале «Борьба классов» № 6—7. —*125.*

[73] Имеется в виду дезорганизаторская деятельность анархистов. — *127.*

[74] Речь идет об одном из крупнейших сражений франко-прусской войны 1870—1871 гг., происходившем 1—2 сентября 1870 г. и закончившемся победой немецких войск, капитуляцией французской армии под командованием Мак-Магона. Поражение французских войск под Седаном ускорило крах Второй империи. — *129.*

[75] Речь идет о выступлении анархистов, захвативших в 1877 г. небольшой город Летино в Италии в провинции Беневенто; выступление было быстро подавлено полицией. — *131.*

[76] Ироническое выражение, в основе которого лежит предание о трех портных с Тули-стрит, направивших в палату общин жалобу, начинавшуюся словами: «Мы, народ Англии». — *133.*

[77] Имеется в виду Новая мадридская федерация, образованная 8 июля 1872 г. членами редакции газеты «La Emancipacion» («Освобождение»), исключенными анархистским большинством из Мадридской федерации в связи с разоблачением газетой деятельности тайного Альянса в Испании. Активное участие в организации и деятельности Новой мадридской федерации принимал П. Лафарг. Новая мадридская федерация вела решительную борьбу с распространением анархистского влияния в Испании, пропагандировала идеи научного социализма, боролась за создание самостоятельной пролетарской партии в Испании. В ее органе, газете «Emancipacion», сотрудничал Энгельс. — *133.*

[78] *«O Protesto»* («Протест») — португальская социалистическая еженедельная газета, начала выходить в Лиссабоне с 1875 года. — *134.*

[79] Имеется в виду демократическая газета «Народна волья», выходившая в Смедерево (Сербия) с октября 1875 года. — *137.*

[80] По закону 1872 г. во Франции была установлена всеобщая обязательная воинская повинность. — *141.*

[81] Имеется в виду польское национально-освободительное восстание 1863—1864 годов. — *146.*

[82] *«The Daily News»* («Ежедневные новости») — английская либеральная газета, орган промышленной буржуазии; выходила под данным названием в Лондоне с 1846 по 1930 год. — *147.*

[83] *«National-Zeitung»* («Национальная газета») — немецкая ежедневная буржуазная газета, издавалась в Берлине с 1848 по 1915 год. —*147.*

[84] *«Staats-Anzeiger»* — сокращенное название немецкой ежедневной газеты «Koniglich-Preusischer Staats-Anzeiger» («Королевско-прусский государственный вестник»), официального органа прусского правительства; под этим названием выходила в Берлине с 1851 по 1871 год. — *147.*

[85] *«Der Vorbote»* («Предвестник») — ежемесячный журнал, официальный орган немецких секций Интернационала в Швейцарии; издавался на немецком языке в Женеве с 1866 по 1871 год; ответственным редактором был И. Ф. Беккер. Журнал проводил в общем линию Маркса и Генерального Совета, систематически публикуя документы Интернационала и давая информацию о деятельности секций Товарищества в различных странах. — *148.*

[86] Имеется в виду гибель немецкого броненосца «Великий курфюрст», последовавшая 31 мая 1878 г. в Па-де-Кале у г. Фолкстона (Англия), вследствие столкновения с кораблем «Король Вильгельм». — *148.*

[87] Статья К. Маркса *«История Международного Товарищества Рабочих, сочиненная господином Джорджем Хауэллом»* была написана им в начале июля 1878 г. в качестве ответа на напечатанную в журнале «The Nineteenth Century» («Девятнадцатый век») статью ренегата Хауэлла «История международного товарищества», содержавшую лживые утверждения относительно истории Интернационала и роли в нем Маркса. Редакция журнала отказалась напечатать статью Маркса, и статья была опубликована в журнале «The Secular Chronicle» («Светская хро-

ника») № 3, 4 августа 1878 года. Названный журнал имел атеистически-республиканское направление, а его редактор Х. Ло была в свое время членом Интернационала.

В немецком переводе статья была напечатана в «Neue Zeit», т. 1, № 1, 1901—1902 гг., стр. 585—589. Эта публикация обратила на себя внимание В. И. Ленина. На русском языке статья Маркса впервые была опубликована в журнале «Пролетарская революция» № 1. 1933. — *151.*

88 «Nineteenth Century», vol. IV, p. 19, July—December, London, 1878.

«The Nineteenth Century» («Девятнадцатый век») — английский ежемесячный журнал либерального направления; под данным названием выходил в Лондоне с 1877 по 1900 год; с 1900 г. носил название «The Nineteenth Century and After» («Девятнадцатый век и после»), с 1951 г. выходит под названием «The Twentieth Century» («Двадцатый век»). — *151.*

89 Хауэлл называет конгрессом Лондонскую конференцию, состоявшуюся 25—29 сентября 1865 года; в ее работе участвовали члены Генерального Совета и руководители отдельных секций. Конференция заслушала доклад Генерального Совета, утвердила его финансовый отчет и повестку дня предстоящего конгресса. Лондонская конференция, подготовкой и проведением которой руководил Маркс, сыграла большую роль в период становления и организационного оформления Интернационала. — *151.*

90 Письмо Мартена было опубликовано в газете «Siecle» от 14 октября 1865 года.

«Le Siecle» («Век») — французская ежедневная газета, выходившая в Париже с 1836 по 1939 год; в 60-х годах XIX в. — умеренно-республиканская газета. — *152.*

91 См. настоящее издание, т. 16, стр. 17—19.

Обращение к президенту США А. Линкольну было написано Марксом между 22 и 29 ноября 1864 года. Решение обратиться к Линкольну с приветствием по случаю его вторичного избрания на пост президента было принято Генеральным Советом 22 ноября. Составленный Марксом текст обращения был единогласно утвержден Генеральным Советом 29 ноября 1864 г. и передан президенту Линкольну через американского посланника в Лондоне Адамса. 28 января 1865 г. в адрес Генерального Совета пришел ответ от имени Линкольна, зачитанный на заседании Совета 31 января и напечатанный в газете «The Times» 6 февраля 1865 года. Как отмечал Маркс в письме В. Либкнехту, из всех ответов Линкольна на полученные им поздравления от различных организаций только ответ Международному Товариществу Рабочих был «не просто *формальным* подтверждением в получении». — *153.*

92 Имеется в виду *Альянс социалистической демократии* — организация, основанная М. Бакуниным в 1868 году. Члены Альянса провозгласили своей программой атеизм, уравнение классов и упразднение государства. Они отрицали необходимость политической борьбы для рабочего класса. Мелкобуржуазная анархистская программа Альянса нашла поддержку в слаборазвитых в промышленном отношении областях Италии, Швейцарии и некоторых других стран. В 1869 г. Альянс обратился в Генеральный Совет с просьбой о приеме его в Интернационал.

Генеральный Совет согласился принять секции Альянса при условии роспуска его как самостоятельной организации. В действительности же, вступив в Интернационал, члены Альянса сохранили свою тайную организацию внутри Международного Товарищества Рабочих и во главе с Бакуниным повели борьбу против Генерального Совета. Борьба Альянса против Интернационала усилилась после подавления Парижской Коммуны, когда Бакунин и его сторонники особенно резко выступили против идеи диктатуры пролетариата и укрепления самостоятельной политической партии рабочего класса, основанной на принципах демократического централизма. Гаагский конгресс I Интернационала в сентябре 1872 г. подавляющим большинством голосов принял решение об исключении вожаков Альянса — Бакунина и Гиль-ома — из Интернационала. — *153.*

[93] См. настоящее издание, т. 18, стр. 17. — *153.*

[94] *«The Commonwealth»* («Республика») — английская еженедельная газета, орган Генерального Совета Интернационала, издавалась в Лондоне с февраля 1866 по июль 1867 года. В состав редакционной комиссии до июня 1866 г. входил Маркс; с февраля до апреля 1866 г. редактором был Г. Эккариус. В газете печатались отчеты о заседаниях Генерального Совета и документы Интернационала. В результате соглашательской политики тред-юнионистских лидеров, входивших в руководство газеты, в ходе борьбы за избирательную реформу газета изменила свое направление, превратившись фактически в орган радикальной буржуазии. — *153.*

[95] См. настоящее издание, т. 17, стр. 317—370. — *154.*

[96] См. письмо К. Маркса редактору газеты «Daily News» (настоящее издание, т. 17, стр. 380—381). — *154.*

[97] *Помещичья палата* — презрительное наименование французского Национального собрания 1871 г., состоявшего в большинстве своем из реакционеров-монархистов: провинциальных помещиков, чиновников, рантье и торговцев, избранных в сельских избирательных округах. Из 630 депутатов в собрании насчитывалось около 430 монархистов.

В конце 1871 г. это Национальное собрание предприняло расследование событий Парижской Коммуны, материалы которого были опубликованы под названием: «Enquete parlementaire sur l'insurrection du 18 mars». T. I—III, Versailles, 1872 («Парламентское расследование восстания 18 марта». Т. I—III, Версаль, 1872). — *154.*

[98] Отчет Генерального Совета IV ежегодному конгрессу Международного Товарищества Рабочих (настоящее издание, т. 16, стр. 388). — *155.*

[99] Здесь и выше речь идет о репрессивных мерах со стороны реакционных сил в Европе против I Интернационала после падения Парижской Коммуны. В ряде стран деятельность Интернационала была официально запрещена. В циркуляре испанского министра иностранных дел Бонифасио, опубликованном в марте 1872 г., предполагалось объединение усилий всех правительств для совместных действий против Интернационала. На встречах германского и австрийского императоров в августе 1871 г. в Гаштейне и в сентябре 1871 г. в Зальцбурге, подготовленных предварительной перепиской Бисмарка с канцлером Австро-

Венгрии Бёйстом, также специально обсуждался вопрос о совместной борьбе против Интернационала. — *156.*

[100] *Циркулярное письмо* К. Маркса и Ф. Энгельса от 17—18 сентября 1879 г., посланное А. Бебелю, но предназначавшееся авторами для всего руководства германской социал-демократической партии, носит характер партийного документа. Об этом свидетельствуют его содержание и собственные заявления Маркса и Энгельса. В письме к Ф. А. Зорге от 19 сентября 1879 г. Маркс называет этот документ циркулярным письмом, предназначенным «для *внутреннего обращения* среди вождей германской партии». В. И. Ленин (которому текст письма остался неизвестен) на основании переписки Маркса и Энгельса тоже называет составленное Марксом и Энгельсом изложение их взглядов и партийной позиции в отношении проявившегося в партии оппортунизма «прямым циркуляром к Бебелю, Либкнехту и другим вождям с.-д. партии» (В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 12, стр. 326). Проект письма был составлен Энгельсом в середине сентября. 17 сентября по возвращении Маркса в Лондон этот проект был сразу же подвергнут их совместному обсуждению и окончательному оформлению.

Письмо было впервые опубликовано в журнале «Die Kommunistische Internationale», XII. Jahrg., Heft 23, 15 июня 1931 года. — *161.*

[101] Имеется в виду *«Jahrbuch fur Sozialwissenschajt und Sozialpolitik»* («Ежегодник социальной науки и социальной политики») — журнал социал-реформистского направления, издававшийся в 1879—1881 гг. К. Хёхбергом (под псевдонимом Людвиг Рихтер) в Цюрихе; вышло 3 книги. — *161.*

[102] *«Die Laterne»* («Фонарь») — еженедельный социал-демократический сатирический журнал; выступал с критикой оппортунистической тенденции внутри германской социал-демократической партии в начале действия исключительного закона против социалистов; выходил с 15 декабря 1878 г. по 29 июня 1879 г. в Брюсселе под редакцией К. Гирша. — *162.*

[103] *«Freiheit»* («Свобода») — немецкая еженедельная газета анархистского направления, основана в 1879 г. в Лондоне И. Мостом; Маркс и Энгельс неоднократно критиковали Моста и редактируемую им газету за анархистские выступления. Впоследствии газета издавалась в Бельгии (1882 г.) и в США (1882—1910 гг.). — *164.*

[104] «*Vorwarts»* («Вперед») — центральный орган Социалистической рабочей партии Германии после Готского съезда 1876 года; выходил в Лейпциге с октября 1876 года. Выход газеты был прекращен в октябре 1878 г. в связи с изданием исключительного закона против социалистов. — *167.*

[105] Статья, написанная К. Хёхбергом, Э. Бернштейном и К. Шраммом и напечатанная в журнале «Jahrbuch fur Sozialwissenschaft und Sozialpolitik». Jahrg. I, Erste Halfte, Zurich, 1879, S. 75—96. — *168.*

[106] Имеются в виду баррикадные бои в Берлине 18 марта, положившие начало революции 1848—1849 гг. в Германии. —*170.*

[107] Речь идет об исключительном законе против социалистов, принятом германским рейхстагом в октябре 1878 года. — *172.*

[108] *«Die Zukunft»* («Будущее») — журнал социал-реформистского направления, издававшийся группой членов германской социал-демократической партии; выходил с октября 1877 по ноябрь 1878 г. в Берлине. Издателем журнала был К. Хёхберг. Маркс и Энгельс резко критиковали журнал за попытки совлечь партию на реформистский путь.

«Die Neue Gesellschaft» («Новое общество») — социал-реформистский журнал, выходил в Цюрихе в 1877—1880 годах. — *174.*

[109] Работа Ф. Энгельса *«Социализм г-на Бисмарка»,* опубликованная в двух номерах газеты «Egalite», была написана в конце февраля 1880 года. При написании этой работы Энгельс использовал факты, содержавшиеся в книге Р. Мейера «Politische Grunder und die Corruption in Deutschland». Leipzig, 1877 («Политические грюндеры и коррупция в Германии». Лейпциг, 1877).

«L'Egalite» («Равенство») — французская еженедельная социалистическая газета, основана в 1877 г. Ж. Гедом, с 1880 по 1883 г. выходила в качестве органа французской Рабочей партии. Газета выходила в шести сериях. 1-я, 2-я и 3-я серии газеты выходили еженедельно (вышло 113 номеров), 4-я и 5-я серии — ежедневно (вышло 56 номеров). Из 6-й серии, которая должна была выходить еженедельно, вышел только один номер в 1886 году. Серии отличались своими подзаголовками. — *176.*

[110] Имеется в виду выступление Бисмарка в рейхстаге, опубликованное в издании: «Stenographische Berichte uber die Verhandlungen des Deutschen Reichstags». 4. Legislaturperiode. I. Session 1878, Bd. I, Berlin, 1878, S. 70, 125 («Стенографический отчет о дебатах германского рейхстага». 4-й созыв. 1-я сессия 1878 г., т. I, Берлин, 1878, стр. 70, 125). — *176.*

[111] *Credit Mobilier* (полное название: Societe generale du Credit Mobilier) — крупный французский акционерный банк, созданный в 1852 году. Основной целью Credit Mobilier было посредничество в кредите и грюндерство (участие в учредительстве промышленных и других предприятий). Главным источником доходов банка была спекуляция ценными бумагами учрежденных им акционерных обществ. Credit Mobilier был тесно связан с правительственными кругами Второй империи. В 1867 г. банк потерпел крах и в 1871 г. был ликвидирован. По образцу французского Credit Mobilier аналогичные учреждения были созданы в некоторых других европейских странах. Анализу деятельности Credit Mobilier и оценке роли акционерных объединений в развитии капитализма Маркс специально посвятил ряд статей (см. настоящее издание, т. 12, стр. 21—37). — *177.*

[112] Имеется в виду высказывание Рело в его книге: «Briefe aus Philadelphia». Braunschweig, 1877 («Письма из Филадельфии». Брауншвейг, 1877). — *179.*

[113] Имеются в виду Первое и Второе воззвания Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне (настоящее издание, т. 17, стр. 1—6, 274—282). —*184.*

[114] *«Развитие социализма от утопии к науке»* возникло из трех глав работы Ф. Энгельса «Анти-Дюринг», написанной им в 1877—1878 годах.

По просьбе П. Лафарга Энгельс в 1880 г. переработал три главы «Анти-Дюринга» (I главу «Введения» и I и II главы третьего отдела) в самостоятельную популярную работу, напечатанную первоначально во французском социалистическом журнале «La Revue socialiste» под названием «Утопический социализм и научный социализм», а затем изданную в том же году в виде отдельной брошюры. Французское издание послужило основой для польского и итальянского. В 1883 г. брошюра была издана на немецком языке под названием «Развитие социализма от утопии к науке» (с указанием на титульном листе 1882 г.). Эта брошюра еще при жизни Энгельса была переведена с немецкого на ряд европейских языков и получила широкое распространение среди рабочих, сыграв огромную роль в пропаганде марксистских идей. Последнее прижизненное немецкое (четвертое) издание работы было выпущено в Берлине в 1891 году. Брошюра отличается от соответствующих глав «Анти-Дюринга» по расположению материала, содержит дополнительные вставки и некоторые изменения по сравнению с текстом «Анти-Дюринга». — *185.*

[115] G. W. F. Hegel. «Philosophie der Geschichte», Werke, 2. Aufl., Bd. IX. Berlin, 1840. — *190.*

[116] Согласно теории Руссо, первоначально люди жили в условиях естественного состояния, где все были равны. Возникновение частной собственности и развитие имущественного неравенства обусловило переход людей из естественного в гражданское состояние и привело к образованию государства, основанного на общественном договоре. Однако в дальнейшем развитие политического неравенства приводит к нарушению общественного договора и к возникновению нового естественного состояния. Устранить это последнее призвано разумное государство, основанное на новом общественном договоре.

Эта теория развита в сочинениях Руссо: «Discours sur l'origine et les fondemens de l'inegalite parmi les hommes». Amsterdam, 1755 («Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми». Амстердам, 1755) и «Du contract social; ou, Principes du droit politique». Amsterdam, 1762 («Об общественном договоре, или Принципы политического права». Амстердам, 1762). — *190.*

[117] Энгельс имеет в виду «истинных левеллеров» («истинных уравнителей»), или «диггеров» («копателей») — представителей крайнего левого течения в период английской буржуазной революции XVII века. «Диггеры», выражавшие интересы беднейших слоев деревни и города, выдвигали требование ликвидации частной собственности на землю, пропагандировали идеи примитивного уравнительного коммунизма и пытались осуществить их на практике путем коллективной распашки общинных земель. — *191.*

[118] Энгельс имеет в виду, прежде всего, произведения представителей утопического коммунизма — Т. Мора («Утопия», издано в 1516 г.) и Т. Кампанеллы («Город Солнца», издано в 1623 г.). — *191.*

[119] *Время террора* — период революционно-демократической диктатуры якобинцев (июнь 1793 — июль 1794 г.), когда в ответ на контрреволюционный террор жирондистов и роялистов якобинцы применили террор революционный.

Директория (состояла из пяти директоров, один из которых ежегодно переизбирался) — руководящий орган исполнительной власти во Франции, учрежденный в соответствии с конституцией 1795 г., принятой после падения в 1794 г. революционной диктатуры якобинцев; существовала до государственного бонапартистского переворота 1799 года; поддерживала режим террора против демократических сил и защищала интересы крупной буржуазии. — *192.*

120 Имеется в виду лозунг французской буржуазной революции конца XVIII века: «Свобода. Равенство. Братство». — *193.*

121 «Lettres d'un habitant de Geneve a ses contemporains» («Письма женевского обитателя к современникам») — первое произведение Сен-Симона; оно было написано в Женеве в 1802 г., опубликовано анонимно и без указания места и времени издания в Париже в 1803 году. Энгельс пользовался изданием: G. Hubbard. «Saint-Simon. Sa vie et ses travaux. Suivi de fragments des plus celebres ecrits de Saint-Simon». Paris, 1857 (Г. Юббар. «Сен-Симон. Его жизнь и труды. С приложением отрывков из наиболее знаменитых сочинений Сен-Симона». Париж, 1857). В этом издании есть неточности в датировке отдельных произведений Сен-Симона.

Первым большим произведением Фурье была его книга «Theorie des quatre mouvements et des destinees generales» («Теория четырех движений и всеобщих судеб»), написанная в первые годы XIX в. и изданная анонимно в Лионе в 1808 г. (на титульном листе как место издания, вероятно по цензурным соображениям, был указан Лейпциг).

Нью-Ланарк (New Lanark) — хлопкопрядильная фабрика близ шотландского города Ланарка, основанная в 1784 г., с небольшим поселком при ней. — *193.*

122 Энгельс цитирует второе письмо из произведения Сен-Симона «Письма женевского обитателя к современникам». В издании Юббара эти места находятся на стр. 143 и 135. — *195.*

123 Энгельс имеет в виду отрывок из «Писем А. Сен-Симона к американцу» (письмо восьмое). Эти письма были опубликованы в сборнике: H. Saint-Simon. «L'industrie, ou Discussions politiques, morales et philosophiques, dans l'interet de tous les hommes livres a des travaux utiles et independans». T. II, Paris, 1817 (А. Сен-Симон. «Промышленность, или Политические, моральные и философские рассуждения в интересах всех людей, посвятивших себя полезным и самостоятельным трудам». Т. II, Париж, 1817). В издании Юббара этот отрывок находится на стр. 155—157. — *196.*

124 Энгельс имеет в виду две написанные Сен-Симоном совместно с его учеником О. Тьерри работы: «De la reorganisation de la societe europeenne, ou de la necessite et des moyens de rassembler les peuples de l'Europe en un seui corps politique, en conservant a chacun son independance nationale» («О реорганизации европейского общества, или о необходимости и средствах соединения народов Европы в единое политическое тело при сохранении за каждым из них его национальной независимости») и «Opinion sur les mesures a prendre contre la coalition de 1815» («Мнение о мерах, которые следует предпринять против коалиции 1815 года»); обе брошюры были изданы в Париже, первая — в октябре 1814, а вторая — в 1815 году. В издании Юббара отрывки из первой

работы находятся на стр. 149—154, а содержание обеих брошюр излагается на стр. 68—76.

Союзные армии стран — участниц шестой антифранцузской коалиции (России, Австрии, Англии, Пруссии и других государств) вступили в Париж 31 марта 1814 года. Империя Наполеона пала, а сам Наполеон после отречения был вынужден отправиться в изгнание на остров Эльбу. Во Франции произошла первая реставрация монархии Бурбонов.

Сто дней — период кратковременного восстановления империи Наполеона, продолжавшийся с момента возвращения его из ссылки с острова Эльбы в Париж 20 марта 1815 г. до его вторичного отречения 22 июня того же года после поражения при Ватерлоо. — *196.*

[125] При *Ватерлоо* (Бельгия) 18 июня 1815 г. армия Наполеона была разбита англо-голландскими войсками под командованием Веллингтона и прусской армией под командованием Блюхера. Сражение сыграло решающую роль в кампании 1815 г., предопределив окончательную победу седьмой антифранцузской коалиции (Англии, России, Австрии, Пруссии, Швеции, Испании и других государств) и падение империи Наполеона. — *196.*

[126] Эта мысль была развита уже в первой книге Фурье «Теория четырех движений», где, в частности, содержится следующее общее положение: «Социальный прогресс и изменения периода происходят в соответствии с прогрессом женщин к свободе, а упадок социального порядка происходит в соответствии с уменьшением свободы женщин». Фурье резюмирует это положение в формуле: «Расширение прав женщин есть основной принцип всякого социального прогресса» (Ch. Fourier. Oeuvres completes, t. I, Paris, 1841, p. 195—196). — *197*.

[127] Ср. Ch. Fourier. «Theorie de l'unite universelle», vol. I et IV; Oeuvres completes, t. II, Paris, 1843, p. 78—79 et t. V, Paris, 1841, p. 213—214 (Ш. Фурье. «Теория всемирного единства», тт. I и IV; Полное собрание сочинений, т. II, Париж, 1843, стр. 78—79 и т. V, Париж, 1841, стр. 213—214).

О «порочном круге», в котором движется строй цивилизации, см. Ch. Fourier. «Le Nouveau Monde industriel et societaire, ou Invention du procede d'industrie attrayante et naturelle distribuee en series passionnees»; Oeuvres completes, t. VI, Paris, 1845, p. 27—46, 390 (Ш. Фурье. «Новый хозяйственный и социетарный мир, или Открытие способа привлекательного и природосообразного труда, распределенного в сериях по страсти»; Полное собрание сочинений, т. VI, Париж, 1845, стр. 27—46, 390). Первое издание работы вышло в Париже в 1829 году. Ср. также Ch. Fourier. Oeuvres completes, t. I, Paris, 1841, p. 202. — *197.*

[128] Ch. Fourier. Oeuvres completes, t. VI, Paris, 1845, p. 35. — *197.*

[129] Ch. Fourier. Oeuvres completes, t. I, Paris, 1841, p. 50 et suiv. — *197.*

[130] R. Owen. «The Revolution in the Mind and Practice of the Human Race; or, the Coming Change from Irrationality to Rationality». London, 1849 (Р. Оуэн. «Революция в умах и практике человеческого рода, или Грядущий переход от неразумия к разумности». Лондон, 1849). — *199.*

[131] R. Owen. «Report of the proceedings at the several public meetings, held in Dublin... on the 18th March, 12th April, 19th April and 3rd May».

Dublin, 1823 (Р. Оуэн. «Отчет о нескольких публичных собраниях, состоявшихся в Дублине... 18 марта, 12 и 19 апреля и 3 мая». Дублин, 1823). — *200.*

[132] В январе 1815 г. на большом публичном собрании в Глазго Оуэн предложил ряд мер для облегчения положения детей и взрослых рабочих на фабриках. Билль, внесенный по инициативе Оуэна в июне 1815 г., был принят парламентом в качестве закона лишь в июле 1819 г., да и то в сильно урезанном виде. Закон, регулировавший труд на хлопчатобумажных фабриках, запрещал работу детей моложе 9 лет, ограничивал 12 часами рабочий день лиц моложе 18 лет и устанавливал для всех рабочих два перерыва, на завтрак и на обед, общей продолжительностью в полтора часа. —*200.*

[133] В октябре 1833 г. в Лондоне под председательством Оуэна состоялся съезд кооперативных обществ и профессиональных союзов, на котором был формально основан *Великий национальный объединенный союз производств Великобритании и Ирландии;* устав союза был принят в феврале 1834 года. По замыслу Оуэна, этот союз должен был взять в свои руки управление производством и осуществить мирным путем полное преобразование общества. Однако этот утопический план потерпел крушение. Встретив сильное сопротивление со стороны буржуазного общества и государства, союз в августе 1834 г. распался. — *200.*

[134] Имеются в виду базары для справедливого обмена продуктов труда (Equitable Labour Exchange Bazaars), основанные кооперативными обществами рабочих в различных городах Англии; первый такой базар был основан Робертом Оуэном в Лондоне в сентябре 1832 г. и просуществовал до середины 1834 года. — *201.*

[135] Попытку организовать меновой банк Прудон предпринял во время революции 1848—1849 годов. Его Banque du peuple (Народный банк) был основан в Париже 31 января 1849 года. Банк просуществовал около двух месяцев, да и то лишь на бумаге: он потерпел крах раньше, чем начал регулярно функционировать, и в начале апреля был закрыт. — *201.*

[136] Диалог Д. Дидро «Племянник Рамо» («Le neveu de Rameau») был написан около 1762 г. и впоследствии дважды перерабатывался автором. Впервые он был издан, в немецком переводе Гёте, в Лейпциге в 1805 году. Подлинное французское издание было осуществлено в книге «Oeuvres inedites de Diderot». Paris, 1821 («Неизданные произведения Дидро». Париж, 1821), вышедшей в свет фактически в 1823 году. — *202.*

[137] *Александрийский период* развития науки относится ко времени от III века до н. э. по VII век н. э., получил свое название от египетского города Александрии (на побережье Средиземного моря), являвшегося одним из крупнейших центров международных хозяйственных сношений того времени. В александрийский период получил большое развитие ряд наук: математика и механика (Эвклид и Архимед), география, астрономия, анатомия, физиология и др. — *203.*

[138] Библия, Евангелие от Матфея, глава 5, стих 37. — *203.*

[139] Небулярная гипотеза Канта, согласно которой солнечная система развилась из первоначальной туманности (лат. nebula — туман), изло-

жена в его сочинении «Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels, oder Versuch von der Verfassung und dem mechanischen Ursprunge des ganzen Weltgebaudes nach Newtonischen Grundsatzen abgehandelt». Konigsberg und Leipzig, 1755 («Всеобщая естественная история и теория неба, или Опыт изложения устройства и механического происхождения вселенной по принципам Ньютона». Кёнигсберг и Лейпциг, 1755). Книга была издана анонимно.

Гипотеза Лапласа об образовании солнечной системы была впервые изложена в последней главе его сочинения «Exposition du systeme du monde». T. I—II. Paris, l'an IV de la Republique Francaise [1796] («Изложение системы мира». Тт. I—II, Париж, IV год Французской Республики [1796]). В последнем, подготовленном при жизни Лапласа, шестом издании книги, вышедшем уже после смерти автора, в 1835 г., изложение гипотезы было дано в виде последнего, VII примечания к сочинению. — *206.*

[140] См. настоящее издание, т. 23, стр. 322—515. — *212.*

[141] Имеется в виду ряд войн XVII и XVIII веков между крупнейшими европейскими государствами за гегемонию в торговле с Индией и Америкой и за захват колониальных рынков. Первоначально основными соперничавшими странами являлись Англия и Голландия (типичными торговыми войнами были англо-голландские войны 1652—1654, 1664— 1667 и 1672—1674 гг.), позднее решающая борьба развернулась между Англией и Францией. Победительницей из всех этих войн вышла Англия, в руках которой к концу XVIII века сосредоточилась почти вся мировая торговля. — *216.*

[142] Энгельс цитирует здесь I том «Капитала» (см. настоящее издание, т. 23, стр. 445 и 498). — *218.*

[143] См. настоящее издание, т. 23, стр. 473. — *218.*

[144] См. настоящее издание, т. 23, стр. 660. — *218.*

[145] Ch. Fourier. Oeuvres completes, t. VI, Paris, 1845, p. 393—394 (Ш. Фурье. Полное собрание сочинений, т. VI, Париж, 1845, стр. 393— 394). — *219.*

[146] *Seehandlung* (Морская торговля) — торгово-кредитное общество, основанное в 1772 г. в Пруссии; это общество, пользовавшееся рядом важных государственных привилегий, предоставляло крупные ссуды правительству, фактически выполняя роль его банкира и маклера по финансовой части. В 1904 г. было официально превращено в прусский государственный банк. — *222.*

[147] *«Свободное народное государство»* было в 70-х годах программным требованием и ходячим лозунгом немецких социал-демократов. Марксистскую критику этого лозунга см. в IV разделе работы Маркса «Критика Готской программы» и в письме Энгельса Бебелю от 18—28 марта 1875 г. (настоящий том, стр. 26—31 и 1—8). См. также работу Ленина «Государство и революция», гл. I, § 4 и гл. IV, § 3 (Соч., 4 изд., т. 25, стр. 367—373 и 411—413). — *225.*

[148] Приводимые здесь данные относительно общей суммы всех богатств Великобритании и Ирландии взяты из доклада Р. Джиффена

«Накопление капитала в Соединенном королевстве **за** последнее время», который был прочитан в Статистическом обществе 15 января 1878 г. и напечатан в лондонском «Journal of the Statistical Society» («Журнал Статистического общества») за март 1878 года. — *227.*

[149] Второй конгресс центрального союза немецких промышленников происходил в Берлине 21—22 февраля 1878 года. — *227.*

[150] Заметка «О «Нищете философии»» была написана Марксом в конце марта 1880 г. и напечатана во французской газете «Egalite» № 12, 7 апреля 1880 г., 2-я серия, как введение редакции к публикации «Нищеты философии» в этой газете.

По рукописи документ был впервые опубликован в журнале «Annali», Anno I, Milano, 1958, p. 204—205 («Анналы», год I, Милан, 1958, стр. 204—205). — *231.*

[151] P. J. Proudhon. «Systeme des contradictions economiques, ou Philosophie de la misere». T. I—II, Paris, 1846 (П. Ж. Прудон. «Система экономических противоречий, или Философия нищеты». Тт. I—II, Париж, 1846). — *231.*

[152] *«Journal des Economistes»* («Журнал для экономистов») — французский экономический журнал либерального направления, выходил с 1841 по 1943 г. в Париже. — *231.*

[153] Имеется в виду статья «О Прудоне», написанная Марксом 24 января 1865 г. в связи со смертью Прудона по просьбе редактора газеты «Social-Demokrat» Швейцера и напечатанная в №№ 16—18 газеты от 1, 3 и 5 февраля 1865 года (см. настоящее издание, т. 16, стр. 24—31).

«Social-Demokrat» («Социал-демократ») — орган лассальянского Всеобщего германского рабочего союза. Под данным названием газета издавалась в Берлине с 15 декабря 1864 по 1871 год; в 1864—1865 гг. редактировалась И. Б. Швейцером, в состав редакции входил также В. Либкнехт.

Получив от Швейцера в ноябре 1864 г. проспект газеты, не содержавший лозунгов Лассаля, Маркс и Энгельс, не располагая другим печатным органом для воздействия на рабочее движение Германии, дали согласие на сотрудничество в «Social-Demokrat». Однако уже в феврале 1865 г. Маркс и Энгельс прекратили сотрудничество в газете ввиду принципиальных разногласий со Швейцером. — *232.*

[154] *«Анкета для рабочих»* была составлена Марксом в первой половине апреля 1880 г. по просьбе издателя журнала «La Revue socialiste» Б. Малона, который в 1880 г. под влиянием растущего рабочего и социалистического движения во Франции был вынужден объявить себя приверженцем научного социализма. «Анкета» была напечатана 20 апреля 1880 г. без подписи в «Revue socialiste», а также в виде отдельного оттиска, экземпляры которого распространялись по всей Франции. Опубликованному в «Revue socialiste» тексту «Анкеты» редакция предпослала следующее введение:

«Ни одно правительство (монархическое или буржуазно-республиканское) не осмелилось еще предпринять серьезную анкету относительно положения французского рабочего класса. Зато сколько анкет относительно кризисов, сельскохозяйственных, финансовых, промышленных, торговых, политических!

Разоблачение гнусностей капиталистической эксплуатации официальной анкетой, проведенной английским правительством; законо-

дательство, вызванное этими разоблачениями (ограничение дозволенной законом продолжительности рабочего дня десятью часами, закон относительно труда женщин и детей и т. д.), заставили французскую буржуазию еще сильнее бояться опасностей, связанных с проведением беспристрастной и систематической анкеты.

В ожидании того, что мы, быть может, сумеем заставить французское республиканское правительство последовать примеру монархического правительства Англии и провести широкую анкету о деяниях и злодеяниях капиталистической эксплуатации, — мы, используя ограниченные средства, которыми сами располагаем, попытаемся положить начало такому делу. Мы надеемся найти в нашем деле поддержку со стороны всех городских и сельских рабочих, которые понимают, что одни лишь они могут с полным знанием дела описать те бедствия, которые они терпят; что одни лишь они, а не посланные провидением спасители могут энергично применить целительные средства в борьбе против социальных зол, от которых они страдают; мы рассчитываем также на социалистов всех школ, которые, желая социальной реформы, должны желать *точного* и *определенного* знания тех условий, при которых работает и приходит в движение рабочий класс, — класс, которому принадлежит будущее.

Эти *наказы труда* являются первым делом, которое должна выполнить социалистическая демократия для того, чтобы подготовить социальное обновление.

Нижеприводимые сто вопросов являются наиболее важными. — В ответах должен быть указан порядковый номер соответствующего вопроса. — Не обязательно отвечать на все вопросы, но мы советуем давать ответы возможно более содержательные и подробные. Имя работницы или рабочего, дающего ответы, не будет опубликовано без специального разрешения; но имя, равно как и адрес, следует указать, чтобы, в случае надобности, можно было наладить связь.

Ответы следует посылать администратору журнала *«Revue socialiste» г-ну Леклюзу, 28, улица Ройяль в Сен-Клу, близ Парижа.*

Вопросы будут классифицированы и дадут материал для специальных монографий, которые будут печататься в «Revue socialiste», а затем будут изданы отдельным томом». — *233.*

155 *Введение к французскому изданию брошюры Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке»* было написано Марксом около 4—5 мая 1880 года. В брошюре введение дано за подписью Лафарга, который подготовил французский перевод работы Энгельса. В обнаруженной недавно рукописи имеется приписка, адресованная П. Лафаргу, в которой Маркс сообщает, что введение было написано им после консультации с Энгельсом, и просит Лафарга «отделать стиль, оставив существо без изменения».

В первом издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса введение было напечатано в качестве приложения. — *241.*

156 *«La Revue socialiste»* («Социалистическое обозрение») — ежемесячный журнал, основанный французским мелкобуржуазным социалистом, позднее поссибилистом Б. Малоном; вначале республиканско-социалистический, затем синдикалистский и кооперативный орган; издавался в 1880 г. в Лионе и Париже, с 1885 по 1914 г. в Париже. В 80-х годах в журнале сотрудничали Маркс и Энгельс. — *241.*

157 Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом» (см. настоящее издание, т. 20). — *241.*

[158] *«The Northern Star»* («Северная звезда») — английская еженедельная газета, центральный орган чартистов; основана в 1837 году; выходила до 1852 г., сначала в Лидсе, а с ноября 1844 г. в Лондоне. Основателем и редактором газеты был Ф. О'Коннор, в 40-х годах газету редактировал также Дж. Гарни. С 1843 по 1850 г. в газете печатались статьи и заметки Энгельса.

«The New Moral World: and Gazette of the Rational Society» («Новый нравственный мир и Газета разумного общества») — еженедельная газета социалистов-утопистов, основана Р. Оуэном в 1834 г., издавалась до 1846 г. сначала в Лидсе, а с октября 1841 г. в Лондоне; с ноября 1843 по май 1845 г. в этой газете сотрудничал Энгельс. — *241.*

[159] Событиям этого периода посвящена работа Энгельса «Германская кампания за имперскую конституцию» (см. настоящее издание, т. 7, стр. 111—207). — *242.*

[160] После того как в 1879 г. на социалистическом конгрессе в Марселе была создана французская Рабочая партия, группа французских социалистов во главе с Ж. Гедом решила обратиться (через П. Лафарга) к Марксу и Энгельсу с просьбой помочь выработать проект избирательной программы Рабочей партии. В мае 1880 г. Гед приехал в Лондон, где совместно с ними и Лафаргом была выработана программа французской Рабочей партии. Программа состояла из теоретической части и практической части (или программы-минимум). Теоретическое введение было продиктовано Геду Марксом. Что касается остальной части программы, то о ней в письме Бернштейну 25 октября 1881 г. Энгельс писал следующее: «затем мы обсуждали дальнейшее содержание программы; кое-что мы добавили, кое-что выбросили».

Программа была опубликована 30 июня 1880 г. в «Egalite» и затем (10.VII.1880 г.) в «Le Proletaire» («Пролетарий») и «Revue socialiste» (20.VII.1880 г.).

Ниже приводится текст программы-минимум по газете «Egalite»:

«А. В ОБЛАСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ:

1. Отмена всех законов о печати, собраниях и ассоциациях и в особенности закона против Международного Товарищества Рабочих. — Упразднение расчетной книжки, этой регистрации рабочего класса, и всех статей свода законов, которые ставят рабочего в неравноправное положение по сравнению с работодателем.

2. Уничтожение бюджета культов и возвращение нации «считающегося неотчуждаемым движимого и недвижимого имущества, принадлежащего религиозным корпорациям» (декрет Коммуны от 2 апреля 1871 г.), в том числе промышленных и торговых заведений этих корпораций.

3. Всеобщее вооружение народа.

4. Коммуна — хозяин административного управления и полиции.

В. В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ:

1. Еженедельный отдых в понедельник, иными словами, издание закона, запрещающего хозяевам предприятий требовать выхода рабочих на работу в понедельник. — Законодательное ограничение рабочего дня 8-ю часами для взрослых. — Запрещение частным предприя-

тиям применять труд детей моложе 14 лет, а для возраста с 14 до 18 л. — законодательное ограничение рабочего дня 6-ю часами.

2. Установление законом минимума заработной платы, определяемой ежегодно в соответствии с местными ценами на продукты питания.

3. Равенство заработной платы для работников того и другого пола.

4. Научное и техническое образование для всех детей за счет общества, представляемого государством и коммуной.

5. Устранение какого бы то ни было вмешательства работодателей в управление рабочими кассами взаимопомощи, страхования и пр., восстановление исключительно рабочего управления ими.

6. Ответственность предпринимателей за несчастные случаи, гарантируемая тем, что работодатель вносит залог, пропорциональный количеству наличных у него рабочих и тем опасностям, с которыми сопряжена работа на предприятии.

7. Участие рабочих в выработке специальных правил для различных цехов, отмена самовольно присвоенного себе работодателями права накладывать на рабочих взыскания в виде штрафа или вычета из заработной платы (декрет Коммуны от 27 апреля 1871 года).

8. Ревизия всех договоров, касающихся отчуждения общественной собственности (банки, железные дороги, рудники и т. д.), и эксплуатация всех государственных предприятий занятыми на них рабочими.

9. Отмена всех косвенных налогов и преобразование всех прямых налогов в прогрессивный налог на доходы, превышающие 3000 франков, и с наследства, превышающего 20000 франков». — *246.*

161 Данное открытое письмо Маркса и Энгельса, подписанное также П. Лафаргом и Ф. Лесснером, было зачитано на митинге, созванном 29 ноября 1880 г. в Женеве в память польского восстания 1830 года. Митинг был созван редакцией польского журнала «Rownosc» («Равенство»). В нем приняло участие около 500 социалистов — представителей различных национальностей: поляки, русские, немцы, французы, итальянцы, швейцарцы. Митинг прошел под лозунгом международной солидарности и единства целей и задач трудящихся всех стран в их борьбе против капитала. — *247.*

162 В феврале 1846 г. готовилось восстание в польских землях с целью национального освобождения Польши. Главными инициаторами восстания были польские революционные демократы (Э. Дембовский и др.). Однако в результате предательства со стороны шляхетских элементов и ареста руководителей восстания прусской полицией общее выступление было сорвано и произошли лишь отдельные революционные выступления. Только в Кракове, подчиненном с 1815 г. совместному контролю Австрии, России и Пруссии, повстанцам удалось 22 февраля одержать победу и создать Национальное правительство, выпустившее манифест об отмене феодальных повинностей.

В программе, сформулированной в дни краковского восстания Дембовским, выражавшим интересы крестьянства и городских низов, нашли свое отражение и революционно-демократические и утопическо-социалистические требования (наделение землей безземельных, проекты коренного улучшения положения рабочего класса путем учреждения национальных, или «социальных», мастерских). Восстание в Кракове было подавлено в начале марта 1846 года. В ноябре 1846 г. Австрия,

Пруссия и Россия подписали договор о присоединении Кракова к Австрийской империи. — *248.*

[163] Имеется в виду второй конгресс Союза коммунистов, состоявшийся 29 ноября — 8 декабря 1847 г. в Лондоне, в работе которого принимали участие Маркс и Энгельс. — *248.*

[164] Письмо Маркса В. И. Засулич от 8 марта 1881 г. было написано в ответ на письмо последней от 16 февраля 1881 года. Засулич от имени своих товарищей, позднее вошедших в группу «Освобождение труда», обратилась к Марксу с просьбой высказать его точку зрения о перспективах исторического развития России и особенно о судьбах русской сельской общины.

Засулич писала о большой популярности в России «Капитала» К. Маркса и о той роли, которую эта книга играла в спорах революционеров об аграрном вопросе и о сельской общине. «Вызнаете лучше, чем кто бы то ни было, — писала она, — как злободневен этот вопрос в России... особенно для нашей социалистической партии... В последнее время мы часто слышим мнение, что сельская община является архаической формой, которую история, научный социализм — словом, все, что есть наиболее бесспорного — обрекают на гибель. Люди, проповедующие это, называют себя Вашими подлинными учениками, «марксистами»». «Вы поймете поэтому, гражданин, — продолжала Засулич, — в какой мере интересует нас Ваше мнение по этому вопросу и какую большую услугу Вы оказали бы нам, изложив Ваши воззрения на возможные судьбы нашей сельской общины и на теорию о том, что, в силу исторической неизбежности, все страны мира должны пройти все фазы капиталистического производства».

В процессе подготовки ответа на письмо Засулич Марксом были составлены четыре наброска, представляющие в совокупности чрезвычайно богатый содержанием обобщающий очерк о русской крестьянской общине, о коллективной форме сельскохозяйственного производства. Наброски письма к Засулич (за исключением последнего, четвертого, текстуально почти полностью совпадающего с письмом) публикуются в настоящем томе (стр. 400—421) в разделе «Из рукописного наследства К. Маркса и Ф. Энгельса». — *250.*

[165] Имеется в виду Исполнительный комитет «Народной воли». — *250.*

[166] K. Marx. «Le Capital». Paris, [1875], p. 315 (см. настоящее издание, т. 23, стр. 726 и 728. О разночтениях в текстах см. примечание 67).— *250.*

[167] См. настоящее издание, т. 23, стр. 772. (О разночтениях в текстах см. примечание 67). — *250.*

[168] На митинге, состоявшемся 21 марта 1881 г. в Лондоне, присутствовали представители различных национальностей: русские, польские, чешские, сербские социалисты. Председательствовал русский революционер, народник Лев Гартман. На митинге был основан славянский революционный клуб. — *252.*

[169] 1 марта 1881 г. в Петербурге по приговору Исполнительного комитета «Народной воли» был убит император Александр II. — *252.*

[170] Имеется в виду проведенный Бисмарком в 1878 г. исключительный закон против социалистов. Весной 1880 г. действие исключительного закона было продлено еще на 5 лет. — *252.*

[171] Данная статья является первой в серии статей, написанных Энгельсом для газеты «The Labour Standard», в которой он сотрудничал в мае — августе 1881 года. Статьи печатались без подписи, появляясь регулярно почти каждую неделю в виде передовых. Свое сотрудничество в газете Энгельс должен был прекратить ввиду общего оппортунистического направления газеты.

«The Labour Standard» («Знамя труда») — еженедельная английская газета, орган тред-юнионов, выходила в Лондоне с 1881 по 1885 г. под редакцией Дж. Шиптона. — *255.*

[172] Имеется в виду отмена парламентом в 1824 г. законов против коалиций, запрещавших создание и деятельность каких бы то ни было рабочих организаций. Однако принятый в 1825 г. закон о союзах, или закон о рабочих коалициях, крайне ограничивал деятельность профессиональных союзов. В частности, простая агитация за вступление рабочих в союз и за участие в стачках рассматривалась как «принуждение» и «насилие» и каралась как уголовное преступление. — *255.*

[173] *Канцлерский суд,* или суд справедливости — один из высших судов Англии; после судебной реформы 1873 г. — отделение Высокого суда. В компетенцию этого суда, возглавлявшегося лордом-канцлером, входили дела, касающиеся наследства, договорных обязательств, акционерных обществ и т. д.; компетенция этого суда в ряде случаев переплеталась с компетенцией других высших судов. В противовес принятому в других судах английскому общему праву, судопроизводство в канцлерском суде велось на основе так называемого «права справедливости». — *259.*

[174] Речь идет о недовольстве лендлордов, владевших землей в Ирландии, вызванном попытками правительства Гладстона в какой-то мере ограничить их произвол в отношении арендаторов и таким путем отвлечь ирландских крестьян от революционной борьбы, развернувшейся в Ирландии. Земельный билль 1881 г. ограничивал право лендлорда сгонять арендатора с участка, если последний своевременно вносил арендную плату; размер этой платы закреплялся на 15 лет. Несмотря на то, что закон 1881 г. предоставлял лендлордам возможность выгодной продажи земель государству, а фиксированный размер арендной платы оставался чрезвычайно высоким, английские землевладельцы противились проведению закона, добиваясь сохранения своего неограниченного господства в Ирландии. — *265.*

[175] *Народная хартия,* содержавшая требования чартистов, была опубликована 8 мая 1838 г. в качестве законопроекта, предназначенного для внесения в парламент; она состояла из шести пунктов: всеобщее избирательное право (для мужчин, достигших 21 года), ежегодные выборы в парламент, тайная подача голосов, уравнение избирательных округов, отмена имущественного ценза для кандидатов в депутаты парламента, вознаграждение депутатов. Петиции чартистов с требованием принятия Народной хартии были отклонены парламентом в 1839, 1842 и 1849 годах. — *266.*

[176] Речь идет об избирательной реформе 1867 г. в Англии, проведенной консерваторами под давлением народных масс. Активное участие

в движении за реформу принял Генеральный Совет Интернационала. По новому закону имущественный ценз для избирателей в графствах был понижен для арендаторов до 12 ф. ст. арендной платы в год, в городах право голоса было предоставлено всем домовладельцам и арендаторам домов, а также квартиронанимателям, прожившим в данном месте не менее года и вносившим квартирную плату размером не менее 10 фунтов стерлингов. В результате реформы 1867 г. число избирателей в Англии увеличилось более чем в два раза, избирательное право полудила также известная часть квалифицированных рабочих. — *267.*

[177] *Манчестерская школа* — направление в экономической мысли, отражавшее интересы промышленной буржуазии. Сторонники этого направления, фритредеры, отстаивали свободу торговли и невмешательство государства в экономическую жизнь. Центр агитации фритредеров находился в Манчестере, где во главе этого движения стали два текстильных фабриканта — Кобден и Брайт. В 40—50-х годах фритредеры составляли особую политическую группировку, вошедшую затем в либеральную партию Англии. — *269.*

[178] Имеется в виду передача Индии под непосредственное управление британской короны после ликвидации Ост-Индской компании в 1858 году. — *270.*

[179] Так называемые *хлебные законы,* предусматривавшие ограничение или запрет ввоза хлеба из-за границы, были введены в Англии в интересах крупных землевладельцев-лендлордов. Борьба между промышленной буржуазией и земельной аристократией из-за хлебных законов закончилась принятием в 1846 г. билля об их отмене. Эта мера и связанное с ней снижение хлебных цен, вызвав некоторое удешевление жизни, привели в конечном счете к снижению заработной платы рабочих и увеличению прибылей буржуазии. — *272.*

[180] *Лига против хлебных законов* была основана в 1838 г. манчестерскими фабрикантами Кобденом и Брайтом. Выставляя требование полной свободы торговли, Лига добивалась отмены так называемых хлебных законов с целью снижения заработной платы рабочих и ослабления экономических и политических позиций земельной аристократии. Лозунг свободы торговли широко использовался Лигой в ее демагогической проповеди единства интересов рабочих и промышленников. После отмены хлебных законов в 1846 г. Лига прекратила свое существование, — *271.*

[181] См. примечание 174. — *287.*

[182] Введение земельного билля 1881 г., ставшего в августе 1881 г. законом, вызвало сопротивление со стороны ирландских арендаторов. Министр по делам Ирландии Форстер применил чрезвычайные меры, выделив войска для выселения арендаторов, отказывавшихся от внесения арендной платы. — *289.*

[183] *Исключительные законы* (coercion bills) принимались английским парламентом несколько раз на протяжении XIX века с целью подавления революционного и национально-освободительного движения в Ирландии. В силу этих законов на территории Ирландии вводилось осадное положение и английским властям предоставлялись чрезвычайные полномочия. — *290.*

[184] Энгельс имеет в виду то обстоятельство, что ирландский политический деятель, член английского парламента Джон Диллон отбывал в это время тюремное заключение. — *290.*

[185] *Ирландская национальная земельная лига* — массовая организация, основанная в 1879 г. мелкобуржуазным демократом Майклом Девиттом. Земельная лига, объединявшая широкие слои ирландского крестьянства и городской бедноты и пользовавшаяся поддержкой прогрессивных элементов ирландской буржуазии, отражала в своих аграрных требованиях стихийный протест ирландских народных масс против гнета лендлордов и национального гнета. Однако лидеры Земельной лиги занимали непоследовательную колеблющуюся позицию, чем воспользовались буржуазные националисты (Парнелл и др.), которые стремились свести деятельность Земельной лиги к борьбе за гомруль, то есть за ограниченное самоуправление Ирландии в рамках Британской империи. В 1881 г. Земельная лига была запрещена, но фактически продолжала свою деятельность до конца 80-х годов. — *291.*

[186] См. работы Т. Карлейля: «Past and Present». London, 1843, p. 361—369 («Прошлое и настоящее». Лондон, 1843, стр. 361—369) и «Latter-Day Pamphlets. № 1. The Present Time». London, 1850, p. 42 («Современные памфлеты. № 1. Современная эпоха». Лондон, 1850, стр. 42). — *293.*

[187] E. Engel. «Das Zeitalter des Dampfes in technisch-statistischer Beleuchtung». 2. Aufl, Berlin, 1881 (Э. Энгель. «Век пара в технико-статистическом освещении». 2 изд., Берлин, 1881). Приведенные в тексте таблицы составлены Энгельсом на основе статистических данных, имеющихся на стр. 178, 180, 182—184 книги Энгеля. — *294.*

[188] Речь идет о реформе избирательного права, принятой английской палатой общин в 1831 г. и окончательно утвержденной палатой лордов в июне 1832 года. Реформа была направлена против политической монополии земельной и финансовой аристократии и открыла доступ в парламент представителям промышленной буржуазии. Пролетариат и мелкая буржуазия, которые являлись главной силой в борьбе за реформу, были обмануты либеральной буржуазией и не получили избирательных прав. — *297.*

[189] Энгельс имеет в виду выборы в рейхстаг 27 октября 1881 г., на которых социал-демократы получили более 300 тыс. голосов. — *301.*

[190] *Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии»* было написано Марксом и Энгельсом 21 января 1882 года. Инициатива подготовки этого издания принадлежала Г. В. Плеханову. Непосредственно с просьбой о написании предисловия обратился к Марксу и Энгельсу П. Лавров, находившийся в близких отношениях с ними. 23 января 1882 г. Маркс и Энгельс направили ему текст предисловия. Впервые предисловие было опубликовано на русском языке в журнале «Народная Воля» 5 февраля 1882 года. Отдельным изданием «Манифест Коммунистической партии» (в переводе Плеханова) с предисловием Маркса и Энгельса вышел в свет в 1882 г. в Женеве в издании «Русской социально-революционной библиотеки».

На немецком языке предисловие было опубликовано впервые в газете «Der Sozialdemokrat» № 16, 13 апреля 1882 г. в переводе с русского текста предисловия, опубликованного в журнале «Народная Воля».

В 1890 г. Энгельс снова опубликовал текст 1882 г., включив его в состав предисловия к новому немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии». — *304.*

[191] Дата указана неточно: упоминаемое издание вышло в 1869 году. — *304.*

[192] *«Колокол»* — русская революционно-демократическая газета, издавалась в 1857—1867 гг. А. И. Герценом и Н. П. Огаревым на русском языке и в 1868—1869 гг. на французском языке с русскими прибавлениями; выходила до 1865 г. в Лондоне, затем в Женеве. — *304.*

[193] Маркс и Энгельс имеют ввиду обстановку, сложившуюся после убийства народовольцами 1 марта 1881 г. императора Александра II, когда Александр III отсиживался в Гатчине, из страха перед возможными новыми террористическими актами тайного Исполнительного комитета «Народной воли». — *305.*

[194] Работа Ф. Энгельса *«Бруно Бауэр и первоначальное христианство»* была написана во второй половине апреля 1882 г. для газеты «Der Sozialdemokrat». Непосредственным поводом для написания данной статьи послужила смерть Б. Бауэра, работы которого о новозаветных писаниях и христианстве способствовали в свое время подрыву не только устоев ортодоксальной догмы, но и выводов либеральной протестантской тюбингенской школы. Поэтому они были положительно встречены Марксом и Энгельсом, хотя автор их и продолжал оставаться на почве гегелевского идеализма.

Идеи, сформулированные Энгельсом в настоящей статье, нашли свое дальнейшее развитие в его последующих работах: «Книга откровения» (1883), «К истории первоначального христианства» (1894). — *306.*

[195] Энгельс употребляет здесь термин «арийцы» в качестве наименования группы народов индоевропейской системы языков. Это словоупотребление, основанное на господствовавшем с середины XIX в. неправильном представлении о расовом и культурном единстве этих народов в прошлом, в настоящее время устарело. В современной буржуазной литературе термином «арийцы» обозначают народы иранской и индийской группы индоевропейских языков. —*306.*

[196] Критика Нового завета содержится в следующих книгах Б. Бауэра: «Kritik der evangelischen Geschichte des Johannes». Bremen, 1840 («Критика евангельской истории Иоанна». Бремен, 1840) и «Kritik der evangelischen Geschichte der Synoptiker». Bd. I—II, Leipzig, 1841 («Критика евангельской истории синоптиков». Тт. I—II, Лейпциг, 1841), третий том этой книги: «Kritik der evangelischen Geschichte der Synoptiker und des Johannes». Braunschweig, 1842 («Критика евангельской истории синоптиков и Иоанна». Брауншвейг, 1842). — *306.*

[197] Ch. G. Wilke. «Der Urevangelist oder exegetisch kritische Untersuchung uber das Verwandtschaftsverhaltnis der drei ersten Evangelien». Dresden und Leipzig, 1838 (X. Г. Вильке. «Первоевангелист или экзегетическо-критическое исследование относительно родства трех первых евангелий». Дрезден и Лейпциг, 1838). — *307.*

[198] Д. Штраус изложил свою теорию в сочинении: «Das Leben Jesu, kritisch bearbeitet». Bd I—II, Tubingen, 1835—1836 («Жизнь Иисуса, критинески обработанная». Тт. I—II, Тюбинген, 1835—1836). — *307.*

[199] Энгельс имеет в виду персонаж из сатирического стихотворения Гейне «Бог Аполлон» (из сборника «Романсеро») — молодого повесу, певчего амстердамской синагоги, изображавшего Аполлона. — *308.*

[200] H. Ewald. «Geschichte des Volkes Israel bis Christus». 2. Ausg., Bd. 4, Gottingen, 1852, S. 222—224 (Г. Эвальд. «История народа Израиля до Христа». 2 изд., т. 4, Гёттинген, 1852, стр. 222—224). — *309.*

[201] Имеется в виду «Откровение Иоанна» — одна из книг Библии. — *309.*

[202] Подразумевается произведение Петрония «Сатирикон», в котором описывается пир у разбогатевшего вольноотпущенника Тримальхиона. — *310.*

[203] J. Ph. Fallmerayer. «Geschichte der Halbinsel Morea wahrend des Mittelalters». Th. I, Stuttgart und Tubingen, 1830, S. 227 (Я. Ф. Фаллмерайер. «История полуострова Мореи в средние века». Ч. I, Штутгарт и Тюбинген, 1830, стр. 227). — *311.*

[204] «*The Whitehall Review»* («Уайтхоллское обозрение») — английский еженедельный журнал консервативного направления, выходил в Лондоне с 1876 по 1929 год. — *315.*

[205] *«New-Yorker Volkszeitung»* («Нью-йоркская народная газета») — ежедневная газета немецких социал-демократов в США, выходила в Нью-Йорке с 1878 по 1932 год. — *316.*

[206] F. Engels. «Socialisme utopique et socialisme scientifique». Paris, 1880. — *321.*

[207] Fr. Engels. «Socyjalizm utopijny a naukowy». Geneve, 1882. — *321.*

[208] «Der *Sozialdemokrat»* («Социал-демократ»)— центральный орган социал-демократической партии Германии; еженедельная газета, выходившая в период действия исключительного закона против социалистов, с сентября 1879 по сентябрь 1888 г. в Цюрихе и с октября 1888 по 27 сентября 1890 г. в Лондоне. Маркс и сотрудничавший в газете Энгельс, выправляя ошибки газеты, помогали ей проводить на своих страницах партийную пролетарскую линию. — *321.*

[209] См. настоящее издание, т. 4, стр. 451—453. — *322.*

[210] Помещенная в газете «Sozialdemokrat» 2 ноября 1882 г. статья Ф. Энгельса «О том, как Пиндтер плетет небылицы» была опубликована без указания имени автора. Статье было предпослало следующее сообщение редакции: «На тему о том, как Пиндтер плетет небылицы, один из наших самых выдающихся немецких товарищей пишет...». — *324.*

[211] Энгельс имеет в виду вызванное экономической депрессией, резко ухудшившей положение рабочего класса, стачечное движение во Франции и, в частности, события в Монсо-ле-Мин. Углекопы из Монсо-ле-Мин, жестоко притесняемые владельцами шахт, восстали против них. О событиях в Монсо-ле-Мин «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» поместила в октябре 1882 г. ряд корреспонденций, освещавших эти события в охарактеризованном Энгельсом духе. — *324.*

[212] Речь идет о полицейской провокации, организованной 4 июля 1882 г. в Вене. На сапожника И. Мершталлингера было совершено подстроенное нападение с целью ограбления, с тем чтобы организовать процесс над австрийскими социал-демократами по обвинению в покушении для пополнения партийной кассы.

В «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» № 401 от 29 августа 1882 г. имеется корреспонденция, связывающая это покушение с социал-демократией. — *325.*

[213] «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» № 493 от 21 октября 1882 года. — *325.*

[214] *«Марка»* была написана Энгельсом в середине сентября — первой половине декабря 1882 г. как приложение к немецкому изданию брошюры «Развитие социализма от утопии к науке» (1882). В очерке были частично использованы материалы, собранные Энгельсом в связи с его исследованиями по истории древних германцев, публикуемыми в настоящем томе в разделе «Из рукописного наследства». В 1883 г. этот очерк был перепечатан в газете «Sozialdemokrat» и выпущен также в виде отдельного оттиска. Вместе с работой «Развитие социализма от утопии к науке» «Марка» выдержала на немецком языке при жизни Энгельса четыре издания.

В основу перевода «Марки» здесь положено четвертое немецкое издание «Развития социализма» (1891), просмотренное Энгельсом. В 1892 г. «Марка» вышла на английском языке также в качестве приложения к «Развитию социализма» в переводе Эд. Эвелинга со специальным предисловием Энгельса. Работа получила высокую оценку Маркса, который прочитал ее в рукописи. Во введении к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке» Энгельс писал по поводу своего очерка следующее: «Приложение «Марка» было написано с целью распространения среди немецкой социалистической партии некоторых элементарных сведений относительно истории возникновения и развития земельной собственности в Германии. В то время это было тем более необходимо, что объединение городских рабочих немецкой социал-демократической партией было уже на верном пути к завершению, и перед партией встала задача заняться сельскохозяйственными рабочими и крестьянами». — *327.*

[215] Объединенные общей темой труды Г. Л. Маурера представляют собой исследование аграрного, городского и государственного строя средневековой Германии. Это работы: «Einleitung zur Geschichte der Mark-, Hof-, Dorf- und Stadt-Verfassung und der offentlichen Gewalt». Munchen, 1854 («Введение в историю маркового, подворного, сельского и городского устройства и публичной власти». Мюнхен, 1854); «Geschichte dor Markenverfassung in Deutschland». Erlangen, 1856 («История маркового устройства в Германии». Эрланген, 1856); «Geschichte der Fronhofe, der Bauernhofe und der Hofverfassung in Deutschland». Bd. I—IV, Erlangen, 1862—1863 («История господских дворов, крестьянских дворов и подворного устройства в Германии». Тт. I—IV, Эрланген, 1862—1863); «Geschichte der Dorfverfassung in Deutschland». Bd. I—II, Eriangen, 1865—1866 («История сельского устройства в Германии». Тт. I—II, Эрланген, 1865—1866); «Geschichte der Stadteverfassung in Deutschland». Bd. I—IV, Erlangen, 1869—1871 («История городского устройства в Германии». Тт. I—IV, Эрланген, 1869—1871). — *329.*

[216] Энгельс имеет в виду сочинение Гая Юлия Цезаря «Записки о галльской войне». Факт, о котором здесь говорится, содержится в книге VI, главе 22. —*230.*

[217] *«Имперское право»* — общеимперские, изданные центральной властью, законы средневековой Германской империи. См. одно из наиболее полных сводных изданий этих законов: «Das Keyserrecht nach der Handschrift von 1372 in Vergleichung mit andern Handschriften und mit erlauternden Anmerkungen herausgegeben von Dr. H. E. Endemann». Cassel, 1846, S. 244 («Имперское право, изданное д-ром Г. Э. Эндеманном по рукописи 1372 г., сверенной с другими рукописями, и с объяснительными примечаниями». Кассель, 1846, стр. 244). Приводимые Энгельсом данные входят в раздел «Von rechte das die waelde hant» («О лесном праве»). —*331.*

[218] *«Правды»* (так называемые варварские правды — по-латыни Leges barbarorum, по-немецки Germanische Volksrechte) — записи обычного права германских племен, основавших в V—VII вв. на территории бывшей Западной Римской империи и соседних с ней областей отдельные королевства или герцогства; составлены между V и IX веками. — *332.*

[219] *«Рипуарская правда»* — запись обычного права одного из древнегерманских племен — рипуарских франков, обитавших в IV—V вв. между реками Рейном и Маасом. «Рипуарская правда» является главным источником для изучения общественного строя рипуарских франков. О частном владении возделанной землей говорится в § 82 (списка А) и в § 84 (списка В) «Рипуарской правды». См. одну из наиболее полных публикаций: «Lex Ribuaria et lex Francorum Chamavorum». Hannoverae, 1883, p. 104 («Рипуарская и франко-хамавская правды». Ганновер, 1883, стр. 104). — *333.*

[220] Энгельс имеет в виду закон о различных лесных кражах («Gesetz, betreffend den Forstdiebstahl») от 15 апреля 1878 г., запрещавший, в частности, сбор трав, ягод и грибов без специального разрешения полиции. — *335.*

[221] Имеются в виду *суды шеффенов,* введенные в ряде германских государств после революции 1848 г., а во всей Германии — с 1871 г. и состоявшие в то время из коронного судьи и двух заседателей (шеффенов), которые, в отличие от присяжных заседателей, выносили приговор в полном объеме, устанавливая не только виновность, но и определяя меру наказания; состав судов специально подбирался из представителей господствующих классов. — *336.*

[222] *Западнофранкское королевство* образовалось в результате распада империи Карла Великого, которая представляла собой временное и непрочное военно-административное объединение. В 843 г. произошел окончательный раздел империи между тремя внуками Карла. Одному из них, Карлу Лысому, достались западные земли распавшейся империи, охватывавшие большую часть территории современной Франции и образовавшие Западнофранкское королевство. Земли к востоку от Рейна (ядро будущей Германии) были отданы Людовику Немецкому, а промежуточная полоса земель от Северного моря до Центральной Италии осталась у старшего внука Карла Великого — Лотаря. —- *338.*

[223] *Тридцатилетняя война* 1618—1648 гг. — первая общеевропейская война, явившаяся результатом обострения противоречий между разными группировками европейских государств и принявшая форму борьбы между протестантами и католиками. Война началась восстанием в Чехии против гнета Габсбургской монархии и наступления католической реакции. Вступившие затем в войну европейские государства образовали два лагеря. Папа, испанские и австрийские Габсбурги и католические князья Германии, объединившись под знаменем католицизма, выступили против протестантских стран: Чехии, Дании, Швеции, Голландской республики и ряда принявших Реформацию немецких государств. Протестантские страны поддерживались французскими королями, противниками Габсбургов. Германия стала главной ареной этой борьбы, объектом военного грабежа и захватнических притязаний участников войны. Война закончилась в 1648 г. заключением Вестфальского мира, закрепившего политическую раздробленность Германии. — *341.*

[224] *Code civil* — Гражданский кодекс Наполеона I, который был введен также и в завоеванных французами областях Западной и Юго-Западной Германии; продолжал действовать в Рейнской провинции и после ее присоединения к Пруссии. — *342.*

[225] Разгром прусской армии под Йеной 14 октября 1806 г., повлекший за собой капитуляцию Пруссии перед наполеоновской Францией, показал всю гнилость социально-политического строя феодальной монархии Гогенцоллернов. — *342.*

[226] *«La Justice»* («Справедливость») — французская ежедневная газета, орган партии радикалов; издавалась в Париже с 1880 по 1930 год; в 1880—1896 гг., когда газетой руководил ее основатель Ж. Клемансо, газета являлась органом так называемой «крайней левой» — левого крыла партии радикалов, отстаивавшей программу отдельных демократических и социальных реформ и выражавшей интересы мелкой и средней буржуазии. — *346.*

[227] «*La Marseillaise*» («Марсельеза») — французская ежедневная газета, орган левых республиканцев, издавалась в Париже с декабря 1869 по сентябрь 1870 года; газета помещала материалы о деятельности Интернационала и о рабочем движении.

Статьи Женни Маркс по ирландскому вопросу были опубликованы в «Marseillaise» №№ 71, 79, 89, 91, 99, 113, 118 и 125 с 1 марта по 24 апреля 1870 г. (8 статей) (см. настоящее издание, т. 16, стр. 609— 635). — *346.*

[228] *Новая Каледония* — группа островов в юго-западной части Тихого океана, отличающихся крайне нездоровым климатом, — место ссылки парижских коммунаров. — *347.*

[229] *«Vorwarts!»* («Вперед!») — немецкая газета, выходила в Париже с января по декабрь 1844 г. два раза в неделю. В газете печатали свои статьи Маркс и Энгельс. Под влиянием Маркса, который с лета 1844 г. стал принимать близкое участие в редактировании газеты, она начала приобретать коммунистический характер; газета развернула острую критику реакционных порядков в Пруссии. По требованию прусского правительства министерство Гизо в январе 1845 г. издало

распоряжение о высылке Маркса и некоторых других сотрудников газеты из Франции, после чего издание «Vorwarts!» прекратилось. — *351.*

[230] Сообщение о том, что студенты Одесского университета хотят возложить венок на могилу Маркса, было опубликовано в газете «Sozialdemokrat» № 17,19 апреля 1883 года. Надпись на венке согласно их просьбе должна была гласить: «Карлу Марксу, создателю «Капитала» и основателю Международного Товарищества Рабочих, от группы социалистов Одесского университета, его учеников и последователей». — *356.*

[231] Речь идет о союзе «Славия», в который входила молодежь славянских стран, проживавшая в Цюрихе.—*356.*

[232] *Центральный рабочий союз Нью-Йорка* — объединение профессиональных союзов Нью-Йорка, возникшее в 1882 г. и являвшееся в 80-х годах массовой рабочей организацией, объединявшей в своих рядах белых и негров, рабочих американского и иностранного происхождения. Во главе Центрального рабочего союза стояли социалисты, признававшие необходимость в целях успешного руководства классовой борьбой пролетариата как профессиональной, так и политической организации рабочего класса. — *359.*

[233] Письмо Энгельса Ван-Паттену от 18 апреля 1883 г. было написано по-английски. — *359.*

[234] Указывая 1845 год, Энгельс имеет в виду изложение своих и Маркса взглядов в работе «Немецкая идеология» (написана в 1845—1846 гг.) (см. настоящее издание, т. 3). — *359.*

[235] См. настоящее издание, т. 4, стр. 447. — *359.*

[236] Энгельс имеет в виду брошюру: J. Most. «Kapital und Arbeit. Ein popularer Auszug aus «Das Kapital» von Karl Marx» (И. Мост. «Капитал и труд. Выборочное популярное изложение «Капитала» Карла Маркса»). Брошюра вышла в Хемнице в 1873 году. — *360.*

[237] A. Loria. «La rendita fondiaria e la sua elisione naturale». Milano, 1880 (А. Лориа. «Земельная рента и ее естественное исчезновение». Милан, 1880). — *361.*

[238] Имеется в виду брошюра: A. Loria. «La teoria del valore negli economisti italiani». Bologna, 1882 (А. Лориа. «Теория стоимости у итальянских экономистов». Болонья, 1882). — *361.*

[239] Речь идет о статье А. Лориа «Карл Маркс», опубликованной в журнале: «Nuova Antologia di scienze, lettere ed arti», ser. 2, vol. 38, fas. 7, Roma, 1883, p. 509—542 («Новая антология пауки, литературы и искусства», сер. 2, т. 38, гл. 7, Рим, 1883, стр. 509—542).

«Nuova Antologia di scienze, lettere ed arti» — итальянский литературно-художественный и публицистический журнал либерального направления, выходил с 1866 по 1878 г. один раз в месяц во Флоренции, с 1878 по 1943 г. — два раза в месяц в Риме. — *361.*

[240] *«Замечание к странице «Истории Коммуны»»* было написано Энгельсом в начале февраля 1877 г. после прочтения книги французского

журналиста-республиканца, участника Парижской Коммуны П. Лиссагаре «Histoire de la Commune de 1871». Bruxelles, 1876 («История Коммуны 1871 года». Брюссель, 1876). В своем письме от 9 февраля 1877 г. автор благодарит Энгельса за его письмо, содержавшее «блестящее замечание» относительно военных событий. «Замечание» Энгельса было впервые опубликовано на русском языке в 1933 году.

В книге Лиссагаре, написанной на основе изучения значительного фактического материала, разоблачена антинациональная политика правящих классов Франции, показана роль народных масс в установлении Парижской Коммуны, в ее истории. Маркс называл эту книгу «первой достоверной историей Коммуны»; считая ее работой важной для пролетарской партии, Маркс оказал большое содействие подготовке издания этой книги на немецком языке. — *365.*

[241] Имеются в виду переговоры о перемирии в Версале между представителем правительства национальной обороны Тьером (в то время не входил в правительство, но фактически играл роль его негласного руководителя) и Бисмарком. 30 октября 1870 г. о переговорах стало известно в Париже. Парижские массы с возмущением отнеслись к предстоящему заключению предательского перемирия, которое буржуазное правительство изображало как величайшее благо для Франции. Известие о переговорах Тьера и капитуляция Меца дали толчок к революционному выступлению парижских рабочих 31 октября. Использовав бездеятельность французского командования во время переговоров, Бисмарк, после того как время было выиграно, сорвал переговоры. — *365.*

[242] Имеется в виду изданная анонимно книга Ханнекена: «Militarische Gedanken und Betrachtungen uber den deutsch-franzosischen Krieg der Jahre 1870 und 1871 vom Verfasser des «Krieges um Metz»». Mainz, 1871, S. 185—186 («Военные мысли и суждения о франко-прусской войне 1870—1871 гг. автора «Боев за Мец»». Майнц, 1871, стр. 185— 186). — *366.*

[243] *Франтиреры* (от французского francs-tireurs — вольные стрелки) — добровольцы-партизаны, организованные в мелкие отряды и принимавшие участие в защите страны от нашествия вражеских войск на Францию. Впервые отряды франтиреров начали создаваться в период войн против антифранцузских коалиций конца XVIII — начала XIX в., во время вторжения во Францию неприятельских войск.

В 1867 г. во Франции стали создаваться общества франтиреров. После начала франко-прусской войны и вступления прусских войск на территорию Франции члены этих обществ специальным декретом были призваны к оружию. Когда регулярные армии Франции были разбиты и блокированы в крепостях, число отрядов франтиреров резко возросло. — *366.*

[244] Речь идет об осаде Мантуи французскими войсками во время итальянского похода Наполеона в 1796—1797 годах. — *366.*

[245] F. Erlach. «Aus dem franzosisch-deutschen Kriege 1870—1871. Beobachtungen und Betrachtungen eines Schweizer-Wehrmanns». Leipzig—Bern, 1874, S. 230 (Ф. Эрлах. «Из времен франко-прусской войны 1870—1871. Наблюдения и размышления швейцарского военного». Лейпциг—Берн, 1874, стр. 230), — *367.*

[246] Фактические данные взяты Энгельсом из книги В. Блюме: «Die Operationen der deutschen Heere von der Schlacht bei Sedan bis zum Ende des Krieges» («Операции немецкой армии от битвы при Седане до конца войны»). Первое и второе издания вышли в Берлине в 1872 году. — *368.*

[247] *«Замечания на книгу А. Вагнера»* были составлены К. Марксом во второй половине 1879 — ноябре 1880 г. в Лондоне и находятся в его записной тетради, относящейся к 1879—1881 годам. Эта работа Маркса представляет собой критические замечания на книгу: «Lehrbuch der politischen Oekonomie. Bd. I. Allgemeine oder theoretische Volkswirthschaftslehre, Th. I. Grundlegung». 2. Ausg., Leipzig und Heidelberg, 1879 («Учебник политической экономии. Т. I. Всеобщее или теоретическое учение о народном хозяйстве, ч. I. Начала». 2 изд., Лейпциг и Гейдельберг, 1879). Критикуя Вагнера за искажение развитой в «Капитале» теории стоимости, Маркс еще раз формулирует и конкретизирует основные положения своего экономического учения. «Замечаниям» Маркса предшествует составленный им список литературы, состоящий из 54 названий, взятых из библиографических сведений, имеющихся в книге Вагнера.

«Замечания на книгу А. Вагнера» впервые были опубликованы на русском языке в 1930 г. в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. V Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — *369.*

[248] K. H. Rau. «Grundsatze der Volkswirthschaftslehre». 5. Ausg., Heidelberg, 1847, p. 63 (К. Г. Pay. «Основы учения о народном хозяйстве». 5 изд., Гейдельберг, 1847, стр. 63). — *370.*

[249] См. настоящее издание, т. 23, стр. 47. — *372.*

[250] Имеется в виду сочинение Н. Зибера «Теория ценности и капитала Д. Рикардо в связи с позднейшими дополнениями и разъяснениями». Киев, 1871. —*372.*

[251] A. Schaffle. «Kapitalismus und Socialismus mit besonderer Rucksicht auf Geschafts- und Vermogensformen». Tubingen, 1870 (А. Шеффле. «Капитализм и социализм, рассмотренные в особенности в отношении форм экономической деятельности и имущественного положения». Тюбинген, 1870). — *374.*

[252] Имеется в виду книга Шеффле: «Die Quintessenz des Socialismus», вышедшая анонимно в Готе в 1875 году. — *374.*

[253] A. Schaffle. «Bau und Leben des socialen Korpers». Bd. I—IV, Tubingen, 1875—1878 (А. Шеффле. «Строение и жизнь социального организма». Тт. I—IV, Тюбинген, 1875—1878). — *374.*

[254] K. H. Rau. «Grundsatze der Volkswirthschaftslehre». 8. Ausg., I. Abt., Leipzig und Heidelberg, 1868, S. 88. — *376.*

[255] «Zeitschrift fur die gesammte Staatswissenschaft» («Журнал по общему государствоведению») — либеральное политико-экономическое обозрение, издававшееся с перерывами в 1844—1943 гг. в Тюбингене. Письмо Родбертуса Вагнеру, датированное 31 мая 1875 г., было помещало в т. XXXIV вышеназванного журнала в статье А. Вагнера:

«Einiges von und uber Rodbertus-Jagetzow» («Кое-что из Родбертуса-Ягецова и о нем»). — *383.*

256 K. Marx. «Das Kapital». 2. Aufl., Bd. I, Hamburg, 1872, S. 36 (см. настоящее издание, т. 23, стр. 70). — *384.*

257 Упоминаемое Марксом примечание находится в его работе «К критике политической экономии» (см. настоящее издание, т. 13, стр. 14). — *384.*

258 K. Marx. «Das Kapital». 2. Aufl., Bd. I, Hamburg, 1872, S. 15 (см. настоящее издание, т. 23, стр. 49). — *385.*

259 V. Rost. «Deutsch-Griechisches Worterbuch». Abt. I, A—L, Gottingen, 1829, S. 359. — *388.*

260 E. Schulze. «Gothisches Glossar». Magdeburg, [1848], S. 411 (Э. Шульце. «Готский глоссарий». Магдебург, [1848], стр. 411). — *388.*

261 A. Ziemann. «Mittelhochdeutsches Worterbuch zum Handgebrauch». Quedlinburg und Leipzig, 1838, S. 634—635 (А. Циман. «Словарь средне-верхненемецкого языка для практического пользования». Кведлинбург и Лейпциг, 1838, стр. 634— 635). — *388.*

262 K. Marx. «Das Kapital». 2. Aufl., Bd. I, Hamburg, 1872, S. 171 (см. настоящее издание, т. 23, стр. 195). — *389.*

263 Здесь и выше Маркс цитирует 2 издание I тома «Капитала», вышедшее в Гамбурге в 1872 году (см. настоящее издание, т. 23, стр. 116— 118). — *393.*

264 R. Jhering. «Geist des romischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung». 3. Aufl., Th. II, Buch II, Leipzig, 1874, S. 234—259 (Р. Иеринг. «Дух римского права на различных ступенях своего развития». 3 изд., ч. II, кн. II, Лейпциг, 1874, стр. 234—259). — *394.*

265 T. Tooke and W. Newmarch. «A History of Prices, and of the State of the Circulation, during the Nine Years 1848—1856. In two volumes; forming the fifth and sixth volumes of the History of Prices from 1792 to the present time». Vol. V, London, 1857, Part I. «On the prices of corn from 1847 to 1856» (Т. Тук и У. Ньюмарч. «История цен и состояние денежного обращения в течение девяти лет с 1848 по 1856 год. В двух томах, составляющих V и VI тома истории цен с 1792 г. до настоящего времени». Т. V, Лондон, 1857, часть I. «О ценах на хлеб с 1847 до 1856 года»). — *396.*

266 A. Bockh. «Die Staatshaushaltung der Athener». Bd. I, Buch I, Berlin, 1817, S. 84—107. — *396.*

267 Имеются в виду результаты воздействия на социально-экономическое положение Германии пятимиллиардной контрибуции, полученной с Франции после франко-прусской войны 1870—1871 годов. — *397.*

268 *Денарий св. Петра* — ежегодный побор, взимаемый римским папой с католиков (первоначально по денарию с дома в праздник св. Петра). До настоящего времени является важным источником доходов папской курии, используемым в целях реакционной католической пропаганды. — *399.*

[269] A. Cournot. «Recherches sur les principes mathematiques de la theoria des richesses». Paris, 1838, p. 7. — *399.*

[270] См. примечание 166. — *400.*

[271] См. настоящее издание, т. 23, стр. 771—772. (О разночтениях в текстах см. примечание 67.) — *400.*

[272] L. H. Morgan. «Ancient Society or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery, through Barbarism to Civilization». London, 1877, p. 552 (Л. Г. Морган. «Древнее общество, или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации». Лондон, 1877, стр. 552). — *402.*

[273] H. S. Maine. «Village-Communities in the East and West». London, 1871 (Г. С. Мейн. «Деревенские общины на Востоке и Западе». Лондон, 1871). — *402.*

[274] В Кавдинском ущелье близ древнеримского города Кавдия в 321 г. до н. э. во время второй Самнитской войны самниты нанесли поражение римским легионам и вынудили их пройти под «ярмом», что считалось наибольшим позором для побежденной армии. Отсюда выражение «пройти через Кавдинское ущелье», то есть подвергнуться крайнему унижению. — *405.*

[275] См. настоящее издание, т. 23, стр. 770—771. (О разночтениях в текстах см. примечание 67.) — *411.*

[276] Стремление Екатерины II ввести цеховое устройство нашло отражение в изданной 21 апреля 1785 г. грамоте на права и выгоды городам Российской империи, в которую было включено особое ремесленное положение, подробно определявшее цеховое устройство. Запись в цехи всех городских ремесленников была обязательная, внецеховое ремесло запрещено. — *412.*

[277] Вероятная дата составления работы К. Маркса *«Заметки о реформе 1861 г. и пореформенном развитии России»* — конец 1881—1882 годы. В своей рукописи Маркс использовал данные официальных публикаций, а также многие работы русских авторов. В отличие от остальных рукописей, посвященных изучению русских источников, «Заметки о реформе 1861 г.» были написаны Марксом не в записных тетрадях, а на отдельных листах, снабженных названиями тем и разделов, цифровой и буквенной разбивкой текста. Наряду со ссылками на собранный материал, содержащийся во многих записных тетрадях, здесь приведены уже систематизированные фактические данные, сформулированы важнейшие выводы по коренным вопросам реформы 1861 г. и пореформенного развития России. Впервые рукопись Маркса была опубликована на русском языке в 1952 г. в «Архиве Маркса и Энгельса», т. XII Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — *422.*

[278] Маркс ссылается на страницы своей тетради, в которой у него были сделаны записи в связи с чтением книги Скалдина «В захолустьи и в столице». СПБ, 1870 (см. «Архив Маркса и Энгельса», т. XI, 1948, стр. 119—138). — *422.*

[279] Ссылка на запись, сделанную при изучении работы Гакстгаузена «Die landliche Verfassung Russlands». Leipzig, 1866 («Сельское устройство

России», Лейпциг, 1866) (см. «Архив Маркса и Энгельса», т. XII, 1952, стр. 36—37). — *422.*

[280] Здесь и ниже Маркс ссылается на свою рукопись «К вопросу об отмене крепостного права в России», составленную им на основе «Писем без адреса» Н. Г. Чернышевского (см. «Архив Маркса и Энгельса», т. XI, стр. 18—20). — *422.*

[281] Высказываясь за личное освобождение крестьян, Шувалов и Паскевич вместе с тем хотели всю землю оставить за помещиками, а крестьянам предоставить лишь право пользования наделом за повинности. — *423.*

[282] Ссылка на страницу записной тетради, где у Маркса были сделаны записи в связи с чтением книги Гакстгаузена «Сельское устройство России» (см. «Архив Маркса и Энгельса», т. XII, стр. 110—114). — *424.*

[283] Маркс делает ссылку на страницы своей тетради с записями, сделанными при изучении работ А. И. Скребицкого «Крестьянское дело в царствование императора Александра II», т. I, Бонн на Рейне, 1862 и А. А. Головачева «Десять лет реформ, 1861—1871». СПБ. 1872 (см. «Архив Маркса и Энгельса», т. XII, стр. 29—35 и 115—117). — *425.*

[284] Ссылка на страницу тетради с записями, сделанными при изучении работы А. И. Скребицкого «Крестьянское дело в царствование императора Александра II», т. IV, Бонн на Рейне, 1868 (см. «Архив Маркса и Энгельса», т. XII, стр. 35—36). — *426.*

[285] Ссылка на записи, сделанные при изучении работы Ю. Э. Янсона «Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах». СПБ, 1877 (см. «Архив Маркса и Энгельса», т. XI, стр. 139— 148). — *426.*

[286] «Труды Комиссии высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов», т. XXII, ч. III, отдел I, СПБ, 1873, стр. 6—7.

Цифры, приведенные Марксом, получены путем вычисления. — *430.*

[287] Ссылка на книгу Ю. Э. Янсона «Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах». СПБ, 1877. — *432.*

[288] Рукопись Ф. Энгельса *«К истории древних германцев»,* как и примыкающая к ней рукопись «Франкский период», представляет собой выполненную в 1881—1882 гг. по единому плану большую работу. Об этом свидетельствует составленный Энгельсом план «К истории древних германцев». Это исследование является результатом специального изучения истории Германии и Западной Европы, которым Энгельс занимался на протяжении ряда лет.

Работа «К истории древних германцев» при жизни автора не была опубликована. По первоначальному плану Энгельса, приложенному к рукописи, она делилась им на две части. Первая часть подразделялась на четыре главы. Вторая часть была задумана автором как «Примечание» к первой, — добавление источниковедческого, этнографического и лингвистического характера.

В процессе работы первоначально составленный план изменялся. Так, в конце первой главы Энгельсом написано: «Следует глава об аграрном и военном строе». Этой главы в рукописи нет. Очевидно,

Энгельс этот материал использовал для второй главы работы о франкском периоде — «Областной и военный строй». Из второй части работы имеется только вторая глава. Третья глава, озаглавленная Энгельсом в плане — «Франкский диалект» — перенесена им в исследование о франкском периоде.

Последовательность отдельных глав, а также заглавие четвертой главы даны редакцией в соответствии с планом Энгельса. — *442.*

[289] W. B. Dawkins. «Early Man in Britain and his place in the tertiary period». London, 1880 (У. Б. Докинс. «Первобытный человек в Британии и его место в третичном периоде». Лондон, 1880). — *442.*

[290] См. примечание 195. — *444.*

[291] Имеется в виду сообщение Р. Вирхова на заседании Берлинского общества по вопросам антропологии, этнологии и первобытной истории 21 декабря 1878 года. См. «Verhandlungen der Berliner Gesellschaft fur Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte». Jahrg. 1878, S. 418— 424, опубликованные в: «Zeitschrift fur Ethnologie», Bd. X, Berlin, 1878 («Журнал по вопросам этнологии», т. X, Берлин, 1878). — *444.*

[292] Имеется в виду сообщение Шафхаузена на VIII Всеобщем конгрессе немецкого антропологического общества, происходившем в Констанце 24—26 сентября 1877 года. См. «Correspondenz-Blatt der deutschen Gesellschaft fur Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte» № 11, Munchen, 1877 («Сообщения немецкого общества по вопросам антропологии, этнологии и первобытной истории» № 11, Мюнхен, 1877). — *444.*

[293] Сведения о путешествии Пифея Энгельс взял из книги И. Лелевеля: «Pytheas de Marseille et la geographie de son temps». Bruxelles, 1836 («Пифей из Марселя и география его времени». Брюссель, 1836). — *446.*

[294] K. Mullenhoff. «Deutsche Altertumskunde», Bd. I, Berlin, 1870, S. 479 (К. Мюлленхофф. «Германская археология», т. I, Берлин, 1870, стр. 479). — *446.*

[295] Плутарх. «Сравнительные жизнеописания». Биография Эмилия Павла, гл. 12. — *447.*

[296] Дион Кассий. «Римская история», кн. LV, гл. 10а. — *447.*

[297] Цезарь. «Записки о галльской войне», кн. IV, гл. 1 и кн. VI, гл. 22. — *449.*

[298] Страбон. «География», кн. VII, гл. I. — *450.*

[299] Тацит. «Германия». — *452.*

[300] Гай Плиний Секунд. «Естественная история» в 37 книгах, кн. IV, гл. XIV. — *453.*

[301] Дион Кассий. «Римская история», кн. LIV, гл. 33. — *456.*

[302] Дион Кассий. «Римская история», кн. LV, гл. 6. — *457.*

[303] Гай Веллей Патеркул. «Римская история» в двух книгах, кн. II, гл. 97. — *457.*

[304] Дион Кассий. «Римская история», кн. LVI, гл. 18. — *459.*

[305] Гай Веллей Патеркул. «Римская история» в двух книгах, кн. II, гл. 117. — *460.*

[306] Дион Кассий. «Римская история», кн. LVI, гл. 18. — *460.*

[307] Здесь и выше Энгельс цитирует книгу Гая Веллея Патеркула «Римская история», кн. II, гл. 118. — *462.*

[308] Дион Кассий. «Римская история», кн. LVI, гл. 19. — *462.*

[309] Энгельс цитирует сочинение Тацита «Annales» («Анналы»), кн. I, гл. 61. — *463.*

[310] Страбон. «География», кн. IV, гл. IV. — *464.*

[311] Страбон. «География», кн. VII, гл. I. — *465.*

[312] Генерал Йорк, командовавший в 1812 г. прусским вспомогательным корпусом наполеоновской армии в России, заключил с русским командованием 30 декабря 1812 г. Таурогенскую конвенцию, по которой он обязался два месяца не участвовать в военных действиях против русской армии.

В сражении при Лейпциге 16—19 октября 1813 г. между союзными русско-австро-прусско-шведскими войсками и армией Наполеона I саксонский корпус, сражавшийся в рядах наполеоновской армии, в разгар боя внезапно перешел на сторону противника и повернул свои пушки против французов. — *465.*

[313] Имеется в виду Гальштатский могильник, открытый в 1846 г. близ г. Гальштата (Хальштатта) в Юго-Западной Австрии и давший название Гальштатской культуре (примерно 1000—500 до н. э.). — *469.*

[314] W. B. Dawkins. «Early Man in Britain». London, 1880, p. 466— 472. — *469.*

[315] C. F. Wiberg. «Bidrag till Kannedomen om Grekers och Romares forbindelse med Norden och om de nordiska Handelsvagarne». Gefle, 1861 (К. Ф. Виберг. «Исследование о сношениях греков и римлян с севером через северный торговый путь». Евле, 1861) в переводе со шведского И. Месторф: «Der Einfluss der klassischen Volker auf den Norden durch den Handelsverkehr». Hamburg, 1867 («Влияние классических народов на страны Севера посредством торговли». Гамбург, 1867). — *469.*

[316] Тацит. «Анналы», кн. II, гл. 62. — *469.*

[317] J. J. A. Worsaae. «Die Vorgeschichte des Nordens nach gleichzeitigen Denkmalern». Ins Deutsche ubertragen von J. Mestorf. Hamburg, 1878 (Й. Я. А. Ворсо. «Древнейшая история северных стран по памятникам того времени». Перевод на немецкий язык И. Месторф. Гамбург, 1878). — *471.*

[318] Тацит. «Германия», гл. 23. — *471.*

[319] О Германии говорится во 2 и 3 книгах труда Птолемея «География». — *481.*

[320] Имеются в виду книги: K. Zeuss. «Die Deutschen und die Nachbarstamme». Munchen, 1837 (К. Цейс. «Германцы и соседние племена». Мюнхен, 1837) и J. Grimm. «Geschichte der deutschen Sprache», Bd. I—II, Leipzig, 1848. — *483.*

[321] Прокопий Кесарийский. «История войн Юстиниана с персами, вандалами и готами», кн. VIII: «История войн с готами», кн. IV, гл. 5, § 5. — *484.*

[322] F. C. Dahlmann. «Geschichte von Dannemark», Bd. I, Hamburg, 1840, S. 16. — *485.*

[323] G. Waitz. «Deutsche Verfassungsgeschichte», Bd. 1—8, Kiel, 1844—1878 (Г. Вайц. «История немецкого государственного строя», тт. 1—8, Киль, 1844—1878). — *486.*

[324] *«Франкский период»* — рукопись Ф. Энгельса, составленная им в 1881— 1882 годах; при жизни Энгельса не была опубликована. Как и рукопись «К истории древних германцев», эта работа представляет собой часть специального исследования, посвященного истории Германии (см. примечание 288). — *495.*

[325] P. Roth. «Geschichte des Beneficialwesens von den altesten Zeiten bis ins zehnte Jahrhundert». Erlangen, 1850 (П. Рот. «История бенефициальной системы с древнейших времен до десятого века». Эрланген, 1850). — *498.*

[326] Эйнхард. «Жизнь Карла Великого», гл. 2. — *499.*

[327] Энгельс цитирует сочинение Григория Турского «Historia Francorum» («История франков»), кн. VI, гл. 46. — *499.*

[328] *Капитулярии* — королевские законодательные акты и распоряжения периода раннего средневековья (VIII—IX вв.). Ахенский капитулярий, отмечавший факт массового захвата духовными и светскими феодалами крестьянских земель, является одним из важнейших исторических источников по истории франкского государства. — *500.*

[329] Приводимые Энгельсом данные извлечены из составленного в IX в. полиптика (описи земельных владений, населения и доходов) монастыря Сен-Жермен-де-Пре. Впервые названная опись была издана с комментариями французским историком Гераром под названием: «Polyptyque de l'abbe Irminon», t. I—II, Paris, 1844 («Полиптик аббата Ирминона», тт. I—II, Париж, 1844). — *501.*

[330] *Формулы* — образцы для составления конкретных грамот, которые юридически оформляли самые различные сделки и соглашения имущественного и иного характера. До нас дошло несколько сборников формул, дающих представление о социально-экономических отношениях в разных районах Франкского государства с конца VI по конец IX века.

Формула, цитируемая Энгельсом, входит в сборник, носящий название: «Formulae Turonenses vulgo Sirmondicae dictae» («Турские формулы, доступно изложенные Сирмоном»). Энгельс, очевидно, взял ее из указанной выше книги Рота, стр. 379. — *509.*

[331] Имеется в виду один из важных письменных источников по истории Каролингской империи — «Annales Bertiniani» («Бертинские анналы»), — летопись, получившая название от французского монастыря Сен-Бертин. Она охватывает период 830—882 годов и состоит из трех частей, принадлежащих разным авторам. Бертинские анналы были изданы в составе известной серии «Monumenta Germaniae historica» («Памятники германской истории»). — *511.*

[332] *Стеллинга* (буквально: «Сыновья древнего закона») — восстание свободных фрилингов и полусвободных саксов (литов) против как франкской, так и саксонской знати, происходившее в 841—842 гг. в Саксонии. Восставшие стремились восстановить старые дофеодальные обычаи. — *517.*

[333] *«Франкский диалект»* — был написан Энгельсом в 1881—1882 годах; в рукописи о франкском периоде и в наброске плана «К истории древних германцев» Энгельс называет это исследование «Примечанием». «Франкский диалект» имеет, однако, вполне самостоятельное научное значение, представляя собой образец применения исторического материализма к языкознанию.

«Франкский диалект» остался неоконченным и при жизни Энгельса не был напечатан. Впервые он был опубликован на русском языке Институтом марксизма-ленинизма в 1935 году. Текст был приведен параллельно на немецком и русском языках. — *518.*

[334] *Гелианд* — памятник древнесаксонского языка и литературы, относящийся к IX веку; представляет собой сильно сокращенный и германизированный пересказ Евангелия; автор Гелианда, согласно предположениям, был монахом монастыря Верден на реке Рур.

Сохранилось два рукописных списка Гелианда, мюнхенский (относится к IX в.) и коттонский (по имени английского собирателя древностей Коттона), относящийся к X—XI векам. Название рукописи дано немецким лингвистом Шмеллером в 1830 г. и буквально означает «спаситель». Гелианд был впервые издан в 1866 г. Морицем Гейне. — *518.*

[335] W. Braune. «Zur kenntnis des frankischen und zur hochdeutschen lautverschiebung». In: «Beitrage zur geschichte der deutschen sprache und literatur», Bd. I, Halle a/S., 1874 (В. Брауне. «К изучению франкского диалекта и верхненемецкого передвижения согласных». В журнале: «Материалы к истории немецкого языка и литературы», т. I, Галле на Заале, 1874). — *518.*

[336] H. Kern. «Die Glossen in der Lex Salica und die Sprache der salischen Franken. Beitrag zur Geschichte der deutschen Sprachen». Haag, 1869 (X. Керн. «Глоссы в «Салической правде» и язык салических франков. К истории германских языков». Гаага, 1869). —*519.*

[337] Энгельс имеет здесь в виду совпадение в англо-фризских и саксонских диалектах 3-го лица множественного числа изъявительного наклонения со вторым, благодаря выпадению «n» перед зубным в окончании 3-го лица. Это совпадение, по-видимому, и послужило исходным пунктом к устранению различия между всеми тремя лицами множественного числа настоящего времени изъявительного наклонения в названных диалектах. — *520.*

[338] Имеются в виду глоссы, т. е. толкование непонятных слов, выписанных нидерландским филологом Юстусом Липсием из утерянной рукописи псалмов (IX в.). Глоссы Липсия были опубликованы Морицем Гейне в «Kleinere altniederdeutsche Denkmaler». Paderborn, 1867 («Малые древненижненемецкие памятники». Падерборн, 1867). — *521.*

[339] P. Cosijn. «Altwestsachsische Grammatik». Haag, 1883 (П. Косейн. «Древнезападносаксонская грамматика». Гаага, 1883). — *521.*

[340] Речь идет о податном списке монастыря Фреккенхорст (IX — начало XI веков). — *521.*

[341] Речь идет о падерборнских документах X—XI вв., — памятниках местного права, изданных в 1831—1832 гг. немецким историком Паулем Вигандом в V т. предпринятого им издания: «Archiv fur Geschichte und Alterthumskunde Westphalens» («Архив по истории и археологии Вестфалии»), и во 2 и 3 томах издания: «Die Provinzialrechte der Furstenthumer Paderborn und Corvey in Westphalen» («Местное право княжеств Падерборн и Корве в Вестфалии»). — *522.*

[342] Имеется в виду пересказ Евангелия, сделанный монахом Отфридом из Вейсенбурга между 863 и 871 годами. «Евангелие» Отфрида является одним из первых памятников древненемецкой письменности. Язык «Евангелия» Отфрида рассматривается как один из южных говоров рейнско-франкского диалекта. — *522.*

[343] Имеется в виду рукопись конца VIII или начала IX в., представляющая собой формулу обета крещения («Taufgelobnis»). — *523.*

[344] Речь идет о статуе мальчика на старинном фонтане в Брюсселе работы фламандского скульптора XVII в. Дюкенуа. — *527.*

[345] W. Arnold. «Deutsche Urzeit». Gotha, 1879, S. 153. — *527.*

[346] «Archiv fur die Geschichte des Niederrheins». Hrsg. von T. J. Lacomblet, Abt. I, Bd. I, Heft I, Dusseldorf, 1831 («Архив по истории Нижнего Рейна». Изд. Т. Й. Лакомбле, раздел I, т. I, тетрадь I, Дюссельдорф, 1831). — *533.*

[347] W. Arnold. «Deutsche Urzeit». Gotha, 1879, S. 140—141. — *534.*

[348] Имеется в виду карта, издававшаяся сначала Д. Г. Рейманом, а потом рядом других лиц под заглавием: «Reymann's topographische Spezial-Karte von Deutschland, Schweiz, Ostfrankreich, Belgien, Niederlande und Polen». Glogau («Топографическая специальная карта Германии, Швейцарии, Восточной Франции, Бельгии, Нидерландов и Польши, составленная Рейманом». Глогау). Карта разбита на нумерованные квадраты (секции), именуемые по главному населенному пункту, поэтому в дальнейших ссылках у Энгельса упоминаются название и номер секции. — *534.*

[349] «Hand-Atlas fur die Geschichte des Mittelalters und der neueren Zeit», 3. Aufl. von Dr. K. v. Spruner's Hand-Atlas, neu bearbeitet von Dr. Th. Menke, Gotha, 1880 («Настольный атлас по истории средних веков

и нового времени». 3 изд. Настольного атласа д-ра К. фон Шпрунера, заново переработанное д-ром Т. Менке, Гота, 1880).

Географические данные, на которые Энгельс ссылается в различных мостах своего исследования, взяты преимущественно с карты 32-й (Deutschland's Gaue. II). — *534.*

[350] F. J. Mone. «Urgeschichte des badischen Landes bis zu Ende des siebenten Jahrhunderts». Bd. I: «Die Romer im oberrheinischen Granzland», Karlsruhe, 1845 (Ф. Й. Моне. «Древнейшая история баденской земли до конца седьмого века». Т. I: «Римляне в верхнерейнской пограничной области», Карлсруэ, 1845). — *537.*

[351] F. Beust. «Kleiner historischer Atlas des Kanton Zurich». Zurich, 1873 (Ф. Бёйст. «Малый исторический атлас кантона Цюрих». Цюрих, 1873). — *537.*

[352] W. Arnold. «Deutsche Urzeit». Gotha, 1879, S. 141. — *538.*

[353] W. Arnold. «Deutsche Urzeit». Gotha, 1879, S. 156. — *539.*

[354] L. Borne. «Briefe aus Paris». 1.—2. Theile, Hamburg, 1832; 3.—6. Theile, Paris, 1833—1834 (Л. Бёрне. «Парижские письма». 1—2 части, Гамбург, 1832; 3—6 части, Париж, 1833—1834). — *545.*

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

(март 1875—май 1883)

1875

Март 1875—1876 Энгельс продолжает работу, начатую в 1873 г. над «Диалектикой природы» — произведением, в котором он поставил своей целью дать диалектико-материалистическое обобщение достижений теоретического естествознания и подвергнуть критике метафизические и идеалистические взгляды в области естественных наук. В 1875—1876 гг. он пишет две главы («Введение» и «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека») и значительное количество заметок и фрагментов.

18—28 марта В связи с намечавшимся объединением двух рабочих организаций Германии — Социал-демократической рабочей партии (эйзенахцы) и Всеобщего германского рабочего союза (лассальянцы) — Энгельс в письме к руководителю Социал-демократической рабочей партии А. Бебелю от своего имени и от имени Маркса резко критикует компромиссный проект программы — всю систему содержащихся в ней лассальянских догм, оппортунистические положения по вопросу о государстве, отказ от принципа пролетарского интернационализма.

28 апреля Маркс пишет послесловие к авторизованному французскому изданию первого тома «Капитала».

5 мая Маркс посылает письмо В. Бракке вместе с предназначенными для всего руководства эйзенахской партии критическими замечаниями к программе германской рабочей партии, получившими впоследствии название «Критики Готской программы». Работа Маркса наносила сокрушительный удар лассальянству и другим оппортунистическим представлениям и содержала обоснование и дальнейшее развитие марксистского учения

о диктатуре пролетариата, о переходном периоде от капитализма к коммунизму, научное предвидение важнейших закономерностей развития коммунистического общества, указание на историческую необходимость двух его фаз — социализма и коммунизма.

8 мая Маркс сообщает русскому революционеру П. Л. Лаврову о предпринятых им мерах, чтобы обеспечить конспиративный адрес для переписки с Россией.

20 мая — август Маркс производит многочисленные вычисления, иллюстрирующие различие между нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли. Выполненная им работа впоследствии легла в основу 3-й главы третьего тома «Капитала» — «Отношение нормы прибыли к норме прибавочной стоимости».

Июнь — декабрь Маркс часто встречается с Лавровым и переписывается с ним.

Июнь— сентябрь Маркс и Энгельс получают от социалистов из Франции, Бельгии, Дании, Португалии, США информацию о состоянии рабочего движения в этих странах.

18 июня Маркс обращает особое внимание на опыты немецкого химика и физиолога М. Траубе по созданию искусственной клетки; в письме к Лаврову отмечает большое значение этих опытов для объяснения возникновения жизни на земле.

21 июня Энгельс, поддерживавший после Гаагского конгресса Интернационала постоянную связь с Генеральным Советом (местопребывание которого было перенесено в Нью-Йорк), получает экземпляры конфиденциального циркуляра Генерального Совета о созыве в Филадельфии конференции Интернационала, предназначенные для распространения в секциях на европейском континенте и в Англии.

Начало августа Маркс при участии Энгельса перерабатывает для второго издания брошюру немецкого социалиста И. Моста «Капитал и труд», представляющую собой популярное изложение первого тома «Капитала»; книга выходит в свет в 1876 г. в Хемнице (Карл-Маркс-Штадт) и в 1878 г. в английском переводе в США.

Около 12 августа Маркс уезжает из Лондона на лечение в Карлсбад (Карлови-Вари).

Около 13—14 августа Проездом в Карлсбад Маркс останавливается во Франкфурте-на-Майне; посещает редакцию демократической «Frankfurter Zeitung» («Франкфуртской газеты») и ведет продолжительную беседу с ее редактором Л. Зоннеманом.

13 августа — Энгельс сообщает Генеральному Совету Международного Товарищества Рабочих в Нью-Йорке о принятых им мерах по распространению конфиденциального циркуляра о созыве конференции Интернационала в Филадельфии, а также о положении секций интернационала в европейских странах.

15 августа — 11 сентября — Маркс лечится в Карлсбаде. Часто встречается с русским социологом и историком М. М. Ковалевским.

За Марксом устанавливается негласный надзор полиции.

Вторая половина августа — около 22 сентября — Энгельс отдыхает в Рамсгете.

11 сентября — Маркс по пути из Карлсбада заезжает в Прагу для встречи с немецким демократическим публицистом М. Оппенхеймом.

20 сентября — Маркс возвращается в Лондон.

Позднее 20 сентября — октябрь — Маркс возобновляет интенсивные занятия политической экономией, в особенности много времени отводит изучению аграрных отношений в России; делает подробные записи при чтении вышедших в 1875 г. в Берлине книг представителей русской либеральной оппозиции — Ю. Ф. Самарина, А. И. Кошелева, К. Д. Кавелина.

Около 9 октября — Маркс и Энгельс получают от итальянского социалиста, руководителя миланской секции Интернационала Э. Биньями предложение опубликовать в издаваемой им «Biblioteca Socialista» («Социалистической библиотеке») том произведений Маркса и Энгельса.

11 и 12 октября — Энгельс в письмах к Бракке и Бебелю заявляет, что он и Маркс по-прежнему отрицательно относятся к принятой на Готском съезде программе, но что они воздерживаются от публичного выступления против нее, поскольку рабочие воспринимают программу как коммунистическую, а также потому, что они надеются на успех истинно коммунистической пропаганды среди рабочих.

15 октября — В письме к Бебелю Энгельс подчеркивает необходимость внимательно следить за событиями в России, так как положение народных масс в стране, политика русского правительства и состояние революционного движения дают основание предполагать, что Россия будет первой страной, в которой начнется революция.

Вторая половина октября — 6 ноября — Энгельс с женой едет по семейным делам в Гейдельберг; проездом он останавливается в Рейнау, где встречается со своим знакомым, химиком Ф. Паули; на обратном пути

заезжает в Бинген и Кёльн и через Остенде возвращается в Лондон.

Ноябрь—декабрь Маркс изучает специальную литературу по агрохимии (в частности подробно конспектирует работу А. Н. Энгельгардта «Химические основы земледелия»), физике, а также по политической экономии, и особенности по аграрному вопросу. Читает книгу И. И. Патлаевского «Денежный рынок в России от 1700 до 1762 г.», статью Энгельгардта «Вопросы русского сельского хозяйства». Одновременно изучает IV выпуск изданного в 1871 г. русским Генеральным штабом «Военно-статистического сборника», делая подробные записи.

12 ноября Прочитав по просьбе Лаврова его статью «Социализм и борьба за существование», напечатанную в журнале «Вперед» (15 сентября 1875 г.), Энгельс в письме к нему высказывает свое отношение к учению Ч. Дарвина, разоблачает антинаучную позицию буржуазных дарвинистов и делает ряд критических замечаний в адрес самого Лаврова.

Конец ноября Выходит последний выпуск авторизованного французского издания первого тома «Капитала» К. Маркса. В послесловии к нему Маркс отмечает, что французское издание «Капитала» представляет самостоятельную научную ценность наряду с оригиналом. Маркс посылает последние выпуски французского издания видным деятелям рабочего движения во многие страны, инициаторам русского издания «Капитала» и переводчикам его — Г. А. Лопатину и Н. Ф. Даниельсону, а также Лаврову и Ковалевскому.

Декабрь 1875 — февраль 1876 Маркс изучает полученные из России от Даниельсона 10 томов «Трудов податной комиссии», а также «Свод отзывов губернских присутствий по крестьянским делам»; рассчитывает использовать сделанные им записи при окончательной редакции текста третьего тома «Капитала».

17 декабря Маркс сообщает Лаврову, что по причине большого объема французского издания первого тома «Капитала» он не мог опубликовать составленный им предметный указатель к этому изданию.

1876

22 января Энгельс произносит речь на митинге, созванном в Лондоне по случаю годовщины польского восстания 1863 года. Речь Энгельса публикуется в издававшейся Лавровым в Лондоне газете «Вперед!» 15 февраля.

Февраль	Энгельс пишет работу «Прусская водка в германском рейхстаге», в которой разоблачает прусское юнкерство как оплот всех реакционных сил в Германии. Работа публикуется в газете «Volksstaat» 25, 27 февраля и 1 марта, а также отдельной брошюрой.
7 *февраля*	Маркс и Энгельс выступают с речами на торжественном собрании по случаю 36-й годовщины основания Коммунистического просветительного общества немецких рабочих в Лондоне. В своем выступлении Маркс подчеркивает интернационалистический принцип, которым руководствовались первые организации пролетариата в Германии, в особенности Союз коммунистов.
Середина февраля	Занимаясь проблемами третьего тома «Капитала», Маркс пишет небольшой экскурс: «Дифференциальная рента и рента — всего лишь как процент на капитал, вложенный в землю»; этот экскурс был впоследствии включен Энгельсом в текст 44 главы третьего тома «Капитала».
Март — май	Маркс изучает ряд работ по физиологии — М. Шлейдена, И. Ранке, Л. Германа.
Начало апреля	Маркс получает письмо от одного из основателей Социалистической рабочей партии США Ф. А. Зорге с сообщением об успехах рабочего движения и заявлением о необходимости распространения среди американских рабочих «Манифеста Коммунистической партии». С этой целью он обращается к Марксу и Энгельсу с просьбой просмотреть имеющийся перевод «Манифеста», выполненный Г. Мейером.
4 апреля	Маркс в письме к Зорге сообщает о своем намерении изучить в связи с работой над «Капиталом» источники по земледелию, аграрным отношениям и кредиту в Соединенных Штатах и просит выслать книжные каталоги по этим вопросам.
Май — июнь	Маркс изучает формы общинной собственности; читает работы немецкого историка Г. Л. Маурера.
Около 20 мая — середина июня	Энгельс отдыхает в Рамсгете.
Около 24 мая	Маркс получает письмо из Будапешта от деятеля венгерского рабочего движения, бывшего члена Парижской Коммуны Л. Франкеля, содержащее некоторые данные о земельной собственности в Венгрии.
24—26 мая	Маркс и Энгельс, учитывая возрастающее влияние антимарксистских взглядов немецкого мелкобуржуазного идеолога Е. Дюринга, получивших распространение среди части членов Социалистической рабочей партии Германии, приходят к выводу о необходимости выступить в печати с критикой дюрингианства.

28 мая	Энгельс в письме к Марксу намечает общий план и характер своей работы против Дюринга.
Конец мая — конец августа	Энгельс прерывает работу над «Диалектикой природы» и приступает к сбору материала для критики взглядов Дюринга. С этой целью он читает книги Дюринга: «Курс философии», «Курс политической и социальной экономии», «Критическую историю политической экономии и социализма».
Июнь — ноябрь	Энгельс пишет работу «Вильгельм Вольф» — очерк жизни и деятельности немецкого пролетарского революционера, соратника Маркса и Энгельса; биография Вольфа печатается в виде серии статей в редактировавшемся В. Либкнехтом социалистическом журнале «Die Neue Welt» («Новый мир») с 1 июля по 25 ноября.
Середина июня — около 30 июня	Энгельс по семейным делам находится в Гейдельберге.
18—23 июля	Маркс навещает жену, находящуюся на лечении в Брайтоне.
24 июля — 1 сентября	Энгельс отдыхает в Рамсгете.
16 августа — 15 сентября	Маркс лечится в Карлсбаде.
Сентябрь 1876 — начало января 1877	Энгельс пишет первый отдел «Анти-Дюринга» («Философия»). Серия статей публикуется в центральном органе Социалистической рабочей партии Германии — газете «Vorwarts» («Вперед») с 3 января по 11 мая 1877 года.
16—22 сентября	По пути из Карлсбада в Лондон Маркс навещает в Праге Оппенхейма и в Льеже бывшего активного деятеля русской секции Интернационала Н. И. Утина.
23 сентября 1876 — август 1877	Маркс переписывается с Бракке по поводу издания на немецком языке «Истории Коммуны» П. Лиссагаре. Считая распространение этой работы важным партийным делом, Маркс сам редактирует перевод.
21 октября	Маркс предупреждает Лаврова о намерении группы реакционных русских литераторов издавать в Лондоне журнал для ознакомления англичан с политическим и социальным движением в России. Лавров печатает выдержки из письма Маркса в газете «Вперед!» 1 ноября.
Начало ноября	Маркс посылает английскому радикалу Ч. Коллегу материал о политике Гладстона для использования в «Diplomatic Review» («Дипломатическом обозрении»).
20 ноября	В письме к немецкому пролетарскому революционеру И. Ф. Беккеру Энгельс выражает общее с Марксом

мнение о том, что усилия всех активных деятелей Интернационала должны быть направлены не на восстановление прежней международной организации, а на создание и укрепление массовых рабочих партий в каждой стране. Свою главную задачу Маркс и Энгельс видят на данном этапе в том, чтобы выполнить определенную научную работу и тем самым усилить теоретическую сторону пролетарского движения.

Декабрь — Маркс читает об общинной собственности работы Г. Хансена, Ф. Демелича, О. Утешеновича, работу Ф. Карденаса по истории земельной собственности в Испании и «Сравнительный очерк индусского и французского права» Л. Кремази.

Первая половина декабря — Маркс часто встречается с Ковалевским.

18 декабря — Энгельс в письме к своему брату Г. Энгельсу анализирует сложившуюся обстановку на Балканах и приходит к выводу о неизбежности русско-турецкой войны.

21 декабря — Энгельс в письме к И. Ф. Беккеру критикует оппортунизм английских тред-юнионов и поведение их лидеров, заискивающих перед либеральной буржуазией; информирует о состоянии рабочего движения в Бельгии, Германии и Италии, пересылает постановления состоявшейся в июле международной конференции в Филадельфии, принявшей решение о роспуске Международного Товарищества Рабочих.

1877

Январь — декабрь — Маркс продолжает свою работу по изучению экономического и общественно-политического развития пореформенной России, в особенности русских аграрных отношений. В числе других работ читает А. И. Васильчикова «Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах», тт. 1—2, М. В. Неручева «Русское землевладение и земледелие», П. А. Соколовского «Очерк истории сельской общины на севере России».

9 января — Энгельс посылает Либкнехту для опубликования в «Vorwarts» последнюю часть первого, философского отдела «Анти-Дюринга».

Февраль — начало марта — Маркс дает английскому журналисту, бывшему члену Интернационала, М. Барри указания для составления статей, разоблачающих внешнюю политику Гладстона. Статьи Барри появляются в нескольких консервативных газетах в начале марта.

Начало февраля	Энгельс пишет «Замечание к странице «Истории Коммуны». (Перемирие г-на Тьера от 30 октября 1870 года)» и посылает его автору названной работы — Лиссагаре.
13 февраля	Энгельс пишет Биньями о германских выборах 1877 г. и об успехах германской социал-демократической партии. Письмо Энгельса зачитывается на втором съезде Верхнеитальянской федерации, проходившем 17—18 февраля в Милане, затем публикуется в социалистической газете «La Plebe» 26 февраля.
Около 20 февраля — около 14 марта	В связи с болезнью жены Энгельс живет в Брайтоне.
5 марта	Маркс посылает Энгельсу первую часть X главы второго отдела «Анти-Дюринга», в которой дается критика взглядов Дюринга на историю политической экономии.
Между 6 и 14 марта	По совету Маркса Энгельс пишет статью «В Италии», посвященную успехам социалистического движения. в стране, преодолению влияний анархизма, что создавало предпосылки для основания рабочей партии в Италии. Статья публикуется в «Vorwarts» 16 марта.
16 марта	Маркс просит Лаврова составить сводку судебных и административных преследований в России с тем, чтобы передать этот материал члену палаты общин ирландцу К. О'Клиери для его выступления в парламенте. Лавров исполняет просьбу Маркса.
Конец марта	Маркс возобновляет работу над рукописью второго тома «Капитала».
Май — декабрь	В связи с русско-турецкой войной Энгельс составляет заметки о составе и дислокации русской армии.
Июнь — август	Энгельс пишет второй отдел «Анти-Дюринга» («Политическая экономия»). Серия статей публикуется в приложении к газете «Vorwarts» с 27 июля по 30 декабря.
Июнь — июль	Энгельс пишет статью «Тактика пехоты и ее материальные основы. 1700—1870».
Середина июня	По просьбе Бракке Энгельс пишет для «Volks-Kalender» («Народного календаря») краткую биографию Карла Маркса. Биография публикуется в 1878 году.
Июль — август	Маркс читает книги русского экономиста и статистика П. И. Кауфмана «Теория колебания цен», «К учению о деньгах и кредите», выпуск I и работу К. Книса «Деньги. Изложение основного учения о деньгах».
4 июля	Энгельс уезжает на несколько дней в Манчестер.
11 июля — 28 августа	Энгельс вместе с больной женой отдыхает в Рамсгете.

Около 23— 29 июля	Маркс часто встречается с немецким социал-демократом К. Гиршем, приехавшим из Парижа для встречи с Марксом. Гирш сообщает Марксу ряд фактов относительно экономического и политического развития Франции, а также о положении дел в германской социал-демократической партии.
Август 1877 — апрель 1878	Энгельс пишет третий отдел «Анти-Дюринга» («Социализм»). Серия статей публикуется в приложении к газете «Vorwarts» с 5 мая по 7 июля 1878 года.
8 августа	Маркс посылает Энгельсу вторую часть X главы второго отдела «Анти-Дюринга». Маркс с женой и дочерью Элеонорой уезжает на лечение в Нёйенар (Германия).
5 сентября — около 21 сентября	Энгельс отдыхает с женой в Шотландии.
Около 27 сентября	Маркс возвращается в Лондон. Маркс в письме к Зорге сообщает о своем изучении по русским оригинальным источникам положения в России, пишет о том, что страна находится накануне революционного переворота, все элементы для которого уже имеются налицо.
19 октября	Маркс посылает Зорге для английского перевода рукопись первого тома «Капитала» с указанием изменений, которые следует внести в текст в связи с подготовкой американского издания. Издание не было осуществлено.
19 и 23 октября	В письмах к Зорге и Бракке Маркс характеризует положение в германской социал-демократической партии, в которой из-за компромисса с лассальянцами, дюрингианцами, с выходцами из высших классов, стало «пахнуть гнилью»; резко критикует журнал «Die Zukunft» («Будущее») и издававшего его социалиста-реформиста К. Хёхберга, «вкупившегося» в социал-демократическую партию. Главной тенденцией этого журнала, указывает Маркс, является подмена материалистического познания фразами о «справедливости» и т. д. Маркс подвергает критике также и редакцию газеты «Vorwarts», предоставившую страницы центрального органа партии людям невежественным в теории и не имеющим ничего общего с классовой борьбой пролетариата.
Ноябрь 1877 — июль 1878	Маркс готовит к печати 1-ю главу второго тома «Капитала».
Приблизительно	Маркс пишет письмо в редакцию «Отечественных Запи-*ноябрь* сок» в ответ на статью русского публициста и литературного критика, одного из идеологов народничества Н. К. Михайловского «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского». В письме Маркс формулирует свою точку

	зрения по вопросу о возможности для России миновать капиталистический путь развития. Письмо осталось неотосланным; оно было опубликовано в 1886 г. в Женеве и в 1888 г. в России в легальной прессе.
Ноябрь—декабрь	Маркс изучает целый ряд произведений Р. Оуэна.
10 ноября	В письме к немецкому историку В. Блосу Маркс выражает свое и Энгельса отношение к культу личности.

1878

1878—1882	Маркс интенсивно и систематически занимается алгеброй, изучает и конспектирует трактаты Лакруа, Маклорена, Эйлера, Потса, делает многочисленные записи в специальных тетрадях. В алгебре или (как понимали в то время) в анализе конечных величин Маркс изучает элементарно-математические прообразы понятий и операций анализа бесконечно малых. Продолжает начатые в 60-х годах исследования по математическому анализу. Изучает и конспектирует книги Сори, Бушарла, Хайнда, Холла, Хемминга и др. Пишет очерк по истории дифференциального исчисления.
Начало 1878	Энгельс пишет статью «Естествознание в мире духов», впоследствии включенную им в «Диалектику природы».
11 января	Энгельс в письме к Беккеру выражает свое удовлетворение в связи с образованием швейцарской рабочей партии; анализирует состояние рабочего движения во Франции, отмечает ошибки в деятельности социал-демократической партии в Германии.
12 января	Энгельс в письме к Биньями дает анализ состояния рабочего движения в Германии, Франции и Соединенных Штатах Америки; особое внимание он уделяет внутреннему положению в России в связи с назревавшей в ней революционной ситуацией. Биньями публикует 22 января извлечения из письма Энгельса в газете «Plebe».
4 и 11 февраля	Маркс пишет Либкнехту письма по восточному вопросу; Либкнехт публикует извлечения из них в приложении ко второму изданию своей брошюры «К восточному вопросу», вышедшей в свет в начале марта.
Около 9 февраля	Маркс получает от Гирша из Парижа информацию о социалистическом движении во Франции; сообщая о трудностях с изданием социалистической газеты «L'Eigalite» («Равенство»), Гирш просит сотрудничать в ней Энгельса.
Середина февраля — середина марта	Энгельс пишет статью «Европейские рабочие в 1877 году», в которой характеризует состояние рабочего движения в европейских странах, доказывает провал

анархистских догм и тактики и полное торжество политической линии Интернационала; заложенные последним основы единства и солидарности международного пролетариата в борьбе против своих угнетателей продолжали осуществлять возникавшие в различных странах партии рабочего класса. Статья публикуется в пяти номерах нью-йоркской социалистической газеты «The Labor Standard» («Знамя труда»), 3, 10. 17, 24 и 31 марта.

Конец марта — май Маркс читает работу Кауфмана «Теория и практика банкового дела», подробно конспектирует ее, делая при этом большое количество собственных замечаний.

15 — 20 апреля Маркс и Энгельс встречаются с Либкнехтом, приехавшим из Германии.

Май — начало июня Энгельс пишет первоначальный вариант предисловия к первому отдельному изданию «Анти-Дюринга». Впоследствии Энгельс включает этот вариант в материала для «Диалектики природы» («Старое предисловие к «Анти-Дюрингу». О диалектике»).

21 мая — конец мая В связи со своей работой над «Капиталом» Маркс делает извлечения из «Первого годового отчета Бюро статистики труда», полученного из США.

Конец мая — июнь Маркс продолжает усиленно изучать агрохимию и геологию, в частности читает и делает выписки из работ Джукса, Джонстона, Коппе и др.

11 июня Энгельс пишет окончательный текст предисловия к первому отдельному изданию «Анти-Дюринга».

12 и 27 июня Маркс пишет в редакции газет «The Daily News» и «Frankfurter Zeitung» заявления, разоблачающие Л. Бухера, приверженца Бисмарка. Заявления публикуются 13 и 29 июня.

Начало июля Маркс пишет статью «История Международного Товарищества Рабочих, сочиненная господином Джорджем Хауэллом»; разоблачая фальсификаторские утверждения Хауэлла, подчеркивает, что великая идея международной пролетарской солидарности повседневно осуществляется организующимися партиями рабочего класса во всех странах мира. Статья публикуется в журнале «The Secular Chronicle» («Светская хроника») 4 августа.

Около 8 июля В Лейпциге вышло первое отдельное издание книги Энгельса «Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом» («Анти-Дюринг»), в которой наряду с критикой «взглядов» Дюринга дано систематическое изложение всех трех составных частей

марксизма — диалектического и исторического материализма, марксистской политической экономии, научного коммунизма.

19 июля Маркс получает от Зорге письмо, в котором он сообщает о деятельности Социалистической рабочей партии и немецких социал-демократов в США, характеризует рабочее движение и общую политическую обстановку в стране.

Август После завершения работы над «Анти-Дюрингом» Энгельс намеревается приступить к систематической обработке материалов для «Диалектики природы»; с этой целью он составляет набросок общего плана этого труда.

4—14 сентября Маркс лечится в Малверне.

12 сентября Умерла жена Энгельса Лиззи Бёрнс.

Октябрь — ноябрь Маркс в связи с работой над «Капиталом» читает работы по истории банков и денежного обращения: П. Рота, А. Чикконе, К. Д. Хюльмана, Л. Косса, Ч. А. Манна, А. Уокера и др., делая из книг выписки и сопровождая их своими критическими замечаниями.

Конец октября Маркс и Энгельс советуют Либкнехту в связи с принятием исключительного закона против социалистов издавать в Швейцарии нелегальный партийный орган.

Первая половина ноября Маркс получает сведения от находящегося в Лондоне Ковалевского о полемике в русской прессе, вызванной «Капиталом».

15 и 28 ноября Маркс в письмах к Даниельсону указывает изменения в тексте первого тома «Капитала», которые следует учесть при подготовке нового русского издания; обращает его внимание на рост монополий в США после окончания Гражданской войны, на промышленный кризис в Англии.

Вторая половина ноября — декабрь Маркс работает над вторым и третьим томами «Капитала»; изучает источники по истории аграрных отношений, в том числе книги Хансена, Ст. Ячини, «Годичный отчет комиссии Главного земельного управления за 1870 г.»; читает ряд работ по истории Франции.

Около 26 ноября Энгельс получает от Лопатина, вернувшегося из очередной нелегальной поездки в Россию, сообщения о положении в стране после окончания русско-турецкой войны и о деятельности революционеров-народников.

Декабрь 1878 — январь 1879 Маркс продолжает обстоятельно изучать финансы и банковое дело, делает большое количество выписок и заметок; читает книги О. Дист-Дабера, Ж. Л. Рея, Ж. В. Бонне, Дж. П. Гассио и др.

Декабрь Маркс читает работы О. Каспари и Э. Дюбуа-Реймона о Лейбнице, а также сочинения Декарта по физике и математике.

1879

Январь—декабрь Маркс продолжает свои политико-экономические исследования, в особенности на материале русских и американских источников.

Конец февраля Маркс знакомится с сообщением, составленным Даниельсоном по его просьбе, о состоянии русских финансов и русской финансовой политики за предшествующие пятнадцать лет.

Позднее 16 марта Маркс читает напечатанную в русском научном и литературно-политическом журнале «Слово» статью Ковалевского «Заметка по поводу проекта болгарской конституции».

21 марта Энгельс пишет для газеты «Plebe» статью под названием «Исключительный закон против социалистов в Германии. — Положение в России», сообщая итальянским рабочим об успехах рабочего движения в Германии и назревании революции в России. Статья публикуется 30 марта.

Не позднее апреля Маркс получает из Парижа от французского социалиста Ж. Геда, активно боровшегося в это время за создание во Франции рабочей партии, письмо, в котором он заявляет о своем согласии со взглядами Маркса, информирует его о французском рабочем движении, сообщает о своем желании навестить Маркса.

Апрель Маркс в письме к Ковалевскому высказывает свой взгляд на значение физиократов в истории политической экономии (в связи с отзывом о книге Н. И. Кареева «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века»).

10 апреля Маркс в письме к Даниельсону объясняет отсрочку опубликования второго тома «Капитала», характеризует причины и последствия экономического кризиса в Европе и Америке; пишет о развитии железных дорог и воздействии их на концентрацию капитала, рост внешней торговли и на положение народных масс.

Июнь — июль Маркс и Энгельс предпринимают ряд мер к подготовке издания нелегального центрального органа германской социал-демократической партии.

Середина июня — сентябрь Маркс и Энгельс в своих письмах к деятелям рабочего движения подвергают критике анархистскую позицию «левых», возглавлявшихся Мостом, охаивавшим в редактируемой им газете «Freiheit» («Свобода») всю

	деятельность руководства германской социал-демократической партии, в особенности использование ею трибуны парламента.
Середина июня — начало августа	Маркс и Энгельс читают запрещенную в Германии книгу немецкого консервативного публициста Р. Мейера «Политические грюндеры и коррупция в Германии», предоставленную им автором, делают выписки и заметки. Свои записи Энгельс использует в дальнейшем при написании работы «Социализм г-на Бисмарка».
17 июня	Энгельс в письме к Э. Бернштейну отмечает отказ английских тред-юнионов от какого-либо участия в политической борьбе и сведение всей их деятельности к стачечной борьбе за повышение заработной платы и сокращение рабочего дня.
Вторая половина 1879 — ноябрь 1880	Маркс пишет критические замечания на вышедшую книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии. Т. I. Всеобщее или теоретическое учение о народном хозяйстве», формулируя и развивая целый ряд положений теории стоимости, изложенной в «Капитале».
Август	Маркс получает из США от заведующего массачусетским Бюро труда Райта отчеты за 1874—1879 гг. и от Зорге статистические данные Бюро труда Пенсильвании, Огайо и Массачусетса.
Начало августа	Маркс получает от Даниельсона подробное, с привлечением данных земской статистики, сообщение о состоянии финансов и сельского хозяйства в России.
4 августа	Энгельс в письме к Бебелю сообщает о своем и Маркса отказе от сотрудничества в намечавшемся к изданию центральном органе германской социал-демократической партии «Der Sozialdemokrat» («Социал-демократ»), поскольку во главе газеты должна была стать оппортунистическая группа Хёхберга — Шрамма — Бернштейна, которая превратила бы ее в рупор мелкобуржуазных элементов в партии.
Около 5—27 августа	Энгельс отдыхает в Истборне.
Около 8 августа — около 17 сентября	Маркс лечится и отдыхает на острове Джерси и в Рамсгете.
Около 14 августа	Маркс читает книгу У. Карлтона «Зарисовки и рассказы из жизни ирландского крестьянства»; в письме к Энгельсу от 14 августа сообщает свой отзыв об этой книге и об авторе.
Не ранее сентября	Энгельс пишет для «Диалектики природы» главу «Диалектика».

9 сентября Энгельс в своем письме информирует Маркса о содержании издаваемого Хёхбергом «Jahrbuch fur Sozialwissenschaft und Sozialpolitik» («Ежегодника социальной науки и социальной политики»), в котором в статье, написанной Хёхбергом, Бернштейном и Шраммом, прямо заявлялось, что немецкая социал-демократическая партия сама навлекла на себя исключительный закон против социалистов своей пролетарской классовой позицией, что социал-демократическое движение должно носить исключительно мирный, реформистский характер, а руководство этим движением должно принадлежать буржуазным («образованным») элементам. Энгельс предлагает немедленно выступить против оппортунистов.

10 сентября Маркс в ответ на сообщение Энгельса о деятельности группы Хёхберга также высказывается за немедленное выступление против нее.

17 сентября Маркс возвращается в Лондон.

17—18 сентября Энгельс от своего и Маркса имени направляет Бебелю, Либкнехту, Бракке и др. Циркулярное письмо, содержащее протест против примиренческого отношения со стороны руководства к оппортунистическому направлению в партии, возглавляемому Хёхбергом, Бернштейном и Шраммом, и подвергающее резкой критике оппортунистические шатания, обнаружившиеся внутри партии после введения исключительного закона против социалистов. Отстаивая классово выдержанный характер пролетарской партии, Маркс и Энгельс требуют устранения какого бы то ни было влияния на партию и партийный орган оппортунистических элементов. Критика Маркса и Энгельса помогает руководителям германской социал-демократической партии выправить свою позицию и дать отпор оппортунистам.

19 сентября В письме Зорге Маркс ставит его в известность о своем отношении к оппортунистам в немецкой социал-демократической партии — Хёхбергу, Бернштейну, Шрамму, с одной стороны, и к выступающему с анархистскими фразами Мосту — с другой, сообщает о Циркулярном письме, посланном им и Энгельсом партийному руководству германской социал-демократической партии.

Приблизительно октябрь 1879 — октябрь 1880 В связи со специальным изучением вопросов земельной ренты и аграрных отношений в целом Маркс продолжает уделять много внимания источникам и литературе об общине. Он читает работу Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения», составляя подробные записи о характере общины, о месте и социально-экономической роли ее в разные эпохи и у разных народов.

Маркс составляет «Хронологические выписки по истории Индии» (664—1858 гг.). Особое внимание он уделяет истории завоевания и порабощения Индии

англичанами. Фактический материал Маркс берет главным образом из работ Р. Сьюэлла «Аналитическая история Индии с древнейших времен до ликвидации достопочтенной Ост-Индской компании в 1858 году» и М. Элфинстона «История Индии».

Середина октября — Маркс и Энгельс получают из США от деятеля рабочего движения Т. Куно письма с просьбой воздействовать на немецких социалистов в Америке, занимавших сектантские позиции по отношению к американскому рабочему движению.

14 и 24 ноября — Энгельс в письмах Бебелю подвергает резкой критике выступления социал-демократических депутатов в рейхстаге, затушевывавших классовый характер задач социал-демократической партии, их путаную позицию по вопросу а покровительственных пошлинах. В этой связи Энгельс формулирует основной принцип, которому должны следовать социал-демократические депутаты в буржуазном парламенте: не голосовать н,и за какие мероприятия, усиливающие власть правительства над народом; развивает ряд принципиальных положений о пролетарской партии. •

Конец 1879— начало 1880 — Маркс читает «Исторические монографии и исследования» Н. И. Костомарова; при чтении составляет комментированные выписки о восстании Степана Разина.

1880

1880—1881 — Энгельс пишет для «Диалектики природы» три главы («Основные формы движения», «Мера движения. — Работа» и «Приливное трение») и ряд заметок и фрагментов.

Январь—декабрь — Маркс работает над II и III томами «Капитала»; он пишет новый вариант III отдела второго тома, читает и делает выписки из работ по политической экономии — по вопросам земельной собственности, ренты, земледелия, по финансовым вопросам.

Январь — первая половина марта — В целях пропаганды идей научного коммунизма Энгельс ко просьбе французского социалиста П. Лафарга перерабатывает три главы «Анти-Дюринга» (I главу «Введения» и I и II главы третьего отдела) в самостоятельную работу — «Развитие социализма от утопии к науке». Работа публикуется на французском языке (в переводе Лафарга) в журнале «La Revue sociatiste» («Социалистическое обозрение») 20 марта, 20 апреля и 5 мая, а затем в виде отдельной брошюры под названием «Утопический социализм и научный социализм».

Конец февраля — Энгельс пишет для органа французской Рабочей партии, газеты «Egalite», статью «Социализм г-на Бисмарка», разоблачающую подлинную сущность так

называемых «социальных мероприятий» правительства Бисмарка (введение таможенного тарифа и концентрация всех железных дорог в руках имперского правительства). Статья публикуется в газете 3 и 24 марта.

Конец марта 1880 — начало июня 1881 Маркса часто посещает русский революционер-народоволец Л. Гартман.

Конец марта Маркс пишет вступительные замечания к публикации своей работы «Нищета философии» в газете «Egalite». Замечания в качестве редакционного введения публикуются в газете 7 апреля.

Первая половина апреля Маркс составляет по просьбе французских социалистов «Анкету для рабочих» с целью выяснения условий жизни, труда и борьбы французского пролетариата. «Анкета» печатается в «Revue socialiste» 20 апреля 1880 г., а затем отдельным оттиском в 25000 экземпляров, которые распространялись по всей Франции.

Начало мая На квартире у Энгельса происходит совещание с Гедом, приехавшим в Лондон для обсуждения программы французской Рабочей партии. В совещании принимают участие Маркс, Энгельс, Гед и Лафарг. Маркс формулирует теоретическое введение к программе французской Рабочей партии. Программа, в целом выработанная при участии Маркса и Энгельса, публикуется 30 июня в «Egalite», 10 июля в «Le Proletaire» («Пролетарий») и 20 июля в «Revue socialiste»; в ноябре она принимается на конгрессе в Гавре.

Около 4—5 мая Маркс пишет введение к отдельному французскому изданию работы Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке». Работа Энгельса вместе с введением Маркса выходит в свет в конце мая.

Позднее 21 мая Маркс редактирует рукопись статьи Лафарга «Манифест французской Рабочей партии».

27 июня Маркс в письме к основателю голландской социал-демократической партии Д. Ньювенгейсу поддерживает его намерение подготовить популярное изложение первого тома «Капитала» на голландском языке.

22 июля и 5 августа Энгельс в ответ на просьбу русской общественной деятельницы М. К. Горбуновой-Каблуковой обещает помочь ей в подыскании литературы об английских и американских ремесленных школах, сообщает сведения о состоянии народного образования в Англии, пишет о кустарной промышленности в Западной Европе и России, о разложении сельской общины и артелей в России.

Август — 13 сентября Маркс с семьей находится в Рамсгете; встречается с американским социалистом Дж. Суинтоном, беседует

	с ним о положении в России, Германии, Франции и Англии.
Середина августа — 19 сентября	Энгельс отдыхает в Рамсгете и в Бридлингтоне.
Около 24 августа	Маркс и Энгельс получают от русского статистика и экономиста Н. А. Каблукова его работу «Очерк хозяйства частных землевладельцев».
Приблизительно сентябрь — ноябрь	Маркс читает в русском научно-политическом и литературном журнале «Вестник Европы» воспоминания русского либерального литератора П. В. Анненкова «Замечательное десятилетие» и делает на полях свои замечания.
12 сентября	Маркс в ответ на предложение Даниельсона написать для одного из русских журналов статью о русском пореформенном хозяйстве советует ему самому опубликовать собранный им статистический материал относительно пореформенного экономического развития России и разрешает использовать содержание своих писем к Даниельсону. В своем письме Маркс анализирует особенности экономического кризиса в Англии, указывает на ухудшение положения фермеров под влиянием сельскохозяйственного кризиса.
Конец сентября	Маркс и Энгельс обсуждают с приехавшим в Лондон Либкнехтом партийные вопросы, в особенности положение дел в газете «Sozialdemokrat»; узнают от него о проведенной организационной перестройке социал-демократической партии в Германии, дающей возможность улучшения партийной работы во всех отношениях.
Октябрь 1880 — приблиэительно май 1881	Маркс неоднократно встречается с английским мелкобуржуазным публицистом Г. Гайндманом (привлекшим внимание Маркса своими статьями, разоблачавшими грабительские действия английских колонизаторов в Индии), дает ему советы в связи с его выступлениями в печати.
Октябрь 1880 — март 1881	Продолжая работу над вторым и третьим томами «Капитала», Маркс изучает большое количество официальных изданий (Синие книги) и литературу об экономическом развитии США.
Около 3 октября	Маркс получает письмо Гирша из Парижа, содержащее информацию о подготовке к изданию в Лионе газеты «Emancipation» («Освобождение») и о позиции Б. Малона и его сторонников (поссибилистов), подрывавших единство французской Рабочей партии.
4 ноября	Маркс обращается к Суинтону в Нью-Йорк с просьбой организовать в Америке сбор средств в помощь жертвам исключительного закона против социалистов в Германии.

5 ноября Маркс информирует Зорге о положении в рабочих партиях во Франции и Германии, пишет о необходимости денежной поддержки германской социал-демократической партии, ведущей работу в условиях жестоких преследований; сообщает об успехе «Капитала» в России и характеризует народнические партии — «Народную волю» и «Черный передел». Маркс просит Зорге достать для него наиболее содержательные материалы об экономическом положении Калифорнии, с тем чтобы проследить происходящий там с необычайной быстротой процесс капиталистической централизации производства.

6 ноября Исполнительный комитет «Народной воли» обращается к Марксу с письмом, в котором высоко оценивает значение «Капитала» и других научных трудов Маркса, его интерес к революционному движению в России и просит его употребить свое влияние, чтобы обеспечить сочувствие общественного мнения в Англии и в Америке русскому революционному движению, в частности способствовать в этом деле Л. Гартману.

27 ноября Маркс и Энгельс совместно с Лафаргом и Ф. Лесснером посылают митингу, созываемому в Женеве 29 ноября в память 50-й годовщины польского восстания 1830 г., приветственное письмо, в котором выражают пожелание, чтобы польский народ в своей борьбе за национальное освобождение действовал в союзе с русскими рабочими. Письмо публикуется на польском языке в Женеве в 1881 году.

Начало декабря Маркса дважды посещает русский революционер-народник Н. А. Морозов, приехавший из Женевы для встречи с Марксом. Он информирует его о борьбе с царским самодержавием, о причинах раскола партии «Земля и воля» и от имени партии «Народная воля» просит Маркса сотрудничать в издании «Русской социально-революционной библиотеки», выходящей в Женеве.

9 — около 16 декабря К Марксу и Энгельсу в Лондон приезжают Бебель, Бернштейн и затем П. Зингер для обсуждения партийных дел и укрепления газеты «Sozialdemokrat».

Конец 1880 Маркс читает книгу М. Е. Салтыкова (Щедрина) «Убежище Монрепо», обращая особое внимание на отношения между помещиками и крестьянами, на проявления классовой борьбы в русской деревне.

1881

1881—1882 Энгельс занимается историей Германии, собирает материал и пишет исследования «К истории древних германцев» и «Франкский период», представляющие собой

большой вклад в дело научного освещения истории германского и других европейских народов. Названные работы Энгельса не были опубликованы при его жизни. Результаты этих специальных исследований частично были использованы автором в его очерках о роде у германцев и об образовании государства германцев в соответствующих главах «Происхождения семьи, частной собственности и государства», а также нашли свое отражение в работе «Марка», написанной Энгельсом в конце 1882 года.

Энгельс пишет для «Диалектики природы» две главы («Теплота» и «Электричество»), а также ряд заметок и фрагментов.

Январь — июнь Маркс изучает сборники материалов, монографии и исследования о пореформенном социально-экономическом развитии России; делает записи при чтении работ А. И. Скребицкого, А. А. Головачева, Скалдина, Ю. Э. Янсона, Н. Ф. Даниельсона и других изданий. На основе нового изучения «Писем без адреса» Н. Г. Чернышевского Маркс составляет резюме их содержания под названием «К вопросу об отмене крепостного права в России».

Январь Маркса посещают русские экономисты — профессора Н. И. Зибер и Н. А. Каблуков.

Середина января — февраль Маркс, получив от Ньювенгейса работу «Капитал и труд» — краткое изложение первого тома «Капитала», составляет перечень подлежащих изменению мест для второго издания этой работы.

Около 18 февраля Маркс получает письмо от В. И. Засулич, в котором она просит от имени русских социалистов изложить его взгляд на перспективы социально-экономического развития России и в особенности на судьбы русской крестьянской общины.

19 февраля В письме Даниельсону Маркс на примере России анализирует вопрос о застойном характере капиталистического земледелия и периодическом характере урожаев, о связи между железнодорожным строительством и системой государственных долгов в Англии и Соединенных Штатах, о росте концентрации капиталистического производства; пишет о положении в Индии, о вопиющей эксплуатации ее национальных богатств и народа английскими господствующими классами.

Конец февраля — начало марта Маркс в связи с просьбой Засулич обобщает изученный им материал о русской крестьянской общине, составляет четыре наброска ответа, в которых содержатся выводы о коллективной форме сельскохозяйственного производства и об условиях ее осуществления в России.

Март — приблизительно апрель	Маркс читает, делая пометки, брошюры П. Ф. Алисова «Александр II освободитель» и М. П. Драгоманова «Тираноубийство в России».
8 марта	Маркс посылает письмо Засулич, в котором пишет о значении разработанной им теории капиталистического развития и о возможности того, что при определенных исторических условиях русская община может послужить исходным пунктом для социального возрождения России.
12 марта	Энгельс в письме к редактору газеты «Sozialdemokrat» выражает свое удовлетворение линией центрального органа германской социал-демократической партии, дает указания о том, как нужно использовать поступающий в редакцию материал, чтобы поднять настроение руководящим и рядовым членам партии, работающим в условиях подполья.
21 марта	Маркс и Энгельс посылают приветствие славянскому митингу, созванному в Лондоне в честь десятой годовщины Парижской Коммуны.
Апрель — май	Маркс читает книгу Г. Джорджа «Прогресс и бедность», характеризуя ее в письмах Суинтону и Зорге как скрытую под маской социализма попытку спасти господство капиталистов.
Около 8—11 апреля	Маркс внимательно следит за процессом организаторов и участников убийства Александра II — А. И. Желябова, С. Л. Перовской и др.
11 апреля	Маркс в письме к своей дочери Ж. Лонге характеризует организаторов покушения на Александра II как людей «простых, деловых, героических». Дает указания Ш. Лонге для статьи в органе радикалов «La Justice» («Справедливость») об ирландском земельном законе Гладстона, характеризуя политику последнего по отношению к Ирландии как политику экспроприации и насилия, проводимую в интересах лендлордов.
Май 1881 — середина февраля 1882	Маркс в связи с изучением проблем первобытнообщинного строя составляет очень подробный, с многочисленными собственными замечаниями и выводами, конспект книги Моргана «Первобытное общество». Читает и другие произведения по истории первобытной культуры, в частности работы Г. Мейна, Р. Зома, Эд. Тайлора и др., делает комментированные выписки из прочитанного.
1—2 мая	Энгельс начинает сотрудничать в еженедельном органе английских тред-юнионов «The Labour Standard» («Знамя труда»), издававшемся в Лондоне. Он пишет статью под названием «Справедливая заработная плата за справедливый рабочий день», которая публикуется в газете 7 мая. Как эта, так и все последующие статьи печатаются без подписи автора, в виде передовых.

15—16 мая Энгельс пишет статью «Система наемного труда». Статья публикуется в «Labour Standard» 21 мая.

Около 20 мая Энгельс пишет статью «Тред-юнионы», в которой призывает английских рабочих не ограничиваться отстаиванием определенного уровня заработной платы, а, восприняв боевые традиции чартизма и создав свою классовую политическую организацию, вести дело к завоеванию пролетариатом политического господства. Статья публикуется в «Labour Standard» 28 мая и 4 июня.

Июнь Маркс изучает развитие крупной промышленности в США, читает в числе других материалов статьи из выходившего в Бостоне «Atlantic Monthly» («Атлантического ежемесячника») о «Стандард ойл компани», об американской шелковой промышленности и детском труде и др.

Начало июня Маркс порывает всякие отношения с Гайндманом, который сблизился с Марксом и называл себя его учеником из-за честолюбивых карьеристских целей, чтобы стать во главе пробуждавшегося английского рабочего движения. Непосредственным поводом для разрыва послужила брошюра Гайндмана «Англия для всех», претендовавшая служить программой для основанной им Демократической федерации. Эта брошюра представляла собой заимствования из «Капитала» (без упоминания имени Маркса), в сочетании с грубейшими искажениями марксизма.

4 июня Маркс получает письмо от шотландского социалиста Р. Баннера с сообщением о предстоящей конференции шотландских социалистов и просьбой к нему и Энгельсу дать указания относительно организации социалистической партии.

Вторая половина июня Энгельс пишет статьи: «Торговый договор с Францией», «Два образцовых муниципальных совета», «Американские продукты питания и земельный вопрос»; статьи печатаются в «Labour Standard» 18, 25 июня и 2 июля.

Конец июня — около 20 июля Маркс вместе с женой находится в Истборне.

Начало июля Энгельс пишет статью «Теория заработной платы в толковании Лиги против хлебных законов»; статья печатается в «Labour Standard» 9 июля.

Середина июля Энгельс пишет статьи: «Партия рабочих» и «Бисмарк и германская рабочая партия», призывающие английский пролетариат образовать самостоятельную массовую революционную партию, использовать опыт германского рабочего класса, сумевшего в условиях постоянных правительственных и полицейских преследований ус-

	пешно продолжать свою борьбу. Обе статьи публикуются в «Labour Standard» 23 июля.
26 июля — 16 августа	Маркс живет вместе с женой и дочерью Женни в Аржантёй (около Парижа).
28 июля — 22 августа	Энгельс находится в Бридлигтон Кэй (Йоркшир).
Конец июля — первая половина августа	Маркс составляет заметки о земельной собственности, ремеслах, цехах, финансах, о положении крестьян во Франции накануне революции 1789—1794 гг., делает выписки из книги Эд. Флёри «Выборы в Генеральные штаты 1789 г.».
Конец июля	Энгельс пишет статью «Хлопок и железо»; статья печатается в «Labour Standard» 30 июля.
Приблизительно август — сентябрь	Проявляя большой интерес к истории развития и положению колониальных народов, Маркс делает многочисленные комментированные выписки из работ: Дж. Мани «Ява», Дж. Фира «Арийская деревня в Индии и на Цейлоне».
1—2 августа	Энгельс пишет статью «Общественные классы — необходимые и излишние», в которой подводит английских рабочих к выводу, что они сами могут отлично справиться с управлением производительными силами страны — без класса капиталистов; статья публикуется в «Labour Standard» 6 августа.
Между 3 и 8 августа	Маркс в Париже; встречается с Лавровым и Гиршем.
8 и 9 августа	Маркс получает сведения о политических событиях во Франции и положении Рабочей партии от посетивших его французских социалистов Ш. Жаклара и Лиссагаре.
10 и 15 августа	Энгельс в письмах к редактору газеты «Labour Standard» Дж. Шиптону заявляет о прекращении своего сотрудничества в этом органе из-за оппортунистического направления газеты.
17 августа	Маркс возвращается в Лондон.
17—18 августа	Энгельс изучает математические рукописи Маркса и в письме к нему дает высокую оценку открытому им способу дифференцирования.
Приблизительно конец августа — сентябрь	Маркс составляет список имеющихся у него русских книг и источников — главным образом о социально-экономическом развитии России после 1861 г. под названием «Russisches in my bookshelf» («Русское на моей книжной полке»). Читает, делая записи, работу Э. Р. Гюка «Китайская империя».
Около 13 октября — первая половина декабря	Маркс тяжело болен.

Около 24 октября	Маркс получает от гамбургского издателя О. Мейснера предложение подготовить третье издание первого тома «Капитала».
25 октября	Энгельс подробно информирует редактора газеты «Sozialdemokrat» Бернштейна о своем и Маркса отношении к французскому рабочему движению, о раскольнической деятельности во французской Рабочей партии оппортунистов во главе с Малоном и Бруссом; дает яркую характеристику руководящей роли Маркса в международном пролетарском движении.
30 ноября	Энгельс, оценивая очередные выборы в германский рейхстаг, в письме Бернштейну отмечает как положительный факт перемещение центра тяжести социал-демократического и рабочего движения в крупные промышленные города.
2 декабря	Умирает жена Маркса — Женни Маркс.
4 декабря	Энгельс пишет некролог на смерть Женни Маркс, который публикуется в газете «Sozialdemokrat» 8 декабря.
5 декабря	Энгельс произносит надгробную речь на похоронах Женни Маркс; речь публикуется в газете «Egalite» 11 декабря.
29 декабря	Маркс уезжает на лечение на южный берег Англии в Вентнор (остров Уайт).
Приблизительно конец 1881 — конец 1882	Маркс занимается изучением всемирной истории; результатом этого изучения явились «Хронологические выписки» — труд, представляющий собой критический обзор событий европейской истории (начиная с I в. до н. э. по XVII в. н. э.). Главное внимание Маркс уделяет происхождению современных национальных государств в период разложения феодализма и развития капитализма, борьбе буржуазии за установление своего классового господства. При составлении «Хронологических выписок» фактический материал Маркс использует главным образом из восемнадцатитомной «Всемирной истории» Шлоссера, а также из работ Ботта, Коббета, из «Истории государства Российского» Карамзина, «Истории России» Келли, «Истории России и Петра Великого» Сегюра и других источников. Рукопись Маркса составила 4 тетради объемом около 105 печатных листов.
Конец 1881—1882	Маркс составляет «Заметки о реформе 1861 г. и пореформенном развитии России», явившиеся началом систематизации и обобщения изученных источников и литературы о России. Продолжает изучать материалы о развитии капитализма в США.

1882

Январь—декабрь	Маркс уделяет большое внимание появившимся в печати работам о социально-экономических отношениях в России: читает книги В. И. Семевского «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II», т. 1; А. Исаева «Артели в России», Г. Минейко «Сельская поземельная община в Архангельской губернии», В. П. Воронцова «Судьбы капитализма в России» и др.
16 января	Маркс возвращается в Лондон.
21 января	Маркс и Энгельс пишут предисловие к русскому переводу «Манифеста Коммунистической партии», подготовленному Г. В. Плехановым. 5 февраля оно печатается в переводе на русский язык в журнале «Народная Воля».
25 января	Энгельс в письме к Бернштейну дает характеристику так называемым «вождям» в германском рабочем движении, вскрывает причины, порождающие их оппортунизм, указывает на необходимость борьбы с ним; отмечает, что рабочие массы являются самой надежной опорой партии.
Около 5 февраля	Энгельс получает из США от Куно письмо, в котором последний сообщает об успешной пропаганде идей Маркса и Энгельса среди членов массовой рабочей организации Рыцари труда.
9—16 февраля	Маркс, направляясь по совету врачей для лечения в Алжир, останавливается у старшей дочери в Аржантёй.
10 февраля	Энгельс в письме Беккеру указывает, что, несмотря на прекращение деятельности Интернационала, международная солидарность пролетариата поддерживается благодаря связям, существующим между рабочими партиями, что время для возрождения Интернационала еще не настало.
Середина февраля	Маркс встречается в Париже с Гедом, Г. Девилем и Х. Меса, обсуждает с ними положение во французской Рабочей партии.
20 февраля — 2 мая	Маркс находится в Алжире; состояние его здоровья ухудшается. От местного судьи из Гражданского трибунала Ферме (сосланного в свое время Бонапартом), с которым Маркс часто встречается, он получает сведения о системе колониального угнетения арабского населения в Алжире.
10 апреля	После просмотра Энгельс отсылает Лаврову корректуру предисловия к русскому изданию «Манифеста Комму-

нистической партии». «Манифест» выходит в свет в издании «Русской социально-революционной библиотеки» в Женеве в конце мая.

Вторая половина апреля	Энгельс пишет работу «Бруно Бауэр и первоначальнее христианство», содержащую научное освещение вопроса о происхождении и сущности христианства. Работа печатается в газете «Sozialdemokrat» 4 и 11 мая.
2 мая	По совету лечащего врача Маркс уезжает из Алжира через Марсель и Ниццу в Монте-Карло, где живет в течение месяца.
3 мая	Энгельс пишет статью «О концентрации капитала в Соединенных Штатах», которая публикуется в газете «Sozialdemokrat» 18 мая.
14 мая	Энгельс встречается с приехавшим из Германии немецким социал-демократом Зингером, разъясняет ему свою и Маркса позицию в отношении покровительственных пошлин, а также огосударствления железных дорог и других подобных мер, вполне укладывающихся в рамки буржуазного государства и не имеющих ничего общего с социализмом.
Июнь 1882 — январь 1883	Маркс занимается органической и неорганической химией.
Около 3 июня	Энгельс получает от Лаврова только что вышедшее в Женеве русское издание «Манифеста Коммунистической партии».
3—5 июня	Проездом из Монте-Карло в Аржантёй Маркс останавливается на три дня в Канне.
6 июня — 22 августа	Маркс живет у своей дочери Женни Лонге в Аржантёй, где проходит курс лечения; Маркс часто встречается с Лафаргом.
20 июня	Энгельс информирует Зорге о положении дел в германской социал-демократической партии, дает характеристику правооппортунистического направления в партии.
21 июня	В письме к Бебелю Энгельс обещает свою и Маркса поддержку в борьбе с правыми элементами в германской социал-демократической партии; информирует его о расколе, происшедшем во французской Рабочей партии.
25 июля	Энгельс дает немецкому социал-демократу А. Гепнеру, эмигрировавшему в США, свое и Маркса разрешение на стереотипную перепечатку в США их произведений.
31 июля	Энгельс благодарит Лаврова за присылку русского издания «Манифеста Коммунистической партии».

2 августа	Маркс встречается у Меса в Париже с Девилем, Гедом и Лафаргом.
11 августа — 8 сентября	Энгельс отдыхает на побережье в Ярмуте.
23—27 августа	Маркс с дочерью Лаурой Лафарг находятся в Лозанне.
27 августа — 25 сентября	Маркс живет в Веве.
Сентябрь — октябрь	Маркс читает, делая свои замечания и пометки на полях, книгу А. Н. Энгельгардта «Из деревни, 11 писем (1872—1882)».
Начало сентября	Энгельс переводит с английского на немецкий язык стихотворение «Брейский викарий» и пишет пояснение к нему о политическом значении этого стихотворения для Германии; перевод и добавление к нему печатается в газете «Sozialdemokrat» 7 сентября.
12 сентября	Энгельс формулирует в письме к К. Каутскому свою точку зрения на колониальный вопрос, на политику пролетариата в отношении народов колониальных и зависимых стран после прихода его к власти.
14 сентября	Энгельс приступает к подготовке первого немецкого издания «Развития социализма от утопии к науке». Он решает написать для данного издания специальный очерк о марке с целью ознакомления социал-демократической партии с историей возникновения и развития земельной собственности в Германии и обратить тем самым внимание партии на необходимость привлечения на свою сторону сельскохозяйственных рабочих и крестьян.
Вторая половина сентября — первая половина декабря	Энгельс в связи с работой над «Маркой» вновь перечитывает и делает комментированные выписки из работ Маурера «Введение в историю маркового, подворного, сельского и городского устройства и публичной власти» и «История маркового устройства в Германии»; сравнивает данные Маурера с другими источниками.
21 сентября	Энгельс, закончив в основном подготовку текста первого немецкого издания «Развития социализма от утопии к науке», пишет предисловие к нему. Работа выходит в свет в конце 1882 года.
26 сентября	Перед отъездом из Швейцарии Маркс навещает И. Ф. Беккера в Женеве.
28 сентября — начало октября	На обратном пути в Лондон Маркс проводит несколько дней в Аржантёй.
Октябрь—ноябрь	Маркс изучает историю первобытной культуры, читает,

делая выписки, работу Д. Леббока «Начало цивилизации и первобытное состояние человека»; знакомится с финансовой политикой Англии в Египте, читает, конспектируя, работы Дж. Малхолла «Египетские финансы» и Ш. Эймоса «Ограбление египтян».

20 октября Энгельс в письме редактору газеты «Sozialdemokrat», сообщая о состоянии французского рабочего движения, о расколе во французской Рабочей партии, делает ряд обобщений о развитии пролетарских партий в условиях капитализма, о борьбе в них двух тенденций — революционной и оппортунистической.

28 октября Энгельс в письме Бебелю характеризует правое крыло германской социал-демократической партии, сообщает свой взгляд на возможный ход революции пролетариата; анализирует события внутри французской Рабочей партии.

30 октября 1882— 12 января 1883 Маркс живет в Вентноре; работает над подготовкой третьего немецкого издания первого тома «Капитала».

30 октября — 3 ноября Энгельс добивается от редакций центральных органов германской социал-демократической партии и французской Рабочей партии регулярного обмена газетами, чтобы каждая из них имела правильное представление о событиях, происходящих в Германии и во Франции, в особенности о рабочем и социалистическом движении.

Конец октября Энгельс пишет статью «О том, как Пиндтер плетет небылицы», в которой разоблачает клеветнические измышления бисмарковского органа — газеты «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» («Северогерманской всеобщей газеты»), направленные против социал-демократической партии; статья печатается в газете «Sozialdemokrat» 2 ноября.

Ноябрь Маркс, внимательно следивший за производимыми М. Депре опытами передачи электрической энергии на большие расстояния, обращает внимание Энгельса на эти опыты и запрашивает его мнение; читает книгу Л. Оспиталье «Основное применение электричества».

4 ноября Энгельс в письме редактору газеты «Sozialdemokrat» заявляет, что считает несвоевременной (до отмены исключительного закона против социалистов) намечавшуюся руководством германской социал-демократической партии кампанию за изменение программы.

11—23 ноября Маркс и Энгельс обмениваются мнениями о положении Рабочей партии во Франции, критикуют Геда и Лафарга за допущенные ими в борьбе с поссибилистами тактические ошибки.

23 ноября Энгельс в письме Марксу высказывает намерение завершить в скором времени работу над «Диалектикой

природы», важнейшим теоретическим трудом, над которым он работал с перерывами около десяти лет. (За это время было написано десять глав и около 170 заметок и фрагментов.)

8 декабря Маркс через Энгельса советует редакции центрального органа германской социал-демократической партии выступить с разоблачением вагнер-бисмарковского государственного «социализма», использовав для начала материалы об обращении с рабочими в прусских государственных рудниках.

Первая половина Энгельс заканчивает работу по написанию «Марки» и *декабря* посылает ее Марксу для просмотра перед сдачей в набор.

17 декабря Маркс читает рукопись «Марки» и в письме Энгельсу дает ей высокую оценку. «Марка» публикуется в качестве приложения к немецкому изданию книги «Развитие социализма от утопии к науке», вышедшему в свет в апреле 1883 г., в том же году работа перепечатывается в газете «Sozialdemokrat» (март — апрель) и издается в виде отдельного оттиска под заглавием «Немецкий крестьянин. Чем он был? Что он есть? Чем он мог бы быть?»

1883

12 января Маркс, получив известие о смерти своей дочери Женни Лонге, последовавшей 11 января, возвращается в Лондон; состояние его здоровья резко ухудшается.

13 января Энгельс пишет некролог, посвященный дочери Маркса, «Женни Лонге, урожденная Маркс». Некролог печатается в газете «Sozialdemokrat» 18 января.

8 и 10 февраля Энгельс разъясняет в письмах Бернштейну роль биржи в централизации и концентрации капитала.

1 марта Энгельс в письме редактору газеты «Sozialdemokrat» отмечает огромное значение электрической энергии для дальнейшего развития промышленности и в конечном итоге для устранения противоположности между городом и деревней.

14 марта (2 часа 45 минут) Смерть Карла Маркса.

14—15 марта Энгельс сообщает деятелям международного рабочего движения (Либкнехту, Бебелю, Беккеру, Зорге и др.) о великой утрате, понесенной международным пролетариатом со смертью Маркса.

17 марта Похороны Карла Маркса на Хайгетском кладбище в Лондоне. Энгельс произносит надгробную речь, в которой характеризует всемирно-историческое значение

	теоретического наследства и практической революционной деятельности основоположника научного коммунизма.
Около 18 марта	Энгельс пишет статью «Похороны Карла Маркса», которая публикуется в газете «Sozialdemokrat» 22 марта.
Апрель — май	Энгельс прерывает свои научные исследования и приступает к работе над литературным и рукописным наследством Маркса; просматривает рукописи второго и третьего томов «Капитала»; продолжает работу Маркса по подготовке третьего издания первого тома «Капитала».
28 апреля и 12 мая	Энгельс пишет статью «К смерти Карла Маркса», в которой сообщает о последнем периоде жизни Маркса, о полученных из разных стран мира телеграммах с выражениями соболезнования. Статья публикуется в газете «Sozialdemokrat» 3 и 17 мая.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Б

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

Й

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

429, 432, 435.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

УКАЗАТЕЛЬ
ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

А

Б

* В скобках указывается название, данное на современных картах. В тех случаях, когда из текста не ясно местонахождение того или другого пункта, дано краткое пояснение. *Ред.*

В

Г

Д

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ, ПРИВОДИМЫЕ В ЛАТИНСКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ В РАБОТЕ Ф. ЭНГЕЛЬСА «ФРАНКСКИЙ ПЕРИОД»

Z

СОДЕРЖАНИЕ*

* Заглавия статей, данные Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, отмечены звездочкой. *Ред.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Том подготовлен к печати *Р. П. Конюшей*

Помощник подготовителя *К. В. Соловьева*

В работе над справочным аппаратом

принимали участие

А. Д. Иконникова и *Е. М. Овсянникова*

Редактор *Н. Б. Тер-Акопян*

Технический редактор *Ц. Л. Бейлина*

Корректоры *Н. А. Жигальцова* и *М. М. Шустерман*

*

Сдано в набор 16/IX 1960 г. Подписано

к печати 3/III 1961 г. Формат $60 \times 92^{1}/16$.

Физ. печ. л. $43^{3}/_{4}$ *+ 2 вклейки* ($^{3}/_{8}$ *п. л.*).

Условн. печ. л. 44,125. Уч.-изд. л. 41,79.

Тираж 130 тыс. экз. Заказ № 1274.

Цена 1 руб.

*

Государственное издательство
политической литературы.
Москва, А-47, Миусская пл., 7.

*

Ленинградский Совет народного
хозяйства. Управление
полиграфической промышленности.

Типография № 1 «Печатный Двор»
имени А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26